Тетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 2 2019]

Ю.Ф. Самарин
200 лет со дня рождения

фонд ИСЭПИ
Институт социально-экономических и политических исследований

Альманах

[Июнь 2019 г.]

фонд ИСЭПИ
Институт социально-экономических и политических исследований

Самарин
Юрий Федорович
(1819–1876)

[Июнь 2019 г.]

Тетради по консерватизму

[№ 2 2019 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)
2019

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология, 09.00.00 – Философские науки.

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мощелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянц.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 2. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019. – 432 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» приурочен к 200-летию со дня рождения одного из лидеров «русского направления» 1860-х–1890-х годов, яркого представителя славянофильского идейного течения Юрия Федоровича Самарина (1819–1876). Провидчески предвидя многие опасности, стоявшие перед российской государственностью и реализовавшиеся впоследствии, Ю.Ф. Самарин не только стоял у поворота русской мысли к своим корням, но и выдвинул теорию здравого политического консерватизма, подразумевавшую позитивно-критическое отношение к действиям власти с консервативно-«хранительных» позиций.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации Альманах “Тетради по консерватизму”», 2019
© Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019

Содержание

Л.В. Поляков
Слово к читателю
9

Раздел первый

В борьбе за «русскую Россию»

А.Э. Котов
«Закон всякого прочного развития»: Ю.Ф. Самарин – основоположник «русского направления»
13

А.А. Ширинянц
«Патриотический труд» Ю.Ф. Самарина
22

И.Н. Тяпин
«Русский Фихте». Актуальность философии национального сознания Ю.Ф. Самарина
35

Д.А. Бадалян
Ю.Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией».1840–1870-е годы
41

И.В. Логвинова
Ю.Ф. Самарин, М.П. Погодин, С.П. Шевырёв и идея народности
68

Ф.И. Гиренок
Самарин: поворот русской мысли к своим корням
74

Раздел второй

Славянофильство – деятельный консерватизм

Э.А. Попов
Генезис и становление русского национализма в консервативной традиции: место Ю.Ф. Самарина
83

М.А. Саевская
Ю.Ф. Самарин и дискуссия о всесословном земстве в трудах русских консерваторов пореформенной России
93

В.А. Дёмин
Взгляды Ю.Ф. Самарина на народное представительство в контексте славянофильской и либеральной политической мысли России
102

Е.В. Перевалова
«Русская беседа» и «Русский вестник» (к вопросу о причинах неудачи издательского проекта славянофилов)
110

Л.В. Ульянова
Департамент полиции и славянофильский политический дискурс
123

А.Е. Гребенщиков
Адмирал А.С. Шишков: предтеча славянофилов
137

Раздел третий

Прошлое как современность

А.Б. Панченко
Модель национального государства Ю.Ф. Самарина: между архаикой и модерном
149

Г.В. Талина
«Самодержавная монархия»: теоретический концепт Ю.Ф. Самарина и историческая реальность
156

А.И. Любжин
Урок анатомии доктора Самарина
167

С.В. Перевезенцев
«Богом утвержденный государю…»
Образ государя в сочинениях конца XV–XVII веков
173

Раздел четвертый

Духовная крепость

Л.Е. Шапошников
Философско-педагогические взгляды Ю.Ф. Самарина
209

В.А. Щипков
Отношение к категориям религиозного и светского у основоположников славянофильства (Киреевский, Хомяков, Самарин)
219

А.Л. Беглов
Семейство Самариных и приходский вопрос в Российской империи. 1860–1910-е годы
235

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)
К историософским построениям Ю.Ф. Самарина: литературный миф про епископа Ростовского Феодора
247

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)
Повседневность, пища и вера К тезису Ю.Ф. Самарина о «формализме» допетровского периода церковной жизни
268

Раздел пятый

Самарин: личность,современники, наследники

А.А. Тесля
Письма Юрия Федоровича Самарина к графине Марии Федоровне Соллогуб (1864–1876)
283

А.А. Попов
«Люди сороковых годов»: Ю.Ф. Самарин и А.И. Герцен
358

Г.Н. Лебедева
Властители дум: М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин и Ф.И. Буслаев как выразители своего поколения
369

М.В. Медоваров
Память о Ю.Ф. Самарине и его наследии в последней четверти XIX – начале XX века: конструирование образа мыслителя
381

К.А. Соловьев
Политическое учение Федора Самарина
391

М.Д. Марей
«Я не вижу причины менять свою точку зрения»: Ф.Д. Самарин о Земском соборе и идее Представительства
399

С.И. Скороходова
«Сила Моя совершается в немощи»: болезнь и кончина Ю.Ф. Самарина
412

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-9-10

Леонид Поляков

Слово к читателю

Юрий Федорович Самарин – фигура в славянофильском лагере особенная. Эту особость ясно определил Иван Сергеевич Аксаков в речи, посвященной его памяти, произнесенной в заседании Славянского общества 18 апреля 1876 года. Во-первых, «Юрий Федорович Самарин был из сонма тех трех, которые в истории русского общества осуществили тот умственный и нравственный процесс, что зовется славянофильством». Этот сонм: Алексей Хомяков, Константин Аксаков, Юрий Самарин.

Во-вторых, о Самарине можно было бы отдельно говорить как о писателе, публицисте, мыслителе, гражданском деятеле, даже как о «либерале и демократе»! Но не «на части» разобранный, а «цельный» образ Самарина вызвал в русском образованном обществе ощущение тяжелой утраты и ясное осознание величия этого человека.

«Это был, – говорил Иван Аксаков, – человек – *земли, земский*, где бы ни действовал он, хотя бы в разрешении вопросов и дел государственного свойства. Власть и почесть государственные не имели для Самарина никакой цены. Русская земля, в лице своего образованного общества, угадала чутко его земское значение, признала его своим. Его голос был голос земщины – свободной, с государством союзной, но независимой».

Может показаться, что нетрудно было в александровское двадцатилетие с 1856 по 1876 год зарекомендовать себя «свободным» и «независимым». И что эталоны этих качеств надо было бы искать скорее в противоположном лагере, условно говоря, «нигилистов», вроде, например, Дмитрия Писарева. Но ведь одно дело писать статьи в «передовых» журналах с призывом «крушить» всё подряд. И совершенно другое – писать статьи и книги, с тем чтобы самому себе и своим читателям дать ясное понимание происходящего в России эпохи радикальных реформ. И на основе этого понимания предлагать средства защиты и углубления реформаторского курса Александра II, начатого Манифестом 19 февраля 1861 года об отмене «крепостного права».

Как ни странно, но именно эта задача – удержание первоначальной цели всего комплекса реформ, а именно: предоставление обществу максимума возможностей для свободного развития – оказалась самой трудной. Ведь реформаторский курс изначально имел свой предел, обозначенный еще Н.М. Карамзиным. Реформируйте как хотите и что хотите, говорил он в своей знаменитой «Записке о древней и новой России», адресованной императору Александру I еще в 1811 году, но только так, чтобы «Палладиум России» – самодержавие – осталось в неприкосновенности.

И вот именно этот завет отца-основателя российского консерватизма и оказался тем «пробным камнем», на котором Самарину довелось проверять себя как мыслителя и общественного деятеля, действительно свободного и независимого. Дважды ему пришлось столкнуться с монаршим «неудовольствием» по поводу его действий и мнений. Первый раз в 1848 году из-за книги «Письма из Риги», в которой он как добросовестный

чиновник по особым поручениям при Министерстве внутренних дел объективно описал картину «немецкого засилья» в Остзейском крае.

Николай I выдержал Самарина двенадцать дней в Петропавловской крепости, вызвал затем на личный допрос и заявил, что его сочинение – похуже восстания декабристов. Совсем как бабка Государя Екатерина II сочла Александра Радищева за его «Путешествие из Петербурга в Москву» «бунтовщиком хуже Пугачева». С той разницей, что ее внук Самарина простил.

Через двадцать лет уже правнук императрицы – Александр II – выразил Самарину свое «высочайшее неудовольствие» за книгу на те же темы «немецкого засилья» через московского генерал-губернатора. Документ был зачитан без позволения видеть сам текст, снять копию или сделать выписки. Но, поняв общий смысл обвинений, Самарин добился разрешения направить оправдательное письмо Государю.

Основное обвинение, писал Юрий Федорович, состояло в том, что, «порицая некоторые действия главных начальников Прибалтийского края, я подрывал доверие к правительству и тем самым косвенно касался авторитета Верховной Власти».

Ответом на это обвинение стала самаринская «*теория здравого политического консерватизма,* выразившаяся во всей нашей истории и единственно возможная в наше время». Ее суть проста: правительство и Император – не одно и то же. Деятельность правительства может быть ошибочной, как и действия любого правительственного чиновника. «Допуская добросовестную критику, – отвечал Государю Самарин, – сама Верховная Власть заявляет не только словом, но и делом, что нет ее одобрения на действия, хотя бы и прикрытые ее именем, но противные правде и не согласные с общею пользою».

Распространенная при жизни Самарина его характеристика как «либерала и демократа», упомянутая нами в начале, явно должна быть исправлена хотя бы в первой части. А что касается второй, то, пожалуй, ее можно оставить. Потому что в полемике с «революционным консерватизмом» Ростислава Фадеева славянофильский «демократизм» Самарина проявился весьма рельефно и вполне органично.

В своей книге «Русское общество в настоящем и будущем» Р. Фадеев предложил отказаться от принципа всесословности, заложенного в земскую реформу, в пользу предоставления дворянству как особому «культурному» сословию руководящей роли во всех земских (губернских, уездных и даже волостных) учреждениях. Автор мотивировал свое предложение тем, что так дело обстоит во всех странах: везде верхний тонкий «культурный слой» сдерживает нижнюю «стихийную массу» и тем самым удерживает общество от распада и хаоса.

Усмотрев в этом проекте покушение на самую суть реформаторского курса Александра II – на широкое развитие начал земского, народного, крестьянского самоуправления, – Самарин заключил, что это «программа исподволь подготовляемой ***революции***, притом революции худшего свойства, вызванной каким-то, на мой взгляд, незаслуженным недоверием к обществу и к учреждениям, которыми оно наиболее дорожит».

Как выяснилось позднее, изложенные Фадеевым идеи нашли благоприятную почву в «правительственных кругах», а убийство императора в марте 1881 года стало отправной точкой курса на сворачивание земских свобод. Но Самарин уже не мог этому воспрепятствовать. И вряд ли бы смог, даже если бы судьба отмерила ему еще минимум пять лет жизни. Несомненно, однако, то, что «неисправимый славянофил» делал бы все возможное и невозможное, чтобы земские свободы отстоять. Во имя «здравого политического консерватизма». И против любых революций.

В борьбе за «русскую Россию»

Раздел первый

А.Э. Котов
«Закон всякого прочного развития»: Ю.Ф. Самарин – основоположник «русского направления»

А.А. Ширинянц
«Патриотический труд» Ю.Ф. Самарина

И.Н. Тяпин
«Русский Фихте». Актуальность философии национального сознания Ю.Ф. Самарина

Д.А. Бадалян
Ю.Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией». 1840–1870-е годы

И.В. Логвинова
Ю.Ф. Самарин, М.П. Погодин, С.П. Шевырёв и идея народности

Ф.И. Гиренок
Самарин: поворот русской мысли к своим корням

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-13-21

Александр Котов

*«Закон всякого прочного развития»: Ю.Ф. Самарин – основоположник «русского направления»**

Ю.Ф. Самарин был подлинным основателем «русского направления» 1860-х – 1890-х годов, а в каком-то смысле и всего русского политического модерна. По словам И.С. Аксакова, «Самарин был человек едва ли не самый свободный, самый независимый духом в России, несмотря на то, или точнее: именно потому, что он не был и не мог быть революционером, что он был врагом всякого насильственного посягательства на свободу органического развития, что, не отделяя себя от народа и уважая политические формы его бытия, выработанные народу его историей, он в самом подчинении им умел сохранить всю полноту человеческого достоинства, всю неприкосновенность той личной нравственной и гражданской свободы, которая не может быть отнята у человека никаким законом и никакой властию. В область гражданской деятельности и отношений он вносил те же нравственные требования, которые считал для себя обязательными и в частной жизни. Он не отделял понятия о *праве* от понятия от *обязанности*, и не будучи либералом в пошлом истасканном смысле этого слова, он с какою-то расточительностью личного труда, до изнеможения сил, работал над созданием русской гражданской свободы, полагая ей в основу личный подвиг общественного служения, исполнение личного гражданского долга, во всем его объеме и святости. Потому что, по его понятиям, свобода зиждется и упрочивается только на нравственной почве, потому что свобода, как и царствие Божие, *нудится*...» [6, с. 333].

Заслуживает внимания и характеристика не любившего Самарина лично и не разделявшего его воззрения кн. В.П. Мещерского: «Умение ненавидеть политическою ненавистью я встречал только в двух людях, в одинаковой мере, но в совершенно противоположных образах мыслей: это в Ю.Ф. Самарине и Ф.М. Достоевском» [3, с. 384]. Мещерский видел в Самарине прежде всего революционера-разрушителя: «Самарин в своих творениях ничего не задумывал, ничего не создавал, ничего не проектировал во имя любви к России. Это была отличительная черта самаринской умственной деятельности. Он не ненавидел из любви к тому, что так страстно, казалось, отстаивал, но ненавидел он прямо в удовлетворение его критического ума известные предметы ненавидеть <…> И Хомяков, и Аксаковы жили больше сердцем, чем умом, в своем духовном мире славянофилов, а Самарин пребывал в нем только своим холодным умом, и потому в ореоле большей против них умственной силы он царил над ними своим холодным, критическим разумом, подсмеивался над их увлечениями сердца и держал их в каком-то страхе и духовными

*Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации МД-5387.2018.6. Тема: «Российская консервативная печать 1860-х – 1890-х годов в борьбе с революционным и национальным радикализмом».

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, доцент Института истории СПбГУ. E-mail: a.kotov@spbu.ru

рабами пред собою <…> Это диктаторство Самарина в области крестьянского вопроса, во имя ненависти к дворянству, брало свою причину бытия не только в том, что Самарин был умнее всех других его товарищей по делу, но и в том, что он изображал собою, кроме либерала, крупного помещика… Этот факт придавал ему значение эксперта и авторитета практического для тех, которые не желали увлекаться одною либеральною идеею эмансипации. А другой элемент, дававший силу антидворянскому диктаторству самаринского ума, было тогдашнее поклонничество либеральным идеям <…> Сила самаринской ненависти к дворянству, о которую, как о бездушную скалу, разбивались все ответные голоса одиноких людей, просивших у правительства более беспристрастия и немного сердца в пользу помещиков, заключалась именно в том, что эта ненависть находила сочувствие во всех либеральных лагерях» [3, с. 472–473].

Своеобразным синтезом вышеизложенного является характеристика, данная Самарину его биографом Б.Э. Нольде – либеральным конституционалистом, не разделявшим, подобно Мещерскому, самаринских взглядов на дворянство. В середине 1920-х Нольде увидит в Самарине представителя «того поколения людей, с которых начинается современная Россия» [4, с. 11] и сумеет оценить значение деятельности этого самого «холодного» из славянофилов: «Юрий Самарин в полном смысле этого слова предуказал вперед на полвека исторические пути России и Польши, со всеми многообразными и громадными по своему значению последствиями новой политики для обеих стран и для всей Европы» [4, с. 185]. По мнению биографа, «вся деятельность Александра III: упразднение старых балтийских судов, обрусительная школьная политика, превращение Дерпта в Юрьев и Дерптского университета в Русский университет, появление в Прибалтийском крае таких фигур, как Шаховской, – есть не что иное, как осуществление программы, с такой энергией и страстностью построенной Юрием Самариным. А через Александра III издали просвечивают и будущие республики Латвия и Эстония» [4, с. 220].

По мнению Нольде, именно опыт службы в Прибалтике и сформировал самаринские политические взгляды: «Сделав из Самарина политического деятеля, балтийский опыт был для него действительно “школой”, ибо под его влиянием сложились окончательно некоторые коренные его политические убеждения: отрицание конституционализма и вера в социальную монархию, монархию, служащую народным массам» [4, с. 47]. Именно в остзейском опыте Самарина корни того, что «Весть» называла «цезаризмом»: «На всю жизнь вынес Самарин из этого анализа правовой борьбы за рижские хартии политических вольностей величайшее недоверие к формальным ограничениям верховной власти. Для него конституционализм навсегда сохранил привкус сословности и “плутовства” высших классов в ущерб низшим» [4, с. 50].

Биограф не мог не отметить свойственной Самарину основательности, логичности и последовательности: «У Самарина был прием борьбы, к которому он много раз обращался. Он давал себе труд изучить спорный вопрос досконально, и тогда, при его красноречии и диалектике, все то, что его противниками по привычной лени бралось больше темпераментом и настроением, рассеивалось как дым» [4, с. 227]. Отличительной особенностью Юрия Федоровича была и тесная связь между словом и делом: «Самарин был так устроен, что всякое проявление его активности укладывалось сразу же в рамки внутреннего порядка и логики» [4, с. 22]. Все эти качества традиционно ассоциируются с немецким национальным характером – и эта параллель, сознаваемая и самим Самариным, является неотъемлемой чертой многих его психологических портретов: «Он был человеком глубокой внутренней дисциплины и сильной воли. Попадая в Германию или изучая германские учреждения, он чувствовал себя в атмосфере, которая давала ему то, чего ему так не хватало в родной стране» [4, с. 136].

Именно эта «немецкая» рациональная последовательность удержала Самарина от оппозиционности и продиктовала ему ту тактику политической борьбы, которой пользовались его оппоненты. В мае 1861 года он писал И.С. Аксакову: «Не постигаю, как ты до сих пор не убедился, что первое и самое существенное условие всякой практической деятельности заключается в умении держаться твердо своих убеждений, как бы радикальны они ни были, и в то же время понимать, что осуществление их возможно только путем целого ряда сделок с существующим порядком вещей. Я знаю, что путь этот очень труден и не привлекателен; он усеян терниями, завален грязью, сором, тянется закоулками, не прямою линиею, а зигзагами; ступив на эту дорогу, надобно обречь себя на черную, скучную, самую невидную работу и отказаться от поэтических порывов, драматических исторических минут, от картинности, еффектов и т.п. Но что же делать? Таков закон всякого *прочного* развития, побеждающего *окончательно* и *безвозвратно* то, что лежит на пути его. Пожалуй, гораздо приятнее брякнуть какую-нибудь declaration des droits de l'homme, да ведь за нею стоит Наполеон и прежний деспотизм в той или другой форме. Ваша милость этого знать не хочет. Вы, литераторы и издатели газет или кандидаты на издатели, пожалуй, преклоняетесь перед законами филологии, а до законов сословного и общественного быта, финансовых и административных, Вам нет дела.... А чтоб подчас Вас не смущала совесть за такое сознательное невежество, Вы придумали для себя бессмысленную терминологию, которая от собственных Ваших глаз скрывает сущность дела. Например: обрезывать свои требования в меру возмужалости в настоящую минуту – это значит, на Вашем языке: *угождать Петербургу* и т.д. Вы рассуждаете так: подавай нам всё, <...> и подавай сейчас, без труда, без хлопот, без борьбы и переходных сделок, чтоб оставалось только восхищаться и гладить себя по животу, или – нам ничего не нужно. Так рассуждают нервные женщины и избалованные дети, а в Вас это говорит просто-напросто дворянская лень. Ваше отвращение к так называемым полумерам, сделкам и т.п. есть не что иное, как инстинктивное отвращение к русскому процессу вырабатывания положительных результатов» [6, с. 97].

Неприятие Самариным конституционализма, как нам представляется, также во многом было следствием его холодной логичности, понимания того, что «наша современная деятельность не только не переливает через края, в которых она заключена, а совершенно наоборот, далеко еще не наполнила отведенного ей простора» [4, с. 194]. Разумеется, жестокостью эта холодность не была – не случайно защищавшая остзейцев баронесса фон Раден, которую задевали антинемецкие выпады её корреспондента, могла всё же отвечать ему: «Вы еще не поняли, что я заранее принимаю все выпады искусного фехтовальщика, потому что я *верю*, что *шпагу не опускали в яд краснокожих* и что человек выздоравливает или беззлобно умирает от открытых ран» [11, с. 190]. «Яд краснокожих», в который позднее окунали свои перья представители «боевой публицистики» XX века, Самарину и в самом деле был чужд. Его публицистика – орудие поединка, но не уничтожения или расчеловечивания соперника: «Мы переживаем важнейший момент *борьбы*, перед нами противники, а не *обвиняемые*. Речь идет о борьбе, а не о вынесении приговора. Если бы мне пришлось дожить до времени суда, мой язык переменился бы» [11, с. 119].

Впрочем, переписка Самарина с Э.Ф. фон Раден – пример диалога не только сторонников двух различных взглядов на русский вопрос, но и носителей схожего типа религиозности. Не будучи протестантом, Самарин тяготел именно к протестантизму: «Что касается меня, я предпочитаю гимн образу и лучше понимаю философскую формулу, чем легендарный рассказ, а потому всегда желал Церкви, к которой я принадлежу, не резкого разрыва с прошлым, а спонтанного пробуждения разума, создавшего протестантскую жизнь» [11, с. 241]. Протестантские тенденции в самаринской религиозности, как ни странно, были продиктованы именно его консерватизмом: «формально правильный силлогизм» для него всегда требует проверки «живой жизнью», а значительная часть современников-

консерваторов оказываются латентными революционерами [8, с. 10]. Не случайно в 1861 году Юрий Федорович напишет И.С. Аксакову следующие строки: «Хомяков говорит, между прочим, о необходимости соглашения преподавания Закона Божия с действительным исполнением православного обряда, о том, что ученики в школах должны поститься и соблюдать праздники, и проч. Всё это, разумеется, справедливо, но таково печальное положение дел в России, что всякое доброе дело, упадающее на общественную почву, взойдет и расцветет непременно каким-нибудь репейником… Теперь у нас министр Путятин, уже предлагавший в проэкте устава морского корпуса заставлять кадетов говеть четыре раза в год и склонный к тому, чтобы подчинить воспитание казенно-духовному надзору высшей иерархии. Советы Хомякова, не переваренные, как следует, слабым умственным желудком министра, подействуют на него как масло, подлитое в огонь!» [6, с. 108].

Впрочем, протестантские тенденции в той или иной степени были свойственны всему славянофильству – точно так же, как и тенденции антисословные. Сам принадлежа к дворянскому сословию, Ю.Ф. Самарин вполне обладал обаянием «аристократа, идущего в демократию». Объект его критики – сословные привилегии остзейских немцев, сохраненные в свое время Петром Великим и «под сенью дружеских штыков» дожившие до Великих реформ. В письмах к Э. фон Раден Самарин осуждает всякую привилегию: «Тот, кто заявляет о привилегии, говорит об исключении из общего закона, о покровительстве или льготе об одних, о бремени или ограничении большинства» [11, с. 39]. И именно большинство оказывается объектом его защиты: «С одной стороны немцы, die von gutter deutscher Nation sind [доброй немецкой нации – *нем.*], это привилегированные. Что же вы находите с другой стороны? Это не русские, не финны, это совокупность тех, кому Провидение отказало в праве родиться немцами» [11, с. 40].

Пользуясь поддержкой имперской петербургской бюрократии, остзейцы успешно отстаивали свои привилегии. Однако в масштабах всей империи подобная «цветущая сложность» только усугубляла бюрократический произвол – и сами немцы этим пользовались. «Вы нас попрекаете в том, что мы домогаемся покровительства Цезаря. Полноте! – писал Самарин баронессе фон Раден. – Это Ваши укрываются под его крыло, и острие его меча они направляют против нас» [11, с. 92]. В 1872 году Юрий Федорович прибавит к этому: «Чтобы быть уверенным в возможности сопротивляться у себя, по привычке осуждают любое сопротивление в Петербурге, яростно его пресекают повсюду, где оно, как кажется, может возникнуть за пределами провинций» [11, с. 226].

Остзейские немцы были лояльны Российской империи и ее Государю, но не русскому народу. С объединением же Германии они получили еще один вероятный центр притяжения. Как следствие, сословное начало приобретает у Самарина этническое измерение. Прибалтийские рыцари, по его убеждению, требуют «привилегии расовой» [11, с. 40]: «Оторванная навсегда от великого германского ствола, немецкая колония, управляющая тремя провинциями, не желает ни поднять до своего уровня массу undeutsche, ни снизойти до примирения с нами» [11, с. 51]. Подобное соединение национального с социальным было свойственно и другим славянофилам.

Со своей стороны, баронесса фон Раден была убеждена в возможности «взаимного влияния между нашими двумя расами» [11, с. 90]. Она считала, что немецкое рыцарство нужно России, что демократическая славянская стихия нуждается в «оформляющем» и сдерживающем ее начале: «Я никогда не рассматриваю провинции иначе, как балласт (я бы сказала – необходимый?) для великого славянского корабля, рассекающего бурные волны эпохи с дерзостью, близкой к отваге» [11, с. 55]. Этот довод в предельно деликатной форме воспроизводил аргументацию других сторонников сословно-имперской модели российской государственности, куда более активно искавших балласт для ограничения славянской «дерзости», – например, барона Ф.И. Фиркса, под псевдонимом «Шедо-Феротти»

призывавшего самодержавие сохранять привилегии рыцарей и панов, а шаги русской власти навстречу русским же крестьянам расценивавшего как потакание революции.

Признавая добросовестность своей собеседницы, Юрий Федорович в письме к ней полемизирует скорее с Шедо-Феротти (которого Д.И. Писарев тогда же назвал «публицистом III отделения» [7, с. 120]): «Во главе государства, лишенного национальных особенностей, Вы увидите выдающуюся личность государя, который, уступая желанию быть обожаемым своей русской семьей в качестве законного отца, далек от того, чтобы отдать ей свою душу и тело, но готов оставить за собой преимущество властвовать сверх того над полудюжиной других семей немецкого, польского и даже черкесского происхождения. Это можно было бы назвать многоженством, поднятым на уровень долга и возведенным в политическую систему» [11, с. 60]. Позднее Самарин разовьет эту мысль в цикле статей, направленных против газеты «Весть». Но в переписке с баронессой иногда звучат даже более яркие и емкие формулировки. Так, наднациональная имперская модель для Самарина – «это лезвие бритвы, прошедшее между сердцем и головой нации, это яд, впрыснутый в самые чувствительные нервные волокна общества, разлагающее вещество, не менее опасное, чем пропаганда Герцена, быть может, единственное разлагающее вещество, которого нам надо страшиться» [11, с. 61].

Был и иной «новый яд», об опасности которого Самарин заговорил одним из первых – это отравлявший молодой германский рейх яд национального самопревознесения. Предтеча русского модерного национализма в 1870 году размышлял о ходе франко-прусской войны: «…нельзя не распознать в упоении прусским триумфом фальшивые ноты, режущие слух. Преклонение перед силой начинает преобладать над культом свободы – этот симптом нам известен, новый деспотизм в зародыше… Концентрация сил, подобная той, что произошла в Пруссии, *порождает* войну, а не ждет ее. Расовые столкновения, как в V-м веке при наличии железных дорог, телеграфов и пулеметов – вот что, видимо, приготовило для нас будущее… Не был бы этот триумф началом конца Германии, которую мы любим! Мне не кажется невозможным, что в конечном счете, останутся только два немца старого закала: прежде всего Вы, а потом уж и Ваш покорный слуга» [11, с. 192–193].

Понимая и принимая опасения собеседника, Эдита Федоровна выражала тем не менее надежду на здоровую природу национального пробуждения: «Немецкая *школа* тщетно напрасно блуждает в облаках умозрительных построений, когда при новости о первой решительной победе пятьдесят тысяч человек, собравшихся перед замком на Unter den Linden, дружно запевают: “Eine fest Burg ist unser Gott” – в *этом* секрет триумфа, в этой живой вере, которая может заблуждаться, может, к сожалению, сбиваться с пути, но которая утверждает свое реальное существование самими своими ошибками и которая побуждает все умы, жаждущие истины» [11, с. 187–188].

Вопреки всему своему демократизму Юрий Федорович не доверял этому «восстанию масс» и пророчески видел в нем залог будущего «коричневого большевизма», а равно и неизбежного тотального ему противостояния: «…этот конфликт преобразился в борьбу между двумя племенами, и это более не эпизод, не стычка, не столкновение передовых частей, опережающее великий день. Вот что озлобляет и делает неразрешимыми самые простые и самые ничтожные вопросы… Вся Германия это слишком хорошо чувствует и готовится, и только мы одни, кажется, ничего не предусматриваем. Мы придаем нелепое значение личным настроениям, тому или иному разговору, намерению, приписываемому императору, принцу Фридриху или графу Бисмарку, и слишком легко забываем, что в Германии есть сила, называемая общественным мнением, которая рано или поздно навязывает себя правительству. Чтобы отдавать отчет в ситуации, было бы неплохо, как мне кажется, поинтересоваться, что преподают в начальных школах, о чем говорят в клубах унтер-офицеры, что печатают и что читают в маленьких газетах, которыми якобы пре-

небрегают, и которые тем временем прокладывают себе дорогу в предместьях и деревнях» [11, с. 228–229].

Но главной темой публицистики Самарина были, конечно же, окраины русского государства. В 1868 году он писал Александру II: «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиною к Прибалтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как целое. В тот день возрадовались бы представители всех враждебных ей партий и народностей; Мирославский и Шедо-Феротти, Герцен и фон Бокк забыли бы на время все свои разномыслия; они сбежались бы со всех концов Европы на братский пир и отпраздновали бы вместе канун политического крушения империи» [4, с. 224].

Именно Самарин в своих «Письмах из Риги» и «Окраинах России» поставил вопрос о неравноправии русских подданных российского императора и именно он полнее многих своих современников проработал вопрос о связи сословного начала с национальным. Наиболее емко и кратко Самарин изложил свои взгляды в полемике с консервативно-аристократической газетой «Весть», чей «имперский» политический идеал он характеризовал следующим образом: «одно руководящее сословие и под ним множество руководимых племен» [10, с. 460].

Юрий Федорович решительно отрицал возможность построения государства с опорой на наднациональную аристократическую элиту: «Везде одно явление: старая аристократия вымерла или вымирает, а новая не зарождается. И это вовсе не значит, чтоб историческая производительность западной Европы иссякла; ибо возникают же партии, секты, школы и ассоциации всякого рода. Это значит только, что творческая сила истории, так же как и творчество физической природы, имеет свои периоды. Есть целые порядки органических формаций, так сказать отслуживших миру, которых природа уже не повторяет и о которых мы знаем только по их уцелевшим остовам. К разряду таких же брошенных историей организмов принадлежит и аристократия. Форма, в которую она когда-то отливалась, разбита навеки и ее нет нигде, нет даже в редакции “Вести”». Сословной солидарности Самарин противопоставлял идеал солидарности национальной: «В обществах образуются новые группы на основании тождества экономических интересов, а в области государственной Европа постепенно перестраивается на основании племенного начала. Народность – вот та новая, с одной стороны разлагающая, с другой – объединяющая сила, которая теперь пробивается сквозь прежние формации, созданные завоеваниями, династическими союзами, теорией европейского равновесия и другими более или менее искусственными комбинациями. Эта сила растет повсеместно, и ей очевидно принадлежит будущность» [10, с. 482].

Как противоположный пример «разноплеменного государства, стянутого и свинченного безнародной аристократией», публицист приводил Австро-Венгрию, в скором распаде которой он был безусловно убежден. Первый – «народно-монархический» – был итогом «всего современного движения Европы». Второй, «аристократико-монархический», предлагался «Вестью»: «Может быть, он и хорош сам по себе и без отношения к нам, только – это *не завтрашняя* Россия, а *вчерашняя* Австрия» [10, с. 485].

Вслед за Самариным и Аксаков соотносил проект «многонациональной» имперской «цветущей сложности» с Австрией: «Неужели еще есть люди <…> которым надо доказывать, что Россия не сочлененный, составленный “агрегат” в роде искусственного австрийского гезамтфатерланда, в котором по штату не полагается никакой живой народной индивидуальности, а взамен ея имеет существовать какая-то отвлеченная национальность имперская, – национальность, которой единый живой принцип и вероисповедание есть верноподданничество австрийскому императору? Не это ли идеал тех наших близоруких патриотов, которые, ратуя за “государственное единство и цельность”, в то же время с

возмутительнейшим пренебрежением относятся к русской народности и таким образом сами ослабляют крепость внутреннего объединяющего начала?» [1, с. 305]. При этом консервативных «имперцев», мечтавших о наднациональной «английской аристократии на русской почве», а также «патриотов, которые всю надежду на единство возлагают лишь на внешний государственный строй» Аксаков (к счастью для себя, не имевший возможности заглянуть в будущее) сравнивал, с людьми, «которые способны сеять кукурузу в Архангельской губернии» [1, с. 308].

Следуя за нитью самаринской мысли, И.С. Аксаков писал: «На всех окраинах России мы замечаем один общий факт: местные дворянские сословия всегда были и теперь являются самыми верными и надежными представителями, а в случае коалиции, самыми страстными поборниками своих народностей и вероисповеданий. Польский пан более поляк и более католик, чем польский крестьянин; остзейский барон более немец и более лютеранин, чем латыш или эстонец. Повторяем – так на окраинах. Но можно ли сказать то же самое про русское дворянство? Народный смысл и вера в свою народность, убеждение в превосходстве своего вероисповедания и привязанность к своей церкви, к ее преданиям и обычаям, все это сохранилось ли в русском дворянстве, не говорим лучше, полнее и чище чем в других средних и низших сословиях, но хотя бы в одинаковой степени? Слыл ли когда-нибудь русский дворянин и вправе ли он себя считать типом русского человека и православного?» [1, с. 476–477]. В этой ситуации единственным способом сохранить государственное единство ему виделась апелляция к демократическим чувствам широких народных масс: «Везде массы тянут в одну сторону – к русской народности, а мнимые руководители масс в другие, разные стороны» [1, с. 469].

При этом демократизм Самарина, его постоянная борьба с «идеалами “Вести”» не означали отказа от консерватизма как такового: «Токвиль, Монталамбер, Риль, Штейн – западные славянофилы <…> Но вот разница: Токвиль, Монталамбер, Риль и другие, отстаивая свободу жизни и предание, обращаются с любовью к аристократии, потому что в исторических данных Западная Европы аристократия лучше других партий осуществляет *жизненный торизм* <…> Напротив, мы обращаемся к простому народу, но по той же самой причине, по которой они сочувствовали аристократии, т.е. потому что у нас народ хранит в себе дар самопожертвования, свободу нравственного вдохновения и уважения к преданию. В России единственный приют торизма – черная изба крестьянина» [9, с. 402].

С другой стороны, антисословный пафос логически приводил Юрия Федоровича к известной толерантности по отношению к столь ненавистным И.С. Аксакову «бюрократам»: «Кто, например, запамятовал, что он не более как служилый человек и мысленно пожаловал себя в аристократа-помещика, по образцу английского лорда или немецкого юнкера, тому, конечно, нельзя не предположить против себя, как человека другой породы, исторического своего ненавистника-бюрократа» [8, с. 3].

Все эти славянофильские тезисы были восприняты Катковым в начале 1860-х, что было иронически отмечено Самариным в полемике с «Русским вестником» по поводу статьи Н.Н. Страхова «Роковой вопрос»: «Не вы первые обнаружили особенность русского воззрения на государственное устройство; всю эту систему вы заимствовали целиком и почти буквально выписали из статей Константина Аксакова об отношении земли к государству; но ведь вы же ее себе усвоили и повторили от себя, даже не указав источник. С Богом! Мы искренне этому радуемся, но в то же время позволим напомнить о русской пословице, не советующей никому плевать к колодезь; тема паче не следовало бы плевать в него тому, кому довелось накануне почерпнуть из него глоток воды» [9, с. 279].

Четкой грани между славянофилами и катковским направлением, конечно же, не существовало. Объединяла их прежде всего убежденность в приоритете национального над сословным. Не случайно Катков писал позднее знаменитому слависту и панслависту

В.И. Ламанскому: «Я сам как Вы помните просил Вас об участии в “Русском Вестнике”, и могу Вас заверить, что был глубоко обрадован и Вашим любезным письмом, и присылкой Вашей статьи. Сочувствие людей как Вы, уверяю. Вас, было для меня всегда и подкреплением, и отрадой в трудах и волнениях моей деятельности» [2, л. 2–2 об.]. Сам Ламанский еще в 1858 году тщетно уговаривал И.С. Аксакова: «Читая политические обозрения Каткова, статьи, по моему мнению, имеющие политическое значение, его же (должно быть) статью о русской общине – я всегда радовался и говорил себе – чем же Катков не славянофил, т.е. русский образованный человек, питающий глубокое уважение к преданью и обычаю, христианин и славянофил… Я видел огромную разницу между ним и направлением “Атенея”, “Современника”, “Отечественных записок“. Я предвижу, как с течением “Русский вестник” еще более отделится от “Атенея” и еще более сблизится с “Беседою”...» [5, с. 7]. Несмотря на многочисленные разногласия, в глазах читающей публики представители «русской партии» часто представали одним политическим и интеллектуальным течением.

Литература

1. *Аксаков И.С.* Сочинения: в 6 т. Т. 2: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». 1860–1886. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1891. 831 с.
2. *Катков М.Н.* Письмо В.И. Ламанскому // СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. 698.
3. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. 860 с.
4. *Нольде Б.Э.* Ю.Ф. Самарин и его время. М.: Алгоритм, 2003. 542 с.
5. Переписка двух славянофилов. И.С. Аксаков и В.И. Ламанский // Русская мысль. 1916. Кн. 9. С. 1–32.
6. Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб.: Пушкинский дом, 2016. 712 с.
7. *Писарев Д.И.* О брошюре Шедо-Феротти / Д.И. Писарев // Соч.: в 4 т. М.: Гослитиздат, 1955–1956. Т. 2. С. 120–126.
8. *Самарин Ю., Дмитриев Ф.* Революционный консерватизм. Книга Р. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» и предположения петербургских дворян об организации всесословной волости. Берлин: Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1875. 146 с.
9. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. 1: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. М.: Типогр. А.И. Мамонова, 1877. 402 с.
10. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. 9: Окраины России. М.: Типогр. А.И. Мамонова, 1898. 485 с.
11. «Я любил Вас любовью брата…»: Переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден (1867–1876). СПб.: Владимир Даль, 2015. 447 с.

Аннотация. Ю.Ф. Самарин был подлинным основателем «русского направления» 1860-х – 1890-х годов, а в каком-то смысле и всего русского политического модерна. Свойственная ему «немецкая» рациональная последовательность удержала его от оппозиционности, продиктовала своеобразную тактику политической борьбы и не менее своеобразный стиль полемики. Один из наиболее ярких эпизодов последней – переписка с баронессой фон Раден – пример диалога не только сторонников различных взглядов на русский вопрос, но и носителей схожего типа религиозности. Не будучи протестантом, Самарин тяготел именно к протестантизму. При этом протестантские тенденции в самаринской религиозности были продиктованы именно его консерватизмом: «формально правильный силлогизм» для него всегда требует проверки «живой жизнью», а значительная часть современников-консерваторов оказываются латентными революционерами. Главный объект его критики – сословные привилегии остзейских немцев, которые служили императору, но не русскому народу, и с объединением Германии получили еще один центр притяжения. Именно Самарин полнее многих современников проработал вопрос о связи сословного начала с национальным. Наиболее емко он изложил свои взгляды в полемике с консервативно-аристократической газетой «Весть». Юрий Федорович решительно отрицал возможность построения государства с опорой на наднациональную аристократическую элиту. С другой стороны, антисословный пафос логически приводил Самарина к известной толерантности по отношению служилой бюрократии. Многие самаринские тезисы в начале 1860-х были восприняты М.Н. Катковым.

Ключевые слова: Ю.Ф. Самарин, М.Н. Катков, И.С. Аксаков, консерватизм, национализм, славянофильство, публицистика.

Alexander E. Kotov, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History, St. Petersburg State University.
E-mail: a.kotov@spbu.ru

“The Law of Any Lasting Development”: Yu. F. Samarin – the Founder of the “Russian School”

Abstract. Yu.F. Samarin was the true founder of the “Russian school” of the 1860s – 1890s and in a way of the whole of Russian political modernism. His intrinsical “German” rational consistency deterred him from opposition, determined his peculiar tactics of political struggle and the no less peculiar style of polemics. One of the most striking examples of the latter is his correspondence with baroness von Raden, illustrating the dialogue between not only supporters of different views on the Russian question, but also of followers of the similar type of religion. While not being a Protestant, Samarin still was bent to exactly Protestantism. At the same time, the Protestant tendencies in Samarin’s religiousness were dictated precisely by his conservatism: “formally correct syllogism” for him always required testing by “real life”, and a significant part of conservative contemporaries turned out to be latent revolutionaries. The main object of his criticism was the birth privileges of the Baltic Germans, who served the emperor, but not the Russian people, and who with the unification of Germany received another center of attraction. Samarin was the person, who more fully than many of his contemporaries studied the question of the connection between the estate and the national principles. His views were most succinctly expressed in his polemics with the conservative-aristocratic “Vest” journal. Yury Fedorovich strongly denied the possibility of building a state on the basis of supranational aristocratic elite. On the other hand, his anti-aristocratic pathos logically led Samarin to a certain tolerance towards the serving bureaucracy. Some of Samarin’s theses in the early 1860s were accepted by M.N. Katkov.

Keywords: Y.F. Samarin, M.N. Katkov, I.S. Aksakov, Conservatism, Nationalism, Slavophilism, Journalism.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-22-34

Александр Ширинянц

*«Патриотический труд» Ю.Ф. Самарина**

Выдающийся деятель консервативно-«хранительного» направления Юрий Федорович Самарин (1819–1876) внес значительный вклад в историю политики и мысли России XIX века. Одна из граней его творчества связана с постановкой «остзейского вопроса» – о «внутренней» русофобии остзейских немцев, стимулировавших центробежные устремления западных окраин Российской империи, о положении русских, русского языка и православия в Прибалтике, об угнетении и онемечивании местного населения остзейскими баронами, о слабости центральной власти, проводящей в крае политику, противоречащую интересам России.

Русофобия «внутренняя»

В свое время замечательный русский мыслитель И.А. Ильин в небольшой статье «Мировая политика русских государей» (1949), перечисляя характерные черты отношения Запада к России в XIX веке, обнаружил в Европе целое «гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...». Емкая, точная и выразительная формула Ильина, разъясняющая суть такого отношения, сводится к следующему: «Европейцам “нужна” дурная Россия: **варварская,** чтобы “цивилизовать” ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная**, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; **религиозно-разлагающаяся**, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать не ее “неиспользованные” пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту “гнилую” Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий “до последней капли ее крови”» [11, с. 94].

В данном случае Ильин «осовременил» понятие, которое, как принято считать, впервые ввел в общественный оборот Ф.И. Тютчев, указывавший, что в основе «русофобии» – ненависть, пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение против России [45, с. 191].

Возникновение образа России – «чудовища», «людоеда 19-го века» [45, с. 176] в общественном сознании европейцев, с точки зрения Тютчева, было обусловлено глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы (то

* Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований 19-012-00310 А. Статья продолжает цикл публикаций, посвященный русофобии и остзейскому вопросу [18, с. 44–45; 25; 37; 46, с. 35–47; 48, с. 90–103; 49, с. 364–373; 50, с. 15–27; 52, с. 399–414; 53, с. 175–207]

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: jants@yandex.ru

есть России – законной сестры христианского Запада, не феодальной и не иерархической, но потому самому еще более искренно-христианской, целого мира, единого по своему началу, солидарного в своих частях, живущего своею собственною органическою, самобытною жизнью [см. 45, с. 182]), непониманием общественной системы, цивилизации, которая сменит западную: «Западные люди, судящие о России, – это нечто вроде китайцев, судящих о Европе…» [45, с. 100]. К «непониманию» присовокупляется «нравственная безответственность» [45, с. 191]. При этом, как тонко подмечал Тютчев, общественное мнение раздражает против России не реальные «несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности» [45, с. 193], а сами начала цивилизации (история без феодализма, религиозной борьбы, папской иерархии, имперских войн, инквизиции, рыцарства; наличие единства и «основного начала», которое «не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления» [45, с. 192]). В связи с этим он также отмечает инстинктивный характер русофобии, возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство – «нечто среднее между уважением и страхом – то чувство awe [благоговейного страха – *А.Ш.*], которое испытывают только по отношению к Власти» [45, с. 100–101].

Наряду с «внешней», западной русофобией, русофобские настроения, русофобские образ мыслей и действий имели место и в Российской империи. Обратил внимание на это Тютчев, трактовавший русофобию как многогранное явление. Наряду с «внешней» русофобией западноевропейского общества, с соединенными в одном общем чувстве ненависти к России» «пропагандами» – католической, революционной и пр., которым вторит «насмешка эха» – западная колония образованных русских [см. 45, с. 100, 148][1], он указывает на подобные проявления в самой Российской империи, причем не только в кругу либералов, нигилистов-революционеров, «польской оппозиции», остзейского юнкерства, но и в правительстве страны, где разрушающе действовала, как он ее называл, «антирусская клика» – «все элементы, или нерусские по происхождению, или антирусские по направлению».

Говоря об «антирусской клике», Тютчев прежде всего имел в виду конкретных лиц в правительстве и управлении империей, которых противопоставлял царствующим самодержцам, находящимся вне всякой критики при жизни. «Клика, находящаяся сейчас у власти, – писал Тютчев, – проявляет деятельность положительно *антидинастическую*. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она не только *потеряет популярность*, но приобретет *антирусский* характер». И еще: «Эти отбросы русского общества, это антирусское отродье, не может не видеть в нем своего злейшего врага…» [40, с. 352]. Это «клика, которая захватила власть и влияние и путает Россию, а не правит ею» [41, с. 355]. Министров Тютчев называл «подлецами», а действия правительства характеризовал как «явное бесстыдство», «явную глупость» и т.п. [см. 43, с. 365, и др.][2].Эта «коалиция всех антирусских в России направлений, – заключал Тютчев, – есть факт оче-

[1] Российские либералы-западники, живущие и в Европе, и в России, – это люди, у которых напрочь отсутствует «национальное чувство» и чья русофобия, как считает Тютчев, инстинктивна, беспринципна, не имеет никакой логики и вообще иррациональна: «Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России… А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней у этих господ только усиливается. В самом деле, прежние установления никогда не вызывали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной жизни в России. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили их пристрастия к ней» [39, с. 306].

[2] Заметим, что при этом Тютчев был искренним монархистом, сторонником и идеологом, теоретиком имперской идеи, о «классовой» основе власти он не рассуждал, считая основой и критерием таковой ее божественное происхождение и нравственность ее представителей [см. 45, с. 184; 20].

видный, осязательный… в состав этой коалиции вошли, вопреки своей разнородности, и польская шляхта, и остзейские бароны, и петербургские нигилисты, штатные и заштатные. Их связывает одно – отрицательное начало, т.е. врожденная или привитая враждебность ко всему русскому…» [38, с. 387]. Из этих проявлений, которые описал и подверг резкой критике Тютчев, складывается образ русофобии «внутренней».

Остзейские бароны

Одной из составляющих «внутренней» русофобии в России XIX века стали остзейские бароны. Всегда тяготевшие к Пруссии они составляли верхушку общества в «Остзейском крае», который с 1801 по 1876 год включал в себя три прибалтийские провинции – Лифляндию, Эстляндию и Курляндию, соединенные в отдельное генерал-губернаторство Российской империи. В этом крае существовал «особый режим», отличный от системы общероссийской государственности и характеризовавшийся господством немецкого языка, лютеранства, особым сводом законов, судопроизводством, управлением и т.д. Особый режим в крае сложился исторически и первоначально оформился в 1640-х годах, когда шведами был утвержден особый порядок управления и установились сословные привилегии для остзейских дворян, а после завоевания края русскими войсками был подтвержден властями России. Все это делало край, по выражению И.С. Аксакова, «музеем исторических редкостей социального и общественного устройства» [3, с. 15]. В общественно-политической лексике того времени даже слово «остзеец», означавшее «прибалтийца», «немца», имело также коннотацию «сторонник “остзейского режима”». Иронизируя по этому поводу, корреспондент одной из русских газет предлагал: «Не следовало ли бы употреблять название “остзеец” лишь для людей, всеми силами стремящихся к сохранению средневековых предрассудков?» [13, с. 458][1].

Социально-политическая суть «остзейского» или, как его обозначали в правительственных документах, «балтийского» вопроса, сводилась не только к «особому режиму» в крае, но и к коллизии, связанной с его двухмиллионным коренным населением – латышами и эстами. С одной стороны, их насильственно «онемечивало» остзейское меньшинство и лютеранская церковь при полной идеологической и пропагандистской поддержке со стороны Пруссии («Почти ежедневно, – указывал И.С. Аксаков, – в большей части прусских газет, помещаются статьи, проповедующие крестовый поход на Россию из-за братьев немцев, то есть из-за немецкой колонии в 180 тыс., угнетающей 1 600 000 ненемецкого населения» [6, с. 65]. У М.П. Погодина цифры немного другие, но пропорция 1:10 сохранена: «Немцев… в крае меньше 200 тысяч, а Латышей и Эстов более 2-х миллионов» [10, с. 65][2]), с другой – стремились обрусить и пророссски настроить центральная власть и православная церковь.

«Письма из Риги»

Первым в русской печати развернутую историко-политическую характеристику Остзейского края дал Юрий Федорович Самарин. Именно он поднял вопрос об отношении прибалтийских немцев к России и русским, о нарушениях прав местного населения в крае.

Попав в 1847 году по делам службы в Ригу в составе комиссии Министерства внутренних дел по ревизии городского управления, Самарин почти три года провел в При-

[1] Газета патриотического направления «Кронштадтский вестник» (главный редактор Петр Дмитриевич Рыкачев) выпускалась в Кронштадте морскими офицерами, начиная со 2 июля 1861 года вначале два, а с 1862 года – три раза в неделю.

[2] А, например, Ц.Х. Виттекер приводит следующие данные: «Их [прибалтийских немцев – *А.Ш.*] было немного по сравнению с общим населением – в 1850 г. 790 242 из 60 миллионов… Их дворянство, числом всего 5389 человек, происходило из тевтонских рыцарей, и российским властям они противопоставили тактику пассивного сопротивления» [8, с. 226].

балтике. Одной из задач этой комиссии стал сбор документальных сведений об историческом развитии рижского общественного хозяйства в целом и, в частности, городского управления, городской собственности, городских сословий, их прав, привилегий и обычаев [см. 24, с. II]. Изучив городские архивы, Самарин подготовил официальный документ, который спустя три года был издан министерством небольшим тиражом «для официальных лиц»[1]. Как признавался сам Самарин, «тем, что я написал, нельзя ни похвастаться, ни пощеголять в публичном чтении…» [26, с. XLIII]. Однако наряду с этим объемистым трудом Самарин в мае-июне 1848 года написал эмоциональный политический памфлет «Письма из Риги», в котором с большой силой выразил свое «убеждение в глубокой, коренной, систематической вражде немцев к русским» [26, с. XLV], ставшее результатом его исторических изысканий и наблюдений за жизнью в современной ему Прибалтике.

В «Письмах из Риги» Самарин утверждал, что Остзейский край «противодействовал государственному началу во имя политической своей самостоятельности… огораживал себя от иноплеменников во имя немецкой Национальности; но какое право называть себя нациею имела горсть пришельцев, попиравших ногами иноплеменный народ, и в то же время склонявших головы перед другим народом, распространившим на них свое государственное владычество? Неужели всякий обрубок, без корня и верха, вправе присваивать себе значение нации? Мы доживем, наконец, до того, что немецкий клуб в Москве заговорит о своей народности» [28, с. 30–31]. В основе этого явления, как считал Самарин, лежит осознание остзейскими немцами исторической неудачи и досада на самих себя, а «вознаграждением за все утраченное служит чувство племенной спеси, ничем не оправданная хвастливость и смешное презрение к России и ко всему русскому» [28, с. 37]. Вывод Самарина однозначен: «Отношение Остзейского края к земле русской, к правительству, положение русских, все это неестественно, ложно и требует коренного преобразования» [28, с. 159].

«Письма из Риги» он представил своему начальнику – министру внутренних дел Российской империи графу Л.А. Перовскому, а переписанный набело экземпляр рукописи дал почитать тем, кому описанные им обстоятельства «были известны по их служебной деятельности», – Е.А. Головину, Н.А. Милютину, В.В. Скрипицыну, Д.Н. Толстому, Я.В. Ханыкову, а также генералу А.П. Ермолову, митрополиту Филарету (Дроздову), графу С.Г. Строганову. «По секрету» Самарин ознакомил с рукописью и своих «близких знакомых» – Аксаковых, Свербеевых, Ф.И. Тютчева, А.С. Хомякова, С.П. Шевырева и др. Таким образом, «Письма из Риги» получили огласку в двух столицах и возбудили негодование «немецкой партии» при дворе, которая, всячески поддерживая остзейских немцев, да и вообще иностранцев, в карьерных и имущественных делах, тем самым, по мнению многих, пренебрегала государственными интересами России[2]. «Знаменосцем» этой партии стал тогдашний остзейский генерал-губернатор князь А.А. Суворов, обвинивший Самарина в нарушении служебного долга. Именно это обстоятельство – игнорирование «канцелярской

[1] Официально книга была издана в 1852 году под названием «Общественное устройство города Риги», позже, издатель сочинений Ю.Ф. Самарина – Д.Ф. Самарин – назвал эту рукопись «Историей Риги» и включил ее наряду с другими материалами по остзейскому вопросу в седьмой том собрания сочинений Ю.Ф. Самарина.

[2] Об этой «немецкой партии» еще в 1848 году многозначительно писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «…вся русская политика и дипломатия осуществляется, за немногими исключениями, руками немцев или русских немцев… Тут на первом месте граф Нессельроде – немецкий еврей; затем барон фон Мейендорф, посланник в Берлине, из Эстляндии… В Австрии работает граф Медем, курляндец, с несколькими помощниками, в их числе некий г-н фон Фотон, – все немцы. Барон фон Бруннов, русский посланник в Лондоне, тоже курляндец… Наконец, во Франкфурте в качестве русского поверенного в делах действует барон фон Будберг, лифляндец. Это лишь немногие примеры. Мы могли бы привести еще несколько дюжин таких примеров…» [19, с. 156]. Немногим изменилось положение и в царствование Александра II, когда при дворе существовала целая «прооостзейская» группа (министр внутренних дел в 1861–1868 годах П.А. Валуев, министр финансов в 1862–1878 годах М.Х. Рейтерн и др.).

тайны», «попрание» служебной дисциплины – стало поводом для ареста Самарина, который был препровожден в Петропавловскую крепость. В это время И.С. Аксаков писал родным: «Дела идут плохо: немцы торжествуют, и Самарин *сидит*…» [4, с. 478]. Интрига «немецкой партии», возмущенной самаринскими инвективами против остзейцев, удалась, но не в полной мере. После беседы с императором Николаем I и признания своей вины, Самарин был отпущен «к родителям» [26, с. XCIII].

В крепости Самарин провел 12 дней[1], причем на следующий же день после его освобождения арестовали И.С. Аксакова, который был вынужден дать письменные ответы на вопросы III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в недрах которой на фоне европейских революционных событий 1848–1849 годов возникло подозрение о наличии «славянофильского заговора» против правительства. Аксакову пришлось доказывать властям патриотизм «московского направления», разъяснять сущность славянофильского взгляда на «самобытное развитие русской жизни», на противоположность исторических начал Запада и России [см. 51, с. 59]. В числе прочих он ответил и на два вопроса о Самарине: «**Вопрос 5**: Почему вы дозволили себе помещать в ваших письмах известие о заключении камер-юнкера Самарина в крепость и почему принимали в нем участие? **Ответ**: Я не понимаю, почему я в письме не мог упомянуть о заключении камер-юнкера Самарина в крепость, когда это было известно всему городу и все об этом говорили. Если б это не было известно, то всякий вправе был бы подумать, что он пропал без вести… Участие в Самарине я принимал потому, что знаю его уже лет семь, как умного, образованного, честного, даровитого человека, с твердым характером, с добросовестною душою, всем сердцем преданного России. **Вопрос 6:** Из ответов родителя и брата вашего Константина на письма ваши о Самарине видно, что они вполне разделяют негодование Самарина против немцев в России… **Ответ:** Отец и брат писали мне, что разделяют негодование Самарина против остзейских немцев. *Я тоже разделяю это негодование, ибо, как русский, не могу быть равнодушен к положению русских в остзейском крае*. Впрочем, так же как и мои родственники, я не люблю немцев только как касту, действующую в духе презрения России и ее народу, но, в частности, уважаю и люблю их, если они хорошие люди. Доказательством этому служит то, что у меня много приятелей немцев…» [9, с. 355]. С текстом аксаковских ответов ознакомился император Николай I и оставил на полях рукописи свои заметки. Возвращая рукопись графу А.Ф. Орлову, он написал: «Призови, прочти, вразуми и отпусти» [12, с. 446]. Аксаков был освобожден. На этом «дело» о рижских письмах Самарина было закончено. Аксакова командировали в Ярославскую губернию, а Самарина после полугодового ожидания нового назначения по службе отправили в Симбирск и затем в Киев.

Спустя годы Самарин, оценивая свои действия в 1849 году, писал: «Ровно двадцать лет назад, пробыв без малого три года в Риге, в то самое время, когда с переменою начальника края, в системе управления русским Балтийским поморием совершался крутой перелом, я набросал на бумагу, в форме писем, выводы из моих исследований о прошедших судьбах этого края и моих наблюдений о тогдашнем его положении. Все это было незрело, писано с плеча, под влиянием раздражительных впечатлений и свойственной молодости дурной привычки тыкать правдою прямо в глаза» [35, с. 1].

«Окраины России»

Всесторонне и основательно Самарин исследовал остзейский вопрос в своем фундаментальном труде «Окраины России», показав, что «В Балтийском крае борются закон с юридическими традициями и общее законодательство Империи с провинциальным; борются

[1] До Самарина в апреле 1847 года после возвращения из поездки по славянским странам был арестован и двенадцать дней оставался под арестом близкий славянофилам Ф.В. Чижов [см. 26, с. XXXVI–XXXVII].

два вероисповедания, из коих одно считается господствующим во всей Империи, а другое считает себя господствующим в том крае (Landeskirche); борются три народности, господствующая по официальной терминологии, господствующая на самом деле, и подавленная; наконец: тяжутся городская аристократия с городским пролетариатом и обезземеленные крестьяне с землевладельцами; в этих борьбах и тяжбах жизнь всего края» [35, с. 135–136]. В Прибалтике, предупреждал Самарин, сплачивается «новый организм» – «политическая национальность», крепнет «остзейский провинциализм», то есть сепаратистские тенденции, и на этой основе возникает стремление к созданию «Остзейской Финляндии», поэтому задачами российской политики в крае должны быть утверждение российских законов, русского языка и православной веры, опека и поддержка дружественных России элементов – латышей и эстонцев, освобождение их от немецкого влияния. Самарин настаивал на необходимости «скорого радикального врачевания» «нераздельным сочетанием» этих окраин с центром и учреждением там власти, «в русских руках сосредоточенной» [см. 35, с. 185 и др.].

Первые два выпуска «Окраин России» вышли в Праге в 1868 году [29, 30] и вызвали большой общественный резонанс. Эти выпуски, как и последующие четыре, изданные в Германии в 1871–1876 годах [31–34], были запрещены российской цензурой «для публики» [см. 7, с. 63–67]. Парадоксально, но книга, не допущенная к продаже в России, тем не менее стала сенсацией и вызвала ажиотаж читателей, сотнями экземпляров выписывавших ее через книготорговцев прямо из-за границы. Такой успех первых выпусков был неожиданным для самого автора [22, с. 142]. Однако любой успех складывается не случайно. Выговор, полученный от императора Александра II [см. 27, с. XI], «бешеный лай немецкой печати» по поводу «Окраин России» [16], солидарность М.Н. Каткова, И.С. Аксакова, М.П. Погодина, выступивших в защиту Самарина от нападок немцев, ответы самого Самарина своим оппонентам [36] – все это стимулировало всплеск интереса к остзейскому вопросу в российском обществе.

Катков и Аксаков об «Окраинах…»

Итак, Самарин был поддержан русскими публицистами. Сразу после выхода в свет труда Самарина Катков посвятил «Окраинам России» четыре передовые статьи «Московских ведомостей» [14–17][1], сопроводив их обширными выписками из самаринской книги. По оценке Каткова, «патриотический труд г. Самарина» [16] – «действительно замечательное сочинение, которое должно бы стать настольною справочною книгой у всякого добросовестного русского деятеля в Балтийском крае, разоблачает во всех подробностях интригу, несравненно более опасную и изворотливую, чем польская, интригу, которая работает с блистательным успехом, при очевидной стачке со всевозможными антирусскими началами, при возбуждениях от иностранной, не только частной, но и официозной печати, – возбуждениях не отдаленных, не бесплодных, какими действуют на поляков из западной Европы, а близких, настойчивых и метко направленных... Книга г. Самарина доказывает фактами истину, неоднократно возвещенную нашим рижским корреспондентом, что с 1848 года благодаря успокоительным заверениям от главного управления Прибалтийского края, благодаря совершенному бездействию этого управления, благодаря стачке местных властей, – “мертвою буквой” оказались все предположения, распоряжения и меры правительства к утверждению здесь государственного единства России» [15]. «Труд этот как нельзя более соответствует дневи и злобе его»… еще более удовлетворяет настоятельной потребности самой государственной жизни России, показывая, до какой степени “наше положение на окраинах существенно разнится от положения внутри России”» [16].

[1] Проблемам Прибалтийского края Катков посвятил 155 статей «Московских ведомостей», первая из которых вышла в 1864-м, а последняя – в 1886 году.

Как и Катков, Аксаков, поддерживая Самарина в критике политики правительства, не раз поднимал остзейские проблемы в своих газетах. Так, развернутой рецензией на 1-й выпуск самаринского труда стала статья Аксакова «По поводу "Окраин" Ю.Ф. Самарина» опубликованная в газете «Москва» 10 сентября 1868 года. В ней Аксаков, солидаризуясь с катковскими «Московскими ведомостями», оценивает книгу как «истинное событие в нашей общественной жизни». Эта книга, пишет Аксаков, – «гражданский поступок, заслуга пред всей Россией и ее Государем» [6, с. 64]. Статье предшествовал ряд статей Аксакова, помещенных в газетах «День» и «Москва»[1]. В первой из них – «Как понимает Остзейский Немец идеал России» (2 июня 1862 года) – Аксаков со свойственным ему сарказмом отвечает «лифляндским, курляндским, эстляндским баронам, бюргерам и беамтерам», остзейской печати в лице антиславянофильской «Рижской газеты», во имя «всеобщих гуманных целей» ратующих за «противодействие всякому одностороннему преобладанию (Betonen) национальности, будь она Русская, Польская, Немецкая, Латышская или Финская», и стремящихся к смешению «каким-то химическим процессом» всех их вместе «на немецкой закваске» в одну национальность – «Петровцев, с общим для всех мундиром…» [см. 2, с. 5, 7][2]. Идеал России, который проповедуют остзейские немцы, основан на глубоком, серьезном и искреннем чувстве этатизма, чувстве верности и преданности немцев государству, империи, но не русскому народу. «Дело в том, что преданные Русскому престолу – они как мы видели, проповедуют в то же время бой на смерть *Русской народности*[3]; верные слуги Русского *государства,* они знать не хотят Русской *Земли*. Для них существует Россия – только как Российская империя, а не как Русь, не как Русская Земля, под защитою которой могут находиться области, населенные и другими народностями» [2, с. 6]. Таким образом, немецкий идеал – «это воплощение отвлеченной идеи государства, *вне народности*, такая Россия, в которой бы ничего Русского, выдающегося вперед, не было…» [2, с. 6–7].

Что касается «преданности и верности» немцев, то Аксаков не раз возвращался к этому сюжету в своих статьях, всякий раз разъясняя, что, во-первых, «преданность и верность своему государю» не является нравственной монополией прибалтийских немцев, скорее это прерогатива русского народа, «ради которого и Россия называется Россией, и ее государь называется Государем Русским». Во-вторых, «преданность и верность» немецкого населения края – династические, в основе них – желание остзейских немцев «отделить русскую царствующую династию от России» [см. 5, с. 18]

«Письмо профессору Ширрену»

Погодин выпустил в защиту Самарина книгу «Остзейский вопрос. Письмо к профессору Ширрену» [23][4], которая стала своеобразным сводом разногласий остзейской и

[1] Всего в шестой том полного собрания сочинений Аксакова, вошла 21 его статья (2 – из газеты «День», 15 – из газеты «Москва» и 4 – из газеты «Русь») по «прибалтийскому», то есть остзейскому вопросу, первая из которых – «Как понимает Остзейский Немец идеал России» датируется 2 июня 1862 года, а последняя – «Еще раз об "Окраинах" Ю.Ф. Самарина» – 21 сентября 1885 года.

[2] «Везде царствует порядок и благоустройство, – иронизирует Аксаков, – все идет как по заведенной машине, и творцы, столбы и стражи такого порядка – Немцы, Немцы и Немцы!» [2, с. 7].

[3] В частности, сравнивая Россию с наковальней, а немцев с молотом, остзейцы, как отмечает Аксаков, встревожились пробуждением русского самосознания, которое по их мысли с неизбежностью приведет к обмену ролями – молотом станут русские, а наковальней – немцы. «Вот тут-то и ошибаются Немцы. Понятие о наковальне и молотке, возведенное Немцами в государственную доктрину, чуждо Русскому народу; он никакой народности не бил и бить не охотник, а если кого и била – *Петровия,* так по вашей же Немецкой теории, в силу "западных же идей"» [2, с. 8].

[4] Книга была отпечатана в 1869 году на собственные средства автора в типографии газеты «Русский». Она включила цикл статей, первоначально опубликованных в № 201, 202, 204, 205, 230 за 1869 год ежедневной

консервативной русской публицистики по историческим и политическим вопросам. Свой труд Погодин посвятил Гарлибу Меркелю (1769–1850) – немецкому писателю, лифляндскому публицисту, заявившему в свое время, что «немецкий деспотизм в Лифляндии поддерживается только русскими штыками». Переводы произведений Меркеля на русский язык в 1860-х годах преследовались цензурой, а имя было очень популярно в русской публицистике.

Чтобы осуществить это издание, Погодин должен был проявить известную смелость. Обращаясь к своему оппоненту, он честно признался в том, что ввиду силы «немецкой партии» не без страха печатает свой ответ – «ответ чисто русский, который у вас, верно, назовут пристрастным, панславянским, квасно-патриотическим. Не без страха, говорю, потому что уверен во многих для себя неприятностях всякого рода из-за него; *но считаю своим гражданским долгом, живо чувствуя оскорбление народного достоинства*, сказать откровенно свое мнение...» [10, с. 77].

Опираясь на русские и ливонские летописи, исландские саги, труды Н.М. Карамзина, дипломатические документы XVIII века и др., Погодин попытался доказать историческую необоснованность претензий немцев – потомков христианских епископов и тевтонских рыцарей на господство в крае, требовал осуществления культурной экспансии православия и русского языка, чтобы «обрусить местное население».

Оппонируя националисту Ширрену, Погодин «с точки зрения истории, простого здравого смысла, государственного и естественного права» доказывает, что Остзейский край – отнюдь не немецкий край, а земля латышей и эстонцев, ничего общего с немцами не имеющих, что Балтийское поморье искони (с XI века) принадлежало России и находилось в подданстве русских князей, о чем Россия не раз напоминала немцам. Край пережил за века своего существования множество перипетий в судьбе и перемен в управлении, пока Петр Великий не возвратил России Балтийское поморье. Ширрен и его соратники в борьбе с Россией обычно ссылались на незыблемость договора, обеспечивающего права остзейцев, – «капитуляцию» [капитуляция – неравноправный договор, здесь трактат, обеспечивающий права остзейцев – *А.Ш.*], подписанную фельдмаршалом Шереметевым и принятую императором Петром I в 1710 году, забывая при этом, что спустя десять лет, согласно п. 4 Ништадтского мирного договора 1721 года остзейцы вступили в безусловное подданство русского государя. И если остзейским баронам тяжело осознавать себя русскими подданными, то, как считает Погодин, они вполне свободны в своем личном выборе и могут перейти в подданство любой другой страны: «Мы ничего не имеем сказать против этого чувства: насильно мил не будешь. Но кто же мешает вам оставить русское подданство? Идите, куда вам угодно, на все четыре стороны, идите, как пришли, т.е. в чем мать родила; но вы хотели бы уйти с землею, а это несправедливо и невозможно: земля принадлежит, во-первых, тем, кто заселил ее прежде вас, кто ее обрабатывал до вас семьсот лет, и потом тем, кому она платила дань прежде вас, и кем она завоевана не у вас, а у ваших врагов и ваших господ» [10, с. 69].

Одним из главных пунктов преткновения стала ситуация с местным управлением и порядком судопроизводства в крае, ущемляющем права и местного, и, как сейчас бы сказали, «русскоязычного» населения. Погодин резко выступает против требований остзейских немцев «об автономности провинции», о расширении сфер свободы совести, немецкого управления, немецкого языка, немецкого права и т.д. Всего этого, считал он, в крае более чем достаточно: «…вы, Немцы, исповедуете свою религию, говорите своим языком, и управляетесь своими законами» [10, с. 71]. Также как и Самарина, его возмущает то, что русские дворяне,

политической и литературной газеты «Голос», выходившей в Петербурге (издатель-редактор А.А. Краевский) и бывшей в то время одной из самых распространенных газет России.

купцы и ремесленники в крае не могут пользоваться правами, какие имеют остзейские немцы, что латышские и эстонские крестьяне не имеют прав на землю и на свободу вероисповедания, что, главное, русский человек там «должен скрывать свое происхождение» и говорить на немецком языке не только в обиходе, но даже в суде и других присутственных местах. Последнее обстоятельство выглядело парадоксальным в свете того, что распоряжением правительства 1850 года о переводе ведения официальной документации в крае на русский язык, именно русский становился языком «присутственных мест» Остзейского края и должен был быть средством коммуникации в общественной сфере. Однако до конца 1860-х годов это и многие другие решения правительства, при попустительстве (тогда говорили «либерализме») центральных властей попросту игнорировались. Погодин переводит рассмотрение положения в крае в несколько иную, чем защитники остзейских интересов, плоскость: «Вы жалуетесь на нарушение ваших средневековых привилегий, видя только себя в Остзейском крае, а мы увидели там угнетенных и порабощенных Латышей и Эстов, и жалуемся не на нарушение, а на совершенное попрание их естественных прав вашими привилегиями. Всю вашу книгу мы оборачиваем на вас, как басню Крылова, ставя везде имя Немцев вместо Русских, и Латышей с Эстами вместо Немцев» [10, с. 74].

Еще одним пунктом преткновения, стала для Погодина ситуация с православной верой в крае. Погодин требует распространить право свободы совести, которым в полной мере пользуются остзейские немцы, и на «туземное» население края: «Свобода совести. Пользуйтесь ею, сколько угодно; оставайтесь протестантами, кальвинистами, гернгутерами; поклоняйтесь Магомету, или Изиде, Кришне, – мы вам никогда не мешали, не мешаем и мешать не будем.

Но если ваши рабы, работавшие на вас в продолжение семисот почти лет, и худо наученные вами закону Божию, желают присоединиться к нашему православию, то и вы не мешайте им также, и предоставьте им такую же свободу совести, какою пользуетесь сами…» [10, с. 70]. «Вы требуете свободы совести для себя – мы предоставляем ее вам, и требуем ее же для Эстов, Ливов и Куров, обвиняя вас в святотатственном посягательстве на их душу» [10, с. 74].

Ему непонятно, почему, когда в крае возникло массовое движение местного населения, стремящегося перейти в православие, представители русской церкви в крае, следуя указаниям властей, «должны были не только удерживаться от всякого ободрения, призыва, составляющего душу католичества и протестантства, открыто ими везде исповедуемую, но отказываться, уклоняться, прибегать даже к хитростям, чтоб удалять с приличием желающих, pour sauver les apparences [чтобы соблюсти приличия – *А.Ш.*]» [10, с. 75]. Все это Погодин оценивает как серьезный просчет и церкви, и властей.

В свою очередь, Погодин предложил довольно простую программу действий, которая сводится в конечном счете к возвращению края в политико-правовое поле Российской империи с помощью его русификации. Принципиально возражая против «онемечивания», Погодин предлагал «обрусить эстов, ливов и куров», а для этого строить в Прибалтике и поддерживать материально православные храмы, перевести богослужебные и другие книги на «местные наречия», причем «печатать их русскими буквами», основать при церквях бесплатные училища для местного населения, ввести преподавание всех предметов в училищах и гимназиях по-русски и т.п. В обоснование своей позиции Погодин приводит ряд политических аргументов и, расширяя масштабы аргументации до уровня ссылок на межцивилизационные противоречия немцев и славян, проводит исторические параллели между онемечиванием и русификацией. «Русификация... но ведь вы хотите онемечения: чем обрусение грешнее, преступнее онемечения? Вы запрещаете делать нам то, к чему сами стремитесь. Позвольте же нам действовать по своему усмотрению, как мы считаем для себя полезнее. В этом отношении мы правее вас», – заключает Погодин [10, с. 76].

Прочитав антинемецкие инвективы Погодина, его, впрочем, как и Самарина, и Аксакова, и Каткова, вполне можно было бы обвинить в национальном эгоизме, великорусском шовинизме и других смертных грехах, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что все они, как и Погодин, четко различали «немцев» и «немцев». Одних, «немцев немецких», обитателей Германии, Погодин, будучи образованным русским человеком, чтит и уважает «как первоклассный народ в Европе, которому она, и в ней мы, обязаны за многие услуги науке, искусству, гражданственности, общежитию» [10, с. 77]. Других, обрусевших «немцев русских», живущих и работающих в России и для России, Погодин, как и весь русский народ, любит и благодарит. Что же касается «немцев остзейских», то эти немцы, «поскольку согласны они с сочинениями фон-Бокков, Эккартов и ваших, г. Ширрен, являются самыми к нам враждебными, оправдывая пословицу: «Не воспоя и не воскормя, не нажить себе врага». Вы ненавидите внутренне нас и несчастных своих батраков, которых называете шакалами, – и это чувство ненависти, замечу мимоходом, служит самым убедительным доказательством вашей слабости, по собственным вашим словам» [10, с. 77–78]. Но даже этим, ненавидящим Россию людям, Погодин не собирается отвечать ненавистью. Ненависть – удел слабых. Россия же сильна: «А мы, Русские, все-таки не ненавидим вас, и в этом чувстве, беспристрастия, незлобия, в *этом слове на мир,* вы должны увидеть, следовательно, господин Ширрен, нашу силу». Остзейским немцам Погодин предлагает «образумиться, опомниться, повиниться пред нами… и рука в руку идти с нами дружно, навстречу новой жизни, открываемой благодушным Государем, по следам незабвенной его прабабки, Императрицы Екатерины II, немки по происхождению, но Русской по своим чувствам и любви к отечеству…» [10, с. 78].

Книга Погодина вызвала общественный резонанс и реакцию в правительственных сферах. Характерный штрих: когда в 1869 году Юлиус Эккарт за границей выпустил немецкий перевод книги Самарина с тенденциозным комментарием, в России его можно было свободно получить любому. Но когда захотели «издать на немецком статьи Погодина в ответ Ширрену» – этого сделать «не разрешили, чтобы-де не навлечь на правительство подозрения в тенденциозности». «Что, каково?.. Это что-то вроде Гегелевой безразличности…» [42, с. 359], – недоумение Тютчева и всех тех, кого не смущали националистические эскапады Погодина, вполне понятно.

* * *

Что касается практической программы решения «остзейского вопроса», то все русские оппоненты остзейских немцев сходились в следующих требованиях: необходимости утвердить русские государственные начала в Прибалтике – управление по общероссийскому образцу, общерусское законодательство, русский язык в качестве государственного; уравнять в Прибалтике в правах с немцами коренное население края и в особенности в первую очередь русских; провести земельную реформу – наделить крестьян землей по русскому образцу реформы 1861 года; ввести в школы русский язык, с тем чтобы подготовить в будущем обрусение края; реформировать суд – ввести институт присяжных и выборы местных судей по русскому образцу; провести реформу городского управления; поддержать православие в крае.

Усилия Ю.Ф. Самарина, а также И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, М.П. Погодина, и других, менее известных публицистов, заставили правительство скорректировать позицию в прибалтийском вопросе, наметить план и начать реализацию в крае реформ, направленных на полное слияние Прибалтики с Россией. Однако в конечном счете все произошло по пророческому предсказанию Самарина: «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиною к Прибалтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как

целое. Тот день был бы началом ее разложения. В тот день возрадовались бы представители всех враждебных ей партий и народностей; Мирославский и Шедо-Феротти, Герцен и фон-Бокк забыли бы на время свои разномыслия; они сбежались бы со всех концов Европы на братский пир и отпраздновали бы вместе канун политического крушения Империи» [27, с. XVII].

В этой связи нельзя не процитировать эмоциональное восклицание, которым заканчивает одну из последних своих статей Аксаков. Смысл и содержание следующей фразы не только ясны, но и близки современному россиянину: «Сколько аномалий в государственном строе наплодила наша долголетняя антинациональная политика!.. Сколько еще придется разделывать из того, что натворено под воздействием фальшиво понятого европеизма, гуманизма, либерализма – во вред истинным интересам русской народности, русской государственной чести и силе!» [1, с. 167].

Выступление Самарина по поводу западных окраин России стало ярким эпизодом истории русского «хранительства» – национально-консервативного течения общественно-политической мысли, представителями которого являлись патриоты-хранители, приверженцы идеи сохранения исторических начал общества и государства [21, с. 17]. Это и есть консерваторы – противники сепаратизма, радикализма, революционности, но сторонники государственной целостности и национального единства своей Родины, благодатного, спокойного существования своего народа, суть служения которых хорошо сформулировал Н.Н. Страхов: «Все дело в том и состоит, чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все развивать из того, что есть, и не разрушая того, что есть» [цит. по 47, s. 34]. Именно в этом и заключается «хранительство-служение» Самарина.

Литература

1. *Аксаков И.С.* Еще об «Окраинах» Ю.Ф. Самарина / И.С. Аксаков // Полн. собр. соч. Т. 6: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типогр. М.Г. Волчанинова, 1887. С. 157–167.
2. *Аксаков И.С.* Как понимает Остзейский Немец идеал России / И.С. Аксаков // Полн. собр. соч. Т. 6: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типогр. М.Г. Волчанинова, 1887. С. 3–9.
3. *Аксаков И.С.* На каком основании крестьянин Остзейского края лишен тех прав, которыми пользуется крестьянин в остальной России? / И.С. Аксаков // Полн. собр. соч. Т. 6: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М., 1887. С. 9–16.
4. *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука,1988. 704 с.
5. *Аксаков И.С.* По поводу введения русского языка в присутственные места Остзейских провинций / И.С. Аксаков // Полн. собр. соч. Т. 6: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типогр. М.Г. Волчанинова, 1887. С. 16–22.
6. *Аксаков И.С.* По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина / И.С. Аксаков // Полн. собр. соч. Т. 6: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М., 1887. С. 62–70.
7. *Бадалян Д.А.*Книга Ю.Ф. Самарина «Окраины России» и цензура // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 213. СПб., 2016. С. 60–69.
8. *Виттекер Ц.Х.* Граф С.С. Уваров и его время: пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб.: Академический проект, 1999. 348 с.
9. Вопросы, предложенные Ивану Сергеевичу Аксакову III-им отделением // Хранители России: Антология. Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. / под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца; авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, В.А. Болдин, Т.И. Дайн, Д.Ю. Кухарский, А.З. Маргушева, Р.В. Михайлов, А.В. Мырикова, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянц. М.: ООО «Новые решения», 2018. С. 348–359.
10. Из книги М.П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо к профессору Ширрену» // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 65–81.
11. *Ильин И.А.* Мировая политика русских государей / Проф. И.А. Ильин // Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг. Т. I. Париж: Изд-е Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 94–99.
12. Комментарии // Хранители России: Антология. Т. 5: Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. / под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца; авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, В.А. Болдин, Т.И. Дайн, Д.Ю. Кухарский, А.З. Маргушева, Р.В. Михайлов,

А.В. Мырикова, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянц. М.: ООО «Новые решения», 2018. С. 446–448.

13. Кронштадтский вестник. 1863. № 115. 9 октября.

14. [*Катков М.Н.*]. [Передовая статья] // Московские ведомости. 1868. 30 августа. № 187.

15. [*Катков М.Н.*]. [Передовая статья] // Московские ведомости. 1868. 4 сентября. № 191.

16. [*Катков М.Н.*]. [Передовая статья] // Московские ведомости. 1868. 6 сентября. № 193.

17. [*Катков М.Н.*]. [Передовая статья] // Московские ведомости. 1868. 17 сентября. № 200.

18. *Маргушева А.З., Ширинянц А.А.* Русофобия и контрпропаганда: исторический опыт Российской империи // Век информации. 2018. Т. 1. № 2. С. 44–45.

19. *Маркс К., Энгельс Ф.* Новый «Священный союз» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 156–157.

20. *Мырикова А.В.* Ф.И. Тютчев: особенности политического дискурса. М.: Воробьев, 2003. 205 с.

21. *Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А.* В поисках самобытности: Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 61–74.

22. *Пирожкова Т.Ф.* «Страшная книга» Ю.Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 3. С. 130–150.

23. [*Погодин М.П.*] Остзейский вопрос: Письмо М.П. Погодина к проф. Ширрену. М.: Типогр. «Русского», 1869. 181 с.

24. [Предисловие] // Общественное устройство города Риги: Исследования ревизионной комиссии, назначенной Министром внутренних дел. 1845–1848. Том первый. СПб.: В типогр. Министерства внутренних дел, 1852. С. I–VIII.

25. Русский вопрос в истории политики и мысли: Антология / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 624 с.

26. *Самарин Д.Ф.* Предисловие // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 7: Письма из Риги и история Риги. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1889. С. I–CXXXV.

27. *Самарин Ю.Ф.* Всеподданнейшее письмо государю императору Александру Николаевичу // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 8: Окраины России. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1890. С. IX–XXVII.

28. *Самарин Ю.Ф.* Письма из Риги // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 7: Письма из Риги и история Риги. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1889. С. 3–160.

29. [*Самарин Ю.Ф.*] Окраины России. Сер. 1: Русское Балтийское поморье. Вып. 1. [Русское Балтийское поморье в настоящую минуту (как введение в первую серию)]. Прага: Типогр. д-ра Ф. Скрейшовского, 1868. 188 с.

30. [*Самарин Ю.Ф.*] Окраины России. Сер. 1: Русское Балтийское поморье. Вып. 2. [Записки православного латыша Индрика Страумита (1840–1845)]. Прага: Типогр. д-ра Э. Грегра, 1868. 133 с.

31. [*Самарин Ю.Ф.*] Окраины России. Сер. 1: Русское Балтийское поморье. Вып. 3. [Православные латыши]. Berlin: B. Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1871 (Лейпциг). 196 с.

32. [*Самарин Ю.Ф.*] Окраины России. Сер. 1: Русское Балтийское поморье. Вып. 4. [Процесс русского правительства с Евангелическим союзом]. Berlin: B. Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1874 (Наумбург). 364 с.

33. [*Самарин Ю.Ф.*] Окраины России. Сер. 1: Русское Балтийское поморье. Вып. 5 [Привесок к четвертому выпуску Окраин России]. Berlin: B. Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1875. 136 с.

34. [*Самарин Ю.Ф.*] Окраины России. Сер. 1: Русское Балтийское поморье. Вып. 6: [Крестьянский вопрос в Лифляндии]. Berlin: B. Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1876. 434 с.

35. [*Самарин Ю.Ф.*] Окраины России. Сер. 1: Русское Балтийское поморье. Вып. 1. 3-е изд. Berlin: B. Behr's Buchhandlung (E. Bock.), 1869. 187 с.

36. [*Самарин Ю.Ф.*] Ответ г.г. ф. Бокку и Ширрену по поводу «Окраин России» Ю. Самарина. Berlin: B. Behr's Buchhandlung, 1870 (Лейпциг). 114 с.

37. *Сорокопудова О.Е., Ширинянц А.А.* «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. 2014. № 2 / [Режим доступа]: http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/555

38. *Тютчев Ф.И.* Письмо А.И. Георгиевскому. Ницца. 2/14 января 1865 / Ф.И. Тютчев // Письма к московским публицистам. 1864–1866 // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М.: Наука, 1988. С. 387–390.

39. *Тютчев Ф.И.* Письмо А.Ф. Аксаковой. Петербург. Среда, 20 сент[ября] [1867] / Ф.И. Тютчев // Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872 // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М.: Наука, 1988. С. 305-307.

40. *Тютчев Ф.И.* Письмо А.Ф. Аксаковой. [Петербург]. 2 января [1869] / Ф.И. Тютчев // Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872 // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 352–353.

41. *Тютчев Ф.И.* Письмо И.С. Аксакову. С.-Петерб[ург]. Среда, 19 февраля [1869] / Ф.И. Тютчев // Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 355–356.

42. *Тютчев Ф.И.* Письмо А.Ф. Аксаковой и И.С. Аксакову. Петербург. 4 сентября 1869 / Ф.И. Тютчев // Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 358–359.

43. *Тютчев Ф.И.* Письмо А.Ф. Аксаковой. Петербург. 7 декаб[ря] 1870 / Ф.И. Тютчев // Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872 // Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 364–366.

44. *Тютчев Ф.И.* Письмо А.Д. Блудовой от 28 сент. 1857 г. / Ф.И. Тютчев // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1980. С. 183–185.

45. *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад: книга пророчеств. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1999. 202 с.

46. *Ширинянц А.А.* «Внутренняя» русофобия и «остзейский вопрос» в России XIX века // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 35–47.

47. *Ширинянц А.А.* «Консерватор», «консерватизм», «консервативный» в русской социально-политической мысли XIX века // Sensus Historiae. Vol. XX (2015/3). S. 27–35.

48. *Ширинянц А.А.* М.Н. Катков и М.П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России // Катковский вестник: Религиозно-философские чтения: к 190-летию со дня рождения М.Н. Каткова. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 90–103.

49. *Ширинянц А.А.*Социально-политическое единство и целостность России в русской политической мысли второй половины XIX века // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности: Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 28–29 сентября 2012 г. СПб.: Алетейя., 2013. С. 364–373.

50. *Ширинянц А.А., Мырикова А.В.* «Внутренняя» русофобия и «польский вопрос» в России XIX века // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 1 (39). Т. 8. С. 15–27.

51. *Ширинянц А.А., Мырикова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–114.

52. *Ширинянц А.А., Фурсова Е.Б.* Национально-политическое единство и целостность России в истории русской политики и мысли XIX века (И.С. Аксаков о прибалтийском вопросе) // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века: Материалы Всероссийской научно-общественной конференции, 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. М.: Научный эксперт, 2013. С. 399–414.

53. [*Шутов А.Ю., Ширинянц А.А., Сорокопудова О.Е., Мырикова А.В., Сетов Н.Р., Топычканов А.В., Осадченко З.Н.*]. Россия в западном зеркале: отражения и искажения. Русский вопрос в истории политики и мысли: Антология / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. 2015. № 2. С. 175–207.

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся русскому мыслителю и общественному деятелю консервативно-«хранительного» направления Юрию Федоровичу Самарину (1819–1876). Одна из граней его творчества связана с постановкой «остзейского вопроса» – о «внутренней» русофобии остзейских немцев, стимулировавших центробежные устремления западных окраин Российской империи, о положении русских, русского языка и православия в Прибалтике, об угнетении и онемечивании местного населения остзейскими баронами, о слабости центральной власти, проводящей в крае «либеральную» политику, противоречащую интересам России. Выступление Самарина вызвало репрессии правительства по отношению к нему и ожесточенные нападки проостзейской печати. В защиту Самарина выступили М.Н. Катков, И.С. Аксаков, М.П. Погодин. Их совместные усилия заставили правительство скорректировать позицию в остзейском вопросе, наметить план и начать реализацию реформ в крае, направленных на полное слияние Прибалтики с Россией. Однако все пошло, как предсказывал Самарин, – в XX веке центральная власть перестала интересоваться своими окраинами, и это стало началом разложения страны.

Ключевые слова: «внутренняя русофобия», Ю.Ф. Самарин, остзейский вопрос, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, М.П. Погодин, Ф.И. Тютчев, русское «хранительство».

Aleksandr A. Shirinyants, Doctor of Political Sciences, Professor. Head of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: jants@yandex.ru

“Patriotc Work” of Yu.F. Samarin

Abstract. The article is devoted to the outstanding Russian thinker and social figure of the conservative-protective (“khranitel”) ideology – Yuri F. Samarin (1819–1876). One of the aspects of his work was connected with raising the “Baltic issue” – the issue of “inner” Russophobia of Baltic Germans, who supported “centrifugal” aspirations of the Western outlying areas of the Russian Empire, as well as the issues of the situation with Russians, Russian language and Orthodox religion in the Baltic areas, oppression and Germanization of the local population by the Baltic barons, weakness of central authorities pursuing the “liberal” policy in the area that contradicted the national interests of Russia. Samarin’s views and statements caused government repressions against him as well as fierce Baltic-oriented media attacks. But M.N. Katkov, I.S. Aksakov and M.P. Pogodin supported Samarin. Their joint efforts made the government change its attitude to the Baltic issue, draw a perspective plan and start carrying out reforms in the area that were directed to full consolidation of the Baltic areas with Russia. But later events showed the realization of Samarin’s predictions, – in the 20th century the central authorities stopped paying due attention to the outlying areas and it marked the start of the country disintegration.

Keywords: “Inner Russophobia”, Yu.F. Samarin, Baltic issue, I.S. Aksakov, M.N. Katkov, M.P. Pogodin, F.I. Tyutchev, Russian “Khranitel’stvo” (protectiveness).

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-35-40

Игорь Тяпин

«Русский Фихте». Актуальность философии национального сознания Ю.Ф. Самарина

Проблемы российской историософии, поставленные представителями славянофильского направления, оказываются сегодня актуальны даже более, чем полтора века назад, поскольку если раньше, как в случаях непродуманных преобразований Петра I или большевистского радикализма, российской цивилизации удавалось приспособиться к изменениям благодаря их частичному соответствию объективным интересам общества и его ментальности, то теперь, в силу явной неадекватности «реформ» ситуации в стране и мире и надломленности народного духа, наша страна стала крайне неустойчивым, дезориентированным образованием. Неисчерпаемая глубина славянофильского наследия как основания ценностно-целевой составляющей адекватной стратегии развития России в XXI веке вызывает необходимость его дальнейшего изучения.

Как известно, война 1812 года всколыхнула русский народ и заставила передовых людей того времени по-новому взглянуть на его историческую роль. К середине XIX столетия понятие «народность» прочно входит в философско-публицистическую литературу; общество все настойчивее стало обращаться к проблеме общественного идеала, критически относясь к разным сторонам существующего порядка и уклада. Вся русская социально-философская и политическая мысль билась над тем, как утвердить в обществе личностное начало, одновременно сохранив и укрепив в нем начала национальное и государственное. Понимание того, что именно государство в России выступает главной силой, способной влиять на развитие общества, сочеталось у славянофилов с требованием к государству быть источником и олицетворением справедливости, ценностно-смысловой системой, а не исключительно политико-правовым образованием, существующим ради права и самого себя, не стоящим над человеком и обществом, а находящимся с ними рядом.

При некоторой наивности славянофильского идеала, суть которого состоит в том, что Россия имела в допетровский период опыт бесконфликтных отношений личности, общества и государства и способна вернуть человечеству утраченные абсолютные социально-этические принципы, он был обращен не только в прошлое, а степень его утопичности куда меньше, чем чаяния прошлых и настоящих западников, а также «религиозных космополитов» – представителей философии всеединства и нового религиозного сознания (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др.), многое позаимствовавших у славянофилов, в том числе идею «соборности», при этом подвергнувших их уничижительной критике, отталкиваясь от несостоятельного девиза «Все национальное – ничто перед общечеловеческим». Развитие личностного сознания через сознание национальное в ситуации постоянного подавления властью то одного, то другого – вот чего хотели славянофилы и чего они так и не дождались. Как писал В.В. Зеньковский, «славянофилам, при

Тяпин Игорь Никифорович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Вологодского государственного университета. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

всем пламенном их патриотизме и горячей защите русского своеобразия, совершенно был чужд сервилизм, угодничество и затыкание рта противников... все славянофилы стойко защищали свои идеи и все пострадали от близорукого правительства» [10, с. 8].

Фигура Ю.Ф. Самарина, исследовавшего основные элементы российского общества, до сих пор находится несколько в «тени» других деятелей славянофильского направления (прежде всего А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова). Это при том, что по масштабу личности, силе текстов и результатам разработки темы национального духа Самарин порой сравнивается с И. Фихте. И такое сравнение вполне уместно. Фихте из своей концепции морали и права вывел учение о нации как изначально совокупности носителей высшего уровня интеллектуального и нравственного развития («чистая нравственность»), соединивших в себе героизм и разум, личное, этническое и общечеловеческое, направляющих усилия на раскрытие всеобщего, божественного содержания, но в идеале в итоге своего развития долженствующей стать тождественной «народу». Только таким образом народ, обозначающий определенную духовно-кровную человеческую общность, может превратиться в настоящую нацию. В философии И. Фихте, по мнению Э. Кедури, полное самоопределение индивида потребовало национального самоопределения [9].

Самарин одним из первых в России высказал идею о необходимости участия русской интеллигенции в выработке и развитии национального самосознания [2]. При этом, поскольку А.С. Хомяков был сторонником «вселенскости» и видел Россию все же в семье европейских стран, именно Ю.Ф. Самарину русская философская мысль обязана идеей о возможности разных путей развития сосуществующих, но непохожих друг на друга «миров» [17]. И если А.Г. Ломоносов заявляет о том, что «актуальность философского идеализма Фихте для образования нашего национального духа не вызывает сомнений... несмотря на разделяющее нас время, Фихте – наш современник и, более того, несмотря на свои немецкие корни, по духу своего стремления к идеалу он – наш соотечественник» [11, с. 204], то тем более можно и нужно констатировать современность Ю.Ф. Самарина, многие страницы произведений которого словно возникли из наблюдений за сегодняшней действительностью.

Чего стоит, к примеру, следующий отрывок из статьи «Чему должны мы научиться?», написанной по окончании Крымской войны: «В то время, как западные журналы и кабинеты осыпали нас пошлыми обвинениями и бесстыдными клеветами, мы стояли как уличенные преступники перед судьями, беспокойно озирались кругом, ища защитников, лепетали какие-то робкие оправдания, лишь изредка позволяя себе указывать на противоречия в словах или непоследовательность в действиях наших противников, и с жадностью хватались за каждое слово в нашу пользу, случайно проронненное кем-либо из посторонних зрителей... Так ли говорят поборники святого дела, исполнители исторического призвания? Правда, для внутреннего употребления был у нас другой язык. У себя дома мы храбрились, мы клялись не оставлять наших единоверцев, потом защищать наши собственные пределы до последней капли крови; мы осеняли себя крестным знамением и громко уверяли, ударяя себя в грудь, что с Божьей помощью нам никто не страшен; но кто же не знал, что все это говорилось для глупой черни, которая любит вплетать тексты в свою речь?» [15, с. 286–287].

Большинство печатных работ монархического и советского времени, а также 1990-х годов, в которых фигурировал бы Ю.Ф. Самарин, посвящены славянофильству в целом, и его идеи не занимают в них главного места. Как отмечает М.В. Максимов, единственное полное собрание сочинений мыслителя было издано на рубеже XIX–XX веков [16], а следующие издания – лишь в конце XX и начале XXI века – томики избранных произведений [13, с. 208]. Только в последние годы произошли определенные изменения. Прежде всего можно указать на ряд диссертационных работ 2000-х годов [4, 7, 8, 12]. Важное зна-

чение имеет деятельность А.Н. Николюкина по изданию трудов Ю.Ф. Самарина (имеется в виду пятитомник санкт-петербургского издательства «Росток» 2017 года). К проблеме интерпретации Самариным имперского и национального начал в общественном сознании России обращается Ф.И. Гиренок [3].

Особое место в недлинном (пока!) библиографическом списке, без сомнения, принадлежит работам С.И. Скороходовой – монографии (на основе диссертационного исследования) [20] и целому ряду статей, в совокупности обращенных к центральным темам творчества мыслителя: философии религии, философии истории, философии свободы, в контексте всей русской философской мысли XIX – начала XX века, характеризующихся введением в оборот архивно-рукописного наследия славянофильского мыслителя. Тем не менее пока вряд ли можно говорить о целостном реконструировании важнейшей для Ю.Ф. Самарина темы русского национального сознания – его природы, особенностей, истоков кризиса и перспектив.

В основе понимания Ю.Ф. Самариным истории, по мнению некоторых авторов [1, 17], лежит теоантропоцентрическое учение о личном откровении («непосредственном и личном восприятии сознательного и преднамеренного воздействия Бога на человеческую жизнь»), подводящем человека к осознанию его нравственного долга и не умаляющем внутренней свободы. История есть слово Божие, обращенное к человеку, который может последовать его призыву или сознательно и намеренно отклониться от него. Такой телеологизм отнюдь не исключает человеческой активности, роли личности как ответа на «мировой запрос» «свежих» народов и выразителя духа последнего.

Продолжая линию «старших славянофилов», Ю.Ф. Самарин видел социальный идеал как единство всемирного и национального (народного), выделил православие и самодержавие в качестве основных элементов российского общества, а также произвел сравнение германского и славянского миров в пользу последнего: рядом с безграничным развитием личности в мире германском славяно-русский мир удерживал личность в добровольно признаваемых границах, не подавляя ее. Как и предшественники, Самарин видел этот идеал – неограниченной власти, единой и народной, действующей во имя всех, идущей во главе цивилизации – в Древней Руси и противопоставлял его как современной России, так и Западу, указывая на (будто бы!) отсутствие в допетровские времена завоеваний, феодализма, договора монарха и народа, междоусобных войн, религиозных смут и общественных переворотов. Понятие «русская народность» для него равнозначно понятию «русское государство».

Полемизируя с К.Д. Кавелиным, критиковавшим первобытный, родовой быт славянских племен, отождествляемый им с общинным, за отсутствие личного начала и называвшим русский народ безличной «жидкой массой», время от времени приводимой в движение государством, Самарин утверждал: «Родовое устройство прошло, а общинное начало уцелело в городах и селах, выражалось внешним образом в вечах, позднее – в Земских Думах. Древнеславянское, общинное начало, освященное и оправданное началом духовного общения, внесенным в него церковью, беспрестанно расширялось и крепло» [14, с. 431–432]. Общество, живущее по христианским законам, – это соборное единство во множестве, которое возможно только в общине. Рядом с безграничным развитием эгоистической и жестокой личности в мире германском миролюбивый славяно-русский мир («славяне, спокойные, миролюбивые, жившие как члены одной семьи, сознававшие свои отношения под формой родства, смотревшие на рабов и чужеземцев не с юридической, а с семейной, “кровной” точки зрения») представил развитие общинного начала: «Мы дорожим народностью потому, что в ней видим жизненное осуществление начал истинных, в сравнении с теми, которые внесены романскими и германскими племенами, которые нам представляются односторонними, т.е. относительно ложными» [15, с. 467].

Как отмечает А.Н. Лазарева, Самарин выделял характерные для древней русской земли типы общинных личностей: богатырь, князь, монах [10, с. 46].

В отличие от Хомякова, Ю.Ф. Самарин считал, что «искать славянского духа в сложности всех племен славянских ошибочно», а целью и результатом всего славянского развития является средоточие и полнота славянского духа в России: «осуществление в себе общеславянского начала возможно только под одним условием – осознать себя в России» [6, с. 57]. Примером противоположного исхода он называл Польшу, где была осуществлена «прививка латинства» к славянской стихии, что привело к образованию «ненародной, строго замкнутой и притянутой к Риму иерархии, постепенное возникновение около нее аристократии военно-политической, отторжение власти от подданных, высших слоев общества от низших, быстрое развитие цивилизации в кругу привилегированных сословий, но цивилизации, не проникающей в народные массы и постепенное сгущение тьмы в низших слоях общества» [5, с. 62].

Несмотря на обращенность славянофильского идеала к Московской Руси, Россия для Ю.Ф. Самарина – не только Московское царство, но и империя. Противоречие, состоящее в том, что русские, создав государство, не стали нацией в европейском понимании, разрешилось в идее империи. В империи должен быть один центр власти, одни законы и никаких социальных или национальных привилегий. В основе имперского быта России лежит неразделенность власти, неразделенность русского человека и земли. При этом Самарин фактически признавал, что сращивание народного и государственного оборотной стороной имеет ситуацию, когда чрезмерное развитие индивидуальной воли (которой философ в принципе придавал важное значение как особой силе духа, и считал, что ее роль во внутренней жизни человека мало изучена [18]) для русского человека означает отказ от русскости (что и продемонстрировала значительная часть образованных классов, особенно в XIX веке) с ее ценностями совести, общины, взаимопомощи. Если власть (в которую попало множество людей, ломающих соборный принцип) изменяет народу, нарушает неписаный уговор отеческой заботы в обмен на терпение, русский человек оказывается совершенно незащищенным.

Эта измена и случилась в имперской России, достигнув пика при Николае I, что сформировало в народе острое и глубокое чувство несправедливости и разрушило народное единство. Характеризуя николаевское правление, Самарин с горечью констатировал: «В последнее же время правительство хотело только одного – чтобы Россия была смирна. Тридцать лет настойчиво, добросовестно, без устали усмиряли бедную Россию, и вот, наконец, она присмирела до такой степени, что общественный дух в ней оскудел вконец... народ, равнодушный к государственным событиям, принимает их как атмосферические явления, как ненастье и вёдро, и, продолжая жить бытовою, неисторическою жизнью, стоит в молчаливом раздумье, не подвигаясь ни на шаг к самосознанию. Дух общественный в народе замер» [15, с. 297, 301]. Одна часть общества в этой ситуации просто деградирует, другая, сменившая совесть на честь или выгоду, круговую поруку – на личную ответственность, смирение – на свободу, соборное сознание – на сознание индивида, – превращается в «немцев» (иностранцев).

Как пишет Ф.И. Гиренок, анализируя «Письма из Риги», «этот факт Самарин и обозначил как факт превращения русского в немца. Русский мог оставаться русским только под защитой князя, царя» [3]. Русский под покровительством власти должен почувствовать себя хозяином в собственной стране («Или мы будем господами у них, или они будут господами у нас» [16, т. VII, с. 106]). Веря в позитивные возможности социальной (народной) монархии, славянофильский мыслитель писал: «Вопрос теперь не в том, какая форма правления для нас лучше, а в том, – которое из двух побуждений, периодически сменяющихся в высших правительственных сферах, окончательно возьмет верх над другим: до-

верие или страх. Если восторжествует первое, то оно даст простор нашим национальным стремлениям и, тем самым, укрепит за нами наши государственные окраины; ибо Россия, развязанная у себя дома, верная своему историческому призванию, непременно понесет туда действительную свободу для всех, поставит на ноги народные массы и подымет их дух... Наоборот, второе побуждение повело бы к систематическому давлению внутри и к неразлучному с тем послаблению на наших окраинах всем анти-русским стихиям, тяготеющим к заграничным центрам» [16, т. VIII, с. 4–5].

В условиях противоречивых, но в целом удовлетворительных для страны реформ 1860–1870-х годов выход из противоречия личного и народного, общественного и государственного Ю.Ф. Самарин видел в народном просвещении как единстве умственного, христианско-нравственного и национального содержания усилиями национально мыслящей интеллигенции, прекратившей свой «временный разрыв с народом», поднимающей народ до себя («Было время, когда под народом разумели совокупность сил, способных быть приведенных в действие на подвиг или на разрушение, или на творчество как огонь или сгущенный пар... Сам от себя народ не мыслил, не делал – от этого труда избавляли его высшие сословия... Это время прошло. Народ поднялся и уразумел свое величие» [19, с. 176]) и народной монархии («...явлением народным упраздняется идея сословия вообще... Народ значит целое – целое значит единство жизни – единство жизни предполагает равенство живущих, предполагает уравнение личности перед единым источником жизни – богом» [19, с. 176]). При этом власть и интеллигенция должны поддерживать в народных массах твердую веру в нравственный закон, стремление к нему и надежду на его будущее торжество.

Увы, став «русским Фихте» по глубине проникновения в сущность народного духа, Ю.Ф. Самарин в полной мере не сделался им для самого народа, оставшись несколько недооцененным. Тем не менее до конца жизни Самарин продолжал верить в Россию, в ее потенциальную духовную мощь, личным примером доказывая свои главные тезисы о необходимости живого участия каждого гражданина в судьбе государства, о народности как совокупности начал, которые народ признает, в которые он верит, по которым судит о себе и других.

Литература

1. *Антонов К.М.* Философия религии Ю.Ф. Самарина // Религиоведение. 2004. № 2. С. 69–79.
2. *Белов А.В.* Идея национального самосознания в философии славянофила Ю.Ф. Самарина (200 лет со дня рождения русского мыслителя) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 5 (108). С. 35–38.
3. *Гиренок Ф.И.* О чувстве несправедливости в политике // Альманах Пространство и Время: Электронное научное издание. 2014. Т. 6. Вып. 1. С. 12 / Режим доступа: http://j-spacetime.com/content/PDF/Tom6/2227-9490e-aprovr_e-ast6-1.2014.35.pdf
4. *Ефремова Е.В.* Концепция исторического развития России Ю.Ф. Самарина: Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. М., 2001. 24 с.
5. *Жаба С.П.* Русские мыслители о России и человечестве: Антология русской общественной мысли. Париж: YMCA-Press, 1954. 285 с.
6. *Жигунова Г.В.* Национальное самосознание русского народа в философии славянофильства // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2006. Т. 9. № 1. С. 53–58.
7. *Захаров Э.В.* Ф.И. Тютчев и Ю.Ф. Самарин: жизненные и творческие взаимосвязи: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.01.01 – русская литература. М., 2000. 24 с.
8. *Йосифова П.С.* Ю.Ф. Самарин в общественной жизни России: Дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02 – отечественная история. М., 1991. 227 с.
9. *Кедури Э.* Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
10. Лазарева А.Н. Идеи соборности и свободы в русской религиозной философии. М.: ИФ РАН, 2003. 153 с.
11. *Ломоносов А.Г.* И.Г. Фихте. Речи к немецкой нации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 1. С. 201–204.
12. *Макеева У.Л.* Общественно-политическая деятельность Ю.Ф. Самарина: Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02 – отечественная история. СПб., 2007. 18 с.

13. *Максимов М.В.* «Неисправимый славянофил» Юрий Самарин (О монографии С.И. Скороходовой «Философия истории Ю.Ф. Самарина в контексте русской философской мысли XIX – первой четверти XX века». М.: Прометей, 2013. 432 с.) // Соловьевские исследования. 2013. № 4 (40). С. 206–216.

14. *Самарин Ю.Ф.* Избранные произведения. М.: Моск. филос. фонд; РОССПЭН, 1996. 605 с.

15. *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.

16. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения: в 12 т. Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1877. 418 с.

17. *Скороходова С.И.* К вопросу о некоторых философско-исторических аспектах творчества А.С. Хомякова и Ю.Ф. Самарина [Электронный ресурс] // Проблемы современного образования: интернет-журнал. 2017. № 1. С. 15–23 / Режим доступа: http://www.pmedu.ru/images/pso2017-1/15-23.pdf

18. *Скороходова С.И.* К вопросу о философии религии Ю.Ф. Самарина // Вестник РХГА. 2018. Т. 19. № 1. С. 224–234

19. *Скороходова С.И.* Понятие «народ» в историософии Ю.Ф. Самарина и славянофилов // Наука и школа. 2013. № 3. С. 174–179.

20. *Скороходова С.И.* Философия истории Ю.Ф. Самарина в контексте русской философской мысли XIX – первой четверти XX века. М.: Прометей, 2013. 432 с.

Аннотация. Значение разработки в русской мысли проблем национального сознания сохраняет актуальность в силу устойчивости принципов взаимосвязи власти и общества и жесткого разделения субъект-объектных функций и ролей. Недооцененность идейного наследия Ю.Ф. Самарина как оригинального интерпретатора фихтеанской философии национального духа применительно к российской действительности требует реконструирования его концепции национального сознания, оформившейся в ходе анализа социально-политических проблем России XIX столетия. Показано, как в результате критики двух ложных для страны путей «измены соборности» – культивирования индивидуализма (либо индивидуалистического западного национализма) и полного подавления властью активности русского народа при преференциях национальным меньшинствам, приведших к единому результату «замирания народного духа» и поражениям страны, в том числе военным, Самарин приходит к выводу о возможности выхода из кризиса народности через объединение усилий национальной интеллигенции и преобразованной монархии для цельного просвещения народных масс во имя будущей реализации нравственного социального идеала.

Ключевые слова: славянофильство, соборность, теоантропоцентризм, народность, русский мир, Ю.Ф. Самарин.

Tyapin Igor N., Doctor of Philosophical Sciences, PhD in History, Professor, Department of Philosophy; Vologda State University; Vologda. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

“Russian Fichte”. Relevance of Yu.F. Samarin’s Philosophy of National Consciousness

Abstract. The significance of the national consciousness issues in Russian thought is still very high due to the persisting interconnection principles of the authority and society and strict separation of subject – object functions and roles. Underestimation of Yu.F. Samarin’s ideological heritage as an original interpreter of Fichte’s national spirit philosophy with reference to Russian reality calls for the reconstruction of his national consciousness concept that was formed in the process of the analysis of the social and political problems in Russia in the 19th century. The article demonstrates that Samarin criticized two false ways of the country development related to the “change of “sobornost” (collegiality)”, – cultivating of individualism (or individualistic Western nationalism) and total suppression of Russian people activity by the power while giving preferences to national minorities that resulted in “national spirit fade-out” and various defeats of the country, including military, – and so he came to the conclusion that it was possible to overcome national crisis through the efforts of national intelligentsia and reforms of the monarchy to pursue mass education and enlightment with the purpose of future moral and social ideal realization.

Keywords: Slavophilism, “Sobornost” (Collegiality), Theoanthropocentrism, Nationality, Russian World, Yu. F. Samarin.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-41-67

Дмитрий Бадалян

Ю.Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией». 1840–1870-е годы

В 1848 году, завершая одну из статей цикла «Письма из Риги», в которой говорилось об униженном положении русских в Остзейском крае, Ю.Ф. Самарин обратился к читателям: «Сообразите все изложенное мною и скажите по совести: верите ли вы в существование немецкой партии и систематической вражды немцев к русским?». И далее продолжал: «А если самый вопрос покажется вам излишнем, то знайте же что есть в Риге русские, щеголяющие своим беспристрастием, и которые, бывши очевидцами половины этих фактов, утверждают, что немецкая партия есть призрак и что вражда немцев к русским выдумана нами» [1, с. 106]. Еще прежде того, в феврале или марте 1846 года, Самарин, рассказывая в письме А.С. Хомякову о внутриправительственной борьбе, отметил, что в тот момент «партия антинемецкая взяла верх над немецкою» [2, с. 305].

I

О какой «немецкой партии» говорил Самарин? Из его слов легко предположить, что он имел в виду проостзейскую группировку среди придворных и правительственных кругов (а иногда и шире – среди петербургского общества). Ее составляли и выходцы из Остзейских губерний, и поддерживавшие их русские дворяне. Позднее в том же духе трактовал это выражение издатель трудов Самарина, его младший брат Дмитрий Федорович. В предисловии к седьмому тому сочинений брата (включающему созданные в 1846–1848 годах «Письма из Риги» и «Историю Риги») он указывал на борьбу «двух партий, на которые распадалось в то время не только лифляндское дворянство, но и высшее правительство» [3, с. IX], а назначение в 1848 году генерал-губернатором Остзейского края светл. кн. А.А. Суворова связывал с тем, что тогда «немецкая партия одержала полную победу» [3, с. XLI]. Наконец, комментируя письмо Хомякова к Самарину о борьбе, развернувшейся вокруг остзейского вопроса в русском обществе, Д.Ф. Самарин добавлял, что важным фактором этой борьбы была «немецкая партия в Петербурге, или, как выразился Ю.Ф. “самообразовавшееся в центре самого правительства *особое министерство остзейских дел”*» [3, с. LXXVI]. Схожим образом, то есть как проостзейскую группировку во властной элите, трактовали «немецкую» («остзейскую», «ультранемецкую») партию в советское время С.Г. Исаков [4, с. 5–6, 25] и М.М. Духанов [5, с. 41, 464], а в XXI веке Ю.Л. Михайлова [6, с. 52, 58] и А.А. Ширинянц [7, с. 41].

Однако существуют и другие толкования этого термина. Так, в последние десятилетия Л.В. Выскочков [8, с. 85, 426] и М.М. Сафонов использовали его для описания

Бадалян Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора книговедения отдела редких книг Российской национальной библиотеки. E-mail: dmit.bad@gmail.com

действовавшего в 1820-х годах окружения вдовствующей императрицы Марии Федоровны (урожденной принцессы Софии-Доротеи Вюртембергской). Причем это окружение составляли не только немцы по происхождению, например, герцог А.Ф.К. Вюртембергский и граф Е.Ф. Канкрин, но и русские – П.В. Лопухин и кн. А.Б. Куракин, а их союзниками М.М. Сафонов называет М.А. Милорадовича и гр. Н.С. Мордвинова [9, с. 536–539; 10, с. 324][1]. Наконец, в научной литературе нередко говорят о «немецкой партии» («немецкой группировке», «немецкой фракции»), рассуждая о неформальных сообществах, выделявшихся в составе какого-либо учреждения или корпорации, например, между профессоров Московского университета [13, с. 9, 12, 172], в Русском географическом обществе [14, с. 157–166] или среди офицеров флота [15, с. 28, 59–60 и др.]. Своего рода синтез разных трактовок представляет это понятие у С.М. Сергеева, который рассматривает «немецкую партию» как этнокласс, действовавший в России на протяжении свыше двух столетий и активно проявлявший себя в различных сферах – не только при дворе, в государственном управлении и администрации, но в армии, в научных учреждениях и обществах, в университетской среде и даже в театре [16, с. 57].

Итак, «немецкую партию» составляли или поддерживали не только этнические немцы – остзейцы и приезжие, но и другие иностранцы, а иногда – русские дворяне. Что же их объединяло? Часто – общие интересы: социальные, политические или просто материальные (высокопоставленным русским чиновникам предлагали дипломы, а значит и привилегии остзейских рыцарей). Еще чаще – общее воззрения. В эпоху начала процесса «нациестроительства», то есть формирования в России представлений о нации, национальной культуре, национальных интересах и всего того, что позднее обобщенно назовут национальным сознанием, «немецкая партия» продолжала мыслить категориями европейского космополитизма. Представления о родине и нации для остзейцев (и большинства приезжих иностранцев) заменяла идея подданства: они служили не стране, а империи. Точнее сказать, служили императору, так же как их предки – своему сюзерену. Платой за службу они считали особые привилегии, дарованные немецким баронам в Прибалтийском крае и особое положение остзейцев при дворе, в правительстве и сфере управления (на что и указывал Самарин в своих «Письмах из Риги»).

Начиная с 1830-х годов противоборство с «немецкой партией» время от времени возникало в различных сферах: в системе образования, в литературе и журналистике [17, с. 317–360; 18; 19]. Едва ли не первым в него вступил министр народного просвещения С.С. Уваров, инициировав реформу учебных заведений Западного края, где вводилось обучение на русском языке, и Прибалтийского края, где задачи были скромнее: всего лишь добиться знания русского языка учащимися, студентами и профессорами. Это встретило яростное сопротивление остзейцев[2]. Поэтому и кафедра русской истории

[1] О существовании «немецкой партии» в июне 1828 года писал союзник остзейцев Ф.В. Булгарин, когда в переданной им в III отделение «Секретной газете» пытался дискредитировать Канкрина [11, с. 299]. За полгода до этого ведомство Бенкендорфа предприняло попытку скомпрометировать в глазах императора Куракина и Мордвинова [12, с. 19–20, 23]. Вероятно, все это было проявлением борьбы «фракций», составлявших одну «партию» – немцев-остзейцев и немцев-иностранцев. Смерть императрицы Марии Федоровны уменьшила амбиции последних и способствовала их примирению с остзейцами перед лицом общего конкурента – русского дворянства. После этого и Булгарин назвал «немецкую партию» выдумкой «мистической партии», которую он связывал с митрополитом Филаретом (Дроздовым) [11, с. 395–396].

[2] Прежде «В официальных документах Виленского учебного округа родным языком всего населения Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, среди которого поляки составляли абсолютное меньшинство, именовался польский. Исключительно на нем велось все преподавание <…> везде, кроме учебных заведений Киева» [20, с. 99]. Уваров добился включения русского языка и русской истории в программы начальных и средних училищ западных губерний и основал Киевский университет Св. Владимира, где обучение велось на русском языке. Пример упорного препятствования замыслам Уварова явила деятельность государственного

в Дерптском университете появилась лишь в 1853 году, уже после отставки Уварова (причем, в 1863–1869 годах ее занимал прославившийся своей русофобией К. Ширрен).

Еще ранее того развернулась скрытая борьба за контроль над прессой. Отстаивавшее интересы «немецкой партии» III отделение со второй половины 1820-х годов начало брать под свое покровительство важные для влияния на общественное мнение издания. Уваров, придя в Министерство народного просвещения, стал формировать свой круг подконтрольных журналов и газет [подробнее см. 23, 24]. Он явился первым высокопоставленным чиновником, позволившим себе длительные противоречия с «немецкой партией», а первым общественным деятелем, вступившим в борьбу с ней, стал именно Ю.Ф. Самарин.

Стоит отметить, что в противостоянии с «немецкой партией» славянофилы редко употребляли этот термин и саму «партию» понимали в широком смысле, то есть как общественную силу, воплощающую в себе космополитическое, антинациональное сознание. Так, в 1865 году Аксаков в газете «День» утверждал: «…почти в каждом учреждении России, почти во всем ее внешнем устройстве дышит немец, – понимая это слово в самом обширном смысле, т.е. не привязывая его ни к личности, ни даже именно к германскому племени» [25, с. 311][1] (в таком контексте слово «немец» приобретало свое изначальное значение – непонятно говорящий, то есть иностранец). Однако Самарин в силу обстоятельств, став специалистом по положению в Прибалтийском крае, острие своей критики направлял именно на остзейских баронов, составлявших самую организованную и сплоченную часть этого явления.

II

Первый акт борьбы Самарина с «немецкой партией» пришелся на 1846–1849 годы и связан с его службой в качестве чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел. На этой должности он около двух лет провел в Риге, центре Лифляндской губернии. Перед отъездом в длительную командировку он излагал К.С. Аксакову свое видение положения в Лифляндии: «…народ, угнетенный высшим сословием, просит защиты у русского правительства и зовет его на помощь и освобождение. Дело святое и чистое; но, кроме последствий, которое оно может иметь и не иметь для латышей, оно чрезвычайно важно для России, может изменить отношение власти к нам самим, т.е. к русским. Принимая сторону народа, до сих пор чуждого ему и отделенного от него высшим сословием, против верного и преданного сословия дворянского, правительство очевидно действует наперекор себе, своему духу и направлению как правительству отвлеченному, немецкому» [2, с. 271–272].

Эти слова позволяют отметить два существенных обстоятельства. Во-первых, Самарин еще до начала поездки в целом представлял ситуацию в Остзейском крае и то, что вскоре он выступил противником царивших там порядков, вовсе не связано с его личным уязвленным самолюбием, как пытался представить первый его биограф Б.Э. Нольде[2].

секретаря М.А. Корфа [21, с. 171–176, 183–185, 191–192, 194–195, 201–202]. О сопротивлении, оказанном Уварову в Остзейском крае, см. [22, с. 129–132]. Скомпрометировать меры, предпринятые министром в Виленском и Дерптском учебных округах, стремилось и III отделение. См. его отчеты за 1838, 1839 и 1843 годы [12, с. 189–190, 210–211, 333–334].

[1] Называя ненависть к немцам «чисто петербургским славянофильством», Аксаков утверждал в частном письме: «Немцев травить надо в нас самих; в каждом из нас сидит немец, – а что такое Sanktpetersburg, как не воплощение немецкого начала на русской почве?» [26, л. 3 об.].

[2] Потомок немецких баронов Б.Э. Нольде подводил речь к тому, что причиной конфликта «руководящих элементов края» и «русского дворянина Самарина» явилась ущемленная дворянская гордость последнего, ведь «он чувствовал себя равным им по культуре и чувствам, а между тем эти элементы не скрывали, что смотрят на русских сверху вниз» [27, с. 51].

Другое важное обстоятельство – то, что основной причиной глубокого антагонизма, разделявшего население Прибалтийских губерний, Самарин сначала полагал сословные противоречия: дворянство – народ. Однако, проведя в этом крае некоторое время, он увидел приоритет национального компонента: немцы – русские и иные национальности.

9 октября 1847 года Самарин писал М.П. Погодину: «…все здесь дышит ненавистью к нам, ненавистью слабого к сильному, облагодетельствованного к благотворителю и вместе гордым презрением выжившего из ума учителя к переросшему его ученику. Здесь все окружение таково, что ежеминутно сознаешь себя, как русского, и, как русский, оскорбляешься»[2, с. 321]. А спустя полгода, уже приступив к работе над «Письмами из Риги», он признавался К.С. Аксакову: «Систематическое угнетение русских немцами, ежечасное оскорбление русской народности в лице немногих ее представителей – вот что волнует во мне кровь»[2, с. 294].

Если до своей поездки в Лифляндию Самарин в чем-то и ошибался, так это в направлении политики Николая I, который все же не стал «действовать наперекор себе». Пусть и не сразу, не без колебаний он поддержал остзейцев, сохранив их привилегии. Остзейские дворяне с момента вхождения края в состав империи пользовались всеми правами, распространявшимися в России на дворянское сословие, однако русские дворяне (не включенные в матрикулы, то есть местные списки дворянских родов) в пределах Прибалтийских губерний не имели прав немецких рыцарей. Так, они не могли избирать и быть избраны в местные органы власти или приобретать здесь имения. К тому же все делопроизводство в крае велось только на немецком языке.

Вероятно, главной причиной для сохранения такого положения было то, что император использовал преданных лично ему остзейцев как противовес русскому дворянству: ведь представители лучших дворянских фамилий однажды уже составили заговор против него, а прежде в результате дворянских комплотов были убиты его отец и дед. Потому и III отделение Николай I доверил А.Х. Бенкендорфу (сыну остзейца и уроженки Вюртемберга), а тот от трети до половины штатных должностей в своем ведомстве отдавал немцам или выходцам из других стран.

Еще до отъезда из столицы Самарину было поручено изучить состояние крестьянского вопроса в Лифляндской губернии (дворянство которой в 1819 году воспользовалось желанием Александра I освободить крестьян, чтобы, как позднее говорилось в «Письмах из Риги», «под предлогом оказанного благодеяния лишить их лучших земель и из домохозяев обратить в батраков» [1, с. 90]). Затем, уже будучи в Риге в составе ревизионной комиссии Министерства внутренних дел, он занялся изучением истории городского устройства и хозяйства. Результатом этих трудов явился проект реформы устройства Риги, сохранявшегося со времен средневековья, и разработка мер по улучшению ее хозяйственного уклада. Именно в этой связи Самарин подробно изучил состояние прав, привилегий и обычаев в Лифляндии.

Однако в феврале 1848 года генерал-губернатором края вместо Е.А. Головина был назначен светлейший князь А.А. Суворов. Это означало поворот в правительственной политике, проводимой в Остзейском крае. Спустя десятилетия Д.И. Воейков так объяснял его суть: «Генерал Головин энергично противодействовал балтийским притязаниям и помогал латышам и эстам в их стремлении к православию, встречавшем такой энергичный отпор со стороны всей сплоченной местной силы дворянства, протестантского духовенства и немецких городов. Но сила эта, опирающаяся в Петербурге на графа Бенкендорфа и многих друзей, добилась смещения генерала Головина и назначения взамен его легкомысленного немецкого студента, носившего имя русское, имя князя Суворова[1]. До самой смерти своей

[1] А.А. Суворов в 1824 году окончил Геттингенский университет, до этого учился во Франции и Швейцарии, а ранее – в иезуитском пансионе в Санкт-Петербурге; с июля 1849 года включен в матрикул Эстляндской губернии.

<он> никогда не был русским человеком: добрый, веселый и приветливый, он был любим всеми, кроме тех русских людей, которые были всегда отданы на съедение всякому иностранному проходимцу и всем домашним центробежным элементам. В 40-х годах в Риге он был тем же, чем оказался в 60-х в С.Петербурге во время своей известной борьбы с Муравьевым» [28, с. 714].

Вскоре после этого стало очевидно, что предложенные ревизионной комиссией меры останутся без последствий. Тогда Самарин изложил свое видение ситуации в Прибалтийских губерниях в цикле статей «Письма из Риги». Вернувшись в Петербург, а затем в Москву, он читал их рукопись в некоторых близких ему домах и распространил в нескольких списках, один из которых передал своему начальнику – министру внутренних дел Л.А. Перовскому.

Самарин прямо говорил, что попытки реформировать положение в Прибалтийских губерниях провалило «всеобщее, систематическое сопротивление, происходящее от укоренившегося понятия об отношении края к государству» [1, с. 63]. Местные законы, дефакто получившие приоритет над законами империи, обеспечивали Остзейскому краю положение государства в государстве. При существующих порядках, объяснял автор «Писем из Риги», «остзейское рыцарство в общем составе русского дворянства составляет как бы аристократию, занимающую высшую степень» [1, с. 77]. Еще большее неравноправие поддерживалось среди других сословий: «Граждане составляют едва ли треть городских обывателей», при этом «обыватели, не граждане, обречены на самую жалкую жизнь». Не гражданам, к примеру, запрещалось выбирать присяжных. «Большинство граждан, – подытоживал Самарин, – состоит из немцев; большинство обывателей – из русских, латышей и жидов; граждане живут в городах, обыватели в предместьях» [1, с. 112].

В другой главе Самарин отмечал: «Племенная гордость германцев проявляется во всей невежественной слепоте ее в отношении к славянскому племени в целом; но в Остзейском крае это чувство было развито еще особенными обстоятельствами» [1, с. 50]. Он считал эти обстоятельства результатом политики Петра I, относившегося к немцам как к учителям и наставникам. Описывая презрительное отношение к русским в Прибалтийских губерниях, Самарин заметил: «…мне кажется, Россия присоединена к Остзейскому краю и постепенно завоевывается остзейцами» [1, с. 97].

После таких рассуждений Самарин и заявил о существовании «немецкой партии». Чтобы понять, насколько решителен и рискован был этот шаг, надо вспомнить, что за семнадцать лет до этого описание такой «партии», еще не используя сам термин, позволил себе И.В. Киреевский в журнале «Европеец» [29, с. 74–75], и его издание было тут же прекращено. На сей раз речь шла не об издании, а о рукописи, распространяемой всего в нескольких экземплярах. Однако ее читателями или слушателями являлись те, чье слово имело влияние на формирование общественного мнения. Помимо друзей-славянофилов и их ближайшего окружения, отдельные ее экземпляры были вручены митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), гр. С.Г. Строганову и А.П. Ермолову, а среди читателей рукописи были министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселев, члены Государственного совета Е.А. Головин и В.А. Перовский, крупные чиновники Министерства внутренних дел А.В. Веневитинов, Н.А. Милютин, В.В. Скрипицын, гр. Д.Н. Толстой, Я.В. Ханыков, а также кн. Д.А. Оболенский и Ф.И. Тютчев [3, с. LXXXV].

Позднее Д.Ф. Самарин объяснял, что его брату удалось «пробудить в правительственных сферах и в обществе внимание к Остзейскому краю и поколебать установившуюся точку зрения на то, что́ там творилось под покровом изведанной лояльности, преданности, верности, честности – качеств, по понятиям тогдашнего петербургского общества, прирожденных Остзейцам» [3, с. LXXIV].

Под впечатлением самаринской рукописи министр Перовский решил представить ее в сокращенном и отредактированном виде императору, но враждебная «партия» опере-

дила его. Остзейцы, узнав о появлении «Писем из Риги», предпочли действовать чужими руками – через светлейшего князя А.А. Суворова[1]. Прибалтийский генерал-губернатор, на чью неблаговидную деятельность прямо указывалось в «Письмах», запросил у министра внутренних дел их «засвидетельствованную копию». В умело составленном официальном письме от 14 февраля 1849 года Суворов подчеркивал: «Исследования г. Самарина я не считаю частным трудом, ибо, во 1-х они, как значится в рапорте статского советника Ханыкова, составлены по поручению начальства и во время бытности членом Комиссии, отряженной от Министерства внутренних дел и получавшей содержание от казны и, во 2-х, документы и акты, служившие г. Самарину основанием труда его, были ему доступны только в качестве коронного чиновника» [31, л. 2; 3, с. LXXIX]. Перовский, разумеется, понял цель такого запроса и ответил генерал-губернатору, что «не имеет ни времени, ни средств заготовлять для него копии с *частных трудов*» [3, с. LXXX]. Так по крайней мере министр рассказывал Самарину. Однако ни автограф, ни отпуск его ответа не известны, а на письме Суворова к Перовскому проставлена входящая дата «4 марта 1849 г.» [31, л. 1]. Поэтому можно допустить, что министр предпочел просто игнорировать это письмо более двух недель.

Суворов воспользовался иной копией «Писем из Риги», которую передал с враждебными комментариями императору. После этого, 3 марта Николай I вызвал к себе Перовского, через которого потребовал от Самарина объяснений допущенного им в «Письмах» разглашения «канцелярских тайн».

На следующий день рапорт Самарина с его экземпляром «Писем» был передан императору. Из всего цикла тот просмотрел только 5-ю его статью, в которой подвергались сомнению «верность, законность и обязательность привилегий в Остзейском крае» и автор утверждал: «Чтобы быть полновластными господами у себя, остзейские привилегированные сословия должны располагать волею правительства, иными словами: быть господами у нас. Они давно это поняли, но мы до сих пор не могли еще понять» [1, с. 106]. Такие заявления не смягчили отношения Николая I, и в тот же день он потребовал от Самарина новых объяснений. Наконец, 5 марта, в субботу, тот был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость, где провел двенадцать дней. По указанию императора здесь его посетил и долго беседовал с ним протопресвитер Василий Бажанов, который с декабря 1848 года являлся духовником Николая I.

Вечером 17 марта император распорядился доставить Самарина к нему во дворец. В разговоре с ним Николай I заявил, что тот возбуждал «вражду немцев против русских», нападал на правительство, а значит – на самого императора. Он утверждал: «...вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря» [3, с. XCI–XCII]. Тем не менее Николай I велел освободить Самарина, впрочем, добавив: «Вас следовало отдать под суд <…>. Вы сами знаете, что вы сгинули бы навсегда» [3, с. XCI–XCII]. Иначе говоря, двадцатидевятилетнего чиновника выручило то, что его отец и мать служили прежде при дворе камергером и фрейлиной, а сам он являлись крестником Александра I и императрицы Марии Федоровны[2]. К тому же известно, что за Самарина просила супруга Николая I Александра Федоровна [3, с. XC].

Вечером 17 марта Самарин вернулся домой, но в тот же день, несколькими часами ранее III отделение арестовало И.С. Аксакова. Поводом к тому послужила его переписка,

[1] Подобная тактика была характерна для остзейцев. Так, преподаватель русского языка Д.В. Мевес, ставший жертвой их интриг из-за корреспонденции, посланной им из Аренсбурга в газету И.С. Аксакова, в 1869 году объяснял в письме А.А. Майкову: «…всего грустнее то, что немец орудием своей мести против меня избирает русских же людей. Через русских русскому насолить, навредить – а самому быть в стороне, вот его обычные приемы» [30, л. 3].

[2] См. запись о его крещении 4 мая 1819 года в Большой церкви Зимнего дворца: [32, л. 170 об.]

в которой он, в частности, рассказывая родителям о заграничных новостях, с негодованием отмечал, что «Австрия не оставляет намерения германизировать славянские племена» [33, с. 474], а 6 марта сообщил: «Дела идут плохо: немцы торжествуют, и Самарин сидит» [33, с. 478].

Аксаков провел в здании III отделения на Фонтанке около шести суток, и его Николай I допрашивал не лично, а через опросник, в котором были отдельные пункты, касавшиеся Самарина и отношения членов семьи Аксаковых к немцам. Иван Сергеевич отвечал «Отец и брат писали мне, что разделяют негодование Самарина против немцев в России. *Я тоже разделяю это негодование, ибо, как русский не могу быть равнодушен к положению русских в Остзейском крае.* Впрочем, так же, как и мои родственники, не люблю немцев только как касту, действующую в духе презрения к России и ее народу, но в частности уважаю и люблю их, если они хорошие люди. Доказательством этому служит то, что у меня много приятелей-немцев» [33, с. 504][1].

Добавим, что двумя годами ранее был арестован другой славянофил, Ф.В. Чижов, допросы которого проходили в рамках дела о Кирилло-Мефодиевском украинофильском обществе. Однако в III отделении его более всего расспрашивали не о связях с украинофилами (делу которых, несмотря на их радикализм[2], не хотели придавать серьезного значения), а об отношении к славянам и о московских славянофилах [37, с. 60–63]. Очевидно, уже в то время они вызывали подозрения и даже неприязнь этого ведомства. Тогда же его начальник гр. А.Ф. Орлов распорядился поощрять «Отечественные записки» (издатель которых А.А. Краевский имел с III отделением давние отношения) «к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней» [35, с. 50].

III

Во второй половине марта 1849 года, то есть после ареста Самарина и Аксакова, в Москве был учрежден тайный надзор за славянофилами[3]. Отметим: Орлов, возглавивший III отделение после смерти Бенкендорфа, находился в хороших отношениях с Перовским и в апреле 1849 года уверял, что если бы «Письма из Риги» были представлены императору через него, то для их автора это закончилось бы вполне благополучно. Более того, в беседе с Самариным он представлял себя его заступником и противником остзейских привилегий [3, с. CXI–CXII]. Вероятно, что, демонстрируя такую решительную позицию, Орлов лукавил и приукрашивал себя. Но можно ли сказать, что

[1] По сути, И.С. Аксаков пересказал слова отца, С.Т. Аксакова, который 12 марта писал ему по поводу случившегося с Самариным: «Горько и временное торжество немцев; я не фанатик, очень много имею терпимости, много имел и имею приятелей-немцев, из коих многие в частных личностях люди хорошие; но как каста, как партия, они всегда были мне противны. Последнее происшествие усилило общую ненависть к немцам» [34, с. 371–372].

[2] Как отметила И.А. Симонова, «в критике самодержавно-крепостнического строя России кирилло-мефодиевцы шли дальше славянофилов, выдвигая требование уничтожения самодержавия» [35, с. 48]. В этом свете становятся понятны и слова Хомякова из его письма к Самарину от 30 мая 1847 года: «Малороссиян, по-видимому, заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость <…> Не знаю, до какой степени было преступно заблуждение бедных малороссиян; а знаю, что бестолковость их очень ясна» [36, с. 258].

[3] В результате надзора за Самариным в ноябре 1849 года он был переведен со службы в Симбирске (где его встретили «с таким восторгом, который выходит из должных пределов») в Киев [37а, л. 15]. Когда же в ноябре 1852 года он подал в отставку, Николай I распорядился: «Строго смотреть за голубчиком, я ему в грош не верю; должен быть глубокий бездельник» [37 а, л. 20]. В августе 1858 года, когда Самарин уже являлся членом от правительства Самарского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, исправляющий должность оренбургского и самарского генерал-губернатора Н.В. Балкашин ходатайствовал об освобождении его из-под надзора полиции. Однако начальник III отделения кн. Вас. А. Долгоруков ответил на это отказом [38, л. 1–4].

он лгал? Самарин знал, что шеф жандармов отказался от предложения внести его имя в матрикулы остзейского дворянства [1, с. 77]. Добавим, что в первые годы его руководства III отделением отчеты этого ведомства без симпатии описывали порядки, действовавшие среди прибалтийских дворян. Так, в отчете за 1845 год в части, посвященной Остзейскому краю, предлагалось «постепенно и осторожно ослаблять силу тех местных привилегий, которыми ограничиваются права русских, и поставить там православных в то же положение, в котором господствующий народ должен находиться в пределах Империи» [12, с. 372–373].

Однако позднее подобные рекомендации в отчетах III отделения не повторялись, а с конца 1847 года упоминания об остзейских дворянах из них почти исчезли. В то же время все с большей настороженностью, а затем и враждебностью ведомство Орлова стало относиться к тем, кто стремился к сближению со славянами. Эта тенденция сложилась именно благодаря «немецкой партии», которая упрочивала свои позиции не только в придворной сфере, но и во влиянии на «европеизированное», то есть космополитическое общество. Вернуть III отделение к положению защитника интересов «немецкой партии» было тем легче, что его начальник не стремился вникать в подробности дел своего ведомства, передоверив многое его управляющему Л.В. Дубельту [39, с. 54].

Для того чтобы напугать власти славянами, использовалось понятие «панславизм», созданное в конце 840-х годов немецкой и венгерской националистической пропагандой как средство компрометации национальных движений славянских народов. Иначе говоря, термин этот возник еще прежде, чем стремление славян к единению (причем скорее культурному, чем политическому) приобрело сколько-нибудь серьезные формы [40, с. 47, 68–69; 41, с. 240–244].

Подозрительное отношение власти к славянофилам росло, и можно сказать, что уже в конце 1840-х годов была предрешена участь славянофильских «Московских сборников» 1852 и 1853 годов. То есть когда после пятилетнего перерыва славянофилы попытались обзавестись собственным изданием, первый том их «Московского сборника» вышел в свет только потому, что председатель цензурного комитета В.И. Назимов, находясь в тот момент в столице, не успел остановить его выпуск. Второй том уже должен был пройти двойной контроль – Главного управления цензуры и III отделения. В итоге его издание было запрещено, и самые суровые меры в отношении славянофилов – явный полицейский надзор и полный запрет на публикации пятерых из них – предлагал именно управляющий III отделением Дубельт. Однако позднее Орлов огласил несколько смягченное решение [42, с. 215].

После этого в издательской деятельности славянофилов наступила долгая пауза. Еще ранее были заморожены любые действия российских властей в отношении западных и южных славян.

Только при новом государе славянофилам позволили издавать журнал «Русская беседа», а во главе Азиатского департамента Министерства иностранных дел стал Ег. П. Ковалевский. Он не то чтобы вступил в борьбу с «немецкой партией», а всего лишь предпринял шаги, отвечающие интересам России в ее влиянии на славян. Заручившись его поддержкой (отнюдь не финансовой), И.С. Аксаков в 1858 году заявил о создании при «Русской беседе» «славянской конторы» и об издании со следующего, 1859 года газеты «Парус», которые должны были обеспечивать прочные, в первую очередь культурные связи и влияние России на славян. Эти планы были сорваны III отделением, и газета «Парус» была закрыта (как когда-то «Европеец») после выхода второго номера[1].

[1] После выраженного через цензуру запрета устроить «славянскую контору» И.С. Аксаков писал Ег. П. Ковалевскому о его брате, министре народного просвещения: «…сомневаясь, чтоб инициатива в этом

Спустя три года Аксаков в своей новой еженедельной газете «День» сумел устроить «славянский отдел», корреспонденции для которого готовили чиновники Министерства иностранных дел (и его единомышленники) В.И. Ламанский и А.Ф. Гильфердинг. Первые же публикации этого отдела вызвали интриги его прежних оппонентов. И редактор газеты рассказывал в письме А.Н. Бахметевой: «Австрийское Посольство, Немецкая партия и поляки также стараются мне подставить ножку в Петербурге» [45, с. 232][1]. Однако Аксаков пошел далее: в июне 1862 года напечатал передовую статью, в которой, споря с «Рижской газетой», заявил об остзейцах: «…преданные Русскому престолу они <…> проповедуют в то же время бой на смерть *Русской народности*; верные слуги Русского *государства*, они знать не хотят Русской Земли» [25, с. 6]. Статья эта имела для Аксакова программный характер, и он намеревался продолжить ее в следующих номерах. Однако Александр II, прочитав ее изложение в представленном ему обзоре печати, заметил: «Эту полемику желательно бы прекратить. Пользы она никакой принести не может, а только еще более возбудит обоюдные нарекания» [47, л. 55]. Цензура тут же разослала соответствующий циркуляр [48, л. 1–2], а Аксаков, пусть и из-за других публикаций, был лишен прав редактора-издателя [см. 49, с. 456–462].

После почти трехмесячного перерыва газета «День» продолжила издание уже под номинальным руководством Самарина. Но прежде чем это произошло, министр народного просвещения А.В. Головнин вызвал его в Петербург для личной беседы. Понимая, что перед ним поставят некие условия, Самарин ехал в столицу с готовностью отказаться от издания. Однако этого не случилось (а с января следующего года Аксакову позволили стать официальным редактором «Дня») [50, с. 323–324, 331]. Какие именно условия Головнин предъявил Самарину, – неизвестно, но, судя по тому, что в следующие три года в газете не появилось ни одной передовой статьи, посвященной привилегированному положению немецкого дворянства или «остзейскому вопросу» в целом, можно предположить: отказ от громких заявлений по этим темам был одним из немногих условий.

При этом в феврале 1863 года Аксаков в письме Н.П. Гилярову-Платонову утверждал: «…то единство и общение между собою, которые были в древней Руси, – Царя, общества и народа, – нарушены; <…> Русский народ, относясь к власти по-прежнему, как будто с XVII века не произошло никаких перемен, представил неограниченную власть – *немцам*, неограниченный произвол – немецкой *бюрократии*; это никогда не входило в его расчеты…» [51, с. 235–236][2]. Время от времени аксаковская газета позволяла себе отдельные корреспонденции или заметки, касавшиеся положения в Балтийском поморье. Причем

деле принадлежала Евграфу Петровичу, так как он сам по себе не склонен к мерам стеснительным, я предполагал, что он мог уступить внушениям других министерств» [43, с. 5]. Аксаков намекал на III отделение, которое и прежде того, и после препятствовало развитию контактов со славянским миром. Еще яснее оно проявило себя при закрытии «Паруса». В феврале 1859 года, Аксаков рассказывал кн. В.А. Черкасскому о роли, которую в этом деле сыграли управляющий и начальник III отделения: «…официальный мир весь раздражен, – особенно Тимашев и Долгорукий. Они наговорили Государю, что “Парус” – личное ему оскорбление, что я – образец черной неблагодарности, что я – вот как ответил на возвращенное мне право писать, и пр. и пр. Государь раздражился ужасно. Некоторое время шли толки о Вятке и Вологде, о предании суду. Кончилось тем, что отдали все это дело на рассмотрение Главного управления цензуры, которому и велено было собраться в экстренном заседании. <…> Главное управление, несмотря на то, что министерство иностранных дел объявляло себя *против запрещения* “Паруса” (находя это невыгодным по отношению к славянам), – решило запретить» [44, с. 291–292].

[1] Это письмо без даты, содержащее лишь имя отчество адресата и ее мужа. Оно отправлено вскоре после того как 2 ноября 1861 года Аксаков получил послание гр. Е.А. Салиас-де-Турнемир, упомянутое в этом письме [см. о нем 46, с. 118].

[2] Примечательно, что при первой публикации этого письма в 1896 году редакторы издания предпочли исключить из него приведенные здесь суждения о власти. Впервые они увидели свет только в 2017 году в публикации А.Г. Юшко [52, с. 549–553].

большинство их пришлось на период с мая 1864 по конец 1865 года, когда эта проблема была подхвачена целым рядом московских и столичных газет.

Важным поводом для активного обсуждения остзейского вопроса в русской прессе стали известия о речи генерал-суперинтендента, епископа, доктора Ф. Вальтера, произнесенной перед открытием Лифляндского ландтага 9 марта 1864 года. Вальтер, заявил, что господствующею церковью в этом крае должна быть протестантская, а господствующею народностью – немецкая и призвал к полной германизации всего населения Лифляндии. На это откликнулся М.Н. Катков в передовой статье «Московских ведомостей» (1864. 2 мая. № 97). В ответ Вальтеру он заявил «…не позволительно ли Русскому желать, чтобы в пределах Русского государства не было ни Эста, ни Лива, ни Шведа, ни Немца, и чтобы Немец в России, не разучиваясь своему языку (которому мы и сами учимся), и не изменяя своей вере, – тем не менее звал себя прежде всего Русским и дорожил этим званием?» [53, с. 259]. В следующей статье на эту тему – ответе московскому пастору А. Ферману, – вышедшей 17 мая (№ 109), Катков выдвинул задачу формирования у всех жителей государства самосознания, обеспечивающего преобладание имперской идентичности над этнической и ответственности за страну, в которой русскими мыслятся все подданные, сохраняющие при этом свои религию, язык и обычаи [53, с. 292–295].

«Московские ведомости» и далее оставались наиболее активным участником полемики, развернувшейся с остзейцами. Следом за ними выступал «Русский инвалид», официальная газета Военного министерства, среди постоянных авторов которой были близкие к славянофилам А.Ф. Гильфердинг, В.И. Ламанский и М.О. Коялович. В остзейском вопросе самым последовательным противником этих двух газет являлась «Весть», издаваемая В.Д. Скарятиным и Н.Н. Юматовым. Она представляла воззрения «аристократической оппозиции» – крупных помещиков, сторонников дворянского конституционализма, для которых сословные интересы заменяли национальные.

Позднее Д.А. Милютин, вспоминая то время, рассказывал, что газета руководимого им министерства вела «постоянную и систематическую полемику с немецкою печатью касательно Прибалтийского края, особенно когда начали являться резкие и обидные для России статьи даже в газетах, издаваемых в Риге и Петербурге». Он пояснял: «“Инвалид” восстал против духа сепаратизма в том крае, против германизации его, против отживших феодальных порядков.

Понятно, что при таком направлении “Инвалид” должен был навлечь на себя многочисленных врагов. Против него восстали все сочувствующие полякам, все наши прибалтийские бароны, все германофилы. В особенности раздражена была немецкая партия, всегда имевшая такое сильное влияние и в обществе, и в правительственных сферах» [54, с. 142–143].

Самым удобным инструментом воздействия на издания, раздражавшие «немецкую партию», была цензура[1]. Удобным тем более, что Министерством внутренних дел (в ведении которого с 1863 года находились цензурные органы) в то время руководил П.А. Валуев, активно поддерживавший остзейцев [5, с. 42–43, 466]. Об этом свидетельствовал и Милютин. «Насколько цензура была стеснительна для одних изданий, настолько же была снисходительная к другим», – утверждал он, приводя примером последних газету «Весть» [54, с. 143]. И именно в 1865 году, в разгар столкновений из-за ситуации в При-

[1] Редактор газеты Военного министерства С.П. Зыков вспоминал: «Только “Московские Ведомости” и “Русский Инвалид”, находившиеся в исключительном положении, позволяли себе указывать на остзейские порядки; все же другие, как Петербургские, так и Московские газеты терпели всякие кары вплоть до закрытия» [55, с. 519]. Однако и свободный от обычной цензуры «Русский инвалид» должен был избегать полемики с немецкими газетами после указания императора, переданного Д.А. Милютину в апреле 1865 года начальником III отделения кн. Вас. А. Долгоруковым [54, с. 147].

балтийских губерниях, Валуев был включен в матрикул Курляндии и Эстляндии [5, с. 467]. Многие иные подробности противостояния «Русского инвалида» с «Вестью» и ее союзниками в остзейском вопросе описал в своих воспоминаниях С.П. Зыков [55, с. 502–525].

Добавим, что позиция Аксакова в борьбе с «немцами» отличалась и от взглядов Каткова, и от воззрений «Русского инвалида». Он об этом заявил публично со страниц «Дня» в сентябре 1865 года. Причем острие его критик было направлено именно в сторону «Русского инвалида»: «…наши патриоты-враги Немцев, размножившиеся в последнее время в значительном числе, преимущественно в Санктпетербурге, сами большею частью едва ли могут назваться Русскими». Спустя несколько строк, он пояснял: «…нам надо уразуметь свои собственные интересы, – надо возненавидеть не Немца у него дома или в его Немецкой природной оболочке, а того Немца, которого мы сами вогнали себе внутрь, который глубоко засел нам в ум и даже в душу» [25, с. 310–311].

Схожие упреки, только не публично, а в частном письме к М.О. Кояловичу Аксаков высказывал еще ранее, в марте 1865 года в адрес сотрудника своего «Дня» и «Русского инвалида»: «Я боюсь, что Ламанский ударится в специальность – ненависть к немцам. Это чисто петербургское славянофильство. Там русский понимается только как *не*-немец, борьба происходит не между немцами и русскими, а между немцами и не-немцами. Ненавистнее должен быть нам Остзейского края – сам Петербург. Странна борьба против немцев под знаменем *Sanctpetersburg'a*!» [26, л. 3 об.]. В том же письме Аксаков, для которого важнейшим признаком «русскости» являлось исповедование православия [см. 56, с. 748], выразил свое отношение к представлениям «Московских ведомостей» о национальной идентичности: «Катковское государственное единство и цельность с русским католицизмом и русскими Моисеева закона есть чисто немецкое понятие, немецкий идеал государства» [26, л. 3 об.–4].

Еще прежде этого Н.Н. Страхов, возражая и Вальтеру, и Каткову, писал в журнале «Эпоха»: «Мы можем прямо и открыто желать, чтобы немцы, живущие, действующие и служащие среди нас, разучились своему языку, приняли православную веру, словом вполне обрусели, вполне слились с русскими людьми. В этих желаниях нет ничего преступного и ненормального» [57, с. 411].

Когда споры о положении в Прибалтийских губерниях захватили ведущие газеты, откликнулся на эту проблему и аксаковский «День». В его номере от 27 ноября 1865 года (№ 47/48) появилась передовая статья о положении крестьян в Остзейских провинциях [25, с. 9–16]. К этому времени Аксаков принял решение с окончанием года завершить издание газеты. Ему оставалось выпустить лишь три декабрьских номера и цензурные репрессии его не пугали.

Именно так понял ситуацию и член Совета Главного управления по делам печати И.А. Гончаров, который по долгу службы наблюдал за аксаковской газетой. В своем «Мнении», представленном в Совет Главного управления, он увидел «не один повод к преданию редакции суду» [58, с. 174], но выразил опасение, что карательные меры в адрес «Дня» будут истолкованы как «предпочтение, оказанное правительством немецкому населению Остзейского края», а торжество немцев «вызовет новое сильное раздражение и новый сильный протест со стороны московских журналов». Еще одной причиной не привлекать лишнее внимание к «Дню» он признал то, что аксаковская газета вскоре прекратит свое издание [58, с. 176].

Для предупреждения подобных публикаций Гончаров предложил напечатать в газете Министерства внутренних дел «Северная почта» официальное заявление, которое бы осудило направление, взятое «Днем», но не раскрывало названия издания, о котором идет речь [58, с. 177].

Вместо этого в «Северной почте» вскоре поместили на первой полосе «Циркулярное предложение начальника Главного управления по делам печати отдельным цензорам

по внутренней цензуре в Прибалтийском крае». Оно имело целью прекратить полемику о положении дел в Остзейских губерниях, так как та «не привела до сих пор ни к какому результату кроме обоюдного раздражения». Закрывая глаза на существующие острые проблемы, начальник Главного управления от имени министра внутренних дел указал цензорам: «…не следует пропускать в печать ничего, что могло бы служить, хотя косвенно, к поддержанию и подкреплению предубеждений насчет обнаружившихся будто бы в Прибалтийском крае попыток к его германизации и насчет мнимого отрицания его неразрывной связи с Россией». При этом единственным изданием, на которое прямо указывалось в циркуляре, была газета Аксакова: «Одна из московских газет («День» № 47 и 48) недавно перешла от нарекания на местные учреждения и сословия к прямому извету на главную в крае правительственную власть, утверждая будто ее распоряжения делаются только “для виду”» [59; 60, с. 180–182].

IV

Новый этап противостояния с «немецкой партией» наступил для Самарина в марте 1867 года. Это был третий месяц издания редактируемой И.С. Аксаковым ежедневной газеты «Москва». Именно для нее Самарин подготовил пять передовых статей, касавшихся разных аспектов остзейского вопроса (им предшествовала еще одна, написанная В.П. Перцовым и значительно исправленная Самариным). В первой из них речь шла о притеснении православных в Прибалтийских губерниях, затем автор вступил в полемику с газетой «Весть», в ходе которой предупреждал об опасности насильственного онемечивания края. В финале же этого спора он почти пророчески заявил: «Народность – вот та новая, с одной стороны разлагающая, с другой – объединяющая сила, которая теперь пробивается сквозь прежние формации <…>. Эта сила растет повсеместно, и ей очевидно принадлежит будущность» [61, с. 482].

Статьи Самарина привлекли внимание III отделения, которое утверждало, что их «содержание и общее направление» нарушают закон тем, что возбуждают вражду одной части населения против другой [6, с. 57]. «Высшее правительство», как записал цесаревич Александр Александрович в своем дневнике после чтения первой из этих статей, было ею «чрезвычайно недовольно и хотело даже отдать господина Самарина под суд за эту статью» [62, с. 82]. Но в итоге власти избрали иной путь.

По Временным правилам о печати, введенным в действие в 1865 году, если периодическому изданию выносилось три предостережения, оно немедленно приостанавливалось на срок до шести месяцев. «Москва» уже имела два предостережения. Причем они были вынесены благодаря усилиям начальника III отделения гр. П.А. Шувалова, действовавшего под прикрытием министра внутренних дел П.А. Валуева (в ведении которого с 1863 года находилась цензура)[1]. Шувалов еще ранее, на посту генерал-губернатора При-

[1] О положении цензуры, зависящей от Шувалова, писал Ф.И. Тютчев. Так, 22 января 1867 года он рассказывал дочери, А.Ф. Аксаковой, о самом первом предостережении, полученном газетой, которую редактировал ее муж: «Это предостережение, исходящее лично от Валуева и не поддержанное большей частью Совета по делам печати, было, вероятно, уступкой, но уступкой требованиям, которым Валуев не в силах противиться… У меня есть некоторые основания полагать, что главной причиной недовольства стало слишком дерзкое упоминание 3-его отделения, ну а 3-е отделение – это учреждение, которое само название свое воспринимает как ругательство, и совершенно законно» [63, с. 200, 202]. Месяц спустя Тютчев, объясняя в письме дочери, что ему не удалось выяснить, кто главный виновник второго предостережения «Москве» – Валуев или начальник III отделения, добавил: «Ясно одно: вопрос о принятии меры эти почтенные господа согласовали между собой и навязали Совету, несмотря на возражения председателя Похвиснева» [63, с. 208–209]. На следующий день он же писал жене, Эрн. Ф. Тютчевой, о направленном против «Москвы» «всемогущем произволе» и добавлял: «чьим подставным лицом, в конечном счете является Совет по делам печати» [63, с. 259–260]. Наконец,

балтийского края, проявил себя поборником интересов «немецкой партии» [5, с. 43–44] и с 1865 года был включен в матрикул дворян Эзеля [5, с. 467]. Став руководителем тайной полиции, он снискал себе репутацию самого ярого защитника «сепаратизма Остзейского края» и опоры «немецкой балтийской партии» [64, с. 265, 278].

Третье предостережение «Москве» было вынесено 26 марта. Решение об этом принял сам император в ответ на настойчивые обращения Шувалова. Валуев в своем дневнике передает ситуацию так, что именно шеф жандармов «настроил государя» [65, с. 196–197]. Подчеркнем, в официальном заявлении в вину газете были поставлены четыре самаринские статьи (в номерах от 12, 18, 19 и 21 марта), а также продолжавшая их тему анонимная заметка. «Москву» тут же приостановили на три месяца [66, с. 74–75].

Спустя почти пять месяцев, 23 августа 1867 года, обращаясь к Аксакову, член Совета Главного управления по делам печати Тютчев объяснял: «В самом составе Гла<вного> упр<авления> нет положительной против вас враждебности. Их только огорчает ваша чрезмерная резкость. – Враждебность свыше. – Я, по возвращении сюда, наговорил им самых горьких истин, а именно, что они, по несостоятельности, делаются орудием партии, не принадлежа к ней <…>. – Но что же делать? Так приказано» [63, с. 257]. На кого намекал Тютчев, можно понять, обратившись к тому, что произошло с редактируемой Аксаковым газетой в следующие месяцы.

Выступления по остзейской проблеме «Москва» продолжила осенью того же года. Ей было посвящено пять передовых статей, увидевших свет менее чем за сорок дней, – с 13 сентября по 21 октября 1867 года. Все они были подготовлены Аксаковым (Самарин, покинув в сентябре Россию, занимался подготовкой к печати книги «Окраины России»). В то время остзейцы повели энергичную борьбу за пересмотр указа о введении русского языка в официальное делопроизводство присутственных мест и в преподавание истории в местных гимназиях. С этой целью немецкие бароны не только использовали издания Прибалтийского края, но и прессу Германии, а также издаваемую Академией наук газету «St. Petersburger Zeitung». Первые четыре аксаковские статьи были посвящены полемике с ними о положении русского языка в Остзейских губерниях. Следующая, пятая статья появилась в особых обстоятельствах. Власти, встревоженные бурными спорами в прессе, 1 октября выпустили циркуляр, в котором указывалось на возникшую полемику и предписывалось цензорам в Прибалтийском крае не допускать «резкие отзывы о правительственных мероприятиях» [60, с. 210].

Узнав об этом будучи в Берлине, Самарин писал Аксакову: «Я нисколько не сомневаюсь в том, что единовременно запрещено было “Москве” и “Московск<им> ведомостям” перепечатывать и комментировать статьи из остзейских газет; одинаково несомненно для меня и то, что это распоряжение исходатайствовано самими остзейцами и их поверенными в Петербурге; но ни остзейская, ни заграничная публика этого не знает и не узнает, и, в ее глазах – это новое насилие, новое проявление заговора против немецкой культуры, немецкой народности, немецких интересов» [67, с. 239]. Действительно, и прежде бывало, что публично объявленному предупреждению цензорам в Прибалтийском крае, предшествовало (или шло вослед) аналогичное негласное указание русским изданиям. К примеру, в апреле 1865 года, как уже было отмечено, император велел военному министру, чтобы «Русский инвалид» прекратил споры с немецкими газетами. Газета подчинилась, но, как отметил Д.А. Милютин, «чрез это самая полемика не прекратилась, а все более и более разгоралась» [54, с. 147]. И это явилось еще одной причиной для циркуляра (упоминавшего газету «День»), опубликованного 15 декабря 1865 года. Похожим образом обстояло

17 марта цесаревич под впечатлением двух статей об Остзейском крае в «Москве» писал А.Ф. Аксаковой: «Все последние дела в продолжении этой зимы – грустные факты владычества Шувалова, но будем надеяться, что этот нахал долго не устоит» [62, с. 83].

дело и на этот раз. Аксаков в ответном письме Самарину так рассказывал об этом 28 октября: «Мы не получали никакого воспрещения, но на днях были делаемы мне и Каткову (порознь) личные внушения местной власти о том, что желательно было бы ослабить полемику и “стушевать” вопрос» [67, с. 242]. Аксаков ответил на это, что прекратит споры с газетами Балтийского края, но не может не защищать позиции своей страны от нападок иностранных изданий. Он пояснял Самарину: «Теперь я и употребляю такой прием: делаю выписки из иностранной газеты и возражаю, вступаясь за оскорбленную честь России и русской власти» [67, с. 242].

Именно так появилась на свет пятая из этого ряда статей, опубликованная 21 октября. Она представляла собой ответ на развязанную в иностранной (уже не только германской) прессе кампанию: ведь разнесенные по всей Европе сообщения о запрете остзейским газетам «вести *национальную борьбу* против газет старорусской партии» вылились в печатные рассуждения об «угнетении немцев в России» [25, с. 41, 45].

Цензура, казалось бы, никак не реагировала ни на это, ни на предыдущие выступления Аксакова. Однако 11 ноября Валуев сделал в своем дневнике такую запись: «Вечером поздно Шувалов опять приезжал со статьею “Москвы”, предлагая дать за нее предостережение. Я это отклонил по недостаточности к тому поводов» [65, с. 223]. Вероятно, возмущение графа вызвала новая, не имевшая отношения к остзейской проблеме публикация (в тот день передовая статья была посвящена возможности употребления русского языка в католических храмах Виленской губернии, а днем ранее – славянам). Однако нельзя сбрасывать со счетов то, что все предыдущие недели шефу жандармов, возможно, приходилось копить раздражение от статей Аксакова и искать повод для наказания строптивой газеты.

Министр внутренних дел, встречаясь с Шуваловым, вероятно, понимал, что в тот момент Александр II был настроен на более сдержанный ответ «Москве». Ведь еще прежде император распорядился, чтобы Валуев подготовил для «Северной почты» публикацию «о прибалтийских делах».

Валуев написал такую статью 7 ноября и вечером того же дня обсудил ее с Шуваловым и Прибалтийским генерал-губернатором П.П. Альбединским. Все прежде сказанное в прессе о проблемах Остзейского края сводилось в ней к «поверхностным оценкам», «опрометчивым суждениям» и «неправильной постановке вопросов». Изобиловавшая туманными намеками и обтекаемыми фразами статья имела главной целью дать понять, что никакие реформы и изменения в трех прибалтийских губерниях не планируются. Потому-то в ней говорилось о безосновательности распространившихся в этом крае опасений «на счет целого ряда принудительных мер, будто бы предназначенных к окончательному устранению всех местных особенностей». Валуев также уверял, что правительство не «стремится к стеснению гарантированной законом свободы протестантского вероисповедания и к удалению немецкого языка даже из тех пределов, в которых он соответствует нуждам и законным правам местного населения и не нарушает общих законов государственного единства» [68]. Но ведь ни «Москва», ни «Русский инвалид», ни «Московские ведомости» не призывали лишить прибалтийских немцев их веры и языка, они лишь хотели такого же отношения к другим национальностям, притесняемым остзейцами. Очевидно, Александру II и его министру было важно успокоить остзейских дворян и их европейских союзников.

8 ноября император прочел и одобрил текст подготовленной статьи. Более того, Александр II распорядился, чтобы помимо «Северной почты» (где она увидела свет 9 ноября) эту статью напечатали в официальной газете Министерства иностранных дел “Journal de St.-Pétersbourg” и в «Русском инвалиде» [65, с. 222]. Оба издания это указание, конечно, выполнили. Однако в газете Военного министра публикацию предварили фразой «В “Сев. Почте” напечатана следующая передовая статья» [69, с. 1]. Тем самым, очевидно, подчер-

кивалась чужеродность изданию публикуемого текста. Аналогичным образом поступила и “Journal de St.-Pétersbourg” [70, p. 1].

Самарин, который в это время находился в Праге, рассказывал в письме Аксакову: «Милютин прислал мне № “Инвалида”, в котором помещена выходка “Северной почты” против русских газет <…>. Это уже верх бесстыдства. Выходит, что во всем виноваты мы» [67, с. 244]. Тем не менее на такую «выходку» не стала возражать ни одна из газет, кроме «Москвы».

В номере от 14 ноября Аксаков поместил и саму статью «Северной почты», и свою передовую, представлявшую ответ на нее.

Издатели всех задетых «Северной почтой», но смолчавших газет, вероятно, были уверены в невозможности заявить, что та полностью исказила смысл их выступлений. На это, судя по всему, рассчитывал и Валуев, когда брался за перо. Аксаков же, приняв, затеянную официальной газетой «игру», повел ее по-своему. Он сделал вид, что выражения, использованные газетой Министерства внутренних дел в отношении «Москвы» и других русских изданий, адресованы именно немецкой прессе. Так, Аксаков писал: «Совершенно основательно говорит “Северная Почта”, что “неправильная постановка вопросов затемняет их истинное значение”. Мы постоянно ратовали против такой неправильной постановки вопросов прибалтийскою и германскою прессой, которая, к сожалению, с упорной неправильностью представляет Прибалтийский край вполне принадлежащим германской национальности и упускает из виду 1 700 000 коренного, туземного, негерманского племени на 130 000 жителей немецкого происхождения: понятно, что, вне этих существенных данных, постановка вопросов и не может быть иною как “неправильною”, употребляя выражение “Северной почты”» [25, с. 49].

Вслед за тем редактор «Москвы» указал на целый ряд других случаев «неверной оценки», которые допускала немецкая печать в Германии и в Остзейском крае. Аксаков напомнил, что русская журналистика, выступая против насильственного обрусение немцев, в то же время осуждает настойчивые попытки онемечивания латышей, эстов и русских.

О статье «Северной почты» Аксаков заявил, что все основные ее положения «в логических своих выводах могут служить только подтверждением и оправданием взглядов нашей же журналистики, за исключением каких-нибудь редких и случайных ее уклонений во внешних формах полемики, уклонений, вызванных такими же уклонениями враждебной печати» [25, с. 54]. При этом Аксаков добавил, что «вредное направление исходит не из литературы, а из жизни», а значит для его устранения необходимо устранить те «жизненные условия», которые приводят к «неприязни племенной и сословной» [25, с. 54–55].

Спустя две недели Аксаков писал Самарину: «Моя статья имела успех. Она взбесила Валуева, но придраться к ней было невозможно» [67, с. 245].

Вскоре после публикации статьи «Северной почты» пришли вести из Риги: депутаты местного ландтага, решили обратиться к императору с адресом об изменении закона 3 января 1850 года «О введении в коронных присутственных местах Остзейских губерний делопроизводства на русском языке» [91]. Это напугало столичные власти и в первую очередь министра внутренних дел, которому пришлось приложить усилия, чтобы остановить разгоравшийся не вовремя скандал. В итоге 22 ноября Валуев записал в дневнике: «...адреса пока не будет, но ландмаршалу поручено наперед andere loyale Mittel[1] употребить к достижению цели» [65, с. 225]. О каких именно средствах шла речь и что сделали или пообещали сделать для успокоения зарвавшихся остзейцев, Валуев не уточнял.

Именно в тот же самый день «Москва», уже имевшая одно предостережение, получила второе, а через неделю, 29 ноября – третье и была приостановлена на четыре месяца. Сделано это было, разумеется, с ведома императора. Объявление о третьем предо-

[1] Другие законные средства (*нем.*).

стережении и приостановке «Москвы» было опубликовано в «Северной почте» 2 декабря. Накануне утром Валуев побывал с докладом у императора, чтобы убедиться, что тот не изменит «своего взгляда на дело», а сразу после того отправился к Шувалову [65, с. 225].

Из всего этого можно предположить: история с адресом была затеяна остзейцами в целях давления на верховную власть и вынуждения ее к уступкам. Оказавшись словно между двух огней, та боялась, что борьба «русской» и «остзейской» партий получит еще большую огласку и всколыхнет общество. И остзейцам, и власти было важно, чтобы «Москва» замолчала. Но власти нужно было сделать это так, чтобы читающая публика не возмутилась очередным успехом немецких баронов.

Требовалось вынести одно за другим два предостережения. Предлогом к первому избрали статью экономиста И.К. Бабста с критикой правительственных мер в отношении таможенных тарифов (19 ноября, № 183)[1]. Предлог ко второму нашли в очень короткой заметке, опубликованной «Москвой» вместо передовой (26 ноября, № 188). В ней Аксаков, заявив о своем возмущении вынесенным предостережением, объяснил, что из-за кончины митрополита Филарета (Дроздова) откладывает ответ «по личному нашему вопросу» до следующего номера. В ближайшем номере от 28 ноября Аксаков действительно выступил с энергичной статей, в которой оспорил обвинение в «систематическом охуждении действий правительства», предъявленное ему в опубликованном тексте предостережения [72; 66, с. 77]. Настаивая на том, что отделяет «понятие о правительстве» (которое поддерживает «во всех его благих начинаниях») от «понятия об администрации», Аксаков заявил, что готов и желает доказать свою правоту в суде [56, с. 587, 596]. Поместив в статье обвинения в адрес лично министра внутренних дел, Аксаков рассчитывал, что тот не решится вынести за нее новое предостережение. Он, как писал Тютчеву, ожидал: «…или что-нибудь хуже, или полнейшее мое оправдание» [71, с. 597]. Тем не менее Валуев увидел выход в том, чтобы вынести предостережение за заметку в предыдущем номере и сделать это от имени товарища министра А.Г. Тройницкого.

Добавим, что в цензурной практике того времени известны и другие случаи, когда власть, стремясь наказать издание, маскировала подлинную к тому причину. Например, когда годом позже на Совете Главного управления по делам печати обсуждалась статья «Прибалтийские илоты» в журнале «Всемирный труд» (явившаяся откликом на книгу «Окраины России»), член Совета Ф.М. Толстой предложил вынести за нее предостережение, но большинство его коллег посчитали, что «дать предостережение по поводу книги Самарина значило бы снова вызвать замолкающие о ней толки». Поэтому решено было предостережение журналу вынести позже, «при первом к тому поводе» [73, с. 125].

История с приостановкой газеты получила огромный общественный резонанс, что не могло не ощутить и III отделение. Так, его сотрудники перлюстрировали письмо М.В. Юзефовича из Киева в столицу к П.А. Шульцу от 14 декабря: «Протест Аксакова и у нас произвел восторженное впечатление. Лучшего ничего не написал Аксаков. Я приветствовал его с блистательною победою над врагом. Это литературное Бородино: поле битвы оставлено, но враг поражен!» [74, л. 2–2 об.].

После этого, в январе 1868 года Тютчев в письме к Аксакову, вспоминая его по-

[1] Тютчев в письме Аксакову 26 ноября говорил об этой статье именно как о предлоге для предостережения и рассказывал: «…я узнал через Оболенского, что *Рейтерн* нисколько не требовал этой услуги от Валуева и был даже удивлен предостережению. Они хотели отвечать на статьи “Москвы” по делу о тарифе, находя в них много неточностей, но нисколько не требовали административного вмешательства. – Вот что важно и что следует довести до вашего сведения…» [63, с. 296]. Кн. Д.А. Оболенский – статс-секретарь, директор департамента таможенных сборов Министерства финансов, двоюродный брат Самарина, он с юношеских лет являлся другом Аксакова; М.Х. Рейтерн – министр финансов. В ответном письме Аксаков говорил: «…все здесь убеждены, что предостережение дано не за статью о тарифе, а за статью против “Северной почты”, к которой придраться было нельзя» [71, с. 598].

лемику с «Северной почтой», размышлял таким образом: «Надобно было бы сказать вот что: в русском обществе два ученья, два направления – русское и антирусское. При содействии существующего порядка, судьбе угодно было, в лице Валуева, поставить антирусское направление верховным и полновластным судьею всей мыслящей России, и как ни поразительно подобное безобразие, в самых высших сферах к нему относятся равнодушно» [75, с. 320].

Во время приостановки «Москвы» Аксаков с помощью подставного редактора стал выпускать ей на замену газету «Москвич». Вскоре и ее статьи вызвали раздражение III отделения [6, с. 57] и министра внутренних дел. Уже после этого, 10 января Аксаков сообщал И.К. Бабсту: «На нынешней неделе пускаю все статьи самые невинные. Но может быть и панславизм не в видах Валуева и III Отд<еления>?» [45, с. 230]. Считанные недели спустя Валуев подал в Комитет министров представление о прекращении «Москвича» без предостережений. В ходе горячих споров Комитет министров утвердил такое решение, и после 38-го номера газета была закрыта. Валуев записал тогда в дневнике: «Комитет принял только другие мотивы, признав “Москвича” замаскированною “Москвою”. Это для меня безразлично, а для Аксакова хуже, потому что уличает его в подлоге» [65, с. 247]. Иначе говоря, подлинные причины наказания власти и на этот раз не стали обнародовать, а в объявлении о прекращении издания заявили, что создание «Москвича» – способ обойти наложенную цензурой приостановку. Заметим, что ту же мысль прежде подчеркивало III отделение [6, с. 57].

20 февраля Тютчев писал А.Ф. Аксаковой по поводу случившегося с изданием ее мужа: «Кажется, будто колеблется купол всего здания… Клика, находящаяся сейчас у власти, проводит линию положительно *антидинастическую*… Если она продержится, то сделает господствующую власть не только *непопулярной*, но и *антинациональной*» [53, с. 315–316]. Говоря об «антидинастической линии» Тютчев, вероятно, имел в виду и то, что она подрывала репутацию династии, и противоречия со взглядами многих ее членов: императрица Мария Александровна, на бывшей фрейлине и воспитательнице детей которой был женат Аксаков, сочувствовала ему и пыталась его поддерживать; «Москву» и «Окраины России» читал цесаревич Александр Александрович, с возмущением отзывавшийся о порядках, царивших в Остзейском крае [62, с. 81–83]; последовательным противником «немецкой партии» являлся великий князь Константин Николаевич [4, с. 6, 14].

В то же время в документах III отделения, включая донесения Шувалову начальника Лифляндского губернского жандармского управления А. Андреянова, проводилась мысль, что критика русской прессой порядков в Остзейском крае «может сильно пошатнуть доверие прибалтийских немцев к центральной власти и способствовать отчуждению этих провинций» [6, с. 58].

V

Издание «Москвы» возобновилось 3 апреля 1868 года, а уже 11 апреля ей было объявлено первое предостережение. Вскоре, 20 апреля, Тютчев в письме А.Ф. Аксаковой рассказывал, со слов М.Н. Каткова, о недавно ставшем во главе Министерства внутренних дел А.Е. Тимашеве: «…признался по поводу последнего предостережения “Москве”, что решился на это весьма неохотно и что его принудили». Тут же Федор Иванович добавлял: «То же говорил мне всякий раз и покойный Валуев, и это более справедливо, чем полагают, ибо в той среде, где живут эти люди, и при тех подводных течениях, от коих они зависят, сопротивление почти невозможно…» [63, с. 323, 325]. Добавим, что по предположению кн. В.П. Мещерского, Тимашев оказался на посту министра благодаря протекции его давнего друга Шувалова [76, с. 321].

Последний для Самарина этап противостояния с «немецкой партией» наступил осенью 1868 года. В августе он напечатал первые два выпуска задуманного им обширного труда «Окраины России». Печатал за границей, в Праге, так как понимал: цензура вряд ли позволит распространять в России рассуждения о безраздельном господстве немцев в Остзейском крае, об угнетении ими латышей, эстонцев и воинственно пренебрежительном их отношении к русским и тем более – о политике правительства, проводимой в Прибалтийских губерниях. Причем во вступлении ко всей серии автор позволил себе весьма обстоятельную полемику с той ноябрьской статьй «Северной почты» [77, с. 21–54].

В сентябре того же 1868 года, еще до рассмотрения этой книги в цензуре, газеты «Московские ведомости», «Москва», а также петербургские издания своими многочисленными статьями обеспечили пристальное внимание публики к «Окраинам России». Так что сотрудник Императорской публичной библиотеки В.И. Собольщиков сообщал 26 сентября М.А. Корфу: «Странная вещь! Кого не спросишь, все читали эту книгу, а в книжных лавках ее нет. Впрочем тому, кто не пропускает нумеров “Москов<ских> ведомостей”, можно не читав “Окраины”, сказать, что читал их, так старательно передал Катков всю эссенцию книги Самарина» [78, л. 1 об.–2].

«Московские ведомости» первыми начали рассказ о самаринских «Окраинах России». Поначалу издалека: 29 августа вторая передовая статья этой газеты (№ 187, с. 2) была посвящена страстям, разгоревшимся вокруг имени Самарина в европейской прессе. Через четыре дня появилось сообщение об откликах на «Окраины России» в чешской газете «Народные новины» (3 сентября, № 189, с. 2). И уже в передовой от 5 сентября Катков представил работу Юрия Федоровича как «замечательное сочинение, которое должно бы стать настольною справочною книгой у всякого добросовестного русского деятеля в Балтийском крае» [79, с. 509]. Рассказ об «Окраинах России» и о поднятых ими вопросах «Московские ведомости» продолжили затем в передовых статьях номеров за 7, 8 и 17 сентября.

Катков к тому времени обладал положением, вынуждавшим нередко цензуру мириться с публикациями его газеты, которые в других периодических изданиях признали бы непростительными. Поэтому Аксаков, сознательно пропустил вперед газету Каткова, создавшую своего рода прецедент. Начиная же с 10 сентября «Москва» приступила к подробному изложению и обсуждению проблем, поставленных «Окраинами России». Это было сделано в статьях Аксакова номеров за 10, 11, 13, 21, 24, 25, 28 сентября и 8 октября 1868 года (об иных, в том числе враждебных откликах на книгу Самарина, см. [73, с. 120–127; 80, с. 139–146]).

Заседание Санкт-Петербургского цензурного комитета, на котором была решена судьба обоих выпусков книги Самарина[1], состоялось 25 сентября, через день после того как император, а с ним и министр внутренних дел А.Е. Тимашев вернулись в столицу. Спустя еще четыре дня председатель Комитета иностранной цензуры Тютчев объяснял Аксакову суть принятого в Санкт-Петербурге решения: «Сборник не будет допущен в продажу, но разрешено выдавать его, не стесняясь желающим. – Полумера – но значительная» [63, с. 352]. Тютчев имел в виду, что оба выпуска книги Самарина запрещены «для публики». Такая формулировка подразумевала возможность выдавать задержанное цензурой издание «для личного употребления», на основании представленного в Комитет цензуры иностранной заявления, с обязательством не показывать его иным лицам. И уже в ноябре Тютчев рассказы-

[1] Поскольку «Окраины России» напечатали за границей на русском языке, Комитет цензуры иностранной после получения очередного выпуска отправлял его в Санкт-Петербургский цензурный комитет. Там о каждом издании выносили отдельное решение и сообщали его Комитету цензуры иностранной, который обеспечивал исполнение решения петербургской цензуры. Подробнее об обстоятельствах цензуры книги Самарина см. [81, с. 63–67; 73, с. 120–131].

вал дочери Екатерине: «Книга Самарина по-прежнему занимает все умы. Не проходит дня, чтобы я не подписал около сотни разрешений» [63, с. 361–363].

Среди тех, кто заинтересовался «Окраинами России» (причем еще в первую неделю сентября, до принятия решения о них в цензуре), оказался А.А. Суворов. 9 сентября Тютчев писал дочери Анне: «На днях князь Суворов прислал ко мне за экземпляром этого издания, но я самым бессовестным образом отослал его в Комитет внутренней цензуры» [63, с. 347–348].

В окружении императора в ту осень шла напряженная борьба за и против «Окраин России», а говоря шире – за влияние на Александра II в оценке положения в Остзейском крае. Вероятно, в какие-то моменты, воля царя склонялась то в одну, то в другую сторону. Экземпляр «Окраин России» он взял в руки еще в конце августа, когда находился на отдыхе в Югенгейме [67, с. 257]. Тем не менее нет никаких данных, что он сразу же их прочел. В подготавливаемых для монарха обозрениях периодической печати не раз отмечались, пересказывались и прилагались в вырезках статьи, посвященные «Окраинам России». В сентябре и октябре императору передали содержание трех таких публикаций «Московских ведомостей» [82, л. 42–43, 80–82, 180] и трех «Москвы» [82, л. 115–116; 83, л. 1–4, 112–114], а также двух публикаций «Голоса» [82, л. 210–211, 236–238] и одной «Санкт-Петербургских ведомостей» [83, л. 223–223 об.]. До начала октября император не предпринимал никаких шагов, связанных с этой книгой. 3 октября Тютчев в письме дочери Анне рассказывал о «брошюре Самарина»: «Говорят, будто государь, познакомившись с ней по отрывкам, напечатанным в газетах, сказал, что не может понять, почему Самарин счел необходимым опубликовать за границей, а не в России книгу, положения которой полностью совпадают с видами правительства» [63, с. 355–357].

В том же письме Тютчев сообщал о «наконец-то» объявленном первом предостережении немецкой газете за «ее антирусское направление» [63, с. 355–357]. Речь шла о столичном издании «St.-Peterburger Zeitung», которому 29 сентября объявили предостережение и за отдельные публикации, и за «направление, несовместимое с изданием, выходящим в России» [66, с. 81]. Но 3 октября, то есть на третий день после того как сообщение о предостережении немецкой газете появилось в печати, московский генерал-губернатор кн. Вл. А. Долгоруков, вернувшись из столицы, по указанию императора сделал Аксакову и Каткову «внушение» за их нападения «на немцев и на Западный край» [67, с. 259].

Наконец, 21 октября газета «Москва» получила третье предостережение за «прежнее резкое и крайне неумеренное направление, которое неизбежно ведет к возбуждению вражды между населениями и раздражения против действий правительственных властей» [66, с. 81], говоря иначе – за статьи, посвященные «Окраинам России». Третье предостережение, автоматически влекло приостановку издания. Для «Москвы» – уже третью. Поэтому ее объявили на максимальный срок – 6 месяцев, а затем газету и вовсе запретили. Решение об этом, как и вынесение предостережений, принималось с санкции императора. Характерно, что бывший член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания А.В. Никитенко так прокомментировал происходившее с редактируемой Аксаковым газетой: «Известно, что “Москва” единодушна и единомысленна с автором “Окраин”. С этим трудно справиться – так бить его друзей» [83а, с. 133]. Похожим образом отозвался о закрытии «Москвы» и С.М. Сухотин [84, с. 604]. Кроме того, он отметил важное обстоятельство: газета оказалась закрыта после жалобы императору виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова, представившего ему «номер, где говорится против “Вести”» [84, с. 605].

В официальном объявлении о приостановке газеты в вину изданию поставили сразу пять передовых статей (11, 21, 28 сентября, 15, 16 октября) и два областных обозрения (22 августа и 19 сентября) [66, с. 81]. Областные обозрения касались положения в Ви-

ленской губернии, а среди передовых три первые были посвящены остзейскому вопросу, последняя – русскому обществу, а статья в номере от 15 октября – полемике с «Вестью». Такая подборка напоминает список грехов, наскоро составленный для обоснования уже принятого решения. Возможно, его составителю не нужно было припоминать все, чем не угодил Аксакова, а отразить лишь ключевые темы; «Окраины России» и Остзейские губернии, вотчина генерал-губернатора Потапова и споры с газетой Скарятина.

Именно в передовой статье за 15 октября, той самой подготовленной «против “Вести”», на которую указывал Сухотин, содержалось пространное и едкое описание «партии в Петербурге»:

«…которая постоянно пугает высшую власть призраками внутренних опасностей, грозящих будто бы ей от русского народа только что ею облагодетельствованного и возрожденного! которая всякое живое народное чувство выставляет пред властью как злую революционную похоть; которая заподозривает в ее глазах и клеймит прозванием социализма, коммунизма и анархических инстинктов даже сочувствие русского общества к новейшим великим преобразованием; которая подрывает доверие власти к родному краю, к дарованным ею самòю правам, льготам и некоторой гражданской свободе; которая порывается вновь, под предлогом упрочения “консервативных начал”, стеснить самобытное развитие внутренних русских сил, которая пытается вновь, требуя легальности и законности в отношении к Полякам и Немцам, преумножить для русского центра административный произвол, подчинить мировых судей губернаторам, отменить несменяемость судей, и т. д. и т. д., – которая наконец с презрением относится ко всяким запросам и требованиям во имя интересов русской народности и, изгибаясь ужом пред иностранцами и русскими подданными нерусской национальности на балтийской и западных окраинах, – является чуть не волком внутри России, в отношении к *своим*, Русским…» [25, с. 129].

Нет оснований говорить, что исключительно это описание, в котором, конечно, угадывалась именно «немецкая партия», послужило причиной закрытия газеты. Но его публикация приобретает символическое значение: ведь за 36 лет до того так же был закрыт журнал «Европеец», первым позволивший себе заговорить о «немецкой партии».

Надо признать, что Самарин и Аксаков внесли заметный вклад в то, что в 1860-х годах выражение «немецкая партия» из обиходного языка вошло в русскую публицистику [напр., 25, с. 43; 85, с. 359]. Прошло еще немного времени, и оно упрочилось в делопроизводственной переписке царской администрации. В частности, в еженедельных донесениях министру внутренних дел лифляндского губернатора бар. А.А. Икскуля фон Гильденбандта в 1876 году многократно встречаются упоминания «немецкой партии» как части местного общества [напр., 86, л. 93, 98, 105 об., 107 об.].

Сразу после приостановки «Москвы», 22 октября, Оболенский сообщал из столицы автору «Окраин России» уже запоздалую новость: государь раздражен тем, что эта книга оказалась напечатана за границей. При этом он, однако, добавлял, что Александр II прочитал ее первый выпуск [67, с. 586]. Складывается впечатление, что чтением книги Самарина император занялся лишь после полученных на нее наветов приближенных.

В конце октября или начале ноября в борьбе за влияние на Александра II наступил окончательный перелом: генерал-губернатор В.А. Долгоруков получил указание императора передать его неудовольствие Самарину. Он в то время находился в своем волжском имении, и московские власти разыскали его не сразу. Лишь в середине ноября, генерал-губернатор объявил Самарину «высочайший выговор» и прочел полученную от императора «бумагу», содержащую «обвинение, приговор и угрозу» за издание «Окраин России» [87, с. XI]. По свидетельству Аксакова, с автора книги потребовали расписку, что он не будет печатать следующие ее выпуски [88, с. 373], однако он отказался принять

на себя такое обязательство и только дал расписку, что «высочайшая воля» была ему объявлена.

В последующие годы Самарин подготовил еще четыре выпуска «Окраин России». Все они печатались в Германии. Третий выпуск увидел свет в 1871 году. 28 июля 1871 года Санкт-Петербургский цензурный комитет вынес решение запретить эту книгу к «обращению в публике», как «заключающую в себе резкие порицания действий Высшего правительства настоящего времени» [81, с. 65]. И хотя этот выпуск получил такой же статус, как и два предыдущих, возможности для его распространения, судя по «Запискам» кн. Д.А. Оболенского, были весьма и весьма ограничены. В 1871 году князь писал о Самарине: «…сочинения его так строго запрещены в России, что ни один министр не может получить недавно его новую, вышедшую в Берлине брошюру о православии в Остзейском крае» [64, с. 284].

Изданный летом 1873 года четвертый выпуск «Окраин России» под названием «Процесс русского правительства с евангелическим союзом» 29 сентября 1873 года был «безусловно запрещен к обращению». Такая формулировка подразумевала полный запрет распространения издания в России. Причиной тому явилось, вероятно, то, что автор назвал крупной политической ошибкой аудиенцию, данную Александром II депутатам Евангелического союза [81, с. 65]. Пятый выпуск, получивший название «Привесок к IV выпуску», был издан с датой на титуле «1875», однако он увидел свет не позднее сентября 1874 года: 25 сентября этого года Санкт-Петербургский цензурный комитет вынес решение запретить его «для публики» [81, с. 66].

В марте 1876 года Самарин занимался в Берлине изданием шестого выпуска «Окраин России», посвященного крестьянскому вопросу в Лифляндии. Однако 19 марта он скоропостижно скончался от заражения крови. Выпуск увидел свет только после его смерти. 6 мая его передали в Санкт-Петербургский цензурный комитет. Тогда цензор Н.А. Ратынский, отметив ряд мест, недопустимых в подцензурном издании, все же предложил разрешить его обращение в публике, учитывая, что «книга Самарина, по добросовестности и полноте исторического исследования, по ясности и изящности изложения и наконец по тому патриотическому чувству, которым она вся проникнута, составляет важное приобретение для нашей серьезной литературы» [81, с. 66]. Цензурный комитет, поддержав предложение Ратынского, 19 мая 1876 года обратился с ходатайством к начальнику Главного управления по делам печати В.В. Григорьеву. Рассмотрение вопроса в Главном управлении растянулось почти на полтора года! Только 24 октября 1877 года Григорьев заявил о несвоевременности свободного обращения в публике шестого выпуска «Окраин России» [81, с. 67].

…Многие современники отмечали, что кончина Самарина вызвала искреннюю скорбь его друзей и противников. Над могилой автора «Окраин России» русское общество впервые проявило невиданное прежде единство[1]. Иначе обстояло дело в Остзейском крае. 29 марта из Риги лифляндский губернатор барон А.А. Икскуль фон Гильденбандт в секретном донесении извещал министра внутренних дел: «Толки местного общества касались преимущественно смерти Самарина. Русское население выражало крайнее сожаление и высказывало особое сочувствие его деятельности. Немцы сожалели, что он не умер раньше» [86, л. 97].

VI

[1] К примеру, Аксаков писал А.Н. Бахметевой на следующий день после похорон Самарина: «Одно отрадно. Это – *небывалое* единодушие русского общества в выражении скорби и участия. Все, что есть интеллектуального в Москве и Петербурге, всякой – у кого хоть какая ни на есть душонка имеется, все наперерыв – спешили принести дань уважения умершему. Вне этого движения остались в обществе только самое невежественное, бездушное – и администрация. Газеты до сих пор, всех лагерей и оттенков, только о нем и говорят» [89, л. 19 об. – 20].

Во второй половине 1860-х, то есть считанные годы спустя после подавления восстания в Царстве Польском и Северо-Западном крае, особенно остро ощущалось родство пропольских и проостзейских, а по сути – антинациональных сил. На их тождество указывал Милютин (когда писал, что против «Русского инвалида» «восстали все сочувствующие полякам, все наши прибалтийские бароны, все германофилы»), их родство описал в «Окраинах России» Самарин [77, с. 26–28, 39–51], а вслед за ним общие их истоки и проявления рассмотрел Аксаков [25, с. 81–88].

Одним из зримых воплощений союза антинациональных сил являлась газета «Весть». Она, как вспоминал С.П. Зыков, «с яростью стояла за крепостничество, за баронские притязания остзейцев, за безумные мечты польских магнатов» и ее борьба с «Русским инвалидом» была «тем запальчивее, что за ее спиною стояли покровители, занимавшие властные посты в лице Валуева, Тимашева, Потапова и др.» [55, с. 488]. Отметим, что двое последних прежде служили управляющими III отделением, а еще одним покровителем «Вести» являлся Шувалов.

Именно ведомство Шувалова закулисно оказывало влияние на органы цензуры. Министр внутренних дел Валуев, а затем и сменивший его Тимашев в борьбе с национальным направлением вели себя не как самостоятельные государственные деятели, а как часть инструментария, используемого «немецкой партией». Они оба через Главное управление по делам печати реализовывали замыслы, рожденные в недрах придворных кругов.

Впрочем, и само III отделение являлось инструментом в руках «немецкой партии». Если в период управления им Бенкендорфа Проскурин, справедливо или нет, называл это учреждение «штабом немецкой партии» [17, с. 318, 323], то использовать такое определение для 1860-х годов было бы преувеличением. В то время III отделение, возглавляемое обычными русскими дворянами-космополитами, служило «немецкой партии» лишь послушным орудием. Таковым оно было в 1866–1874 годах, когда им руководил Шувалов, после него – Потапов, а до него, в 1856–1866 годах – кн. Вас. А. Долгоруков. Как рассказывал Милютин, Шувалов, еще будучи прибалтийским генерал-губернатором, имел «сильную руку в лице шефа жандармов князя Василия Андреевича Долгорукова» [54, с. 148]. И далее Милютин пояснял: «Относительно вопросов “прибалтийского” и “польского” князь Долгоруков был в полном согласии с министром внутренних дел» [54, с. 149], то есть с Валуевым.

Наконец, именно к III отделению, более чем к какому-либо иному ведомству относятся обвинения, прозвучавшие в «Окраинах России» после указания на «разного рода полиции, самые тайные, просто тайные и явные», которые не заметили подготовки польских дворян к вооруженному мятежу. Самарин заявлял: «Эта всевидящая, всюду проникающая власть ручалась за спокойствие края, в то время как заговор копался под ее ногами». Напомнив обстоятельства, предшествовавшие трагическим событиям 1863 года, он сделал важный вывод: «Поплатившись так дорого за это ослепление, не пора ли наконец уразуметь, что оно происходило не от случайных причин, а *от свойства зрительного органа власти*, от которого, по особенности его конструкции, целые порядки явлений ускользают очень часто и очень легко, по крайней мере гораздо чаще и легче, чем от целого общества?..» [77, с. 26–27].

Для обеспечения влияния на Александра II «немецкая партия» использовала те же приемы и ту же риторику, что и для его отца. И он, не менее чем Николай I, считался с интересами своих остзейских приближенных. Так, в 1867 году император, наставляя цесаревну Марию Федоровну, говорил об Остзейском крае: «Эти провинции, вопреки всему тому, что можно услышать от наших бешеных русофилов, могли бы стать для нас примером в том, что касается чувства преданности монарху и его семье» [62, с. 84].

Сухотин писал в 1868 году, что всякий, кто «серьезно и патриотически разрабатывает» остзейский и польский вопросы, «заподозривается правительством и пе-

тербургской знатью, как демократ, красный или как наивный человек. Доказательством тому, – продолжал он, – служат негодования против книги Самарина и запрещение газеты “Москва”» [84, с. 607].

Обвинения славянофилов в приверженности социалистическим идеям и революционным целям служили их противникам в России и за ее пределами на протяжении нескольких десятилетий начиная с 1830-х годов. В 1871 году кн. В.П. Мещерский в письме к цесаревичу Александру Александровичу объяснял: после покушения Д.В. Каракозова «подлостью» Шувалова император был убежден, что «в него стрелял не сумасшедший, а стреляла будто бы Россия и национальная ее партия» [90, с. 355]. О том же заявлял и союзник Шувалова Скарятин. Зыков, привел рассказ очевидца о редакторе «Вести» и разговорах, которые тот вел, будучи в Вильне: «…он прямо уверял, что у них, у этих защитников польских и немецких интересов в России, есть верное средство всегда остановить Государя от исполнения советов этой безобразной [то есть «русской» – *Д.Б.*] партии: стоит только напомнить о Каракозове» [55, с. 491].

Добавим, что и кн. Д.А. Оболенский, руководивший разработкой действовавших тогда правил о печати, в 1870 году сделал в своих «Записках» важное признание: «Замечательно, что права административных взысканий за преступление печати, на которых я так сильно настаивал при начертании проекта устава именно с целью вооружить правительство силой для преследования вредных учений, ни разу не были применены к делам подобного рода. Все предостережения и запрещения, которые начинались в административном порядке министрами – Валуевым и Тимашевым, исключительно почти относились к случаям либо резких суждений или личных нападок на правительственных лиц и проч. Социальная же литература, как при цензуре, так и теперь, вполне процветает. Наконец, как не понимают наши правительственные лица, что материалистическому учению нигилистов, в особенности политической стороне этого учения, можно только противопоставить с пользою учение и направление партии национальной, а эта-то партия сердитее всего преследуется правительством, и критическое отношение этой партии или этого учения к правительству и отдельным его органам ставят совершенно в уровень с безобразными, разрушительными и отрицательными возгласами этих социальных башибузуков. Тимашев откровенно сознавался, что не видит никакой разницы между прокламациями Бакунина и передовыми статьями Аксакова» [64, с. 251].

В заключение необходимо отметить важное обстоятельство: всю описанную здесь и протекавшую в течение тридцати лет борьбу невозможно осмыслить в давно затертых терминах «консерваторы», «либералы» и «демократы» («социалисты»). Революционные силы, занятые противостоянием власти, лишь изредка замечали порядки, чинимые остзейцами, что констатировали и историки советской эпохи [4, с. 6, 165][1].

Мы скорее можем говорить о противостоянии антинационального направления и национального. Первое, как мы видели, объединяло людей с явным космополитическим мировоззрением. Второе – наряду с Самариным и славянофилами, с Тютчевым и Катковым – связывало порой таких высокопоставленных чиновников как гр. С.С. Уваров, гр. Д.А. Милютин, гр. В.А. Перовский и Ег. П. Ковалевский или епископ Рижский Иринарх (Попов) и его преемники Филарет (Гумилевский) и Платон (Городецкий). Чем далее, тем более это направление поддерживали деятели разного этнического происхождения, особенно когда споры шли в сфере науки и культуры. Примером чему такие ученые как И.К. Бабст, А.Ф. Гильфердинг, О.Ф. Миллер, бар. В.Р. Розен и многие другие. Можно ли их всех назвать либералами? Очевидно, нет. А консерваторами? Если кто-то и попыта-

[1] Единственное исключение среди социалистов представлял А.И. Герцен, впрочем, и он, с едкостью указав на существование придворной «немецкой партии», видел в ней лишь одну из ипостасей ненавистного ему петербургского правительства и не ломал голову над феноменом национального сознания.

ется, применить к ним последний термин, ему придется ответить на вопрос, с кем же эти «консерваторы» боролись? Неужели, с либералами?! Очевидно, некогда перенятая нами у Запада терминология здесь оказывается бессильна.

Литература

1. *Самарин Ю.Ф.* Письма из Риги / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2016. Т. 3: Русское самосознание. С. 22–151.
2. *Самарин Ю.Ф.* Письма 1839–1876 гг. / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2016. Т. 3: Русское самосознание. С. 239–578.
3. *Самарин Д.Ф.* Предисловие // *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1889. Т. 7: Письма из Риги и История Риги. С. I–CXXXV.
4. *Исаков С.Г.* Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 107. Тарту: Б.и., 1961. 186 с.
5. *Духанов М.М.* Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50–70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. 2-е изд., перераб. и доп. Рига: Лиесма, 1978. 475 с.
6. *Михайлова Ю.Л.* Славянофилы и остзейский вопрос (40–60-е гг. XIX в.) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 49–61.
7. *Ширинянц А.А.* «Внутренняя» русофобия и «остзейский вопрос» в России XIX в. // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 35–47.
8. *Выскочков Л.В.* Николай I. М.: Молодая гвардия. 2006. 693 с.
9. *Сафонов М.М.* Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия: Сб. научных статей: К 60-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / редколл.: В.М. Воробьев (отв. ред.), А.Ю. Дворниченко (отв. ред.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 529–541.
10. *Сафонов М.М.* Междуцарствие // Николай I: pro et contra: личность и деятельность Николая I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / сост., вступ. ст., коммент.: Т.В. Андреева, Л.В. Выскочков; отв. ред. Д.К. Бурлака. СПб.: НП «Научно-образовательное культурологическое общество», 2011. С. 313–340.
11. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 703 с.
12. Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869 / сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры; Российский архив, 2006. 703 с.
13. *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христианское издательство. 1997. 180 с.
14. *Найт Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1885 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 155–198.
15. *Копелев Д.Н.* На службе Империи: немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 338 с.
16. *Сергеев С.М.* «Хозяева» против «наемников»: русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма: Журнал научной и общественно-политической мысли. 2010. № 3. С. 38–78.
17. *Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. 366 с.
18. *Березкина С.В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. научных трудов. СПб.: Наука, 2004. Вып. 29. С. 226–248.
19. *Березкина С.В.* «Немцы» против «Европейца» // Москва. 2009. № 3. С. 201–213.
20. *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 268 с.
21. *Корф М.А.* Дневник за 1838 год / предисл., подгот. текста к печати, коммент. И.В. Ружицкой. М.: Квадрига, 2017. 248 с.
22. *Шевченко М.М.* Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С.С. Уварова // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова / сост. В.Б. Каширин; редкол.: М.А. Колеров и др.; авт. вступ. ст. А.В. Ганин. М.: Регнум. М., 2012. С. 121–158.
23. *Бадалян Д.А.* «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение: скрытая механика покровительства и наказания [Электронный ресурс] // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 2. С. 128–157 / Режим доступа: https://philosophy.hse.ru/issue/view/805
24. *Бадалян Д.А.* С.С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218.
25. *Аксаков И.С.* Сочинения. М.: Типогр. М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6: Прибалтийский вопрос; Внутренние дела России; Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси»; Введение к украинским ярмаркам. [2], IV, 542, 71 с.
26. *Аксаков И.С.* Письма [М.О. Кояловичу]. 6 декабря 1864 – 14 марта 1865 г. // РО ИРЛИ. Д. 92969.
27. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Алгоритм; Эксмо, 2003. 543 с.
28. *Воейков Д.И.* Ю.Ф. Самарин. Крупный русский деятель пред лицом двух государей, 1848–1868 // Российский

архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Российский архив, 2007. [Т. XVI]. С. 713–721.

29. *Киреевский И.В.* «Горе от ума» – на Московском театре // *Киреевский И.В., Киреевский П.В.* Полн. собр. соч.: в 4 т. / сост., примеч. и коммент. А.Ф. Малышевского. Калуга: ИПЦ «Гриф», 2006. Т. 2: Литературно-критические статьи и художественные произведения. С. 71–75.

30. *Мевес Д.В.* Письма А.А. Майкову. 11 сентября 1869 – 28 мая 1870 г. // ОР РНБ. Ф. 452 (Майковы). Оп. 1. Д. 289.

31. *[Суворов А.А.]* Письмо генерал-губернатора Прибалтийского края кн. А.А. Суворова Л.А. Перовскому. 14 февраля 1849 г. // РГИА. Ф. 1021 (Перовские). Оп. 2. Д. 55.

32. Журнал камер-фурьерской должности по половине Государя императора Александра Павловича. 1819-го года. Месяц май // РГИА. Ф. 516 (Камер-фурьерские журналы). Оп. 1. Д. 116.

33. *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. 704 с.

34. *Сухомлинов М.И.* Аксаков в сороковых годах // Аксаков И.С. У России одна-единственная столица…: Стихотворения и поэмы. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И.С. Аксакове. Венок И.С. Аксакову. Москва И.С. Аксакова / сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русскій мір, 2006. С. 366–383.

35. *Симонова И.А.* О взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф.В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. № 1. С. 42–54.

36. [*Хомяков А.С.*] Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. Т. 8: Письма. VI, 468, 54 с.

37. *Белов М.В.* Славянофил на допросе: Ответы Федора Чижова III отделению // Родина. 2013. № 6. С. 59–63.

37а. О камер-юнкере Самарине. 1849 // ГАРФ. Ф. 109 (III отделение). Оп. 24 Д. 89.

38. Дело об освобождении от секретного надзора коллежского советника Ю. Самарина. 1 сентября – 16 октября 1858 г. // РГИА. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 19. Д. 18.

39. *Экштун С.А.* Обжалованию подлежит // Родина. 1996. № 5. С. 52–54.

40. *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения / отв. ред. В.Д. Королюк. М.: Наука, 1969. С. 25–69.

41. *Мырикова А.В., Ширинянц А.А.* Русофобский миф «панславизма» // Актуальные проблемы современного россиеведения: Сб. научных статей / под общ. ред. М.А. Маслина, П.Е. Бойко; сост. А.В. Воробьев. М.: Кубанское отделение РФО; Издатель А.В. Воробьев, 2007. С. 240–244.

42. *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: по подлинным делам Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. М.: URSS Ленанд, 2014. XIV, 614, [7] с.

43. Из собрания автографов Егора Петровича Ковалевского, принесенных в дар Императорской Публичной библиотеке его племянником, сенатором Евгением Евграфовичем Ковалевским // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1885 год. СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1888. С. 1–27 (2-я паг.).

44. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского / сост. кн. О. Трубецкая. М.: Типогр. Г. Лисснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1901. Т. 1: Кн. В.А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Кн. 1. 518 с.

45. Щукинский сборник. Вып. 10. М.: Синодальная типография, 1912. 488 с.

46. *Бадалян Д.А.* Передовая статья газеты «День» (28 октября 1861 г.) о студенческих волнениях и переписка о ней И.С. Аксакова // XIV Международные Аксаковские чтения: Материалы конференции. Уфа, 2013. С. 113–120.

47. Извлечения из газет и журналов, представленные Александру II в мае – августе 1862 г. // ОР РНБ. Ф. 208 (Головнин А.В.). Д. 113.

48. По высочайшему повелению о прекращении полемики о немцах и славянофилах // РГИА. Ф. 773 (Особенная канцелярия министра народного просвещения). Оп. 1. Д. 145.

49. *Бадалян Д.А.* «…Загорелся сыр бор за статью о духовенстве»: Газета «День» в переписке И.С. Аксакова и князя Д.А. Оболенского (1861–1862) // Христианство и русская литература. Сб. восьмой / отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 423–466.

50. Письма и документы Ю.Ф. Самарина и А.В. Головнина о возобновлении издания газеты «День» (июнь – октябрь 1862 г.) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Д.А. Бадаляна) // Цензура в России: история и современность: Сб. научных трудов. Вып. 7. СПб.: Российская национальная библиотека, 2015. С. 308–345.

51. Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886) / под общ. ред. Б.Ф. Егорова и А.П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2018. 672 с.

52. *Юшко А.Г.* «…Выпущено в последней корректуре» (К истории публикации писем И.С. Аксакова к Н.П. Гилярову-Платонову) // Христианство и русская литература. Сб. восьмой / отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 547–555.

53. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864 г. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1897. [2], VIII, 841 с.

54. [*Милютин Д.А.*] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1865–1867 / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2005. 694 с.

55. *Зыков С.П.* Наброски из моей жизни // Русская старина. 1910. № 6. С. 483–525.

56. *Аксаков И.С.* Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. ст. В.Н. Грекова; подг. текста, примеч. В.Н. Грекова, Н.А. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2002. 1008 с.

57. *Страхов Н.Н.* Русские немцы / Н.Н. Страхов // Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб.: Типогр. бр. Пантелеевых, 1890. С. 408–413.

58. *Гончаров И.А.* Мнение по поводу передовой статьи в № 47 за 1865 г. газеты «День». 2 декабря 1865 г. / И.А. Гончаров // Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2014. Т. 10: Материалы цензорской деятельности / текст подгот. и примеч. сост. К.Ю. Зубков, В.А. Котельников. С. 174–177.

59. Циркулярное предложение начальника Главного управления по делам печати отдельным цензорам по внутренней цензуре в Прибалтийском крае // Северная почта. 1865. 15 декабря. № 273. С. 1089.

60. *Патрушева Н.Г.*, *Фут И.П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: Сб. документов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2016. 721 с.

61. *Самарин Ю.Ф.* О политическом идеале газеты «Весть» / Ю.Ф. Самарин / Сочинения. М.: Т-во типогр. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9: Окраины России. С. 456–485.

62. *Астанков В.А.* Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг.: Дисс. … канд. ист. наук. М.: МГУ, Исторический факультет, 2014. 188 с.

63. *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. М.: ИЦ «Классика», 2004. Т. 6: Письма 1860–1873 / отв. ред. Л.Д. Громова-Опульская; сост. Л.Н. Кузина. 592 с.

64. *Оболенский Д.А.* Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879 / отв. ред. В.Г. Чернуха. СПб.: Нестор-История, 2005. 502 с.

65. [*Валуев П.А.*] Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. / ред., введ. и коммент. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. II: 1865–1876. 588 с.

66. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий / сост., авт. вступ. ст. Н.Г. Патрушева. СПб.: Нестор-История, 2011. 412 с.

67. Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / изд. подгот.: Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 707 с.

68. [*Валуев П.А.*] [Передовая статья] // Северная почта. 1867. 9 ноября. № 26. С. 981.

69. Русский инвалид. 1867. 10 ноября. № 311.

70. Journal de St.-Pétersbourg. 1867. 10 (22) novembre. № 256.

71. Неизданные письма Тютчева и к Тютчеву / сообщен. П. Кириллова, Е. Павловой, Д. Шаховского // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 19–21. С. 579–602.

72. Распоряжение министра внутренних дел // Северная почта. 1867. 25 ноября. № 258. С. 1029.

73. *Бадалян Д.А.* Заграничные издания Ю.Ф. Самарина 1868–1871 гг., цензура и Ф.И. Тютчев // Цензура в России: история и современность: Сб. научных трудов. Вып. 8. СПб.: Российская национальная библиотека, 2017. С. 112–138.

74. Выписки из писем Юзефовича из Киева Шульцу П.А. в Петербург <…>. Декабрь 1867 г. // ГАРФ. Ф. 109 (III отделение). Оп. 2а. Д. 632.

75. *Тютчев Ф.И.* Письма к московским публицистам / публ. К.В. Пигарева // Литературное наследство. М.: Наука, 1988. Т. 97: Ф.И. Тютчев. Кн. 1. С. 258–425.

76. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. 864 с.

77. *Самарин Ю.Ф.* Окраины России. Выпуск первый / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Т. 8: Окраины России. С. 1–176.

78. *Собольщиков В.И.* Письмо М.А. Корфу. 26 сентября 1868 г. // ОР РНБ. Ф. 380 (Корф М.А.). Д. 410.

79. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1868 г. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1897. [2], VI, 797 с.

80. *Пирожкова Т.Ф.* «Страшная книга» Ю.Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 3. С. 130–149.

81. *Бадалян Д.А.* Книга Ю.Ф. Самарина «Окраины России» и цензура // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 213. Книжное дело: вчера, сегодня, завтра: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Смирдинские чтения», посвященной 450-летию отечественного книгопечатания. 23–25 апреля 2014 г., Санкт-Петербург. СПб., 2016. С. 60–69.

82. Доклады по периодической печати министра внутренних дел Александру II. Сентябрь 1868 г. // РГИА. Ф. 1470 (Обзоры печати, выписки и вырезки из печати). Оп. 1. Д. 24.

83. Доклады по периодической печати министра внутренних дел Александру II. Октябрь 1868 г. // РГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 25.

83а. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. / подг. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. [М.; Л.,] 1956. Т. 3. 1866–1877. 582 с.

84. [*Сухотин С.М.*] Из памятных тетрадей С.М. Сухотина // Русский архив. 1894. № 4. С. 599–610.

85. *Самарин Ю.Ф.* Ответ гг. Бокку и Ширрену по поводу «Окраин России» / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Т. 8: Окраины России. С. 315–418.

86. Еженедельные донесения гражданского губернатора о происшествиях в Лифляндской губернии // РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 3. Д. 133.

87. *Самарин Ю.Ф.* Всеподданнейшее письмо к императору Александру II / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Т. 8: Окраины России. С. XI–XXVII.

88. Речь И.С. Аксакова о Берлинском конгрессе и его последующая ссылка в письмах и документах июня – ноября 1878 г. / публ. Д.А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность: Сб. научных трудов. Вып. 6. СПб.: Российская национальная библиотека, 2013. С. 361–408.

89. *Аксаков И.С*. Письма А.Н. Бахметевой. 1862–1885 гг. и не датированные // РО ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 2. Д. 5.

90. *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н.В. Черниковой. 1869–1878. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

91. О введении в коронных присутственных местах Остзейских губерний делопроизводства на русском языке // ПСЗ. 2 собр. Т. XXV. Отд. I. № 23796.

Аннотация. Славянофил Ю.Ф. Самарин – первый общественный деятель, вступивший в длительное противостояние с «немецкой партией», которая в статье рассматривается как проостзейская группировка в придворных, правительственных и общественных кругах. Ее составляли выходцы из Остзейских губерний, приезжие иностранцы и поддерживавшие их русские высокопоставленные чиновники. Инструментом ее влияния являлось III отделение. Борьба Самарина с «немецкой партией» связана с тремя циклами его произведений: рукописными «Письмами из Риги» (1848), статьями в газете «Москва» о положении в Прибалтийских губерниях (1867), шестью выпусками книги «Окраины России» (1868–1876). Деятельность Самарина представлена в контексте борьбы «немецкой партии» со славянофилами и полемики в русской прессе 1860-х годов.

Ключевые слова: Ю.Ф. Самарин, И.С. Аксаков, славянофилы, «немецкая партия», III отделение, Прибалтийский край, остзейский вопрос, общественно-политическая борьба.

Badalian Dmitrii Aleksandrovich, PhD in History, Senior Researcher, National Library of Russia. E-mail: dmit.bad@gmail.com

Yu. F. Samarin, Slavophiles and the Struggle against “German Party” in 1840s-1870s

Abstract. Slavophile Yu. F. Samarin was the first public figure who entered into continued opposition to the “German party”, which in this article is viewed as pro-Baltic (Ostseen) group in the court, government and public circles. The party included natives of the Baltic governorates, foreigners and some high rank Russian officials supporting their ideas.The instrument of their influence and power was considered to be the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery (The Third Department). Samarin’s opposition to the “German party” was closely connected with the three series of his works: “Letter from Riga” manuscript (1848), articles on the situation in the Baltic governorates published in “Moskva” journal (1867) and the six issues of his book “ Remote Areas of Russia” (1868-1876). In the present article Samarin’s activity is viewed in the context of the opposition of the “German party” and the Slavophiles and polemics and discussions in Russian press in 1860-s.

Keywords: Yu. F. Samarin, I.S. Aksakov, Slavophiles, “German Party”, Third Department, Baltic Territory, Baltic Issue, Social and Political Struggle

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-68-73

Ирина Логвинова

*Ю.Ф. Самарин, М.П. Погодин, С.П. Шевырёв и идея народности**

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения Ю.Ф. Самарина. Как классик консерватизма, славянофил, внесший значительный вклад в русскую историческую мысль, учась в Московском университете, он испытал влияние многих выдающихся профессоров своего времени, таких как И.И. Давыдов, С.П. Шевырёв, М.П. Погодин и др.

Будучи учеником М.П. Погодина и С.П. Шевырёва, Ю.Ф. Самарин воспринял их идеи о народности образования и воспитания, развивал их в своих статьях. Позже, после знакомства с А.С. Хомяковым, он заинтересуется историей православия и отношения к нему славян, крестьянским вопросом. Так, в статье 1860 года «Предисловие к отрывку из “Записок” А.С. Хомякова о всемирной истории» он пишет о живых следах православного учения у славян, о выделении из разнородных примесей народных и религиозных стихий, о всемирной истории религии [8].

В биографии, составленной братом Ю.Ф. Самарина Дмитрием Самариным, отмечается, что значительное влияние на развитие его славянофильской мысли определенно оказал М.П. Погодин: «Впоследствии Ю<рий> Ф<едорович> всегда с благодарностью вспоминал о С.П. Шевыреве за ту пользу, которую ему принесли практические занятия его со студентами по русскому языку. “Из профессоров того времени сильнее всех действовал не только на меня, но и на многих других Погодин. Он не заискивал популярности, как И.И. Давыдов; лекции его не отличались художественною законченностью и совершенною новизною лекций Печорина; в даре изустного изложения он далеко уступал Крюкову; но он отличался тем, чего не имел никто из них – мы чувствовали в нем самостоятельное направление мысли, направление, согретое глубоким сочувствием к русской жизни. Чему нас выучил Погодин, я не могу сказать, передать содержание его лекций я был бы не в состоянии; но мы были им наведены на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще... Все это высказывал Погодин довольно нескладно, без доказательств, но высказывал так, что его убеждения переливались в нас”» [2]. М.П. Погодин, таким образом, давал Самарину творческий импульс, побуждая искать собственный взгляд на историю и жизнь.

Упоминаемый Ю.Ф. Самариным Печорин – это профессор Владимир Сергеевич Печерин (1807–1885), который в 1836 году занял кафедру греческой словесности в Москов-

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19-012-00310 «Погодин М.П. Полное собрание историко-филологических трудов: в 9 томах. Т. 1–3».

Логвинова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры философии, истории, теории культуры и искусства Московского государственного института музыки имени А.Г. Шнитке. E-mail: lo-grina@yandex.ru

ском императорском университете. Крюков – это Дмитрий Львович Крюков (1809–1845), доктор философии, профессор римской словесности и древностей, преподаватель древней истории в Московском императорском университете. Кроме того, ближайшим другом и наставником Самарина в 1840-х годах стал А.С. Хомяков.

Те убеждения, которые «переливались» в учеников М.П. Погодина, можно обнаружить в их высказываниях. В частности, в ранних статьях Ю.Ф. Самарина, где он говорит о народности в науке и народном образовании [3–7]. Те же мысли можно найти и у С.П. Шевырева. Например, в статье «Взгляд русского на образование Европы»: «Третье коренное чувство наше есть сознание нашей народности и уверенность в том, что всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народною мыслию и словом» [11, с. 294]. Эти же мысли высказывали и другие славянофилы, например, И.В. Киреевский и П.В. Киреевский. М.П. Погодин продвигал идею о народном образовании, задумал и стал издавать серию книг «Библиотека для чтения».

Говоря о народности в науке, Ю.Ф. Самарин следует за М.П. Погодиным с его призывом пересказывать иностранные книги и таким образом положить фундамент отечественной науке. В предисловии к переводу книги Герена об истории торговли и связи между древними народами М.П. Погодин пишет: «Итак, профессор, по моему мнению, должен, прежде всего, озаботиться об издании руководства, по коему он намерен читать свои лекции. Я чувствую себя не в силах написать вскоре такое руководство, ибо не все части истории мне равно знакомы. Каким же образом удовлетворить настоящей потребности! Перевести какое-нибудь иностранное руководство? – Ни одно не нравится мне вполне, и – вот в чем главное – все они слишком кратки для нас, следовательно почти бесполезны, ибо на русском языке нет тех многочисленных исторических сочинений, коих одни результаты в них излагаются. Сжатые положения (например, гереновы в его древней и новой истории), могут тогда только быть выразумлены основательно и усвоены крепко, когда известны во всех подробностях частные быти (facta), коим они служат как бы итогами. Нашему студенту где их читать? Пересказывать же ему недостанет времени. Вот почему даже исторические системы, отвлеченные формулы, даже многие мысли, выражения, важные для науки, драгоценные для посвященных в ее таинства, полезные может быть для нескольких отличных студентов, пропадают на лекциях для большинства, между тем как оно-то и имеет право на главное внимание в публичном курсе. Книга и лекция – две вещи разные: там имеешь в виду только науку, а здесь науку и слушателей» [1, с. 2]. В рецензиях на «Историю для детей» Шлёцера М.П. Погодин также говорит о необходимости пересказа таких книг для детского чтения.

Ю.Ф. Самарин в статье «Два слова о народности в науке» пишет о том, что народность «как свойство постигающей мысли ведет к произволу, односторонности и тесноте воззрения» [3, с. 200], если ее понимать применительно к характеристике воззрений католического или протестантского. Но если народность понимать «в более тесном и материальном смысле», то она может принести много пользы, подбирая «в первоклассных творениях примеры противоположности полных, выработанных воззрений на историческое значение и характер целых племен» [3, с. 202].

Поэтому мысль познающая, по мнению Ю.Ф. Самарина, достигает своего полного развития и могущества тогда, когда она участвует в совокупном процессе «постижения всех сил и способностей духа», при участии воли, которая ее побуждает и сдерживает, и теплого сочувствия, которое согревает мысль и «вооружает ее безошибочностью духовного инстинкта, угадывающего в исторических явлениях едва проявленные движения человеческой души» [3, с. 206]. «Между мыслью, воспитанною в среде народности, и рядом исторических проявлений той же народности на всемирном поприще существует более

прямое и близкое сродство, вследствие которого мысль преимущественно становится способною овладеть для науки именно теми явлениями, в которых она сама с собою встречается и узнает себя» [3, с. 206]. Иначе говоря, отечественная наука, построенная на началах народности, отличается тем, что присваивает себе содержание мировой науки, осмысляет его, исходя из собственного мировоззрения и опыта, а не берет какую-либо науку целиком у другого народа, вместе с чужим мировоззрением. «Можно ли отрицать, что русскому, потому что он русский, и в той мере, в какой он русский, дух нашей истории, мотивы нашей поэзии, весь ход и все настроение народной жизни откроются яснее и полнее, чем французу, хотя бы последний овладел вполне русским языком и такою массою материалов, какою никогда не располагал ни один русский ученый» [3, с. 206]. Здесь речь идет о том, что особенности национальной истории и науки кроются в языке, в мировоззрении определенного народа. Далее Ю.Ф. Самарин уточняет этот тезис: «Мы приходим к убеждению, что именно народность мысли, определяя как бы специальное ее назначение в области науки, наводит ее на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания» [3, с. 207]. Таким образом, народность, с одной стороны, ограничивает развитие науки, а, с другой стороны, расширяет ее возможности путем включения в мировой контекст, потому что народная мысль – одно из условий «постижения внутреннего смысла» [3, с. 208]. При этом Ю.Ф. Самарин предостерегает от крайностей: «Мы слышим беспрестанно: слепое подражание не годится, и мы готовы сочувствовать всякому противодействию его крайностям; но все ли, повторяющие эти слова, ясно сознают, что такое золотая средина, чтó крайности и при каких условиях, какими средствами можно от них уберечься?» [3, с. 208–209].

В статье «О народном образовании» Ю.Ф. Самарин рецензирует статью Великосельцева «Заметки о связи между улучшенною жизнию, нравственностью и богатством в крестьянском быту» (Земледельческая газета. 1856. № 23, 24) и говорит о том, что «народное образование зависит не столько от богатства и достоинства внутреннего содержания (которого и нельзя предполагать в орудии или сосуде), сколько от внешнего общения» [7, с. 228]. Если присмотреться к происхождению внешних форм общежития, усвоенных русскими от Западной Европы, то можно обнаружить под ними «идею рыцарской чести» и прочее.

В другой статье, отвечая на замечания «Русского вестника», Ю.Ф. Самарин пишет о народности в науке: «Когда началась разработка русской истории иностранными учеными и русскими, воспитанными на иностранный лад, установилась особенная точка зрения на наше прошедшее. Мы стали искать в нем не того, чего искал и требовал от жизни сам русский народ (его идеалы и требования были для нас темны и чужды), а того, что выработали и в чем проявили себя народы западные, и, разумеется, мы ничего не нашли <…> Не умели же мы применить к ней ее собственного масштаба потому, что мы утратили сочувствие с теми духовными силами, которыми управляется русская жизнь» [5, с. 232]. Это мысль, которая подспудно звучит и во многих работах М.П. Погодина, который смотрел на русскую историю, исходя из ее собственного масштаба. Это можно видеть, например, в его курсе русской истории для гимназий. Ю.Ф. Самарин в своей статье, осмысляя идею народных начал, делает вывод о том, что народность – условие успешного развития науки и ее движения вперед.

Среди всех своих университетских преподавателей Ю.Ф. Самарин особо отмечает М.П. Погодина и С.П. Шевырева не случайно, поскольку оба профессора были славянофилами и оба они заботились о практической пользе своих лекций, о развитии науки. Помимо того, впоследствии в знаменитой Погодинской избе славянофилы собирались все вместе (Ю. Самарин, А. Хомяков, Ф. Чижов и др.). Здесь проходили философские диспуты, споры о русском пути. Дом Погодина был одним из главных литературных салонов столи-

цы, который посещали писатели Н.В. Гоголь, Е.А. Баратынский, С.Т. Аксаков, Ф.И. Тютчев, А.Н. Островский, философ П.Я. Чаадаев, актер М.С. Щепкин и многие другие. Также Ю.Ф. Самарин был участником заседаний погодинского Общества любителей российской словесности. О дружбе Самарина и Погодина можно судить и по эпистолярному наследию. Так, в письме от 25 апреля/7 мая 1859 года Юрий Федорович пишет М.П. Погодину: «Любезнейший Михаил Петрович, Тютчев, приехавший сюда сегодня из Петербурга, Хрущов, Ex-министр и Д. Оболенский[1] очень желают с вами встретиться. Все они будут у меня завтра вечером. Пожалуйста, приезжайте. Тогда же мы условимся, когда при<дем> к вам на чтение» [3, с. 301].

В течение жизни Ю.Ф. Самарин испытал влияние не только своих учителей, но и друзей-славянофилов, которые направляли его мысли в народное русло, отвлекая, так сказать, от иноземных влияний. По свидетельству Д.Ф. Самарина, «Действительно, под влиянием Аксакова Ю<рий> Ф<едорович> окончательно отрешился от французского направления, начало чему было положено в университете лекциями Погодина и отчасти Шевырева. Аксаков увлек С<амарина> своею горячею проповедью о народных русских началах. Осенью 1840 года они вдвоем взялись истолковать эти начала приехавшему в Москву члену палаты депутатов Могену. В письме, написанном по-французски, Ю<рий> Ф<едорович> изложил ему “свое мнение о трех периодах (исключительной национальности, подражания и разумной народности) и о двух началах нашей народности – православии и самодержавии”» [2].

Это письмо Франсуа Могену было впервые опубликовано в «Русском архиве» (1880, № 2, с. 254–269). В нем ощущается влияние идей М.П. Погодина, который всю жизнь занимался историей жизни и государственной деятельности Петра Первого и очень высоко ставил его преобразования. Ю.Ф. Самарин пишет: «Россия только что вступила в новый период своего развития. Мы были национальны до Петра Первого, потому что вне своего отечества не знали ничего и потому что отношения наши к соседям были всегда враждебны. История России в первые 7, 8 веков ее существования представляет ряд войн почти беспрерывных, то междоусобных (приблизительно до XV-го века) между удельными князьями, то внешних с народами татарского происхождения, поочередно наводнявшими наши южные окраины (с хозарами, печенегами, половцами и, наконец, с монголами, которые нахлынули на Россию в лице татар), и с нашими соседями на западе (поляками, литвою и венграми). Все племена эти поочередно накидывались на Россию, как бы желая еще в колыбели задушить своего будущего победителя; но среди этой непрестанной борьбы племени с племенем русская народность окрепла, и в начале XV века материальное существование ее было обеспечено» [5, с. 49–50]. Таким образом, Ю.Ф. Самарин объясняет Франсуа Могену основы русской истории, которая является не менее выдающейся, чем европейская. О том же говорит и сам М.П. Погодин в своих лекциях по древней русской истории, и также говорит о роли Петра Первого как преобразователя России.

Ю.Ф. Самарин также высказался по поводу Шлёцера (учебник которого по всемирной истории переводил М.П. Погодин, написав к нему предисловие) в статье «Замечания на статью г. Соловьева “Шлёцер и антиисторическое направление”». С.М. Соловьев напечатал в «Русском вестнике» статьи «Август Лютер Шлёцер» (1856, т. 2, № 4, кн. 2) и «Шлёцер и антиисторическое направление» (1857, т. 8, № 4, кн. 2).

М.П. Погодин очень хвалил Шлёцера и его «Историю для детей»: «С необыкновенным искусством умел он каждый век, каждое происшествие, каждого человека отличить

[1] «Кроме Тютчева, встречи с Погодиным ожидали Дмитрий Петрович Хрущов (1816–1864) – товарищ министра государственных имуществ, член Комиссии по устройству быта помещичьих крестьян; бывший министр народного просвещения Авраам Сергеевич Норов (1795–1869), уволенный в отставку в 1858 г.; князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822–1881)» [2, с. 301].

собственным его именем, одним резким словом вкоренить в читателя. Мысль его в историческом мире летала молниею от одного полюса до другого. Ему, кажется, оставалась одна ступень до того, чтоб разгадать систему человеческих действий; чувствуешь, по крайней мере, при чтении его сочинений, что сия система есть, что она разгадается» (Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей <вступительное слово Погодина> // Вестник Европы. 1825. № 19. Октябрь. С. 179). В ответ на то, что С.М. Соловьев называет Шлёцера представителем антиисторической школы, Ю.Ф. Самарин пишет: «…г. Соловьев, кажется, не сообразил, что народ может развиваться совершенно оригинально, никому не подражая, не отрекаясь от своей духовной самобытности…» [4, с. 300].

В статьях, посвященных А.С. Хомякову и крестьянскому вопросу, Ю.Ф. Самарин также затрагивает вопросы русской истории в понимании Хомякова. Одна из этих статей – ответ на вопрос М.П. Погодина [10], в которой Ю.Ф. Самарин описывает взгляд А.С. Хомякова на освобождение крестьян и приводит письмо Хомякова, где тот пишет: «…Деятельность крестьянина заключена в безвыходно тесном круге; ему даже не дано права требовать замены барщины оброком; пусть бы лучше положили высокий оброк, лишь бы крестьянин видел, что когда-нибудь да прекратится барщина. У нас, на Руси, барщина, усовершенствованная и подведенная под строгие правила, недолго продержится с упразднением помещичьего полновластия. Германия в этом случае нам не указ. Наш крестьянин терпеливее немца вынесет грубый произвол» [10, с. 317]. В этом высказывании можно обнаружить также идею народности истории. Немецкий образ жизни и мыслей не подойдет при решении крестьянского вопроса в России. Ю.Ф. Самарин пишет, что хотя в общественном мнении было множество разных мыслей по этому вопросу, «Хомяков из первых понял необходимость полного освобождения крестьян и предоставления им земли в собственность посредством выкупа» [10, с. 318]. В этой мысли сначала все увидели «дерзкую мечту и посягательство на право собственности», а потом все с ней согласились.

Таким образом, Ю.Ф. Самарин выступает как ученик, единомышленник и продолжатель М.П. Погодина и С.П. Шевырева в вопросах о народности в образовании и науке. В его ранних статьях 1840-х годов это влияние особенно заметно. В более поздних статьях заметнее становится влияние идей А.С. Хомякова.

Литература

1. [*Погодин М.П.*] Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. 1835–1836: в 2 ч. Ч. 1. М.: Универ. типогр., 1835. 304 с.
2. *Самарин Д.Ф.* Он был православный русский мыслитель, с самоотвержением потрудившийся на благо своей родины...: Ко дню памяти Ю.Ф. Самарина (19 марта / 1 апреля). Ч. 1 [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 2018. 29 марта / Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2018/03/30/on_byl_pravoslavnyj_russkij_myslitel_s_samootverzheniem_potrudivshijsya_na_blago_svoej_rodiny/
3. *Самарин Ю.Ф.* Два слова о народности в науке / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Литература и история / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2013. С. 200–209.
4. *Самарин Ю.Ф.* Замечания на статью г. Соловьева «Щлёцер и антиисторическое направление» / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Литература и история / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2013. С. 296–308.
5. *Самарин Ю.Ф.* Замечания на «Заметки “Русского Вестника” по вопросу о народности в науке» / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Литература и история / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2013. С. 232–243.
6. *Самарин Ю.Ф.* О двух началах нашей народности, православии и самодержавии / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Литература и история / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2013. С. 49 – 57.
7. *Самарин Ю.Ф.* О народном образовании / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Литература и история / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2013. С. 210–231.
8. *Самарин Ю.Ф.* Письмо Погодину М.П. 25 апреля / 7 мая 1859 г. // Федор Иванович Тютчев / ИМЛИ имени А.М. Горького АН СССР. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 301. (Лит. наследство. Т. 97).
9. *Самарин Ю.Ф.* Предисловие к отрывку из «Записок» А.С. Хомякова о всемирной истории / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Литература

и история / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2013. С. 320–324.

10. *Самарин Ю.Ф.* Хомяков и крестьянский вопрос (Письмо к М.П. Погодину, читанное 6 ноября 1860 г. в заседании Общества любителей российской словесности) / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Литература и история / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2013. С. 315–319.

11. *Шевырев С.П.* Взгляд русского на образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 219–296.

Аннотация. Автор анализирует вклад трех ярких представителей славянофильского течения своей эпохи – Ю.Ф. Самарина, М.П. Погодина, С.П. Шевырёва – в развитие идеи народности. Особый акцент ставится на развитие концепции народности в науке, а также роль данного фактора в историческом развитии России. Осмысляя идею народных начал, представители славянофильского течения приходят к выводу о том, что народность – условие успешного развития не только страны в целом, но и науки и ее движения вперед.

Ключевые слова: славянофилы, народность, народные начала, Ю.Ф. Самарин, М.П. Погодин, С.П. Шевырёв.

Irina V. Logvinova, PhD in Philosophy; Senior Teacher, Philosophy, History and Theory of Culture Sub-Faculty, Schnittke Moscow State Institute of Music. E-mail: lo-grina@yandex.ru

Yu.F. Samarin, M.P. Pogodin, S.P. Shevyryov and the Ideas of Nationality

Abstract. In the article the author analyzes the contribution of the three prominent representatives of Slavophilism, – Yu. F. Samarin, M.P. Pogodin and S.P. Shevyryov, – to the development of the concept of “narodnost” (nationality). Special attention is paid to the development of the nationality concept in science and the role of this factor in the historic development of Russia. Reflecting upon the idea of popular principles, the Slavophils arrived at the conclusion that nationality (“narodnost”) was not only the condition of successful development of the state, but also the condition of the successful progress of the science.

Keywords: Slavophils, Nationality, Popular principles, Yu. F. Samarin, M.P. Pogodin, S.P. Shevyryov.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-74-79

Федор Гиренок

Самарин: поворот русской мысли к своим корням

Самарин хотел сделать карьеру преподавателя, хотел стать профессором Московского университета. Он даже диссертацию решил написать. Чтобы его сознание не противоречило бытию, он взялся за исследование русской ментальности. Самарин стал изучать творчество Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. На защите диссертации Самарина были многие. Пришел и старый Чаадаев. Самарин защищался так хорошо, что, как заметил Петр Яковлевич, «некоторые женские головы тихо преклонились перед необыкновенным человеком» [5]. Самарину нужно было ответить на один вопрос: почему у нас в России не было богословия? Вот на Западе оно есть, а у нас его нет. Почему? Ответ: потому что богословская наука, церковная система невозможны и вредны. «Наша церковь своим молчанием и, по-видимому, равнодушием к двум попыткам создать систему (разумею сочинения Стефана Яворского и Феофана Прокоповича) самую мысль о системе признала ложной, чуждой себе, выходящей из своей сферы» [3, с. 32]. Если бы православная церковь создала систему, то она бы перевела чувство на язык мыслей. Это неплохо. Но чувство, выраженное в слове, перестает быть чувством. А мы не хотим, чтобы умом разрушалось то, что принимает сердце. Уму пусть противостоит ум, а не чувство. К такому выводу пришел Самарин, защищая диссертацию в 1843 году.

Ревизия прибалтийских земель

В Петербурге Самарину жить было тошно. Из письма Хомякову: «Я рвусь отсюда, но не знаю, куда идти». А тут случай подвернулся – ревизия прибалтийских земель. Самарин попросил, и его как титулярного советника включили в состав ревизующей комиссии. Ехал Самарин в Прибалтику с одними понятиями, а уехал оттуда с другими. Остзейский край деконструировал его представления об империи. Ведь что приходит в голову при слове «империя»? Конечно же огромная территория, на которой действуют универсальные законы, говорят на одном языке. Ну, и поскольку речь идет о русской империи, постольку русские должны в ней чувствовать себя свободно. Не то чтобы у них были какие-то особые права. Но вот чувство того, что они у себя дома, в своем государстве, у них не могло не быть. Фактически же в русской империи не оказалось ни одного языка, ни одних законов, ни дома для русских. Права русских в Прибалтике были ограничены. Это обстоятельство потрясло Самарина и определило его мировоззрение.

Самарин и Кавелин

В XIX веке у образованных людей еще были взгляды, мировоззрение, и они его отстаивали. Вот опубликовал К. Кавелин в «Современнике» статью под названием «Взгляд

Гиренок Федор Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: girenok@list.ru

на юридический быт Древней Руси», а Самарин ему в «Москвитянине» противопоставляет другой взгляд. Возникает полемика, в ходе которой каждый думает только об установлении истины. Ошибся оппонент, так ты его лови на ошибке. Неудачно выразился, а ты ему и здесь спуска не давай. Например, Кавелин пишет о славянских племенах, образовавшихся исключительно путем нарождения, а Самарин язвит. Де, германцы, конечно, с неба падают. Кавелин полагает, что русские славяне имели исключительно родственный быт, и приводит аргументы, а Самарин так не полагает и тоже приводит аргументы. «Мнение о современнике» [2]. Самарин решает одну задачу: она состоит в критическом анализе воззрений Кавелина. Спорить им не о чем. А они спорят, потому что оба мыслят в терминах всеобщей связи и генетических зависимостей. То есть Самарин и Кавелин зафиксировали два типа реальности и затем стали выяснять, какая из них главная, что из чего получается, от чего к чему идет развитие. Согласно Кавелину, зрелое находится в Европе. Незрелое – в России. Самарин переставляет знаки. Никто из них не ставит под сомнение саму идею развития, не ищет иных, не генетических зависимостей и связей. В самой этой перестановке есть что-то детское, упрямое. Кавелин заявляет о том, что у русских не был развита личность. Самарин тоже знает о том, что у нас не было и не может быть личности. Но из духа противоречия указывает на былинных богатырей, князей и монахов. Хотя речь идет о другом. Кавелин говорит о том, что у русских не было сознания. Самарин и это тоже знает. Но спорит. Ему не нравится пафос статьи Кавелина. Например, Кавелин вполне справедливо полагает, что русские – домоседы. А Самарин ему в пример ставит Ермака, казаков. Какие же они домоседы? И так во всем. Между ними нет согласия даже в вопросе о христианстве, о том, чем оно нас обогатило.

Германские племена запустили руку в христианский сундук и вытащили оттуда личность, потому что она у них уже была. Русские опустили руку в сундук и выбрали смирение, потому что оно у них тоже было раньше. Германцы воевали с Римом. У них внутреннее беспокойство и метание. Военные переходы развили в германце чувство опасности. Спасение от опасности они нашли, выработав в себе структуру личности. Русских заел домашний быт. Семья. У них не было чувства опасности. Им не нужна была личность. Они воспринимают социальный мир в семейной терминологии, называя начальника отцом, а себя его детьми. Русского человека окружали дяди, тети, братья, сестры, деды и бабки.

У германцев человек из определяемого стал определяющим. Личностью. Русский отрекается от своей личности и подчиняет себя целому. Германцы живут разрозненно. К побежденным и рабам они жестоки. Умолить их о пощаде никак нельзя. Русские – люди спокойные. Миролюбивые. Они на рабов и чужеземцев смотрят по-родственному. Без вражды. Без резкой разделительной черты на своих и чужих. Германца на каждом шагу поджидает враждебно настроенный по отношению к нему другой. Он один и поэтому может полагаться только на себя. В нем воспитано чувство особенности. Сосредоточенности. Ему нужно сознание, круговой обзор. Без него он как без рук. Русский жертвует собой во имя семьи. Зато в семье он беспечен, как дитя. Ему не нужно сознания. У него нет столкновений с другими личностями. Вокруг него дяди и тети, родственники, поддерживающие и защищающие друг друга. Обида, нанесенная одному, касалась всех. Все за одного, один за всех.

Самарину не нравился германский способ приобретения сознания. Но способ способом, а европейцы извлекали сознание, рационализируя его в терминах когитальной и трансцендентальной философии. Русский способ приобретения сознания иной. Но из этой инаковости не следует, что «человек, который никогда не бил и не бьет другого, не сознает своей силы» [2, с. 44]. У него есть сознание, но другое: соборное.

«...Общинное начало составляет основу, грунт всей Русской истории прошедшей, настоящей и будущей; семена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности,

глубоко зарыты в его плодородной глубине, и никакое дело, никакая теория, отвергающая эту основу, не достигнет своей цели, не будет жить» [2, с. 51].

Русское государство – это тоже община, то есть предельный вид земского единства. Форма общежития. И в это общежитие, в это единство не надо вносить рознь в виде федерализма, который хорош только как форма смягчения земской розни. Община отвечает «потребности жить вместе в согласии и любви» [2, с. 52], а не личному произволу каждого. Общинный быт «основан не на личности и не может быть на ней основан, но он предполагает высший акт личной свободы и сознания – самоотречение» [2, с. 52]. Трансцендентальное сознание – это сознание автономной личности, которая дважды пыталась укорениться в истории России: во времена Ивана Грозного и Петра I. В опричнине Ивана Грозного была явлена русскому человеку аналитика автономной личности, затем она появилась вновь с Петром I. И с гражданской войной XX века. Самарин считает оскорбительной для человеческого достоинства мысль о том, что бывают времена, когда гениальный человек не может не сделаться извергом, утверждающим права личности. Но бывают изверги, а бывает и время действия соборного субъекта. Самарин видел это время в 1862 году и в 1612-м.

Соборная личность смиренна, но смирение – это не покорность, а согласованность с миром, гармония, которая достигается отречением личности от самой себя во имя целого. Вот, например, вече. В нем дела решались не по большинству голосов и не единогласно, а как в семье, среди родственников, то есть примиряюще. Автономная личность своевольна. Европейская реализация личности создала не личность, а индивидуализм и своекорыстие. В некотором смысле есть только одна личность. Это Бог. А человеческая личность невозможна. В Европе личность стала тотемом. Знаком принадлежности к иному порядку бытия. И вот каждый ходит и говорит: «Я – личность, я – бог», – хотя эти утверждения онтологически бессмысленны.

Баронесса

Самарин – человек холодный. Не эмоциональный. Была в нем какая-то несимпатичная правильность. Он никогда не делал глупостей. А это настораживало. Вот К. Аксаков, его друг. Ведь девственник, а все же влюблялся. И даже миф сочинил о своей любви к цветочнице. Женщины Самарина не интересовали. Он их не любил. Однажды он увлекся баронессой Раден. Правда, к этому времени Самарин перенес уже два удара паралича. И его скривило. Но голова по-прежнему работала хорошо. Баронессе это в нем нравилось. Она умна. И он умен. Она тверда в своих взглядах. И он тверд. Ей не уступает. А между ними – прибалтийские губернии, то есть различное отношение к ним. Баронесса – фрейлина великой княгини Елены Павловны. Но родом она была из Прибалтики. Там ее дом, знакомые, родственники. Она, защищая остзейских дворян, видела в них залог грядущей свободы. Самарин называл Прибалтику окраиной России и призывал лишить ее всяческих привилегий. Баронесса недовольна. Самарин пишет ей письмо. С этого письма началась история самаринских «Окраин России», которые взбудоражили немецкую общину в Петербурге. Пафос Самарина передает одна его фраза. Она звучит так: «Мы даже не умеем угнетать». Вот все умеют, а мы даже этого не научились делать из-за своей соборности. Раден недовольна Самариным. И царь недоволен. Самарин пишет письмо царю. «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиной к балтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы означало, что оно разлюбило Россию как целое» [1, с. 204]. Враги России «сбежались бы со всех концов Европы на братский пир и отпраздновали бы вместе канун политического крушения империи» [1, с. 204]. Царь на письмо не ответил. Баронесса на письмо ответила письмом. Мол, возьмите свои слова обратно. Или все, конец, разрыв

отношений. А Самарин на своем стоит. Нет, мол, не возьму свои слова обратно. А вам, баронесса, не хватает знаний. Да и детские воспоминания вас связывают с этим краем. А воспоминания мешают мыслить. Самарина они не связывали. И он был свободен. В баронессе ему нравилось все. Даже ее предрассудки. Но истина была для него дороже баронессы. Вот Раден утверждает, что в Прибалтике укоренилось цивилизованное поведение. А что такое цивилизованное поведение? Наружная образованность, которая нужна для того, чтобы «проехаться по Европе, никого не задев, не оскорбив и не давши себя обидеть, принимать участие в разговорах между пассажирами, не возбуждая смеха и не обращая на себя всеобщего внимания» [2, с. 145]. То есть это кора. Но если вы ее снимете с одного дерева и обвяжете ею другое, то разве она приживется? Нет, конечно. Ну не было у нас рыцарской жизни. Не целуем мы руки женщинам. В наших понятиях женщина живет для себя только до замужества. Затем труд. Подвиг. Жертва собой мужу, детям, семье, дому. Это там, на Западе, женщина до замужества сидит взаперти. В монастыре. А потом выходит замуж, чтобы пожить для себя. Погулять. Баронессе не нравилась теория Самарина, и она от него отдалялась, отдалялась и отдалилась.

Установиться, чтобы мыслить

Автономная личность мыслит, если она свободна, то есть освободила себя от памяти, традиций, сочувствия и начинает все с нуля, с себя. Нулевое начало является фундаментальной предпосылкой мысли. Соборная личность мыслит иначе. Она мыслит, если она установилась, то есть полностью определила себя в понятиях соборной жизни народа, его памяти, традиций, языка. «Мыслить о каком бы то ни было предмете, не установившись перед ним – невозможно» [2, с. 149–50]. Нельзя мыслить, устанавливаясь, то есть на ходу, в процессе, без памяти, как кочевник. Дело не в том, чтобы мыслить истинно. А в том, чтобы установиться. А это дело жизни, а не логики. В автономной личности важна правильность мысли, то есть вот соблюдает она правила или нет. В соборной личности важна установленность. Ты установись, а уж стрелы твои точно попадут в цель. Истина – не продукт мышления. А следствие метафизического апостериори, полной бытийной определенности. Ну, а если есть такая определенность, то нам нужно, как говорит Самарин, признать два следствия. Во-первых, «каждый человек знает о себе много такого, чего не знает никто или что узнает другой только от него самого» [2, с. 155]. Если человек установился, то он знает то, что не знает никто. Факт установленности накладывает запрет на метафизическое конструирование опыта. А также он делает тебя независимым от другого. От того, что он может знать о тебе в трансцендентной перспективе мира, ибо в этой перспективе нет твоего внутреннего опыта. У трансцендентального субъекта нет внутреннего. Это затем, позднее феноменологи обнаружат у автономной личности внутренний опыт и начнут его рационализировать, разделив всех людей на порядочных и непорядочных. Так вот предметом феноменологических исследований является внутренний мир автономной личности, если она порядочна. Внутренний мир соборного человека выполняется внешними связями внутри собора. А это значит, что любое описание этих связей, равно как и жизни соборного человека, будет неполным. Для полного уразумения жизни человека необходимо, чтобы он ее рассказал сам, то есть необходим рассказ, при условии абсолютной искренности. «Всякий народ обязан истолковывать себя, оставив свою исповедь» [2, с. 205].

Философия и есть этот рассказ. Вернее, искренний рассказ о том, что знаешь только ты, и есть философия, без которой всякое знание жизни твоего народа будет неполным. Обязанность рассказа нельзя возложить на другого, ибо задача состоит в обнаружении того, что знает про себя только сам народ, чего другой народ не знает и не узнает никогда без его посредства. Без выполненного рассказа любое существование остается тайной. «Можно ли

отрицать, что Русскому, потому что он Русский, и в той мере, в какой он Русский, дух нашей истории, мотивы нашей поэзии, весь ход и все настроение народной жизни откроется яснее и полнее, чем Французу» [2, с. 116–117]. Например, Гегель всю свою философию извлек из немецкого языка. Но его философия знаменует одновременно радикальный разрыв с искренностью, открывая дорогу спекуляции, иронии и псевдорассказу.

У автономного человека философия начинается в акте самосознания, в опыте отличия я от не я. Соборный человек начинает философствовать в момент искреннего рассказа о том, что знает только он. Его философия – это исповедь.

Самарин о самости

Кавелин написал книгу «Задачи психологии» и обратился к Самарину за отзывом. Самарин не уклонился и составил свое мнение о книге Кавелина. На это мнение отреагировал Кавелин. С 1872 по 1875 год происходил обмен мнениями между Самариным и Кавелиным. Кавелин полагал, что есть только одна субстанция – материальная. А Самарин допускал две – Бога и материю. И обе они воздействуют на душу человека. При этом Кавелин представлял душу в терминах, вполне приемлемых и славянофилам. Он назвал ее организмом. Самостоятельным и самодеятельным. Ну а Самарина заинтересовало словечко «сам». Ибо «ударение падало на слово сам, и в нем заключается суть ответа» [4, с. 406]. Вот ты делаешь что-то сам, и появляются произвольные действия. А если ты не сам, то действия твои непроизвольны. Произвольность может расширяться до бесконечности или сужаться до точки. Но как отличить произвольное от непроизвольного? Ведь в составе любого действия нет признака, указывающего на их отличие.

Иными словами, Кавелин допускает свободу как принадлежность личности. Как ее собственность. Что и выражает слово «сам». Самарин обнаруживает в самости другого и поэтому объявляет «самость» самообманом. Либо есть Бог и мы свободны, но тогда свобода – это не принадлежность индивида, не результат его самоопределения. Либо Бога нет и самость – это иллюзия свободы. То есть иллюзорно представление о том, что свобода существует как сознание свободы. Конечно, можно убрать «сознание» и на его место поставить «волю» и понимать свободу как волю к свободе. Как порыв, стремление. Но ничего не изменится. Ведь воля может самоустраниться и быть безвольной. Например, «Спаситель подал Иуде хлеб. Это была последняя минута, в которую задумавший предательство мог еще пересилить в себе искушение, но он упустил ее, принял предложенный ему хлеб, не отказавшись от своего намерения, и тогда вместе с хлебом “вниде в него сатана”; иными словами: с этой минуты побуждение приобрело над душой власть неодолимую, и она пошла ко дну, как камень, падающий в силу динамики» [4, с. 425–426]. Процесс самоопределения нельзя определить. Потому что это значит определить до самоопределения. Точно так же, как нельзя предсказать открытие. Ведь предсказать его – значит открыть. Человек уже свободен и поэтому что-то может делать сам.

Литература

1. *Нольде Б.Э.* Самарин и его время. Париж, 1978.
2. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М., 1877. Т. 1.
3. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М., 1880. Т. 5.
4. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М., 1887. Т. 6.
5. *Чаадаев П.* Письма [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://chaadayev.filosoff.org/tvorchestvo/pisma/pagen/19/

Аннотация. В статье анализируется поворот русской мысли к своим корням. Отправной точкой такого поворота стали исследования Ю.Ф. Самарина. До Самарина русская мысль обращалась к европейским истокам. Автор приходит к выводу, что Самарин заставил русскую мысль обратиться к самой себе. Этим поворотом и была создана русская философия, характерным признаком которой стало не объективирующее мышление, не система понятий, а субъективируюшее мышление, личный взгляд на мир. Решающее влияние на Самарина оказала ревизия прибалтийских земель России. В статье также исследуется дискуссия между Кавелиным и Самариным и делается вывод о плодотворности идеи соборной личности. Самарин понимает внутреннее (субъективное) как сложную связь внешних отношений, объединенных одной идеей людей.

Ключевые слова: русская мысль, соборность, славянофильство, личность, община, быт, мышление, общество, самость, сознание.

Fedor I. Girenok, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Head, Philosophic Anthropology Sub-Faculty; Philosophy Department; Lomonosov Moscow State University. E-mail: girenok@list.ru

Samarin – the Turn of Russian Thought to Its Roots

Abstract. In the article the author analyzes the reversion of Russian thought to its original roots. The starting point of such turn can be considered the research and studies of Yu. F. Samarin. Before Samarin Russian thinkers usually addressed European sources in their work. The author of the article comes to the conclusion that Samarin was the first to make Russian thought to resort to its own roots That turn served as the basis for the creation of Russian philosophy that is characterized by the subjectifying thinking and personal world outlook rather than objectifying thinking and conceptual framework. Samarin was greatly influenced by the revision of Baltic governorates in Russia. In the article the author also examines discussions between Kavelin and Samarin and remarks on the fruitfulness of the idea of a collegial individual. Samarin understand the inner (subjective) essence as a complex connection of the external relations of the people united by one and the same idea.

Keywords: Russian Thought, Collegiality? Slavophilism, Person, Community, Mode of Life, Thinking, Society, Selfhood, Intellect (Sense).

Славянофильство – деятельный консерватизм

Раздел второй

Э.А. Попов
Генезис и становление русского национализма в консервативной традиции: место Ю.Ф.Самарина

М.А. Саевская
Ю.Ф. Самарин и дискуссия о всесословном земстве в трудах русских консерваторов пореформенной России

В.А. Дёмин
Взгляды Ю.Ф. Самарина на народное представительство в контексте славянофильской и либеральной политической мысли России

Е.В. Перевалова
«Русская беседа» и «Русский вестник» (к вопросу о причинах неудачи издательского проекта славянофилов)

Л.В. Ульянова
Департамент полиции и славянофильский политический дискурс

А.Е. Гребенщиков
Адмирал А.С. Шишков: предтеча славянофилов

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-83-92

Эдуард Попов

Генезис и становление русского национализма в консервативной традиции: место Ю.Ф. Самарина

Термин «национализм» имеет множество разночтений. В целом для отечественных исследователей (и в еще более выраженной степени – для общественного сознания) характерно оценочное, резко негативное отношение к национализму. Причем неприятие это весьма устойчиво и объединяет подчас авторов, придерживающихся различных убеждений. Приведем для примера выдержки из определений, содержащихся в двух энциклопедических словарях. Так, в дореволюционном классическом словаре Брокгауза и Ефрона содержится следующее определение явления, данное известным философом В.С. Соловьевым: национализм – превращение живого народного самосознания в отвлеченный принцип, утверждающий «национальное» как безусловную противоположность «универсального», и «свое родное» как безусловную противоположность «чужеземного» [11].

По сути, аналогичную трактовку данного понятия содержит определение, содержащееся в «Философском энциклопедическом словаре», вышедшем в 1989 году: «Национализм – идеология и политика в национальном вопросе, для которых характерны идеи национального превосходства и национальной исключительности. Национализм трактует нацию как высшую внеисторическую и надклассовую форму общественного единства, как гармоническое целое с тождественными основными интересами всех составляющих ее социальных слоев» [12].

Как мы видим, разница лишь в акцентах: в отличие от дореволюционной энциклопедии «Философский энциклопедический словарь» 1989 года делает упор на классовом (точнее, надклассовом) аспекте явления. Общим является одно: национализм трактуется как искусственное противопоставление общего (общечеловеческого) частному (национальному). А поскольку противопоставление проводится в пользу «частного», симпатии авторов, разумеется, не на стороне националистов.

Следует отметить, что исследовательские оценки национализма в отечественной научной литературе постепенно изменяются. Во многом под влиянием зарубежных исследований в гуманитарных дисциплинах, для которых характерно отсутствие оценочного подхода. Так, известный исследователь В.Л. Махнач прибегает к следующей (образной) аргументации в пользу национализма: «Националистическое мировоззрение блестяще сформулировано одним английским писателем еще в начале нашего века: “Я больше люблю свою дочь, чем кузину, а кузину больше, чем соседку, но из этого, честное слово, не вытекает, что я ненавижу свою соседку”». Анализируя зарубежную историографию проблемы, этот автор выделяет в ней такие «подвиды» национализма, как «прогрессивный» (младотюрки, Гоминьдан) и «реакционный» (нацисты) типы. «В сравнении с этим, – заклю-

Попов Эдуард Анатольевич, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент Ростовского государственного медицинского университета. E-mail: edwardp@yandex.ru

чает исследователь, – в Западной Европе понятие “национализм” является безоценочным и негативной нагрузки не несет» [9].

Последнее утверждение автора не представляется столь бесспорным и требует некоторой детализации. Как отмечают современные авторы О. Волкогонова и И. Титаренко, ссылаясь на известного американского исследователя национализма Лию Гринфельд: «Используя два критерия – определение нации и условия членства в ней – Л. Гринфельд выделяет индивидуалистский национализм (когда нация рассматривается как суверенная общность равноправных индивидов) и коллективистский национализм (нация – коллективный “индивид”, чьи интересы имеют первенство над интересами индивидов, ее составляющих), который, в свою очередь, подразделяется на гражданский и этнический в зависимости от критериев членства в общности» [2].

Консерватизм и национализм долгое время рассматривались и продолжают рассматриваться как идейно близкие явления. Тем больший интерес вызывают работы авторов, в которых родословная национализма выводится из либерализма. Так, подобную точку зрения высказывает и аргументирует известный историк консервативной мысли иеромонах Григорий (В.М. Лурье) в своей работе «Избавление от славянофильской утопии». Следует отметить, что у истоков этой консервативной традиции стоял теоретик русского охранительства К.Н. Леонтьев.

Таким образом, в современных общественно-политических дисциплинах не выработалось единого подхода ни в отношении национализма как такового, ни в отношении проблемы «консерватизм – национализм». В то же время наметилась явная тенденция к отказу от аксиологического подхода к национализму.

Итак, какое же содержание скрывается за термином «национализм»? В основе данного понятия находится слово «нация». Зарубежными исследователями феномена национализма давно отмечено, что в различных странах Западной Европы сформировалось различное же понимание нации. «Уже более двухсот лет известны “французское” и “немецкое” представления о нации. Первое исходит из идеи нации как свободного сообщества людей, основанного на политическом выборе. Оно берет начало со времен Великой французской революции, когда старому режиму противостояло третье сословие, называвшее себя нацией. Второе восходит к Иоганну Г. Гердеру и немецким романтикам XIX века. По их представлению, нация выражает “народный дух”, опирается на культуру и общее происхождение» [цит. по: 5, с. 184–185]».

В работе А.Н. Кольева выделяется три исследовательские парадигмы изучения национализма: марксистская, либеральная и консервативная, в соответствии с идеологическими предпочтениями авторов. Исследователь дает следующее определение национализма: «В консервативно-традиционалистской интерпретации национализм приобретает положительную характеристику как естественное проявление национального духа, исторического самосознания народа, а также способ отстаивания его жизненных интересов. Продуктивный национализм отличается от ложного и деструктивного тем, что первый есть сохранение своего, второй – захват чужого. Причем сохранение своего в широком значении этого слова означает также и возвращение того, что было незаконно отнято» [5, с. 433].

Национализм, чье рождение пришлось на конец XVIII – начало XIX века, а торжество – на век XIX [16] и век XX (после крушения – как итог Первой мировой войны – великих империй с пестрым этническим составом: Австро-Венгерской, Российской и Османской), претерпевал серьезные мутации. По мнению Хобсбаума, происходила мутация «От “левого” национализма к “правому”, от освободительного – к державно-государственному и имперскому». То есть происходит сближение национализма и консерватизма. Впрочем, не все исследователи соглашаются с такой линейной трактовкой идейно-политической трансформации европейского национализма. «Поздний национализм, однако, ни в коем случае

не был консервативным, он скорее требовал изменений и противодействовал политике установившегося национального государства. <…> Так было даже в тех случаях, когда она выступал антипарламентским и антисемитским во внутренних отношениях и империалистическим – во внешних» [6, с. 103].

По справедливому замечанию современного сербского исследователя, «нет такой нации, которая бы в эпоху своего конституирования не рождала из своей среды значительных мыслителей или политиков, бравших на вооружение тезис о национальной идеологии или ее государственного оформления» [14, с. 17].

Национализм, по нашему мнению, – прежде всего то, что охраняет и развивает, обособляя. Защитительные функции в нем первичны. Сходным образом интерпретирует национализм ряд авторов, придерживающихся консервативной парадигмы. Нетрудно заметить, что эта традиция оценки национализма как защиты своего восходит к трудам И.А. Ильина и, глубже, в русскую консервативную традицию XIX столетия.

Тем самым в рамках предложенного подхода консерватизм и национализм не являются антиподами. Более того: если принять за основу предложенную нами трактовку терминов, очевидным окажется вывод об известной тождественности (по крайней мере по целям) данных явлений. И консерватизм, и национализм – защитительные идеологии. Тем не менее, как свидетельствует анализ русского дореволюционного консерватизма, взаимоотношения между консервативной и националистической идеологией были достаточно напряженными, а подчас – прямо враждебными.

Буквально с первых дней существования русского консерватизма как самостоятельного явления обнаружилось противоречие, которое со временем будет лишь усугубляться. Данное противоречие наиболее наглядно проявляется при сопоставлении воззрений на нацию и государство у адмирала Шишкова и будущего митрополита Московского Филарета (Дроздова). И если знаменитый лидер «Беседы» считал нацию богоданной ценностью, организмом, сродни человеческому, а, следовательно, обладающим коллективными волей, духом, совестью, то выдающийся богослов весьма скептически относился к подобным высказываниям, не без основания считая их неканоническими и даже еретическими.

С деятельностью кружка адмирала Шишкова можно связывать возникновение русского национализма как самостоятельной идеологии. Именно тогда, в 1810-х годах, начался великий спор, который вели в рамках одного, консервативного направления представители традиционной имперской и модернистской националистической точек зрения. Спор этот продолжался на протяжении всего XIX столетия и, более того, не был прекращен даже революцией: русская правая эмиграция дала как монархистов-националистов (И. Ильин), так и монархистов-имперцев (И. Солоневич).

Действительно, определенное морфологическое сходство (а не только общее генетическое происхождение) между либерализмом и национализмом имеется. Либерализм в начале XIX столетия сформулировал права индивида, – по аналогии с ним национализм сформулировал права национальностей. Это сходство отмечает видный теоретик консервативного национализма Н.Г. Дебольский. Вспомним также, что первыми (если не считать адмирала Шишкова) идеологию русского национализма начали разрабатывать «старшие славянофилы», которые постоянно балансировали на грани консерватизма и либерализма.

Однако данная точка зрения, приписываемая некоторыми исследователями К.Н. Леонтьеву, небесспорна. Вспомним, что предтечи немецкого консерватизма – романтики рубежа XVIII – XIX веков и предтечи «старших славянофилов» – первыми подняли вопрос не только о церкви, но и о национальности. К тому же именно консервативная идеология взяла на вооружение принцип национализма. По крайней мере в либеральных идеологемах данный принцип не получил такого развития. История русского нацио-

нализма есть прежде всего история национализма консервативного. Наконец, следует отметить, что несомненное идейное сходство имеется не только между либеральной и националистической (принцип права) идеологиями, но и между националистической и консервативной (принцип антииндивидуализма, акцент на охранительных функциях, идея «коллективных личностей» и т.д.). Следующая цитата из работы современного исследователя дает четкое представление о сути расхождений консерваторов и либералов по вопросу о нации: «Основное различие между славянофилами и либералами Н.П. Аксаков [идеолог пореформенного славянофильства – *Э.П.*] видел в том, что первые ставят в центр своей идеологии понятие “народ”, а вторые – “личность”. Думается, ему действительно удалось обозначить главный водораздел между двумя мировоззрениями. Ибо, по авторитетному мнению историка русского либерализма В.В. Леонтовича, «либерализм – система индивидуалистическая, дающая человеческой личности и ее правам превосходство надо всем остальным» [7].

Русский консервативный национализм формировался (особенно на начальной стадии) под сильным интеллектуальным влиянием идей немецкого (консервативного) романтизма рубежа XVIII – XIX веков. В известном смысле здесь также сказалось опосредованное воздействие идей Великой французской революции с ее представлением о «нации-суверене». Логическим развитием этого комплекса идей стало представление о национальности (народности, в русской политической терминологии того времени) как о высшем принципе легитимности. Так, по мнению позднего славянофила Д.А. Хомякова, в петербургский период истории России произошла деформация «истинно русского» представления о государственности: Русское православное царство мутировало в Российскую империю, индифферентную ко всему религиозному (православному) и национальному. Иными словами: власть легитимна до тех пор, пока признает высшую ценность нации. Это все то же старое учение о «нации-суверене» с той лишь разницей, что в концепции славянофила народ-суверен наделяет властью монарха, который является персонифицированным выразителем духа народного. Этот вывод Хомякова вполне логичен: отвергая представление о божественном происхождении царской власти, он (вслед за А.С. Хомяковым) вывел ее генеалогию из факта народного избрания. Представляется, сходство с идеей «нации-суверена» достаточно значительное.

Рассмотрим вкратце историю взаимоотношений имперской и националистической идеологии в рамках русской консервативной мысли. Российская империя эпохи Александра I и эпохи Николая I представляла собой государство, которому соответствовали собственные критерии легитимности. Основным признаком легитимности являлся тезис о происхождение монаршей власти от Бога. Можно указать и другие признаки легитимности, однако принцип национальности (или народности) не входил в их число. Вплоть до правления Александра II Освободителя национализм проявлялся разве что в качестве оппозиционного направления. Однако уже при Николае I впервые проявились черты русского национализма как государственной политики (как внешней, так и внутренней) в национальном вопросе. По крайней мере два события николаевского царствования позволяют сделать вывод о том, что национализм присутствовал не только в оппозиционных общественных направлениях, но и в практике государственной власти.

Первый пример – вмешательство России в вооруженный конфликт между австрийскими Габсбургами и восставшими венграми. Причину появления русского экспедиционного корпуса на территории Венгрии обычно относят к легитимистским устремлениям российского монарха. Между тем русские войска, спасая австрийскую монархию, по сути, подготовляли ей неминуемую смерть. Появление наших войск стало мощным пропагандистским фактором для набиравшего силу славянского движения в империи Габсбургов.

Для нас не вызывает сомнений, что будущий панславизм не стал бы столь мощным течением, не будь этого заграничного похода русской армии.

Второй пример еще более характерен. Речь идет о знаменитой триединой формуле графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». Еще недавно монархия не нуждалась в дополнительной системе аргументации, кроме уже известного нам тезиса о божественном происхождении царской (императорской) власти. Появление знаменитой триады – симптом идеологического кризиса или диффузии. Наряду с традиционным имперским компонентом, в котором де-юре доминировал принцип конфессиональности (на деле же доминировал принцип политической лояльности), в официальной идеологии появляется и постепенно усиливается националистический компонент.

Русский национализм проявился в качестве значимого компонента русской консервативной идеологии уже на заре возникновения последней. Прежде всего его появление связано с деятельностью кружка А.С. Шишкова. На более высоком теоретичном и концептуальном уровне он получает развитие в идеологии славянофилов и почвенников.

С начала XIX века в среде русских консерваторов развиваются и конкурируют два направления: традиционное имперское и модернистское националистическое. Почти одновременно (с некоторым запозданием) подобный дуализм возникает и в среде носителей государственной власти, что связано прежде всего с деятельностью министра народного просвещения графа С.С. Уварова. В циркуляре последнего о деятельности министерства за 1833–1834 год впервые появляется формула русского консервативного национализма: «Православие, Самодержавие, Народность».

Национализм в русской консервативной традиции не может рассматриваться в отрыве от общего социально-философского и гносеологического контекста. Социально-философская проблематика русского консерватизма, в свою очередь, не может быть понята без анализа определяющей для нее проблемы человека. Личность консерватизма – это личность социализированная. В свою очередь, социальное и национальное общее в консервативном его понимании было отмечено печатью персонализма. «Из учения о Церкви выводит Хомяков то учение о личности, которое решительное отвергает так называемый индивидуализм. “Отдельная личность, – пишет Хомяков, – есть совершенное бессилие и внутренний непримиримый разлад”. Лишь в живой и морально здоровой связи с социальным целым личность обретает свою силу <…> для Хомякова личность, чтобы раскрыть себя в полноте и силе, должна быть связана с Церковью. Хомяков решительно отвергает теорию среды как “совокупности случайностей, обставляющих человеческие личности”, отвергает и индивидуализм, изолирующий и абсолютизирующий отдельную личность. Лишь в Церкви, т.е. в свободном, проникнутом братской любовью к другим людям единении во имя Христа, – только здесь личность обретает все свои дары, всю полноту ее личного богатства» [18, с. 161].

Консервативная концепция государственной власти построена на социальной проблематике. Консервативная концепция государства опиралась на два основания – социальное и национальное. Стержнем социальной философии русского консерватизма являются не государство, а «естественные», органичные социальные страты – общины, сословия, корпорации и т.д. Государство в социальной философии консерватизма признается лишь в той мере, насколько оно готово признавать права разнообразных «коллективных членов» или «коллективных личностей». Соответственно, консерваторы являются государственниками не априори, а постериори.

Представляется, что государственнический пафос в большей мере характеризовал либеральную идеологию. Консервативному восприятию государству как целому, состоящему из «коллективных членов», противопоставлялась либерально-буржуазная идея

«общегражданского государства», «членами» или гражданами которого являлись отдельные атомизированные личности. Парадоксальной может показаться следующая гипотеза: коллективизм больше характеризует именно либерализм. Устраняя общины и сословия из общественной жизни, делая субъектом последней отдельного индивидуума, либерализм, по нашему мнению, увеличивает зависимость человека от государства. «...Строй общества нынешнего, – отмечал К.Н. Леонтьев, – ставит лицо, индивидуум прямо под одну власть государства, помимо всех корпораций, общин, сословий и других сдерживающих и посредствующих социальных групп...» [8, с. 126]. Человек консервативного общества более самодостаточен: естественными социальными «опорками» его существования выступают различные социальные страты, которыми было так богато общество традиционное и которые оказались разрушены в обществе либеральном.

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на крайний разброс мнений в консервативной среде даже по ключевым вопросам, составляющим основу идеологии русского консерватизма. Тем не менее различным, весьма несходным между собой направлениями русского консерватизма, соответствует ряд общих социально-философских принципов, в том числе, в отношении к обществу. Эти константы социальной философии консерватизма, общие всем его направлениям, особенно отчетливо проявляются при сопоставлении с соответствующими постулатами либерального «стиля мышления» (термин К. Манхейма). Подход к объяснению феномена общественной жизни кроется в позиции органицизма, который консерваторы применяли в качестве антитезы либеральной и общепрогрессистской идее механицизма. Согласно этой теории, государство представляло собой аналог живого организма; это обстоятельство предопределило столь широкое использование представителями этого подхода естественнонаучной (а именно, биологической) терминологии: «развитие», «рост», «гниение» и др. Концептуальное выражение органицистского подхода можно обнаружить у «старших» славянофилов, однако в неконцептуализированном виде он применялся уже идеологами предшествующей генерации русских консерваторов. Консерваторы подчеркивали «естественное» происхождение общества, что делало невозможным произвольный перенос политического и социального опыта и политических институтов одних обществ и государств на чужеродную почву, а также ограничивало возможности реформирования общественно-политической системы в соответствии с абстрактными теориями, имеющими искусственное («книжное») происхождение. Важным положением, проистекающим из этого принципа, является идея о единстве общества и государства, что нивелирует социальные различия во имя служения общей цели – величия и процветании Нации.

Органицистскому подходу соответствовала разрабатываемая с середины XIX века концепция «классовой (социальной) солидарности», которому в терминологии «старших» славянофилов соответствовало понятие *соборность*. Этот ключевой для славянофильства постулат являлся антитезой принципам прогрессистских идеологий: с одной стороны, либеральному «общегражданскому обществу», с другой стороны, марксистской идее классовой борьбы.

В центре социально-политических программ славянофилов и их критических последователей – почвенников – лежит представление об общине как стержне русской исторической и социальной жизни. «Община выступала для славянофилов не только традиционным институтом, обеспечивающим связь времен и преемственность поколений, регулятором социальных конфликтов и средством интеграции отдельных индивидов в систему общественных отношений, но и квазисакральной ценностью». Община, по мнению славянофилов, являлась тем институтом, в котором исторически выработались формы осуществления социальной справедливости так, как понимало ее русское крестьянство.

Идеолог пореформенного славянофильства («младший славянофил») Ю.Ф. Самарин выразил это представление следующим образом: славянофилы «считают общинное землевладение явлением бытовым, а не искусственным, нормальным, а не случайным и преходящим; они видят в нем выражение коренного народного понятия о справедливости и самое надежное обеспечение существенных интересов массы сельского народонаселения» [13, с. 109]. Опыт сельской поземельной общины, по мнению идеологов славянофильства, может быть перенесен в современную урбанизированную среду и тем самым приостановить процесс «пролетаризации». Подобная мысль выражена, в частности, в программной статье А.С. Хомякова «О сельской общине» [17]. Сходным образом миссию общины формулировал позднее почвенник Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя»: «Про общинное землевладение всяк толковал, всем известно, сколько в нем помехи экономическому хотя бы только развитию; но в то же время не лежит ли в нем зерно чего-то нового, лучшего, будущего, идеального… что лишь у нас лишь одних есть в зародыше…» [3, с. 306].

В научной и общественно-политической литературе неоднократно предпринимались попытки идентифицировать славянофилов как представителей либеральной идеологии. В современной литературе более широко представлен иной подход к данному течению. В частности, в диссертационном исследовании О.С. Шакировой [19] утверждается, что наряду с антидворянской тенденцией в программах пореформенного славянофильства, славянофилы выступали за сохранение общины, социальную градацию населения и т.д. Эти и другие пункты их социально-политической программы, а также политическое самосознание славянофильства (идеологи которого относили себя к консерваторам, поскольку они отстаивали принципы народности и органичности) позволяют идентифицировать его как течение консервативное.

* * *

Идеолог пореформенного славянофильства («младший славянофил») Ю.Ф. Самарин занимает достаточно важное место в идейной генеалогии русского консервативного национализма. Причем как теоретик, так и практик. Как известно, Самарин начинал свою служебную деятельность в остзейских губерниях (Прибалтике). Процитируем труд Николая Тальберга «История Русской церкви»: «В 1847 году он служил по Министерству внутренних дел в Риге, состоя при генерал-губернаторе. Слухи о насильственном присоединении эстов и латышей и о возбуждении их православным духовенством против помещиков [немцев-лютеран – *Э.П.*] побудили его написать в 1849 г. “Письма из Риги”, в которых обсуждалось отношение к России прибалтийских немцев. Письма эти, распространявшиеся в рукописи, вызвали неудовольствие в некоторых влиятельных кругах. <…> В своих “Письмах” Самарин указывал, что задачи России заключаются в поднятии и укреплении расположенных к ней эстов и латышей. Этому вопросу посвящен был частично и его труд «Окраины России», напечатанный впервые в Берлине (1868–1876)» [15, с. 801]. Исторический и общественный фон этой декларации – торжество немецкой лютеранской «партии» в Остзейском крае и равнодушие русского образованного слоя (дворянства и чиновничества) к русскому православному делу. «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиною к Прибалтийскому краю, махнуло рукою на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как целое. <…> Может быть, есть люди, считающие возможным в мирное время проповедовать обществу безмолвие, безмыслие и безучастие, даже требовать от него этих добродетелей как верноподданнического долга, а в минуты опасности вызывать общественные восторги и общественные пожертвования...» [1, с. XVII]. Са-

марин с горечью констатирует: «На всех окраинах России мы замечаем один общий факт: местные дворянские сословия всегда были и теперь являются самыми надежными представителями, а в случае коллизии самыми страстными поборниками своих народностей и вероисповеданий. Польский пан более поляк и католик чем польский крестьянин; остзейский барон более немец и лютеранин чем латыш или эстонец. <…> Но можно ли сказать то же самое про русское дворянство?! <…> Закал национальный и вероисповедный в дворянстве польском и немецком надежнее и прочнее чем в русском; там окраска ярче и свежее, у нас она поблекла и выцвела» [12, с. 476–477].

И всё же за этим отстаиванием православного русского дела коренилось нечто более глубокое и фундаментальное, чем инстинктивный, так сказать, патриотизм и национализм и реакция на засилье «остзейской партии». Под практическую, прикладную линию поведения Самариным подведена целая мировоззренческая база – восходящее к А.С. Хомякову, а от него – к немецким романтическим националистам учение о *народности*. Народность часто переводят как национализм, чем, на мой взгляд, огрубляют и приуменьшают это понятие. И все же народность лежит в русле консервативного национализма – в сфере культуры прежде всего. Предоставим слово самому Ю.Ф. Самарину: «...Под народностью мы разумеем не только фактическое проявление отличительных свойств народа в данную эпоху, но и те начала, которые народ признает, в которые он верует, к осуществлению которых стремится <…> Эти начала мы называем народными, потому что целый народ их себе усвоил... Мы дорожим народностью потому, что в ней мы видим жизненное осуществление начал истинных, в сравнении с теми, которые внесены романскими и германскими племенами, которые нам представляются односторонними, т.е. относительно ложными» [4, с. 151].

Позиция Ю.Ф. Самарина – позиция русского националиста, стоящего в духовной оппозиции к духу петербургского вестернизированного легитимизма. В своей статье «На чем основана и чем определяется верховная власть в России» (озаглавлена так публикатором, при жизни автора не публиковалась, написана приблизительно в 1853–1856 годах) Самарин, не стесненный цензурой и внутренним цензором формулирует истоки верховной власти, ее моральную и духовную «конституцию»: «Освободив себя от всякого национального определения, правительство лишает себя возможности располагать теми силами, какие почерпает народ в любви к родной земле, в сочувствии к своим одноплеменникам» [13, с. 60]. И далее: «Наше правительство самодержавно и полновластно, но оно само называет себя правительством православным и русским <…> Подданные признают над собою власть правительства православного и русского; *перестав быть православным и русским, оно бы перестало быть для них правительством* [выделено нами – *Э.П.*]» [13, с. 61]. В цитированном фрагменте, несмотря на его краткость, видна целая программа. Власть Всероссийского императора в качестве неписаной конституции имеет, по мнению Самарина, исповедание православной веры и русские корни. До тех пор, пока правительство (и самодержавная власть) верны двум базисам собственной «конституции», народ вправе и должен сохранять лояльность и признавать власть легитимной. Такая трактовка пределов царской (императорской) власти стояла весьма далеко от казенного легитимизма, а равно от католического учения о законности сопротивления деспотической власти, восходящего к Фоме Аквинскому.

Но это лишь один из выводов по прочтении Самарина. Вывод, лежащий на поверхности. Позволю себе высказать личное отношение к предмету исследования. Автор этих строк, занимаясь изучением славянофильства со старших классов школы и студенческих лет, в первые годы своих славянофильских штудий сделал бы акцент на выделенном фрагменте, конституирующем, как тогда казалось, суть славянофильской программы. И, вероятно, ошибся бы. И вот почему.

В исторической и философской литературе принято подчеркивать оппозиционность славянофильства императорской власти. Но, читая рассуждения Ю.Ф. Самарина, невольно проникаешься иным чувством, приходишь к другому, более горькому выводу. Русская власть, несмотря на свои изъяны, отступления и «средостения» (еще один славянофильский термин), все-таки не перестала быть ни русской, ни православной. Кризис, затронувший Россию в середине – второй половине XIX столетия, был более глубоким и страшным: это был кризис русского общества, а не русской власти. Власть в общем и целом сохранила свою «византийскую» (по терминологии К.Н. Леонтьева) или православно-русскую (по славянофильской терминологии) «конституцию». А вот общество ее утратило. И даже усилий таких подвижников русского дела как Юрий Федорович Самарин оказалось недостаточно для пробуждения от духовной спячки русского образованного общества. От критики власти следовало переходить к критике общества. Что, впрочем, видно из работ «младшего» славянофила Ю.Ф. Самарина, сокрушавшегося равнодушием русского дворянства к сохранению православной веры и русского дела. И потому русское общество потеряло собственное государство. Кризис, начавшийся не в XIX столетии, а в начале столетия XVIII, с реформ Петра Великого, не преодолен и по сегодняшний день.

Литература

1. Всеподданнейшее письмо к Императору Александру II-му // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Том восьмой: Окраины России. М.: Т-во типогр. А.И. Мамонтова, 1890.
2. *Волкогонова О.Д., Титаренко И.В.* Этническая идентификация русских, или искушение национализмом [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identifikatsiya-russkih-ili-iskushenie-natsionalizmom (дата обращения: 23.11.2019).
3. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. М.: Современник, 1989.
4. Замечания на заметки «Русского вестника» по вопросу о народности в науке // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Том первый: Окраины России. М., Типогр. А.И. Мамонтова, 1877.
5. *Кольев А.Н.* Нация и государство (теория консервативной реконструкции) // М.: Логос, 2005.
6. *Лангевише Д.* Западноевропейский национализм в XIX–XX столетиях // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2010.
7. *Леонтович В.Л.* История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995.
8. *Леонтьев К.Н.* Избранное. М.: Рарогъ, 1993.
9. *Махнач В.Л.* Нация и национализм [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://makhnach.livejournal.com/233453.html (дата обращения: 23.11.2019).
10. Национализм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
11. Национализм [Электронный ресурс] // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона / Режим доступа: https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1641674.html (дата обращения: 23.11.2019).
12. Передовые статьи газеты «Москва» 1867 г. О политическом идеале газеты «Весть» // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Том девятый: Окраины России. М.: Т-во типогр. А.И. Мамонтова, 1898.
13. *Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1997.
14. *Симеунович Д.* Нация и глобализация. М.: РИСИ, 2013.
15. *Тальберг Н.* История Русской церкви. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008.
16. *Хобсбаум Э.* Век национализма. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
17. *Хомяков А.С.* О старом и новом. М., 1988.
18. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1900. Т. 1.
19. *Шакирова О.С.* Теория и практика реформирования России в учении славянофилов и общественная мысль второй половины XIX – начала XX века: Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск. 1996.

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ взаимоотношений российского дореволюционного консерватизма и русского национализма на раннем этапе. Автора особенно интересует тот вклад в становление русского национализма, который был внесен представителями славянофильского учения. И в частности видным теоретиком и практиком славянофильства Юрием Федоровичем Самариным (1819–1876). Насколько сильны были в консервативной идеологии националистический либо имперский компоненты? Насколько сложны были их противодействие или, напротив, симбиоз? В чем заслуга славянофилов и лично Самарина в становлении русского национализма в его почвенной, консервативной версии?

Ключевые слова: Ю.Ф. Самарин, русский консерватизм, славянофильство, имперская идеология, идеология русского национализма.

Edward A. Popov, Doctor of Philosophical Sciences, PhD in History, Associate Professor, Rostov State Medical University. E-mail: edwardp@yandex.ru

The Genesis and Formation of Russian Nationalism in Conservative Tradition: the Role of Yu. F. Samarin

Abstract. The present article has the goal of analyzing the inter-relations of Russian pre-revolutionary conservatism and Russian nationalism at the early stages. The author of the article is mostly interested in the contribution of Slavophils to the formation of Russian nationalism, and in particular, the contribution of the prominent theorist and practitioner of Slavophilism Yuri Fedorovich Samarin (1819–1876). How potent were the nationalistic or imperial components in conservative ideology? How complex were their contradictions, or on the contrary, their symbiosis? What was the contribution of the Slavophils and personally Samarin in the formation of Russian nationalism in its soilborne ("pochvenny"), conservative version?

Keywords: Yu. F. Samarin, Russian Conservatism, Slavophilism, Imperial Ideology, Ideology of Russian Nationalism.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-93-101

Мария Саевская

Ю.Ф. Самарин и дискуссия о всесословном земстве в трудах русских консерваторов пореформенной России

Юрий Федорович Самарин (1819–1876) был одним из самых деятельных представителей славянофильства, современники вполне справедливо считали его человеком твердых взглядов и убеждений, готовым претворять их в жизнь. Сложно переоценить вклад Самарина в проведение реформ 1860-х годов и в первую очередь преобразований в крестьянском и земском вопросах. Юрий Федорович всегда был сторонником земской реформы, принимал активное участие в ее обсуждении на стадии подготовки, а после ее проведения трудился на поприще земской деятельности, будучи председателем Самарского губернского собрания, а затем гласным Московского земского собрания. Не удивительно, что именно Самарин оказался в центре дискуссии об устройстве земских учреждений о роли и значении сословий в земском самоуправлении. В 1864 году великая княгиня Елена Павловна поручила Ю.Ф. Самарину позаботиться о создании всестороннего исследования об истории земских учреждений в России. Юрий Федорович составил подробную программу такого исследования, поручив работу Ивану Дмитриевичу Беляеву [4]. Так появилось самое глубокое дореволюционное исследование народного, земского представительства в России с древнейших времен вплоть до 1864 года.

* * *

Земское самоуправление было введено в Российской империи в 1864 году Положением «О губернских и уездных земских учреждениях». Следует отметить, что русские консервативные мыслители придавали земствам очень серьезное значение. В первую очередь они надеялись на то, что новые учреждения местного самоуправления помогут восстановить живую связь между царем и народом, укрепив тем самым пошатнувшиеся устои самодержавия. Кроме того, после отмены крепостного права устройство земского самоуправления было нераздельно связано с установлением новых отношений между сословиями, прежде всего дворянским и крестьянским.

В среде русских консервативных мыслителей сразу же возникли противоречивые оценки земской реформы. Самые большие споры вызвала идея всесословности земских учреждений, поддержанная одними русскими мыслителями, прежде всего славянофилами, и резко осуждавшаяся другими. В частности, как показал современный исследователь В.А. Румянцев, еще задолго до реформы, оппозиционное дворянство требовало создания земских органов самоуправления в целях «компенсировать утрату власти над крестьянами» в результате отмены крепостного права [16]. Эта мысль находит подтверждение в некоторых источниках. Так, в письме от 2 августа 1859 года министр внутренних дел С.С. Ланской сообщал в своем докладе Александру II: «Дабы вознаградить дворян за по-

Саевская Мария Александровна, аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: masha-saevskaya@yandex.ru

терю помещичьей власти, им следует предоставить первенство в местной хозяйственной администрации, а для того, чтобы даровать им возможность нравственного влияния на местных жителей, полезно было бы прямое их участие в выборах мировых судей и других общих для обоих сословий должностных лиц, – в собраниях общих как дворянского, так и крестьянского сословий» [22, с. 22]. Позднее о том же писал русский консервативный мыслитель Н.И. Черняев: «С конца 50-х годов в том лагере, к которому принадлежали Шидловский и граф Орлов-Давыдов, стала укореняться мысль, что дворянство должно быть вознаграждено за потерю власти над крестьянами приобретением политических прав» [21, с. 400]. Б.Н. Чичерин, которого обычно относят к либеральной традиции политической мысли, в 1866 году в статье «О земских учреждениях» утверждал, что в земском управлении к местному интересу присоединяется интерес государственный», и «поэтому во главе местного управления должно стоять то сословие, которому государственный интерес ближе всего, а это и есть дворянство, по самому его значению» [5, с. 25].

Подобная логика была свойственна многим консервативным мыслителям. Стоит отметить записку государственного деятеля и публициста А.Д. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос», написанную в 1885 году. Автор записки убежден в потребности «для массы крестьянского населения в ближайшем руководстве и защите», которая не «могла быть удовлетворена властью без посредства поместного дворянства» [11, с. 535]. Если крестьянская реформа, по мнению Пазухина, сохранила иерархию сословий, то земская, напротив, разрушив ее, ввергла местное самоуправление чуть ли не в анархию. В подтверждение своей мысли, он утверждает исконную сословность русского общества. Он пишет: «Искусственная смесь разных народных элементов есть тот фундамент, на котором построены земские учреждения. В первый раз в русской истории законодательство делает опыт разрушить ту сословную организацию, в которой жила и развивалась Россия в течение веков, и обратить ее в бессословную и бесформенную» [11, с. 536]. По мнению Пазухина, «главная ошибка в вопросе о реформе местного управления и состоит в том, что земство признавалось за ту силу, которая способна заменить старое поместное дворянство» [11, с. 542]. Пазухин видел главный недостаток всесословных земских собраний в том, что «дворяне порвали нравственные связи со своим сословием, и, стараясь приладиться к вкусам бессословной толпы, вполне погрузились в пучину земских интриг» [11, с. 550–551]. С точки зрения А.Д. Пазухина, верным путем к преодолению проблем русского земства и в целом русского общества было возвращение к временам Петра I. Алексей Дмитриевич писал: «Петр совершил важные преобразования сословий. Реформы шестидесятых годов были построены на отрицании сословий. Петр усилил деятельность общественных союзов, обновил сословную жизнь притоком в нее новых сил. Реформы шестидесятых годов внесли в эту жизнь начало разложения. Петр организовал народные силы. Реформы шестидесятых годов их разрушили. Петр обновил наши исторические устои. Реформы прошлого царствования сдвинули нас с этих устоев» [11, с. 572].

Здесь стоит отметить, что Пазухин имел мнение, прямо противоположное тому, которое высказывали славянофилы. По мнению уже упомянутого историка-славянофила И.Д. Беляева, выборные должности в земских учреждениях допетровской Руси часто «избирались без различия сословий» [4]. Однако начиная еще со времени правления Алексея Михайловича, отделившего дворянство от народа, а в особенности после реформ Петра Великого, общество было так разъединено, «что и при желании со стороны правительства мудрено было и думать о его соединении и сплочении в одну цельную земщину». По мнению И.Д. Беляева, именно земская реформа 1864 года дала «довольно простора к сближению сословий друг с другом в общей деятельности» и восстановила «значение забытой у прежних правительств земщины» [4]. Беляев писал: «Начиная с Уложения 1648 года законодательство, в продолжение двухсот лет постоянно заботившееся о разъединении зем-

щины и разделении сословных интересов, с положения о земских учреждениях вступает в новый фазис – сближения сословий в общих интересах и доставления земщине средств действовать в делах общественных цельно, а не врассыпную по сословиям, как делалось в продолжение предшествовавших двухсот лет» [4].

Славянофилы выступали сторонниками возрождения в земствах идеи и практики традиционных русских земских учреждений, основанных, по их убеждению, на принципах народности и всесословности. Пазухин, явно вступая в полемику со славянофилами, писал: «Весь общественный быт древней Руси покоился на строгом сословном начале. Каждый гражданин Московского государства непременно состоял в каком-нибудь чине, принадлежал к известному сословию, обязанному отбывать то или другое государственное тягло. Русский народ, распределенный на известное число государственных чинов со строгим различием в правах и повинностях, и есть та «вся земля», по выражению наших летописцев, то историческое земство, к основам которого теперь так любят взывать политические мыслители, мечтающие, в явное противоречие с историей, утвердить современный политический строй России на торжестве бессословного начала. Сословная организация, по понятиям древнерусского человека, была залогом порядка и спокойствия в стране» [11, с. 564].

По мнению Пазухина, для восстановления «исторической земско-сословной организации дворянство должно стать «снова служилым и вместе земским сословием». «Только возвратив дворянству его права, а с тем вместе и обязанности, – утверждал он, – по государственной и земской службам можно скрепить связи между правительством и дворянством и между дворянством и землей. Возвратив себе преимущественные служебные права, дворянство снова станет опорой Престола, снова приобретет почетное положение, сделавшись той притягательною силой, куда будет стремиться все, что выдвигается из других сословий силой ума и дарований. Прекратятся все недоразумения между дворянством и крестьянством, а на элементы бессословной России будет наложена узда, которая остановит дальнейшее развитие в нашем отечестве смуты хищничества и властолюбивых домогательств» [11, с. 576].

Поддерживал идею особых дворянских привилегий в земских учреждениях и публицист второй половины XIX века генерал Р.А. Фадеев. В земском самоуправлении Ростислав Андреевич видел «корни всякого народного и общественного преуспеяния» [7, с. 65]. Он писал «В серьезной постановке земского дела – вся будущность России, нельзя останавливаться ни перед какими усилиями, чтобы, наконец, двинуть его» [20, с. 83]. Через десять лет после проведения земской реформы Фадеев утверждал, что «земское дело не принялось на нашей почве, – не вследствие тех или других подробностей учреждения, или новизны, не давшей людям времени спеться, но по той простой и вместе мудреной причине, что с самого начала оно не пошло» [19, с. 762]. Главной причиной неудачи земской реформы Р.А. Фадеев считал разрозненность общества, отсутствие идейного единства, неспособность общественных групп выработать «совокупное мнение» или «провести в жизнь какое-либо совокупное дело» [19, с. 763]. Такая идейная и организационная анархия, по мнению генерала, была вызвана «бессословностью» русского общества [19, с. 763] и недостаточным значением роли дворянского сословия в земской жизни.

Замкнутое дворянское сословие, по мнению Р.А. Фадеева, однако, само вышло «почти поголовно» из народа, являлось его нераздельной частью, было ему близко по духу. Вслед за славянофилами Фадеев считал, что из этого органического сближения «власти» и «земли» должен был развиться живой государственный строй – земская, «истинно народная» монархия. Это сближение было, однако, прервано реформами Петра I [7, с. 61]. Отрицательными последствиями правления Петра стали «закрепощение крестьян, подчинение церкви государству, всесилие бюрократии, пресечение земской

деятельности» [7, с. 62]. Однако Фадеев, в отличие от славянофилов, считал, что Петр I следовал исторической необходимости. Необходимость эта заключалась в обособлении дворянского сословия, образовании его в европейском духе, как оплота просвещения [7, с. 62]. Образование культурного дворянства, по мнению Фадеева, стало главным положительным следствием петровских преобразований. «Мы вступаем в пятую эпоху своей истории, – писал он, – с крупным, но единственным наследством, оставшимся нам от воспитательного периода, – с нашим культурным слоем, который Петр Великий назвал русским дворянством» [19, с. 770].

Обосновывая необходимость именно дворянского состава земских учреждений, Фадеев утверждал, что для «развития земства в местном и государственном смысле, для освобождения его от неусыпного административного надзора нужно, прежде всего, чтобы оно находилось в верных руках» [19, с. 789], то есть в руках дворянского сословия. В свою очередь сам доступ в дворянское сословие должен быть затруднен почти для всех, кроме богатых купцов или особенно талантливых представителей других сословий, например, выдающихся ученых. В представлении Р.А. Фадеева местные дворяне как знакомые с жизнью в уезде и понимающие его нужды противопоставлялись чиновникам, назначаемым извне [3, с. 45]. В то же время обеспеченные и образованные дворяне должны были быть лишены, по мысли Фадеева, материальной заинтересованности в предлагаемых на их рассмотрение делах, в отличие от назначаемых чиновников [3, с. 46]. Надо сказать, что мысль Фадеева о культурном превосходстве дворян над крестьянами не была оригинальной для своего времени. Так, принадлежавший к консервативному лагерю публицист В.П. Мещерский писал: «Дворянство, то есть известная интеллигенция, где русские помещики играли главную роль и представляли непосредственное общение с Русским народом снизу и с Русским царем сверху, – я могу сравнить с умом в душе человека; как ум в человеке дает душе проявлять свою духовную силу и управляет волей, так дворянство, не будучи ни кастой, ни политическим сословием, все же незримо и неощутительно руководило народной волей, но не потому что народ был у него в крепостном состоянии, а потому что народ сжился с дворянством, как и дворянство сжилось с народом» [10, с. 73]. По мнению Мещерского, именно отмена крепостного права привела к тому, что дворянство «духом разобщилось» с народом, когда «с улетучиванием дворянства, исчез как будто разум, заправлявший русским обществом в известном мире преданий, принципов, убеждений, чувств и идеалов» [10, с. 73].

Как и А.Д. Пазухин, Р.А. Фадеев считал, что земская деятельность должна была стать не просто правом, но даже обязанностью дворянства, которое, как раньше, было обязано нести военную и бесплатную гражданскую службу [20, с. 66]. Он утверждал, что дворянство должно быть «сословием обязательно служилым, а не вольницей», так как «права без обязанностей не ведут ни к чему, колют всем глаза и производят только распущенность вместо того, чтобы нравственно скреплять людей» [20, с. 66]. Как замечают А.Р. Альменеев и А.А. Уткин, «посвятив немало времени попыткам осмысления того, каким должно быть местное дворянство, а также какова его роль и положение в земском самоуправлении, Р.А. Фадеев вместе с тем не ушел далеко от системы местного самоуправления, действовавшей в это время в Великобритании и являвшейся по своей сути глубоко консервативной и одновременно эволюционной, поскольку именно в Англии возникла идея о проведении свободных открытых выборов в органы местного управления» [3, с. 45].

Концепция Фадеева вызвала бурную дискуссию в консервативных кругах, которые в целом не просто не приняли ее, но сочли необходимым объяснить, в чем заключалась ее несостоятельность. Значимый вклад в эту дискуссию внес и Ю.Ф. Самарин, который в своих рассуждениях о продворянской концепции Фадеева особенно обращает внимание на «западничество» оппонента. По мнению Самарина, Фадеев вывел «из западноевропейско-

го исторического музея готовую картину», чтобы «повесить ее в Петербурге» [17, с. 372], используя «прием безоглядного применения готовых прозвищ и результатов чужого опыта» [17, с. 373].

Особой критике Ю.Ф. Самарина подверглась теория Фадеева, согласно которой в народе в отличие от дворянства нет никакой созидательной, творческой, духовной силы. «Вы не допускаете даже возможности такого явления в народной жизни, которое имело бы свой корень *в сознании* общих начал, составляющих внутреннее ее содержание!» – писал Самарин Фадееву [17, с. 374]. Юрий Федорович подвергает сомнению и безусловную преданность дворянства царской надсословной власти, существование которой утверждает генерал. По мнению Самарина, именно из высших «наикультурнейших сфер исходили покушения, которым всегда без участия и ведома народа подвергалась именно всесословная цельность верховной власти, начиная от первого царя из дома Романовых» [17, с. 377]. В то же время именно простой народ уберег «для России и то историческое понятие о земском (не сословном) державстве, в котором мы, культурные люди, так недавно начали опознавать существенное условие нормального прогресса без внутреннего раздвоения» [17, с. 378]. Образ земского, народного царя Самарин противопоставляет образу монарха-дворянина. Ту же мысль высказывал и И.С. Аксаков, который утверждал, что русский царь «не есть ни какой-либо “первый дворянин”, как бывало во Франции, ни представитель какого-либо господствующего в данную пору сословия», но «первый человек своей земли и своего народа, никому и ничему неподвластен, лишь Богу и Его заповедям» [1, с. 262].

Нужно отметить, что Ю.Ф. Самарин еще в статьях «О новом проекте земских учреждений», напечатанных в газете «День» в 1863 году, выступал против преобладания дворянства, высказывая мнение, что историческая роль дворянства закончилась. Кроме того, Юрий Федорович боялся, что общество окажется не готово к самоуправлению, Особенно Самарин критиковал гласных от дворян, показывая, что у них гораздо выше процент уклоняющихся от работы, чем у крестьян [9, с. 138].

Таким образом, Самарин никак не мог согласиться с тем утверждением Фадеева, что главной проблемой неустройства земских учреждений является их всесословность, вызванная общественным настроением пятидесятых и шестидесятых годов XIX века. По мнению славянофила, еще в московском периоде в XVI и XVII веках выработалась «не путем подражания, а от собственного корня, самородная форма государственного представительства всей Русской земли, так называемые земские думы или земские соборы» [17, с. 390] – «чистейший тип собрания всесословного в полном смысле слова» [17, с. 391]. Ю.Ф. Самарин писал: «Такая в своем роде, действительно, единственная в мире власть, призывая всю землю на совет, не могла никого обходить: она изменила бы своей собственной природе и отреклась бы от своего исторического призвания, если б она признала за одним сословием право загородить собою простонародье, подавать за него голос и так сказать перервать его непосредственное прямое тяготение к Самодержцу» [17, с. 391].

Идеи Фадеева не нашли понимания и у известного идеолога консерватизма пореформенной России К.П. Победоносцева, который довольно скептически относился к идее верховенства дворянства в общественной жизни [15, с. 183]. По его мнению, продворянская направленность земских учреждений плохо сочеталась с надсословным характером самодержавия. «Крупное землевладение, – заявлял Победоносцев, – само по себе далеко не представляет надежного ручательства политической благонадежности» [15, с. 290]. В споре продворянски настроенного Фадеева со славянофилами Победоносцев скорее принял сторону последних. В письме к будущему императору Александру III от 20 марта 1775 года он писал, что там, где Фадеев «принимается сочинять основания новых рекомендуемых

им порядков, предположения его, равно как и основания новых проектов, обсуждаемых ныне дворянами, оказываются очень слабыми» [14, с. 36]. Совсем другого мнения был Победоносцев о Самарине, о записке которого с опровержениями мыслей Фадеева он написал будущему царю: «Написана она очень хорошо и читается с живым интересом. Смею думать, что и ваше высочество будете ею заинтересованы, когда благоволите прочесть ее. <…> Не извольте стесняться временем в чтении этой записки» [14, с. 36].

В целом же, спор Ю.Ф. Самарина с Р.А. Фадеевым отражал общие идейные противоречия между сторонниками всесословного и «дворянского» земства. Видный представитель славянофильства В.Н. Лешков в статье «Что такое общество и что такое земство?» приходил к заключению, «что в основе Русского государства на следующие тысячелетия должна лежать не сословность с ее исключительностью, а земщина с ее общностью» [8, с. 20]. Идею земщины как идею всесословности так же развивал И.С. Аксаков, который писал: «На русском языке существует слово: земля, земство, земщина, земский, которым может назваться вся внешняя гражданская жизнь народа, без различия сословий, в противоположность правительству и правительственной среде» [1, с. 100]. Наконец, Иван Сергеевич утверждал: «Сословия могут меняться и исчезать, дворянство может быть и не быть – общество само от того нисколько не уничтожается, ибо его сила не в том или другом сословии, а в сумме образования всех сословий» [1, с. 89].

Впрочем, было бы неправильно говорить о неразрешимости противоречий между сторонниками и противниками всесословности в земских учреждениях. К концу XIX века спор потерял свою остроту, а позиции оппонентов сблизились. Тот же И.С. Аксаков теперь писал: «Мы слишком теоретизировали, отрицая явления исторической жизни и быта – в образе сословий <…>». В 1884 году он публикует статью под названием «О непригодности применения принципа всесословности к русской жизни», в которой утверждает, что государство не имеет права не признавать сословия, игнорировать их и «вводить насильственно начало бессословности, чуждое жизни» [18]. Ту же мысль высказывал и другой представитель позднего славянофильства А.А. Киреев: «Граждане без сословий – что растения без почвы <…> Соборное начало, земское, было сословное, а совсем не то, на котором основано земство современное» [18].

Следует также отметить, что и с другой стороны консервативные мыслители пытались примирить существование дворянства с его особым сословным статусом с идеей сближения сословий и единства русской нации, очевидной для большинства русского общества. Публицист, издатель и литературный критик М.Н. Катков писал в конце XIX века: «Почти нет другого примера, чтобы народность, объемлющая собой почти шестьдесят миллионов людей, представляла такое единство, как народность русская: так велика ее природная сила» [6, с. 78]. Вместе с тем Катков отмечал и необходимость единства между народом и дворянством, что было идеалом для многих консервативных мыслителей. Он писал: «Ничто так не радует нас, как появляющиеся признаки дружелюбных отношений и солидарности интересов между крестьянами и дворянами-землевладельцами, несмотря на сословную организацию, которая еще разделяет их, несмотря на запутанные счеты, которые они еще ведут между собой. Свобода и благосостояние крестьян может упрочиться лишь тогда, когда во главе своей будут видеть они людей независимых, достаточно сильных и достаточно просвещенных, тесно связанных с ними и составляющих с ними одно целое; точно так же благосостояние и значение землевладельческих классов могут основываться лишь на их непосредственной связи, на их единстве с народными массами. Только при таком условии общественная организация наша может устроиться благонадежно и прочно; только при таком условии могут исправиться наши порядки, об исправлении которых мы заботимся» [6, с. 398–399].

Другой консервативный публицист того времени К.Н. Пасхалов тоже считал, что дворянство может иметь особые привилегии только в том случае, если оно будет обладать «наибольшею чуткостью, наибольшим сознанием национальных интересов Государства». Однако «если оно теряет свой смысл высшего выразителя народных потребностей, то его привилегии становятся несправедливыми и служат лишь предметом зависти и раздражения остальных сословий Государства» [12, с. 416–417].

Что же касается уравнения крестьянского сословия в правах с другими категориями населения империи, то здесь консервативные мыслители были солидарны в том, что самобытный уклад народной жизни нужно было сохранять и беречь от радикальных либеральных экспериментов. И.С. Аксаков писал: «68 миллионов не могут почитаться только за одно из сословий, как это любят чинить в Петербурге, где в либеральном порыве возмечтали даже о всесословной волости». По мнению Аксакова, всесословность в данном случае заключалась бы в том, чтобы «подвести жизненный склад» 90% населения «под юридический уровень остальных 10% населения, навязать им гражданские законы, вторгающиеся в самые недра народного быта» [1, с. 211].

По утверждению И.Д. Беляева, крестьяне как раз сохранили истинно земское древнее самоуправление и в XIX веке «пользовались внутренним самоуправлением, чрез своих выборных бурмистров и старост, точно так же как это было в XVI и XVII столетиях и судились, и управлялись своими исконными законами, неписанными, но передаваемыми в обычаях из поколения в поколение и нисколько не согласными ни с Уложением царя Алексея Михайловича, ни с Петровскими, ни с Екатерининскими узаконениями, а напротив во многом подходящими к Русской Правде» [4].

Интересно, что здесь славянофилы сходились даже с А.Д. Пазухиным, который утверждал, что «особая сословная организация крестьян, относительно мало расшатанная реформами прошлого царствования, дает им значительный перевес над другими классами народа». По мнению Пазухина, в русских крестьянах было «много жизненности, способности к самозащите, много здравого смысла», преданности «Верховной власти и всем историческим преданиям», благодаря чему они «в последнее время сделались предметом внимания и забот всей мыслящей России, которая смотрит на них как на единственную опору государства, как на последнюю надежду спасения» [11, с. 557–558].

Но больше всего в созидательную силу крестьянства верил Юрий Федорович Самарин. Работая в земских собраниях, он увидел, что именно крестьяне были их активными участниками. По мнению Самарина, земская деятельность положительно сказывалась на крестьянах, так как она сближала их «с людьми культурного слоя» и заметно пересиливала в них «старое, взращенное крепостным правом, предубеждение мужиков против господ». Кроме того, по мнению Самарина, земская деятельность показала крестьянам, что многие недостатки их жизни заключаются «в самом существе дела, а не в недостатке доброй воли» со стороны помещика или чиновника. Участие крестьян в местном самоуправлении приносило, по мнению Самарина, «самому делу прямую пользу, очевидную для всякого наблюдателя, способного отрешиться от готовых представлений и привести свои требования в разумную меру» [17, с. 397]. Юрий Федорович писал: «Предложения, идущие от крестьян, свидетельствуют подчас о незнании законов и об ограниченности кругозора, но они всегда имеют свою цену как правдивые заявления действительно ощущаемых потребностей и в этом смысле служат важными указаниями, на которые смело можно положиться» [17, с. 396].

Таким образом, у истоков земской реформы стояли две консервативные концепции, одна славянофильская – всесословная, другая – продворянская. Обе они восходили к различным традициям политической мысли, что было естественно для русского общества. С.В. Перевезенцев отмечает, что, с одной стороны, русское общество очень долгое время оставалось традиционным и консервативным, но, с другой стороны, «сама традиция в рус-

ской истории никогда не была внутренне едина»: «Во все времена в России существовали различные традиции – этнические, политические, духовные, хозяйственные, которые оказывали влияние на русскую жизнь и одновременно соперничали между собой» [13, с. 244].

Юрий Федорович Самарин умер в 1876 году. Для своих современников он остался символом самобытной славянофильской мысли, истинным патриотом и идеологом земского, народного самоуправления. И.С. Аксаков писал о Самарине: «Едва лишь смерть успела подвести итог под его земное бытие, как разом вознесся и стал пред нашим мысленным взором, во весь свой рост и во всей своей цельности, его духовный образ и охватил все общество неотразимою силою своего нравственного обаяния» [1]. С огромным уважением к Ю.Ф. Самарину относился Константин Петрович Победоносцев. «Самарин был подлинно большой человек, – писал Победоносцев, – и великого ума, и души великой, возвышенной, и русского сердца. Он сам собою стоял и держал своею силою многих. И перед своими, и перед немцами он был крепким и грозным представителем и русской веры, и русского ума и сердца, и, наконец, русского образования, в котором немногие могли с ним потягаться. Оттого и враги его уважали, а про друзей и говорить нечего. Он был и честен, и великодушен, и много делал добра и в городе, и в деревне. Кто теперь заменит его!» [14, с. 43].

Литература

1. *Аксаков И.С.*Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
2. *Аксаков И.С.* Речь о Ю.Ф. Самарине / И.С. Аксаков // Полн. собр. соч.: в 7 т. Т. 7. М.; СПб., 1886–1887. С. 794–799; [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1876_rech_o_samarine.shtml
3. *Альменеев А.Г., Уткин А.А.* Р.А. Фадеев о характере необходимого преобразования местного управления в России во второй половине XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 5/1. С. 43–48.
4. *Беляев И.Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М.: Типогр. О-ва распространения полезных книг, 1905. 135, [1] с.; [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://dugward.ru/library/belyaev_i_d/belyaev_i_d_sudby_zemchiny.html
5. *Карнишина Н.Г.* Местное самоуправление в России во второй половине XIX в.: теоретический и практический аспекты // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 24-28.
6. *Катков М.Н.* Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
7. *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1998. 182 с.
8. *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 688 с.
9. *Макеева У.Л.* Общественно-политическая деятельность Ю.Ф. Самарина: дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2007. 167 с.
10. *Мещерский В.П.* За великую Россию. Против либерализма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
11. *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос // Земская идея в истории социально-политической мысли России: Антология: в 2 т. / под ред. А.Ю. Шутова. М.: Изд-во Московского университета, 2014. Т. 2: Земская идея: от проектов к первым результатам (1864–1890).С. 527–577.
12. *Пасхалов К.Н.* Русский вопрос. М.: Алгоритм, 2008. 720 с.
13. *Перевезенцев С.В.* «По устроению дедню и отню»: К вопросу о значении традиционализма в русской истории // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 243–254.
14. [*Победоносцев К.П.*] Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1 М.: Новая Москва, 1926. 464 с.
15. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010. 374 с.
16. *Румянцев В.А.* Борьба идей при подготовке земской реформы 1864 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-idey-pri-podgotovke-zemskoy-reformy-1864-goda-1
17. *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.
18. *Сергеев С.М.* Творческий традиционализм поздних славянофилов. Статья первая [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://portal-slovo.ru/history/41483.php
19. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок: Россия и Кавказ. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
20. *Фадеев Р.А.* Собр. соч.: в 3 т. СПб.: Изд-е В.В. Комарова, 1889. Т. 3. 356 с.
21. *Черняев Н.И.* Русское самодержавие. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 864 с.
22. *Шутов А.Ю.* Земское реформирование в России // Земское самоуправление в истории России: к 150-летию земской реформы. М.: ЦГИ Принт, 2015. 166 с.

Аннотация. Земское самоуправление, введенное царем-освободителем Александром II в 1864 году, стало одним из важнейших политических событий в Российской империи того времени. Новая реформа сразу же вызвала бурные обсуждения того, каким именно должно быть русское земство. Вопрос о роли и значении сословий в земских учреждениях стал одним из центральных. Искали ответ на него и русские консерваторы. Одни считали необходимым защищать старые имперские порядки и доминирующую роль дворянства, другие искали в земствах общенародную силу, основанную на принципе всесословности. Ю.Ф. Самарин, земский деятель и славянофил, автор самого крупного проекта по истории земства в России, был сторонником второго пути. Он последовательно критиковал идею дворянского доминирования в земствах, утверждал способность крестьянина к самоуправлению и говорил о внедрении принципа всесословности в земские учреждения Российской империи.

Ключевые слова: Ю.Ф. Самарин, Р.А. Фадеев, земство, местное самоуправление, дворянство, крестьянство, сословия.

Maria A. Saevskaya, Postgraduate Student, Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: masha-saevskaya@yandex.ru

Yu.F. Samarin and Discussions on the All-class Zemstvo in the Works of Russian Conservatives in Post-reform Russia

Abstract. Local self-administration was introduced in Russia by the Tsar Alexander II “Liberator” in 1864 and became one of the most important political events in the Russian Empire of that time. The new reform immediately sparked vigorous discussions on how exactly the Russian Zemstvo should be organized. The question of the role and importance of classes in Zemstvo institutions became most important. The Russian conservatives were also looking for the answer. Some of them considered that it was necessary to defend the old imperial order and the dominant role of the nobility, others hoped that Zemstvo would become a nationwide force based on the principle of the participation of all classes. Yu. F. Samarin, Zemstvo leader, Slavophil and the author of the most prominent project on the history of Zemstvo in Russia, supported the second alternative. He consistently criticized the idyll of the nobility domination in Zemstvo, asserted the ability of the peasants for self-government, and supported introducing the principle of all-classes representation in Zemstvo institutions of the Russian empire.

Keywords: Yu. F. Samarin, R.A. Fadeev, Zemstvo, Local Self-administration, Nobility, Peasantry, Classes.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-102-109

Вадим Дёмин

Взгляды Ю.Ф. Самарина на народное представительство в контексте славянофильской и либеральной политической мысли России

Политические взгляды Ю.Ф. Самарина в общем рассмотрены в целом ряде работ, из которых можно выделить монографии бар. Б.Э. Нольде, Е.А. Дудзинской и В.А. Китаева [1–3]. Однако представления идеолога славянофильства о народном представительстве проанализированы в этих и других исследованиях недостаточно подробно и не в полной мере сопоставлены с идеями других славянофильских и умеренно западнических мыслителей по этой проблеме. Предлагаемая статья имеет задачей восполнение этого пробела.

Ю.Ф. Самарин с молодых лет скептически относился к представительному правлению. В написанной им в 1840 году работе «О двух началах нашей народности, православии и самодержавии», мыслитель подчеркивал: «Итак, у нас не было ни завоевания, ни феодализма, ни аристократии (в смысле самостоятельного начала), и не было договора (contract social) между царем и народом. Неограниченная власть, единая и народная, действующая во имя всех, идущая во главе нашей цивилизации и совершающая у нас без ужасов революции то, что на Западе является результатом войн междоусобных, религиозных смут и общественных переворотов – такова форма правления, которую создал для себя русский народ; она – священное наследство нашей истории, и мы не хотим другой формы, ибо всякая другая была бы тиранией» [4, с. 56][1].

Идеи Самарина вполне вписывались в представления славянофилов этого периода. Как известно, в 1840-х годах их идеологи считали достаточным создание местного самоуправления и были противниками создания представительной власти на общегосударственном уровне. В частности, К.С. Аксаков, рассуждая о разделении обязанностей между властью и народом, утверждал: «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло… Вся сила в идеале… Что значат условия и договоры, как скоро нет силы внутренней?» [5, с. 203].

После воцарения Александра II и начала разработки законов об отмене крепостного права часть его сторонников выступила за создание представительства, надеясь таким образом воспрепятствовать правительственным планам. В частности, М.А. Безобразов в мае 1856 года представил нескольким высшим сановникам записку «О необходимости созыва общего собрания Сената», введенную в научный оборот И.А. Христофоровым. В ней с использованием славянофильской риторики доказывалось, что всевластие бюрократии привело к поражению в Крымской войне, плачевному состоянию всех частей государственного управления и бедности страны. Указывалось, что в случае продолжения бюрократических реформ, прежде всего отмены крепостного права, может случиться крах государства [6].

[1] Статья осталась в рукописи и впервые была опубликована только в 1880 году.

Дёмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: vadime_demine@mail.ru

Для устранения такой опасности предполагалось включить в общее собрание Сената выборных советников от дворянства и купечества и усилить полномочия Сената по контролю над администрацией.

Некоторые идеологи славянофильства также выступили за созыв представительства, руководствуясь при этом другими мотивами. По их мнению, такое мероприятие улучшило бы взаимодействие власти и народа. Так, А.И. Кошелев в конце 1854 года составил записку с предложением «созыва выборных от всей земли Русской; ибо это одно может превратить государственную войну в войну народную и тем открыть правительству доступ к частным средствам страны, которые теперь тщательно от него скрываются».

В ней отмечалось: «Доселе правительство и народ составляли две силы, хотя связанные чувствами любви, но часто разъединенные видами, интересами и способами действия. Слияние этих двух сил теперь нужнее, чем когда-либо… Пусть царь созовет в Москву, как настоящий центр России, выборных от всей земли русской; пусть он прикажет изложить действительные нужды отечества – и мы все готовы пожертвовать собой и всем своим достоянием для спасения Отечества». Также, по мнению Кошелева, «люди разных сословий и разных местностей укажут на причины застоя внутренней торговли, на препятствия, удерживающие развитие мануфактур и земледелия, и на меры, которые могут быть приняты для усиления и распространения всех отраслей народной промышленности» [7, с. 83, 45–54 Прил.].

На рубеже 1850–1860-х годов отдельные представители консервативного дворянства требовали передачи проекта Редакционных комиссий на рассмотрение выборных от дворянских обществ [8; 9, с. 87].

К.С. Аксаков в поданной новому императору в 1855 году программной записке «О современном состоянии России», с одной стороны, рассуждал о нежелании российского народа заниматься политикой, после чего делал вывод: «Государственная власть при таких началах, при невмешательстве в нее народа, должна быть неограниченная. Какую же именно форму должно иметь такое неограниченное правительство? Ответ не труден: форму монархическую. Всякая другая форма: демократическая, аристократическая, допускает участие народа… и непременное ограничение государственной власти, следовательно, не соответствует ни требованию невмешательства народа в правительственную власть, ни требованию неограниченности правительства. Очевидно, что смешанная конституция, вроде английской, точно также не соответствует тем требованиям. <…> Одно только лицо может быть неограниченным правительством, только лицо освобождает народ от всякого вмешательства в правительство. Поэтому здесь необходим государь, монарх… Только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе» [10, с. 234–235]. Переход западных стран к конституционному правлению связывается с обеднением души и утратой веры.

С другой стороны, Аксаков писал о необходимости для правительства опираться на общественное мнение. Для этого необходимо не только предоставить ему возможность свободно высказываться, но и в наиболее важные моменты вызывать его. Рассматривая способы выполнения этой идеи, публицист признавал бесполезность созыва Земского собора в условиях середины XIX века: «Из кого состоял бы он? Из дворян, купцов, мещан и крестьян. Но стоит написать имена этих сословий, чтобы почувствовать, как далеки они в настоящее время друг от друга, как мало единства между ними. Дворяне полтораста лет как уже отдалились от основ народных и смотрят на крестьян, большей частью, или с гордым презрением, или как на источник своих доходов. Купцы, с одной стороны, подражают дворянам и, подобно им, увлекаются Западом, с другой стороны, держатся какой-то своей,

ими самими установленной старины, которая носит жилет сверх русской рубахи, и при русских сапогах – галстук и длиннополый сюртук; такая одежда служит символом их понятий, представляющих подобную же смесь. Мещане составляют бледное подобие купцов; это самый жалкий класс во всей России и притом самый разнохарактерный. Крестьяне, давно удаленные от всякого соприкосновения с историей, участвуют в ней лишь податями и рекрутами: они одни преимущественно сохранили основы русского быта в его чистоте; но что могли бы сказать они, так долго молчавшие? На Земском Соборе должен быть голос всей Русской земли, а сословия дать теперь такого голоса не могут» [10, с. 249].

В качестве альтернативы Аксаков предлагал созыв представителей отдельных сословий для обсуждения касающихся их вопросов. В то же время в дополнении к этой записке говорится: «Земский собор непременно полезен для государства и земли, и нужно пройти некоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрым указанием древней Руси и созвать Земский собор» [10, с. 255].

Ю.Ф. Самарин не разделял подобных взглядов. В написанной в годы Крымской войны статье «На чем основана и чем определяется верховная власть в России» (впервые опубликована в 1997 году) он утверждал: «Доискиваться единой, всесовершенной и безусловно применимой формы правления – такое же заблуждение в области политики, какое в области политической экономии – стремление к изобретению непреложного мерила ценности. Достоинство всякой формы заключается в полнейшей ее гармонии с содержанием. Чем свободнее форма облекает содержание, чем вернее проявляет собою сущность его, тем лучше форма и тем она прочнее». «Правительство есть одна из форм, служащих выражением народной жизни».

Подчеркивалось, что конституционная монархия в Англии и республика в США соответствуют их традициям и потребностям, но неуместны в других странах. В частности, по мнению Самарина, в России монархическая власть основывается не на силе и не на законности, а на приверженности монарха православию и русской народности [11]. Соответственно в представительстве, даже совещательном, необходимости не усматривалось.

Законы об отмене крепостного права, как известно, в полной мере не устроили ни крестьян, ни помещиков. Поэтому их издание усилило активность дворянской оппозиции. В первой половине 1860-х годов требования о создании представительства с руководящей ролью дворянства неоднократно высказывались дворянскими и земскими собраниями и их деятелями [см. 9, 12, 13 и др.]. Главную роль в этом движении играли сторонники дворянской олигархии, однако к ним примыкала и значительная часть представителей дворянского либерализма, видевших в представительном правлении логичное завершение преобразования.

Так, 1 февраля 1862 года тверское дворянство по предложению губернского предводителя А.М. Унковского (будущего защитника на процессах «нечаевцев» и «первомартовцев») 109 голосами против 19 приняло адрес с требованием созыва «собрания выборных всей земли русской» для доработки реформы [9, с. 136–137, 140]. Подобные адресы были приняты целым рядом других дворянских обществ. В частности, московское дворянство потребовало созыва Земской думы из представителей всех классов населения для разработки дальнейших реформ.

Значительная часть санкт-петербургского дворянства одобрила предложение царскосельского предводителя А.П. Платонова о создании Государственной земской думы, избранной многоступенчатым голосованием всеми сословиями с преимуществами для «просвещенных граждан», прежде всего дворянского происхождения, как получивших соответствующее воспитание [9, с. 134–135; 12, с. 68].

Находивший в эмиграции кн. П.Д. Долгоруков в 1862 году довольно подробно изложил основания желательной для либералов конституции России, предложив создать двух-

палатный парламент с законодательными полномочиями и ответственностью перед ним правительства (с сохранением его подчиненности императору). Правом голоса должны были пользоваться высшие и средние слои и наиболее состоятельная часть низших [14].

Бывший декабрист Н.И. Тургенев, в 1830-х годах выступавший за создание выбранной высшими и средними слоями Народной думы [15], в 1860-х стал сторонником созыва Земского собора с законодательными правами, избранного «всем народом, всеми сословиями, в соразмерности значения их не только интеллектуального или нравственного, но и числительного» [16, с. 113].

Среди идеологов славянофильства к дворянскому движению присоединился А.И. Кошелев. В 1862 году он опубликовал в Лейпциге брошюры «Какой исход для России из нынешнего ее положения» и «Конституция, самодержавие и земская дума». Как и в других работах славянофилов, в них доказывается непригодность для России конституции и необходимость сохранения в ней самодержавия из-за приверженности ему подавляющего большинства народа и острых социальных и национальных противоречий, исключающих «установление правильных отношений между крестьянами, вотчинниками и горожанами, и между различными местностями и племенами» иной властью [17, с. 20]. Единственной европейской страной, самостоятельно установившей политическую свободу, признаётся Англия, подчеркивается отсутствие в ней конституции. Также указывалось на непригодность для России двухпалатной системы из-за отсутствия противостояния народа и аристократии.

В то же время в этих брошюрах утверждалось, что бюрократия неспособна завершить крестьянскую реформу, решить финансовые и иные проблемы. Кошелев полемизирует со сторонниками создания местного самоуправления без общегосударственного представительства, пророчески рассуждая о неизбежности его конфликтов с администрацией, руководимой чисто бюрократическим центральным правительством, и затруднительности по этой причине его успешной работы. «Уездные и губернские собрания при таком порядке вещей не успокоят, не удовлетворят ни вотчинников, ни крестьян, ни горожан, а напротив того, они послужат только к общему раздражению умов» [17, с. 38].

Для завершения преобразований и прекращения злоупотреблений Кошелев считал необходимым создание совещательной Общей земской думы из 250–300 представителей всех местностей империи.

В основу избирательной системы предлагалось положить уездные собрания, включающие одного выборного от каждой крестьянской волости, такое же число представителей от землевладельцев и выборных от горожан в числе, соответствующих их доле в населении (но не больше трети собрания). Собрания должны были после обсуждения польз и нужд уезда избирать от 3 до 6 (в зависимости от численности населения) членов губернских собраний, которые в свою очередь выбирали также от 3 до 6 депутатов Общей земской думы [17, с. 40–41].

Дума должна была пользоваться совещательными правами, однако Кошелев считал необходимым назначение министров из ее состава из-за потребности в гласности и общественном доверии и содействии власти, недостижимым при бюрократическом правлении. «Может правительство теперь объявлять правду, доказывать ее фактами и доводами самыми несомненными… но подозрение и недоверие исчезнут только тогда, когда мы через наших представителей вложим палец в рану. Без полного же доверия невозможно со стороны народа содействие правительству» [17, с. 25].

Позиция И.С. Аксакова была более сложной. В статье 1862 года «О взаимном отношении народа, государства и общества»: он утверждал: «Никакие парламенты, генеральные штаты, собрания государственных чинов не выскажут настоящей мысли всенародной; они составляют меньшинство по отношению к тому множеству, которого думают быть

представителем и которого мысль, со всем разнообразием личной деятельности единиц, составляющих это множество, никогда не может быть вполне передана необходимо ограниченным числом народных представителей» [18, с. 395]. В то же время, по его мнению, в случае свободной печати этот недостаток можно устранить.

Самарин не разделял идей о создании представительства, считая их крепостническими [1, с. 119]. Как отмечает его биограф, бар. Б.Э. Нольде, «Самарин не только не был захвачен новым настроением, но сразу же занял резко враждебное к нему положение» [1, с. 176]. Предложения дворянской оппозиции он счел ведущими к конституции. В статье «По поводу толков о конституции» (написана в 1862 году) подчеркивалось: «Всякую попытку ограничить самодержавие в настоящее время, в России, мы считаем делом безумным, потому что оно невозможно, а если бы оно и было возможно, то назвали бы его бедствием и преступлением против народа».

Самарин писал: «У нас есть одна сила историческая, положительная – это народ, и другая сила – самодержавный царь. Последний есть также сила положительная, историческая, но только вследствие того, что ее выдвинула из себя народная сила, и что эта последняя сила признает в царе свое олицетворение, свой внешний образ». Соответственно между этими двумя силами существует неформальный тесный союз. Либеральная и революционная интеллигенция и ее сторонники в дворянстве, по словам Самарина, «сила чисто отрицательная, а не творческая и не зиждущая». Указывалось, что она не имеет поддержки в народных массах. Со ссылкой на опыт верховников и декабристов указывается, что попытки ограничения монархии чисто верхушечными мерами и с помощью обмана представителей масс обречены на неудачу [19, с. 326].

Тезис о бедственности ограничения самодержавия тоже подробно обосновывался Самариным. Он отмечал: «Мы знаем по опыту, где конституционная форма возникает не как самородный плод свободного развития народной жизни, а заимствуется извне, как готовая форма, как покрой платья – там прямое и неизбежное ее последствие: усиление централизации, не только административной – в области правительственной, но и умственной – в развитии народного просвещения. Одна точка, один город делается самодержавным властелином целой земли… Петербург, центр самодержавия, тяжел для России; Петербург, центр конституционного правительства, задавил бы ее окончательно».

Также Ю.Ф. Самарин полагал, что политика должна соответствовать нормам нравственности, прежде всего «искренности и правдивости», под которыми публицист понимал соответствие политического строя «сущности народной жизни». Юрий Федорович отмечал, что «всякая конституционная форма правления основана на праве большинства, признанном как факт законного преобладания несомненной силы над слабостью и предполагаемой разумности – над частными увлечениями и интересами». Между тем в России середины XIX века правление, основанное на реальном участии масс в политике, было очевидно невозможно. Самарин обосновывал это положение монархическими настроениями масс, их безграмотностью и разобщенностью с образованными сословиями. Вывод Самарина гласил: «Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман» [19, с. 328–329].

Статья не была опубликована по цензурным соображениям, но получила распространение в рукописи [1, с. 177]. В статье «Из Самары», опубликованной в славянофильской газете «День» за 18 марта 1862 года, говорится о неготовности российского общества к общегосударственному представительству на основании его недостаточного внимания к местным делам.

Среди славянофилов противником представительства в начале 1860-х годов, помимо Самарина, был кн. В.А. Черкасский, который, однако, выдвигал чисто партийный

аргумент об отсутствии у славянофилов практических шансов на избрание [2, с. 240]. Единомышленниками Ю.Ф. Самарина в начале 1860-х годов оказались основные теоретики западников – К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин.

Первый из них в статье «Дворянство и освобождение крестьян» (1862) доказывал необходимость для России различных либеральных реформ, однако утверждал о возможности проведения этих реформ без создания народного представительства. «Чтобы иметь представительное правление, надобно сперва получить его и, получивши, уметь его поддерживать, а это предполагает выработанные элементы представительства в народе, на которых бы могло твердо и незыблемо основываться и стоять здание представительного правления». В отличие от Самарина, Кавелин не писал о приверженности российского народа самодержавию, но независимо от Юрия Федоровича изложил его остальные аргументы. Кавелин также рассуждал о социальных противоречиях, неготовности масс к представительному правлению, слабости средних слоев и неприемлемости чисто дворянской конституции [20, стлб. 136–141]. Дворянское конституционное движение Кавелин считал порождением кучки фрондирующих сановников [20, стлб. 154–155].

Чичерин отмечал, что введение конституционного правления во время социальной реформы приведет к анархии, чреватой «неминуемым торжеством реакции» и восстановлением крепостного права» [21, с. 57].

С середины 1870-х годов в российском обществе из-за усиления недовольства положением в стране и правительственной политикой популярность представительного правления быстро увеличивается. После введения российской администрацией конституционного строя в Болгарии (1879), как минимум не превосходившей Россию по готовности масс участвовать в государственных делах и явно уступавшей ей по распространению образования и культуры, требование создания представительной власти становится в России практически всеобщим и не разделяется только крайними консерваторами. В частности, совещательное представительство, контролирующее как законодательство, так и администрацию с правосудием, в 1877 году проектировал Кавелин [20, стлб. 932–934]. Чичерин в 1878 году в брошюре «Конституционный вопрос в России» высказался за переход к конституционной монархии в ближайшее время, допуская в качестве первого шага введение выборных в законосовещательный Государственный совет.

Славянофилы не остались в стороне от этого движения. В 1875 году Кошелев предложил создать двухпалатный парламент с совещательными правами. Представляющая «землю» Общая земская дума должна была избираться губернскими земствами. Государственный совет предлагалось оставить в качестве представителя «государства» [2, с. 246]. Бывший единомышленник Самарина кн. Черкасский содействовал изданию болгарской конституции. К.С. Аксаков и Д.П. Голохвастов в 1882 году убедили министра внутренних дел гр. Н.П. Игнатьева в необходимости созыва Земского собора, но соответствующий проект был отклонен Александром III.

И.С. Аксаков, опубликовавший в 1881 году статью Самарина «По поводу толков о конституции», снабдил ее комментарием, к котором фактически содержится призыв к созданию совещательного представительства. В нем говорится: «Признавая, вместе с Самариным, что верховная власть и народ представляют, пока, у нас единственные исторические положительные силы, мы думаем однако, что первая, со времен Петра, была сама не свободна от ржавчины отрицания… исторических, жизненных, народных начал. От этой-то ржавчины и необходимо ей вполне избавиться, чтоб стать снова и вполне – силою творческою и зиждущею. Нужно, чтоб освежился союз царя с народом новым, теснейшим сближением; нужно, чтоб земля не чувствовала себя сирою, отчужденною, отдаленною, как прежде, – чтоб черствое слово петровской немецкой команды сменилось словом – властным вполне, но однако же родным, внятным, любовным, – чтоб не холодом веяло

от власти, но чтоб власть светила, живила и грела, являя себе везде, всюду, деятельно и благотворно, – чтоб неправдою наконец стала скорбная народная поговорка “До царя далеко”!» [22, с. 2–4].

Юрий Федорович Самарин, умерший в 1876 году, не принял участия в общественном движении в пользу создания представительства.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. По отношению к народному представительству Ю.Ф. Самарин оказался наиболее консервативным из идеологов славянофильства. Он едва ли не единственным из них считал российскую монархию XIX века соответствующей принципу народности и сохранившей прочный союз с народными массами. Соответственно Самарин был последовательным защитником неограниченного самодержавия и не считал нужным дополнять его представительными учреждениями. Также он, в отличие от А.И. Кошелева, понимал невозможность активного участия крестьянства в государственном управлении. Ограничение монархической власти представительством одних имущих классов было для Самарина (как, впрочем, и остальных славянофилов) неприемлемым.

Уже в начале 1860-х годов по отношению к монархии и возможному созданию представительной власти Ю.Ф. Самарин разошелся с большинством славянофилов. Его временными единомышленниками оказались ведущие теоретики западников, которые, однако, видели в российской монархии не воплощение народности, а инструмент для проведения либеральных реформ. После смерти Самарина его идеи не нашли последователей.

Литература

1. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. Paris, 1924.
2. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.
3. *Китаев В.А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). М., 2004.
4. *Самарин Ю.Ф.* О двух началах нашей народности, православии и самодержавии / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч. Т. 1. СПб., 2013.
5. *Аксаков К.С.* Переворот Петра Великого // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды. М., 2010.
6. *Безобразов М.А.* О необходимости созыва общего собрания Сената // ГАРФ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 188. Л. 3.
7. [*Кошелев А.И.*] Записки Александра Ивановича Кошелева. Berlin, 1884.
8. *Хрущов Д.П.* Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Вып. 3. Берлин, 1862. С. 99–109.
9. *Иорданский Н.М.* Конституционное движение 60-х гг. СПб., 1906.
10. *Аксаков К.С.* О современном состоянии России // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды. М., 2010.
11. *Самарин Ю.Ф.* На чем основана и чем определяется верховная власть в России / Ю.Ф. Самарин // Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1997.
12. *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М., 1977.
13. *Христофоров И.А.* Аристократическая оппозиция Великим реформам. М., 2002.
14. *Долгорукий П.В.* О перемене образа правления в России. М., 2016.
15. *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001.
16. *Тургенев Н.И.* Чего желать для России? Лейпциг, 1868.
17. *Кошелев А.И.* Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862.
18. *Аксаков И.С.* О взаимном отношении народа, государства и общества // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды. М., 2010.
19. *Самарин Ю.Ф.* По поводу толков о конституции / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч. Т. 1. СПб., 2013.
20. *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. 2. СПб., 1904.
21. *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. М., 1997.
22. *Аксаков И.С.* Комментарий к статье Ю.Ф. Самарина «По поводу толков о конституции» // Русь. 1881. № 29. 30 мая.

Аннотация. Автор анализирует воззрения одного из лидеров славянофильского течения – Ю.Ф. Самарина – на народное представительство, сопоставляя его с взглядами и идеями других славянофильский и умеренно западнических мыслителей по этой проблеме, восполняя тем самым сложившийся пробел в отечественной политической науке. В статье изложена эволюция взглядов славянофилов на идею народного представительства: от призыва сформировать местное самоуправление, не создаваяпри этом представительной власти на общегосударственном уровне, до инициатив формирования представительной власти, которая должна была стать противовесом реформам Александра II, а также последующей идеи возрождения особенного исторического русского института – Земского собора. Однако сам Ю.Ф. Самарин оказался наиболее консервативным из идеологов славянофильства по отношению к народному представительству. Он едва ли не единственным из них считал российскую монархию XIX в. соответствующей принципу народности и сохранившей прочный союз с народными массами. Соответственно Самарин был последовательным защитником неограниченного самодержавия и не считал нужным дополнять его представительными учреждениями.

Ключевые слова: Ю.Ф. Самарин, славянофильская политическая мысль, либеральная политическая мысль, представительная власть, местное самоуправление, Земский собор.

Vadim A. Demin, PhD in History, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. E-mail: vadime_demine@mail.*ru*

Yu. F. Samarin's Views on Popular Representation in the Context of Slavophil and Liberal Political Thought in Russia

Abstract. In the article the author analyzes the views of Yu. F. Samarin, – one of the leaders of Slavophil trend, on the popular representation, comparing his views with those of other Slavophiles and moderate Westerners on this problem, thus making up for certain deficiency in Russian political science. The article shows the evolution of Slavophiles' views on the issue of popular representation: from the appeal for organizing local self-administration without forming at that representative power at the national State level, and to the initiatives to organize the representative power that could serve as counterweight to the reforms of Alexander II, and to the subsequent idea of recreating the specific Russian historic institution – Zemsky Sobor. However, Yu. F. Samarin turned out to be the most conservative one among Slavophilism ideologists regarding the popular representation. He was almost the only one who considered Russian monarchy of the 19th century to be in full compliance with the principle of nationality while retaining solid unity with the people. Accordingly Samarin was a consistent defender of absolute autocracy and did not consider it necessary to supplement it with representative institutions.

Keywords: Yu. F. Samarin, Slavophil Political Thought, Liberal Political Thought, Representative Power, Local Self-administration, Zemsky Sobor.

Елена Перевалова

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-110-122

Две судьбы: «Русская беседа» и «Русский вестник» (к вопросу о причинах неудачи издательского проекта славянофилов)

В России XIX века в условиях отсутствиях иных легальных форм политической борьбы печать для представителей всех течений общественной мысли являлась едва ли не единственной платформой для распространения собственных воззрений и борьбы с противоположными. Славянофилы не были исключением и неоднократно обращались к печатному слову как к средству разъяснения и пропаганды своего учения, предпринимали попытки распространять свои теории путем издания сборников, газет и журналов. Ю.Ф. Самарин был одним из самых активных сторонников систематического продвижения славянофильства при помощи печати, не единожды выступал как публицист, принимал деятельное участие в ряде славянофильских издательских проектов, в том числе в издании организованного в 1856 году в Москве журнала «Русская беседа», в котором выступал и как автор, и, наряду с А.И. Кошелевым, А.С. Хомяковым и князем В.А. Черкасским, как один из пайщиков.

Общественно-политическая обстановка в тот момент благоприятствовала оживлению в прессе: после смерти императора Николая I и неудачного окончания Крымской войны настоятельная потребность в коренных изменениях стала настолько очевидной, что стремление к преобразованиям в первые годы царствования Александра II быстро охватило все круги образованного общества и стало всеобщим. Либерализация правительственного курса, пробуждение к активной деятельности новых, более широких слоев общества, бурное развитие общественной мысли, ослабление цензурного гнета – все это способствовало развитию печати и обещало успех новому московскому изданию, тем более что в первопрестольной после закрытия в 1839 году «Московского наблюдателя» не осталось ни одного серьезного журнала. Столичная образованная публика, несомненно, с интересом ждала первые номера «Русской беседы», которая стала одним из первых изданий, разрешенных после действовавшего в Российской империи с 1836 года (почти в течение двадцати лет!) запрета на «дозволение» частных печатных органов. Особое внимание к ней было обусловлено также наличием в ее программе политического отдела, который выгодно отличал ее от большей части периодики тех лет, так как до 1856 года публикации на политическую тематику дозволялись лишь в «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостях», «Северной пчеле» и «Русском инвалиде».

Однако издание «Русской беседы», успех которой, казалось, был предопределен начавшимися преобразованиями почти во всех сферах жизни российского общества, было прекращено уже к 1860 году вследствие малого числа подписчиков. Почти сразу после

Перевалова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Московского политехнического университета, Институт издательского дела и журналистики. E-mail: helenpv@yandex.ru

ее закрытия лидеры московского славянофильского кружка с горечью констатировали, что причиной этой неудачи стало безразличие аудитории к славянофильским теориям, инертность, неподготовленность даже образованного читателя к восприятию серьезной литературы. «Серьезный и честный журнал еще не по плечу нашей публике», – писал И.С. Аксаков [1, с. 173–174], «нас подрезало равнодушие общества», – вторил ему А.С. Хомяков [2, т. 8, с. 368]. На наш взгляд, претензии лидеров славянофильского движения к публике во многом были несправедливы и не обоснованы, и виной столь быстрого прекращения «Русской беседы» стали собственные ошибки ее основателей, их нежелание принимать во внимание накопленный к тому времени российской журналистикой опыт профессиональной деятельности, отказ учитывать в процессе выпуска журнала столь важные факторы, как актуальность информации, оперативность ее подачи, широта охвата аудитории, изучение ее запросов и потребностей и т.д. Чтобы обосновать этот вывод, достаточно сравнить «Русскую беседу» с журналом «Русский вестник», выпуск которого был предпринят в Москве в том же 1856 году (официальное разрешение на его издание было подписано лишь на месяц раньше, чем разрешение на издание «Русской беседы», – 31 октября 1855 года) публицистами М.Н. Катковым, Е.Ф. Коршем, профессором римской словесности П.М. Леонтьевым и профессором всеобщей истории П.Н. Кудрявцевым. В отличие от предпринятого славянофилами издания, этот журнал просуществовал более пятидесяти лет, став не только «долгожителем» отечественной печати, но и одним из лидеров российской журнальной периодики.

И «Русская беседа», и «Русский вестник» представляли собой «толстые» журналы – основной тип периодического издания в системе российской прессы середины XIX века. Самыми общими типологическими характеристиками такого журнала были большой объем (до 300–500 страниц), совокупность тем, находящихся в сфере внимания, и особый состав номера, представлявший собой одновременно литературно-художественный сборник, политическую газету и своеобразную научную энциклопедию. Огромная протяженность территории страны, отсутствие хороших путей сообщения, ограниченное количество книг и их высокая стоимость, вследствие чего читатели, живущие в провинции, имели возможность черпать интересующие их сведения и читать хорошую литературу только на страницах периодики, – все это способствовало распространению в России «толстого» журнала, классическими образцами которого еще в 1830–1840-х годах стали «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского, «Современник» Н.А. Некрасова и И.И. Панаева, «Отечественные записки» А.А. Краевского, являвшиеся для отечественной образованной аудитории поставщиками как художественной литературы, так и разнообразных сведений о текущих событиях и достижениях науки. Большую роль в журналах играли печатавшиеся с продолжением романы, обширные, рассчитанные на несколько номеров научные статьи, создававшие у читателей «эффект ожидания» следующего номера и заставлявшие их подписываться на годичный срок. В середине 50-х годов XIX века в условиях общественного подъема акценты в журнальной периодике стали сосредотачиваться на освещении политических событий и публицистических статьях, тогда как объемы «научной энциклопедии» постепенно сокращались, а художественная литература заняла подчиненное к публицистике положение: в журналах, как правило, публиковались лишь те художественные произведения, которые были созвучны тону публицистических материалов, причем общий журнальный контекст зачастую еще и придавал публикуемой беллетристике новые оттенки, может быть, и не предусмотренные автором. В первые годы правления Александра II на первый план в журналах стала выходить политическая газета, материалы которой печатались в отделах «Внутреннее обозрение», «Иностранное обозрение», «Провинциальное обозрение», «Из общественной жизни» и т.д. Обозрения представляли собой, как правило, ряд небольших статей, посвященных основным событиям месяца, и позволяли не только

знакомить читателей с новостями последних недель, но и комментировать их, выражать отношение к происходящему и, таким образом, определяли идеологическую программу и направление изданий.

На фоне сложной идеологической картины первых лет царствования нового императора «толстые» журналы быстро приобретали строго направленческий характер, то есть отражали взгляды и позицию части русского образованного общества, объединенной единством представлений о дальнейших путях развития страны. Они превратились в своего рода органы «унисонного хорового пения», где каждый сотрудник – от редактора до рядового автора – обладал определенной системой общественно-политических и эстетических взглядов, имел ясное представление о позиции издания по наиболее существенным вопросам современности и, исполняя свою «партию», должен был обязательно «попадать в ноты», то есть соотносить свои выступления с программой, заявленной в руководящих статьях. Именно в такие издания «унисонного хорового пения» неизбежно должны были превратиться и «Русская беседа», и «Русский вестник»…

Сравнение структуры, состава, содержания публикуемых материалов и даже периодичности этих двух журналов демонстрирует, насколько по-разному их организаторы представляли задачи своих изданий.

«Русская беседа», несмотря на то, что Главное управление цензуры разрешило ее ежемесячный выпуск, до 1859 года, выходила один раз в три месяца и лишь с 1859 года перешла на выход номеров один раз в два месяца, вследствие чего походила, скорее, на сборник статей, нежели на журнал. Характерно, что столь редкая периодичность рассматривалась организаторами журнала как одна из принципиальных установок, как залог серьезности и основательности издания.

К.С. Аксаков решительно настоял на выпуске один раз в три месяца, полагая, что редкая периодичность добавит «Русской беседе» веса в глазах читателей и избавит ее от торопливости, поспешности и скороспелости суждений, от «пустого, торопливого, минутного, недостойного серьезного дела», словом, всего того, что было свойственно, по его мнению, любой журнальной деятельности. «Журнал едва ли совместен с серьезным и прочным делом, – писал он А.С. Хомякову. – Сама периодичность его, срочность, требование, чтоб книга была готова, уже представляет затруднение. Потом, непременная его частная, случайная и преходящая современность будет уносить с собою много дельного, да и представлять оное даже в недостойном образе. <…> Я рад что “Русская беседа” (почему не московская?) будет издаваться четыре раза в год: это все-таки лучше. Нам нужны сборники, а не журналы; сборники, выходящие тогда, когда есть дельные статьи, и вовсе не обязанные представлять публике новость или стихи или другой какой отдел» [цит. по: 3, с. 64].

При этом основатели нового журнала прекрасно понимали, что при такой постановке вопроса от них потребуется более тщательный подход к составлению каждого нового выпуска: «…его нельзя будет наполнять балластом, как ежемесячный, потому что от трехмесячного журнала естественно будут требовать большего, – писал Ю.Ф. Самарин Кошелеву, – будут судить его строже» [4, с. 25]. Правда, Иван Аксаков, Кошелев, Самарин все же пытались обосновать необходимость более частой периодичности «Русской беседы», но делали это, как видимо, неубедительно, так что точка зрения Константина Аксакова возобладала.

Можно с большой долей уверенности предположить, что лидеры славянофильского учения изначально не планировали превращать свое издание в источник текущей актуальной информации для читателей и отводили «преходящей современности» далеко не первое место на страницах своего издания, точно так же, как не стремились и к коммерческому успеху, нисколько не задумываясь об увеличении тиража и расширении таким образом читательской аудитории, а вместе с ней и круга своих единомышленников.

Желание основателей «Русской беседы» «возбуждать и напрягать мысль читателя, а не забавлять, развлекать или усыплять ее» [5, с. 2], безусловно, заслуживало уважения и говорило о принципиальном и серьезном отношении к затеваемому ими изданию, однако небрежение, даже игнорирование интересов текущего момента, практических потребностей аудитории, недостаточное внимание к оперативному отклику на события в итоге привели к тому, что большинство материалов журнала было слабо связано с современностью, многие статьи носили отвлеченный, сугубо научный, а зачастую даже абстрактный характер, отсутствовала хроника столичных новостей и т.д. Наибольший интерес для читателей представляли политические обозрения кн. В.А. Черкасского, однако и они не могли возместить отсутствие статей, посвященных наболевшим вопросам российской общественной жизни. Не только коллеги-журналисты почти сразу заметили, что новый журнал «далек от текущих событий» [6], но и сами участники «Русской беседы» вынуждены были вскоре признать, что она «слабо удовлетворяет требованиям современной жизни, когда русское общество жаждет животрепещущих вопросов» [7, с. 466–467].

Напротив, для издателей «Русского вестника» большое, едва ли не первостепенное значение имела оперативность, быстрота отклика на «злобу дня», для чего еще на стадии рассмотрения программы издания в Главном управлении цензуры они настаивали на выпуске журнала с периодичностью два раза в месяц. Катков, который имел к тому времени уже весьма солидный журналистский опыт (с 1851 по 1855 год он служил «редактором на жалованьи» университетских «Московских ведомостей»), пытался даже добиться разрешения на еженедельный выпуск «Русского вестника», а в качестве приложения к нему планировал издавать ежедневный «Листок» с сообщением текущих событий, в котором печатались бы правительственные постановления и распоряжения, известия о военных действиях и событиях в политическом мире, краткие заметки, литературные и городские новости и т.п. «При том безостановочном движении, которое обнаруживается повсюду, при этом множестве возникающих вопросов и затронутых интересов, при этом богатстве событий, сообщающих каждому проходящему дню отличительную физиономию, беспрерывно возрастает значение ежедневной печати, которая одна лишь может поспевать за быстротою этого движения и овладевать его полнотою и разнообразием», – эта характеристика задач печати, данная Катковым спустя несколько лет, весьма показательна и свидетельствует о его профессиональном подходе к своим обязанностям редактора [8].

К сожалению, ни еженедельный выпуск журнала, ни ежедневный «Листок» в тот момент так и не были разрешены, однако это не помешало издателям «Русского вестника» превратить его в своего рода летопись преобразований нового царствования. С первых же номеров их журнал отличался не только разнообразием, но и «удивительной современностью» в выборе материалов и затрагивал почти все «живые интересы времени» [9, с. 164–165], а публикуемые в нем статьи, по отзывам современников, «отвечали современным потребностям русского общества» [10, с. 8] и «были бы передовыми в любом из лучших европейских журналов и вполне заслуживали название руководящих» [11, с. 17].

Исторические исследования П.Н. Кудрявцева, С.М. Соловьева, Ф.И. Буслаева, М.Н. Лонгинова, Е.М. Феоктистова, П.К. Щебальского, М.И. Семевского соседствовали в «Русском вестнике» со статьями по финансово-экономическим вопросам Н.Х. Бунге, Г. Де Молинари, В.К. Ржевского, письмами Б.И. Утина о преимуществах английского суда присяжных, выступлениями В.П. Безобразова по вопросам крестьянской реформы и положении дворянства, статьями С.С. Громеки о полицейском и административном произволе, публикациями Е.В. Салиас-де-Турнемир по вопросам женской эмансипации, заметками А.Н. Рамазанова, В.В. Стасова о художественных выставках, литературно-критическими статьями Н.Ф. Павлова, «Записками» М.С. Щепкина, естественнонаучными изысканиями

А.Н. Бекетова, Н.А. Любимова, Ж.-Л.-А. Катрфажа, отчетами о публичных собраниях, заседаниях научных обществ и т.п.

Стремясь соответствовать современным потребностям и все возрастающему интересу аудитории к практическим вопросам, журнал публиковал много материалов о банках, акциях, финансовом посредничестве, практические советы по организации транспортных и промышленных предприятий, рациональному ведению сельскохозяйственных работ, материалы о функционировании экономических и финансовых систем стран Запада, сопровождавшиеся экономическими расчетами и статистическими данными. Напротив, статей отвлеченного, умозрительного характера редакция старалась избегать. К примеру, Катков отказался поместить рецензию профессора Б.И. Утина на книгу немецкого философа Р. Гайма, объясняя это тем, что «публика к вопросам философским еще не подготовлена», и потому подобная публикация, «неожиданно появившись на страницах журнала, непременно отпугнет публику и возбудит в ней довольно резонное недоумение, зачем предлагают ей трактат о некоторых тонкостях и оттенках предмета, совершенно ей чуждого и не имеющего для нее никакого интереса» [12]. По этим же причинам было отказано в публикации философу А.М. Бухареву, в трудах которого, как признавался сам автор, было весьма «мало внимания к популярности в изложении» [13]. Издатели сумели блестяще воспользоваться разрешением открыть в журнале политический отдел: политические обозрения, начавшие появляться с 1857 года, сразу добавили «Русскому вестник» веса и влияния в глазах читателей. Поначалу политические обозрения писались профессором П.Н. Кудрявцевым, но после его смерти в январе 1858 года их единственным автором стал М.Н. Катков, благодаря которому этот жанр быстро утвердился в русской печати. Современники отмечали присущий его обозрениям благородный тон, достоинство изложения и серьезность взглядов [14, с. 139], «основательность знаний, замечательный такт и прекрасные достоинства мастерского изложения» [15, т. 4, с. 779].

Важным аргументом в пользу «Русского вестника» в глазах как читателей, так и литераторов стало то, что его издатели с первых же номеров позиционировали свой журнал как платформу для объединения всех политических сил и направлений, заинтересованных в преобразованиях, просвещении и прогрессе. Обращаясь к читателям, редакция подчеркивала, что главное – «общий дух и направление» и что задача их журнала – «возвышать, по возможности, деятельность мысли и самосознания в обществе, вносить в общественный оборот современные интересы жизни и результаты науки» [16], всестороннее и полное обсуждение всех вопросов, «вполне добросовестное и предпринятое в чистом интересе предмета» исследование [17]. В письмах, адресованных коллегам-публицистам, Катков заявлял, что «общее стремление» должно быть «выше частных разногласий», и убеждал, что не будет «в своем журнале действовать деспотически и гнуть всех под одну мерку» [18, с. 497] и что содержание «Русского вестника» будет строиться на основе терпимости и взаимных уступок и соглашений, а «всякая мысль, всякое направление, добросовестное и согретое тою же терпимостью, чуждое враждебности и исключительности, может ожидать радушного приема» [19, с. 1].

Столь широко заявленная платформа «Русского вестника» как органа просвещения и фактора преобразований в различных сферах жизни общества привлекла к нему как многих либерально настроенных литераторов и публицистов, так и широкие круги образованных читателей. «Все, что примыкало к либеральному кружку московских профессоров, все так называемые западники, почитатели науки и свободы, соединялись для общего дела», – писал Чичерин [20, с. 151–152]. «Русский вестник» «располагал силами гораздо большего числа хороших сотрудников, чем какой бы то ни было журнал в то время, и если в других изданиях было по три, по четыре человека, постоянно помогавших редактору, то в нем в первые годы таких людей было пятнадцать или двад-

цать» [15, т. 7, с. 317]. Помощь и поддержку новому изданию оказывали профессора и публицисты К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, И.К. Бабст, А.Н. Драшусов, М.Н. Капустин, Г.В. Вызинский, К.К. Арсеньев и др. Даже представители более радикальных взглядов откликнулись на призыв «Русского вестника». Опальный А.И. Герцен в начале 1856 года просил сообщить редакции, «что, мол, неизвестный литератор готов посылать в их ревю корреспонденцию (разумеется, во всех условиях цензуры)» [21, т. 25, с. 326–327]. Сохранилось свидетельство публициста А.М. Скабичевского о том, что в первые годы деятельности «Русского вестника» Г.З. Елисеев (впоследствии – один из наиболее активных сотрудников и член редакции некрасовских «Современника» и «Отечественных записок») обращался в редакцию с просьбой о работе, но получил отказ. «Что ж, очень может быть Елисеев и его товарищ и были у Каткова <…> сотрудничать в «Русском вестнике», начиная с 1856 до 1862 года, рядом с М.Е. Салтыковым, А.Н. Плещеевым и прочими, могло казаться очень даже лестным», – заключал А.М. Скабичевский [22, с. 363]. Находившийся в ссылке М.А. Бакунин тоже предлагал свое сотрудничество и в адресованном Каткову письме восторженно называл его журнал «благородной и умной силой, влияние которой на хаотическую, но жизни и права жаждущую Россию неизмеримо» [23, т. 4, с. 290][1]. Известно, что в 1858 году в «Русском вестнике» была помещена анонимная статья Н.А. Добролюбова «Мысли об учреждении открытых женских школ» (по поводу открытого недавно в Петербурге Курса учения для девиц, воспитывающихся в своих семействах) [24, с. 81][2], ставшая одним из первых выступлений русских демократов по женскому вопросу, что свидетельствует о большом доверии, которое «Русский вестник» внушал демократически настроенной интеллигенции.

Несмотря на то, что в редакции «Русского вестника» собрались убежденные западники, изначально позиционировавшие свой журнал как издание западнической ориентации (англоманство Каткова среди современников в эти годы вошло в пословицу), тем не менее они были готовы сотрудничать с представителями славянофильского лагеря, в переписке с которыми подчеркивали, что «действие в духе согласия в настоящее время было бы плодотворнее, нежели в разном развитии противоположных направлений» [цит. по: 25, с. 611]. К примеру, Катков настойчиво приглашал писать в «Русский вестник» своего товарища по Московскому университету и по слушанию лекций Гегеля в Берлине, известного законоведа А.Н. Попова, взгляды которого были близки славянофильским. Стремясь, как видимо, найти сочувствие среди сторонников славянофильской доктрины, он прямо давал понять Попову, что видит в нем «живую связь» между «Русским вестником» и «Русской беседой» [18, с. 497–499], и убеждал, что «главная задача журналиста в настоящее время – возбуждать вопросы и вызывать мысль на деятельность, <…> а более или менее близкое к истине решение вопроса придет само собою» [26, с. 499]. При условии, что «Русский вестник» «не будет враждебен нашей стороне» [27, с. 404–405], приглашение участвовать в нем приняли все Аксаковы[3], хотя и признавали, что он «из-

[1] Ответное письмо Каткова не сохранилось, но можно предположить, что оно было теплым и дружеским, потому что уже во втором письме от 21 июня 1860 года Бакунин перешел на «ты». Известно, что Катков предложил Бакунину писать статьи о Сибири, однако в течение последующих двух лет Бакунин не прислал ни одной статьи.

[2] Авторство Н.А. Добролюбова подтверждает М.И. Шемановский в письме Н.Г. Чернышевскому, который готовил посмертное собрание сочинений критика. По словам Шемановского, он узнал об этом от самого Н.А. Добролюбова.

[3] Участие Аксаковых ограничилось публикацией в первых номерах «Русского вестника» стихотворения К.С. Аксакова «Солнце и луна» (причем за разрешением на его публикацию издателям пришлось обращаться непосредственно к министру народного просвещения) и отрывков из «Воспоминаний» С.Т. Аксакова. Столь успешно начатое сотрудничество славянофилов с «Русским вестником» вскоре прекратилось. Охлаждение началось после того как редакция отказалась опубликовать статью Н.П. Гилярова о «Воспоминаниях» и «Семейной хронике»,

дается людьми, воззрения которых на политические события могут быть несогласны с нашими» [27, с. 404–405].

Современники высоко оценивали усилия основателей «Русского вестника» и в первую очередь М.Н. Каткова объединить в журнале образованную интеллигенцию, принадлежащую к разным идейным группировкам. «Мы все раскиданы как прутья, и Катков, связавший свои прутья в один веник – Геркулес перед нами», – писал литературный критик А.В. Дружинин И.С. Тургеневу 26 января 1857 года [28, с. 148]. К.Д. Кавелин, один из постоянных сотрудников «Русского вестника» первых лет издания, сочувственное отношение к журналу объяснял солидарным стремлением аудитории к скорейшим переменам и общим для всех неприятием николаевского режима: «Хоть и разных приходов, а все свои. Теперь такое время, что даже за несколько выходящих из ряда мыслей и даже фраз, внушенных любовью к добру и высказанных смело, можно сказать спасибо» [цит. по: 29, с. 263]. В то же время значительную часть либерально настроенной аудитории настораживал и отпугивал радикализм петербургской журналистики, в первую очередь некрасовского «Современника»: «...имена Каткова, Корша и Леонтьева порукою в том, что журнал будет серьезный, честный, добросовестный, не петербургская литературная сенная площадь», – эта характеристика, данная И.С. Аксаковым своим коллегам, весьма показательна [27, с. 405].

Если издатели «Русского вестника» с первых шагов подчеркивали его объективный характер и свое стремление избежать каких-либо односторонних предпочтений и исключительных пристрастий, то организаторы «Русской беседы», напротив, намеренно делали акцент на ее славянофильской направленности и изначально ориентировались лишь на избранную аудиторию сторонников славянофильского учения. Уже в объявлении об издании было заявлено, что журнал «будет содействовать русскому воззрению на науки и искусство» [30, с. 106; 31, с. 114], что вызвало сначала недоумение у коллег-литераторов, а спустя некоторое время – бурную полемику и многочисленные упреки в адрес основателей журнала. На «Русскую беседу», утверждавшую, что русский ученый должен исходить из начал, лежащих в основе его народности [32, с. 35–47], обрушились почти все серьезные органы печати тех лет: и «Русский вестник», и «Современник», и «Отечественные записки», и «Московские ведомости». Эта полемика, казалось бы, должна была привлечь к «Русской беседе» внимание аудитории и усилить к ней интерес, однако, хотя споры вокруг вопроса о «народности в науке» и продолжались более года, сочувствие к славянофильскому органу как среди читателей, так и в литературной среде к концу 1858 года окончательно угасло. И дело было не только в самом предмете спора, основу которого составляло известное противоречие, замеченное даже самими славянофилами и уж тем более не оставленное без внимания их оппонентами, которые в один голос утверждали, что наука представляет явление общечеловеческое и должна быть беспристрастна [33, с. 32–61; 34, с. 8–27].

Полемика могла бы стать своего рода катализатором, способствующим возрастанию читательского интереса к изданию, если бы она велась оперативно, а ответы идеологов славянофильства на замечания оппонентов были бы не только точны, оригинальны и убедительны, но и своевременны. Но «Русская беседа», будучи слишком медлительной, нерасторопной, неповоротливой, не была приспособлена к ведению полемики, в отличие от своих более оперативных и энергичных противников. Нечто подобное случилось в 1836 году с пушкинским

мотивируя свой отказ тем, что в ней содержались резкие славянофильские убеждения. Уже 1 марта 1856 года С.Т. Аксаков писал сыну: «...итак Катков выведен на свежую воду и наши имена должны быть исключены из числа участников» [61 с. 629]. Но, как видимо, между Катковым и С.Т. Аксаковым состоялось объяснение, в результате которого в первой августовской книжке «Русского вестника» за 1856 год появился еще один отрывок из «Семейной хроники». Однако к концу года отношения Аксаковых и редакции «Русского вестника» окончательно прекратились, так как в «Объявлении об издании» журнала на 1857 год было указано, что они «как ближайшие участники “Русской беседы” намерены посвятить всю свою деятельность этому журналу» [62].

«Современником», который после публикации статьи Н.В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», содержащей резкие (но вполне обоснованные и справедливые) обвинения в адрес «торговой журналистики» в лице «Северной пчелы» Ф.В. Булгарина и «Библиотеки для чтения» О.И. Сенковского, в свою очередь сделался объектом ожесточенной критики с их стороны, но также не смог справиться с ведением полемики ввиду редкой периодичности. Но если А.С. Пушкину, несмотря на хлопоты, изначально был разрешен выпуск «Современника» лишь раз в три месяца, то организаторы «Русской беседы» по собственной инициативе отказались от более частой периодичности номеров и тем самым обрекли свое издание на неудачный исход возникших споров. Вдобавок ко всему в ходе полемики им так и не удалось четко сформулировать принципы, лежащие в основе программы их издания, как не удалось и избежать проявлений неприязни, а зачастую даже враждебности к противоположным, несходным с их собственными воззрениям.

Все это было немедленно замечено в литературных кругах: уже в конце 1856 года Н.Г. Чернышевский, который поначалу приветствовал появление нового журнала и призывал его к совместному решению стоящих перед всеми образованными людьми России задач, сделал вывод в «Современнике», что «Русская беседа» не сказала еще «ничего сколько-нибудь ясного» [15, т. 3, с. 727], а «Московские ведомости», со свойственной им прямолинейностью заявили, что журнал «далек от текущих событий», «избегает прямого спора, ограничиваясь простым отрицанием противоположных мнений» [35], проявляет в собственных полемических выступлениях «раздражительность, нетерпимость, озлобление и даже непомерную гордость» [36]. В последние два года издания журнал старательно дистанцировался от полемики, несмотря на то, что для нее имелось немало поводов. В частности, осенью 1858 года А.И. Герцен приглашал славянофилов, в первую очередь И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, начать «уяснять дружеским спором вопрос», доброжелательно и примирительно замечая при этом, что «несмотря на все разномыслия, в одном мы соединены вполне – в общей искренней любви к России, в страстном желании освобождения крестьян с землею» [37, т. 26, с. 220–221], но это приглашение так и осталось без ответа.

В этом отказе славянофилов ответить на призыв «лондонского изгнанника» проявилась еще одна существенная особенность «Русской беседы»: она была предельно осторожна в отношениях с цензурой и, как можно предположить, сознательно избегала всего того, что могло бы придать ей оппозиционный характер и стать основанием для объяснений с цензурным ведомством. В отличие от «Русского вестника», едва ли не в каждом номере которого появлялись материалы обличительного характера, разглашались факты административно-полицейского произвола, бюрократизма, казнокрадства, взяточничества и т.п., содержание «Русской беседы» отличалось исключительной «положительностью» и за пять лет издания почти не доставило цензурным органам поводов для беспокойства. Причины для подобной осмотрительности были весьма основательные: вследствие существовавшего предубеждения властей по отношению к славянофилам, организаторам «Русской беседы» почти целый год пришлось добиваться разрешения на ее издание, получить которое им удалось буквально в последний момент – в декабре 1855 года, и лишь в январе 1856-го удалось снять запрет на писательскую деятельность И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, В.А. Черкасского, наложенный в 1852 году после публикации «Московского сборника». С другой стороны, общая либерализация правительственного курса тех лет не могла не сказаться на цензуре, характер которой с началом царствования Александра II значительно изменился в благоприятную для печати сторону, что позволяло изданиям обращаться к темам, которые еще не столь давно находились под запретом. Цензурировавшие и «Русскую беседу», и «Русский вестник» во второй половине 1850-х годов цензоры Московского цензурного комитета Н.Ф. Крузе и сменивший его в 1858 году публицист славянофильского направления Н.П. Гиляров-Платонов были известны (особенно первый из них) своими либеральными убеждениями и отсылали в Петербург, в Главное управление цензуры, по собственному при-

знанию последнего, «только крайне сомнительные» статьи [38], что помогало обоим изданиям избегать существенных задержек в процессе подготовке номеров к печати. По выражению современников, Крузе пропускал в «Русском вестнике» «такие штуки, что ваша лондонская книгопечатня» [39, с. 1], хотя это нередко навлекало неудовольствие высших цензурных инстанций как на журнал, так и на самого цензора.

Так, поводом к гневному письму министра народного просвещения А.С. Норова стала публикация в первом январском номере за 1857 год отрывка из воспоминаний сенатора Д.Б. Мертваго «Пугачевщина», в котором рисовалась живая и яркая картина кровавых событий смутного времени[1]. В письме попечителю Московского учебного округа Е.П. Ковалевскому А.С. Норов указал на неуместность допущения подобных статей в журнале, «имеющем большой круг читателей разного образования и сословия», и потребовал «сделать надлежащее внушение цензору и редактору, объяснив им, что в случае дальнейшего допущения в сем издании подобных статей или слишком свободных суждений о предметах общественного и государственного устройства, какие неоднократно встречались в сем журнале, тот и другой подвергнутся строжайшему взысканию» [40]. Есть данные, что III Отделение требовало закрытия журнала. Столичные корреспонденты предупреждали в эти дни Каткова: «Будь осторожен, иначе последствия могут быть очень плачевные. Чтобы вообще не было ни одного намека на эмансипацию крестьян <…> Напоминать народу ужасы пугачевщины в такое горячее время находят опасным» [цит. по: 41, с. 31–32]. Однако редакторы «Русского вестника» редко принимали во внимание подобные предупреждения, и журнал продолжал поднимать вопросы, обращение к которым с точки зрения правительства было нежелательным.

Большой переполох в цензурном ведомстве вызвала публикация в январе 1858 года речи московского откупщика, миллионера В.А. Кокорева, на банкете (в те годы это было единственным доступным видом политической манифестации) в честь опубликования императорского рескрипта от 20 ноября 1857 года на имя виленского генерал-губернатора В.И. Назимова[2], в котором, по существу, говорилось о подготовке крестьянской реформы. Призыв Кокорева осуществить освобождение крестьян безубыточно как для дворян, так и для крестьян и указание на необходимость «гражданской равноправности» бывших крепостных были признаны министром народного просвещения «и по содержанию, и по способу изложения» крайне неприличными и неумеренными в журнале [42]. В 1859 году после появления в «Русском вестнике» статьи В.П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», которую сам император нашел не соответствующей общим правилам цензурного устава и не сообразующейся «с духом государственных учреждений», в российской периодике были запрещены к публикации статьи, «касающиеся прав дворянства на совещания по общественным и государственным делам в дворянских собраниях» [43]. Выговоры Главного управления цензуры вызывали смелые заявления «Русского вестника» снять ограничения с печати и предоставить ей «на рассмотрение и обсуждение те или другие административные, политические или финансовые вопросы» [44, с. 441–442], критика в адрес официозной журналистики, утверждения, что «употребление правительством литературы для проведения в публику своих видов ведет к умственному разврату и нравственному растлению» [45, с. 246–248].

[1] История о злоключениях Д.Б. Мертваго была знакома его современникам. Известно, что А.С. Пушкин знал и пользовался «Записками» при подготовке «Истории Пугачева» (фамилия Мертваго встречается в подготовительных записях и черновиках книги). Можно предположить, что и в образе Петра Гринева из «Капитанской дочки» есть черты автора «Записок».

[2] Примечательно, что рескрипт В.И. Назимову вначале держался в секрете. С текстом его конфиденциально были ознакомлены лишь губернаторы – им были посланы его копии. Впервые он был опубликован 7 декабря 1857 года на французском языке в издававшейся в Петербурге газете **"**Le Nord**"**. Первая публикация рескрипта Назимову на русском зыке появилась в официальной прессе 24 декабря 1857 года. Таким образом, подготовка крестьянской реформы стала гласной.

Журнал не раз получал предупреждения из Петербурга, что к нему могут быть применены «решительные меры» [46]. Во всех случаях столкновения с цензурой Катков обращался к высшим властям с обстоятельно и дельно изложенными записками, в которых излагал свою точку зрения на свободу печати [см., напр., 47], настаивал на соблюдении строгой законности, подчеркивая, что «только при этом условии мыслящие умы, таланты могут приносить пользу администрации» [48]. Он упорно стремился донести до высокопоставленных чиновников в цензурном ведомстве мысль, что «истина не должна бояться гласности, и кто считает свое дело правым, тому вдвойне грешно пользоваться правом сильного и налагать молчание на уста противника» [49].

В отличие от «архилиберального» [50, т. 1, с. 181] «Русского вестника», неоднократно искушавшего судьбу публикацией резких и смелых статей, «Русская беседа» даже не пыталась воспользоваться благоприятной общественно-политической ситуацией и лояльностью московских цензоров, и эта «умеренность» славянофильского органа, его благоразумие и даже некоторая отстраненность от животрепещущих тем, как представляется, явились еще одной причиной холодности к нему публики, ищущей в периодике тех лет остросоциальные материалы и ответы на злобу дня.

Ситуация несколько изменилась в 1858 году, когда редакцию журнала возглавил И.С. Аксаков, попытавшийся «оживить» издание, приблизить его к решению проблем текущего момента. Но одним из результатов его стараний стала ссора с цензором Гиляровым-Платоновым, который в начале 1859 года даже был вынужден отказаться от цензурирования близкой ему по духу «Русской беседы». «Аксаков, – жаловался Гиляров А.И. Кошелеву, – считает, что весь мир создан к его услугам, <…> требует единственно подчинения себе и повиновения в самых возмутительных формах, без всякого уважения не только к личному положению человека, но и к проявлению честности», тогда как «Русский вестник» никогда не позволил бы себе поступить таким образом» [38][1].

Не обладал привлекательностью для читателей и отдел изящной словесности «Русской беседы», который в «толстых» журналах всегда служил едва ли не главной «приманкой» для подписчиков. Под истинным искусством славянофилы понимали показ идеальных, положительных сторон в каждой эпохе или личности, а главнейшую задачу художника видели в том, чтобы «не казнить действительность во имя идеи, и тем раздражать чувства, а успокаивать их, отыскивая блеск идеи и в самой темной действительности» [51, с. 73–77]. Не желая помещать в своем журнале беллетристику писателей «не своего круга», редакция избегала участия литераторов, чьи воззрения расходились со славянофильскими. Лишь изредка в журнале мелькали известные большинству публики имена А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.И. Даля, время от времени появлялось имя крупнейшего беллетриста славянофильского направления – С.Т. Аксакова. Бóльшим разнообразием отличалась поэзия «Русской беседы»: здесь помещались стихотворения Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого, И.С. Никитина, П.А. Вяземского, А.С. Хомякова, появилось несколько неизданных стихотворений Н.М. Языкова, В.А. Жуковского, печатались русские народные песни, собранные Н.С. Соханской и т.д. Однако содержание отдела изящной словесности «Русской беседы» ни в какое сравнение не шло с аналогичным отделом «Русского вестника», в котором остросоциальные «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, обличительные рассказы и повести П.И. Мельникова (Андрея Печерского), М. Вовчка чередовались с романами Л.Н. Толстого,

[1] Любопытно, что редакция строптивого «Русского вестника» отличалась гораздо большим умением находить общий язык с чиновниками цензурного ведомства, свидетельством чему может служить адресованное Гилярову письмо П.М. Леонтьева, в котором тот убеждает его «расширить содействие “Русскому вестнику” и постоянно писать в журнал заметки и статьи», подчеркивает, насколько полезно для редакции «почаще пользоваться Вашими устными указаниями, советами», приглашает «время от времени заезжать к нам – кушать или в другое время» [63].

И.С. Тургенева, лирическими повестями Н.С. Соханской, а сатирическая поэзия В.С. Курочкина, Д.Д. Минаева, стихи А.Н. Плещеева, переводы Г. Гейне, Г. Крабба, П.-Ж. Беранже, Р. Бернса соседствовали с лирикой А.А. Фета, Я.П. Полонского, А.К. Толстого, А.Н. Майкова, Н.Ф. Щербины, А. Мицкевича и т.п.

Не содействовала улучшению «Русской беседы» и частая смена редакторов: сначала Т.И. Филиппов, А.И. Кошелев, затем П.И. Бартенев, М.А. Максимович, И.С. Аксаков… В отношениях между основными сотрудниками журнала зачастую не доставало взаимопонимания и единства мнений [52]. Но и редакция «Русского вестника» не избежала раскола: в конце 1857 года из ее состава по причине финансовых разногласий вышел Е.Ф. Корш, в это же время в результате идейных расхождений редакцию покинул один из самых ярких авторов – Б.Н. Чичерин, чуть позже – писатели Е.В. Салиас-де-Турнемир (Е. Тур), М.Е. Салтыков-Щедрин, публицист Б.И. Утин, причем их уход сопровождался значительным резонансом в литературной среде. Однако Каткову, который с первых дней возглавлял редакцию, тем не менее удалось сохранить коллектив единомышленников, тем самым обеспечив изданию единство направления и лидирующие позиции в формировании общественного мнения [53].

К сожалению, ошибки организаторов «Русской беседы» в первую очередь отразилась на подписке: в июне 1856 года она составляла лишь 800 экземпляров, тогда как число подписчиков «Русского вестника» росло день ото дня и в начале 1856 года их число достигло полутора тысяч, а к марту того же года увеличилось до трех тысяч [54, с. 496]. Осенью 1856 года И.С. Аксаков в письме к родителям свидетельствовал, что в Харькове «Русская беседа» имела лишь четырех подписчиков, тогда как «Русский вестник» был почти во всех домах, «а с будущего года заменит петербургские, на которые перестают подписываться» [7, с. 466–467]. Об успехе органа московских западников в эти же дни свидетельствовал и Н.Г. Чернышевский, который в ноябре 1856 года прямо писал Н.А. Некрасову, что «у “Современника” только один соперник, “Русский вестник”» [15, т. 14, с. 328]. Публицист М.Н. Лонгинов сообщал И.С. Тургеневу, что в столице «часто слышался вопрос не «как ваше здоровье?», а «читали вы последний Вестник?» [55, с. 165], а сам Тургенев, в свою очередь, отмечал, что «Русский вестник» «забил» все остальные русские журналы [56, с. 97]. К 1858 году тираж «Русской беседы» все же увеличился до 1200 экземпляров [57, с. 625], но в дальнейшем лишь уменьшался. «Русский вестник», влияние которого, по отзывам современников, «на прекрасное развитие мыслительности и вкуса неотразимо и повсеместно» [58, с. 306], напротив, к этому времени догнал по тиражам лидера тогдашней журнальной периодики – «Современник» Н.А. Некрасова и стал едва ли не самым популярным и читаемым журналом в России: к началу 1857 года его тираж составлял 4200 экземпляров, к маю достиг цифры 4800 экземпляров, и подписка все продолжалась, так что совокупный тираж на второе полугодие составил 5500 экземпляров [59, с. 105]. В 1861 году подписка на «Русский вестник» достигала рекордной для «толстого» журнала тех лет цифры семь с половиной тысяч экземпляров [60].

Даже поверхностный сравнительный анализ двух московских «толстых» журналов демонстрирует, что создатели «Русской беседы» сознательно упустили свой шанс занять одно из ведущих мест среди журнальной периодики второй половины 1850-х годов. В условиях жесткой конкуренции для успеха в издательской сфере в указанные годы было уже недостаточно благородных устремлений и верности заявленной высокой цели. Издание периодики требовало профессионализма, верного понимания запросов аудитории, широты взглядов, разнообразия содержания, умения видеть насущные потребности текущего момента и оперативно откликаться на них, а также немалой смелости в освещении «злобы дня». Лишь сочетание этих качеств могло способствовать быстрому превращению издания во влиятельный орган общественного мнения и обеспечить его востребованность во всех прогрессивно настроенных слоях русского образованного общества.

Литература

1. *Аксаков И.С.* Письмо Н.С. Соханской. 8 октября 1860 г. // Русское обозрение. 1897. Март.
2. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1904. Т. 8.
3. *Аксаков К.С.* Письмо А.С. Хомякову. 20–24 декабря 1855 г. // *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Московского университета. С. 64.
4. *Самарин Ю.Ф.* Письмо А.И. Кошелеву. 4 сентября 1855 г. // НИОР РГБ. Ф. 265. К. 142. Ед. хр. 8.
5. Об издании «Русской беседы» на 1857 год // Русская беседа. 1856. № 3.
6. Литературные заметки // Московские ведомости. 1856. 22 декабря.
7. *Аксаков И.С.* Письмо родителям. 28 ноября 1856 г. / И.С. Аксаков // Письма к родным. 1849–1856. М., 1994.
8. Об издании «Московских ведомостей» в 1863 году // Московские ведомости. 1862. 25 октября. № 232.
9. *Лонгинов М.Н.* Письмо И.С. Тургеневу. 22 ноября 1856 г. // Сборник Пушкинского дома на 1923 г. Пг., 1922.
10. *Станкевич А.В.* Воспоминания // НИОР РГБ. Ф. 178. К. 8422. Ед. хр. 18.
11. *Григорьев А.А.* Явления современной русской литературы, пропущенные нашей критикой // Время. 1862. Кн. 1.
12. *Катков М.Н.* Письмо Б.И. Утину. 28 мая 1858 г. // РГАЛИ. Ф. 262. Оп. 3. Ед. хр. 5.
13. *Бухарев А.М.* Письмо М.П. Погодину. 1870 г. // НИОР РГБ. Ф. 231/2. К. 6. Ед. хр. 5.
14. Русская беседа. 1856. Кн. 2.
15. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939–1953.
16. Объявление об издании «Русского вестника» на 1858 г. // Московские ведомости. 1857. 19 ноября. № 139.
17. Объявление об издании «Русского вестника» на 1857 г. // Московские ведомости. 1856. 17 ноября. № 138.
18. *Катков М.Н.* Письмо А.Н. Попову. 12 декабря 1856 г. // Русский архив. 1888. Кн. 2.
19. *Катков М.Н.* Письмо М.П. Погодину. 30 декабря 1853 г. // НИОР РГБ. Ф. 231/2. К. 15. Ед. хр. 3.
20. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов. М.: Изд-во Московского университета, 1997.
21. *Герцен А.И.* Письмо М.К. Рейхель. 14 января 1856 г. / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1959. Т. 25.
22. *Скабичевский А.* Чем отличается направление в искусстве от партийности // Северный вестник. 1891. № 5.
23. *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем: в 4 т. М., 1935. Т. 4.
24. *Шемановский М.И.* Письмо Н.Г. Чернышевскому. 23 марта 1866 г. // Шестидесятые годы / под ред. Н.К. Пиксанова и О.В. Цехновицера. 1940.
25. *Катков М.Н.* Письмо С.Т. Аксакову. 27 мая 1856 г. // *Аксаков И.С.* Письма к родным. М., 1994.
26. *Катков М.Н.* Письмо А.Н. Попову. 7 марта 1857 г. // Русский архив. 1888. Кн. 2.
27. *Аксаков И.С.* Письмо к родителям. 3 декабря 1855 г. / И.С. Аксаков // Письма к родным. М., 1994.
28. *Дружинин А.В.* Письмо И.С. Тургеневу. 26 января 1857 г. // Летописи Гослитмузея. М., 1848. Кн. 9.
29. *Соловьев Е.* Очерки по истории русской литературы. СПб., 1902.
30. Об издании «Русской беседы» на 1856 г. // Московские ведомости. 1855. 3 марта.
31. Об издании «Русской беседы» на 1856 г. // Московские ведомости. 8 марта 1855.
32. *Самарин Ю.Ф.* Два слова о народности в науке // Русская беседа. 1856. Кн. 1.
33. *Чичерин Б.Н.* О народности в науке // Русский вестник. 1856. Май. Кн. 1. (Современная летопись).
34. *Чичерин Б.Н.* О народности в науке // Русский вестник. 1856. Сентябрь. Кн. 1. (Современная летопись).
35. Литературные заметки // Московские ведомости. 1856. 22 декабря.
36. Литературные заметки // Московские ведомости. 1857. 8 января.
37. *Герцен А.И.* Письмо И.С. Аксакову. 8 ноября (27 октября) 1858 г. г. Путней / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 26.
38. *Гиляров-Платонов Н.П.* Письмо А.И. Кошелеву. 14 февраля 1859 г. // ОРФ ГМИРЛ имени В.И. Даля. Ф. 23. Оп. 1. № 6.
39. ЦАРФ. Ф. 109. Оп. 1. 1858. Д. 1802.
40. Письмо Министра народного просвещения попечителю московского учебного округа от 29 января 1857 г. // ЦГА Москвы. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 4049.
41. «На заре крестьянской свободы»: Материалы для характеристики общества. 1857–1861 // Русская старина. 1897. Т. 92.
42. Письмо Министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа от 16 января 1858 г. № 117 // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 403.
43. Письмо Министра народного просвещения Исполняющему должность Попечителя Московского Учебного округа. 23 декабря 1859 г. // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 425/2.
44. Политическое обозрение // Русский вестник. 1858. Декабрь. Кн. 2.
45. Русский вестник. 1859. Февраль. Кн. 1. Современная летопись.
46. Письмо Министра народного просвещения исправляющему должность попечителя Московского учебного округа от 9 марта 1859 г. № 561 // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 421.

47. *Катков М.Н.* Объяснительная записка по поводу статьи «Турецкие дела» (Русский вестник. 1858. № 4, 5, 9) // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 132.

48. *Катков М.Н.* Записка Министру народного просвещения Е.П. Ковалевскому по поводу опубликования во второй декабрьской книжке «Русского вестника» статьи о Берлинском комитете прессы. 7 апреля 1859 // ЦГА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 4795.

49. *Катков М.Н.* Письмо в Московский цензурный комитет от 29 июля 1858 г. // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 132.

50. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. М., 1965. Т. 1.

51. *Гиляров-Платонов Н.П.* О новой повести г-жи Кохановской «Из провинциальной галереи портретов» // Русская беседа. 1859. Т. 3.

52. *Пирожкова Т.Ф.* «Главный распорядитель» журнала «Русская беседа» (А.И. Кошелев) / Т.Ф. Пирожкова // Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Московского университета, 1997.

53. *Перевалова Е.В.* «Обязанность редакции состоит в том, чтобы присутствие ее было видно повсюду…»: несколько штрихов к портрету М.Н. Каткова-редактора // Н.Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы: Сборник научных трудов. Саратов, 2018. Вып. 21. С. 77–90.

54. *Катков М.Н.* Письмо А.Н. Попову. 5 марта 1856 г. // Русский архив. 1888. Кн. 2.

55. *Лонгинов М.Н.* Письмо И.С. Тургеневу. 22 ноября 1856 г. // Сборник Пушкинского дома на 1823 г. Пг., 1822.

56. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. М.; Л., 1960–1968 г. Письма. Т. 3.

57. *Кошелев А.И.* Письмо И.С. Аксакову. 30 июля 1856 г. // *Аксаков И.С.* Письма к родным. М., 1994.

58. *Плетнев П.А.* Письмо П.И. Бартеневу. 19 февраля 1858 г. // Русский архив. 1912. № 10.

59. Русский вестник. 1859. Март. Кн. 1. Современная летопись.

60. Письмо редакции «Русского вестника» в Московский цензурный комитет. 28 сентября 1861 г. // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 461.

61. *Аксаков С.Т.* Письмо И.С. Аксакову от 1 марта 1856 г. // *Аксаков И.С.* Письма к родным. М., 1994.)

62. Объявление об издании «Русского вестника» на 1857 г. // Московские ведомости. 1856. 17 ноября. № 138.

63. *Леонтьев П.М.* Письмо Н.П. Гилярову от 1 марта 1862 г. // ОР ГНБ. Ф. 847. Архив Шаховского. Ед. хр. 654.

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ двух московских литературно-политических журналов второй половины 1850-х годов: «Русской беседы», издание которой было инициировано в 1856 году членами московского славянофильского кружка А.И. Кошелевым, Ю.Ф. Самариным, Аксаковыми, И.В. и П.В. Киреевскими и др., и «Русского вестника», возникшего в том же году как орган прозападнически настроенной либеральной университетской профессуры. Выявлено, что при весьма благоприятной общественно-политической ситуации (либерализация правительственного курса, бурное развитие общественной мысли, ослабление цензурного гнета) оба издания имели возможность с успехом реализовать свои программы и приобрести признание образованной аудитории. Однако если «Русский вестник» в короткие сроки стал одним из лидеров отечественной журнальной периодики, то издание «Русской беседы» было прекращено уже к 1860 году вследствие малого числа подписчиков. Рассматриваются факторы, которые привели к успеху издание западников и стали причиной неудач славянофильского журнала: периодичность, оперативность, информационное и тематическое разнообразие, особенности взаимоотношения с цензурными органами и т.д.

Ключевые слова: журнал, «Русская беседа», «Русский вестник», Ю.Ф. Самарин, И.С. и К.С. Аксаковы, М.Н. Катков.

Perevalova E. V., PhD in Philology, Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Institute of Publishing and Journalism, Moscow Polytechnic University. E-mail: helenpv@yandex.ru

Two Fates: “Russkaya Beseda” and “Russky Vestnik” (to the Question of the Reasons for the Failure of the Slavophil Publishing Project)

Abstract. The article provides a comparative analysis of two Moscow literary and political magazines of the second half of the 1850s: “Russkaya Beseda”, the publication of which was initiated in 1856 by members of the Moscow Slavophile circle A.I. Koshelev, Yu.F. Samarin, Aksakovs, I.V. and P.V. Kireevsky and others, and the “Russky Vestnik”, which arose in the same year as an organ of a pro-Western liberal university professors. It was revealed that in a very favorable socio-political situation (liberalization of the government course, the rapid development of public thought, the weakening of censorship), both publications were able to successfully implement their programs and gain recognition from an educated audience. However, while “Russky Vestnik” quickly became one of the leaders in Russian periodicals, the publication of “Russkaya Beseda” was discontinued by 1860 due to the small number of subscribers. We consider the factors that led to the success of the publication of Westerners and became the cause of the failures of the Slavophile magazine: frequency, efficiency, informational and thematic diversity, especially the relationship with censorship bodies, etc.

Keywords: the magazine, “Russkaya Beseda”, “Russky Vestnik”, Yu.F. Samarin, I.S. and K.S. Aksakov, M.N. Katkov.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-123-136

Любовь Ульянова

Департамент полиции и славянофильский политический дискурс

«Славянофильство периода своего расцвета создало определенный метаязык. Этот метаязык стал общераспространенным. Его разделяли люди самых разных взглядов. Кто-то из них тяготел к либеральным ценностям, кто-то к более консервативным, кто-то – к совсем консервативным. Но так или иначе они все говорили на этом языке, который был удобен в условиях автократического режима, предоставлявшего очень ограниченное поле для публичности... Славянофильские идеи в той или иной форме разделяли многие высшие чиновники. Неслучайно, когда в 1905 году возник Отечественный союз, туда вошли многие бюрократы, причем высшего разряда. Глава Земского отдела МВД Владимир Иосифович Гурко, начальник канцелярии Министерства внутренних дел Дмитрий Николаевич Любимов и др. Получается, что эти чиновники фактически открыто заявили о своих оппозиционных взглядах» – так описал роль славянофильства для русской бюрократии последней четверти XIX – начала XX века известный историк К.А. Соловьев [1].

Таким образом, история позднего славянофильства – это не только история относительно маргинальной политической философии и не самых известных общественных деятелей и мыслителей, но и история дискурса и мировоззрения бюрократии Российской империи предреволюционного периода. Пока обобщающих исследований такого рода не проведено. Поэтому сосредоточусь на одной государственной структуре – Департаменте полиции. Речь идет о руководящей структуре политического сыска, созданной в 1880 году взамен упраздненного III Отделения Его Императорского Величества канцелярии, в отличие от него вошедшего в качестве одного из подразделений в состав Министерства внутренних дел и потерявшего в результате этого прямую связь с императором.

Казалось бы, политический сыск – не то ведомство, где могут произрастать какие-либо политические настроения, тем более оппозиционные, даже если речь идет о «лояльной оппозиции». «Реакционно-охранительные» характеристики этого ведомства доминируют в обширной литературе, посвященной дореволюционной политической полиции Российской империи [см., напр., 2–22], и это представление естественным образом совпадает с формальными задачами, стоявшими перед политическим сыском, – охранение существовавшего строя[1].

Вопреки устоявшемуся представлению в этой статье я попробую показать, что чинам Департамента полиции были свойственны, скорее, реформаторские, чем «реакционные» настроения, их политические взгляды не только находились в промежутке между «охрани-

[1] Департамент полиции отвечал за политическое спокойствие в Российской империи, что на языке делопроизводства того времени формулировалось как «предупреждение и пресечение преступлений и охрана общественной безопасности и порядка» [23, с. 362].

Ульянова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, преподаватель факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор сайта “Русская Idea”. E-mail: ulianovalv@gmail.com

тельством» и «либерализмом», то есть как раз в той плоскости умеренного либерально-консервативного синтеза, каким и было славянофильство, но и были, по сути, славянофильскими.

В качестве предварительного замечания важно отметить, что речь идет о периоде до октября 1905 года, когда славянофильство как политический проект потерпело поражение в связи с учреждением законодательной Государственной Думы, созданной по образцу западноевропейских парламентов. Тем самым российская власть воспроизвела западные политические конструкции, построенные в основе своей на недоверии, следствием чего и была концепция сдержек-противовесов ветвей власти. В то время как славянофильская политическая доктрина с ее идеей законосовещательного представительства, к мнению которого монарх прислушивается без юридического принуждения, основывалась, очевидно, на идее доверия власти и общественно-народного представительства [подробнее см. 24]. В истории политического сыска октябрь 1905 года тоже является хронологической границей, так как произошло легальное оформление политического дискурса, в результате чего из делопроизводственной переписки исчезли идеологические характеристики («либерализм», «социализм») и появились партийно-политические термины [подробнее см. 25, с. 28–29].

Также стоит учитывать организационные особенности функционирования политической полиции, которая представляла собой совокупность разнородных структур, не имевших не только единых принципов комплектования, но и часто находившихся в двойном подчинении[1]. В ней служили люди, различные по своему мировоззрению, образованию и карьерному опыту, что определило многообразные и нередко противоречащие друг другу трактовки в делопроизводственной переписке одних и тех же процессов. В первую очередь речь идет о принципиальной разнице политического мировоззрения служащих местных подразделений политического сыска (жандармов, служивших в губернских жандармских управлениях – ГЖУ) и деятелей Департамента полиции, то есть центральной структуры политического сыска[2].

Жандармы воспроизводили сугубо традиционалистский, охранительный дискурс, их восприятие общественно-политического пространства весьма напоминало содержание «Московского сборника» К.П. Победоносцева. Однако этот дискурс не оказывал какого-либо заметного влияния на чинов Департамента полиции, оставаясь, по сути, на низовом уровне политического сыска[3] и слабо воздействуя на реальную практику «охраны существующего строя», которая определялась центральным ведомством.

Поэтому в данном материале будут анализироваться документы, авторами которых были сами служащие Департамента полиции. Разумеется, в делопроизводственной документации «охранительного» ведомства не встретишь развернутых описаний их собственных политических взглядов, нет в ней и упоминаний «славянофилов» – по той очевидной причине, что их взгляды и идеи не представляли «политической угрозы». Поэтому приходится реконструировать «целое» по «частностям» посредством сопоставления большого количества документов между собой, а также посредством выявления «фигур умолчания», то есть того, о чем в политическом сыске не писали, либо упоминали мимоходом как само собой разумеющееся.

[1] Основные органы местных подразделений политического сыска – губернские жандармские управления – подчинялись одновременно Департаменту полиции Министерства внутренних дел и Военному министерству. Охранные отделения, также создававшиеся как местные подразделения политической полиции, в течение длительного времени входили в структуру градоначальств и обер-полицмейстерств, подчиняясь Департаменту полиции только опосредованно.

[2] Подробнее о социально-профессиональных типажах в политической полиции см. [26, с. 92–101].

[3] Подробнее о трактовке общественно-политических процессов жандармами см. [27, с. 514–558].

В первую очередь необходимо прояснить, как чины Департамента полиции представляли себе все общественно-политическое пространство в царствования Александра III и Николая II (до октября 1905 года). Любопытно, что это пространство в Департаменте полиции постоянно называли «легальным» [см., напр., 28], несмотря на отсутствие до октября 1905 года с формально-юридической точки зрения «легальной политики» в самодержавном государстве как таковой. Очевидным образом, революционное подполье выпадало из этого описания.

При этом чины Департамента полиции оценивали то «образованное общество», в котором они сами и жили, с многообразием легальной периодической печати, от народнического «Русского богатства» до реакционно-консервативных «Московских ведомостей», с непрерывно растущим количеством общественных организаций [см. 29, с. 3–5], активными земскими собраниями и уличными студенческими выступлениями[1].

Под «образованным обществом» здесь имеется в виду социальная категория, лучше всего описанная Я. Коцонисом в его книге «Как крестьян делали отсталыми» [31]. Уместно привести обширное определение «образованного общества», данное Коцонисом:

«Термин “общество” в значении, распространенном к 1914 г., редко обозначал население России в целом (как позже), но предполагал принадлежность к образованной и состоятельной элите, являвшейся “культурной” и “цивилизованной”. Данный термин противопоставлялся “народу” или лишенным индивидуальности “массам”. По крайней мере в знак отличия от масс “общество” было сопоставимо с интеллигенцией, которая – в минималистской версии термина – подразумевала формальную образованность, умение обобщать и абстрагировать и обладание критическими способностями, которыми обделены другие. Ссылки на “сознательного” фабричного рабочего или, гораздо реже, на сознательного крестьянина недвусмысленно намекали на многих других, которые были “несознательными” или “стихийными”. <…> Относящиеся к образованным группам термины – такие как “интеллигент”, “общество”, “дворянство”, “чиновник”, “партийность” – должны фигурировать в любом нарративе о той эпохе (включая настоящий), ибо они помогают объяснить очевидную фрагментацию политического влияния в Российской империи. В то же время эти признаки различия перекрывались общими для всего русского образованного общества исходными посылками: различные группы связывал уже тот факт, что они могли обсуждать одни и те же вопросы внутри общей для них структуры воззрений, несмотря на разницу в выводах, к которым они могли прийти» [31, с. 18].

Служащие Департамента полиции воспринимали легальное общественно-политическое пространство сложным и мозаичным, состоящим из целого ряда течений – «либералов», «конституционалистов», «оппозиционеров», «радикалов», «легальных марксистов» и, отчасти, «освобожденцев».

Наиболее важным в свете заявленного тезиса о симпатиях чинов Департамента полиции к славянофильству представляется отделение и даже противопоставление им, с одной стороны, «конституционалистов», с другой – «либералов». Говоря иначе, требование конституции, то есть преобразование «самодержавия» в конституционное государство, скроенное по западным политическим лекалам, не являлось в трактовке Департамента полиции частью «либерализма». Это, в свою очередь, расходится с общепринятым в литературе представлением о либеральном политическом проекте как проекте конституционном – для чинов Департамента полиции это было, очевидно, не так.

Служащие Департамента полиции упоминали «конституционалистов» либо отдельно от «либералов», либо называли их рядом, то есть трактуя их как близкие, но неидентич-

[1] О включенности чинов Департамента полиции в интеллектуальное пространство своего времени см. [30, с. 199–208].

ные явления [см., напр., 32]. Такие события, важные для становления либерализма в России, если судить по публицистике, мемуарам [33–36 и др.] и историографии российского либерализма [см., напр., 37], как земский съезд ноября 1904 года и «банкетная кампания» ноября-декабря этого же года были определены в политическом сыске как деятельность «конституционалистов», а не «либералов» [38].

Единственное непосредственное соотнесение «либералов» с «конституционалистами» в документах Департамента полиции возникло из-за воспроизведения терминологии секретного агента. Сам документ за подписью сотрудника Особого отдела Департамента полиции (ключевой аналитической структуры в составе Департамента) Н.Д. Зайцева был посвящен съезду земских деятелей 6–8 ноября 1904 года. Начиналась записка с характеристики парижской «конференции революционных и оппозиционных групп» сентября того же года, сведения о которой, судя по всему, были просто переписаны автором документа с донесения секретного сотрудника, так как при вычитке документа была зачеркнута фраза «по агентурным сведениям»:

«30 сентября в Париже по инициативе финляндской оппозиции состоялась конференция революционных и оппозиционных групп, решивших заключить союз для ведения общими силами в настоящее тяжелое… время борьбы с самодержавным режимом, причем русская либеральная партия (бывшая группа русских конституционалистов или освобожденцев Петра Струве) постановила [зачеркнуто «по агентурным сведениям» – *Л.У.*] продолжать свои действия на легальной почве в земских и общественных учреждениях» [38, д. 1000, л. 162 а].

Секретным агентом на этой конференции был Е. Азеф [39, с. 72–73]. Показательно доверие сотрудника Особого отдела терминологии источника своей информации, однако столь же показательно, что в последующих документах Департамента полиции аналогичное соотнесение «либералов» и «конституционалистов» отсутствует, в связи с чем его можно счесть случайным.

Расходится с историографическим образом и трактовка Департаментом полиции упомянутых в записке Н.Д. Зайцева «освобожденцев» – если в научной литературе под ними понимаются участники леволиберальной организации «Союз освобождения», которая, в частности, инициировала издание журнала «Освобождение», а в дальнейшем стала весомой частью либеральной Конституционно-демократической партии, то в политическом сыске «освобожденцами» называли только участников журнала «Освобождение», издававшегося за границей П.Б. Струве, и тех, кто его доставлял нелегально в Россию. «Освобожденцы» находились на грани «легального» и «нелегального», и оценивались в Департаменте полиции как самое опасное течение из всех, находившихся в «легальном» пространстве [40, 41].

Реконструкция представлений чинов Департамента о взаимоотношениях терминов «конституционалисты», «освобожденцы», «либералы» между собой требует определенного исследовательского усилия, так как в самих документах такое соотнесение отсутствует. Отличается в этом смысле термин «радикалы» – видимо, самоназвание определенных общественных групп, незамеченное историографией дореволюционного общественного движения. Между тем «радикалы» постоянно соседствовали с «либералами» в документах Департамента (упоминались «либеральные и радикальные кружки», «либеральная и радикальная публика», «либеральная и радикальная группы», «либеральная часть общества и радикальная молодежь», «либерально-прогрессивная и радикальная фракции» и пр. [42–46]).

То, как описывалось взаимодействие «либералов» и «радикалов», показывает разницу в восприятии этих двух общественно-политических явлений, особенно обращает на себя внимание трактовка «либералов» как «политически благонадежных». Любопытно и

совпадение этой трактовки с восприятием «либералов» и «радикалов» у современников. Один из общественных деятелей, В. Кранихельд, в 1917 году так описывал «радикалов» 1890-х годов:

«Казалось, я попал в общество людей, которым жизнь уже не сулила в будущем ничего неизведанного, заманчивого, не открывала перед ними никаких перспектив. А между тем это были в большинстве люди молодые, студенты, только недавно еще потерпевшие на своем жизненном пути некоторую и, в сущности, незначительную аварию. Несчастие их заключалось, однако, в том, что вместе с этой личной аварией терпело крушение также их миросозерцание – рушились их идеалы, их вера в будущее. И чем круче подламывала жизнь их старые верования, тем нетерпимее относились они ко всем инакомыслящим, по сектантски замыкаясь в свой маленький тесный кружок. Они добывали себе пропитание грошевыми уроками, называли себя “радикалами” и с особенной брезгливостью отзывались о местном культурном обществе – о либералах и либералишках» [47, с. 233].

Еще одно понятие, которое использовалось в делопроизводственной переписке Департамента полиции, – «легальная оппозиция». Чаще всего этот термин встречается в документах за подписью директоров С.Э. Зволянского и А.А. Лопухина, заведующего Особым отделом Л.А. Ратаева, руководителя 5-го делопроизводства В.К. Лерхе, сотрудника 3-го делопроизводства Н.А. Пешкова [48–53]. При этом «легальная оппозиция» могла быть «радикальной» (этот эпитет чаще всего использовал заведующий Особым отделом Л.А. Ратаев) и «крайней» (этот эпитет обычно употреблял сотрудник Особого отдела Н.Д. Зайцев). Историография политического сыска в качестве обобщающего термина использует формулировку «революционное и оппозиционное движение» [54, с. 117; 55, с. 43; 56, с. 5], видимо, почерпнутую из источников по истории этой государственной структуры и действительно популярное в ее документах, однако подробный анализ самой формулировки в литературе отсутствует.

В рамках данной статьи стоит отметить, что в последние годы XIX – начала XX века в делопроизводственной переписке политической полиции происходит терминологическое соединение, а затем размежевание трех понятий – «радикалы», «либералы» и «оппозиция».

Так, директор Департамента С.Э. Зволянский в записке 1896 года о тверском земстве соотнес «оппозицию» с «крайним либерализмом»: «Против… Штюрмера[1] вскоре же образовалась в губернии враждебная партия, во главе коей стали некоторые из гласных крайне либерального направления,… тем не менее… вожаки оппозиции отчасти утратили прежнее влияние на ход земских дел» [57]. В 1900–1901 годах служащие Департамента полиции в качестве обобщающих понятий нередко использовали словосочетания «либерально-оппозиционные элементы» [58–61] и «либерально-радикальная оппозиция» [62].

Однако с весны 1901 года термин «либерально-оппозиционный» исчезает со страниц делопроизводственной переписки. Вскоре после студенческой демонстрации 4 марта 1901 года, разгона ее полицией и последовавшей негативной общественной реакцией на действия полиции в документах Департамента полиции постоянным спутником слова «оппозиция» становится эпитет «радикальная», появляется термин «радикально-оппозиционная группа», более того, этот термин попадает в циркуляр, то есть становится частью нормативно-правовой базы. Автором термина, по всей видимости, был заведующий Особым отделом Л.А. Ратаев, который одним из первых в Департаменте полиции еще в первой половине 1890-х годов стал использовать понятие «оппозиционеры». В определении Ратаева 1901 года «радикально-оппозиционная группа» добивалась «низвержения в

[1] Речь идет о председателе Тверской губернской земской управы Б.В. Штюрмере, известном в основном как министр внутренних дел и министр иностранных дел в 1916 году, фигура которого среди прочих символизировала «кадровую чехарду» в исполнительной власти в годы Первой мировой войны.

более или менее отдаленном будущем существующего ныне в империи государственного строя» [63, 64]. В итоговом документе Департамента полиции, посвященном анализу событий 4 марта 1901 года, Ратаев и директор Департамента С.Э. Зволянский писали:

«Выяснены все главнейшие деятели радикально-оппозиционной группы, захватившей за последние два года руководство всем революционным движением в Петербурге и ознаменовавших свою деятельность за последнее время подстрекательством учащейся молодежи и рабочих к устройству уличных манифестаций, а либеральной части общества к предъявлению правительству разных неосновательных и неподлежащих удовлетворению требований» [65].

К лету 1901 года был подготовлен и разослан в июне этого же года губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам, начальникам ГЖУ циркуляр № 6234 за подписью министра внутренних дел Д.С. Сипягина, содержавший развернутое определение «радикально-оппозиционной группы»:

Группа «лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устраняясь от активной революционной деятельности, поставили себе задачей, путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, подготовлять в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов» [66].

В циркуляре отсутствует упоминание «либеральной части общества» как одного из адресатов деятельности «радикально-оппозиционной группы», однако в общем характеристика этой «группы» в циркуляре совпадает с описанием ее же в подготовительных документах Департамента полиции. В целом можно говорить о произошедшем терминологическом разрыве и даже противопоставлении в делопроизводственной переписке, с одной стороны, «либерального», а с другой – «радикального» и «оппозиционного».

В совокупности это означает, что чины Департамента полиции определили радикализацию легального общественного пространства в начале XX века как конституирование нового явления – «радикальной оппозиции», а не как радикализацию «либерализма». Такая трактовка политических процессов Департаментом опять же противоречит общепринятому сегодня образу дореволюционного либерализма в России. Тот политический сегмент, который был определен в Департаменте как «радикально-оппозиционный», в публицистике, мемуаристике, а затем и в историографии дореволюционного российского либерализма постфактум был назван «новым либерализмом», некоторые исследователи именно его характеризуют как «истинный» либерализм [см., напр., 67, 68 и др.].

Таким образом, «либерализм» для чинов Департамента не был связан с идеей конституции и с «оппозицией» как таковой, находясь в «политически благонадежной» части российского общества.

Далее стоит остановиться на лояльном отношении деятелей Департамента полиции к институту самоуправления, в первую очередь земского – а это одно из базовых представлений славянофилов[1]. Вероятно, отчасти это можно объяснить условно «проземской» позицией ряда министров внутренних дел – известна «проземская» записка министра И.Л. Горемыкина в полемике с министром финансов С.Ю. Витте 1899 года[2], как и попытка В.К. Плеве (неудавшаяся) найти общий язык с «земскими кругами» в 1902 году[3].

Важно отметить, что с момента усиления противоправительственных настроений в легальном общественно-политическом пространстве – усиления, описанного выше, чины

[1] Подробнее о роли самоуправления в концепции славянофилов см. [69].

[2] См., например, о посвященной земству записке министра внутренних дел И.Л. Горемыкина [70].

[3] О переговорах В.К. Плеве с земцами см. [29, с. 155–163].

Департамента полиции стали характеризовать позицию «либералов» в земском самоуправлении как «ведомую». Так, заведующий Особым отделом Департамента Л.А. Ратаев писал в 1902 году:

«Радикальная оппозиция стремится использовать в своих целях всякое общественное дело: всевозможные товарищества, потребительные и производственные союзы, профессиональные съезды, а также городские и земские учреждения. Именно эти-то последние легальные органы общественной самодеятельности, представляющие собою крошечные зачатки конституционной жизни, служат излюбленной ареною для происков так называемого "интеллигента". За спинами увлекающихся и протестующих земцев всегда стоит в качестве подсказчика земский статистик, земский писарь, земский врач, агроном и т.п. В одной губернии земские учреждения находятся под давлением заведывающего земским санитарным бюро, в другом вдохновителем является главный статистик, в третьем – заведующий по вольному найму страховым отделом и т.д.» [71, 72].

При этом земские деятели круга братьев Долгоруковых не считались неблагонадежными. Тот же Ратаев в записке 1902 года о собрании земцев на квартире Долгоруковых вычеркнул характеристику «политически неблагонадежные» [73] – видимо, это было собрание участников умеренно-либерально-консервативной группы под названием «Беседа» с активным участием деятелей самоуправления и славянофилов [29], в Департаменте, судя по реакции Ратаева, не считали такие собрания политически опасными[1].

Симпатии к институту земского самоуправления, как и вообще к низовой самоорганизации, были типичны для одного из самых известных деятелей политического сыска анализируемого периода – С.В. Зубатова, в 1896–1902 годах – начальника Московского охранного отделения, а в 1902–1903 годах – руководителя Особого отдела Департамента полиции[2].

Таким образом, чины Департамента полиции относились к земскому самоуправлению как общественному институту даже в служебной переписке если не с симпатией, то во всяком случае спокойно.

Интересно и понимание чинами Департамента полиции «умеренного либерализма». Представление об этом дает дело с перлюстрацией писем публициста либерально-народнического толка Г.К. Градовского в Лондон в 1894 году. Первое перлюстрированное письмо содержало резкую критику нового императора и чиновничества в целом, а об иностранных отзывах по поводу восшествия на престол Николая II автор писал: «Приходится удивляться тому невежеству, с которым за границей говорят о России. Нынешние "восхищения и восхваления" просто поразительны и возмущают здесь всех порядочных людей». На письме содержится помета делопроизводителя Департамента полиции: «1. обратить особое внимание на наблюдение 2. иметь в виду взгляд и сношения Гр. Градовского. Установить наблюдение за перепиской». В следующих письмах Градовский сохранял критический тон. Так, в третьем письме он писал:

«Приезд нового императора ожидают в Санкт-Петербург в четверг 27 октября. Замечу кстати, что для большинства образованного русского общества слово "царь" звучит неприятно, оно введено в моду французами и повторяется теперь во всей европейской печати. Русские говорят, что цари были в московском государстве, с тех пор как Россия при Петре Великом с перенесением столицы на берега финского залива вернула свое древнее европейское место, она имеет императоров, а не царей. Молодой император Николай II, как видно, спешит соединиться с своей столицей... Если молодой император не восстановит авторитета государственных учреждений, то явится важный вопрос: кто окажется в

[1] Деятельность тех же братьев П.Д. и П.Д. Долгоруковых летом 1905 года в «Союзе земцев-конституционалистов» была названа «крайне-либеральной», то есть она уже выходила за пределы допустимого [74].

[2] Подробнее о взглядах С.В. Зубатова см. [75].

числе его внушителей, кому удастся завладеть его доверием? Бюрократизм, подавление общественности и печати делают русского государя такой же загадкой, какую представляет Богдыхан для китайцев. Ни император не знает истинных потребностей и желаний своего народа, ни народ не имеет понятий о том, что намерен делать государь, или те внушители, через посредство которых он только и может знать, что творится в жизни».

На этом письме служащий Департамента полиции отметил: «Судя по последним двум письмам, Градовский является умеренным либералом, и только 1-ое письмо сомнительно. Посмотрим дальше». Вскоре наблюдение за перепиской Градовского было отменено [76].

Можно отметить, что «политические» рассуждения автора в третьем письме, названные читателем этого письма в Департаменте полиции «умеренным либерализмом», касались так называемого бюрократического средостения и отсутствия свободы слова, из-за чего в совокупности император не мог иметь представления о нуждах «народа».

Эти темы наряду с развитием местного самоуправления как основы участия общества в делах государства были центральными для славянофильства XIX века и для тех славянофилов, которые в начале XX века имели контакты с руководством Министерства внутренних дел, как, например, генерал А.А. Киреев[1] или председатель Московской губернской земской управы в 1893–1904 годах Д.Н. Шипов[2].

Важно и упоминание Г.К. Градовским «доверия» – одного из центральных понятий для славянофильского политического языка [об этом подробнее см. 69, с. 169–173].

Как следует из примера с письмами Г.К. Градовского, человек, поддерживавший верховную власть, признававший ее способность «заботиться» о «народе» и критиковавший всевластие бюрократии, был «умеренным либералом» и находился не только в пределах легального дискурса, но и за гранью тех явлений, которые интересовали политическую полицию. В целом можно предположить, что под «умеренным либерализмом» в Департаменте полиции понимали именно идеи славянофилов, и относились к этим идеям умеренно-позитивно.

Это расходится с общепринятым в литературе мнением об ориентации политической полиции на поддержку крайне реакционных явлений, которые с 1905 года оформились как черносотенные [см., напр., 83, с. 3; 84, с. 48; 85, с. 33; 86, с. 79; 87, с. 44; 88, с. 145–154, 233; 89, с. 251, 256. и др.]. Вполне возможно, что поддержка черносотенцев была личной инициативой отдельных служащих политической полиции, как, например, в 1906 году начальника Московского охранного отделения Е.К. Климовича [84, с. 48][3]. Несоответствие названного расхожего представления действительности подтверждает анализ партийных объединений, проводившийся в Департаменте полиции в 1906 году. Вопросы, на которые должны были ответить служащие местных отделений политического сыска, имели своей целью выяснить, в какой мере власть могла бы опираться на такие партии как Партия мирного обновления, Партия правового порядка, то есть те политические организации, которые возглавляли бывшие «шиповцы»[4].

Характерно и стремление Департамента полиции воздерживаться от репрессивных мер, причем не только в отношении «либералов», но и более радикальных «оппозиционеров» и «конституционалистов» [см. 92–97].

Например, в 1889 году Департамент полиции получил несколько настойчивых донесений московского обер-полицмейстера о «тенденциозных» докладах, имевших целью

[1] Биографию А.А. Киреева см. [77].

[2] В советской историографии «шиповцы» рассматривались как правые либералы [78–80, 37]. О программе «шиповского» либерализма см. [81, 34–36, 82].

[3] Подробно об этом пишет С.А. Степанов [90].

[4] Такой анализ по Москве и Московской губернии см. [91].

«осмеяние и опошление всех правительственных мер и порядков», в Юридическом обществе при Московском государственном университете под руководством известного общественного деятеля, профессора и в будущем – одного из основателей конституционно-демократической партии С.А. Муромцева. Директор Департамента П.Н. Дурново передал полученные сведения в Министерство народного просвещения, и только. Четыре месяца московский обер-полицмейстер ждал ответа Департамента на свое сообщение о докладе «Замечания по поводу организации местных административных и судебных учреждений» в феврале 1890 года присяжного поверенного Г.А. Джаншиева, а потом послал повторный запрос: «Не подлежит ли Джаншиев негласному надзору?». Ответ Дурново был отрицательным. Вскоре обер-полицмейстер снова писал в Департамент полиции о своем опасении, «чтобы деятельность общества при таком составе его администрации не приняла крайне радикального направления». Дурново и в этот раз не изменил своей позиции:

«О вредном направлении деятельности юридического общества в ноябре прошлого года было сообщено министру народного просвещения, который 29 ноября 1889 г. уведомил… о сделанном председателю юридического общества через попечителя учебного округа предостережении, что в случае допущения к прочтению в заседаниях общества рефератов тенденциозного характера, общество будет закрыто. В виду сего в настоящее время не встречается надобности в каких-либо распоряжениях по отношению к упомянутому обществу. К обязанности полиции надлежит лишь отнести наблюдение за происходящими в обществе чтениями, с тем, чтобы обо всем заслуживающим внимания своевременно доводилось до сведения Департамента» [93][1].

В январе 1890 года П.Н. Дурново полагал, что «в отношении Г.А. Фальборка» административные меры не нужны. В июле 1891 года на запрос начальника Московского охранного отделения о необходимости наблюдения за Д.И. Шаховским, выехавшим из Твери в Москву, он отвечал, что «можно не наблюдать». Лояльное отношение к Д.И. Шаховскому демонстрировали в 1897 году вице-директор ДП Г.К. Семякин и делопроизводитель П.Н. Лемтюжников. Так, начальник Ярославского жандармского управления, сообщая о найденной рукописи Шаховского, предлагал его допросить. На повторный запрос через месяц ярославский жандарм получил из Департамента полиции ответ: «Это философские рассуждения о понятиях русского народа о Боге, Царе и <…> ничего предосудительного в себе не заключают» [99].

С момента радикализации общественного движения в отношении некоторых его деятелей Департамент полиции пытался использовать личные переговоры. Директор Департамента С.Э. Зволянский после личной беседы с В.Г. Короленко разрешил ему повсеместное жительство в империи [100, 101]. После нелегального майского земского съезда 1902 года его организаторы Д.Н. Шипов и М.А. Стахович были вызваны к министру В.К. Плеве, который стремился договориться с Шиповым о содействии власти со стороны так называемой общественности [37, с. 136–139]. В конце 1902 года в преддверии банкета, посвященного 200-летию печати, Плеве вызывал для личной беседы Н.К. Михайловского, а директор Департамента полиции А.А. Лопухин – Н.А. Рубакина, В.И. Чарнолусского, Г.А. Фальборка и С.А. Вейнберга [37, с. 55]. Тот же Шаховской в 1903 году вместо просимой ярославским жандармским управлением административной высылки получил вызов в столицу на беседу с министром внутренних дел [102; 37, с. 95].

В феврале 1903 года директор Департамента полиции А.А. Лопухин и министр внутренних дел В.К. Плеве беседовали с председателем губернской земской управы Я.Т. Хар-

[1] П.Н. Дурново демонстрировал умеренность и в других случаях. Так, в 1891 году он предполагал разрешить Русское общество народного здравия, против которого возражал губернатор. Дурново писал: «Возражения губернатора могут быть приняты во внимание, если отдел задумает устроить народную столовую». Министр внутренних дел И.Н. Дурново полагал, что общество разрешать не следует, что и было отражено в итоговом документе [98].

ченко о печатании прокламаций в его управе. По результатам этой встречи Лопухин дал Харченко абсолютно положительную характеристику: «Харченко вполне благонамеренный человек… Он глубоко возмущен… и никакого понятия об этом не имеет, просит выяснить виновных и освободить от них управу. Из беседы с ним я вынес впечатление, что воззвания печатались кем-либо из служащих в управе по личной инициативе, а, будучи застигнут врасплох, печатавший сослался на мнимое приказание председателя» [103].

В чем причина такой в общем-то мало подходящей для политического сыска позиции – во всяком случае не строго-охранительной? Ответ на этот вопрос лежит, видимо, в сфере политических взглядов руководства политического сыска. Свою роль играло и наполнение Департамента полиции юристами – людьми с высшим юридическим образованием [104, с. 337; 105; 89, с. 197; 15, с. 56] и солидным юридическим стажем (большинство его руководителей к моменту назначения на должность директора имели длительный опыт работы в судебном ведомстве, достигавший 25–30 лет). Впрочем, в этом отношении Департамент полиции был рядовым департаментом Министерства внутренних дел: по подсчетам Д.И. Раскина, в МВД в конце XIX – начале XX века «80% высших чинов имели опыт работы на судебных (прокурорских) должностях» [106, с. 57, 77, 85; 107, с. 26–28, 323; 108, с. 32–33; 109, с. 35; 110, с. 63–64].

Служба в судебной системе должна была способствовать формированию так называемого общелиберального настроя: по общему признанию современников и историков, пореформенная судебная система была воплощением либеральной бюрократической практики, которая понималась, в первую очередь, как законничество и приоритет права [см., напр., 111, с. 3][1].

Значительная часть чинов Департамента полиции (В.К. Плеве, Н.Н. Сабуров, П.Н. Дурново, С.Э. Зволянский, Э.И. Вуич, Г.К. Семякин, П.Н. Лемтюжников и др.) получила высшее образование (или начала учиться) в «либеральные» годы: вторую половину 1850-х – начало 1870-х годов [112]. Среди их преподавателей были такие «столпы» умеренного российского либерализма как К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский [см. 113, с. 52; 114, с. 59]. Как показывает в своем исследовании С.В. Куликов, «работы апостола “старого либерализма” Б.Н. Чичерина пользовались огромной популярностью у бюрократических деятелей» [115, с. 284].

А один из сокурсников Плеве И.И. Янжул вспоминал: «Б.Н. Чичерин читал, начиная со 2-го курса, государственное право и политические учения… В то либеральное время мы, юноши, были настроены на самый либеральный камертон… Так как Чичерин начинал читать со 2-го курса, а конституционное право Дмитриев лишь на 4-м, то, собственно, мы довольно рано в университете знакомились тогда от Чичерина со всеми выгодными сторонами и важностью для государства представительных учреждений» [113, с. 52].

Подводя итоги проведенному выше обзору, стоит отметить.

Анализ соотнесения «либералов» с другими «легальными» общественно-политическими явлениями, в первую очередь «конституционалистами», позволяет сделать вывод, что Департамент полиции не ассоциировал «либерализм» с идеей развития страны по типу западного конституционного парламентаризма. Получается, трактовки Департамента полиции расходились с консервативно-охранительным дискурсом того периода, если понимать под «консерватизмом» то, что под ним и понимали современники – охранительство в духе К.П. Победоносцева, В.А. Грингмута, М.П. Мещерского: эти исторические деятели (как и жандармы из местных отделений политического сыска) соотносили политическую доктрину русского либерализма непосредственно с западным парламентаризмом[2]. Нет в делопроизводственной переписке Департамента и каких-либо упоминаний «консерватизма», что позволяло бы отнести эту идеологию хотя бы частично к их самоидентификации (опять же в отли-

[1] О предпочтении власти воздерживаться от неоправданных репрессий см., напр., [5, с. 186].

[2] Подробнее о различиях между «охранительным дискурсом» и языком деятелей политического сыска см. [27, с. 514–558].

чие от жандармов, которые нередко с явной симпатией писали о «консерваторах» [116, 117]). Получается, что и консерватизм в его охранительном варианте не был близок Департаменту полиции. Точно также нет оснований заподозрить его в симпатиях к тем течениям, которые в литературе известны под объединяющим названием «либерализм», а в самом Департаменте назывались «конституционалистами», «радикалами», «оппозиционерами».

В целом представляется возможным утверждать, что в неоформленной политической палитре Российской империи рубежа веков ближе всего руководству политического сыска было умеренно-либерально-консервативное славянофильство. Это дополнялось лояльным отношением к самоуправлению и земским деятелям, завуалированной критикой «бюрократического средостения», стремлением договориться с общественными деятелями путем личных переговоров, намеренным воздержанием от репрессивных мер реакционно-охранительной направленности по сохранению незыблемым «самодержавия».

Весь этот комплекс представлений, который корректно назвать «государственническо-славянофильским», только еще ждет своего полноценного исследования, которое поможет ответить на вопрос, насколько весомой была славянофильская альтернатива в истории России рубежа XIX–XX веков, не только с точки зрения общественной мысли, но и из перспективы реформирования государства самой бюрократией, с одной стороны, без слепого следования западным образцам, а с другой – и без внутреннего толчка в виде революции.

Литература

1. *Соловьев К.А.* Славянофильство как метаязык лояльной оппозиции [Электронный ресурс] // Русская Idea. 2016. 21 января / Режим доступа: https://politconservatism.ru/prognosis/slavyanofilstvo-kak-metayazyk-loyalnoj-oppozitsii
2. *Щеголев П.Е.* Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004.
3. *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1961.
4. *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1966.
5. *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.
6. *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. М., 1986.
7. Правовой механизм преодоления бюрократизма: Науч.-аналит. обзор.. М., 1991.
8. *Шпакова Р.П.* Макс Вебер о демократических реформах в России начала XX в. // Макс Вебер, прочитанный сегодня. СПб., 1997.
8. *Головков Г.З.* Канцелярия непроницаемой тьмы: Политический сыск и революционеры. М., 1994.
9. Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.
10. *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. (Истории в романах, повестях и документах). М., 1998.
11. *Красильников С.А.* Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX в. // Интеллигенция России в конце XX в. Екатеринбург, 1998.
12. *Макарин А.В.* Бюрократия в системе политической власти. СПб., 2000.
13. *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.
14. *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М., 2001.
15. *Иванов А.В.* Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи, 1880–1917 гг.: Дисс. … канд. юр. наук. М., 2001.
16. *Чудакова М.С.* Противостояние: политический сыск дореволюционной России, 1880–1917. Ярославль, 2003.
17. *Кравцев И.Н.* Тайные службы империи. М., 1999.
18. *Борисов А.Н.* Особый отдел империи: История заграничной агентуры российских спецслужб. СПб., 2001.
19. *Джанибекян В.* Провокаторы: воспоминания, мысли и выводы. М., 2002.
20. *Макаревич Э.Ф.* Политический сыск: офицеры и джентльмены: истории, судьбы, версии. М., 2002.
21. *Сысоев Н.Г.* Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. М., 2005.
22. *Симбирцев И.* На страже трона: Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. М., 2006.
23. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1906.
24. *Ульянова Л.В.* Национальная катастрофа как следствие консервативной междоусобицы [Электронный ресурс] // Русская Idea. 2016. 6 октября / Режим доступа: https://politconservatism.

ru/thinking/natsionalnaya-katastrofa-kak-sledstvie-konservativnoj-mezhduusobitsy

25. *Ульянова Л.В.* Политическая полиция и либеральное движение (1880–1905 гг.). Дисс. … канд.ист.наук. М., 2009.

26. *Ульянова Л.В.* Социально-профессиональный портрет политической полиции Российской империи (1880–1905) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2009. Вып. 2 (9).

27. *Бибикова Л.В.* Политическая полиция, консерваторы и социалисты: игра либерализмами в публичном и непубличном политическом пространстве Российской империи в конце XIX – начале XX века // Понятия о России: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 576 с.

28. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 528. Л. 5.

29. *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа»: В поисках новой политической реальности, 1899–1905. М., 2009.

30. *Ульянова Л.В.* Политическая полиция как интеллектуальная среда (конец XIX – начало XX века) // Пути России: Современное интеллектуальное пространство: Школы, направления, поколения. Т. XVI. М.: Университетская книга, 2009. 552 с.

31. *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. М., 2006.

32. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 550. Л. 49; Д. 1000. Л. 1.

33. *Веселовский Б.Б.* История земства. СПб., 1911. Т. 3.

34. *Белоконский И.П.* Земское движение. М., 1914.

35. *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

36. *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22.

37. *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.

38. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 3. Ч. 10. Т. 1. Л. 9; Д. 1000. Л. 10–11, 40–40 об., 49–49 об., 52, 63–63 об., 75–76, 97–98 об., 107, 124, 137, 150; Т. 2. Л. 47, 45, 61; Д. 1250. Л. 51.

39. *Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

40. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2.Ч. 3. Л. 18, 19 об. – 20 об., 22, 2 –24; Лит. Б. Л. 1, 16; Д. 6. Ч. 47. Л. 91; Д. 13. Ч. 3. Л. 3–5; Ч. 13. Л. 1–1 об.; Д. 14. Ч. 57. Л. 10, 68

41. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1195. Л. 28, 44–48; Д. 1250. Л. 128.

42. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 635. Л. 120, Л. 138–143; 1895. Д. 450. Л. 3–4.

43. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. А. Л. 195.

44. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел.1902. Д. 1555. Л. 7.

45. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1903. Д. 150. Л. 1.

46. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906. 1 отделение. Оп. 235. Д. 373. Л. 5 об.

47. *Кранихельд В.* В.Я. Яковлев-Богучарский (по материалам Департамента полиции, Московского охранного отделения и по личным воспоминаниям) // Былое. 1917. № 1 (23).

48. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 6.

49. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 3–16.

50. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1899. Д. 1055. Л. 157.

51. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 13. Ч. 16. Л. 11.

52. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 200. Л. 29.

53. Николай II и самодержавие в 1903 г.: из итогов перлюстрации // Былое. 1918. Вып. 2 (30).

54. *Ефремов В.А.* Сыск в политической полиции самодержавной России: историко-правовой аспект.: Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 1996.

55. *Дорохов В.Г.* Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг.: Дисс. … канд. ист. наук. Кемерово, 2005.

56. *Гладышева Е.Е.* Политический сыск в России в начале XX в. (1902 – февраль 1917 г.) на примере Саратовской губернии.: Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

57. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 12.

58. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 853. Л. 51, 52.

59. ГАРФ. Ф. 102. 7 делопроизводство. 1903. Д. 1791. Л. 45 об.

60. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 115. Л. 36 об.

61. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 923. Л. 2; Оп. 252. Д. 21. Л. 129, 143–144.

62. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 672. Л. 4; Д. 923. Л. 2, 4.

63. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 723. Л. 2.

64. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. Д. 5. Ч. 6. Лит. П. Т. 2. Л. 25 об.

65. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898. Д. 2. Ч. 5. Т. 1. Л. 64.

66. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 434. Л. 58.

67. Либерализм в России: сборник статей. М., 1996.

68. *Сиземская И.Н.* Новый либерализм: учение о правах человека и государственной власти // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. М., 2000.

69. *Межуев Б.В., Ульянова Л.В.* Русский консерватизм и народное представительство // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 167–177.

70. *Гайда Ф.А.* Борьба за земство или эффективные менеджеры против самоуправления [Электронный ресурс] // Русская Idea. 2017. 22 ноября / Режим доступа: https://politconservatism.ru/thinking/borba-za-zemstvo-effektivnye-menedzhery-protiv-mestnogo-samoupravleniya

71. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. Оп. 230. 1902. Д. 835. Л. 3об. – 4.

72. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1195. Л. 45.

73. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 1688. Л. 37.

74. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 2 отделение. Д. 999. Ч. 43. Л. 24.

75. *Ульянова Л.В.* С.В. Зубатов – «полицейский социалист» или левый консерватор [Электронный ресурс] // Русская Idea. 2015. 30ноября / Режим доступа: https://politconservatism.ru/thinking/sergey-zubatov-politseyskiy-sotsialist-ili-levyy-konservator

76. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1894. Д. 1791. Л. 5–6.

77. *Медоваров М.В.* Александр Киреев. СПб., 2019.

78. *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.

79. *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1977.

80. *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.

81. Второй съезд земских деятелей. СПб., 1904. 6–9 ноября.

82. *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1982.

83. *Гессен В.М.* Исключительное положение. СПб., 1908.

84. *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928.

85. *Аврех А.Я.* Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны // История СССР. 1987. № 6.

86. *Чернышевский В.Д.* Полиция как орудие карательной политики царизма (1881–1894 гг.) // Освободительное движение в России. Саратов, 1989. Вып. 12.

87. *Мулукаев Р.С.* Полиция в России (IX в. – начало XX в.). Нижний Новгород. 1993.

88. *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

89. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 4-е изд. М., 1997.

90. Степанов С.А. Черная сотня в России. М., 2005.

91. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906. 2 отделение. Оп. 236. Д. 828. Ч. 18.

92. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 85. Д. 138. Л. 5

93. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 87. Д. 503. Л. 7, 11, 13–16.

94. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1891. Д. 527. Т. 1. Л. 152, 153; Т. 2. Л. 12, 31

95. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 4 об.

96. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 528. Л. 5

97. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 923. Л. 1–2 об.

98. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Д. 396. Л. 20.

99. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1891. Д. 527. Т. 1. Л. 152, 153; Т. 2. Л. 12.

100. В.Г. Короленко под надзором полиции, 1876–1903 // Былое. 1918. Кн. 7. Июль. № 13.

101. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1903. Д. 1992. Л. 4.

102. ГАРФ. Ф. 102. 7 делопроизводство. 1903. Д. 1791. Л. 93.

103. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1902. Д. 1679. Л. 5.

104. *Перегудова З.И.* Политический сыск России. М.: РОССПЭН, 2000.

105. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 7.

106. *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.

107. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.

108. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX в.: Социально-историческая судьба. М., 1999.

109. *Раскин Д.И.* Специализация высшей российской бюрократии XIX – начало XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994.

110. Раскин Д.И. Империя столоначальников // Родина. 2003. № 1.

111. *Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В.* Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX в. М., 1997.

112. Во главе Департамента полиции: формулярные списки барона И.О. Велио, В.К. фон Плеве, П.Н. Дурново, Н.И. Петрова, Н.Н. Сабурова, А.Ф. Добржинского, С.Э. Зволянского, А.А. Лопухина, С.Г. Коваленского, П.И. Рачковского, Н.П. Гарина, Э.И. Вуича, М.И. Трусевича, Н.П. Зуева // Из глубины времен. Вып. 4–8. СПб., 1995–1997.

113. *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном с 1864–1909 гг. М., 2006.

114. *Щетинина Г.И.* Идейная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX вв. М., 1995.

115. *Куликов С.В.* Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): М-лы научно-теор. конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004.

116. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1901. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 10 об.

117. ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 30. Лит. А. Л. 4.

Аннотация. В статье рассматривается политический дискурс чиновников руководящей структуры политического сыска – Департамента полиции – на хронологическом отрезке с 1880-го (создание Департамента полиции) до октября 1905 года, когда победил западнический в своей основе конституционный проект. Сравнительно-сопоставительный анализ понятийного аппарата («конституционалисты», «оппозиционеры», «радикалы», «либералы»), использовавшегося в Департаменте полиции, позволяет прийти к выводу, что руководство политической полиции Российской империи не употребляло «реакционно-охранительный» дискурс, не разделяло его, а симпатизировало умеренно-либерально-консервативному варианту политического развития. Наряду с этим в Департаменте полиции было популярно лояльное отношение к земскому самоуправлению и земским деятелям, завуалированная критика «бюрократического средостения», стремление договориться с общественными деятелями путем личных переговоров, намеренное воздержание от репрессивных мер реакционно-охранительной направленности по сохранению незыблемым «самодержавия». Всё это позволяет утверждать, что деятелям Департамента полиции была близка именно славянофильская общественно-политическая доктрина.

Ключевые слова: славянофильство, политическая полиция, бюрократия, Департамент полиции, либерализм, бюрократический дискурс, государственный аппарат Российской империи.

Lyubov V. Ulyanova, PhD in History, Teacher, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief, “Russian Idea” site. E-mail: ulianovalv@gmail.com

Police Department and Slavophil Political Discourse

Abstract. The article analyzes the political discourse of the officials of the main political surveillance structure, – the Police Department, – in the period of 1880s (organization of the Department) and until October, 1905, when the Western-type Constitution project finally prevailed. The comparative analysis of the conceptual instruments (“Constitutionalists”, “Oppositionists”, “Radicals”, “Liberals”) typically used in the Police Department allows one to come o the conclusion that the leaders of the Russian empire political police did not follow the “reactionary and protective” discourse, did not share its postulates, but preferred the moderate-liberal-conservative path of political development. Along with that, the Police Department also demonstrated loyal attitude to zemsky administration and zemsky figures, covert criticism of “bureaucratic mediastinum”, the tendency to come to an agreement with public figures through personal negotiations, intentional omittance of reactionary and protective repressive measures in preserving autocracy. All this allows to come to the conclusion that the officials of the Police Department shares Slavophil public and political doctrine.

Keywords: Slavophilism, Political Police, Bureaucracy, Police Department, Liberalism, Bureaucratic Discourse, Russian Empire State Apparatus.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-137-146

Александр Гребенщиков

Адмирал А.С. Шишков: предтеча славянофилов

Адмирал Александр Семенович Шишков (1754–1841) оставил заметный след в отечественной истории. В разные годы он занимал ключевые должности в Российской империи. Во время войны с французами 1812–1814 годов Шишков являлся Государственным секретарем Александра I, с 1813 года и до конца жизни возглавлял Российскую императорскую академию, с 1814-го был членом Государственного совета, в 1824–1828 годах пребывал на посту министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий (1824–1828). В истории общественно-политической мысли России Шишков был причастен к формированию двух интеллектуальных течений: теории официальной народности и славянофильства. Русский историк и дипломат Д.Н. Свербеев отмечал: «Он, так сказать, бессознательно первый воплотил в себе тричастный Русский символ “православие, самодержавие, народность”, который стал программой царствования Николая I, девизом Уварова и славянофилов» [1, стлб. 170].

Для славянофильского направления русской мысли, которое наиболее ярко и талантливо выразили А.С. Хомяков, братья Киреевские и Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, были характерны представления об особой роли православной веры в России, о самобытности страны и ее «особом пути» отличном от пути Запада, а также идейная ориентация на древнерусские и допетровские основы культуры, идеализация обычаев простого народа, культивирование русского национального сознания. Антитезой этому течению выступало отечественное западничество, рассматривавшее Россию как часть европейской цивилизации.

Применительно к рубежу XVIII–XIX столетий российское западничество было тесно связано с именем раннего Н.М. Карамзина. Основатель сентименталистского литературного жанра видел будущее отечественной словесности в заимствованиях из французского языка, что являлось одним из средств приобщения России к европейскому Просвещению. Другими признаками присущего молодому Карамзину западничества служили его утверждения об исключительной роли Петра I в отечественной истории, об отсталости допетровской России и интеллектуальном превосходстве над ней европейцев, о необходимости для русских следовать за ними вплоть до отказа от собственной славянской уникальности: «Немцы, Французы, Англичане были впереди русских, по крайней мере, шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их, – отмечал историограф в своих «Письмах русского путешественника». – Все жалкие Иеремиады об изменении Русского характера, о потери русской нравственной физиогномии, или не что иное как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не та-

Гребенщиков Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет. E-mail: sasha.g.87@yandex.ru

ковы как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских» [2, с. 254].

Схожие с Карамзиным мнения были присущи многим литературным критикам Шишкова, видевшим в нем почитателя допетровских обычаев: «Как можно <…> заставлять нас идти по стопам предков наших с бородами и хотеть, чтобы просвещенные нации не имели никакого над нами влияния? – отмечалось в анонимном письме. – <…> Вы этак захотите обуть нас в онучи и одеть в зипуны» [3, с. 342]. В журнале «Московский Меркурий» П.И. Макарова говорилось о необратимости европеизации России и об «отсталости» позиции адмирала: «В отношении к обычаям и понятиям мы теперь совсем не тот народ, который составляли наши предки; следственно хотим сочинять фразы и производить слова по своим понятиям, нынешним, умствуя как французы, как немцы, как все нынешние просвещенные народы. Неужели сочинитель для удобнейшего восстановления старинного языка хочет возвратить нас и к обычаям и к понятиям старинным» [4, с. 60]. К.Н. Батюшков в 1809 году в письме к Н.И. Гнедичу отзывался о сторонниках Шишкова как о ценителях невежественной старины: «Любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы, обычаи, от которых мы отдалены веками, и что еще более, целым веком просвещения? Зачем же эти усердные маратели восхваляют все старое?» [5, с. 92].

Таким образом, Шишков рассматривался своими оппонентами как ретроград, который стремился положить конец благотворному влиянию западного Просвещения на Россию. С положительной стороны его убеждения оценивал отец славянофилов И.С. и К.С. Аксаковых С.Т. Аксаков. В молодости он зачитывался его «Рассуждением о старом и новом слоге российского языка», восторгаясь националистическим пафосом сочинения: «Я уверовал в каждое слово его книги, как в святыню! Русское мое направление и враждебность ко всему иностранному укрепились сознательно, и темное чувство национальности выросло до исключительности» [6, с. 178]. Аксаков одним из первых заговорил об адмирале как о предтече славянофильства: «Собственно же за русское направление, за славянофильство, как бы Шишков ни понимал его криво, которое он исповедовал и проповедовал с юных лет до гробовой доски, которого был мучеником, – он имеет полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность» [6, с. 184].

В начале XIX века слово «славянофил» связывалось с «шишковистским» направлением, для которого были характерны попытки развивать литературный русский язык преимущественно на основе своеобразно интерпретируемого церковно-славянского языка. По словам основателя шутливо-пародийного общества «Арзамас» Ф.Ф. Вигеля, Шишков «имел славу быть первым у нас славянофилом» [7, ч. 2, с. 55], «главой славянофилов или варягороссов, как их тогда называть начали» [7, ч. 3, с. 150]. П.А. Вяземский утверждал, что «славянофильство Шишкова было своего рода славянофильство кабинетное, литературное, а еще более голословное, корнесловное, буквальное. Он в мир исторический, гражданский и политический не заглядывал» » [8, с. 483].

В то же время об отсутствии прямой связи между взглядами Шишкова и московских славянофилов середины XIX века – А.С. Хомякова, И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева – утверждал академик А.Н. Пыпин: «Славянофилов нельзя серьезно сравнивать с Шишковым и его приверженцами, как это делал Белинский в разгаре полемики. Они любят старину не таким наивно-грубым образом, и многое в их понятиях было бы для Шишкова китайскою грамотой» [9, с. 235]. Однако сами славянофилы признавали известную связь между собой и Шишковым. Так, А.С. Хомяков утверждал:

«Мы не стыдимся Шишкова и его славянофильства. Как ни тесны были еще его понятия, как ни тесен круг его требований, он много принес пользы и много бросил добрых семян. Правда, почти вся литература той эпохи, все двигатели ее были на стороне Карамзина, но не забудьте, что Грибоедов считал себя учеником Шишкова, что Гоголь и Пушкин ценили его заслуги, что сам Карамзин отдал ему впоследствии справедливость» [10, с. 207].

В советский период консервативные взгляды адмирала по преимуществу расценивались как обскурантизм и «охранительство». Уже на излёте советского периода Н.И. Цимбаев вообще отрицал какую-либо преемственность между взглядами Шишкова и славянофилов, которых он трактовал как представителей либерального лагеря: «Связи с идеями Шишкова, даже в смысле неприятия, отталкивания, у них не было» [11, с. 13]. Однако следует признать, что по большей части и современники Шишкова, и исследователи русского общественного движения и общественной мысли, напротив, признавали связь между взглядами Шишкова и славянофилов. Тем не менее до самого последнего времени мало кто брался детально доказать наличие подобной связи. Представляется, что подробный анализ взглядов Шишкова не оставляет сомнений в том, что эта связь существовала.

Александр Семенович Шишков принадлежал к старинному дворянскому роду. В первой половине XIV века его далекий предок «Юрий Лозынич приехал из волынской земли в Тверь» [12, л. 1]. В Тверской губернии находилось небольшое родительское поместье. В провинции Шишков получил патриархальное воспитание, в основе которого лежало чтение церковных книг, любовь к русской природе, к семье, рассказы о славных временах Петра I, народные песни и звучные оды М.В. Ломоносова [13, с. 4].

Знакомство с Европой у Шишкова началось во время обучения в Морском шляхетском кадетском корпусе. В ходе морской практики в 1771 году он стал участником кораблекрушения у берегов Швеции. Познания в немецком языке позволили ему вести переговоры со шведами об эвакуации, размещении, питании и медицинской помощи потерпевшим. Он посещал дома местной знати, изучал шведский язык, а в «знаменитом Кадетском корпусе» Карлскроны «получил самый лестнейший аттестат» от «профессора фон Салдерна» [14, л. 1].

Во время другого морского похода в 1776–1779 годах Шишков посетил Копенгаген, английский Портсмут, Гибралтар, Стамбул, исколесил Италию. Молодой моряк с большим интересом изучал итальянский язык, местный быт, нравы и достопримечательности. Он симпатизировал итальянской жизни и культуре эпохи Возрождения. Его взору открывались изящные соборы, дворцы, каналы, торжественные площади, виноградники, великолепные дороги, дома «из дикого камня», непривычная для сельской картины России близость крестьянских жилищ к возделываемым полям [15, с. 624]. Молодой Шишков почти не выказывал неприязни к Западу. Однако исчерченная французскими ругательствами греческая часовня надолго осталась в его памяти как символ варварства французов [16, с. 29]. Иным ему представлялся мусульманский Восток: Стамбул казался грязным и невзрачным, а турки раболепными и чванливыми. Предваряя внешнеполитические идеи славянофилов, адмирал сочувствовал судьбе православных христиан, находившихся под властью османов, пылал надеждой «обратить» главную мечеть Стамбула, именуемую у христиан храмом Св. Софии, «в прежнюю православную церковь» [16, с. 39].

Мотивы славянофильских идей прослеживаются в литературных произведениях Шишкова и его переводах иностранных сочинений. Сюжет самого раннего из них – драмы «Невольничество» – выстраивался вокруг событий русско-турецкой войны 1768–1774 годов [17, с. 1–32]. Главные герои пьесы имели нарочито русские имена (Добромысл, Любослав, Честана), что подчеркивало национальный характер литературного произведения. Центральным символом их единения выступала Екатерина II, пекущаяся о вызволении из турецкого плена горячо ей преданных русских невольников.

Впоследствии Шишков усматривал в ее правлении как благотворное влияние Запада на Россию, так и обращение к национальным традициям. В подобранных им рассказах современников, известных как «Достопамятные сказания об императрице Екатерине Великой», она представала в образе блюстительницы законов и свободы. Иностранцы восхищались распространением в России при Екатерине II просвещения, искусств, художеств, ремесел, расширением торговых связей с Европой, великолепием Петербурга, победами над врагами, обширностью империи [18]. Отвечая на критику оппонентов, он характеризовал ее как эталонную выразительницу русских народных начал: «Великая Екатерина мудростью правления своего распространила, возвеличила, прославила Россию; но мудрость не отторгала ее от отечества: она любила Русскую землю, Русской народ, Русской язык, Русские обычаи. Сама ходила в Русском платье. Сама сочиняла великолепные зрелища, представляющие древние Русские обыкновения. Сама в известные времена в чертогах своих учреждала Русские игры, не столько для собственного увеселения своего, сколько для показания народу своему, что она любя его, любит и все, даже и самые простые, забавы его и обряды» [19, с. 252].

Славянофильская идеализация старины впервые прослеживается у молодого Шишкова в связи с его литературными контактами в масонской среде. В 1780-х годах он являлся почетным членом «Ложи Нептуна» в Кронштадте [20, с. 2–39]. В масонском журнале «Беседующий гражданин» адмирал разместил переведенное с французского языка стихотворение «Старое и новое время», которое в нравоучительном тоне превозносило старину и осуждало пороки современности. Честность, умеренность, воздержанность, совестливость и добродетельность людей прошлого противопоставлялись нравам нового времени, где царили мздоимство в судах, бесталанность, невоспитанность и бесстыдство. Автор текста, будто повидавший жизнь мудрый старец, после каждой строфы с горькой иронией принимался за кашель. С переводом «Старого и нового времени» на русский язык М.Г. Альтшуллер связывал взгляды Шишкова на дальнейшее развитие России: «Всю свою жизнь Шишков стремился к принципиально недостижимой цели: возродить и оживить ту утопическую Россию, которой на самом деле никогда не существовало» [21, с. 42].

Развитию антизападнических настроений Шишкова способствовала Великая французская революция 1789 года. В «Оде на покорение Польши» он осуждал якобинский террор и рационализм Просвещения. Французские философы представали в образе «суемудрых» «икаров», «противившихся Богу», хуливших небеса [22, с. 146]. России отводилась роль оплота традиционных ценностей, в основе которых лежала вера в Бога и преданность монархии. Взаимоотношения между верховной властью и народом изображались им в патриархально-идиллическом ключе, что подразумевало отеческую заботу правителей о своих подданных и сыновнее уважение к ним со стороны народа.

О потомках Екатерины II Шишков имел нелестное мнение. В правлении ее сына Павла I он выделял «уничижительное подражание пруссакам», а в царствовании любимого внука императрицы Александра I отмечал забвение народных обычаев и традиций, распространение «имен вольности и равенства, приемлемых в превратном и уродливом смысле», «новых понятий, возникших из хаоса чудовищной французской революции» [23, т. 1, с. 3, 82, 84].

Как видно, критика «новизн», пришедших в Россию с Запада, у Шишкова была сопряжена с апологетикой старых порядков. Во многом консервативный характер носила начатая им литературная полемика первого десятилетия XIX века с карамзинистами. В ее ходе он говорил о «порче» словесности под влиянием революции во Франции: «Когда чудовищная французская революция, поправ все, что основано было на правилах веры, чести и разума, произвела у них новый язык, далеко отличный от языка Фенелонов и Расинов, тогда и наша словесность, по образу их новой и немецкой, искаженной французскими названиями словесности, стала делаться непохожею на русский язык» [24, с. 259].

В своем программном сочинении «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) Шишков наряду со справедливыми мыслями о богатстве отечественного литературного наследия, высказывал спорные суждения о безнравственности французских книг, бесплодности французского языка, о необходимости очистить отечественный лексикон от иностранных слов и неологизмов, заменив их придуманными отечественными эквивалентами (геометрия – землемерие, физика – естествословие, астрономия – звездочетство [25, с. 403]).

Его позиция вызывала негодование европеизированного общества. Оппоненты адмирала, по словам Н.И. Греча, «громогласно защищали Карамзина и галлицизмами насмехались над славянщизною» [26, с. 156–157]. В ход шли прямые оскорбления Шишкова: «Вы смешны! Вы без всякой модификации глупый господин! Вы не имеете никакой моральности. Мысли ваши как у молодого ребенка совсем не развиты. Вас надобно снова воспитать! Какая идея защищать аще и бяще! Ха, ха, ха! Вы бы еще побольше привели примеров из прологов и часовников! Ха, ха, ха! Это, право, хороший образчик вашего ума! Ха, ха, ха» [3, с. 342]!

Язык в понимании адмирала являлся средоточием народного «духа» и «разума» [3, с. 28], «мерилом образа мыслей и нравов» народов [24, с. 257]. В условиях соперничества национальных культур он выступал с идеей превосходства отечественной словесности над иностранной. Церковно-славянский язык, по его мнению, был «отцом многих наречий», «сродным» эллинскому, процветал пятью веками раньше французского [3, с. 2, 51], являлся «древнейшим и первейшим», заключал в себе корни всех языков [23, т. 2, с. 392]. В сущности, из национально-романтических представлений адмирала о русском языке и его древнем славянском корне вытекала идея торжества русского духа над западными народами. Присущий Шишкову национализм был характерен для славянофилов. По мнению Ю.З. Янковского, определяющим признаком славянофильства выступает «идея русской национальной исключительности, то есть имманентного, изначального превосходства России над другими нациями» [27, с. 18].

Подобно другим славянофилам, Шишков отмечал важную роль православной веры в формировании русской национальной идентичности: «Народ российский всегда крепок был языком и верою. Язык делал его единомысленным, вера – единодушным. Двести лет стонал он под игом татар, но в языке и вере пребыл непременен» [28, с. 161]. По его словам, вера – «единственный человеческого благополучия источник, из которого народоправитель почерпывает мудрость, закон, силу, судья правду, полководец мужество, земледелец трудолюбие, воин храбрость и бесстрашие» [28, с. 174]. Вера же способствует искоренению человеческих пороков, что делает ее универсальным инструментом общественного развития. Она же, по мысли Шишкова, является залогом отличного от западного пути развития России: «Благодаря Святой Вере, научающей нас воздавать Божие Богови и Кесарево Кесареви, благодаря наследственным нам от предков наших благим нравам, Россия еще не такова» [19, с. 243].

У славянофилов середины XIX века православие выступало как антагонистическая католицизму и протестантизму ветвь христианства. В западных христианских конфессиях они видели рационалистические и индивидуалистические начала, благодаря которым народы Европы пошли не тем путем, по которому издавна следовал русский народ, руководствовавшийся православием.

У Шишкова эти идеи еще не приобрели доктринального характера. Однако в своей государственной деятельности конца Александровского царствования он испытывал враждебные чувства к распространению в России западного мистицизма с оттенком протестантства. Будучи министром народного просвещения и главноуправляющим духовными делами иностранных вероисповеданий, он осуждал распространение иностранных мисти-

ческих сочинений и священных книг, переведенных Библейским обществом с церковнославянского на литературный русский язык. Этим он коренным образом расходился с прежним подходом в религиозной политике: «Новый министр выступил на свое поприще под знаменем православия и народности самым ярым борцом против всяких духов неправоверия и мистицизма, занесенных с нечестивого запада при Голицыне, и пуще всего против Библейского общества, которое считал главным их гнездом», – отмечал историк русской церкви П.В. Знаменский [29, с. 65]. Космополитизм в религиозной политике у Шишкова прочно ассоциировалась с распространением ересей, расколов, отпадением от православия, подготовкой бунтов, а также экуменизмом и республиканизмом. Истинная цель «библейцев», согласно одному из его писем к Александру I, заключалась в том, чтобы «составить из всего рода человеческого одну какую-то общую республику и одну религию» [23, т. 2, с. 228].

Важнейшим проявлением антизападничества Шишкова являлась его критика галломании российского общества. Галломания проявлялась в подражании французам в быту, одежде, образе мыслей и в предпочтении их языка русскому. Она, по мнению адмирала, развивала у русских чувство национальной неполноценности: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям последует; такой народ уничтожает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением» [3, с. 226].

Начало преклонения российского общества перед иностранцами адмирал возводил к временам Петра I и Елизаветы Петровны. По его словам, «во времена Елизаветы склонность к подражанию иностранцам, а более французам, мало по малу, стала вливаться в воспитание наше, и под видом просвещения отводить от всего отечественного» [24, с. 257].

Предшествующий период российской истории виделся ему сквозь призму глубокой народной религиозности: «Мы оставались еще до времен Ломоносова и современников его при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божьем, при умствованиях о наших христианских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию» [32, с. 423]. В сущности, Шишков предвосхищал славянофилов с их апелляцией к идеалам допетровской Руси.

Причины преклонения перед Западом Шишков видел во французском воспитании дворян. Кучера, парикмахеры, беглецы, политически неблагонадежные люди, которые не нашли себе места во Франции, по словам адмирала, учили «презирать благочестивые нравы предков наших и насмехаться над всеми их мнениями и делами» [3, с. 253].

Вице-адмирал рисовал неприглядную картину тотальной зависимости правящего сословия от выходцев с Запада: «Воспитывают и всему обучают нас иностранцы. Дома наши, храмы, здания строят они же. Убирают и украшают их внутри они же. Обувают и одевают нас, жен наших, дочерей и сыновей они же. Без них не умели бы мы ни занавесок развесить, ни стульев расставить, ни чепчика, ни кафтана, ни сапогов на себя надеть. Кареты, коляски, комоды, кресла и все домашние для нас приборы делают они же, руками русских. Детей наших стоять прямо, кланяться, танцевать, верхом ездить, смотреть на лорнет, и проч., и проч., обучают они же. Оркестрами и театрами увеселяют нас они же. По крайней мере, кушанья на кухнях наших готовят нам русские повара? Нет, и то делают они же» [27, с. 253]!

Необходимо отметить, что критика российского западничества у Шишкова не была огульной. Он признавал необходимость заимствования у французов научных и культурных достижений. Однако его огорчало, что подражание преимущественно коснулось бытовых мелочей: «Вместо занятия от них единых токмо полезных наук и художеств, стали пере-

нимать мелочные их обычаи, наружные виды, телесные украшения, час от часу более делаться совершенными их обезьянами» [3, с. 251].

Центральная для славянофилов тема отказа России от своего особого пути при Петре I также поднималась Шишковым. В начале литературной полемики адмирал не видел трагедии в сближении страны с Западом при царе-реформаторе: «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из Россиян сделать Голландцев, Немцов, или Французов; не желал Русских сделать не Русскими» [25, с. 462]. По словам Шишкова, «тогда вызывались корабельные мастера, хлебопашцы, художники, а не учителя для воспитания наших детей» [25, с. 457].

После Отечественной войны 1812 года у адмирала сформировалось негативное отношение к петровской вестернизации. В письме к вдовствующей императрице Марии Федоровне от 25 мая 1816 года он отозвался на ее планы формирования национальных кадров преподавателей как на попытку исправить ошибки Петра I: «Он ввел науки и просвещение, но не взял осторожности не допустить вместе с ними войти духу уничижения. Отселе есть у нас науки, но нет их корня; есть просвещение, но не собственное свое, а потому не позволяющее быть нам самими нами; мы почитаем себя как бы творением рук чуждых народов. Отселе начало нравственного нашего рабства, от которого мы, при всей силе и торжестве оружия, освободиться не можем; ибо от сего не силой оружия освобождаются, но духом честолюбия и народной гордости, тогда только рождающейся в душах наших, когда воспитывают нас собственные наши отцы, матери и наставники» [30, л. 7].

Западный вектор развития, заданный России Петром I, по мнению Шишкова, способствовал появлению у русских своего рода комплекса национальной неполноценности. Кроме того, этот вектор у него ассоциировался с революцией. В написанном после сожжения столицы «Известии из Москвы» адмирал осуждал «ужасы революции», призывал порвать с французами и их просвещением все связи [31, с. 53]. Тем самым галломанию отечественного общества он ставил в одну плоскость с французской революцией. Во время чтения этой бумаги перед Александром I Шишков напомнил ему о западничестве Петра I, «поколебавшего коренные обычаи и нравы» [23, т. 1, с. 160].

Еще определеннее адмирал связал революционность с западничеством после восстания декабристов: «Кто были тогдашние заговорщики, умышлявшие с лишением жизни тогда еще царствовавшего, ныне покойного императора уничтожить престол и повергнуть матерь свою Россию в безначалие в раздоры и междоусобия? Кто были сии одуревшие от чужих наставников россияне? О срам! Чиновники, дворяне, ученики чужеземцев, воспитанные в новом духе просвещения, наслышавшиеся, начитавшиеся новых книг, изгнавших из голов их рассудок, из сердец их веру и долг повиновения царю, и любовь к отечеству. Пример неслыханный в России!» [18, л. 18].

Нужно сказать, что враждебность к революции являлась одной из черт славянофильства. После революционных событий 1848 года в Европе К.С. Аксаков призывал Николая I уничтожить «западное» направление, проникающее в Россию с Петра I, проявившее себя в восстании декабристов. Он радовался тому, что «обличается ложь Запада», «избранная им дорога» привела Запад к «разрушению», предлагал «отделиться от Запада», идти своим путем «святой Руси» [11, с. 155–156]. Этот нереволюционный путь, по его понятиям, заключался в том, что русский народ «негосударственный», «не интересуется вопросами государственного и общественного устройства», в том, что для России первостепенным делом были «вера и спасение души» [11, с. 157].

В вопросе об идеальной форме правления в России Шишков был убежденным сторонником самодержавия. В «Рассуждении о любви к отечеству» он называл государя «поставленным от Бога отцом и главой народной» [28, с. 180]. Впрочем, его приверженность самодержавию ограничивалась рамками соблюдения монархом русских традиций и отсут-

ствием с его стороны тирании. Убийство Павла I Шишков оправдывал тем, что оно избавило общество от «беспрестанного страха», в которое его погрузил «тиран» [23, т. 1, с. 79]. По словам адмирала, смерть императора хотя и была «преступлением ужасным, но до такой степени для всех вожделенным, что виновники оного не могли быть ни осуждаемы, ни обвиняемы» [23, с. 82]. Славянофил К.С. Аксаков также отдавал предпочтение неограниченной «православной монархии», считая республиканское и конституционное устройство «лицемерием». Однако в отличие от Шишкова он не обожествлял самодержавие, называя монархию «небоготворимой», «не требующей веры в ее совершенство» [11, с. 157]. Кроме того, славянофилы надеялись, что в будущем самодержавие сможет сочетаться с широкой гласностью и всенародным представительством.

В ходе литературного спора начала XIX века Шишков затронул славянофильскую тему раскола в русском обществе на прозападное образованное меньшинство и верные национальным традициям народные массы. В своем ответе на критику «Московского Меркурия» адмирал рисовал картину презрения просвещенного дворянства к обычаям предков и сохранившим эти обычаи неграмотным селянам: «Что ж в предках наших было худого, и чем докажете вы, что другие народы были их лучше? Буде же мы за худость обычаев их возьмем, что они не все то знали, что мы ныне знаем, так, во-первых, это не их вина: время на время не походит; а во-вторых, просвещение не в том состоит, чтоб напудренный сын смеялся над отцом своим ненапудренным. Мы не для того обрили бороды, чтоб презирать тех, которые ходили прежде или ходят еще и ныне с бородами; не для того одели короткое немецкое платье, дабы гнушаться теми, у которых долгие зипуны. Мы выучились танцовать минуэты; но за что же насмехаться нам над сельскою пляскою бодрых и веселых юношей, питающих нас своими трудами? Они так точно пляшут, как бывало плясывали наши деды и бабки. Должны ли мы, выучась петь итальянские арии, возненавидеть подблюдные песни?» [25, с. 459].

«Простой народ» во взглядах Шишкова был носителем патриархальных начал. Подобно другим славянофилам, он выделял в нем, преданность монархии и православию, а также нереволюционность. Консерватизм неграмотных народных масс служил адмиралу источником критики изменнически настроенного по отношению к самодержавию просвещенного общества: «Часто Минины с бородами и простые воины, поступающие из земледельцев, которых не называют образованными, оказывали великие отечеству услуги и умирали за Бога и Царя. Напротив того, из осужденных за 14-е число Декабря 1825, да забудется день сей, едва ли не все по наружному виду и наукам были образованные люди, но по заблуждению ума, неутвержденного в Вере и Законе Божием, сделались хуже необразованных» [32, л. 1 об.].

Положительное восприятие допетровской Руси и традиционной народной культуры, критика европеизированного общества и противопоставление ему простого народа, апелляция к чувствам национальной гордости русских и определение особого безреволюционного пути развития России через приверженность к православию и самодержавию – это те принципы, которые позволяют рассматривать Шишкова как предтечу славянофильства.

В отличие от адмирала, «московские славянофилы» середины XIX века рассматривали возможность укрепления социальной гармонии в обществе через создание Земского собора как элемента народного представительства, выступали против «мерзости» крепостного права, требовали введения местного самоуправления и широкой гласности, а также впервые поставили вопрос о большой роли в будущем страны общины, в которой видели иммунитет против пролетаризации крестьянства, антитезу индивидуализму, свойственному западноевропейской жизни. При всей разнице в конкретно-исторических обстоятельствах развития славянофильской мысли в России, одно остается неизменным: «Славянофильство было и есть не что иное, как русское направление» [6, с. 182].

Литература

1. [*Свербеев Д.Н.*] Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым: из записок Д.Н. Свербеева // Русский архив. 1871. № 1. Стлб. 162–182.

   2. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 720 с.

3. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1824. Ч. II. С. 1–356.

4. *Галахов А.Д.* История русской словесности, древней и новой. СПб.: Типогр. Морского министерства, 1868. Т. II.: Первая половина. 472 с.

5. *Мордовченко Н.И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 430 с.

6. *Аксаков С.Т.* Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове / С.Т. Аксаков // Собр. соч.: в 2 т. М.: Изд-во А.А. Карцева, 1909. Т. 2. С. 178–227.

7. [*Вигель Ф.Ф.*] Записки Филиппа Филипповича Вигеля: Издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). М.: В Университетской типографии, 1891–1893. Ч. 1–7.

8. *Вяземский П.А.* Старая записная книжка // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского: в 8 т. СПб., 1883. Т. 8.

9. *Пыпин А.Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1873. 514 с.

10. *Хомяков А.С.* Разговор в Подмосковной / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 8 т. М.: Университетская типография, 1900. Т. 3. С. 202–230.

11. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1986. 274 с.

12. Родословная Шишковых (на бум. с инициалами «Д.К.»). 2-я пол. XIX в. // ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

13. *Стоюнин В.Я.* Исторические сочинения. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1880. Ч. 1: Александр Семенович Шишков. 371 с.

14. Записка Шишкова А.С. о его службе с 1767–1828 гг., составленная по случаю его представления к «Знаку отличия беспорочной службы» (копия). Март 1828 г. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

15. *Шишков А.С.* Русский путешественник прошлого века за границею. (Собственноручные письма А.С. Шишкова 1776 и 1777 г.) // Русская старина. 1897. Т. 90. № 6. С. 619–632.

16. [*Шишков А.С.]* Записки адмирала А.С. Шишкова, веденные им во время путеплавания его из Кронштадта в Константинополь. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1834. 117 с.

17. *Шишков А.С.* Невольничество: Драма в одном действии // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1828. Ч. XII. С. 1–32.

18. *Шишков А.С.* Разные записки // ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 3, 4.

19. *Шишков А.С.* Ответ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное в «Вестнике Европы» № 8, апрель 1807 г. под заглавием «Письмо из города N.N. в столицу» // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1828. Ч. XII. С. 236–261.

20. *Соколовская Т.О.* О масонстве в прежнем русском флоте // Море. 1907. № 8. С. 2–39.

21. *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 448 с.

22. *Шишков А.С.* Ода на покорение Польши // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1831. Ч. XIV. С. 143–154.

23. [*Шишков А.С.*] Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова: в 2 т. / изд-е Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлин: Типогр. И.С. Скрейшовского, 1870. Т. 1, 2.

24. *Шишков А.С.* Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1824. Ч. III. С. 247–388.

25. *Шишков А.С.* Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», или собрании критик изданных на сию книгу // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1824. Ч. II. С. 357–466.

26. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. 396 с.

27. *Янковский Ю.З.* Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840 – 1850-х годов. М.: Худож. лит., 1981. 373 с.

28. *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1825. Ч. IV. С. 147–185.

29. *Знаменский П.В.* Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I. Казань: Типогр. ун-та, 1885. 248 с.

30. Рескрипты, грамоты и письма Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и лиц царствующей фамилии к А.С. Шишкову (с приложением описи рескриптов и грамот на имя Шишкова с 1698 по 1934 г.) (копии), 1786–1836 гг. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. 90 л.

31. *Шишков А.С.* Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну. СПб.: Типогр. Императорской Российской Академии, 1831. 301 с.

32. Мнение министра народного просвещения А.С. Шишкова о вреде образования, высказанное при обсуждении цензурного устава 1826 г. (список с пометкой Шишкова А.С.) // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

Аннотация. Славянофильское направление русской общественно-политической мысли сформировалось в середине XIX века. Славянофилы А.С. Хомяков, братья Киреевские и Аксаковы, Ю.Ф. Самарин полагали, что Россия имеет принципиальные отличия от Запада и что европейский путь развития для нее гибелен. Адмирал А.С. Шишков был среди тех, кто предвосхищал эти идеи. В статье рассматриваются сходства и различия во взглядах адмирала и славянофилов. Освещаются основные вехи биографии А.С. Шишкова.

Ключевые слова: славянофильство, консерватизм, национализм, особый путь, либерализм, галломания, западничество.

Alexander E. Grebenshchikov, PhD in History, Voronezh State University, E-mail: sasha.g.87@yandex.ru

Admiral A.S. Shishkov: the Forerunner of the Slavophiles

Abstract. The Slavophile trend of Russian socio-political thought was formed in the middle of the 19th century. The Slavophiles A. Khomiakov, brothers Kireevsky and Aksakovy, Ju. F. Samarin believed that Russia had differed fundamentally from the West, so the European path of development was disastrous for it. Admiral A.S. Shishkov was among those who anticipated these ideas. In the article the author examines the similarities and differences in the views of the admiral and the Slavophiles and reviews the main events of A.S. Shishkov's life.

Keywords: Slavophilism, Westernism, Conservatism, Nationalism, Special Way, Liberalism, Gallomania.

Прошлое как современность

Раздел третий

А.Б. Панченко
Модель национального государства Ю.Ф. Самарина: между архаикой и модерном

Г.В. Талина
«Самодержавная монархия»: теоретический концепт Ю.Ф. Самарина и историческая реальность

А.И. Любжин
Урок анатомии доктора Самарина

С.В. Перевезенцев
«Богом утвержденный государю…» Образ государя в сочинениях конца XV–XVII веков

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-149-155

Алексей Панченко

Модель национального государства Ю.Ф. Самарина: между архаикой и модерном

Взгляды Ю.Ф. Самарина на национальный вопрос (особенно в контексте его позиции по отношению к остзейским немцам) являются достаточно хорошо изученными [8, 14, 16, 17]. Основной акцент в публикациях исследователей делается на этнокультурный компонент нации и противостояние идей национального государства и модернизирующейся империи. Творчество Ю.Ф. Самарина рассматривается как важная часть славянофильского дискурса о народе и нации. В то же время в этих работах не представлена та модель национального государства, которая противопоставлялась Самариным империи. Несмотря на важность именно этнокультурной составляющей, не следует сбрасывать со счетов и социально-политическую плоскость существования национального государства, особенно учитывая факт многолетней работы Юрия Федоровича в комиссиях по подготовке крестьянской реформы, конечная цель которой виделась им в создании сообщества граждан, не разделяемого сословными перегородками. Определенную трудность здесь представляет тот факт, что Самарин в своих сочинениях чаще использовал не понятие нации или национального государства, а концепты «народ» и «народность».

Проблема эта усугубляется еще и тем, что, как писал А. Каппелер: «С одной стороны, феномены образования наций и национальных движений в царской империи вписываются в общеевропейские типологии и схемы, подтверждают их и дифференцируют… С другой стороны, становится ясным, что в царской империи обнаруживаются особенности, которые требуют расширения границ привычных моделей» [6, с. 424]. Если к настоящему времени в общественных науках произошел отказ от разделения наций и национализмов на этнические и политические и признается сосуществование обоих этих элементов, то вопрос соотношения между ними остается открытым. По замечанию К. Калхуна: «Национализм опирается на культурные традиции и этничность, но ни его форму, ни исторически специфическое распространение в современную эпоху невозможно объяснить этими факторами. Скорее необходимо рассматривать прежде всего способы, которыми национализм образует дискурсивную формацию, определяющую развитие современного государства и в то же время пытающуюся совладать с ним. Одним из основных аспектов этого является попытка обеспечить широкое участие в управлении государством» [5, с. 239]. Поэтому, обращаясь к творчеству Ю.Ф. Самарина, необходимо определить место этнического и политического в рамках его модели национального государства, поскольку в разные периоды его деятельности на первый план выходил то один, то другой аспекты.

Наконец, еще одну проблему представляет отсутствие общепризнанной модели национального государства, что связано с существованием принципиально различных

Панченко Алексей Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного университета. E-mail: alexeypank@rambler.ru

подходов к феномену нации и национализма. В качестве условного определения, основанного на работах Б. Андерсона [2], Э. Хобсбаума [18], Э. Геллнера [3], Э. Смита [15], можно принять следующее. Национальное государство – это политическая форма организации граждан, обладающих (по крайней мере гипотетически) равными правами (в том числе политическими), на определенной, строго ограниченной территории, чье единство поддерживается общей семиотической системой, транслируемой в доступных всему населению формах. Ключевыми элементами в этой модели будут граждане, обладающие равными для всех правами именно как индивиды, а не члены каких-либо сообществ; власть, осуществляемая на всей территории непосредственно, без наличия слоя «посредников»; система символов, норм, ценностей и т.д., общая для всех членов сообщества; механизмы трансляции этой системы, позволяющие донести ее до каждого члена сообщества, независимо от места его проживания внутри государственных границ. При этом следует учитывать, что граждане могут входить и в другие сообщества, помимо нации, но факт членства в них не может давать или лишать каких-либо прав, важных для всех членов нации, а также нарушать единство семиотической системы. Модель национального государства в творчестве Ю.Ф. Самарина будет рассмотрена через призму именно этого определения.

По всей видимости, вопросы, связанные с формированием национального государства, стали интересовать Самарина в середине 1840-х годов, во время его службы в Риге, куда он был направлен с ревизией положения местных крестьян. Как указывают А.А. Тесля и Е.А. Труханов: «В “Письмах из Риги” впервые отчетливо была изложена, пусть и по частному поводу, политическая программа, исходившая из видения Российской Империи как национального государства – точнее, из перспективы рассмотрения движения Империи в направлении трансформации в национальное государство» [17]. «Письма из Риги» вышли из печати в 1849 году, но уже в письмах К.С. Аксакову в начале 1846 года проявились основы его концепции. Характеризуя положение латышей-крестьян, он писал: «...народ, угнетенный высшим сословием, просит помощи у русского правительства и зовет его на помощь и освобождение» [13, с. 171]. Уже сами формулировки отражают особый статус Остзейских губерний в составе Российской империи, как фактически независимого государства, что в дальнейшем будет подвергаться Юрием Федоровичем неоднократной критике. Но еще показательнее его понимание того, что должно было сделать имперское правительство: «Принимая сторону народа, до сих пор чуждого ему и отделенного от него высшим сословием, против верного и преданного сословия дворянского, правительство, очевидно, действует наперекор себе, своему духу и направлению, как правительству отвлеченному, немецкому. В этом деле оно представляется защитником начал народного, религиозного, антиаристократического и протестантского, следовательно, в некотором смысле и, разумеется, бессознательно, подчиняет свой произвол отвлеченной власти всем этим началам» [13, с. 171]. По сути, речь идет о необходимости антидворянской революции сверху, целью которой является устранение слоя, мешающего непосредственному взаимодействию народа и правительства. Эта революция позволит превратить правительство из имперского в национальное. Понимая, что такого рода мысли являются недопустимыми в текущих условиях, Самарин просил своего адресата никому не показывать письма и не говорить о его содержании. Таким образом, уже в начале 1846 года начинает формироваться самаринская модель национального государства, где первым элементом становится власть, лишенная «посредников». Во многом это близко к лозунгам Великой французской революции, где Людовику XVI предлагали стать королем французов.

Важно отметить, что латыши в данном случае рассматриваются не как этническое меньшинство, которое надо русифицировать (само понятие русификации применитель-

но к этому периоду имеет множество смыслов и уровней[1]), а как социальный слой, который следует эмансипировать. Несмотря на то, что для Ю.Ф. Самарина (как и других славянофилов) вопрос этничности (народности) был одним из ключевых, но в контексте формирования национального государства он отходил на второй план, хотя и не исчезал полностью. Скорее можно говорить о сочетании в едином целом двух компонентов: социального и религиозного. В это время у Самарина начинает формироваться такое понятие народа, которое может рассматриваться как двуединое понимание нации. Так, в письме К.С. Аксакову говорилось: «Я начал писать статью о народе или, лучше сказать, о религиозном характере вопроса о значении народа. Мне хочется развить в ней ту мысль, что оправдание народа, как народа (не возведение его на другую ступень посредством распространения грамотности и т.д.), предполагает непременно признание односторонности и ложности логического знания, того знания, на котором основана вся современная образованность, и признание превосходства того знания, которое Хомяков называет жизненным, об определении которого хлопочет Шеллинг и Мицкевич. Одним словом, народ, как народ, может быть оправдан только с точки зрения религиозной» [13, с. 175–176]. А в самой статье, упомянутой в письме (но так и не опубликованной), эта мысль была выражена еще отчетливее: «Народ является без всякой особенности, явлением народным упраздняется идея сословия вообще. Народ значит целое – целое значит единство жизни – единство жизни предполагает равенство живущих, предполагает уравнение личности перед единым источником жизни – Богом» [цит. по: 14, с. 176]. Таким образом, народ – это бессословная общность равных перед Богом граждан. Важным здесь является то, что равенство исходит не из правовых норм (равенство перед законом), а исключительно из религиозных.

Вообще отношение к писаному законодательству у Ю.Ф. Самарина кардинально противоречило идее правового государства. Примерно в 1851–1853 годах, в статье, так и не опубликованной при жизни автора, он следующим образом изложил свою политическую доктрину: «Не обаяние отвлеченной власти, иначе силы, и не формальная законность связывает в России подданных с государем. Русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека от головы до ног. В основании любви подданных к государю лежит вера и народность» [9, с. 285]. Именно вера оказывается тем аргументом, который объясняет как равенство всех граждан, так и ограничивает пределы власти, которая является легитимной только в случае следования божественным заповедям. Наличие законодательства не может ограничить произвол императора, но тот в свою очередь должен ограничивать сам себя, свидетельствуя перед Богом. Именно поэтому власть не должна быть «отвлеченной» (в смысле формальной, опирающейся на поддержку дворянства, являющегося космополитическим сословием), ей следует опираться на весь народ, существование которого определяется с религиозных позиций. Нынешнее же состояние верховной власти, не учитывающей нужды народа, объясняется не целенаправленной политикой, не осознанным отчуждением себя от него, а бессознательным заблуждением, виной которому действия всей «земли» в лице конкретных исполнителей [13, с. 179–180]. То есть дело не в системе как таковой, а в ошибочных поступках отдельных чиновников, которых вполне можно переубедить, направив их деятельность в полезное для народа русло.

Исходя из того, что для Юрия Федоровича было характерно понимание народа как в первую очередь социального слоя, а не этнической общности, можно по-другому

[1] Это хорошо показано в работе А.И. Миллера [7, с. 54–77]. Так, в частности, он говорит о принципиально разном значении слов «обрусеть» (то есть сделаться русским) и «обрусить» (сделать русским), которые использовались в различных дискурсах. Помимо добровольной и принудительной форм, русификация подразумевает и несколько уровней: «элитарный» и «народный»; сфер проявления: религиозная, языковая; способов осуществления: активная и пассивная и т.д.

оценить его высказывания из «Писем из Риги». Самарина часто называют сторонником идеи русского национального (в плане этнонационального) государства или даже одного из основоположников лозунга «Россия для русских» [4, с. 22–23]. В таком качестве его, видимо, воспринимали и многие современники, в том числе и Николай I. Известны слова, сказанные императором во время беседы с Ю.Ф. Самариным, подвергнутым заключению за это сочинение: «…Вы очевидно возбуждали вражду немцев против русских, вы ссорили их, тогда как следует их сближать; вы укоряете целые сословия, которые служили верно: начиная с Палена, я мог бы высчитать до 150 генералов. Вы хотите принуждением, силою, сделать из немцев русских, с мечом в руках, как Магомет» [12, с. XCI]. Однако фактически, в этих письмах речь шла не о немецком этносе (или остзейцах как этнической группе), а о сословии, живущем по собственным узаконениям, вступающим в противоречие с общеимперским законодательством. Именно в этом смысле были написаны строки: «Чтобы быть полновластными господами у себя, Остзейские привилегированные сословия должны располагать волею правительства, иными словами: быть господами у нас. Они давно это поняли; но мы до сих пор не могли еще понять, что Остзейский вопрос, по этой причине, имеет огромную важность для нас всех, для России; ибо, повторяю опять, одно из двух: или мы будем господами у них, или они будут господами у нас» [12, с. 106].

Соответственно речь шла не о необходимости обрусить прибалтийское дворянство или латышское крестьянство (от чего в той же беседе с Николаем I открестился сам Самарин), а исключительно о приведении к унификации и создании единого политического и социального пространства. Собственно и программа преобразований, предлагаемая Самариным для крестьянства прибалтийских губерний, не включала в себя ни слова о русификации в каком бы то ни было смысле: «…дать ему: 1) неотчуждаемую поземельную собственность, 2) право перехода в соседние губернии на условиях, 3) право приобретения земель, 4) для Русских: право селиться на условиях в поместьях Остзейских помещиков. Само собою разумеется, что право приобретения земель распространится на все сословия» [13, с. 415].

Эта идея вполне вписывалась в рамки гражданского националистического дискурса, хотя и была непривычна в России, где упор делался на культурно-языковую составляющую национализма. В этом плане взгляды Ю.Ф. Самарина могли бы маркироваться как близкие не славянофилам, а их оппонентам из западнического лагеря, однако представление о главенствующей роли религии, а не писанного права, делало невозможным их полное сближение. Однако религия рассматривалась Самариным не столько как откровение или система догматов (что сильно отличало его, например, от А.С. Хомякова), сколько как «бытовое исповедничество». Характеризуя переход латышей в православие, он писал: «Православное движение, по моему убеждению, началось вследствие свободной потребности; потребность эту потому только нельзя называть чисто-религиозною, или, лучше, исключительно-религиозною, что для простого народа, в противоположность образованным классам, религия еще не отрешилась от жизни, как сухая догматика и отвлеченное нравоучение, как предмет логического постижения. Народ понимает перемену религии, как преобразование всего его быта; духовная потребность богослужения, материальная потребность куска хлеба и уголка земли, сознание опоры, которую он найдет в правительстве, вражда к презирающему его землевладельцу – все это выразилось в настоящем событии» [13, с. 417]. Такое прагматичное понимание религии позволяло избегать возможных конфликтов, связанных с толкованием отдельных постулатов и превратить ее в часть объединяющей идеологии, понятной основной массе населения. В условиях малограмотности крестьянства империи, именно православные приходы должны были играть роль создания единой семиосферы.

Столь же прагматично рассматривался Ю.Ф. Самариным и вопрос народности, под которой он (как и практически все его современники) понимал набор черт, отличающих один народ от другого, причем понятие народа в данном случае трактовалось в соединении религиозного и политического начал (француз-католик, немец-протестант). Наличие этих черт не просто выполняет дифференцирующую функцию, но и позволяет решать различные задачи, в том числе и научного характера. В статье «Два слова о народности в науке» он выделял следующие возможности: «С одной стороны, сродство мысли познающей с мыслью, проявившею себя исторически, заключает в себе одно из существенных условий постижения внутреннего смысла и побудительных причин, вызвавших эти проявления. С другой, непричастность народного воззрения к предубеждениям и односторонностям, налагающим свое клеймо на воззрение других народов, дает возможность общечеловеческому воззрению постепенно расширяться и освобождать себя от тесных рамок, временно его ограничивающих» [10, с. 118–119]. Таким образом, народность ценна не сама по себе, а как источник возможностей для развития в различных областях, в том числе для внесения вклада в копилку мировых достижений.

Как видно, схема национального государства у Ю.Ф. Самарина в целом вписывается в рамки базовой модели: отсутствие слоя посредников в управлении, равенство граждан независимо от места их проживания, единая семиосфера. Отличие видится в отношении к тому, каким образом должно регулироваться взаимодействие между властью и населением. Если для традиционной схемы эту роль играет правовая система, то для Самарина – вера и народность. Был и еще один принципиальный момент: представление об общине как важнейшем элементе социальной структуры. В статье «О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе» он указывал: «В этом совокупном владении землею заключается коренная, ничем не заменимая основа нашего сельского общинного устройства. Каждая наша деревня глубоко сознает себя чем-то по природе своей единым, цельным и живым; это сознание проявляется во всех ее действиях и находит полнейшее выражение в многозначительном слове мір» [11, с. 84]. Исходя из этой посылки, Самарин был сторонником сохранения общинного землевладения после отмены крепостного права, считая такую форму организации крестьян исконной и потому наиболее подходящей для России. Находясь в плену распространенного на тот момент заблуждения о родовом происхождении общины[1], он считал общину результатом свободного выбора крестьян, понимая ее как первичный уровень самоуправления. Однако тот факт, что земля была собственностью всей общины, а отдельными наделами крестьяне не могли полностью самостоятельно распоряжаться, делает невозможным рассмотрение крестьянина как полностью независимого субъекта. Поэтому можно говорить о том, что в модели национального государства Самарина права крестьянина как индивидуума были серьезно ограничены, он становился частью нации только как член сообщества, выйти из которого мог только с согласия всех остальных членов. Это делает самаринскую модель близкой не модерным концепциям нации, а гораздо более архаичным, в которых места отдельным индивидуумам просто не было.

Таким образом, хотя модель Ю.Ф. Самарина в большинстве элементов ближе к базовой модели национального государства, чем к модернизирующейся империи (главное сходство с последней заключалось в признании религиозной связи между правителем и подданными), но в ней сохранялась и крайне архаичная черта – община как полноправ-

[1] В настоящее время это утверждение опровергнуто, община как социальное явление считается порождением классового общества. Причем русская община, по всей видимости, была создана только в XVII веке по инициативе помещиков, которые таким образом получали инструмент контроля за своими крестьянами [см. 1, с. 69–131]. При этом для второй половины XIX века представление о глубокой древности поземельной общины разделяли практически все в России, независимо от идеологических взглядов.

ный субъект, подменяющая собой понятие индивидуального гражданства. В то же время национальное государство у Самарина базируется не на принципе этничности (который хотя и присутствует, но носит прикладной характер), а на идее равенства сословий и отдельных регионов перед верховной властью, что сближает его с пониманием нации как сообщества граждан, независимо от их этнического происхождения и конфессиональной принадлежности.

Литература

1. *Алаев Л.Б.* Сельская община: «Роман, вставленный в историю»: Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: URSS, 2016. 480 с.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
3. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
4. *Иванов А.А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.
5. *Калхун К.* Национализм. М.: ИД «Территория будущего», 2006. 288 с.
6. *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 395-435.
7. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
8. *Пирожкова Т.Ф.* «Страшная книга» Ю.Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского государственного университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 3. С. 130–151.
9. *Самарин Ю.Ф.* <На чем основана и чем определяется верховная власть в России> // Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 266–286.
10. [*Самарин Ю.Ф.*] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. I: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. М.: Т-во типогр. А.И. Мамонтова, 1877. X+402 с.
11. [*Самарин Ю.Ф.*] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. II: Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. М.: Т-во типогр. А.И. Мамонтова, 1878. XI+444 с.
12. [*Самарин Ю.Ф.*] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. VII: Письма из Риги и История Риги. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1889. CXXXV+658 с.
13. [*Самарин Ю.Ф.*] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. XII: Письма 1840–1853. М.: Т-во типогр. А.И. Мамонтова, 1911. XII+477 с.
14. *Скороходова С.И.* Понятие «народ» в историософии Ю.Ф. Самарина и славянофилов // Наука и школа. 2013. С. 174–178.
15. *Смит Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
16. *Тесля А.А.* Остзейский вопрос в переписке 1846–1848 годов [Электронный ресурс] // Хронос / Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2011/tessamarin.php
17. *Тесля А.А., Труханов Е.А.* «Письма из Риги» Ю.Ф. Самарина в контексте споров о нации и империи [Электронный ресурс] // Хронос / Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2011/tes_tru.php
18. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.

Аннотация. Творчество Ю.Ф. Самарина традиционно рассматривается через призму его принадлежности к славянофильству. Его точка зрения на государство противопоставляется идее сложной империи, основанной на неодинаковом взаимодействии центральной власти с элитами национальных окраин. При этом для Самарина первичным было понимание нации не как этнокультурной общности, а как бессословного сообщества равных граждан, находящихся в одинаковом положении перед лицом императора. Отношение к религии и народности у Самарина носило прагматичный характер, они понимались как средство для создания единого коммуникативного пространства внутри государства. Эта позиция в основном укладывалась в рамки базовой модели национального государства, однако существовало принципиальное отличие. Для Самарина базовой единицей национального государства являлся не индивидуум, а сельская община, являвшаяся собственником земли. В результате модель национального государства представлялась как синтез модерных (бессословность, прагматизм, равенство) и архаических (общинность) черт.

Ключевые слова: Ю.Ф. Самарин, национальное государство, Российская империя, национальный вопрос, национализм

Panchenko Alexey Borisovich, PhD in History, Associate Professor, Social and Humanitarian Education Department, Surgut State Pedagogical University. E-mail: alexeypank@rambler.ru

Yu.F. Samarin's Model of the National State: Between Archaic and Modern

Abstract. Yu. F. Samarin's works are traditionally viewed through the prism of his affiliation with Slavophilism. His view of the state is opposed to the idea of the complex empire based on unequal interaction of the central power with the elite of national districts. At the same time it was important for Samarin to see the nation not as an ethnocultural community, but as classless community of equal citizens, who were in identical position in the face of the emperor. Samarin's attitude to religion and nationality had pragmatic character and were understood as means for the creation of the uniform communicative space inside the state. This position for the most part conformed with the framework of the national state basic model, however there still existed one fundamental difference. Samarin considered not an individual, but the rural community that owned the land, to be the basic unit of the national state. As the result the model of national state was viewed as the synthesis of modernistic (classlessness, pragmatism, equality) and archaic (communality) features.

Keywords: Yu. F. Samarin, National State, Russian Empire, Ethnic Issue, Nationalism.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-156-166

Галина Талина

«Самодержавная монархия»: теоретический концепт Ю.Ф. Самарина и историческая реальность

Триада «Православие – Самодержавие – Народность», став своего рода девизом теории официальной народности и русского консерватизма, в трудах славянофилов скорее представала в последовательности «Православие – Народность – Самодержавие». Относить ли славянофильство к либеральному, либо консервативному направлению – вопрос, который стал предметом дискуссии и окончательного ответа так и не получил. Для славянофильства в целом идея о сохранении монархического строя в России чуждой не являлась. Из всех представителей этого течения общественной мысли Ю.Ф. Самарин традиционно позиционируется как монархист. Концепция мыслителя, который не только выявлял пороки русского самодержавия, но и в середине XIX века связывал с ним будущее России, представляет интерес именно с точки зрения оценки специфики и трансформаций русской монархии.

Понятия «монархия» и «самодержавие» не тождественны. С какого момента вести отсчет самодержавной форме правления – до конца не ясно и сейчас. Последние Рюриковичи или первые Романовы, кто из них стал самодержцем? Следует ли считать, что «самодержавие» – это абсолютная монархия? Каждый историк, занимавшийся этим предметом, дал свой ответ на вопрос.

В данной статье нас в первую очередь интересует проблема зарождения и трансформации самодержавия в России в представлениях Самарина, его видение кризисных и переломных моментов в истории отечественного самодержавия, его аргументация необходимости сохранения такой формы правления.

Изначально отметим, что Самарин противник такого понятия, как «единая, всесовершенная и безусловно применимая форма правления». Философ полагал такое утверждение заблуждением в области политики. В одной стране может существовать монархия, в иной – республика, главное же состоит в том, чтобы форма гармонировала с содержанием: «Чем свободнее форма облекает содержание, чем вернее проявляет собою сущность его, тем лучше форма и тем она прочнее» [2, с. 268–269]. «Выработать себе государственную форму, монархическую, ограниченную или неограниченную, аристократическую или республиканскую – это дело самого народа. Каждый народ создает себе власть по своим потребностям и убеждениям, и эта власть, им поставленная, получает значение власти, обязательной для каждого лица…» [4, с. 314].

С этих же позиций философ подходил к идее богоданной власти. Утверждение о том, что Церковь, благословляя идею государства (народный союз под общепризнанною

Талина Галина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. E-mail: gtalina@yandex.ru

властью), освящает одну-единственную из форм государственного союза, Самарин считал плодом, порожденным неверующими и неверием в целом. Церковь, с его точки зрения, не препятствует политическому прогрессу, не пытается осудить его, как посягательство на божественную заповедь [5, с. 53]. Считать, что духовные тексты, в которых постоянно говорится о царях, являются доказательством того, что «форма власти предустановлена и неизменна по существу своему, и всякое ограничение ее каким-либо иным правом получило бы характер посягательства на божественную заповедь», в корне не верно. В период, когда эти тексты составлялись, иной формы правления не было [3, с. 75–76].

Задолго до Самарина и его современников в русскую политическую традицию проникла идея, противопоставляющая монархию деспотии на основании того, что первая опирается на закон, вторая же является выражением произвола правящего лица. Самарин возражал против, казалось бы, давнего и практически незыблемого для России понимания власти. Для него законная власть, как и всякая другая, может быть направлена как на добро, так и на зло.

По Самарину, отсутствие понятия о законности – некое общерусское явление, свойственное всем сословиям, социальным и чиновным группам сверху донизу. Государи времени дворцовых переворотов оправдывали свои права на престол всем, чем можно (от кровного родства до якобы существовавшего желания подданных). Сами подданные «стояли в стороне» и «равнодушно смотрели» на то, как от их имени, но без их ведомства подавались прошения, лежащие в основе властных решений. Служилое сословие погрязло в интригах, духовное сословие – в бесконечном изменении собственного мнения в угоду власть имущим.

Где закон, там и право. В то время как для других народов пределы власти записаны в конституциях и хартиях, русский человек «не домогается юридического, формального ограничения верховной власти, но ясно сознает ее назначение и ее естественные пределы» [2, с. 273]. А может быть, этих пределов не существует, или они вовсе не нужны, поскольку власть не требует «посторонней опоры, ее основание – в ней самой», по отношению к ней существуют только верноподданные? Самарин категорически возражал против такого понимания власти. Отнимите у власти ее предел, останется только сила, которая в отношении к подданным будет ничем иным, как насилием. Олицетворением подобного насилия предстают такие исторические личности, как Чингисхан и Наполеон.

Интересно, что для Самарина такие понятия, как «формальная законность» или «отвлеченная власть» характеризовались со знаком «минус». Отношения русского народа и власти больше, чем подданство, их основа – верность, любовь к государю, как к человеку русскому и православному. Самарин выводил формулу: «В основании любви подданных к государю лежит “вера и народность”» [2, с. 285]. Православная церковь изначально (в отличие от церкви католической и протестантской) занималась вопросами духовными, не вмешиваясь в вопросы светской власти. «Народность» – это и свойства нации, сформировавшиеся в определенных исторических условиях, в ту или иную историческую эпоху. Однако же «народность» – это и те ценности, которые народ признает, пока не достиг, но к которым он стремится.

На более конкретных примерах, приводимых Самариным, мы видим, что вера в государя рождается там, где, с одной стороны, его отличают такие действия/деяния, как прекращение (хотя бы временное) владычества чужеземцев, восстановление национальной чести, поднятие престижа державы на международной арене (подъем на небывалую высоту знамени двуглавого орла). В основе этого – твердая вера самого государя в необыкновенные способности и возможности своего народа. С другой стороны, вера народа в государя сродни с сочувствием подданных к своему самодержцу, с актами милосердия с его стороны, такими, как отмена смертной казни [2, с. 284].

Ставя вопрос о власти в России как незаконной, философ неизбежно был должен ответить и на вопросы о том, что такое законная/незаконная власть, всегда ли власть русских государей была незаконна, существовал ли в истории России какой-либо поворотный, переломный момент, приведший к господству данной незаконности, предпринимались ли попытки изменить существующее положение?

Самарин писал: «Какими признаками отличается государь законный от незаконного? Законным должно почитать того, кому достался престол по праву наследства. А давно ли так?» [2, с. 274]. «Так» – это порядок установленный Павлом I. 5 апреля 1797 года во время его коронации в Успенском соборе московского Кремля был обнародован «Акт о престолонаследии» [7], который с некоторыми изменениями просуществовал до 1917 года. Тогда же было издано «Учреждение об императорской фамилии» [8], определившее состав императорского дома, иерархическое старшинство его членов и др. Акт Павла восстанавливал порядок наследования престола по первородству, он гласил: «…избираем наследником, по праву естественному, после смерти моей, Павла, сына нашего большаго, Александра, а по нем все его мужеское поколение. По пресечении сего мужескаго поколения наследство переходит в род втораго моего сына, где и следовать тому, что сказано о поколении старшаго моего сына, и так далее, если бы более у меня сыновей было; что и есть первородство».

Рассуждая вместе с философом о «праве наследства», предпримем небольшой исторический экскурс, и постараемся ответить на вопрос, когда же на Руси (в России) власть стала переходить от отца к сыну «по закону», и когда этот порядок превратился во всеми принятую и признанную традицию. Династический принцип наследования престола, то есть передача власти по прямой нисходящей линии от отца к старшему сыну, а от него к его старшему сыну в обход братьев, конечно же, не был создан в России императором Павлом. Между тем считать данный принцип передачи власти исконно русским явлением тоже вряд ли возможно.

В Древней Руси изначально господствовало лествичное право. Лествица (лестница) предполагала «хождение» власти от брата к брату, поколение, располагавшееся в генеалогической таблице ближе к родовому корню, обладало большими правами на престол, чем следующее поколение. Если дядя в физическом старшинстве был моложе племянника, в родовой иерархии он все равно занимал главенствующее положение. Русские князья не были постоянными держателями того или иного стола. Когда умирал кто-либо из старших родственников, младшие совершали подвижку на один престол вверх. Самым удачливым в конце своей политической карьеры удавалось занять старший престол, став великим князем киевским. Нередко в истории главенство такого порядка объясняется тем фактом, что верховным собственником русских земель являлся не великий князь, а весь дом Рюриковичей нераздельно.

Первая правящая династия России разрасталась, усобицы диктовали условия, согласно которым сильный мог захватить и удерживать нужный ему престол определенное время. В итоге в 1097 году в Любече было принято хорошо известное решение «каждо да держит отчину свою», и земли конкретных княжеств стали передаваться от отца к сыну. Что же касается киевского стола, то историки до сих пор не пришли к единому мнению, стало ли действовать в отношение его династическое право, либо же сохранялась лествица.

Тем временем в 30-х годах XII века наступило время раздробленности, значение главного, стольного города постепенно переходило к Владимиру. При монголах право на великокняжеский владимирский престол подтверждалось ханской грамотой – ярлыком, главными соперниками в борьбе за который в XIV веке стали московские и тверские князья. Только в духовной грамоте Дмитрия Донского великое княжение русские правители смогли передать сыну по завещанию, а не по ярлыку. И хотя Дмитрию Ивановичу наследо-

вал его старший сын Василий I Дмитриевич, право на главенство на Руси внука Донского Василия II Васильевича оспаривалось его дядей и двоюродными братьями во время феодальной войны второй четверти XV века. Как известно, поводом послужило завещание Донского. Упоминать в духовной грамоте тех, кто еще не родился, было не принято, на момент составления грамоты предполагалось, что в случае смерти старшего сына Донского, Василия, престол переходит к следующему сыну, Юрию.

Василий II все же сохранил великое княжение за собой, последние годы его правления были, пожалуй, самыми стабильными и перспективными для дальнейшего развития Русского государства. Хотя следует отдать должное не столько Темному (ослепленному своими ближайшими родственниками в пылу родственной свары за власть), сколько его правой руке и соправителю – сыну Ивану Васильевичу, будущему Ивану III.

Иван III – одна из ключевых фигур русской истории. При нем фактически завершилось объединение Московского государства, центробежные процессы стали невозможны, правовая система получила новый общерусский законодательный свод, сам князь стал титуловаться государем Всея Руси, существенно активизировалась не только внутренняя, но и внешняя политика, Россия вышла из долгого монгольского периода, а государь и не желал думать о когда-то существовавшей внешней изоляции – Россия заговорила с Европой на равных. Но способствовал ли Иван III тому, чтобы в России власть от «незаконных» наконец перешла к «законным» государям в понимании Самарина?

Увы, нет. Что же осуждал философ в действиях Ивана III? Самарин писал об этом правителе, что он, «недовольный своим сыном, торжественно венчал и помазал на царство своего внука Димитрия, потом, недовольный Димитрием, он запретил поминать его в церковных молитвах и объявил наследником престола своего сына Василия» [2, с. 275]. Фактически Иван III и не стремился к тому, чтобы создать порядок, который Самарин полагал законным.

Встают вопросы: почему Иван III так делал, насколько это было обосновано, насколько данные обоснования принимал Самарин?

Интересно, что Самарин, указывая титулатуру Ивана III, называл его не только царем, но и самодержцем. При этом второй титул философ явно оценивал со знаком «минус», выстраивая связь между становлением самодержавия и укреплением незаконности правления. Он писал: «Понятие первого из русских самодержцев о престолонаследии выражено им как нельзя яснее в ответе псковичам: «Чи не волен я во своем внуке и в своих детях? Ибо, кому хочу, тому дам княжество» [2, с. 275].

Если углубиться в историю, то следует отметить, что титулатура «царь», «самодержец» в России возникает в разное время, а кроме того, существовала практика применения обоих титулов на неофициальном уровне (ранее) и официально, в том числе в дипломатической переписке, позднее. В монгольский период царями на Руси называли ханов. Когда в XV веке страна все более обретала самостоятельность, а с 1480 года – полную независимость, примерно за пятьдесят – шестьдесят лет до падения монгольского владычества мы стали применять титул «царь» к своим правителям, делая это неофициально, но желая показать равенство статусов великого князя и хана.

В 1547 году Иван IV официально венчался на царство. Только с этого момента юридически и на полном праве русских властодержателей можно официально титуловать царями. Царский титул сохранялся вплоть до падения монархии в 1917 году. Богоданность власти, венчание на царство, включающее процедуру второго миропомазания, были связаны именно с царским, а не императорским титулом. Иван IV Грозный считал себя самодержцем, но официально титул стал употребляться при его сыне Федоре Иоанновиче.

Смута конца XVI – начала XVII веков, во многом порожденная прекращением династии Рюриковичей, привела к временному упразднению самодержавного титула.

Европейские государи не желали считать самодержцами выборных государей Смутного времени. Восстановление титула на официальном уровне относится к царствованию второго государя из династии Романовых – царя Алексея Михайловича и времени первой русско-польской кампании – войны 1654–1667 годов. Для русских в признании самодержавности власти был особенно важен тот факт, что самодержцы не избираются на царство, а наследуют власть от своих прародителей. Кроме того, самодержцы не дают на себя «ограничительных записей» – не ограничивают под давлением подданных какие-либо из своих прав.

Даже если считать, что традицию становления самодержавной формы правления, как полагал Самарин, следует возводить ко времени Ивана III, то невольно возникает вопрос о том, а эволюционировало ли самодержавие, или, утвердившись раз, далее из поколения в поколение самодержцев сохраняло свои исконные черты? Самарин писал: «Не было у нас законности; но этого мало; ее не может быть <…> Закон же при самодержавной власти, как понимал и утвердил ее Петр I, есть выражение воли государя, ничем не ограниченной, и потому самому отнюдь и не связывающей волю его преемника». И Петр I, и Павел I, и его наследники – самодержцы, Павел изменил волю Петра, кто-либо из преемников Павла столь же легко мог извратить или изменит его волю. В России «не потому обязательна воля государя, что она законна, а потому закон обязателен, что он есть воля государя» [2, с. 284].

«Самодержавная власть, как утвердил ее Петр» – это власть в определении Указа «О наследии престола» от 5 февраля 1722 года [9]. Ссылаясь на необходимость попечения о целостности государства, Петр устанавливал: «…дабы сие было всегда в воле Правительствующего Государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впали в <…> злость, <…> имея сию узду на себе». Противников нового узаконения, а также лиц, желающих как-либо иначе его трактовать, согласно воле императора, следовало считать изменником и подвергнуть смертной казни. Самарин, обращаясь к петровскому закону, был склонен употреблять одно из его определений – «Вечный устав» и называть акт «безграничным произволом государя в избрании себе наследника».

Тогда кто же есть Петр I? Абсолютное российское зло? Постараемся ответить на вопрос как в понимании Самарина, так и с точки зрения исторических условий, приводивших Петра к принятию того или иного решения, воплощенного в законодательном акте.

Итак, определяя на бумаге «безграничный произвол государя», Петр довольно пространно пояснял мотивы своего решения. В том числе он обращался и к охарактеризованной Самариным ситуации с наследниками Ивана III. Однако же в интерпретации Петра I все, что для Самарина представлялось злом, было оправданным и совершенно верным решением. Для Петра Иван III – некий идеал, «по истине Великий не словом, но делом: ибо оный, рассыпанное разделением детей Владимировых Наше Отечество собрал и утвердил». Иван прав и в том, что «не по первенству, но по воли сие чинил», и в том, что «дважды отменял, усматривая достойного наследника, которой бы собранное и утвержденное Наше Отечество, паки в расточение не упустил, перво мимо сыновей отдал внуку, а потом отставил внука уже венчаннаго, и отдал сыну его наследство» [9]. Для Петра главное – сохранение Отечества. Заметим, что понятие «Отечество» появляется именно в петровское время. Именно в этот период складываются устойчивые представления о том, что царь – первый слуга Отечества. Еще в XVII веке, не знавшем и понятия «государство», считали, что все подданные служат государю, а еще ранее, в XVI столетии, добавляли, что сам царь служит Богу.

Однако для Петра действия Ивана III в первую очередь являлись оправданием собственного решения, случай с внуком Дмитрием был нужен именно для того, чтобы

в предшествующей истории найти аналогию нынешнему решению и действию. Еще одним оправданием служил куда менее отдаленный случай – дело царевича Алексея. Указ 5 февраля 1722 года начинался с характеристики бывшего наследника: «…всем ведомо есть, какою Авессаломскою злостию надмен был Сын Наш Алексей, и что не раскаянием Его оное намерение, но милостию Божиею ко всему Нашему отечеству пресеклось». С точки зрения государя и государства, Алексей Петрович – изменник. Попытки представить царевича последовательным борцом за старину и прежние, допетровские обычаи обречены на провал. Неглуп, но слабохарактерен, нелюбим отцом, не мог находиться под покровительством царицы Екатерины, поскольку приходился ей не сыном, а пасынком. Пока не было другого возможного преемника, считался наследником, но как только у Петра и Екатерины родился сын Петр Петрович, начался конфликт царя и Алексея. Петр требовал от сына изменить свой нрав или отказаться от наследства, тот и не возражал. Когда отец, находясь в Копенгагене, вызвал к себе сына, тот поехал, но по дороге сбежал в Австрию, к родственникам жены, затем австрийцы переправили его в Неаполь. Российской стороне не сразу, но удалось разыскать, вернуть и наказать царевича. Мог ли его побег закончиться успехом? Возможно. Петр сильно болел, в случае его смерти сын мог занять престол. Однако этого не произошло. Как конкретно погиб царевич, так и не ясно.

Дело в другом: Алексей умер 26 июня 1718 года, а Петр изменил порядок наследования престола только в феврале 1722 года. Что происходило в течение этих трех с половиной лет? Сын Петра и Екатерины умер 25 апреля 1719 года. Единственным наследником мужского пола оставался сын царевича Алексея, внук Петра I – Петр Алексеевич (будущий император Петр II). Мальчик в качестве наследника престола не устраивал тех влиятельных лиц из окружения Петра I, кто стоял за гибелью царевича Алексея. Закона, запрещавшего женщинам наследовать престол, в России не существовало, но дочери Петра и Екатерины Анна и Елизавета были рождены до брака родителей, их сестра Наталья, родившаяся в августе 1718 года, единственная из дочерей была законнорожденной, но самой младшей. Складывалась ситуация, при которой все варианты наследования власти были в той или иной степени плохи. По сути, не оставалось ничего, как оттягивать время и переносить на будущее решение о судьбе престола. Петр I, издав свой «Вечный устав», это и сделал.

Был ли Закон 1722 года следствием ранее проводимой Петром политики? Однозначно нет. Еще в 1714 году царь издал указ о единонаследии, согласно которому вводился термин «недвижимое имущество» – земельная собственность без ранее существовавшего разделения на поместья и вотчины. Недвижимость ее собственник по своему завещанию не имел право дробить. При наличии сыновей недвижимое имущество переходило одному из них (не обязательно старшему). При отсутствии сыновей наследовать землю могли и дочери, при отсутствии дочерей – ближайшие родственники. Если же при жизни собственника завещание составлено не было, то действовало правило «тогда определится указом недвижимое по первенству болшому сыну в наследие, а движимое другим равною частию разделено будет» [10].

В 1722 году Петр ссылался на этот указ, «выдергивая» из него удобные для случая цитаты, «выворачивая» ранее сказанное в угоду новым обстоятельствам, констатировал: «…однакож отдали то в волю родительскую, которому сыну похотят отдать, усмотря достойнаго, хотя и меньшему, мимо больших». Продолжением этой мысли становилось, что отец Отечества – император – может отдать российскую землю не только младшему в обход старшего, но и всякому, кому пожелает. Торопыга император в свойственной ему манере латал «тришкин кафтан». Непоследовательность реформ, характерная для всего царствования Петра, проявилась и в этой сфере.

Получившаяся не очень съедобная конфета остро нуждалась в сколько-нибудь привлекательной обертке. В дело вступал один из главных идеологов царствования Петра – предмет изысканий юного Самарина – Феофан Прокопович. Напомним, что свое обучение на словесном отделении Московского университета Самарин завершил успешной защитой магистерской диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» (защищена в 1844 году). В тот период мыслителя больше занимал такой предмет, как влияние на православие католичества и протестантизма. Проводниками этих влияний как раз и были эти иерархи Русской православной церкви, выдвинувшиеся в правление Петра. Вопрос обоснования нового наследования власти Прокоповичем Самарин в диссертации упоминал, но не анализировал. К тому, что «Правда воли монаршей» является «подробным развитием Вечного устава», Самарин обратился позднее, в статье «На чем основана и чем определяется верховная власть в России».

Что же касается Прокоповича, то он противопоставлял монархию наследственную избирательной, отдавая предпочтение первой, и нововведение Петра рассматривал как наследственную монархию с правом царствующего монарха назначать себе наследника. В теории выходило, что если все сыновья монарха равносильны, скипетр передается первородному; если старший к «царствованию неугодный или злонравный», то власть получает один из младших; если «несчастлив в сынах своих был Монарх», необходимо «со стороны усмотреть искусного и благонравного, и того написать наследником». В том случае, когда воля государя народу была неизвестна, «должен народ всякими правильными догадами испытывать, какова была, или быть могла воля Государева». В этом случае власть должна была перейти к любимому сыну монарха, из нескольких любимых – к первородному; при наличии только нелюбимого – к нему (хотя и «злонравен», но от наследия «волею родительской не отрешен»); при отсутствии сыновей власть наследовали дочери; когда «оскудела вся ближайшая фамилия», тогда «воля, бывшим Монархом отданная», возвращалась к народу [1]. По поводу последнего замечания напомним, что Прокопович – один из первых в России являлся сторонником теории общественного договора, которую пытался совместить с теорией божественного происхождения власти. (Сторонники «общественного договора» – контрактной теории – полагали, что власть – не проявление божественной воли, а следствие договора людей о передачи части исконных прав общества монарху.)

Самарин не оставил без внимания концепцию Прокоповича о поисках преемника в ситуации отсутствия завещания покойного государя и не без иронии отмечал, что Екатерина I вступила на престол «*вследствие догадки*, более или менее правильной, князя Меншикова, понеже в 1724 была удостоена своим супругом короною и помазанием» [2, с. 276]. В 1724 году заседание Сената, решавшего вопрос о престолонаследовании, происходило под давлением офицеров Преображенского полка. Требование повиноваться императрице объявил командир преображенцев Иван Бутурлин. Когда тайный кабинет-секретарь Петра I А.В. Макаров сообщил, что никакого действующего завещания императора нет, за кандидатуру Екатерины выступил Прокопович, считавший, что Петр, короновав жену императорской короной, дал ей неоспоримое право на управление государством. (При Петре еще в 1721 году Сенат и Синод признали Екатерину императрицей, но 7 мая 1724 года состоялась ее особая коронация в Успенском соборе Москвы. Была изготовлена великолепная корона, которую Петр сам возложил на голову жены. Отметим, что, узнав о романе жены с камергером Вилли Монсом, Петр не стал официально провозглашать ее своей преемницей, отделавшись казнью любовника супруги.)

Создавая «Вечный устав» и «Правду воли монаршей», Петр и Прокопович решали возникшее затруднение, не особо задумываясь о последствиях. Самарин, как и все историки, писавшие ранее и сейчас, не могли не видеть этого чудовищного для России последствия. Петровский указ предопределил чреду дворцовых переворотов.

«Вечный устав» был плох не только потому, что извращал ранее существовавший порядок наследования власти, он был плох тем, что никакого нового порядка не создал. Преемники Петра не следовали данному установлению, каждый раз извращая его по собственному усмотрению. По сути, ахиллесова пята «Устава» состояла в попытке навязать будущим государям правило, согласно которому они могли сделать только один ход в бесконечной шахматной партии под названием «наследование престола». Государь мог назвать своего преемника, тот – своего, и так далее. Но исторически и психологически это оказывалось невозможно. Всегда возникало желание просчитать ситуацию на несколько ходов вперед, ответить на вопрос о том, кто должен наследовать престол, если умрет мой преемник, определить тех, кто помимо него и в какой последовательности имеет право на власть.

Самарин отмечал, что уже первая преемница Петра – его жена Екатерина I, назначив своим преемником Петра II, в случае его бездетной кончины определила права на престол своих дочерей Анны (и ее потомков), Елизаветы (и ее потомков), сестры Петра II – Наталии, то есть «на несколько поколений вперед связала самодержавную волю своих преемников в свободном выборе наследников» [2, с. 277]. То же сделала и Анна Иоанновна. Согласно ее воле престол должен был наследовать Иоанн Антонович, далее его сын; при бездетной кончине – его братья (если родятся) по старшинству; в случае бездетной смерти Иоанна и его братьев регенту Бирону с Кабинетом, Синодом, Сенатом и генералитетом следовало избрать императора [11, с. 231–233].

Манифесты о вступлении на престол, которые легли в основу рассуждений Самарина о ситуации во власти второй и третьей четвертей XVIII столетия, как и всякий исторический документ и актовый материал, отличались своей спецификой. То, что в них провозглашалось, демонстрировалось как личная воля вступившего на престол самодержца. Подробное цитирование Самариным текста данных документов может привести к ошибочному выводу о том, что он не видел различий в полноте власти различных престолодержателей, не угадывал за завещанием Екатерины I политических интриг Меншикова, членов Верховного Совета и пр. Скорее дело в ином: для Самарина понятия «самодержавие» и «самодержец» не всегда равны. Возможно, в случае с Петром I этот знак равенства мыслитель вполне мог поставить. В случае же с его преемниками выходило иначе. Божественный закон предопределил верховную государственную власть, для России на момент написания работ Самариным самодержавие – наиболее оптимальная форма правления. Но главное – это государство, а не государь или его род. За самодержцем стояли его приближенные, готовя то или иное решение, исходящее от власти.

Царствования женщин и младенцев как нельзя лучше это демонстрировали. Когда носители власти в своей слабости и неспособности к государственному управлению достигали низшего из возможных пределов, за их спинами возникали те, кто, не пренебрегая своими личными интересами, все же рационально полагал необходимым сохранять государство. Ни младенец Иван Антонович, ни новая регентша – его мать Анна Леопольдовна, ничего общего с полновластными государями не имели, но именно при регентстве Анны Леопольдовны Остерманом, Минихом, Головкиным и др. готовился новый документ, корректирующий порядок наследования в русле «Вечного устава» Петра I. Суть этого документа Самарин прокомментировал так: «…в духовной нельзя определять порядка престолонаследия; <…> воля умершего государя не может стеснять воли живого, узаконение о наследстве зависит всегда от воли самодержавного (при его жизни)» [2, с. 279].

Логику всех иных манифестов о восшествии на престол перечеркивают документы, связанные с воцарением Елизаветы Петровны и Екатерины II. Власть Елизаветы объявлялась происходящей «от прошения подданных и кровного родства», Елизавета – дочь Петра I и Екатерины I. Власть Екатерины II, по замечанию Самарина, «без всяких при-

тязаний на законность» обосновывалась существовавшими при ее предшественнике и муже Петре III угрозой православной вере, посрамлением военной славы России, угрозой целостности Отечества, и конечно же «желанием подданных». Заметим, что «желание подданных» сопровождало именно те восшествия на престол, которые были связаны с насильственным, с опорой на гвардию захватом власти, другими словами – с государственным переворотом в самом ярком его проявлении.

Исторические примеры, приводимые Самариным, да и наши небольшие исторические экскурсы вполне подтверждают мысль о том, что монархическая, самодержавная власть в России в подавляющем большинстве случаев трактовалась как богоданная и наследственная, но ее наследственность нещадно «хромала». Тогда что же оправдывало, с точки зрения философа, существование самодержавной власти? Не «формальная законность» с соблюдением правил передачи престола, а тот факт, что в русской земле существовали две «исторических, положительных силы» – народ и самодержавие. Самодержавие «выдвинула из себя народная сила», но это не главное. Главное же состоит в том, что в царе народ признавал «свое олицетворение, свой внешний образ». Со времен Петра до того времени, когда жил, работал, размышлял и отстаивал свои убеждения Самарин, прошло полтора века. Что же осталось неизменным в народе, «выдвинувшем из себя самодержавие»? Пожалуй, монархичность сознания. В период проведения реформы отмены крепостного права Александром II Самарин писал о том, что народ не приемлет никаких посредников между собой и царем, любой посредник – «препятствие к его соединению с царем». По сути, союз народа и царя – это «союз для взаимной защиты» [4, с. 314–316].

Народ видит в самодержце защиту, самодержец опирается на государственный аппарат. Все ли хорошо во взаимодействии власти и общества? Увы, нет. По мнению философа, еще Петром I был порожден усиливавшийся в России середины XIX века недуг, выразившийся в том, что «Российское государство и русская земля, правительство и народ <…> как будто раззнакомились; <…> современное разобщение правительства с народом было последствием, хотя бы даже косвенным или непредвиденным, его [Петра I – *Г. Т.*] великого подвига» [6, с. 300–302].

Следствием самодержавия, выстроенного Петром, с точки зрения Самарина, стало падение той политической культуры, которую знала Древняя и Московская Русь. Самарин говорил об «общественном духе», живом участии гражданина в судьбе Отечества, сочувствии каждого сословия и состояния судьбе государства, радении об общей пользе, то есть о том, что в старину называлось «земское дело».

Заметим, что сейчас практически никто не отрицает того факта, что в свое время Петром было порождено бюрократическое государство, которое в корне отличалось от системы власти и управления Московской Руси. Последняя прочно стояла на двух опорах выборного и назначаемого властью элемента. В России XVII века выборные действовали как на центральном уровне земских соборов, так и на местном уровне губных и земских изб. Во второй половине этого столетия земские соборы изжили сами себя, но вплоть до царствования и активных реформ Петра представительный элемент в местном управлении с успехом взаимодействовал с назначаемым именем царской власти воеводским аппаратом. Профессиональный чиновник на жалованье государства – классический бюрократ – господствовал в России на протяжении XVIII столетия, но в одиночку уже не мог решать задач, встающих перед активизирующейся во внутренней и внешней политике Россией. XIX столетие стало временем, когда вновь остро ощутили потребность в представительной системе. Царствование Александра I прославилось многочисленными конституционными проектами, создаваемыми как государственными, так и общественными деятелями. Царствование Александра II после времени консервации самодержавного режима эпохи

Николая I вновь вернулось к наболевшему вопросу – институт выборных воссоздавали и структурировали земская и городская реформа 1864 и 1870 годов.

В бюрократическое лихолетье первым (в период реформ Екатерины II) самоуправление получило дворянство. Дворянство – опора трона, но уже не народ – по-разному трактовало свое право. Рассуждая о причинах поражения в Крымской войне конца царствования Николая I, Самарин писал, что «чрезвычайные собрания дворянства для выбора офицеров в ополчения проходили без разбора, без баллотировки, без учета характеров тех начальников, которым вверялась земская рать; главнокомандующий без надежды на успех вел вверенное ему войско на неизбежное поражение» [6, с. 298, 305, 308]. [При попытке снять осаду Севастополя наступление на Черной речке было принято Горчаковым по указке из центра – *Г.Т.*]

Безразличие, пассивность дворянства стали не самым главным последствием насильственной бюрократизации. Основное изменение произошло в самом народе. Уже в период правления Александра II Самарин отрицал возможность принятия в России Конституции – возможность, о которой полвека помышляли и правительственные, и общественные круги. «Народ безграмотный, народ, разобщенный с другими сословиями, народ, реформами Петра выброшенный из колеи исторического развития, не способен, не может принять участия в движении государственных учреждений. Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман» [4, с. 318].

Однако философ не считал народный дух в России уничтоженным окончательно. Его проявление он видел, например, в событиях Отечественной войны 1812 года. Он призывал к тому, чтобы политика России служила ее историческому призванию – земли, стоящей во главе славяно-православного мира. Во внутренней политике власть не должна была препятствовать сближению высших сословий с народом.

Литература

1. *Прокопович Ф.* Правда воли монаршей. 1722 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13642
2. *Самарин Ю.Ф.* На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Православие и народность / сост., предисл. и коммент. Э.В. Захарова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с. С. 266–285.
3. *Самарин Ю.Ф.* Об отношении церкви к свободе // Православие и народность / сост., предисл. и коммент. Э.В. Захарова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 74–80.
4. *Самарин Ю.Ф.* По поводу толков о конституции // Православие и народность / сост., предисл. и коммент. Э.В. Захарова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 313–318.
5. *Самарин Ю.Ф.* Предисловие к богословским сочинениям А.С. Хомякова // Православие и народность / сост., предисл. и коммент. Э.В. Захарова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 34–73.
6. *Самарин Ю.Ф.* Чему должны мы научиться? // Православие и народность / сост., предисл. и коммент. Э.В. Захарова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 286–312.
7. Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации его императорскаго величества и положенный для хранения на престол Успенскаго собора // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. XXIV. № 17910. СПб., 1830.
8. О порядке престолонаследия: Акт от 5 апреля 1797 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. XXIV. № 17910. СПб., 1830.
9. О наследии престола: Устав от 5 февраля 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VI: 1720–1722. № 3893. С. 496–497; [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://lib.sale/uchebnik-teoriya-istoriya-gosudarstva/1722-fevralya-5ustav-nasledii-67760.html
10. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: Указ от 23 марта 1714 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/inherit.htm
11. Манифест, сочиненный графом Остерманом о назначении императрицею Анною принца Иоанна наследником русского престола // Законодательство императрицы Анны Иоанновны / сост. и авт. вступ. ст. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. 238 с.

Аннотация. Статья посвящена трактовке Ю.Ф. Самариным эволюции российского самодержавия в период последней трети XV века – 60–70-х годов XIX столетия, от правления Ивана III до царствования и реформ Александра II. Основой для анализа взглядов известного славянофила является актовый материал, современная интерпретация отечественными историками процесса трансформации русской монархии, научные наработки автора настоящей статьи. Особое внимание уделяется роли Петра I в отечественной истории, нарушению императором правил наследования престола, последствиям петровских нововведений. Петровский вариант самодержавия, согласно представлениям Самарина, стал в России препятствием для перехода в середине XIX века от самодержавной к конституционной монархии, но не противоречил роли России как оплота славяно-православного мира.

Ключевые слова: славянофильство, консерватизм, самодержавие, дворцовые перевороты, конституция, престолонаследие.

Galina V. Talina, Doctor of History, Professor, Head, History Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University. E-mail: gtalina@yandex.ru

Autocratic Monarchy: Yu. F. Samarin's Theoretical Concept and Historic Reality

Abstract. The article describes Yu. F. Samarin's interpretation of Russian autocracy evolution in the period from the last third of the 15th century and till the 60s–70s years of the 19th century, from the reign of Ivan the Third till the reign and reforms of Alexander the Second. For the present analysis of the well-known Slavophile's views the author has used act materials, modern interpretation by our historians of the process of Russian monarchy transformation and the scientific research materials of the author of this article. Special attention in paid to the role of Peter the First in the national history, his infringement of inheritance succession of the throne and consequences of the innovations introduced by him. According to Samarin, that model of autocracy became an obstacle for the transition from the autocratic monarchy to the constitutional one in the middle of the 19th century, but did not contradict the role of Russia as the stronghold of the Slavic-Orthodox world.

Keywords: Slavophilism, Conservatism, Autocracy, Palace Revolutions, Succession to the Throne.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-167-172

Алексей Любжин

Урок анатомии доктора Самарина

В многогранном наследии Ю.Ф. Самарина, аналитической силой ума резко выделявшегося среди современников, есть одна страница, на которую, как нам представляется, не обращали достаточного внимания, поскольку она стоит несколько в стороне от основного направления его мысли, от его господствующей тематики. Мы имеем в виду третий раздел статьи «О мнениях “Современника”, исторических и литературных» [1, с. 412–482][1]. Мысли, высказанные там, остались бесплодными для русского общества, поскольку слишком велика была разница интеллектуального потенциала между Ю.Ф. Самариным и средним представителем формировавшейся тогда интеллигенции. Можно с уверенностью говорить, что en masse общество не доросло до самаринских идей и ныне, коль скоро известные публицисты выносят суждение о русских порядках на основании сочинений русских писателей-юмористов, а невежественные читатели охотно глотают эту духовную пищу. Тем не менее уже сам факт, что такие мысли были сформулированы и обнародованы, заставляет оценить тогдашнюю русскую интеллектуальную культуру как более зрелую, нежели нам обычно представляется, – хотя бы и в лице одного кружка и одного мыслителя.

Статья Ю.Ф. Самарина вышла во второй книжке «Москвитянина» 1847 года. Задумана и продумана она была, разумеется, существенно раньше, – возможно, не по поводу свежего кавелинского опуса, тем более не по поводу статьи А.В. Никитенко, отклик на которую вполне сочувственный, а в той части, которая нас интересует, поскольку она является интегральной характеристикой В.Г. Белинского, сложившейся за долгое время и даже не свободной от юношеских увлечений юношеской публицистикой будущего «первого критика земли русской». Еще не было написано (это произойдет 15 июля того же года) знаменитое письмо к Гоголю, в котором критик открыто и во всеуслышание заявил о своих крепостнических правах на писателя и высказал требование, чтоб тот в поте лица своего обрабатывал делянку в «натуральной школе», никоим образом не претендуя на самостоятельное суждение. Для тех, кто умел читать, само по себе письмо Белинского было убедительнейшей демонстрацией того, насколько русский «либерализм» враждебен свободе; и мы рады бы сказать, что спор Гоголя и Белинского был важным событием русской общественной мысли, но, к сожалению, оснований для столь оптимистических оценок нет; это была – на

[1] Интересующая нас последняя, III часть – со с. 457. В частности, в примечаниях к публикации, которой пользовались мы, указано: «Главной побудительной причиной написания статьи стало появление в “Современнике” работы К.Д. Кавелина “Взгляд на юридический быт древней России”» [1, с. 569]. С тактической точки зрения, по-видимому, это так и было; с принципиальной же не видим, почему полемика с Белинским была менее важна, нежели полемика с Кавелиным, тем более что русская публика усваивала важные мировоззренческие положения именно через изящную словесность.

Любжин Алексей Игоревич, доктор филологических наук, глава магистратуры «История и культура античности» Университета Дмитрия Пожарского. E-mail: vultur@mail.ru

общественном поприще – игра в одни ворота. Третья часть статьи Ю.Ф. Самарина предвосхищает этот спор.

Здесь, прежде чем перейти к дальнейшему изложению, нужно сказать несколько слов о культурно-образовательном бэкграунде обоих оппонентов. Ю.Ф. Самарин получил блестящее домашнее воспитание со свободным французским языком и прекрасной латынью, он чувствовал себя вполне по-хозяйски в современной французской литературе, его суждения основывались на личном и многогранном опыте; что же касается В.Г. Белинского, то у него были серьезные образовательные пробелы. Можно, конечно, рассуждать, что царское правительство изгнало его из стен Императорского Московского университета за вольнолюбивую драму «Дмитрий Калинин», но нельзя не отметить и того, что это правительство с августа 1829-го по сентябрь 1832 года терпело в стенах означенного университета казеннокоштного студента, не способного отчитаться за программу первого курса по новым языкам. Современное правительство не было бы столь лояльно к современному Белинскому [2]. Мог бы будущий критик, живший на одной квартире с семинаристами, выучиться у них латыни, но он предпочел этого не делать. Таким образом, Белинский (за исключением поздних попыток усвоения французского) не знакомился и не мог знакомиться с произведениями древних и зарубежных литератур в оригиналах; в переводах многого не было, и хороших переводов тоже имелось немного. Но это было не единственное препятствие. Работа критика-поденщика с необходимостью о многом отзываться и много писать самому (хотя бы и с обширными цитатами) исключала вдумчивое, медленное чтение; потому, когда Белинский высказывает то или иное суждение о Вергилии, Тите Ливии или Жорж Санд, следует задуматься, насколько это суждение могло быть продиктовано личным читательским опытом.

А откуда же брал Белинский мысли о том, о чем судить сведения ему не дозволяли? Прежде всего из разговоров[1]. Собеседником критик был умелым и квалифицированным; в числе тех, кто делил его беседы, были в разное время А.И. Герцен, И.С. Тургенев[2], М.Н. Катков, Т.Н. Грановский. Все они, во многом различаясь с точки зрения взглядов, были прекрасно образованными людьми и могли судить самостоятельно о разных вещах, что из их уст и выслушивал критик. Беда в том, что для него и для публики, причудливо переплавляясь и составляя новую амальгаму в необразованном уме, это все равно были сведения из вторых рук. Где видеть причину, где следствие, – потому ли Белинский был столь популярен, что уровнем интеллекта и образования оказывался по плечу дюжинному читателю, или потому дюжинный читатель в России был столь неприхотлив, что получал свою умственную пищу из рук Белинского, – сейчас уже все равно. Так или иначе, можно констатировать, что в полемике столкнулись прекрасно образованный барин, выносящий суждения не иначе как из личного опыта, и невежественный плебей, с трудом представляющий себе, что такое суждение из первых рук. Отметим, что этот принцип распространялся не только на литературу, – сидя в петербургской комнате, очень трудно получить многосторонние представления о российской действитель-

[1] Это обстоятельство делает головоломно трудной задачей исследование и комментирование трудов В.Г. Белинского.

[2] Интересна его характеристика взаимоотношения образованности Белинского и русского общества: «Ученый человек – не говорю “образованный” – это другой вопрос, но ученый человек, именно в силу своей учености, не мог бы быть в сороковых годах такой русской центральной натурой; он не вполне соответствовал бы той среде, на которую пришлось бы ему действовать; у него и у ней были бы различные интересы; гармонии бы не было, и, вероятно, не было бы обоюдного понимания. Вожди своих современников в деле критики общественной, эстетической, в деле критического самосознания (мне кажется, что мое замечание имеет применение общее, но на этот раз я ограничусь одною этой стороной), вожди современников, говорю я, должны, конечно, стоять выше их, обладать более нормально устроенной головою, более ясным взглядом, большей твердостью характера; но между этими вождями и их последователями не должно быть бездны» [3, с. 701].

ности, и суждения в этой области у Белинского были подвержены тем же опасностям, что и литературные.

Сначала приведем две интегральные характеристики. О Гоголе сказано следующее: «Гоголь первый дерзнул ввести изображение пошлого в область художества. На то нужен был его гений. В этот глухой, бесцветный мир, без грома и без потрясений, неподвижный и ровный, как бездонное болото, медленно и безвозвратно втягивающее в себя все живое и свежее, в этот мир высоко поэтический самым отсутствием всего идеального, он первый опустился как рудокоп, почуявший под землею еще не тронутую силу. С его стороны это было не одно счастливое внушение художественного инстинкта, но сознательный подвиг целой жизни, выражение личной потребности внутреннего очищения. Под изображением действительности поразительно истинным скрывалась душевная, скорбная исповедь. От этого произошла односторонность содержания его последних произведений, которых, однако, нельзя назвать односторонними именно потому, что вместе с содержанием художник передает свою мысль, свое побуждение. Оно так необходимо для полноты впечатления, так нераздельно с художественным достоинством его произведений, что литературный подвиг Гоголя только в этом смысле и мог совершиться. Ни страсть к наблюдениям, ни благородное негодование на пороки и вообще никакое побуждение, как бы с виду оно ни было бескорыстно, но допускающее в душе художника чувство личного превосходства, не дало бы на него ни права, ни сил. Нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать присутствие человеческого; и только это одно могло дать право на обличение. Кто с этим не согласен или кто иначе понимает внутренний смысл произведений Гоголя, с тем мы не можем спорить – это один из тех вопросов, которые решаются без апелляции в глубине сознания» [1, с. 459–460]. О Белинском – следующее: «Он почти никогда не является самим собою и редко пишет по свободному внушению. Вовсе не чуждый эстетического чувства (чему доказательством служат особенно прежние статьи его), он как будто пренебрегает им и, обладая собственным капиталом, постоянно живет в долг. С тех пор как он явился на поприще критики, он был всегда под влиянием чужой мысли. Несчастная восприимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и решительно от вчерашнего образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей держала его в какой-то постоянной тревоге, которая наконец обратилась в нормальное состояние и помешала развитию его способностей. Конечно, заимствование само по себе не только безвредно, даже необходимо; беда в том, что заимствованная мысль, как бы искренно и страстно он ни предавался ей, все-таки остается для него чужою. Он не успевает претворить ее в свое достояние, усвоить себе глубоко, и, к несчастью, усваивает настолько, что не имеет надобности мыслить самостоятельно. Этим объясняется необыкновенная легкость, с которой он меняет свои точки зрения и меняет бесплодно для самого себя, потому что причина перемен не в нем, а вне его. Этим же объясняется его исключительность и отсутствие терпимости к противоположным мнениям; ибо кто принимает мысль на веру, легко и без борьбы, тот думает так же легко навязать ее другим и редко признает в них разумность сопротивления, которого не находил в себе. Наконец, в этой же способности увлекаться чужим заключается объяснение его необыкновенной плодовитости. Собственный запас убеждений вырабатывается медленно; но когда этот запас берется уже подготовленный другими, в нем никогда не может быть недостатка. Разумеется, при такого рода деятельности талант писателя не может возрастать» [1, с. 457–458].

Дав эти характеристики, оторвав Гоголя от «российской действительности» и показав, насколько узкое критическое сознание дает противоположную интерпретацию его творчества, Ю.Ф. Самарин продолжает рассуждение анализом «натуральной школы» и

ее французского фона. Классицизм, романтизм, натуральная школа – в его перспективе чужеродные влияния, скользящие по поверхности русской жизни; причем чем дальше, тем меньше их влияние: для классицизма оно еще достаточно сильно, романтизм оказал воздействие на ранних Жуковского и Пушкина, а «натуральной школе» не поддался ни один крупный талант. При этом в России подражание двойное: как французскому образцу, литературе, порабощенной служению «социальному вопросу», так и Гоголю: все содержание заимствуется у него, это деревенский и провинциальный быт. При этом – необходимо не терять из вида – и для Гоголя это вовсе не отражение действительности, это одетые в губернские мундиры химеры его художественной совести. Воздействие двойного подражания невелико, поскольку скука надежно предохраняет от всякого другого впечатления. Но есть несколько моментов, на которых автор сосредоточивает внимание; они далеко выходят за рамки литературной критики.

С одной стороны, французские образцы – при всей своей критичности – не опускаются до огульной клеветы. Изображая жизнь тенденциозно, в рамках желательного для авторов решения социального вопроса, они никогда не опускаются до того, чтобы распространять свои обвинения на весь социальный слой без изъятия; несмотря на все страсти (которых нет у русских подражателей), круг обвиненных широк, но и для оправданных находится место. С другой – французы суровы к высшему обществу, но не трогают простой народ. И в том, и в другом случае русская копия отличается от французского оригинала (неважно, вызваны эти уступки собственным желанием пишущих или давлением общественного мнения, и второе было бы еще лучше). Русская провинциальная и деревенская жизнь под пером авторов «натуральной школы» предельно однообразна: брань, обжорство, побои… Возможно, намерение тут и благое, но автор настаивает: клевета и насмешка – не лучшие мотивы для исправления. Общество само увидит карикатуру и будет в состоянии судить о ее правдоподобии; но народ беззащитен, и какие отношения могли бы сложиться между ним и образованным классом, если бы последний черпал свои представления из произведений «натуральной школы»?

Следующая часть посвящена разбору воззрений Белинского о славянофильстве. Она воистину беспощадна: неумение считаться с общими началами, из которых исходит мысль[1], хаос и неряшливость, отсутствие минимальной полемической добросовестности показаны с такой наглядностью и полнотой, что вряд ли можно позавидовать тому, кому пришлось бы читать о себе подобное. Нелепости, приписываемые славянофилам, Белинский опровергал мыслями, которые преимущественно те первыми и высказывали. Иногда скальпель действует так тонко, что его кровавого взмаха даже и не успеваешь заметить: «Что касается до обвинения в непонимании Запада, то мы могли бы сказать в ответ, что не-славянофилы не понимают России, потому что мерят ее на западный аршин; но мы желали бы оправдаться, если бы только мы знали, что именно значит теперь Запад и Европа. Было время, когда под словом Европа разумели аудиторию Берлинского университета, потом – два или три журнала, издающиеся в Париже; но что именно оно значит теперь, нам неизвестно» [1, с. 473]. Высказывается и подчеркивается любимая мысль: «брюзгливая чопорность, с которою натуральная школа говорит о курной избе, не есть необходимый приступ к ее перестройке… вообще ирония и насмешка заключают в себе мало побуждений к улучшениям» [1, с. 479].

Скальпель доктора Самарина действует беспощадно. Можно только посочувствовать «великому критику», пережившему эту интеллектуальную операцию без наркоза. Нужно было что-то отвечать, но что? По существу возразить невозможно, и только привычка публики знакомиться с оценкой, не обращая внимания на оцениваемое, может что-

[1] Прежде всего пресловутое противопоставление «общечеловеческого» и «народного».

то спасти в глазах внешнего наблюдателя; тут вообще можно говорить что угодно. Способ защиты, выбранный Белинским, весьма характерен: в статье «Ответ Москвитянину» он упрекает Самарина в том, что тот пишет свои статейки, как барин, обдумывая их много месяцев, в то время как – подразумевается – он, Белинский, чернорабочий просвещения, не устает снабжать публику обильным материалом[1]. Саморазоблачительность этого довода уже достаточно показывает, в каком он находился смятении. Но там и на «Выбранные места…» надо было отвечать, да и жить несчастному работнику, больному туберкулезом, для которого уже давно покинуть Петербург означало финансовую катастрофу, а остаться в Петербурге – верную смерть от легких, оставалось недолго. На полвека он одержал победу: вторая половина XIX столетия, когда русскую литературу изучали по хрестоматии его верного ученика Галахова, прошла под знаком торжества его идей, его понимания русской литературы.

Эпоха символизма начала разрушать модель Белинского; в частности, появились более трезвые взгляды на Гоголя (это сюжет известный, и мы позволим себе на нем не останавливаться). Некоторые специалисты прочли и Самарина: так, Ю.И. Айхенвальд (либерал из любящих свободу, в том числе свободную мысль и свободное искусство, а не доктрину) писал: «Благородный Юрий Самарин дает следующую удивительно меткую характеристику Белинского [процитированную нами – *А.Л.*], – и прекрасный, учтивый тон ее еще больше оттеняется последовавшим на нее грубым ответом нашего критика» [5, с. 559][2]. Но революция насильственно вернула интеллектуальную жизнь в прежнюю колею. Нынешняя ситуация – вернемся к началу наших рассуждений – в рассматриваемом аспекте печальна. Знаний о Российской Империи в публике немного, она продолжает формировать свои представления в данной области из обличительной литературы. Если мы намерены предлагать более адекватную картину, нужны исследования, которые продемонстрируют на самом различном материале, как обстояло дело и как оно отражено на бумаге толстых журналов и книг. Занимаясь этим, мы не можем не опираться на опыт Ю.Ф. Самарина и не отдать ему честь как человеку, который очень рано блестяще сформулировал все нужные мысли и наметил мощными мазками общую картину.

Нужно четко осознать, с чем мы имеем дело: блистательный литературоведческий анализ, поднимающийся много выше средних возможностей тогдашнего интеллектуала, оказавшийся не по плечу обществу, высказывает истинный статус русской обличительной литературы – не только существовавшей тогда, но и на многие годы вперед, через Щедрина и до Чехова. Словесность возводится к своим подлинным истокам: сугубо внутренним, как у Гоголя, и сугубо внешне-подражательным, как у – используем современное имя – критических реалистов. Разрывается искусственная, только в воспаленном воображении существующая связь между русской «критической» литературой и русской действительностью. Это потрясающее содержание одно само по себе делает статью Самарина лучшей литературно-критической статьей первой половины XIX века в России, может быть, вообще лучшей русской литературно-критической статьей (по крайней мере нам не приходилось читать чего-то сопоставимого по глубине).

Приложение. Для текстологии статьи важен цензурный экземпляр, хранящийся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (шифр: 1 Рс 294"). Цензором данного тома был В.Н. Лешков. Он внес в текст две существенные правки: после «но Киевская Русь остается каким-то блистательным прологом к нашей истории» (с. 435 издания,

[1] «И публика после этого поверит какому-нибудь г. М... З... К... в продолжение двух почти лет прогарцевавшему в литературе двумя статейками» [4, с. 254].

[2] В этом же очерке перечень отрицательных отзывов о Белинском.

которым пользовались мы) на с. 163 цензурного экземпляра зачеркнуто «, и многое ею обещано, чего совершение предоставлено будущему»; на с. 174 цензурного экземпляра (с. 443 использованного нами издания) в предпоследнем абзаце первой части после слов «в особенности от» зачеркнуто «преподавателя Московского Университета» и вписано «лица». На с. 201 (соотв. с. 466) в предложении «Они вообще понимают, что творческое начало…» зачеркнуто «вообще понимают» и вставлено «полагают»; в отрывке «К сожалению, должно сознаться… натуральная школа худо понимает свое призвание (?)»[1] зачеркнуто «К сожалению», замененное «Но», а два последних слова заменены на «свой образец». Цензурное вмешательство в данном случае вряд ли можно счесть значительным, отчасти оно имеет стилистический характер. Тем не менее полагаем, эта информация будет совершенно необходима, если кому-то придет в голову идея научного издания трудов Ю.Ф. Самарина.

[1] Густое зачеркивание не дает нам возможности быть полностью уверенными в правильности чтения.

Литература

1. *Самарин Ю.Ф.* О мнениях «Современника», исторических и литературных / Ю.Ф. Самарин // Избранные произведения / сост., вступ. ст. Н.И. Цимбаева; примеч. Н.И. Цимбаева и Н.А. Смирновой. М.: Московский философский фонд; РОССПЭН, 1996. С. 412–482.
2. *Поляков М.* Студенческие годы Белинского // В.Г. Белинский. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Литературное наследство. Т. 56. С. 303–416.
3. *Тургенев И.С.* Воспоминания о Белинском // Вестник Европы. Кн. 4. 1869. Апрель.
4. *Белинский В.Г.* Ответ «Москвитянину» // Сочинения В. Белинского. Ч. 11. М.: Изд-е К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1861.
5. *Айхенвальд Ю.И.* Спор о Белинском. Ответ критикам // Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994.

Аннотация. Статья «Урок анатомии доктора Самарина» рассматривает видного славянофила со стороны, не привлекавшей до сих пор достаточного исследовательского внимания, – как литературного критика. Ю.Ф. Самарин дает развернутые характеристики критической деятельности В.Г. Белинского и творческого метода Н.В. Гоголя, далеко опередившие свое время, в момент написания противоречащие мнениям большинства публики и даже теперь не ставшие областью консенсуса. В статье также приводятся новые данные по истории текста статьи «О мнениях “Современника”, исторических и литературных».

Ключевые слова: Ю.Ф. Самарин, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, славянофилы, литературная критика.

Alexey I. Lyubzhin, Doctor of Philology, Head, “History and Culture of Antiquity” MA Course, Dmitry Pozharsky University. E-mail: vultur@mail.ru, lyubzhin@usdp.ru

Lesson of Anatomy by Doctor Samarin

Abstract. The author of the article “Lesson of Anatomy by Doctor Samarin” offers the analysis of a different area of the work of the prominent Slavophile, the area that has been hardly ever studies by other researchers, - and that of a literary critic. Yu. F. Samarin gave detailed characteristics of the critical works of V.G. Belinsly and of N.V. Gogol’s creative method, and his analysis was far ahead of his time, contradicting the opinion of the majority of his contemporaries and even now not constituting part of the general consensus. The article also provides new data on the history of the text of the article “On the Opinions of “Sovremennik”, Historic and Literary”.

Keywords: Yu.F. Samarin, V.G. Belinsky, N.V. Gogol, Slavophiles, Literary Critics.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-173-205

С.В. Перевезенцев

«Богом утвержденный государю…»
Образ государя в сочинениях конца XV–XVII веков

В 1853–1856 годах Ю.Ф. Самарин написал большую работу, которую посвятил проблеме оснований верховной власти в России. Эта работа не предназначалась для печати, более того, рукопись даже не имела названия. Много позднее его младший брат, Д.Ф. Самарин, подготовил данную рукопись к печати и дал ей название «На чем основана и чем определяется верховная власть в России». Статья должна была выйти в одиннадцатом томе «Собрания сочинений» Ю.Ф. Самарина, однако этот том так и не увидел свет. В результате сама статья впервые была опубликована только в 1997 году, через сто сорок лет после создания и спустя почти сто лет после предполагаемого первого издания [см.: 1, с. 58–68; 2, с. 323–341].

Статья «На чем основана и чем определяется верховная власть в России» интересна тем, что в ней Ю.Ф. Самарин представил свои размышления о губительности для русской государственности связи русского царя со своими подданными, основанной лишь на «силе» или на «формальной законности». По убеждению Ю.Ф. Самарина, именно такая формальная связь установилась в Российском государстве стараниями Петра I и его потомков. Самарин утверждает, что русская монархия может и должна покоиться на совершенно иных основаниях: «Не обаяние отвлеченной власти, иначе силы, и не формальная законность связывает в России подданных с государем. Русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека от головы до ног. В основании любви подданных к государю лежит вера и народность; такой широкой и твердой основы не имеет ни одно правительство, и вот почему у нас оно так сильно». Столь же серьезной критике Самарин подвергает и различные варианты ограничения власти монарха: «За что дорожит Россия правительством, чем правительство сильно, тем самым определяется его историческое призвание, характер его действий, пределы его власти; пределы, полагаемые не хартиею, не буквою конституции, но самым существом его, которое глубоко и живо сознается духом народным». А в результате приходит к заключению: «Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню, оторвать корень правительства от корня народного и пересадить его на другую, искусственно созданную почву, – об этом могут помышлять только или враги правительства и России, или те близорукие друзья его, для которых наше прошедшее непонятно, настоящее мертво, а будущее страшно» [2, с. 340–341].

Нужно сказать, что при всем своем несколько идеализированном представлении о принципах духовной связи народа и государя в российской политической действительности Самарин был не столь далек от исторической реальности. Во всяком случае, последние исследования данной проблематики показывают, что религиозные и нравственные основания российской монархии в самом деле имели огромное значение для устойчивости

Перевезенцев Сергей Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: serp1380@yandex.ru

российской государственности, особенно в XV–XVII веках, то есть в период формирования и в первые века существования Российского государства с центром в Москве.

* * *

В отечественной историографии традиционно и справедливо считается, что независимое Русское государство сложилось к концу XV века, и тогда же русские правители впервые стали титуловаться «государями». Понятие «государство» в древнерусском языке имело несколько значений: «страна», «земля», «правление», «царствование», «власть государя». При этом само слово «государство» («господарство») было непосредственно связано с понятиями «господарь» («хозяин», «владелец», «господин», «господарь как титул правителя») и «государь» («владелец», «хозяин», «верховный владетель», «государь как титул правителя») [3, с. 100, 109]. В свою очередь, все эти понятия восходят к древнейшему славянскому слову «господь» («хозяин», «владыка», «господин», «Господь Бог») и производному от него слову «госпóда» («хозяйство», «господство», «власть») [4, с. 58–61]. Поэтому неслучайно, что синонимом понятия «государство» в древнерусском языке выступают понятия «держава» («владычество», «могущество», «владение», «власть», «правление», «страна», «государство»), «державство» («государственная власть», «владение») и «державный» («сильный», «могущественный», «царственный», «независимый», «имеющий суверенитет») [3, с. 222–223], происходящие в свою очередь от славянского глагола «держать» («взяв что-либо, ухватившись за что-либо, не выпускать из рук; иметь в руках», «иметь у себя, при себе», «хранить, сохранять») [4, с. 231–232]. Таким образом, в традиционном русском понимании «государство» («господарство) – это страна (земля), которой владеет и правит независимый «государь» («господарь») [см. 5, с. 386–398].

Здесь необходимо отметить значение титула монарха в эпоху средневековья. Как отмечают исследователи, «титул правителя являлся главной формой декларации претензий государства на определенное место в мире». При этом титул состоял из двух частей: статусной (статус правителя в мировой политической иерархии – князь, король, император, царь и др.) и владетельной (перечисление подвластных территорий – «царь Казанский», «царь Астраханский», «государь Псковский») [6, с. 51].

Впервые титулом «государь» стали именовать московских великих князей во второй половине XV века, сначала неофициально, а после 1485 года великий князь московский Иван III Васильевич принял уже официальный титул «*государь всея Руси*». А это означало, что Иван III поставил перед собой и своими потомками величайшую геополитическую задачу: собрать под рукой московских правителей все русские земли, когда-то входившие в состав Древнерусского государства. Современные специалисты отмечают, что именно в годы правления Ивана III доминантой внешней политики стала сформулированная в летописях доктрина «Киевского наследства» – идея преемственности Московской Руси от Киевской Руси через посредничество Владимиро-Суздальской Руси. Стоит напомнить, что значительная часть этих земель в тот момент находилась в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства. Более того, в Западной Европе именно эти земли считали «Русью», в то время как государство Ивана III называли «Московией», отказывая Московской Руси в ее историческом именовании и в современных территориальных претензиях. Но это не остановило московского великого князя и его потомков от действий на международной арене в соответствии с доктриной «Киевского наследства» [см. 7, с. 263].

Впрочем, нужно отметить, что появление титула «государь» в московских землях до сих пор вызывает дискуссии, его истоки ищут или в Юго-Восточной Европе, или в Великом княжестве Литовском, или же указывают на русские корни [см. 8; 9, с. 554–560; 10, с. 236–243 и др.]. Интересно также, что до обретения Московским государством полной не-

зависимости, в отдельных случаях титул «государь» соотносился не только с личностью, но рассматривался и как почетный титул города, в частности, Новгорода [3, с. 109].

Кроме того, уже с XIV столетия московский государь начинает восприниматься на Руси в качестве монарха, способного повести народ русский ко всемирному величию и тем самым спасти остальной, духовно «изрушившийся» мир, о чем говорят многие исторические факты. К примеру, явно нарастает стремление установить в эти годы на Московской Руси царский титул. Причем и сами московские великие князья были не против того, чтобы стать царями. Еще в конце XIV века, по версии «Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича», Мамай отправился в поход на Русь, потому что Дмитрий Иванович присвоил не принадлежащий ему царский титул, и некие «врази» московского князя, живущие «окрестъ его» и оклеветавшие его, подстрекали Мамая: «Дмитрий, великый князь, себе именует Руской земли царя, и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию» [11, с. 208]. Но автор самого «Слова» в дальнейшем с гордостью и многократно именует Дмитрия Ивановича «царем», а его державу – «царством».

«Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича» было написано уже после кончины московского правителя. Однако спустя без малого сто лет московского великого князя Ивана III Васильевича уже прижизненно и фактически официально (или полуофициально) именуют царским титулом. Первым это сделал архиепископ Вассиан Ростовский в своем «Послании на Угру», когда уже в самом начале послания писал: «Благоверному и христолюбивому, благородному и Богом венчаному, Богом утвержену, въ благочестии всеа вселенныа концих въсиавшему, наипаче же во царих пресветлейшему и преславному государю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси» [5, с. 386]. Напомним, что до того времени этот титул по отношению к русским землям могли носить или византийские императоры, или ордынские ханы. Более того, любые попытки титуловать московских князей «царями» воспринималось, особенно в Орде, как политическое преступление, следствием которого должно быть жестокое наказание. Но в конце XV века ситуация в корне изменилась. В 1453 году погибла Византийская империя, да и Орда уже не представляла собой единой силы. Титул царя «освободился». И вот архиепископ Вассиан Ростовский в этом новом титуловании московского государя, во-первых, сразу подчеркивает особую историческую значимость как самого предстоящего события – возможного военного столкновения с армией хана Ахмата, – так и последствий этого столкновения, ведь победа над Ахматовой ордой означала не только обретение Русью государственной независимости, но и огромную перспективу будущего развития Московской Руси – превращение Московского великого княжества в Российское царство. Поэтому, во-вторых, владыко Вассиан фактически ставит перед московским правителем и новую государственно-политическую цель – русский государь должен принять царский титул и стать духовно-политическим наследником византийских императоров.

Вассиан Ростовский прямо призывает великого князя подняться с мечом на «ордынского царя» и не слушать тех великокняжеских советников, кто уговаривает князя покориться ордынскому владыке, как покорялись все предшествующие русские правители. При этом Вассиан приводит крайне важный аргумент: Ахмат – не христианский государь, а значит, не истинный царь, самозванный. Поэтому от имени Русской Церкви Вассиан «разрешает» московского государя от всех клятв, данных им и его предками «ордынским царям». С Ахматом, самозванцем, «разбойником» и «богоборцем», настоящий христианский царь, каковым является Иван III, просто обязан сражаться: «…Послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужди бывает, прощати о таковых и разрешати нам повелено есть, иже прощаем, и разрешаем, и благословляем, яко же святейший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор, – не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца. Тем же луче бе солгавшу живот получити, нежели истинствовавшу погибнути,

еже есть пущати тех в землю на разрушение и потребление всему христьанству и святых церквей запустение и осквернение. И не подобитися окаанному ономy Ироду, иже не хоте клятвы преступити и погибе. И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьанскому царю!» [5, с. 394].

Кроме того, архиепископ Вассиан в своем Послании раскрывает перед великим князем духовно-политическую сущность самой царской власти – истинный православный государь должен быть в первую очередь защитником веры. В Послании несколько раз повторяется один и тот же тезис: московский государь – это прежде всего «добрый воинъ Христов», «истинный пастырь» «словесного стада Христовых овець», отвечающий непосредственно перед Господом, за врученное ему Богом «словесное стадо» [5, с. 388]. Поэтому московский государь теперь по своему значению такой же защитник истинной православной веры, какими считались византийские императоры.

Подчеркивая значимость новых задач русского государя, Вассиан Ростовский пишет великому князю: «Аще ли убо ты, о крепкый, храбрый царю, и еже о тебе христолюбивое воиньство до крове и до смерти постражут за православную Христову веру и за Божиа церкви, яко истиннии присная церковная чада, в ней иже породишася духовною и нетленьа банею, святым крещениемъ, якоже мученици своею кровию, *блажени бо* и преблажени будут в вечном наследии, улучивше сие крещение, по немже не възмогут согрешити, но восприимут от Вседержителя Бога венца нетленны и радость неизреченную, ихже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взиде. Яко же первии мученици и исповедници, тако сии последнии будут, бо рече *Господь*: “Первии последнии, а последнии первии”» [5, с. 392–394]. В данном случае, архиепископ Вассиан напоминает Ивану III смысл духовного подвига: истинный христианин не должен бояться физической смерти, тем более, если смерть настигнет его в битве за родную землю. Воина, погибшего в бою за Отечество, по глубокому убеждению православных людей, Господь простит за земные грехи и подарит ему вечную жизнь в Царствии Небесном рядом с великими святыми праведниками.

А в конце своего послания Вассиан Ростовский развивает мысль о необходимости принятия Иваном III царского титула. Здесь впервые появляется тезис о богоизбранности царской власти на Руси, недаром Вассиан называет московского правителя «Богом утвержденным царем» и утверждает, что, если Иван III будет соответствовать идеалу православного государя, то и все его потомки будут находиться под прямым Господним покровительством: «Се твердое, и честное, и крепкое царство дасть Господь Богъ в руце твои, Богом утвержденый государю, и сыновомъ сыновъ твоих в род и род в веки» [5, с. 398].

Послание Вассиана Ростовского свидетельствует, что на рубеже XV–XVI веков в российском обществе сформировался общественный запрос на то, чтобы во главе Русского государства встал царь. Ивана III уже уговаривали принять титул царя вместо титула великого князя. И с конца XV века титул «царь» начинает появляться в некоторых русских внешнеполитических документах, в частности в делах со Швецией – с 1482 года. Поднимался вопрос о царском титуле и в княжение сына Ивана – Василия III. Так, на золотой печати, привешенной к грамоте с мирным договором с Данией (1516) Василий Иванович именуется как «царь и государь». Тот же титул можно встретить в послании Василия III римскому папе (1526) [12, с. 207–208]. Царский титул использовался в отношениях с Прусским орденом (1517) и Священной Римской империей (1506, 1517, 1518) [см. 13, с. 79–80]. Более того, по свидетельству немецкого путешественника С. Герберштейна, в годы правления Василия III подданные великого князя уже считали: «...Воля государя есть воля Божия и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией». А самого государя величали «ключником и постельничим Божиим» и вообще верили, что он – «свершитель

Божественной воли» [14, с. 74]. И Иван III, и Василий III не решились официально принять царский титул.

Однако это не означало смены общественных настроений. Более того, можно сказать, что в начале XVI века русское общество жило в ожидании восшествия на московский престол государя, который наконец-то возложит на себя Высшую обязанность в полной мере и будет соответствовать Божественным предначертаниям. Стоит напомнить, что в восточноправославной традиции «царями» именовали тех правителей, кто носил титул «императоров», то есть титул «царь» в русском понимании был намного выше традиционного для Европы королевского, тем более княжеского титулов: князей и королей может быть много, император (царь) – один. И нужно сказать, что Иван III и Василий III вполне осознавали свою великую миссию, возложенную на них Самим Господом. Свидетельством тому – использование в официальных титулах того и другого понятия «един правый государь». Как отмечают исследователи, истоки этого понятия (то есть «единственного царя правого») восходят к библейским пророчествам о царе – объединителе народов (Иез. 37:22). Поэтому осмысление русского государя как единственного правого, во-первых, является отождествлением московских государей с библейскими царями, а, во-вторых, указывает на их вселенскую миссию единственных в мире праведных правителей последнего в мире богоизбранного народа, «Нового Израиля», каковым с конца XV века и считался русский народ [6, с. 52].

Кроме того, великого князя Василия III начинают называть еще и «самодержцем» (в основном в различных иностранных посланиях в 1508, 1514, 1516 годах) [6, с. 52–53]. Самодержец (от греч. *autokrator*) – русское определение единовластия монарха. При самодержавии вся власть в государстве находится в руках одного наследственного русского государя. Ему принадлежат верховные права в законодательстве, управлении страной, командовании армией. Значение слова «самодержавие» достаточно ясно. В него входят два корня: «сам» и «держу». «Сам» означает «собственной, личной силой». «Держу» – «держу власть», «обладаю властью». Следовательно, самодержавие есть обладание властью в силу собственного могущества. Наконец, титул «самодержец» означает независимость государя, который стоит во главе независимого государства, то есть является в этот исторический период свидетельством национального суверенитета.

Таким образом, конец XV – начало XVI века – это время значительного укрепления идеи самодержавия в Русском государстве. Как считали современники, единственная в мире истинная православная держава должна была управляться единственным в мире истинным православным самодержцем, то есть независимым, самостоятельным государем, получившим право управлять своей страной от Самого Господа. Впрочем, следует иметь в виду, что понятие «самодержец» не вошло в официальный титул Василия III, более того, официально самодержцем стал именоваться только его внук царь Федор Иванович [6, с. 53].

Однако различные русские мыслители рубежа XV–XVI веков при общем согласии в том, что Русское государство должен возглавить государь, обладающий царским титулом, по-разному представляли сущность царской власти. И если архиепископ Вассиан Ростовский стремился объяснить великому князю Ивану III христианские смыслы царского звания, то очень влиятельные в 90-х годах XV века «жидовствующие» видели совершенно иные духовные истоки царской власти. Об этом, в частности, свидетельствует «Сказание о Дракуле» [15], авторство которого приписывают «главе московских еретиков» Федору Курицыну.

Уже в «Лаодикийском послании» Федор Курицын формулирует идею сильной личности: человека, обладающего сильной волей и потому способного вести двойную жизнь в христианском мире. Недаром в «Лаодикийском послании» всячески превозносится значе-

ние некоего «пророка-старейшины», волей которого только и ограничивается «самовластие души». Ведь это именно пророк ставит «наказание – веру», «исправляется чюдотворением», а его дар «чюдотворения» «мудростию усилеет». Более того, «пророк» объявляется «наукой» для «фарисейского» образа жизни, причем наукой «преблаженной» [16, с. 444]. Следовательно, главной фигурой всего послания является «мудрец-фарисей», «пророк», который только и обладает «самовластной душой». Именно «пророк» силой «самовластной души» приводит своих последователей в «страх Божий» и, следовательно, к «добродетели» [см. 17, 18].

Конечно, подобное толкование – лишь предположение. Однако эта идея сильной личности, обладающей «самовластием души», находит продолжение в «Сказании о Дракуле». Дракула – это прозвище князя Валахии Влада Цепеша (правил в 1456–1462 и 1477 годах). Валахия располагалась на территории современной Румынии, и в «Сказании» называется «Мунтьянской землей» (горная страна Мунтения – это восточная часть Валахии). Свое прозвище валашский князь получил в наследство от отца, который, видимо, принадлежал к рыцарскому ордену Дракона, основанному германскими императорами. Однако затем оно стало ассоциироваться с румынским словом *drac* – дьявол. Рассказы и анекдоты о Дракуле оказались очень популярными в конце XV века в Европе и отразились в немецких, венгерских и итальянских источниках. Русский автор «Сказания о Дракуле» все-таки создает более обобщенный образ, нежели его западноевропейские современники.

Герой «Сказания» – это, несомненно, очень сильная личность. Свои поступки он совершает, руководствуясь исключительно «самовластием души». А результатом этих поступков оказывается неоправданная и невиданная по своей изощренности жестокость. Однако Дракула был способен и на справедливые деяния, что всячески подчеркивается в «Сказании». Ведь он одновременно ненавидел «во своей земли зла» и беспощадно карал всякое преступление, кто бы его ни совершил.

Но важно тут и другое – причиной всех поступков Дракулы является непреходящая жажда власти как следствие «самовластия души». Так, чтобы сохранить власть, Дракула даже отказывается от православной веры и принимает католичество [15, с. 468]. Идея неограниченной, абсолютной власти монарха – это главная идея всего «Сказания о Дракуле». Недаром один из тех, кого Дракула собирался посадить на кол, иностранный посол, избежал мучительной смерти лишь потому, что сказал: «Государю, аще достойное смерти соделалъ буду, твори, еже хощеши: праведный бо еси судия – не ты повиненъ моей смерти, но азъ самъ» [15, с. 466].

Слова «твори, еже хощеши» («делай как хочешь») и являются ключом к пониманию внутреннего смысла всего повествования о Дракуле. По сути дела, впервые в древнерусской религиозно-философской мысли столь ярко и даже, в каком-то смысле, цинично прозвучала идея о том, что государь является неограниченным властителем не только над своими подданными, но и над всеми, кто оказался в его распоряжении. Принцип самовластия («твори, еже хощеши») распространяется и на отношения с соседними державами, становится вообще принципом жизни государя. И не случайно в Дракуле нередко видели истинную «модель царского поведения». Как писал Я.С. Лурье, Федор Курицын не мог найти иных средств.

Впрочем, у автора «Сказания» нет однозначного одобрения Дракулы. Более того, в конце повествования Дракула гибнет от копий своих же воинов, принявших его за турка. Иначе говоря, «Сказание» показывает, что неограниченная власть имеет не только свои прелести, но и свои горести. А самого Дракулу можно воспринимать и как абсолютно отрицательную фигуру злодея. В понимании Я.С. Лурье, Федор Курицын не мог найти иных средств борьбы с Церковью и несправедливостью и потому пугал современников Дракулой [19, с. 107].

Но знаменательно, что и однозначного, ярко выраженного порицания Дракулы в «Сказании» тоже нет. Видимо, высказав идею абсолютной власти монарха, автор не решился или не захотел дать нравственную оценку своему герою. Это, между прочим, более чем нехарактерно для традиции древнерусской литературы и совсем не соответствует церковным канонам. Ведь древнерусские книжники обязательно вносили в свои сочинения нравственные оценки, оправдывая или, наоборот, осуждая своих героев.

В итоге автор предоставляет читателям самим выбирать – ужасаться ли жестокостям или восхищаться абсолютным самовластием Дракулы. А может быть, вообще, смириться и признать – истинной справедливости и истинной правды на Земле не существует, как не существует и истинно справедливого государства. Если признавать автором «Сказания о Дракуле» Федора Курицына, то в последнем умозаключении тоже есть большой смысл. Ведь истинной справедливости нет среди христианских государей, в христианском мире. Следовательно, подспудно осуждается и само христианство, неспособное внести правду и истину в реальную земную жизнь. Зато наиболее яркими и сильными фигурами в христианском мире оказываются лишь такие государи, как Дракула.

Как можно было заметить, предложенный вариант трактовки произведений Федора Курицына побуждает иначе взглянуть на религиозно-философские взгляды этого мыслителя. Вряд ли его можно считать гуманистом или деятелем Предвозрождения. Скорее сочинения Курицына – это свидетельство его глубокого увлечения ветхозаветной тематикой. И его творчество показывает, сколь далеко в сторону от православия могло увести такое увлечение[1].

Идея сильного, самовластного государя, главным свойством которого было бы соединение жестокости и справедливости, в XVI веке все более набирает силу. Об этом позднее писал Иван Пересветов, на этих качествах государя заострял внимание в своих произведениях и царь Иван IV Васильевич Грозный. Но все же большинство русских духовно-политических мыслителей стремились объяснить феномен самовластного государя, исходя из традиционных христианских трактовок.

Стоит напомнить, что в соответствии со Священным Писанием источником царской власти является Сам Господь. Именно Бог устанавливает права и обязанности царя: царь владеет всем в своем царстве и свободно распоряжается имуществом своих подданных; обладает полной властью; предводительствует воинству; является единственным судьей; жители царства – рабы царя (1 Цар. 8:10–17), но при этом царь – защитник народа; ответчик за народ перед Богом; помазанник Божий (1 Цар. 9:15) и хранитель истинной веры (3 Цар. 11:38). Если царь исполняет волю Бога, то его царство укрепляется. В том случае, если царь отступает от Божественных повелений, царя и народ ждет Божий гнев. При поставлении царя Бог говорит народу через пророка Самуила: «И восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (1 Цар. 10:18). Божественное помазание не означает сакрализации самой личности царя – неугодного царя Бог может заменить и другим. Однако в Ветхом Завете присутствует и сюжет покаяния неблагочестивого царя, а с ним и всего царства (яркий пример – царь Манассия, который «делал неугодное в очах Господних», был наказан нашествием врагов и пленением, раскаялся и был возвращен на свое царство, а народ тем самым был спасен от врагов). Существует и обратная зависимость: если народ будет верен Богу и будет служить Ему от всего сердца, то Бог не оставит народ; но если народ будет творить зло, то погибнет и царь, и народ. «Если будете бояться Господа и служить Ему… то рука Господа не будет против вас; а если не будете слушать

[1] Судьба «Сказания о Дракуле» была непростой. Признанная, по выражению того времени, «неполезной повестью», она долгое время не включалась в рукописные сборники.

гласа Господа и станете противиться повелениям Господа, то рука Господа будет против вас» (1 Цар. 12:14–15).

В христианском понимании власть – это Божественное установление для отражения зла и содействия добру: «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). При этом Господь – это «владыка царей земных» (Откр. 1:4), а носители власти на земле являются Божиими служителями, призванными поощрять добродетельных и наказывать преступников («начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» (Рим. 13:3)). «Власть может принадлежать на основании или 1) абсолютного превосходства – Богу, или 2) относительного преимущества, вытекающего из естественной необходимости, – например, власть родителей над малолетними детьми, или 3) относительного преимущества, вытекающего из узаконения случайного факта». Политическая, или государственная власть принадлежит ко второму типу. Высшим назначением власти является служение власть имущих подвластным им (ср.: Лк. 22:25–27). При этом христиане побуждаются быть покорными власти ради Господа (1 Петр. 2:13) и по совести (Рим. 13:5). Таким образом, социальная мораль, предлагаемая христианским учением, выдвигает на первый план служение ближнему в любви, приводит к правильному пониманию роли власти в обществе [20, с. 109, 112]. В христианском понимании от правителя требуется быть «верным и благоразумным домоправителем», заботящимся о вверенных ему Богом людях. Чем большей властью обладает правитель, тем большая ответственность на него возлагается: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12:48). Подданные, в свою очередь, обязаны подчиняться правителям («Всякая душа да будет покорна высшим властям»), платить установленные подати («отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк…»), воздавать необходимые почести («…кому страх, страх, кому честь, честь»), оказывать послушание («Противящийся власти, противится Божию установлению» (Рим. 13:2)).

Послушание начальствующим (а значит, и властям) становится не просто указанием, за невыполнение которого может последовать наказание, а нравственной заповедью христианина, призывом к добросовестному и честному исполнению своего общественного долга. «И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (Лк. 16:12); «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души» (Еф. 6:5–6); «И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13:5). Тем не менее принцип повиновения властям теряет свое значение тогда, когда общественные нормы, учреждаемые властью, вступают в противоречие с евангельским учением. В этом случае долгом христианина становится противление властям, осуществляемое в мирных формах.

При этом новозаветное понимание власти отличается от ветхозаветного тем, что главным образом делает акцент на духовно-нравственной основе любых властных отношений, предлагает общие нравственные нормы общественных отношений, тогда как в Ветхом Завете большее внимание уделено вопросам легитимности власти и детальной регламентации различных сторон политической жизни.

Следуя библейским заветам, преподобный Иосиф Волоцкий поначалу вообще утверждал принцип превосходства «священства» над «царством», ибо считал светскую власть зависимой от Закона Божиего – только подчинение государя Божиим заповедям делает его власть законной: «Царь бо Божий слуга есть… – писал Иосиф Волоцкий. – Сего ради подобает тем преклонятися и служити телесне, а не душевне, и вздавати им царскую честь, а не божественную». Если же царь не способен побороть в себе «скверны страсти и грехи», то «таковый царь не Божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель» [21, с. 286–287]. Впоследствии, убедившись, что без поддержки великого князя

Церковь не может в полной мере осуществить на земле свою миссию, Иосиф Волоцкий склонился к признанию приоритета власти государя. В своих посланиях, обращаясь к великому князю московскому Василию III Ивановичу, он постоянно именовал его не просто великокняжеским титулом, но и «самодержцем», «царем» и «государем всея Рускыя земля», то есть теми титулами, которыми Василий Иванович официально еще не обладал [22, с. 201, 231 и др.]. Больше того, Иосиф Волоцкий начал говорить о божественном происхождении власти русского государя, уподобляя его земную миссию Божиему Промыслу: «Ты же убо, о дръжаны царю, и скыпетр царствиа приим от Бога, блюди, како угодиши давшему ти то, не токмо бо о себе ответ даси ко Господу, но еже инии зло творят, ты слово отдаси Богу, волю дав им. Царь убо естеством подобен вышняму Богу. Но якоже Бог хощет всех спасти, такоже царь все подручное ему да хранит, яко да Божию волю сътворив, приимеши от Бога присносущное радование и воцаришися с Ним во векы радуася» [22, с. 184–185].

Сочинения «Филофеева цикла» также показывают, что Василию III, не обладавшему даже земным царским титулом, пророчилась роль вселенского православного правителя – «царя». По мнению же анонимного автора Послания великому князю, московский государь как властитель «Третьего Рима», должен обладать только самыми высшими земными титулами и быть выше всех остальных светских государей [23, с. 358–363]. Таким образом, Вассиан Ростовский, Иосиф Волоцкий, старец Филофей, иные последующие православные мудрецы «иосифлянского» толка воспроизводили в своих сочинениях библейское, фактически ветхозаветное понимание сущности монархии.

В то же время мыслители «нестяжательского» круга видели принципы реализации царской власти несколько иначе. «Нестяжатели» надеялись, что их союз с великим князем, их поддержка наступления московского государя на церковную собственность позволят им максимально приблизить нравственную и духовную жизнь русского общества к христианскому идеалу, построенному на евангельских началах. И таким образом им удастся реализовать идеальную христианскую поведенческую модель, которую они сформулировали на основе идей древних подвижников-аскетов и преподобного Нила Сорского. Однако следование принципам «нестяжательства» требовало от представителей власти соблюдения высоких духовных и нравственных норм. Поэтому и в начале XVI века, и позднее «нестяжатели» постоянно предъявляли русским властителям самые высокие нравственные требования, стремились, чтобы всей своей сущностью, всей своей жизнью русские государи соответствовали сформулированному ими идеалу христианского правителя. Более того, сторонники «нестяжательства», оказавшиеся в близком окружении русских властителей, нередко считали себя нравственными наставниками и духовными учителями государей.

Наиболее полно «нестяжательское» представление о царской персоне и границах царской власти выразил преподобный Максим Грек в посланиях царю Ивану IV. Византийское воспитание Максима Грека сказалось на его понимании взаимоотношений светской и духовной властей. В основе этих взаимоотношений лежала идея социальной гармонии, «богоизбранного супружества» Церкви и светской власти. Особое внимание он уделял роли государя, который, по его мнению, обязан соответствовать самым высоким нормам христианского поведения. В посланиях, написанных царю Ивану IV, Максим Грек прежде всего создает образ «царя истинна», который исполнен различных добродетелей, «правдою и благозаконием» устраивает справедливый порядок в государстве, достигая тем самым гармонии интересов разных социальных слоев общества. Царь, сам полностью проникнутый христианской любовью, должен также любовно управлять своими подданными.

Однако в силу слабости собственной человеческой природы царь не всегда способен справиться с одолевающими его грехами, из греховных страстей Максим Грек выделяет три – «сластолюбие, славолюбие и сребролюбие». Причем вновь в соответствии

со словами апостола Павла Максим повторяет, что именно «сребролюбие» есть главный порок: «Аще всем убо злым корене сребролюбию отрасль люта…».

Следовательно, управлять государством царь обязан с помощью «добрых советников». Роль таких советников оговаривалась специально, ибо, понимая грешную природу человека, Максим Грек считал, что без таковых государь может оказаться во власти страстей. Причем, по убеждению Максима, сами эти «добрые советники» в духовном смысле стоят даже выше царя. Напомним еще раз уже цитированные его слова: «…Болшими благотворит житие сие философ муж, нежели царь благий» [24, с. 176–179]. Подобное «учительское» отношение к царской персоне хорошо заметно в посланиях одного из последних «политических нестяжателей» XVI века А.М. Курбского к царю Ивану IV Грозному. В свою очередь, главной задачей Максим считает обязанность государя обуздывать самого себя от страстей и греховных помыслов – даже слово «самодержец» он трактует, как умение царя держать самого себя в руках [25, с. 200, 319, 348–382 и др.; см. также 26, с. 214–226].

Помимо поисков идеального образа русского православного государя, в начале XVI века перед русской духовно-политической мыслью встала еще одна серьезная задача – обоснование прав московских великих князей на обладание царским титулом. Дело в том, что любой православный государь, возложивший на себя царский титул, должен был получить подтверждение своих прав от вселенских патриархов, прежде всего от константинопольского патриарха. Кроме того, нужно было получить признание этого титула у других христианских государей. А для этого необходимо было иметь очень серьезные основания, прежде всего династические права.

В этом смысле характерно, что именно в первой четверти XVI века появляется обширный цикл сочинений, посвященных происхождению великих князей владимирских и московских, и объединяемых (не вполне точно) общим названием «Сказание о князьях владимирских» (или «Мономахов цикл»). Начало этому циклу положило сочинение, под названием «Послание о Мономаховом венце», автором которого считается бывший киевский митрополит Спиридон-Савва (поэтому это сочинение известно также как «Послание Спиридона-Саввы»). Двойным именем он называет себя сам в заголовке «Послания»: «Спиридон рекомый, Сава глаголемый», а ниже сообщает о себе биографические сведения, в частности указывает свой преклонный возраст: 91 год. Приведенные им и некоторые другие сведения, позволяют говорить, что Спиридон-Савва был родом из Твери, а в 1476 году он каким-то образом был утвержден в Константинополе в качестве киевского митрополита. Писали, что это произошло «по мзде», так что не случайно Спиридон получил характерное прозвище «Сатана» «за свою резвость». Однако ни в Литве, ни на Руси его прав именоваться киевским митрополитом не признали. Когда Спиридон прибыл в Литву, то был сразу отправлен в застенок. Оттуда он бежал на Русь, но и здесь был встречен с большой опаской, и тоже оказался в заточении в Троицком Сенном монастыре. Находясь в заточении и, возможно, по заказу какого-то очень влиятельного лица, он в самом начале XVI века пишет свое «Послание», в котором излагает генеалогию московских князей. Это «Послание» в дальнейшем несколько раз редактируется и дописывается, возникают новые варианты, которые становятся известными под названием «Сказание о князьях владимирских».

В сочинениях из «Мономахова цикла» впервые были письменно зафиксированы две легенды, сыгравшие исключительную роль в становлении официальной идеологии Русского государства XVI–XVII веков. *Первая* – о происхождении Рюриковичей и, следовательно, московских великих князей от римского императора Августа, что обосновывало династические претензии московских государей (право «по крови»). *Вторая* легенда доказывает, что царские регалии – царский венец («шапка Мономаха»), бармы, золотая

цепь, крест от древа Животворящего Креста, на котором был распят Иисус Христос, и сердоликовая шкатулка, принадлежавшая Августу, – достались московским великим князьям через Владимира Мономаха от его деда, византийского императора Константина Мономаха [см. 27, с. 159–166]. Эта легенда обосновывала сакральные права на владение московскими государями царским титулом: «И оттоле и доныне темъ венцемъ венчаются царскимъ велиции князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Коньстантинъ Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское» [28, с. 284], – говорится в более поздней редакции «Сказания о князьях владимирских».

И «Послание о Мономаховом венце», и другие сочинения цикла содержат массу загадок, до конца пока не разгаданных. Так, до сих пор непонятно, кто был заказчиком «Послания» (иногда называют имя Вассиана Патрикеева, который редактировал текст Послания уже после кончины Спиридона-Саввы [29, с. 314, примеч. 24]). В исследовательской литературе было высказано обоснованное сомнение в том, что «Послание» – по крайней мере в дошедшем до нас виде – действительно принадлежит Спиридону; нет точных сведений о хронологии создания сочинений из этого цикла[1]. И, главное, совершенно непонятно, откуда появились сами легенды, составившие содержательную основу «Мономахова цикла», ведь до начала XVI века о существовании этих легенд ничего не было известно. Может быть, они «ходили» в устной традиции? Возможно, их сочинил сам Спиридон-Савва, пытаясь оправдаться перед московскими властями и в надежде на свое освобождение? Или же их придумал кто-то другой? Впрочем, скорее всего, они были плодом «коллективного разума» нескольких русских книжников, создававших в первой половине XVI столетия новую интерпретацию отечественной и мировой истории, в которой нужно было показать великое место нового свободного Русского государства.

Как бы там ни было, но очень скоро эти легенды нашли отражение в целом ряде сочинений «Мономахова цикла». А.Ю. Карпов предлагает следующую историю их возникновения [34, с. 234–253]. По его мнению, можно предполагать, что первоначальное «Послание» Спиридона-Саввы появилось не позднее 1503 года, однако содержание его неизвестно. Затем, между 1505–1523 годами, «Послание» было существенно переработано, причем не исключено, что именно тогда в него и было внесено предание о передаче князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху царских регалий. В 1533/1534 году «Послание» было переработано еще раз, и именно этот вариант дошел до нас в списках второй половины XVI века. Около 1527 года Михаил Медоварцев также переработал текст «Послания», результатом чего стало появление так называемой Медоварцевской редакции «Сказания о князьях владимирских». Затем появляется Чудовская повесть, хотя время возникновения ее в точности неизвестно, но, во всяком случае, это произошло не позднее начала 1540-х годов.

Последующая переработка «Сказания» носит уже официальный характер: в 1547 году в связи с подготовкой венчания на царство Ивана IV Васильевича, создается новый вариант, известный в науке как «Первая редакция». Именно тогда впервые появляется и само название этого памятника – «Сказание о князьях владимирских». Но и после этого, как показала Р.П. Дмитриева, тема происхождения царской власти и обоснования царского венчания не потеряла своей актуальности, ибо правительству Ивана Грозного приходилось добиваться признания царского титула на международной арене. С этой напряженной работой, по всей вероятности, связано появление «Второй» редакции «Сказания», а также ряда других памятников, посвященных этой теме.

[1] Дискуссию о времени создания и авторстве этого цикла сочинений см. [27; 30, с. 128–148; 31, с. 204–216; 32, с. 217–230; 33, с. 275–281; 23, с. 126–132; 34, с. 234–253; 35, с. 65–105].

Как можно видеть, отношения между разными текстами, известными под одним именем «Сказание о князьях владимирских», очень запутанные. Но в свое время Р.П. Дмитриева убедительно показала первичность «Послания о Мономаховых дарах» по сравнению с другими текстами цикла (Медоварцевской редакцией, Чудовской повестью, «Первой» и «Второй» редакциями «Сказания о князьях владимирских») [27, с. 17–42; 32, с. 217–230]. Наиболее отчетливо первичность «Послания» видна на примере рассказа о потомках Ноя и истории первых мировых владык. Эта начальная часть представляется чрезвычайно важной, так как именно в ней объясняется происхождение царских регалий, доставшихся римскому кесарю Августу, а впоследствии и русским князьям, и, соответственно, происхождение «дома» русских православных государей.

В «Послании о Мономаховом венце» утверждается, что московские князья ведут свою родословную от некоего Арфаксада, первого сына Ноя, родившегося после потопа. Но, согласно Библии, Арфаксад – это внук Ноя, третий сын Сима, родоначальник Авраамова рода; он родился через два года после потопа (Быт. 10:22; 11:10). Очевидно, что Арфаксад действительно считался первым потомком Ноя, родившимся после потопа, но был его внуком, а не сыном. В «Послании…», однако, Арфаксад превращен в четвертого сына Ноя (хотя ниже упоминается и Арфаксад – сын Сима). При этом в «Послании» прямо рассказывается о том, что Ной благословил «четвертаго сына своего Арфаксада вселитися в Ханаоновых пределах», и приводятся данные о его потомках Месреме и Сеостре, с которых, как выясняется из дальнейшего текста, и начинается отсчет «царства» русских православных государей [27, с. 159–160].

Источник сведений Спиридона об Арфаксаде неизвестен. Не исключено, что Спиридон самостоятельно пришел к выводу о существовании четвертого сына Ноя, потомство которого, согласно его концепции, и дало начало династии русских государей. И поэтому осмелился на небывалое – решил «дополнить» библейский текст! Возможно, именно эти и некоторые другие «вольности» в обращении с библейскими сведениями послужили тому, что текст «Послания» несколько раз перерабатывался, в том числе были устранены противоречия с Библией. Кроме того, позднейшие авторы и редакторы остановили генеалогическое древо московских государей на императоре Августе.

Не вызывает сегодня сомнений легендарность и других сюжетов, представленных в «Мономаховом цикле», хотя бы потому, что император Константин Мономах умер, когда князю Владимиру Всеволодовичу было всего два года, и, следовательно, они никак не могли воевать друг с другом и обмениваться дарами. Что же касается тех царских регалий, которые названы в памятниках «Мономахова цикла», – а это, помимо царского венца, крест, сердоликовая «крабица» («коробочка», то есть чаша), «ожерелье» («оплечье», то есть бармы) и др., – то все они известны по завещаниям московских великих князей с XIV века и первоначально отнюдь не составляли какого-то единого («коронационного») комплекса. Так, по завещанию великого князя Ивана Даниловича Калиты (ок. 1339) «шапка золотая» (то есть расшитая золотом) отошла его старшему сыну Семену Гордому, «коць великий (плащ) с бармами» – второму сыну, Ивану, а «скорлатное портище… з бармами» – младшему Андрею [36, с. 7, 9–11]. В руках старшего в роде московских князей эти регалии были объединены лишь при великом князе Василии II Васильевиче Темном, который завещал их своему сыну Ивану III. В 1498 году крестом, бармами и «шапкой» был венчан на великое княжение Дмитрий Иванович-внук [37, с. 604–607].

По мнению современных историков и искусствоведов, эта «шапка» – знаменитая «шапка Мономаха», царский венец, ныне хранящийся в Оружейной палате. Время ее создания – примерно первая треть XIV века. Возможно, «шапка» была подарена князю Ивану Даниловичу Калите татарским ханом Узбеком во время одной из поездок князя в Орду (опушка из собольего меха, золотое навершие с крестом и драгоценные камни появились на ней уже

на Руси). Едва ли более раннее происхождение имеют и бармы – оплечье, украшенное вышивкой и драгоценными камнями. Из собрания древних византийских крестов (ставротеки), хранящихся в великокняжеской сокровищнице, был, видимо, взят и крест из частиц Животворящего Креста, который возлагался на шею Ивана IV во время его венчания на царство, а затем использовался при венчании на царство всех последующих московских государей. Этот крест тоже ныне хранится в Оружейной палате – изящная золотая оправа креста, декорированная залитым эмалью сканным узором, датируется XVI веком, а серебряный ковчег, в котором хранится крест, изготовлен в XVII веке. Возможно, между 1603 и 1605 годами ковчег с крестом был объединен с реликвиями, привезенными из Святой земли, и эти святыни вставили в икону, на которой помещены традиционные для византийских ставротек изображения святых Константина и Елены [см. 38, с. 11–30, 38–39, 46–47, 160–161 и др.; 39, с. 189–196].

Как можно видеть, основа цикла «Сказание о князьях владимирских» абсолютно легендарна – это в полном смысле слова историко-политический миф, созданный русскими книжниками XVI столетия. Но важнее здесь другое: в XVI–XVII веках сами книжники, а также русские политические и церковные деятели, да и простые русские люди были абсолютно и искренне уверены в истинности сведений, приведенных в «Сказании». И потому с помощью мифов творили реальную историю.

Ведь «Сказание о князьях Владимирских» не только обосновывает династические права московских великих князей на царский титул. Московские государи объявляются наследниками двух предшествующих великих царств (то есть империй) прошлого: Римской империи, освященной личностью Самого Спасителя Иисуса Христа, и Византийской империи, на протяжении тысячи лет выступавшей хранительницей истинного православия. Следовательно, именно московские государи получают все права на то, чтобы их государство – Московская Русь – являлась единственной наследницей двух империй в деле сохранения истинной веры в преддверии пришествия антихриста. Тем самым перехватывалась инициатива у западноевропейских монархов и государств, тоже издавна претендующих на «римское» религиозно-мистическое наследие. Кроме того, удревление генеалогии московских государей на максимально возможный срок позволяло рассматривать историю самой России как часть общемировой истории, в которой Россия занимает самое достойное место.

Цикл под условным названием «Сказание о князьях Владимирских» тоже относится к числу тех текстов, которые стали этапными в процессе формирования русских смыслов – государственно-политической идеологии Русского государства. Сразу же после создания окончательной редакции «Сказание» стало не просто фактом, а настоящим катализатором общественно-политической жизни России. Оно использовалось в дипломатических и династических спорах, служило вступительной статьей к «Государеву родословцу» и вступительной статьей к Чину венчания Ивана IV на царство в 1547 году. Да и сам Иван IV в своих произведениях постоянно использовал аргументы «Сказания», в том числе, в переписке с европейскими государями. Сюжеты «Сказания» нашли отражение в изобразительном искусстве – в росписи Грановитой палаты Московского Кремля, в резных деревянных изображениях на царском троне в Успенском соборе Московского Кремля и др. [см. 40; 41, с. 174–182]. Позднее «Сказание» являлось вступительной частью всех Чинов венчания на царство русских государей XVI–XVII веков, при этом представители из новой династии Романовых перенесли все сакральные функции «Сказания о князьях владимирских» и на свой род, хотя и не были Рюриковичами, но иначе подданные не воспринимали Романовых как законных правителей.

* * *

В XVI веке, в годы царствования государей Ивана IV Васильевича и Федора Ивановича, в русской духовно-политической мысли и официальной государственной идео-

логии сложился образ «истинного царя», имеющий несколько основных составляющих: *богоизбранность* (божественное происхождение власти); *«прирожденность»* (принадлежность к роду Рюриковичей, имеющих непосредственное Божие благословение на обладание царским титулом и являющихся потомками императора Августа); *полнота самодержавной власти; обязанность защищать православную веру и Церковь; обязанность хранить христианское благочестие, соблюдать милость и «правду»* (справедливость). В это же время складывается основной комплекс царских регалий («чин царский», «наряд», «Большой наряд»): использованный при царе Иване IV «Мономахов дар» – царский венец («шапка Мономаха»), крест из древа Животворящего Креста Господня, бармы, золотая цепь и серебряная «крабица» – при царе Федоре Ивановиче был дополнен скипетром и державой («яблоком»). Изначально этим комплексом могли обладать только государи из рода Рюриковичей.

Однако после кончины в 1598 году последнего Рюриковича – царя Федора Ивановича – русские государственные и духовно-политические деятели были вынуждены внести значительные коррективы в образ «истинного царя». В документах, рассказывающих об избрании царем Бориса Федоровича Годунова (Соборное определение, Утвержденная грамота, Чин венчания на царство), по вполне понятным причинам появляются новые составляющие этого образа: *благословения предшествующих царей из рода Рюриковичей; всенародный выбор, совершенный на Земском соборе; родственные связи с родом Рюриковичей* («царьскаго корени сродич»); *личные заслуги.* Законность избрания царя не из рода Рюриковичей подкреплялась также, во-первых, аналогией с избранием патриархов и, во-вторых, ссылкой на исторические примеры избрания царей у разных народов [42, с. 36–39; 43; 44, с. 239]. Кроме того, в речи патриарха Иова, приведенной в Утвержденной грамоте, возникает еще одно доказательство законности избрания Бориса Годунова царем – *царский дар:* Федор Иванович возлагает на плечи Годунова золотую цепь как пророчество будущего «скифетродержательства», что, возможно, является попыткой переложения сюжета о «Мономаховых дарах» в интересах нового правителя и, возможно, новой династии [43]. Этот сюжет в более развернутом виде будет представлен патриархом Иовом в написанной им позднее «Повести о житии Федора Ивановича» [45, с. 86].

В Соборном определении говорится также и о *богоизбранности* нового царя, однако не впрямую по отношению к Борису Годунову, а, так сказать, через «посредников». В одном случае такими «посредниками» выступают цари Иван Васильевич и Федор Иванович, которые «благоволением Божиим и промыслом всесильного Бога» благословляют Бориса Годунова на царство. В другом случае «посредниками» оказываются участники Земского собора 1598 года, которые избирают Бориса Федоровича, во-первых, потому что «тако и Бог предъизбра», и, во-вторых, потому что так повелели предшествующие цари и «сие Бог благоизволи» [42, с. 37]. При этом в Утвержденной грамоте хотя и говорится, что избрание Бориса Годунова осуществляется «не по человеческому единомышлению, ниже по человеческому угодию», но «по праведному суду Божию», тут же следует оправдание самого факта избрания нового царя на Земском соборе, мол, устами народа говорит Сам Господь: «…Искони мнози християнстии цари недоведомыми судбами Божиими, и не хотяше скифетро царствия предержащее царствоваху, Богу на се наставляющу народ единогласие имети, о немъ же Богь во умъ положитъ имъ, яко пишетъ: гласъ народа гласъ Божий» [43]. Видимо, даже ближайшие соратники нового царя, составлявшие эти тексты, сомневались в наличии у Годунова важнейшего качества истинного православного государя – *богоизбранности.* Как показала дальнейшая история, именно эти сомнения оказались фатальными и для самого Бориса Федоровича, и для его семьи, и для всей России.

Сомнения были вызваны в том числе и тем, что с самого дня смерти царевича Димитрия Ивановича в 1591 году в народе начали ходить слухи о чудесном спасении истинного

наследника престола. Стоит подчеркнуть, что слухи о чудесном спасении «невинно убиенного» царевича Димитрия Ивановича распространяются по землям Российского царства за несколько лет до наступления неурожаев и народных бунтов, а главное – за несколько лет до появления в Польше первого самозванца, Лжедмитрия I. Различные обстоятельства создали благодатную почву для того, чтобы эти слухи очень быстро разошлись по южным и юго-западным русским землям и стали катализатором грядущих волнений.

Примечательно, что Борис Годунов и московское боярство осознавали опасность, исходящую от сохраняющейся в народе памяти о скончавшемся царевиче. Поэтому они пытались указать на «неистинность» Димитрия, на то, что он не имел права занимать царский престол. В частности, подчеркивали его незаконнорожденность, ведь по православным канонам младший сын Ивана Грозного был рожден в четвертом браке царя, а Православная Церковь разрешает не более трех официальных браков. Как отмечает Р.Г. Скрынников, Борис Годунов даже запретил упоминать имя царевича во время молитв о здравии царской семьи [46, с. 17, 279].

Но в начале XVII столетия слухи о чудесно спасшемся царевиче приобретают колоссальные масштабы. Даже несмотря на тот факт, что угличское дело расследовал давний противник Годунова В.И. Шуйский, официально подтвердивший, будто царевич упал на нож сам во время игры «в тычку», многие в России стали считать царя Бориса узурпатором и детоубийцей. Критические настроения по отношению к Борису Годунову распространились и в среде московского боярства. С.Ф. Платонов приводит свидетельства современников – француза Якова Маржерета и немца Конрада Буссова, утверждавших, будто сам Борис Годунов однозначно обвинял в появлении этих слухов представителей видных боярских родов. Неслучайно примерно в одно время с появлением известий о спасении царевича начинается опала на бояр Романовых и их родственников по ложному доносу в колдовстве и желании извести «царский корень» Годуновых [47, с. 270].

Обрушившиеся на Россию беды – природный катаклизм, трехлетний неурожай и голод – русские люди посчитали Господним наказанием за грехи, и прежде всего за то, что на царском престоле оказался человек, не имеющий на то никаких прав: он не избран Господом, не принадлежит к законной династии, наконец, он получил престол в результате страшного преступления – убийства истинного наследника престола царевича Димитрия. В итоге в народном сознании утверждается мнение: Борис Годунов – «неистинный» царь, и Бог карает Россию за грехи ее правителя. Поэтому, когда в 1603 году в Речи Посполитой появился человек, объявивший себя чудесно спасшимся царевичем Димитрием Ивановичем, ему очень многие искренне поверили, ведь в народном сознании образ «истинного» царевича воспринимался как луч надежды в эпоху «великого голода» [48]. Впрочем, несомненно, было немало и тех, кто признал в самозванце царевича Димитрия по каким-то прагматическим соображениям: из хитрости, ненависти к Годунову, желания сделать карьеру, жажды власти и обогащения, и др.

Первый самозванец в полной мере осознавал, что его главный политический капитал – это вера народа в его «истинность». Поэтому уже в ноябре 1604 года он выпускает окружную грамоту, которую велит разослать «въ коиждо град именно». В этой грамоте он повествует о своем чудесном спасении как акте Божией воли, Бориса Годунова величает изменником, предлагает попомнить «православную христианскую истинную веру и крестное целование государю царю и великому князю Ивану Васильевичу». А затем он призывает народ к себе на службу, чтобы «с Божиею помощию» идти «на Московское государьство, на все государьства Росийскаго царствия» и помочь ему, «государю своему прироженному», вернуть «престолъ прародителей нашихъ». В конце грамоты, в полном соответствии с чаяниями своих «подданных», самозванец обещает всех верных ему людей «жаловати» и «наипаче свыше въ чести держати», а всему «православному христи-

яньству» обеспечить жизнь «въ тишине и въ покои и во благоденьственомъ житии» [49]. Как можно заметить, в этой грамоте Лжедмитрий I заявляет себя носителем всех основных составляющих привычного народу образа «истинного царя» и одновременно наносит удар по главным «болевым точкам» царского образа Бориса Годунова – это не «прирожденный» государь, а, значит, он не может считаться Божиим избранником. Так, помимо сражений на полях брани, Лжедмитрий I сразу же развязал и острую идеологическую войну с Борисом Годуновым.

Официальная московская власть и Русская Церковь с негодованием отнеслись к притязаниям самозванца. Патриарх Московский и всея Руси Иов неустанно рассылает грамоты настоятелям монастырей, в которых не просто требует молиться за «истинных», по его мнению, самодержцев Годуновых, но и неоднократно изобличает «розстригу» Григория Отрепьева. В своих грамотах святитель Иов приводит свидетельства неисполнения будущим самозванцем Гришкой Отрепьевым монашеских обетов, уклонения в ересь, чернокнижия и беззаконного побега в Польшу [50]. Подробные истории о появлении самозванца описываются во многих посланиях и грамотах других церковных иерархов того времени [51].

Но нежданная кончина царя Бориса в апреле 1605 года предопределяет исход этого сражения – идейная, а затем и воинская победа остается за Лжедмитрием. Попытка церковных иерархов поддержать нового царя Федора Борисовича Годунова успехом не увенчалась [52, 53]. Лжедмитрий входит в Москву и объявляет себя царем. В июньской 1605 года грамоте «к московским боярамъ и другимъ всякаго звания людям» Лжедмитрий I повторяет в более пространном виде все положения своей ноябрьской грамоты 1604 года и окончательно «обосновывает» свои права «на престолъ Российский». Одновременно он обещает простить всех сторонников Годунова в случае принесения присяги ему, «царевичу Димитрию», а также предупреждает о Божией каре в «день праведного суда» [54]. Затем, еще до официальной церемонии помазания на царство в Москве Лжедмитрий вновь рассылает по городам Российского царства «писаные на Москве» грамоты, в которых заявляет, будто ему «царство поручили» весь Освященный собор и даже патриарх Иов [55]. Но это была откровенная ложь, ведь, как известно, патриарх Иов оказался тогда едва ли не единственным авторитетным человеком во всем государстве, который отказался признавать «розстригу» царем, и потому к моменту рассылки этих грамот его уже насильно лишили патриаршего сана и отправили в Старицкий монастырь. Несмотря на все усилия Лжедмитрия, поползли новые слухи, теперь уже о самозванстве царя-«розстриги». Самозванец знал об этих слухах и опасался их. Об опасениях самозванца свидетельствуют не только опалы на ряд столичных бояр, но и насильственное пострижение в монахи престарелого и полуслепого «царя» Симеона Бекбулатовича, представлявшего совершенно призрачную угрозу для Лжедмитрия [56].

Самозванец сумел удержаться на престоле менее года. Несмотря на постоянные попытки изображать из себя «доброго» и «милостивого» «православного» царя, ему так и не удалось скрыть свои истинные симпатии: его охрана состояла из иностранцев; рядом с ним все время пребывали советники-иезуиты; литовцы, поляки и немцы, наводнившие Москву, вели себя бесцеремонно, безнаказанно творили грабежи и насилия. Но все отрицательные впечатления о самозванце превзошла его свадьба с Мариной Мнишек в мае 1606 года: невеста самозванца отказалась принять православие, а во время свадебного обряда Лжедмитрий и Марина отказались от причастия по православному чину. Это потом уже стало известно, что самозванец еще в Польше тайно принял католичество, а причащаться по православному чину ему и Марине Мнишек запретил лично папа римский [см. об этом: 57, с. 197–228; 58, с. 88–98]. А тогда, в мае 1606 года столь пышное и странное свадебное торжество только накалило обстановку до крайности. В Москве резко

усилились и так давно уже ходившие слухи о том, что новый царь хочет обратить Россию в католическую веру и править страной с помощью поляков. На этом фоне был составлен боярский заговор во главе с боярином В.И. Шуйским. 17 мая 1606 года Москва восстала, горожане принялись громить дворы поляков, а Лжедмитрия I убили.

19 мая 1606 года царем провозгласили боярина Василия Ивановича Шуйского, а уже 1 июня его торжественно венчали на царство. Главное обоснование прав на престол нового царя было в том, что он, в отличие от Бориса Годунова и самозванца, на самом деле принадлежал к роду Рюриковичей, правда, к боковой его ветви: Шуйские вели свое происхождение от Андрея Александровича Городецкого, третьего сына князя Александра Невского, родоначальника ветви нижегородского-суздальских князей. Но ни сам Василий Иванович, ни его сторонники не были уверены, что Россия примет нового государя только на этом основании, поэтому в официальных окружных грамотах, рассылаемых по всей стране, приводился дополнительный аргумент: Василий Шуйский был избран на престол «всем Московским государьством» по «челобитью» всех чинов [59]. Чуть позже, в других грамотах появляются и новые мотивы: Василий Шуйский избран на престол по Божией воле, по «челобитью» патриарха, всего Освященного собора и всех чинов Российского государства. И во всех грамотах приведены доказательства того, что свергнутый с престола царь Димитрий Иванович на самом деле был самозванцем, который хотел покарать бояр, разделить государство и привести Русь к католической вере, но «Бог милосердный, не хотя злокозненного помысла исполнити», чудесным образом «объявил» всем людям «воровство» и еретичество «розстриги». В результате, самозванец «принял от Бога возмездие и живот свой скончал» [60].

Как подчеркивают современные исследователи, эти грамоты были предназначены для жителей провинциальных городов и уездов, незнакомых с реальными событиями, и должны были убедить российских жителей в том, что царь Василий Шуйский взошел на престол по уже установившимся со времени избрания Бориса Годунова правилам. Однако русские и иностранные источники того времени свидетельствуют, что практически ни одно из этих правил не было соблюдено: патриарший престол в этот момент был свободен (назначенного при Лжедмитрии патриарха Игнатия свели с престола в день восстания), никакие чины Российского царства в Москве на собор не созывались и никаких выборов нового царя не было, кроме того, в грамотах ничего не говорилось о реальных обстоятельствах свержения самозванца – о заговоре бояр и его убийстве озверевшей толпой [см. 61, с. 91–108].

К грамоте от 20 мая 1606 года была приложена крестоцеловальная запись, которую царь Василий Иванович дал боярам. В соответствии с этой записью, Шуйский обязался творить праведный суд только вместе с боярами («не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати»), чтобы «в томъ православное християнство безвинно не гибли» [62]. Интересно, что крестоцеловальную запись Василия Шуйского многие историки сочли ограничением самодержавной власти, потому что, по их мнению, в ней русский царь впервые говорит о своих обязательствах перед народом и боярами. Но еще С.Ф. Платонов показал, а современные исследования подтвердили тот факт, что Шуйский в данном случае всего лишь воспроизводит предшествующую практику судопроизводства, когда русские государи воздерживались от личного произвола и держали совет с боярами [63, с. 330–331; 61, с. 99–102].

Однако как ни старался Василий Шуйский, он не смог убедить всех подданных в своей «истинности». Видимо, важную роль здесь сыграл тот факт, что нравственная репутация Василия Ивановича была отнюдь не безупречна, ибо еще до своего воцарения он неоднократно менял собственные предпочтения. Что стоит только история, связанная с кончиной царевича Димитрия Ивановича: при Борисе Годунове Шуйский поклялся перед народом, что своими руками похоронил царевича Димитрия, погибшего в результате не-

счастного случая; при Лжедмитрии покаялся за это и признал в самозванце истинного царевича; затем стал организатором заговора против него; после свержения Лжедмитрия признал, что истинный царевич был убит по приказу Годунова и организовал торжественную канонизацию Дмитрия Ивановича. В итоге восшествие Василия Шуйского на престол не сплотило, а раскололо тогдашнее российское общество: кто-то присягнул новому царю, а многие публично и шумно отказались.

Поэтому вполне объясним тот факт, что моментально поползли слухи о новом чудесном спасении царевича Димитрия, и уже вскоре такие «царевичи» вышли на историческую арену в каком-то неимоверном количестве. Десятки царьков под разными именами, которые заявляли себя «детьми» и «внуками» царя Ивана IV, объявлялись от северных окраин России до южных пределов, выходя из дворянских, казацких или вовсе простонародных кругов. «Откровения» многих самозванцев вызывали смех и издевательства современников. Однако нередко появление очередного «царевича» воспринималось с настоящей эйфорией, ведь каждое чудесное воскрешение – будь то Лжедмитрий I, Лжедмитрий II и даже объявившийся в 1611 году Лжедмитрий III – вселяло надежду на триумф «истинного царя», который избавит страну от бед и несправедливости.

Столь массовое появление «детей» и «внуков» Ивана Грозного, свидетельствовало о том, что значительное число жителей России хотели видеть на престоле только прямого потомка царя Ивана IV Васильевича, ибо вера в государей из рода Рюриковичей как единственных «истинных», богоданных царей в народном сознании была неистребима. За первым и за всеми последующими самозванцами люди шли по той причине, что видели в них наследников единственной в их глазах законной династии, потомков царя Ивана Васильевича, который в глазах большинства жителей России был истинным православным государем. Даже призрачная связь самозванцев с династией Рюриковичей и вера в чудесное спасение «истинного царя» представлялись жителям сначала Северских земель, а затем и Центральной России более авторитетными, нежели только «выбор» царя на Земском соборе. Кроме того, следует помнить, что казаки, дети боярские, дворяне и представители родовитых семей нередко воспринимали службу самозванцам как возможность повышения собственного социального статуса, решения старых обид и сведения счетов с противниками, как возможность получить политические и экономические дивиденды.

В многочисленных и противоречивых источниках периода Смуты можно найти несколько общих положений, касающихся самозванства. И вновь на первый план выходят традиционные представления русских жителей об «истинном царе». *Во-первых,* самозванцы стремились доказать свои права на престол «Промыслом Божьим», отмечая, что именно они и есть истинные православные цари, которые желают, чтобы их царство пребывало в спокойствии и благоденствии. *Во-вторых,* все самозванцы говорят о том, что они принадлежат к роду Рюриковичей, начало которого восходит к императору Августу (при этом никто не связывает себя родством с Годуновым или Шуйским). *В-третьих*, во всех источниках сохраняется крайне негативное отношение к «ложным» царям, кроме того, существует четкое понимание разницы между «православным царем» и царем-иноверцем. При этом народ настолько отвращала мысль об иноверце на русском троне, что люди были готовы присягнуть любому новому, но «своему» самозванцу. Так, после признания Семибоярщиной царем польского королевича Владислава ряд лидеров Второго ополчения и городовые советы некоторых центральных русских городов, среди которых Владимир и Суздаль, присягнули Лжедмитрию III.

Все эти народные представления об «истинном царе» сыграли важнейшую роль в ходе выборов нового государя на Земском соборе 1613 года. Как известно, тогда было несколько более или менее реальных претендентов. Вдали от Москвы пребывали польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, поддержанный Вторым ополче-

нием, и малолетний «царевич» Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II, прозванный Ворёнком. Несколько кандидатур было выдвинуто на самом соборе. Все они принадлежали к известным боярским и княжеским фамилиям: боярин Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Воротынский, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, боярин Иван Никитич Романов, князь Иван Борисович Черкасский, боярин Федор Иванович Шереметев, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, князь Петр Иванович Пронский и стольник Михаил Федорович Романов.

Самым молодым с наименьшими шансами на избрание, казалось, был М.Ф. Романов, однако именно он оказался на престоле. Конечно, немалую роль в этом сыграли казаки, фактически заставившие собравшихся избрать Михаила Романова. Однако главное все же не в этом – М.Ф. Романов был единственным из всех претендентов, кто имел реальную родственную связь с государями из династии Рюриковичей: он был внучатым племянником Анастасии Романовны, первой жены царя Ивана IV Васильевича, и, соответственно, двоюродным племянником царя Федора Ивановича. Как отмечают современные исследователи, это было «единственным и решающим преимуществом» Михаила Федоровича перед иными претендентами [64, с. 30–31]. Но это преимущество означало, что в глазах его вероятных подданных только Михаил Федорович обладает всеми шансами оказаться «истинным царем».

Именно об этом преимуществе несколько раз настойчиво говорится в Утвержденной грамоте 1613 года об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. Нужно отметить, что исследователи уже давно установили: при составлении этой грамоты были использованы прежняя избирательная грамота царя Б.Ф. Годунова, наказ костромскому посольству об избрании на царство Михаила Федоровича и известительная грамота из Костромы о его согласии. Это свидетельствует, что сама Утвержденная грамота 1613 года составлялась достаточно продолжительно время, а подписи под ней собирались еще более долго [65, а также: 66, с. 242–270].

Анализ текста грамоты позволяет выделить несколько фрагментов, которые специально посвящены проблеме кровного родства Михаила Федоровича с Рюриковичами. Сначала упоминается первая жена Ивана Грозного Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева: «По великом государе цари и великом князе Иване Васильевиче, всеа Русии самодержеце, от его царского прекрасноцветущего корени пресветлая и преславная ветвь, от Бога данные и благочестивые супруги, от великие государыни нашея царицы и великие княгини Настасеи Романовны Юрьева, процвете сын его государь наш, благоверный великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси самодержец». Затем указывается на близкую родственную связь отца Михаила Федоровича – боярина Федора Никитича Романова с царем Федором Ивановичем: «…А после себя великий государь наш царь и великий князь Федор Иванович, всеа Русии самодержец, на всех своих великих государствах скифетродержания Росийскаго царствия оставль свою благоверную великую государыню нашу царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всеа Русии, а душу свою праведную приказал отцу своему и богомолцу, святейшему Иеву, патриарху Московскому и всеа Русии, да брату своему царскому Федору Микитичю Романову, да шурину своему, а великие государыни царицы и великие княгини Ирины Федоровны всеи Русии брату, Борису Федоровичю Годунову» [67, с. 26–27]. Уже в этом фрагменте присутствует некоторое преувеличение: Федор Никитич приходился Федору Ивановичу двоюродным братом – он был сыном Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, родного брата царицы Анастасии Романовны, матери царя Федора Ивановича.

Затем в повествовании возникает фигура Михаила Федоровича Романова, причем к его фамилии намеренно добавляется фамилия его деда – Юрьев, чтобы подчеркнуть родственную связь нового царя с царицей Анастасией Романовной, а сам Михаил Федоро-

вич именуется «племянником» царя Федора Ивановича: «…А многих великих родов, блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, племянника Михайла Федоровича Романова-Юрьева, и бояр, и окольничих, и дворян, и дияков и всяких чинов всяких людей, захватили в городе в Китае и в Кремле, и держали их в неволе, а иных за крепкими приставы». Преувеличены «страдания» Михаила Федоровича во время его «сидения» в осажденном Московском Кремле в 1610–1612 годах и стремление ратей Первого и Второго ополчений освободить именно его от «злаго пленения»: «Всего великого Московскаго государства бояре, и воеводы и все христолюбивое воинство, которые стояли под Москвою, и во всех городех всего Росийскаго царствия всякие люди об нем о государе Михайле Федоровиче скорбели, и всякими мерами промышляли, чтоб иво государя от таковагозлаго пленения свободити, понеже он великий государь от благороднаго корени благоцветущая отросль, благочестиваго и праведнаго великого государя царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца, племянник» [67, с. 39, 41].

В грамоте подчеркивается, что именно родственные связи Михаила Федоровича с Рюриковичами стали главным аргументом для участников Земского собора 1613 года, когда они выбирали достойного кандидата в государи: «И по многие дни на соборе изо всех городов всего Росийскаго царствия всякие люди не обинуяся говорили, и единомышленной совет всех городов всяких людей от мала и до велика объявливали, что быти на Владимерском, и на Московском, и на всех великих преславных Росийских государствах государем царем и великим князем, всеа Русии самодержцем, Михайлу Федоровичю Романову-Юрьеву… Оприч Михайла Федоровича Романова-Юрьева, никак ни кому не быти, понеже он, великий государь, блаженные памяти хвалам достойнаго великаго государя царя и великаго князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца, двоюродного брата Федора Никитича Романова Юрьева сын». И чуть ниже еще раз подчеркивается: «…А обрати б на Московское государство государя, изыскав из Руских родов, хто б прежним великим природным государем нашим царем Росийским был в сродстве» [67, с. 43].

И, наконец, грамота обращает внимание на две главные составляющие, которые должны были обеспечить появление на русском престоле «истинного царя», – избрание царя всеми чинами и сословиями, то есть «всей Землей» и непосредственную принадлежность нового государя к роду Рюриковичей: «Московского ж государства бояре, и воеводы и все христолюбивое воинство, утвердившися на степени и свободившеся ото всех зол, и врагов веры своея победивше, славословие Богу воздавше о неисповедимом даре Его, и молив всемилостиваго Бога, и Пречистую Богородицу и всех святых усердно со слезами, да просветит их сердца, еже бы просити, кому приятии скифетр Росийскаго царствия, писали Московского государства во все городы к митрополитом, и к архиепискупом, и епископом, и архимаритом, и игуменом и ко всему освященному собору, и к бояром, и воеводам, и к дворяном и ко всяким людем, чтоб изо всех городов всего Росийскаго царствия митрополиты, и архиепископы и архимариты и игумены были к ним бояром к Москве; и из дворян, и из детей боярских, и из гостей, и из торговых, и из посадцких и из уездных людей выбрав лутчих, крепких и разумных людей, по колку человек пригоже, для земского совету и для государского обиранья, прислали к Москве ж»; «И по данней благодати от Святаго Духа, вси во единомыслие совокупившеся, и утвердившеся по Христе верою, Московскаго государства богомолцы митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены и весь освященный собор, и розных земел цари и царевичи, которые служат в Московском государстве, и бояре, и околничие, и чашники, и столники, и стряпчие, и дворяне болшие, и дворяне ж, и дияки думные, и дворяне из городов, и дияки, и жильцы, и приказные всякие люди, и дети боярские, и головы, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрелцы, и гости, и торговые и посадцкие, и всего Московскаго государства всех чинов всякие люди, всенародное бесчисленное множество, все православные хрестьяне, всяк возраст от мала и

до велика, обрали на Владимерское, и на Московское и на Ноугородцкое, и на царство Казанское, и Астороханское и Сибирское, и на все великие преславные государства Российскаго царствия государем царем и великим князем, всеа Русии самодержцем, прежних великих благородных, и благоверных и Богом венчанных Росийских государей царей от их царского благородново корени благоцветущую отросль, Михаила Федоровича Романова-Юрьева» [67, с. 42, 45–46].

Как можно видеть, Утвержденная грамота 1613 года доказывает всем российским жителям, что Земский собор, избрав на престол Михаила Федоровича Романова, в полной мере отразил народные чаяния об «истинном царе», который с Божией помощью восстановит традиционный государственный порядок. Об этом неоднократно писали отечественные историки. К примеру, по утверждению Н.М. Карамзина, решение выбрать «безродного» юношу связано со стремлением утвердить единодержавие, тогда как избрание человека знатного и влиятельного привело бы к аристократии и ослабило самодержавие [68, с. 88]. С.Ф. Платонов указывает, что термин «обирание» на царство неверно понимается в историографии как «выборность», тогда как в действительности под данным понятием следует подразумевать особый обряд венчания с присутствием «всей Земли» [63, с. 330–331; 61, с. 330–331].

Впрочем, и тогда, в 1613 году, и позднее, вновь далеко не все подданные Михаила Федоровича были уверены в его «истинности». Поэтому пришлось еще долго предпринимать различные меры для того, чтобы российские жители приняли нового царя. Эти меры были в том числе и идеологического свойства, в частности, в 1610–1630-х годах появляется несколько сочинений, которые развивают и еще более аргументированно доказывают права М.Ф. Романова на царский престол. В результате постепенно складывается концепция происхождения новой династии Романовых, которая легла в основу официальной государственной идеологии.

Одним из первых сочинений такого рода стала легенда, появившаяся около 1613 года или несколько позже, и зафиксированная в «Повести о победах Московского государства». В этой легенде утверждается, что царь Федор Иванович благодаря Божественному провидению, уже пребывая на смертном одре, узрел в младенце Михаиле Романове будущего царя и тайно повелел передать ему царское звание после своей кончины: «Во 106 (1598) году тогда той благочестивый государь издалеча провидя духом от Бога избраннаго сего благочестиваго царя и великаго князя Михаила Федоровича. Благочестивый же государь царь и великий князь Феодор Иванович возложив руце свои на него рече: “Сей есть наследник царскаго корени нашего о сем бо царство Московское утвердится, и непоколебимо будет, и многою славою прославится. Сему бо предаю царство и величество свое по своем исходе, своему ближнему сроднику”. Сие же слово тайно рек и отпусти его. Сам же предаде блаженную душу в руце Божии» [69, с. 35–36].

Идею божественного Промысла в ходе избрания Михаила Федоровича развивают заключительные главы «Хронографа 1617 года», посвященные освобождению Москвы от интервентов и воцарению М.Ф. Романова. Авторы Хронографа отмечают, что после освобождения Москвы «свет Бога воссиял» и все люди от мала до велика «добромысленного согласия озарились» [70, с. 675]. Сам процесс голосования на Земском соборе, согласно тексту, происходил следующим образом: «Свершилось оно, людьми составленное, но по божественному устроению: умолили и упросили стать их государем на престоле царском Московского государства царя Михаила Федоровича» [70, с. 675]. Примечательно, что авторы «Хронографа» видят в Москве символ российской государственности, называя столицу матерью городов русских [70, с. 676], а об освобождении города от интервентов говорят как об «обретении врат Отечества». Очевидно, московские книжники стремились восстановить подорванный Смутой авторитет Москвы.

В сочинениях 1620-х годов идеи о божественном Промысле и родстве Романовых с родом Рюриковичей прослеживаются постоянно. В «Ином сказании» утверждается, что Михаил Федорович принял «Богом порученное ему Московского государства скипетродержание» [71, с. 80]. Автор «Повести книги сея от прежних лет» говорит как о родстве Федора Романова с Федором Ивановичем, так и о единогласном решении Земского собора: «Единогласно все народы вопияху, да помажут на царство царя Михаила» [72, с. 144]. В «Сказании и повести о расстриге Гришке Отрепьеве, и о похождении его» автор описывает знаменитую опалу Годунова на бояр, отмечая: «Царский же благодатный корень, Федора Никитича Романова и с братиею прочию, тех в заточение посылает» [73, с. 3], то есть Федор Никитич Романов воспринимается как человек царского рода. Однако о службе Отрепьева у бояр Романовых и Черкасских автор умалчивает, говоря, что самозванец служил у опального Бориса Келбулатовича, после чего сбежал в монастырь. Очевидно, что любая информация о связи молодой династии с самозванцем могла нанести Романовым серьезный вред. В «Рукописи Филарета» также обнаруживается обоснование династии Романовых на престол. Патриарх отмечает, что он был «единокровен» государю Федору Ивановичу, а Михаил Федорович принял царский скипетр, потому что был «Богом направляем» [74, с. 86–87]. В последних главах «История в память предьидущим родом», где Авраамий Палицын описывает завершение Смуты и воцарение Михаила Романова, автор указывает, что погрязшие в «самовластии» бояре при выборе нового монарха «положише» все свое упование на Бога и собрали Освященный собор [75, с. 337]. Палицын утверждает, что это было первое избрание государя, которое происходило «не от человека, но воистинну от Бога» [75, с. 341]. А затем подытоживает: «И седе Богом дарованный благоверный и благородный, прежде рождениа его от Бога избранный и из чрева матерня помазанный великий государь царь и великий князь Михаил Федоровичь всея великиа Росиа самодержец на своем на царьском столе Московского государьства, восприим скипетр Росийскиа державы многих государьств» [75, с. 351].

Официальная концепция происхождения новой династии утверждала в общественном сознании мнение, что решение на Земском соборе было единогласным («всею Землею»), будто сам Господь голосами соборян избрал Михаила, кроткого и спокойного юношу. На страницах «Нового летописца», написанного в 1630-х годах, присутствует фрагмент, посвященный процессу венчания Михаила Федоровича на царство. Авторы документа, который создавался под бдительным контролем патриарха Филарета, отмечают, что «все власти Московского государства», то есть священноначалие, знатные бояре и деятели ополчения, принимали участие в обряде венчания на царство: Казанский митрополит Ефрем венчал государя царским венцом, Дмитрий Трубецкой держал скипетр, Федор Мстиславский осыпал золотом, венчальная шапка была в руках Ивана Романова, с «яблоком» стоял Василий Морозов, а Дмитрий Пожарский нес царское одеяние [76, с. 131]. Таким образом, подчеркивается, что «царский наряд», когда-то принадлежавший Рюриковичам, всенародно вручен новому царскому роду – Романовым, и теперь только Романовы являются единственной законной царской династией в России.

* * *

В 1645 году, после кончины царя Михаила Федоровича, на престол взошел его сын *Алексей Михайлович* (1629–1676). Новому государю досталось совсем непростое наследство и очень сложное время. Трагические события Смуты, которые потрясли самые основы всего русского общества – и государственные, и церковно-политические, и духовные, – еще очень хорошо помнились. Помнили и о том, что его отец был «выборным» царем, хотя и признанным в общественном мнении «царем истинным», то есть богоданным. Но «ис-

тинность» Михаила Федоровича еще не означала автоматического признания «истинности» самого Алексея Михайловича. Тем более что впервые за последние почти пятьдесят лет Алексей Михайлович стал царем без «приговора» Земского собора, который даже не стали собирать [см. 77, с. 174–244; 78, с. 58–69]. В этом случае, когда престол передается без «совета с Землей», но только по праву наследования, «истинность» государя играла особую роль в глазах его подданных. В дальнейшем Алексей Михайлович положит много сил на то, чтобы доказать свое и своих детей право занимать русский престол и тем самым фактически обеспечит будущее законное существование всей династии Романовых. Однако и в годы его царствования еще неоднократно будут появляться разнообразные цари-самозванцы.

Значительную роль в изменении представлений о месте русского государя во всемирной истории сыграло произошедшее во второй половине XVII века присоединение к Московскому государству Малороссии и Белоруссии, областей, долгие столетия находившихся под польским владычеством. Эти изменения были связаны как с политическим положением России, так и с состоянием общественно-политических настроений. Превратившаяся в крупнейшую европейскую державу, освободившая православных братьев-славян от польского господства, Россия оказалась на самых передовых рубежах борьбы как с католическим Западом, так и с мусульманской Турцией. Кроме того, выходцы из Малороссии и Белоруссии стали оказывать серьезное влияние на духовную, политическую и культурную ситуацию в стране.

В свою очередь, авторитет Российского государства и российского царя в православном мире стал в XVII веке неизмеримо выше, нежели это было ранее. Следовательно, Россия могла претендовать на духовное и политическое наследие христианского Востока и Византийской империи, ибо оказывалась единственной защитницей не только русской, но Вселенской Православной Церкви. И в этих устремлениях Россию поддерживали все православные патриархи, более того, не только поддерживали, но всячески подталкивали российского царя на новый исторический путь.

В связи с этим официальная идеология Русской Церкви и царского двора постепенно отказывается от традиционного прочтения сущности идеи «Третьего Рима». Как показала Н.В. Синицына, во второй половине XVII века, создателей официальной государственной идеологии уже не привлекали тексты «Филофеева цикла», ибо в них была заложена идея «падения Рима». Наоборот, всяческое внимание оказывалось идеям «Сказания о князьях владимирских», пророчествам о роли «русского рода» как освободителя Константинополя и т.д. Иначе говоря, все большее влияние приобретали идеи «константинопольского наследия», которое должна принять на себя Россия под водительством новой династии [23, с. 311].

Неслучайно в русской духовно-политической мысли этого времени активно разрабатывается новая историческая мифология, которая кладется в основу и новой историософии. Так, в 1630–1640-х годах возникает знаменитое «Сказание о Словене и Русе», легендарно-историческое сочинение, новгородское по происхождению, которое объявляет Россию самым древним государством, имеющим исторические претензии на территории от Адриатики до Ледовитого океана. Чуть позже это «Сказание» включается в летописный свод 1652 года, приобретает официальное звучание и становится столь влиятельно, что во второй половине XVII века и в XVIII столетии использовалось в различных исторических сочинениях, и даже еще в XIX веке к тексту «Сказания» обращались авторы провинциальных летописцев [79, с. 444–447].

На основе этого и других памятников, как показал в своем исследовании А.П. Богданов, в русской духовно-политической традиции постепенно формируется новый «идеал-образ» – *Вселенское православное царство* [80, с. 170–177; см. также 78, с. 156–157,

195–200, 216–217 и др.][1]. Сама идея Вселенского православного царства возникла еще в конце XV века у тех православных народов, которые оказались под чужеземным и иноверным владычеством. Эти народы терпели притеснения за свою веру и поэтому с надеждой смотрели на Россию, которая, как они верили, будучи единственным независимым православным государством, сможет их освободить [см. об этом 81; 82, с. 449, 450, 459 и др.]. Таким образом, Вселенское православное царство, столицей которого должен был стать Константинополь, – это идея, мечта православных народов об освобождении из-под чужеземного гнета и создании единого православного государства во главе с русским православным государем.

Главными проводниками идеи Вселенского православного царства в России были вселенские православные патриархи – константинопольский, иерусалимский, антиохийский, которые в XVII веке часто и подолгу бывали в России. Они, естественно, были заинтересованы в том, чтобы Россия освободила подчиненные им патриархаты от турецкого владычества. При их активном участии в России распространялась мысль о государственном соединении православного Востока с Россией путем отвоевания Константинополя у турок [83]. Так, константинопольский патриарх объявил русского государя «столпом твердым и утверждением веры, помощником в бедах, прибежищем нашим и освобождением», а русскому патриарху константинопольский владыка посулил Вселенское патриаршество [см. 78, с. 216–217].

Идея Вселенского православного царства нашла много сторонников и в России, среди которых первыми были царь и патриарх. В понимании царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и некоторых других «придворных боголюбцев» Москва как «Новый Иерусалим» и Россия как «Новый Израиль» – это центр вселенского православия, который должен объединить все Православные Церкви под своим покровительством во Вселенском православном царстве [см. об этом: 84, с. 120–122; 80, с. 170–177; 78, с. 156–157, 195–200, 216–217 и др.]. Зримым центром вселенского православия должен был стать Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой – он был построен как подобие знаменитого Иерусалимского храма Воскресения Господня (храма Гроба Господня), местность вокруг монастыря была переименована в честь святых мест Палестины, в храме предполагалось устроить пять престолов, в которых одновременно могли служить четыре вселенских патриарха во главе с патриархом Московским и всея Руси. Как отмечает А.П. Богданов, «вселенскую» тематику развивает и «Чин поставления на царство Федора Алексеевича»: новый государь венчался прежде всего «по преданию Святыя Восточныя церкви», и лишь во вторую очередь «по обычаю древних царей и великих князей российских» [80, с. 161; ср.: 85, с. 137].

Однако исторический путь к устроению идеального Вселенского православного царства во главе со вселенским православным царем тернист и непрост. Первым шагом к этому идеалу должно было стать созидание Российского православного самодержавного царства («Российского самодержавства»)[2], на престоле которого должен был пребывать истинный русский православный царь [80, с. 170–177]. Поэтому в середине XVII века актуализируется сложившиеся ранее традиционные представления об истинном православном государе, причем инициатором этой актуализации выступает сам царь Алексей Михайлович.

Прежде всего, активно возрождается идея божественного происхождения царской власти. Из переписки царя Алексея Михайловича с разными людьми видно, что он вполне

[1] Необходимо отметить, что, по мнению Г.В. Талиной, «идеал-образ» Вселенского православного царства не имеет основания в источниках XVII века и является позднейшей историографической конструкцией.

[2] Понятие «Российское православное самодержавное царство» предложено А.П. Богдановым; понятие «Российское самодержавство» предложено Г.В. Талиной. Думается, оба понятия отражают одну и ту же историческую реальность, поэтому могут быть использованы одновременно.

серьезно осознавал себя богоизбранным царем. В грамоте к князю Г.Г. Ромодановскому он прямо утверждал: «*Бог… благославил и предал нам, государю*, правити и разсуждати люди своя на востоке, и на западе, и на юге, и на севере в правду, и мы Божия дела и наши, государевы, во всех странах полагаем, смотря по человеку» [выделено мной – *С.П.*]. В грамоте к боярину В.Б. Шереметеву царь несколько раз повторяет эту же мысль: «по изволению Божию наш государский чин пребывает», «Бог изволил нам, великому государю и тленному царю». Здесь же он вспоминает и библейский образ из Притчей царя Соломона: «Сердце царево в руце Божии» (Притч. 21:1) [86, с. 174, 170].

Кроме того, в посланиях царя появляется важная для него самого и для его подданных формулировка, соединяющая в единое целое понятия «Бог» и «царь»: «дело Божие и наше государево», «Божии дела и наши государевы» (грамота к князю Г.Г. Ромодановскому), «о Божии и нашего великого государя деле» (грамота к окольничему И.И. Лобанову-Ростовскому), «кроми воли Божии и нашего государева жалованья», «по изволению Божию и нашего великого государя и тленного царя указу», «Божия милость и наша великого государя милостивое жалованье» (грамота к боярину В.Б. Шереметеву). А в грамоте к А.Л. Ордину-Нащокину царь практически выводит формулу новой трактовки взаимоотношений воли Бога и власти царя: «Бог де милует, да царь жалует» [86, с. 167, 170, 172, 173, 174].

Именно Господь, по мнению Алексея Михайловича, выступает главным судьей подданных русского царя за исполнение ими «Божия и государева дела» – награждает или наказывает. В грамоте к В.Б. Шереметеву царь напрямую связывал успехи боярина на царской службе с помощью Божиею: «Внимай, рабе Божий, како о тебе великий Царь царем и Небесный Владыка промышление творил како руководствовал, како всех сокрушил и без вести сотворил твоим к Нему, Свету, раденьем и усердством несуменным и недвоедушным упованием и молитвою крепкою и мужественным сердцем, за помощию Ево святою, а к нам, великому государю и тленному царю, твоим боярина нашего и воеводы промыслом и товарыщев своих и всех ратных людей службою» [86, с. 171]. В свою очередь, укоряя Г.Г. Ромодановского за нарушение царского приказа из-за желания получить личную выгоду, царь полагает, что проступок перед государем карает Господь: «Воздаст тебе Господь Бог за твою к нам великому государю прямую сатанинскую службу, яко же Дафану и Авирону и Анании и Самфире. Ане клялися Духу Святому во лжю, а ты Божие повеление и наш государев указ конечно исправил, якоже Июда продал Христа на хлебе, а ты Божие повелиние и наш государев указ и нашу милость продал же лжею». Мысль о проступке перед царем как о вине перед Богом пронизывает все послание царя к Ромодановскому, искупление вины видится ему в следовании царской воле: «И буде ты желаешь впредь от Бога милости и благословения и не похочешь итти в бездну без покаяния и в нашем государеве жалованье быть по прежнему, и тебе б, оставя всякое свое упрямство, учинить по сему нашему великого государя указу…» [86, с. 172, 174].

В результате идея божественного происхождения царской власти была закреплена в официальных документах, в том числе в Чинах венчания на царство. Так, в «Чине поставления на царство Алексея Михайловича» приводится речь самого царя, в которой утверждается, что Алексей Михайлович занял престол «по воли Божией». Чуть ниже эта идея подтверждается речью патриарха Иосифа, призывающего всех жителей России с радостью принять «Богом дарованнаго и благороднаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича» [85, с. 133, 137]. Эти же идеи присутствуют и в «Чине поставления на царство Федора Алексеевича», в котором говорится, что новый царь восходит на престол «по милости Всесильнаго и Всеблагаго в Троице славимаго Бога», а в речи, обращенной к государю, патриарх Иоаким выразил основную суть официальных представлений данного времени о царе: «Богом возлюбленный, и Богом избранный, и Богом почтенный и поставляемый от Вышняго промысла, по данной нам благодати от Пресвятаго и Животво-

рящаго Духа, а от Бога поставляешися, и святым миром помазуешися ныне, и венчаешися царским венцем и святыми бармами, и имянуешися Богом венчанный великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец» [85, с. 138].

Интересно, что признание богоданности власти русских царей из рода Романовых вызвало в русском обществе стремление отождествлять царя с Самим Господом. Так, в официальных документах, прежде всего в челобитных на имя государя появилась формулировка, придуманная самими челобитчиками: «умилосердился как Бог». Однако подобного рода отождествление резко противоречило православному вероучению. Для того, чтобы прекратить подобную практику обращений к царю, 8 июня 1680 года был издан именной царский указ, который грозил жестокой опалой всем, кто дерзнет уподоблять царя Богу [87,с. 102].

Вторая важнейшая составляющая образа «истинного царя» – «*прирожденность*», то есть принадлежность к роду Рюриковичей, имеющих непосредственное Божие благословение на обладание царским титулом и являющихся потомками императора Августа. Как уже говорилось, Романовым еще приходилось доказывать свои прямые родственные связи с Рюриковичами, и, наверное, в наибольшей степени в этом отношении преуспел именно Алексей Михайлович. Уже в «Чине поставления на царство Алексея Михайловича» последний Рюрикович, царь Федор Иванович несколько раз прямо называется «дедом» Алексея Михайловича: «деда нашего, великаго государя, царя и великаго князя Феодора Иоанновича, всея России самодержца»; «волею же Божиею он, дед наш».

Эта родственная связь позволила значительно углубить родословную Романовых и объявить Алексея Михайловича прямым наследником императора Августа: «…Изыде великих царей Российских корень… от превысочайшаго перваго великаго князя Рюрика, иже ото Августа Кесаря обладающаго всею вселенною». В «Чине поставления на царство Федора Алексеевича» практически дословно использована та же формулировка о происхождении рода Романовых через Рюриковичей от императора Августа: «…Изыде великих государей, царей Российских корень, и самодержавствоваху в велицей России от превысочайшаго перваго великаго князя Рюрика, еже от Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною». Одновременно, в соответствии с легендой о «Мономаховых дарах», оба чина особо останавливались на том, что Владимир Всеволодович Мономах «превысочайшую честь и царский венец и диадиму от греческаго царя Константина Мономаха восприим: сего ради и Мономах наречеся, от него же вси великие государи царствия венцем венчахуся» [85, с. 134–135].

Утверждая в официальной государственной идеологии прямые родственные связи с римскими, византийскими и русскими царями, Романовы переносили на себя все сакральные смыслы, которые в сознании российских жителей до того были связаны только с Рюриковичами. Таким образом, в годы правления Алексея Михайловича была возрождена идея и практика *наследственной передачи власти* в роде российских правителей, подмененная в конце XVI – начале XVII века идеей и практикой избрания государя.

Важный момент заключался еще в том, что акт преемственности власти Романовых от Рюриковичей логично ставил вопрос об ответственности новой династии и ее государей за деяния своих предков. Наиболее ярко эта идея воплотилась в 1652 году в «Послании царя Алексея Михайловича к святителю мученику Филиппу», в котором Алексей Михайлович раскаивается в грехе своего «прадеда» царя Ивана IV Васильевича и испрашивает прощения у убиенного в 1569 году по приказу Ивана Грозного митрополита Филиппа [88, с. 160–161].

Первые Романовы столкнулись с необходимостью не только доказать законность наследования прежней династии, но и законность *передачи царской власти* в своем роде.

Поэтому при царе Алексее Михайловиче был создан ряд официальных документов и специально разработан четкий ритуал объявления наследника, зафиксированный в «Чине объявления наследника» [см. 89, с. 154–159]. Видимо, право Романовых передавать власть по наследству уже при Алексее Михайловиче стало общепризнанным в российском общественном мнении. Во всяком случае, в «Чине поставления на царство Федора Алексеевича» уже нет упоминания о «дедах» или «прадедах» из рода Рюриковичей, следовательно, достаточно было того, что Федор Алексеевич выступает наследником своего деда Михаила Федоровича и отца Алексея Михайловича [85, с. 121–154].

Еще одна важная задача, которая стояла перед государями из рода Романовых, – соответствие образу «*благочестивого царя*». Этот образ вбирал в себя все лучшие качества, присущие «истинному царю»: кроткость, благообразие, богобоязливость, милосердие, но и защита православной веры, Церкви, Отечества, хранительство «правды». Г.В. Талина в своих исследованиях убедительно показала, что во времена правления Алексея Михайловича и Федора Алексеевича в русской духовно-политической традиции этот образ «благочестивого царя» был трансформирован в образ «тишайшего царя». По мнению Г.В. Талиной, определение «тишайший» стало не только неофициальным титулом царя Алексея Михайловича, хотя и закрепилось непосредственно за ним, но и титулом, характерным практически для всех первых Романовых: «Это понятие вобрало в себя совокупность всех черт идеального православного монарха XVII в. Неофициальный титул олицетворял символ монархии, но не был емкой характеристикой личности монарха. Для России в целом не было присуще в отличие от Западной Европы наделять венценосную особу прозвищем, ориентирующимся на личные качества… Тенденция рассматривать православного государя как “тишайшего” свойственна как официальной идеологии XVII в., так и общественно-политической мысли» [90, с. 31–36; 91, с. 51–86]. При этом «тишина» правления и самого государя в XVII веке понималось как отсутствие войн и разорений, отсутствие наклонностей государя к тирании, милосердное обращение с подданными.

Думается, что выводы Г.В. Талиной можно дополнить одной важной деталью: понятие «тишайший», как определение идеального православного государя, скорее всего, восходит к православному образу «тишины», как одному из идеальных состояний земного социально-политического человеческого бытия. Образ «тишины» представлен в византийской, а затем и в славянской литургической традиции в «тайной» ходатайственной молитве (интерцессио), которая содержит перечисление священником имен святых, поминовения живых и усопших верных, церковных иерархов, светских правителей, а также моления о разных нуждах церковной общины[1]. В свою очередь, ходатайственная молитва является частью евхаристической молитвы (анафоры), являющейся центральной молитвой Божественной литургии и возглашаемой священником в тот момент, когда происходит чудо преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы[2].

Как показал Н.Д. Успенский, несмотря на то, что «со стороны содержания молений интерцессио – самая неустойчивая часть анафоры, что объясняется изменениями исторических, политических и прочих обстоятельств, в которых протекала жизнь Церкви в разное время», образ «тишины» содержится в древнейших вариантах интерцессио, в частности, в так называемой Климентовой литургии, известной с IV века: «Еще молим Тебя, Господи, о царе и о тех, кто у власти, и о всем воинстве, дабы они были благосклонны к нам, мы же, в *тишине и единомыслии проводя все время жизни нашей*, прославляли Тебя Иисусом Христом, упованием нашим [выделено мной – *С.П.*]» [94, с. 80].

[1] Интерцессио (*лат.* intercessio – ходатайство) [см. 92, с. 117–118].

[2] Анафора (*греч.* ἀναφορά – возношение) [см. 93, с. 179–289].

Образ «тишины» обязательно присутствует в византийской и русской богослужебной практике, причем как в Литургии Иоанна Златоуста, которая совершается в бóльшую часть дней богослужебного года в Православной Церкви, так и в Литургии Василия Великого, которая совершается только десять раз в году. Так, в славянской рукописи XIV века, содержащей тексты обеих Литургий, в ходе интерцессио священник возглашает одно из ходатайств: «Еще приносим ти словесную сию службу о всеи вселеней, и о Святой соборней и апостолстей Церкви, и о живущих в чистоте и в святом житии, о благовернем и христолюбивем цари нашем, и о всей полати и о воих его, даждь ему Господи мирно царство, *да и мы в тишине его, тихо и безмолвно житие поживем во всяком благоверии и чистоте*» [Литургия Иоанна Златоуста; выделено мной – *С.П.*]; «Помяни Господи благочестивааго и вернааго царе нашего, его же оправдал еси царствовати на земли, оружием истинным, оружием благоволениа венчаи его, осени над главою его во день брани, укрепи мышцу его, вознеси десницу его, утверди царство его, покори под ны все иноязычные страны хотешее бранем, даждь ему глубокыи и неотемлемыи мир, всели во срдце его блага о Церкви твоеи, и о всех людех твоих, *да во тишине его тихо и безмолвно житие поживем, во всяком благочести и чистоте*» [Литургия Василия Великого; выделено мной. – *С.П.*] [95, с. 313–314; 342–343].

Как показал М. Скабалланович, начиная с XV века, когда «в Служебниках как греческих, так и славянских устанавливается приблизительно нынешний состав сугубой ектении и нынешний порядок», образ «тишины» появляется и в составе сугубой ектении, то есть в «усиленной» молитве, которую диакон (или священник) возносит ко Господу не тайно, но перед собравшимися в храме мирянами[1]. В частности, в некоторых славянских рукописных и московских печатных изданиях XVII века приводилось следующее молитвенное вознесение: «Еще молимся милости Божии о помощи и о поспешении и о укреплении и о пособлении и о сподоблении еже на враги победа и одоление благовернаго и христолюбиваго царя и великаго князя (имярек), воинству о благопребывании, *о мире и о тишине и о устроении и оставлении грехов всего православнаго христианства* рцем вси…» [выделено мной – *С.П.*].

В старообрядческом Служебнике, который воспроизводится без изменений по изданию 1601 года, в составе сугубой ектении тоже есть это молитвенное вознесение: «Еще молимся милости Божии о помощи и о посещении и о укреплении и о пособлении и о сподоблении еже на враги победа и одоление благовернаго и христолюбиваго царя и великаго князя имярек, воинству о благопребывании, *о мире и о тишине и о устроении, и о оставлении грехов всего православнаго християньства*, рцем вси…» [выделено мной. – *С.П.*] [97, с. 572, 574–575][2].

Связь образа «тишайшего» царя с образом «тишины» из литургической ходатайственной молитвы и сугубой ектении прослеживается по «Чинам венчания» первых Романовых. В «Чине поставления на царство Алексея Михайловича» царь в своей речи так говорит о своем отце, царе Михаиле Федоровиче: «…Великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович… все православное христианство в покое и в тишине и во благоденствии тихо и немятежно строя, и всеми благими на вселенней цветяше превыше

[1] Ектения (*греч.* ἐκτενὴς [ἱκεσία] – сугубое, протяженное моление) – один из видов молитвословий во время церковного богослужения, когда диакон (или священник, если нет диакона) возглашает молитвенные прошения, а хор на каждое прошение поет «Господи, помилуй» или «Подай, Господи». *Сугубая ектения* – усиленная ектения, потому что на каждое прошение, произносимое диаконом, певчие отвечают тройным «Господи помилуй» [см. 96, с. 248–251].

[2] Нужно отметить, что в наше время это молитвословие возглашается диаконом (или священником) во время чтения сугубой ектении в следующем варианте: «Еще молимся о Богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте» [см. 98, с. 356].

всех великих государств». Затем образ «тишины» возникает в речи патриарха Иосифа: «…И все православное христианство в покое и в тишине, и во благоденствии тихо и немятежно строя…». Наконец, образ «тишины» присутствует и в «Чине поставления на царство Федора Алексеевича», только теперь повествование ведется об Алексее Михайловиче: «…Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович… все православное христианство в покое, и тишине, и в благоденствии, тихо и немятежно строя, и всеми благими на вселенней цветяше» [85, с. 132–133, 121–122]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «тишайший» имеет скорее духовное, нежели чисто политические или же бытовое происхождение, и конечно, никак не связано с какими-то личными чертами или особенностями характера русских государей.

Наконец, в этот период вновь важнейшее звучание приобретает *идея самодержавности*. Первым Романовым, вступившим на престол в результате прекращения ранее царствующей династии и Смуты, самодержавность их правления – цель, которую необходимо достичь. Прежде всего в царствование Алексея Михайловича окончательно утверждается формулировка царского титула как важнейшей части характеристики самодержавной власти первых Романовых: «Мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных государств, и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны повелитель и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей, и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич и наследник и государь и обладатель» [99, с. 100]. При этом необходимо отметить, что подданные русского государя непременно наказывались за ошибки при написании царского титула. Обязательное наказание следовало не только за искажение титула русского государя, но и за применение одной или нескольких его формул к лицу, не обладавшему царским достоинством [см. 100–102, с. 95–96].

Значительно усилило самодержавный характер власти Соборное уложение 1649 года. По мнению исследователей, 2-я глава «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать» впервые в истории русского законодательства дало систематическое описание состава государственных преступлений и определило процесс по этим делам [см.: 103, с. 63–64; 104, с. 158–159]. При этом государственным преступлением объявлялось не только любое покушение на личность, здоровье, честь и права русского царя, неисполнение «государева дела» или измена, но и «умышление», то есть умысел на преступление против царя. Об этом прямо говорится в самых первых статьях 2-й главы: «1. Буде кто каким умышленьем учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщетца допряма, что он на царьское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию. 2. Также будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государьством завладеть и государем быть, и для того своего зловоумышленья начнет рать збирать, или кто царьского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом по его ссылке Московским государьством завладеть или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщетца про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнить смертию» [105, с. 86].

Смертной казнью наказывались ближайшие родственники преступника, если они знали о «злых умышлениях» и не донесли о них (ст. 6, 9), а также покушавшиеся «самовольством, скопом и заговором» на «государевых» людей, «бояр, и околничих, и на дум-

ных и на ближних людей, и в городех и в полкех на воевод, и на приказных людей», потому что такие покушения тоже рассматривались как преступления против «государевой чести» (ст. 21–22) [105, с. 86–89]. Интересно, что именно после принятия Соборного уложения в России широко распространились *присяги разных чинов* – документы, которые были связаны с усилением статуса царской власти и были вызваны стремлением законодателей защитить государя и представителей царской фамилии от посягательства со стороны различного рода должностных людей [см. 106, с. 105–112].

* * *

Как можно видеть, первые государи из династии Романовых вполне осознанно устраивали свою страну как Российское православное самодержавное царство («Российское самодержавство»). Для этого они стремились, во-первых, полностью соответствовать традиционным представлениям об «истинном православном царе»; во-вторых, созидать Российское царство как «истинное самодержавство», принимая на себя полную ответственность перед Господом за страну и народ; в-третьих, принимать на себя реальную ответственность за устроение Вселенского православного царства.

Однако государь Петр I Алексеевич, встав у кормила власти, повел корабль русской истории иным курсом. И в этом отношении мыслители славянофильского круга, в том числе и Ю.Ф. Самарин, оказались правы.

Литература

1. Ю.Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / сост. Т.А. Медовичева. М., 1997.
2. Хранители России: Антология. Т. 6: Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2018.
3. Словарь русского языка. XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
4. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 7. М., 1980.
5. Послание на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т. 7. СПб., 2000.
6. *Филюшкин А.И.* Василий III. М., 2010.
7. История России: в 4 т. Т. 1: Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века): коллективная монография / под ред. Н.А. Омельченко; отв. ред. С.В. Перевезенцев. М., 2018.
8. *Алексеев Ю.Г.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.
9. *Золтан А.* К предыстории русского «государь» // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. М., 2002. С. 554–560.
10. *Назаров В.Д.* Великий князь московский: «господин» удельных князей или их «господарь»? (полемические заметки) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXI Чтения памяти В.Т. Пашуто: Материалы конференции. М., 2009. С. 236–243.
11. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // БЛДР. Т. 6. СПб., 1997.
12. *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // Архив русской истории. 1994. Вып. 5.
13. *Филюшкин А.И.* Титулы российских государей. М., СПб., 2006.
14. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
15. Сказание о Дракуле // БЛДР. Т. 7. С. 460–471.
16. «Лаодикийское послание» Федора Курицына // БЛДР. Т. 7. СПб., 2000.
17. *Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. С. 225–230.
18. *Перевезенцев С.В.* Идея сильной личности в сочинениях Федора Курицына // SCHOLA-2009: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / под общ. ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М., 2009. С. 151–154.
19. *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Л.: Наука, 1988.
20. *Литвинова Л.В.* Власть // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005.

20а.*Ермолина А.С.* Концепции взаимоотношений правителя и подданных в русской политической мысли середины – второй половины XVI века: / Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2010. С. 47-53.

21. *Иосиф Волоцкий, прп.* Просветитель. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.

22. Послания Иосифа Волоцкого / подг. А.А. Зимин, Я.С. Лурье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

23. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998.

24. *Громов М.Н.* Максим Грек. М.: Мысль, 1983.

25. *Максим Грек, прп.* Сочинения, изданные Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой: в 3 ч. Ч. 2: Догматико-полемические сочинения. Сергиев Посад, 1910.

26. *Максим Грек, прп.* Сочинения, изданные Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой: в 3 ч. Ч. 1: Нравоучительные сочинения. Сергиев Посад, 1910.

27. *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.

28. Сказание о князьях Владимирских // БЛДР. Т. 9. СПб.: Наука, 2000.

29. *Алексеев А.И.* Иосиф Волоцкий. М.: Молодая гвардия, 2014. (Жизнь замечательных людей).

30. *Зимин А.А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

31. *Гольдберг А.Л.* К истории рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (далее ТОДРЛ). Т. 30. Л., 1976.

32. *Дмитриева Р.П.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976.

33. *Дмитриева Р.П.* Политическая теория великокняжеской власти на Руси в 20-х годах XVI в.: («Сказание о князьях владимирских») // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997.

34. Послание о Мономаховых дарах // Великий князь Владимир Мономах / изд. подг. А.Ю. Карпов. М., 2006.

35. *Ульяновский В.И.* Первая концепция происхождения княжеской власти и ее символов на Руси: «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. 2. СПб., 2008.

36. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 1.

37. *Тихонюк И.А.* Чин венчания Дмитрия-внука // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Ч. 3. М., 1987.

38. *Самойлова Т.Е.* «Вера, государь… и красота церковная» // Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного. М., 2007.

39. *Синицына Н.В.* О происхождении понятия «шапка Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1989.

40. *Соколова И.М.* Трон Ивана Грозного в Успенском соборе. М., 2006.

41. *Бычкова М.Е.* Святость символов власти московских государей // Проблема святых и святости в истории России. М., 2006.

42. Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985.

43. Утвержденная грамота об избрании царем Бориса Федоровича Годунова // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 7.

44. Чин венчания на царство царя Бориса Федоровича // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846.

45. Повесть о житии царя Федора Ивановича // БЛДР. Т. 14. СПб., 2006.

45а.*Перевезенцев С.В., Кухарский Д.Ю.* Образ государя в сочинениях Смутного времени // Вестник Российской нации. 2017. № 6. С. 44–62.

46. *Скрынников Р.Г.* Смутное время: Крушение царства. М., 2007.

47. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.

48. *Аракчеев В.А.* Проблема «урочных лет» в Русском государстве в конце XVI – начале XVII века // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. СПб., 2008. № 85. С. 31–37.

49. Окружная грамота Лжедмитрия, о войне с Борисом Годуновым (ноябрь 1604 г.) // ААЭ. СПб., 1836. № 26.

50. Грамота патриарха Иова в Сольвычегодский Введенский монастырь (14 января 1605 г.) // ААЭ. СПб., 1836. № 28.

51. Грамота Новгородского митрополита Исидора в Соловецкий монастырь (январь 1605 г.) // ААЭ. СПб., 1836. № 29.

52. Грамота митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла в монастыри Усольского уезда (19 апреля 1605 г.) // ААЭ. СПб., 1836. № 31.

53. Грамота митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла в Сольвычегдский Введенский монастырь (29 апреля 1605 г.) // ААЭ. СПб., 1836. № 32.

54. Грамота Лжедмитрия к московским боярам и другим всякого звания людям (июнь 1605 г.) // ААЭ. СПб.,1836. № 34.

55. Грамота Лжедмитрия в Сольвычегодск, о восшествии его на престол (6 июня 1605 г.) // ААЭ. СПб., 1836. № 35.

56. Грамота Лжедмитрия в Кириллов монастырь о пострижении Симеона Бекбулатовича (29 марта 1605 г.) // ААЭ. СПб.,1836. № 41.

57. *Успенский Б.А.* Свадьба Лжедмитрия / Б.А. Успенский //Этюды о русской истории. СПб., 2002.

58. *Козляков В.Н.* Марина Мнишек. М., 2005.

59. Грамота царя Василия Ивановича в Пермь Великую об избрании его на престол (20 мая 1606 г.) // ААЭ. СПб., 1836.№ 44.

60. Царская грамота в Пермь Великую (6 июня 1606 г.) // ААЭ. СПб., 1836. № 48.

61. *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007.

62. Грамота царя Василия Ивановича в Пермь Великую об избрании его на престол (20 мая 1606 г.) // ААЭ. СПб., 1836. № 44, 1.

63. *Платонов С.Ф.* Под шапкой Мономаха. М., 2001.

64. *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004.

65. *Платонов С.Ф.*Статьи по русской истории. СПб., 1912.

66. *Любомиров П.Г.* О рукоприкладствах на «Утвержденной грамоте» / П.Г. Любомиров // Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.

67. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / предисл. С.А. Белокурова. М., 1906.

68. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века / под ред. А.А. Ширинянца. М., 2011.

69. Повесть о победах Московского государства / изд. подг. Г.П. Енин. Л., 1982.

70. Хронограф 1617 года // БЛДР. Т. 14. СПб.: Наука, 2006.

71. Иное сказание // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984.

72. Повесть книги сея от прежних лет // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984.

73. Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождении его // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1847. Кн. 4, 9. Отд. II.

74. Рукопись Филарета, Патриарха Московского и всея России. М., 1837.

75. *Палицын А*. Сказание. СПб., 1909.

76. О венчании царским венцом государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси // ПСРЛ. Т. 14. М., 1910. № 337.

77. *Вышегородцев В.И.* Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон // Великие государственные деятели России. М., 1996.

77а.*Перевезенцев С.В*. Русские смыслы: Духовно-политические учения России XVI–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2019. С. 485-505.

78. *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2006.

79. *Буланин Д.М., Турилов А.А.* Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.) Ч. 3. (П–С). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

80. *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

81. *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII вв. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914.

82. *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVII в. М., 2003.

83. *Опарина Т.* «Промыслить Царьград»: Как русское правительство отказалось от завоевания Константинополя // Родина. 2006. № 11. С. 36–40.

84. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1991.

85. Чин поставления на царство царя и великого князя Федора Алексеевича и фрагменты Чина поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых / сост., авт. вступ. ст., коммент. Г.В. Талина; под. ред. С.В. Перевезенцева. М., 2004.

86. Письма и послания царя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых / сост., авт. вступ. ст., коммент. Г.В. Талина; под. ред. С.В. Перевезенцева. М., 2004.

87. О неписании в просьбах к государю выражения, чтобы он пожаловал, умилосердился как Бог: Именной царский указ (8 июня 1680 г.) // Самодержавное царство первых Романовых / сост., авт. вступ. ст., коммент. Г.В. Талина; под. ред. С.В. Перевезенцева. М., 2004.

88. Послание царя Алексея Михайловича к Святителю мученику Филиппу // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.

89. Обнародование о вступлении в совершеннолетие царевича Алексея Алексеевича и о бывшей по сему случаю церемонии // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.

90. *Талина Г.В.* Русская самодержавная монархия первых Романовых глазами современников и потомков // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.

91. *Талина Г.В.* Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. М., 2010.

92. Intercessio // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010.

93. *Желтов М.С.* Анафора // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001.

94. *Успенский Н.Д.* Анафора (Опыт историко-литургического анализа) // Богословские труды. Вып. 13. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1975.

95. Литургия Иоанна Златоуста; Литургия Василия Великого // Афанасьева Т.И. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015. Приложение.

96. *Желтов М. диак.* Ектения // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008.

97. Толковый типикон: Объяснительное изложение Типикона. С историческим введением / сост. М. Скабалланович. М., 2004.

98. Полный православный молитвослов для мирян. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

99. О титуле царском и государевой печати (именной царский указ, 1667 г.) // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.

100. О наказании кнутом подьячего за прописку государева наименования (1658): Именной царский указ // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.

101. О посажении в тюрьму на неделю губного старосту Некрасова за прописку титула государя и о наказании батогами губного дьяка Коробова, который ту отписку читал перед Разбойным приказом (1663): Именной царский указ // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.

102. Об урезании языка Проньке Козулину, если по розыску окажется, что он называл Демку Прокофьева царем Ивашки Татаринова (13 сентября 1664 г.): Именной царский указ // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.

103. *Тальберг Г.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.

104. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980.

105. Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX вв.: Тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. и с предисл. О.И. Чистякова. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1985.

106. Форма присяги разных чиновников // Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.

Аннотация. Статья посвящена теме, которая занимала одно из центральных мест в мировоззрении славянофилов и в их спорах как друг с другом, так и оппонентами: природа царской власти в России, ее политическая преемственность, политическая и психологическая легитимация. Какие требования предъявляются в русской политической культуре царской власти в целом и ее носителю в частности. Каким представлениям о власти должен соответствовать монарх в России лично. В чем образ русской царской власти сохраняет преемственность от своих исторических аналогов – Римской и Византийской империй, а в чем является уникальным и неповторимым в мировой практике. Автор разбирает предысторию вопроса – каким был образ государя в сочинениях конца XV–XVII веков, то есть в постордынский период укрепления и централизации русской государственности, наивысшего расцвета династии Рюриковичей, периода Смуты, а также восхождения на трон династии Романовых.

Ключевые слова: монархия, самодержавие, образ царской власти, политическая преемственность, политическая легитимность, Рюриковичи, Романовы.

Sergey V. Perevezentsev, Doctor of History, Professor, History of Social and Political Doctrines Department, Political Science Faculty, Lomonosov Moscow State University. E-mail: serp1380@yandex.ru

“Approved by God to the Sovereign…”. The Image of the Sovereign in the Works of the End of 15th–17th Centuries

Abstract. The article is devoted to the theme that used to be the focus point in the views of Slavophils and their discussion both with each other and with the opponents: the nature of Tsar power in Russia, its political continuity, psychological and political legitimization. What demands are put forward on the tsar power in general and the particular sovereign in Russian political culture? What authority image should the sovereign in Russia comply with personally? In what aspects the Russian Tsar authority preserves succession with its historic analogues – Roman and Byzantine empires, and in what aspects it was unique and inimitable in world practice? The author analyzes the background of the issue, – what the image of the sovereign was like in the works of the end of the 15th–17th centuries, i.e. in the post-Horde period of the consolidation and centralization of Russian State system, the prime of the Rurikovich dynasty, the Distemper period and accession to the throne of the Romanov dynasty.

Keywords: Monarchy, Autocracy, The Image of the Tsar Power, Political Continuity, Political Legitimacy, the Rurikovichs, the Romanovs.

Духовная крепость

Раздел четвертый

Л.Е. Шапошников
Философско-педагогические взгляды Ю.Ф. Самарина

В.А. Щипков
Отношение к категориям религиозного и светского у основоположников славянофильства (Киреевский, Хомяков, Самарин)

А.Л. Беглов
Семейство Самариных и приходский вопрос в Российской империи. 1860–1910-е годы

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)
К историософским построениям Ю.Ф. Самарина: литературный миф про епископа Ростовского Феодора

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)
Повседневность, пища и вера
К тезису Ю.Ф. Самарина о «формализме» допетровского периода церковной жизни

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-209-218

Лев Шапошников

Философско-педагогические взгляды Ю.Ф. Самарина

Юрий Федорович Самарин (1819–1876) был одним из самых образованных людей своего времени. В детстве его воспитывала французская няня, а затем французский педагог Пако, вскоре ставший популярным преподавателем в Московском университете. Поэтому неслучайно в этот период Юра лучше говорил по-французски, чем по-русски, – данным фактом был озабочен и его отец Федор Васильевич. Это обстоятельство было одной из причин его отказа от петербургской карьеры и переезда «в Москву, чтобы отдаться целиком делу воспитания детей», к которому «он привлек все лучшие силы, которые были в его распоряжении» [3, с. 13]. Среди этих педагогов оказался и выпускник Московской духовной академии Николай Иванович Надеждин, впоследствии известный профессор Московского университета, который в 1836 году в редактируемом им журнале «Телескоп» опубликовал «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева. С 1826 года в течение двух лет Н.И. Надеждин был учителем Ю.Ф. Самарина, и тот под влиянием талантливого педагога быстро усвоил родную речь. Стараниями отца в их доме была создана «как бы маленькая школа, тянувшаяся к университету» и готовившая своих слушателей к поступлению в это учебное заведение. Напомним, что в семье Самариных было пятеро сыновей и одна дочь. Причем брат Юрия, Д.Ф. Самарин, отмечает, что в ходе домашнего образования будущий славянофил «не отличался ни прилежанием, ни благонравием; воспитание его было делом трудным» [4, с. XII]. Однако, обучаясь в университете на словесном отделении, он уже продемонстрировал замечательные способности к овладению гуманитарным знанием и в 1838 году окончил его «первым кандидатом». В университете он подружился с К.С. Аксаковым, и они вместе готовились к магистерскому экзамену, который сдали в 1840 году. Началась работа над магистерской диссертацией «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». Большое значение для становления мировоззрения Ю.Ф. Самарина имело его знакомство с А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским, произошедшее в 1840 году. Особенно следует отметить влияние лидера славянофильства на богословские воззрения мыслителя.

Работая над диссертацией, Ю.Ф. Самарин почти три года «занимался исключительно изучением православия», а поскольку в университете господствовало «начало немецкого рационализма на предпоследней ступени его развития», то молодой ученый ставит задачу «оправдать православие философией Гегеля». Более того, для него тогда религия не выступала главным фактором в развитии духа, так как он считал «высшим моментом» в его становлении философию. Эти взгляды получили резко негативную оценку со стороны ведущего идеолога славянофильства, подчеркивающего служебный характер философии

Шапошников Лев Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, президент НГПУ имени К. Минина. E-mail: rectornnspu@rambler.ru

по отношению к религии: она, с его точки зрения, не чужда божественным истинам, но составляет по отношению к ним «низшую стихию». Ее задача сводится к обеспечению «переходного движения» человеческого разума «из области веры к многообразию мысли бытовой». Философия, как и в целом человеческий разум, может «полноту своего существования находить только в вере» [11, с. 262]. Правда, речь идет о вере, очищенной от суеверий и не стоящей в стороне от «развития религиозной мысли».

Ю.Ф. Самарин в письме к А.С. Хомякову от 1843 года осознает это расхождение. По его мнению, при многих «общих убеждениях нас разделяет, как кажется, только один вопрос… Я разумею вопрос об отношении религии к философии». Однако он имеет принципиальное значение, и его решение «должно быть так плодовито результатами» [2, с. 445]. Дискуссия по проблеме взаимоотношений философии и религии не осталась бесплодной, и молодой мыслитель постепенно становится на точку зрения А.С. Хомякова. В предисловии к изданию магистерской диссертации Ю.Ф. Самарина протоиерей А.М. Иванцов-Платонов отмечает, что славянофильство хотело свои воззрения провести «по всем высшим отраслям знания – богословского, философского, исторического, эстетического и т.д.». С его точки зрения, «главным руководителем школы, установителем основ славянофильского учения» был А.С. Хомяков, и Юрий Федорович, осмысливая отечественную историю, изучая православные традиции, убеждается в правоте мыслителя, становясь одним «из его сотрудников, разрабатывавших частности учения» [1, с. XXIII]. Уже в 1846 году в письме к своему младшему брату В.Ф. Самарину, учившемуся в Московском университете, он отмечает, что те школы, которые признают «в знании логическом последнюю сферу развития духа», проявили полное бессилие, когда их философское знание «встретилось с жизнью». Односторонность западных философских убеждений исходит из «истории народов западных», но они совершенно неприменимы к анализу мира славяно-православного, который «им вовсе неведом и с их точки зрения не может быть понят» [2, с. 457]. Вместо рациональных систем необходимо обратиться к более высокому уровню знания, которое А.С. Хомяков определяет как «жизненное». Его источником выступает отечественная история и тот «дух жизни», который «сохранил в себе наш простой народ».

Ю.Ф. Самарин в итоге согласился с А.С. Хомяковым в том, что все знание можно разделить на два вида – логическое и жизненное. Основанием первого «служит отрицание непосредственности», и в силу своего схематизма оно «отказывает человеку в удовлетворении духовных потребностей» [8, с. 91]. Второе опирается на «безошибочность духовного инстинкта», на интуитивные прозрения и на «проявленные движения человеческой души». С жизненным знанием неразрывно связано религиозное Откровение, причем не только «в смысле проявления Божества», но и в смысле его «намеренного обращения к человеку». В силу этого «воля Творца и Промыслителя знаменуется в жизни каждого субъекта, она непременно вернее, чем действие на него материальной среды» [10, с. 415]. К тому же рациональное мышление базируется лишь на рассудочных построениях, а познающая мысль «достигает полноты своего развития и могущества только при условии совокупного и сосредоточенного участия в процессе постижения всех сил и способностей духа» [8, с. 116]. В результате синтеза религиозной веры, разума и воли появляется не одностороннее, а целостное познание.

Осуждая односторонность рационального познания, Ю.Ф. Самарин отнюдь не отрицает значение философии для развития человеческого разума. Он с иронией замечает, что «нет надобности изучать Гегеля, чтобы иметь право голоса в дворянском собрании, попасть в предводители или быть избранным в Английский клуб» [8, с. 273]. Однако, к счастью, в России «всегда водились люди с другими потребностями», и среди них были те, кто интересуется философией.

С его точки зрения, начало философии находится «в акте самосознания, в различении я от не я, отсюда потребность постигнуть закон мышления и воли, отношение их к объективному миру, отношение свободы и необходимости, понятия к явлению» [8, с. 269]. Сама история философии, преемственность ее идей, как считает Ю.Ф. Самарин, не зависит «от внешних исторических условий, а выражает собой последовательное движение человеческой мысли». На этом пути не только встречались достижения, но было и много заблуждений. Последние часто появляются тогда, когда предмет или явление оцениваются по «одной стороне», не обнимающей всей их полноты, или «в принятии случайной, несущественной стороны, за существенную» [8, с. 149].

Так, например, система Гегеля, несмотря на определенные достижения, абсолютизировала значение рационального познания. В то же время, как вспоминает Ю.Ф. Самарин, целые курсы в университете «заражались ею, именно заражались, то есть подчинялись ее влиянию, принимали на веру ее выводы, не подвергая строгой критике основных ее начал» [8, с. 270]. Игнорируя «мир видимый и осязаемой действительности», немецкий философ показывает пример материалистам, которые отталкивают уже «от себя мир духа». Следовательно, «в происхождении школы материалистов» обнаруживается «тесная ее зависимость именно от системы Гегелевой» [8, с. 272]. С материалистическими тенденциями в философии также связано и появление позитивизма. Последний занимается перенесением «приемов естествознания на философию». Причем свои выводы его сторонники направляют «против системы убеждений, приобретенных другими способами и из других источников». Вторгаясь в «неведомые для них сферы», они выдвигают некомпетентные и необоснованные положения, так как материалисты и позитивисты не понимают, что логические доказательства возможны только в прикладных науках, но «совершенно иного рода требования в области философии» [10, с. 509]. В силу этого их стремление обосновать противоположность и даже антагонизм религии и науки, связать свои взгляды с интересами и потребностями естествознания «в строго философском смысле» не имеют под собой никаких оснований.

Последовательно выступая против материализма и позитивизма, Ю.Ф. Самарин отнюдь не призывает к их запрету: он был убежден, что «всякое посягательство на свободу мысли безнравственно».

Итак, для мыслителя религия и философия выступают как «нерукотворные вершины человеческой мысли». Однако они неравноправны, так как «философия дает правила, но не творит силы», ибо только «религия приписывает живому началу всякого бытия не одну законодательную власть, но и творческую силу как над каждым субъектом, так и над окружающей его средой» [10, с. 410].

Эти методологические установки Ю.Ф. Самарин применяет и к философии истории. Решающее значение для определения судьбы народа имеет религиозная вера: «для нас это православие», из которого «истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейную и общественную жизнь русского человека». В письме к К.С. Аксакову он подчеркивает, что «народ, как народ, может быть оправдан только с точки зрения религиозной» [2, с. 460]. Христианское сознание исходит из того, что люди находятся в постоянном взаимодействии с божественным миром, и в силу этого появляется учение о промысле Божьем, который направляет «народную жизнь вперед к недосягаемому совершенству». Однако было бы неверным понимать действия промысла «как внешней принудительной силы», достигающей своих целей помимо воли человека. Все дело в том, что мировой исторический процесс осуществляется «не кроме народностей… а через народности и только через них, как драма на сцене развертывается действующими лицами и только ими» [8, с. 152]. Поэтому историческое развитие, движение общества вперед достигается «свободным совпадением народностей» с божественным воздействием. Следовательно, «народность» тоже является субъектом истории и несет ответственность за ее результаты.

В самой народной деятельности встречаются и переплетаются две силы: творческая, прокладывающая для истории новые пути, «раздвигающая ее поприще, вводящая новых деятелей на смену старых», и «сила умеряющего расчета, приводящая в стройность и закрепляющая плоды народного творчества» [8, с. 259]. Очень важно правильно установить соотношение этих сил, так как от этого зависит результативность человеческой активности в истории. Однако подобной гармонии в прошлом нашего отечества часто не случалось. Например, Петр I «свое одностороннее понимание, свое личное отношение <…> переносит как норму» на все общество. Доминантным интересом императора было реформирование государства, а «все другие сферы, искусство, религия, наука были ему доступны, во сколько они служат государству» [6, с. 107]. При этом все эти сферы перестраивались по западному образцу, что разрушало «живую нить исторического предания», которое наполняет народ «питательными соками», проявляясь и в частной, и в общественной жизни.

В этой связи понятно, что «подобная исключительность» Петра I, его сосредоточенность на реформах ведет к абсолютизации нового пути развития общества и к недооценке «силы умеренного расчета». В результате «российское государство и русская земля» начинают обособляться друг от друга, ибо «народ разучился понимать правительство, правительство отвыкло говорить языком для народа понятным». В силу этого «в народе общественный дух замер», и пока он не восстановится, «политическая роль Российского государства будет постоянно ниже его призвания» [6, с. 389]. С восстановлением «народного духа» также связана необходимость отмены крепостного права. Оно характеризуется Ю.Ф. Самариным как препятствие «для всякого существенного улучшения в чем бы то ни было». Монарх для того, чтобы восстановить «цельность и крепость общественного организма», должен «выражать интересы всех сословий». Однако в реальной действительности «не все сословия в равной степени пользуются его покровительством», так как «дворянство разлучило простой народ с царем» [9, с. 33]. Мыслитель считает, что «развязать узел крепостного права» можно лишь в том случае, если «отпустить крестьян с землею и поставить их в совершенно независимое положение от помещиков» [9, с. 137].

Восстановление целостности государственного организма позволит возродить преемственность отечественной истории. На переломных этапах своего развития – а были периоды, когда государство испытывало бессилие, – Россия спасалась «единством своей веры, непобедимым своим духом самопожертвования». Православная церковь, народные традиции подготовили ту почву, на которой «возвысилось строение государственное», и даже в период Смутного времени Святая Русь «вызвала тот дух народный», который некогда создал государство «и вновь его воздвиг» [10, с. 529]. В то же время в период Крымской войны Российская империя формально сдалась «перед внешними силами западного союза», в действительности же – «перед нашим внутренним бессилием».

Среди необходимых мер для преодоления «внутреннего бессилия» Ю.Ф. Самарин предлагает сгладить антагонизм между основной массой населения и высшим сословием. Причем «сближение с народом может быть еще более необходимо для образованного класса, чем для народа» [8, с. 91]. Отмена крепостного права, как мы уже отмечали, одно из главных условий этого сближения. Следует также отказаться от «бездумного заимствования» западных ценностей. Мыслитель был убежден, что исторический опыт приводит к выводу о том, что «Россия должна развиваться самобытно». Причем не следует бояться «разрыва с цивилизованным миром»: у нашего Отечества свой исторический путь, который «расходится далеко с результатами развития народов Западных». Из этого не следует, что Ю.Ф. Самарин призывает Россию к изоляционизму; он считает, что «заимствования должны ограничиваться тою областью, которая относится индифферентно к <…> корен-

ным началам, то есть областью фактического знания, внешнего опыта и материальных усовершенствований» [8, с. 286].

Философ также уточняет, что следует считать вредным влиянием на «коренные начала» этноса. С его точки зрения, не все то, что прежде явилось в других странах и от них заимствовано, выступает чуждым для народа, а только то, что «не было и не могло быть усвоено народным организмом» [8, с. 268]. Следовательно, в ходе истории, в процессе взаимодействия с другими народами «чужое может стать своим», но при этом сохраняются самобытные условия «религиозного, политического и семейного быта».

Наконец, еще одна проблема, которую необходимо решать: мыслитель убежден, что, «говоря о русской народности, мы понимаем ее в неразрывной связи с православною верою». Уже в своей магистерской диссертации Ю.Ф. Самарин, демонстрируя в целом положительное отношение к Петру I, вынужден был признать, что «народное чувство не мирилось с реформою, оскорблявшею православие». В своих зрелых работах он последовательно осуждает современное ему положение церкви, так как «вследствие разных формальностей», установленных государством, служители православной церкви «могут назваться по истине связанными» [10, с. 9]. В силу этого в деятельности церкви начинают преобладать бюрократические, а не содержательные начала.

Образованный русский человек, называя себя православным, в то же время «уставов и преданий своей церкви не соблюдает, живет в ней как чужой и поэтому не любит и не может любить ее» [8, с. 303]. Преодоление этого негативизма – не только одно из необходимых условий восстановления единства российского общества, но и залог его успешного развития, так как осознание человеком реального взаимодействия земного и божественного поддерживает «ясность совести», формирует общественную солидарность и направляет общество к совершенствованию. Определяя вектор развития своей страны, Ю.Ф. Самарин отмечает, что «политика России должна быть не консервативная и не революционная, а русская», то есть ее историческое призвание реализуется через осознание отечества «как земли православной и славянской, поставленной Провидением во главе славянско-православного мира» [6, с. 396]. Поскольку у России с другими государствами нет «тождественных интересов», она должна опираться на исторические традиции и «продолжать в настоящем живой след народной истории».

Важным средством реализации подобной программы, по мнению Ю.Ф. Самарина, является совершенствование отечественной системы образования, относящейся к «коренным началам» народности. Российское просвещение, как считает мыслитель, обладает тремя главными недостатками.

Во-первых, отечественное образование «далеко еще не освободилось от подражательности». Правда, наиболее одиозные формы этого процесса уже в прошлом: «мы не проповедуем» поклонение иностранному лишь «потому, что оно чужеземно». Рассуждая о прогрессе образования, российские ученые подчеркивают, что им удалось достигнуть высоты знаний, которая недоступна «никакому пристрастному увлечению». Однако в действительности «под этим мнимым беспристрастием скрывается невольное пристрастие к чужому и неумение сочувствовать своему» [7, с. 386].

Во-вторых, в силу приверженности образованного класса «западной учености» существует ярко выраженное отрицательное отношение «мыслящего наблюдателя к народной среде». Он как бы наполнен «желанием добра меньшей своей братии», стремлением ее просветить, но в результате «не находит в ней никаких зародышей» [8, с. 134]. В силу этого «русскому простонародному быту» противополагается понятие образованности, сводимой к отвлеченным знаниям и абстрактным положениям, которая игнорирует внутреннее, духовно-нравственное состояние личности.

В-третьих, чиновники стремятся «овладеть воспитанием» и допускать развитие просвещения только «в самых тесных пределах и в самом тесном круге, ограничив его уровень потребностями службы». Вследствие этого министр просвещения вместо развития образования «притворяет двери в университеты, прогоняет низшее купечество из гимназий, кряхтя упраздняет кафедру за кафедрой». В результате уровень народного просвещения «видимо опускается», но это его не печалит, ибо он «лишь “исполнитель высшей воли”». Такая политика порождает «застой запуганной мысли», более того, насаждение «казенной догматики» и «жандармской практики» приучило людей даже образованных «общее дело считать для себя чужим» [6, с. 390].

Для успешного развития России эти недостатки необходимо преодолеть, и данный процесс предполагает как теоретическую работу мысли, так и практические шаги со стороны государства. В теоретическом плане необходимо уяснить, что такое образование, каковы критерии образованности, в каком соотношении находятся в просвещении национальные и вселенские компоненты.

Само понятие образованности, по мнению Ю.Ф. Самарина, указывает «на свободное, изнутри совершившееся или продолжающееся развитие», которое стремится выразить свою сущность «во внешних формах, к воплощению себя в образе» [7, с. 395]. Процесс образования предполагает наличие трех компонентов: во-первых, «живой цельности» образующейся личности; во-вторых, представления о «внешнем мире, действующем на личность»; в-третьих, «понятия о живом процессе внутренней переработки воспринимаемого извне». Анализируя составные части образования, мыслитель делает важный вывод о том, что этот процесс никогда не может пониматься «ни самодеятельностью, отрешенно от всякого соприкосновения с внешним миром», ни чисто страдательным подчинением его давлению» [7, с. 396]. Следовательно, итогом образования является «раскрытие внутреннего во внешнем», – данный вывод выступает для Самарина «азбукой философского образования», то есть основой понимания приобщения людей к знаниям. Однако у многих ученых, которые не «воспитали своей мысли», так как не усвоили «ни положительных, ни отрицательных результатов современной философии», анализ проблем, связанных с просвещением, вызывает большие трудности, ибо образ «целостного человека» заменяется «дроблением его на отдельные способности». Единая личность превращается в «ящик с глухими перегородками», в одном месте религиозные способности, в другом – эстетические, в третьем – склонность к научному знанию и т.п. Сам человек при этом трактуется как «равнодушное вместилище, в котором укладываются разные способности» [7, с. 397]. Естественно, что при таком подходе извращаются критерии народного образования по крайней мере по трем основным направлениям: во-первых, они сводятся «к преувеличенной оценке внешнего общения, образующегося снаружи, а не изнутри»; во-вторых, вместо органического развития просвещения, опирающегося на традицию, то есть на «живое начало», оно ограничивается «последними выводами» из наук, которые часто недостаточно обоснованны; наконец, в-третьих, абсолютизация «внешних результатов» в воспитании приводит к допущению и оправданию «принудительных мер» в образовании.

Подлинная образованность является «творчеством народного духа», и ее достоинство будет зависеть, очевидно, от глубины духовных убеждений народа и «от объема и глубины его нравственных требований». Духовная сфера народной жизни во многом определяется религией, и Самарин убежден, что если взять образованность, «завершившую полный круг своего развития», то вы «найдете в основе ее систему религиозных верований» [8, с. 141].

Именно из них «вытекают нравственные понятия», под влиянием которых формируются семейно-бытовые и социальные отношения, а они в свою очередь «выливаются в юридические формы законов и учреждений». Вера также теснейшим образом связана

с культурой, с традициями того или иного народа, она оказывает существенное влияние на развитие его интеллекта. Все эти обстоятельства приводят к формированию «народной образованности», на основе которой происходит «свободное усвоение знаний», их «внутренняя оценка и выбор», иными словами, они становятся внутренним достоянием личности и разрушают «перегородку между жизнью и знанием». Следовательно, образованность имеет национальную окраску и каждый «исторический народ являет собою оригинальное и самостоятельное развитие». Отстаивая данное положение, Ю.Ф. Самарин отнюдь не отрицает наличие в познании и в образовании моментов, которые не связаны с национальным своеобразием. Рассматривая отношение «народных начал к цивилизации» (а последняя трактуется им как понятие, очень близкое просвещению, поэтому «мы их даже строго не различаем»), он предлагает следующее решение этой проблемы. Оказывается, есть цивилизация «общая, всемирная, сближающая народы и для всех обязательная», а есть еще «цивилизация частная, свойственная каждому историческому народу и, следовательно, для других необязательная» [8, с. 282]. Они должны существовать друг с другом, а не подменять одна другую. К сожалению, в России просвещение часто сводится к ценностям «всеобщей цивилизации», тогда как специфические черты национального образования и воспитания игнорируются. Поэтому, когда русский народ призывают учиться, часто под этим понимается отказ от того, «чем ты дорожишь как русский, с чем ты сроднился и сжился». Признавая достижения западной цивилизации в усовершенствовании «условий житейского комфорта», соглашаясь с тем, что она накопила многочисленные фактические знания, связанные прежде всего с естественными и техническими науками, отмечая ее достижения в совершенствовании «внешних форм общежития», мы в то же время должны признать, что эти успехи не отменяют «требования самостоятельного народного мышления». Все дело в том, что познавательный процесс предполагает наличие субъекта и объекта познания, а отношение между ними сопровождается выработкой точки зрения. Причем она не может формироваться «сама собою лишь как плод изучения». Точка зрения определяется «воспитанием мыслящего субъекта в самом широком значении слова: коренными его убеждениями, всецело наполняющими его и которыми он проникается постепенно, вдыхая в себя воздух семьи, родины и т.д.» [5, с. 407].

Следовательно, точка зрения есть итог не только личного, но и «народного развития», при этом именно последнее имеет «значительность историческую». Ю.Ф. Самарин не принимает противопоставление народности и научной истины: для него эти понятия находятся в сложных взаимоотношениях друг с другом. Он утверждает, что «для нас, как и для всех, цель составляет истина, а не народность» [8, с. 151], но развитие научного знания происходит благодаря народному творчеству, ибо «общечеловеческое осуществляется в истории и постигается через народность». Органическое развитие нации приводит к тому, что в ней происходит «жизненное осуществление начал истинных», и в то же время становится ясным, что является для нее «началами инородными». Русская народность «в следствии всего воспитания нашего» приобщилась «к инородному взгляду на вещи». Отечественные мыслители, ориентирующиеся на западные ценности, считают подобную ситуацию нормальной. Однако в действительности данное положение дел не дает проявиться «началам истинным» и закрепляет установки, которые «нам представляются односторонними, т.е. относительно ложными». Мыслитель еще раз подчеркивает, что нельзя понимать «народное как ложное», а «общечеловеческое как истинное», напротив, «мысль, воспитанная в среде живой народности», сможет «усвоить себе общечеловеческое» при сохранении своей самобытности. Следовательно, народность не только не враждебна истинному познанию, но она «есть существенное условие успешного развития науки и движения науки вперед» [8, с. 151].

В понимании значения народности в сфере познания может быть ошибочным не только ее игнорирование, но и абсолютизация ее роли, что также «ведет к произволу, односторонности и тесноте воззрений». Подобная тенденция проявляется как «неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого потому только, что оно чужое, при недостатке своего». В результате она «не поведет к расширению области знания» [8, с. 119]. Особенно ярко значение народного начала для научного познания заметно в гуманитарных науках. Существуют многочисленные примеры, когда те или иные факты истории трактуются представителями разных национальностей совершенно различно. Однако данная ситуация характерна не только для истории, но она встречается и «в других науках, занимающихся человеком, а не природою». В праве, философии, политэкономии, по мнению Ю.Ф. Самарина, «встречаются на каждом шагу столь же резкие противоположности, которых корень – в различии точек зрения на один и тот же предмет» [8, с. 112]. Они зависят «от убеждений ученого», от его «природных сочувствий», от традиций, на которых «воздвигается веками народное и личное просвещение».

Реализация принципа объективности в гуманитарных науках, с точки зрения мыслителя, в полном объеме невозможна. Например, историк для того, чтобы быть беспристрастным, «не должен быть ни католик, ни протестант, ни француз, ни немец; он не должен принадлежать ни к какой политической партии, ни к какой философской системе», но это невозможно, при таких условиях «сама наука существовать не может». Если свести историю и другие гуманитарные науки к простой констатации фактов, без авторского взгляда, без индивидуальных оценок, то они «уподобились бы ряду метеорологических наблюдений над погодою и потеряли бы достоинство науки». Поэтому, когда «образованные люди недоверчиво смотрят на общие начала, определяющие характер нашего воззрения», то стоит лишь обратиться к аналитическому мышлению, которое не чуждо «философских приемов», и мы откроем «свод понятий, систему, определенные предпочтения, к которым они приобщились умственно, сами того не замечая» [6, с. 403].

Следовательно, «мнимое беспристрастие, общечеловечность» в действительности есть лишь «бессознательность», то есть субъективность существует в разуме ученого всегда, но она может им не осознаваться. Желание преодолеть этот субъективизм при помощи провозглашения лишь «новейших достижений науки совершенными и объективными» тоже несостоятельно, и следование этому правилу означало бы «в области науки подчиниться тому закону, который полновластно господствует в области моды» [6, с. 404].

Присутствие народного компонента в области гуманитарного знания делает необходимым и участие «народности в образовании». Это участие должно проявиться в том, что «формальное внешнее образование», имеющее общечеловеческие корни, необходимо дополнить «внутренним духовным воспитанием», приведенным в согласие «с целой системой народных убеждений».

Однако правительственная политика в сфере просвещения расходится с национальными интересами, так как «целью образования является формирование «народного духа», который есть «живое сознание ответственного участия каждого гражданина в судьбе отечества» [6, с. 385]. Но вместо этого по отношению к учебным заведениям проводится «охранительная политика», так как, по убеждениям правительства, «избыток образования в массах» порождает «беспокойную тоску, неудовлетворение настоящим и мятежные замыслы» [6, с. 384]. К тому же в России господствует цензура, которая не позволяет свободно обсуждать волнующие общество вопросы, а значит, «приумножать знания». Сам Ю.Ф. Самарин неоднократно подвергался цензурным притеснениям.

Даже его магистерская диссертация была напечатана в урезанном виде, и допущена к защите только ее третья часть «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники». В таких условиях «свободное развитие науки» невозможно, а значит, не-

возможно и приобщение к ней обучающихся. Подобная политика правительства базируется на представлении о том, что оно «у себя дома находится в положении осажденной крепости». Поэтому его «благородные побуждения» заглушают «чувство страха и чувство самосохранения». В этой связи понятно, что, пока правительство будет заботиться лишь «об охранении <…> интересов власти», прогресс в образовательной сфере будет невозможен. Только радикальный пересмотр целей и задач властей позволит убедиться, что «возрастающее просвещение, богатство и могущество России не ослабит и не подорвет, а, напротив, усилит правительство» [6, с. 397]. Конечно, путь преобразования и развития просвещения труден, как сложно и совершенствование всего государственного организма, в силу этого «должны мы действовать с последовательною твердостью», отказавшись от надежды достигнуть быстрого успеха, но именно на этом пути будет реализовано «историческое призвание России».

Философско-педагогические взгляды Ю.Ф. Самарина – это не только достояние прошлого, они не утратили и сегодня своего значения. Соотношение универсального и национального в историческом процессе, значение «народного духа», то есть национальной солидарности в развитии общества, аксиологические установки в сфере познания и сегодня являются значимыми темами для социума.

Литература

1. *Иванцов-Платонов А.М.* Предисловие // *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. 5. М.: Изд-е Д.Ф. Самарина, 1880. XCII с. 464 с.
2. Из писем Ю.Ф. Самарина // *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
3. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
4. *Самарин Д.Ф.* Биография Ю.Ф. Самарина // *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. 9. М.: Изд-е Д.Ф. Самарина, 1898. XXXIV с. 485 с.
5. *Самарин Ю.Ф.* Замечания на заметки «Русского Вестника» по вопросу о народности в науке // *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
6. *Самарин Ю.Ф.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 544 с.
7. *Самарин Ю.Ф.* О народном образовании // *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
8. *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. 1. М.: Изд-е Д.Ф. Самарина, 1877. 403 с.
9. *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. 2. М.: Изд-е Д.Ф. Самарина, 1878. XI с. 444 с.
10. *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. 6. М.: Изд-е Д.Ф. Самарина, 1887. 562 с.
11. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Типогр. т-во Кушнерев и К°, 1900. 416 с.

Аннотация. В статье анализируется эволюция взглядов мыслителя от рационализма к «целостному познанию». Рассматривается его аргументация, обосновывающая решающее значение религии для этноса. Уделяется внимание позиции Ю.Ф. Самарина по вопросам формирования «народного духа» как солидарного участия в развитии общества. Много места отводится анализу взаимодействия универсального и национального компонентов в образовательном процессе, его пониманию роли народного начала в гуманитарных науках. Приводятся критические оценки мыслителя в отношении правительственной политики в области просвещения и предложения по развитию этой сферы. Отмечается актуальность ряда идей Ю.Ф. Самарина для современной российской мысли.

Ключевые слова: рационализм, православие, религия, философия, история, самобытное, инородное, образование, познание.

Shaposhnikov Lev Evgenyevich, Doctor of Philosophy, Professor, President, Minin Nizhny Novgorod Pedagogical University. E-mail:rectornnspu@rambler.ru

Philosophical and Pedagogical Views of Yu. F. Samarin

Abstract. The paper analyses the evolution of Yu. Samarin's ideas from rationalism to "holistic knowledge". Special attention is paid to the philosopher's conceptualization of the key role of religion for a nation. The author also examines the scholar's position concerning the promotion of patriotism as an important impetus for social development. Emphasis is made on analyzing the interaction of universal and national aspects in the educational process, as well as on the value of national identity in the field of humanities. The article also presents Yu. Samarin's critical evaluation of the government educational policy and his suggestions on increasing its effectiveness. The author notes the relevance of Yu. Samarin's views for the contemporary philosophical and educational context.

Keywords: Rationalism, Orthodox Christianity, Religion, Philosophy, History, Distinctive Character, Foreign, Education, Knowledge.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-219-234

Василий Щипков

Отношение к категориям религиозного и светского у основоположников славянофильства (Киреевский, Хомяков, Самарин)

Славянофильство – одно из ярких явлений русской интеллектуальной жизни середины XIX века. Философские и общественно-политические воззрения основоположников славянофильства – И.В. Киреевского (1806–1856), А.С. Хомякова (1804–1860) и Ю.Ф. Самарина (1819–1876) – оказали значительное влияние на развитие русской философской и религиозной мысли второй половины XIX – начала XX века и продолжают прямо или опосредованно влиять на развитие мировоззренческих дискуссий в современной России.

Славянофильство стало своеобразной реакцией русского интеллектуального сообщества середины XIX века на идеи немецкого романтизма и философию Гегеля. Однако сами славянофилы не были ни последовательными гегельянцами, ни романтиками, но сформировали особое идейно-философское направление. Определяющей чертой славянофильства стала его ориентация на православную духовную традицию, которая определялась как личными качествами славянофилов (они были верующими людьми), так и необходимостью обосновать аутентичность исторического пути России, укорененность этого пути в православной традиции. Религиозный характер философии славянофилов в условиях продолжавшихся в России XIX века процессов секуляризации и вестернизации определил их интерес к религиозной философии, к вопросу о природе религиозного, а также к причинам возникновения в западном мире секулярных (светских) тенденций.

Противостояние христианства и секуляризма, которое анализировалось в философии славянофилов, происходило не только по линии Россия – Европа, но и внутри самой России – между немногочисленной секуляризованной элитой и крестьянским большинством, которое оставалось приверженным традиционному религиозному мировоззрению. Желание преодолеть этот мировоззренческий разрыв или по крайней мере объяснить его воодушевляло философов, которых впоследствии обобщающе назовут славянофилами, создавать оригинальные культурологические и историософские объяснительные модели, представляющие ценность и для современной мысли.

Киреевский

Определение религии было дано Киреевским в одной из его ранних философских работ «Девятнадцатый век» (1832): «Религия не один обряд и не одно убеждение», религия предполагает «единомыслие народа, освященное яркими воспоминаниями, развитое в преданиях односмысленных, сопроникнутое с устройством государственным, олицетворенное в обрядах однозначительных и общенародных, сведенное к одному, началу поло-

Щипков Василий Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы. E-mail: vas.ship@mail.ru

жительному, и ощутительное во всех гражданских и семейственных отношениях. Без этих условий есть убеждение, есть обряды, но собственно религии – нет», – заключал Киреевский [2, с. 93–94]. При этом Киреевский довольно широко смотрел на это понятие – он причислял к религиозным движениям не только «папистов» и «протестантов», но и «сенсимонистов» и рационалистов [2]. Одним из центральных вопросов, рассматривавшихся Киреевским в статье «Девятнадцатый век» был вопрос просвещения России и Европы. В этой статье молодой Киреевский высказывал еще весьма оптимистичные воззрения относительно хода европейского просвещения – именно оно рассматривалось им в качестве двигателя общемирового прогресса, в то время как просвещение в России считалось им только как частный случай – России остается только ориентироваться на Европу и следовать в ее фарватере. Однако со временем взгляды Киреевского изменились.

Одна из ключевых работ Киреевского, по которой можно реконструировать его взгляды на природу религии в зрелом возрасте, – «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852). В этой работе Киреевский фокусировался на связи образованности и просвещенности, но вышел далеко за рамки этой темы. Просвещение для него шире, чем образование, это синоним интеллектуального развития как такового. Как и в «Девятнадцатом веке», он рассматривал вопрос просвещения в контексте извечной для русской мысли проблемы – соотнесение исторических путей России и Западной Европы. Исходные предпосылки Киреевского в статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» предельно понятны: просвещение в России и Европе – это равновеликие по своему значению явления, каждое из них отлично от другого и имеет свои особенности. Киреевский полагал, что задача русской мысли состоит в том, чтобы взять то лучшее, что есть в западном просвещении и при этом избежать тех недостатков, которые западному просвещению присущи.

В своей ранней статье «Девятнадцатый век» он еще стоял на западноцентричных позициях, считая, что Россия и весь остальной мир должны учиться у Европы. Однако к 1852 году Киреевский пришел к мысли о том, что интеллектуальное развитие в Европе и России – это не разные ступени одного и того же общемирового процесса, их различие состоит не в степени, но в качестве, в самом их содержании.

Киреевский признавал, что европейский ум и европейская наука достигли впечатляющих успехов, но при всем внешнем блеске и «громадности частных открытий» общий итог западного интеллектуального развития оказался неутешителен, Европа встала на путь саморазрушения: «Самая жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо, не проникнутая никаким общим, сильным убеждением, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием. Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, противоречащими его последним результатам» [3, с. 176].

Причину этого Киреевский видел в упадке христианства. Европейский человек оказался оторван «от всех других верований, кроме веры в рациональную науку», и не признает «другого источника истины, кроме выводов собственного разума» [3, с. 177]. Но вместе с тем европейцы уже «потеряли и последнюю веру свою» – веру во всемогущество собственного разума, обнаружили его ограниченность. В результате европеец или вынужден довольствоваться равнодушием ко всему, «что выше чувственных интересов и торговых расчетов», или должен «опять возвратиться к тем отвергнутым убеждениям, которые одушевляли Запад прежде конечного развития отвлеченного разума» [3, с. 179]. Некоторые из мыслящих людей пошли по третьему пути – стали конструировать каждый свою собственную философию, собственное мировоззрение: стали «в своей голове изобретать для всего мира новые общие начала жизни и истины, отыскивая их в личной игре

своих мечтательных соображений, мешая новое со старым, невозможное с возможным, отдаваясь безусловно самым неограниченным надеждам, и каждый противореча другому, и каждый требуя общего признания других» [3, с. 179]. Тупик западного просвещения со временем стал очевиден не только самим европейцам, но и другим народам. В России разочарование в западном просвещении вызвало к жизни попытку обратиться к своим собственным истокам, с тем чтобы отыскать в русской культуре «особенные начала просвещения, неоцененные европейским умом». В 1852 году Киреевский полагал, что Европа уже завершила историю своего интеллектуального развития, начавшуюся в IX веке.

Киреевский выделял три исторические особенности, которые сформировали облик западного просвещения: римско-католическая форма христианства; специфическая форма античной образованности, которая была воспринята Западной Европой; и уникальные элементы, из которых сложилась западноевропейская государственность. «Каждый патриархат, каждое племя, каждая страна в христианском мире» всегда имели «свою личную особенность», оставаясь при этом частью единой христианской Церкви [3, с. 182]. Римская церковь тоже имела свою особенность, заключавшуюся в акценте на «практическую деятельность и логическую связь понятий», но, отделившись от Вселенской Церкви, она обратила эту особенность в «исключительную форму», через которую она стала выражать христианское учение. Античная образованность Запада до XV века тоже была односторонней – он воспринял ее в римской форме, тогда как «образованность греческая и азиатская» почти не были им усвоены. Особенность формирования западноевропейской государственности, по Киреевскому, состояла в том, что она почти всегда формировалась двумя народами, один из которых находился в роли завоевателя, а второй в положении угнетенного. В то же время все эти три особенности были чужды общественному развитию России – даже чужеземные завоевания не могли изменить его вектор, хотя и могли на какое-то время замедлить [3].

Отличительной чертой европейской мысли в результате воздействия на нее трех перечисленных факторов, по мнению Киреевского, стало то что «наружная рассудочность» возобладала в ней над «внутреннею сущностью вещей». Уже с IX века односторонняя рациональность проникла в европейское богословие, разрушив «гармоническую цельность внутреннего умозрения». Практическим выражением этого события стало изменение символа веры, которое «оправдывалось единственно логическими выводами западных богословов» [3, с. 189]. Подчинив веру односторонней рациональности, рассудку, западная церковь уже тогда, в IX веке, посеяла «неминуемое семя Реформации». Уже тогда «мыслящий человек мог видеть Лютера из-за папы Николая I» [3, с. 189]. Рационализация мышления привела к тому, что в политической сфере светская власть стала смешиваться с духовной и бороться с ней, тогда как внутри самого западного сознания началась борьба между верой и разумом – «как духовная власть Церкви искала себе основания в силе светской», так духовное убеждение «искало основания в рассудочном силлогизме» [3, с. 190]. Киреевский полагал, что цезарепапизм Римской церкви (попытка искусственного, насильственного соединения мирского и духовного) стал одной из ключевых предпосылок разлада, раздвоения в духовной и практической деятельности.

Последовавшее взаимодействие римско-католического богословия с исламским миром вызвало к жизни схоластику – наукообразное богословие, чуждое живой сверхрациональной истине. Именно схоластике, по Киреевскому, обязана своим появлением современная научная и философская мысль – «следы схоластической односторонности остались на умах, ею воспитанных. Предмет мышления стал другой, и направление иное; но тот же перевес рассудочности и та же слепота к живым истинам сохранились почти по-прежнему» [3, с. 195–196]. И хотя новоевропейская философия прямо противопоставляла себя схоластике, по своей форме и по своему духу она была ее дальнейшим развитием, считал Киреевский.

Раздробленность западноевропейского сознания привела к тому, что теперь «одним чувством понимают [европейцы] нравственное; другим – изящное; полезное – опять особым смыслом; истинное понимают они отвлеченным рассудком…» [3, с. 201]. Западный человек, по мнению Киреевского, «в каждую минуту жизни, является как иной человек. В одном углу его сердца живет чувство религиозное, которое он употребляет при упражнениях благочестия; в другом, – отдельно – силы разума и усилия житейских занятий; в третьем – стремления к чувственным утехам; в четвертом – нравственно-семейное чувство; в пятом – стремление к личной корысти; в шестом – стремление к наслаждениям изящно искусственным; и каждое из частных стремлений подразделяется еще на разные виды, сопровождаемые особыми состояниями души, которые все являются разрозненно одно от другого и связываются только отвлеченным рассудочным воспоминанием» [3, с. 210].

Похожим образом описывал человеческое сознание в 2016 году один из ведущих теоретиков секуляризации Питер Бергер – согласно ему, когда человек выполняет свои профессиональные задачи (например, летчик управляет самолетом или хирург проводит операцию), в его сознании не остается места для религии, оно становится секулярным. Секулярное и религиозное для Бергера – это две «релевантные структуры» сознания, поэтому человек в каждый момент времени может находиться только в одном из этих двух состояний [1].

Однако Киреевский в отличие от Бергера полагал, что мышление такого рода присуще не каждому человеку, но только современному европейцу. «Не так человек русский. Молясь в церкви, он <…> особенно старается сохранить трезвый ум и цельность духа. <…> Его обед совершается с молитвою. С молитвою начинает и оканчивает он каждое дело. С молитвою входит в дом и выходит. Последний крестьянин, являясь во дворец перед лицом Великого Князя <…> не кланяется хозяину прежде, чем преклонится перед изображением Святыни, которое всегда, очевидно, стояло в почетном углу каждой избы, большой и малой. – Так русский человек каждое важное и неважное дело свое всегда связывал непосредственно с высшим понятием ума и с глубочайшим средоточием сердца», – писал Киреевский [3, с. 211]. И хотя в его словах можно усмотреть идеализацию русского народного быта, попытка противопоставить европейское сознание как секулярное, «раздвоенное», сознанию традиционному как целостному и религиозному во всей своей полноте, представляет несомненный интерес. «Одним словом, там [на Западе] раздвоение духа, раздвоение мыслей, раздвоение наук, раздвоение государства, раздвоение сословий, раздвоение общества, раздвоение семейных прав и обязанностей, раздвоение нравственного и сердечного состояния, раздвоение всей совокупности и всех отдельных видов бытия человеческого, общественного и частного; – в России, напротив того, преимущественное стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного» [3, с. 218].

Киреевский полагал, что в России в отличие от Европы Церковь еще при князе Владимире сама положила «твердые границы между собою и государством», «всегда оставаясь вне государства и его мирских отношений, высоко над ними, как недосягаемый, светлый идеал, к которому они должны стремиться» [3, с. 205]. Русская Церковь не имела государственнических притязаний, не стремилась к господству над правительственной властью, хотя само государство при этом «стояло Церковью» – чем больше оно проникалось ею и ее принципами, тем сильнее становилось.

Главный вывод, к которому пришел Киреевский, заключался в том, что просвещение (то есть фактически – вся интеллектуальная жизнь) в России должно опираться на свои собственные духовные и религиозные истоки – только в этом случае оно будет успешно воспринято народом. России следует сохранять внутреннее единство всех сфер общественной жизни и избегать присущих Западу рационализации и раздвоения сознания.

Для этого интеллектуальная элита должна обратиться к православной вере и строить свою жизнь на собственных культурных традициях и нравственных началах.

Хомяков

Чтобы уяснить то значение, которое Хомяков придавал религии, религиозному и светскому, чтобы представить его теорию их становления и изменения, следует обратиться к его историософской концепции. Прежде всего она была изложена им в труде, впоследствии опубликованном под названием «Записки о всемирной истории». Хомяков рассматривал в ней исторический процесс развития человеческого общества как процесс, непосредственно связанный с эволюцией религиозных воззрений. События военной, политической, экономической и культурной истории, происходившие в жизни исторических сообществ, ставились Хомяковым в непосредственную зависимость от содержания духовной жизни народов, их составлявших. При этом интеллектуальное развитие Хомяков так же как и Киреевский не отделял от развития религиозного (духовного в широком смысле). Саму же религию Хомяков определял как «крайний предел всего мышления человеческого» [8, с. 225]. Согласно Хомякову, религия «явно или тайно, разумно или инстинктивно… в себе всегда заключает полный и окончательный вывод из… духовной жизни» [8, с. 225]. Для Хомякова религия – это высшая ступень человеческого духа, и возвыситься до нее может не каждое общество. Но в то же время Хомяков писал, что «каждый политический вопрос имеет социальное значение; а если в него хорошенько вникнуть, то найдешь в нем и его религиозную сторону» [14, с. 413]. В сопоставлении данных цитат можно усмотреть некоторое противоречие, которое связано с тем, что Хомяков, с одной стороны, смотрел на человека как на существо религиозное по самой своей природе (отсюда религиозная сторона политических вопросов), а с другой – выделял высшие и низшие ступени религиозности (отсюда религия как сфера духа, до которой человек должен возвыситься).

Хомяков выделял три формы, в которых исторически проявлялась религия: единобожие, многобожие (язычество) и всебожие (пантеизм). Своеобразие философии религии Хомякова в том, что единобожие он полагал противоположным не многобожию, но всебожию, а на многобожие указывал как на синкретическую форму религиозности, промежуточную между единобожием и всебожием. Единобожие Хомяков характеризовал как «иранское» начало («иранство», «иранизм»), поскольку первоначальное место его возникновения и его географический центр Хомяков предполагал в северной части Ирана. В иранском монотеизме источником бытия является свобода, а высшей целью личного существования – нравственное благо [8, с. 231]. Сущность «иранства» состояла в поклонении единому Богу как духу, сотворившему все мироздание своей свободной волей. Человек здесь наделен свободой, аналогичной свободе Бога, и это определяет важность нравственного выбора каждого человека. Формирование «иранства» Хомяков относил к временам Ноя, когда был заключен завет между Богом и человеком. Первыми «иранскими» монотеистическими религиями Хомяков считал иудаизм, брахманизм и зороастризм [8, с. 230]. Противоположное «иранству» начало Хомяков назвал «кушитством» («кушизмом») – по имени сына библейского Хама и по названию земли Куш, располагавшейся, согласно Библии, в верховьях Нила – на территории Судана и Эфиопии (где, по преданию, и обосновался сын Хама). По Хомякову, «кушитство» – это начало необходимости, поклонение материи и жизни как она есть. Необходимость подразумевает отсутствие свободы и нравственного выбора, поэтому «кушизм» – это вненравственное начало в том смысле, что его этика не имеет трансцендентального измерения, она должна быть целиком имманентна. И мир, и человеческое существование в нем, в соответствии с «кушитским» учением, подчинены закону непреложной необходимости. Главное выражение

этой необходимости – идея рождения, поскольку рождение являет собой непроизвольный процесс, происходящий без участия человеческой воли. Первым «кушитом», по Хомякову, был сын Ноя Хам, который «в наглой насмешке выражает признание органической необходимости за вечное начало всего сущего; и потомки его воздают грубое поклонение обоготворенному ею символу» [10, с. 16]. Можно сказать, что для Хомякова «кушитство» – это ересь (от др.-греч. αἵρεσις – «выбор»), поскольку он описывает «кушитство» как результат нравственного выбора, совершенного Хамом. Подтверждением этому служат неоднократные указания Хомякова на то, что именно нравственные причины являются подлинным двигателем мировой истории: «Нравственные причины в мире историческом – то же, что невесомые силы в мире физическом: они ничего для слепца науки и почти все для его разумного созерцателя» [10, с. 309].

По мнению Хомякова, в мире, каким мы его знаем, нет ни одной религии, в которой «иранство» и «кушитство» были бы представлены в чистом виде. Историческое развитие (точкой отсчета человеческой истории Хомяков полагал время жизни Авраама) застает религии уже «смешанными и искаженными» [8, с. 354], ни одна из них не пребывает уже в своем первоначальном состоянии. Противопоставляя «иранство» и «кушитство», Хомяков стремился показать их равнозначность и этическую нейтральность – «свобода и необходимость составляют то тайное начало, около которого, в разных образах, сосредотачиваются все мысли человека» [8, с. 217]. И свобода, и необходимость – это объективные данности человеческой жизни, и ни одно из этих двух начал не несет в себе онтологического зла. Негативные явления, зафиксированные в истории многих исторических религий, возникали в процессе борьбы этих начал: «Борьба противоположных религий рождает односторонность и фанатизм, кровожадность, страстность» [8, с. 199]. Причем борьба эта могла происходить не только между религиями, но и внутри одной религии. Причину таких религиозных противостояний Хомяков видел в недостатке подлинной веры, поскольку «вера, знающая свою силу, терпелива и кротка», а «тот, кто своей вере плохо верит, обыкновенно отстаивает ее с неистовством» [8, с. 200]. То есть негативные моменты, возникавшие в различных религиях, были порождены не тем, что какая-либо религия плоха по существу, а тем, что «большая часть религий есть ни что иное, как мнение, прикидывающееся верою», содержащее в себе, с одной стороны, суеверия, «возникшие из необходимости верования», а с другой – неверие, вызванное «законными требованиями разума» [8, с. 199]. И к «иранским» религиям это утверждение относится в той же степени, что и к «кушитским». «Во всякой религии, как бы ложна она ни была, есть хоть какое-нибудь начало или мерцание истины; знаю, что это мерцание постепенно усиливается и яснее, по мере того как религия очищается, знаю, что в христианских сектах оно сравнительно ярче чем где-либо; но знаю также, что самая истина, то есть Христианство, существует только в Церкви»[13, с. 261].

Развитие «иранских» и «кушитских» религий происходило разнонаправленно и неоднородно. Хомяков указывал на то, что даже небольшое искажение единобожия делало «иранское» вероучение уязвимым, в то время как никакое уклонение от «кушитского» учения не могло его ослабить. Поэтому «кушитское» учение быстрее распространялось по миру и обретало новых последователей. Однако нравственное чувство и стремление к свободе, внутренне присущие каждому человеку, периодически приводили к появлению «богоизбранных людей», осуществлявших религиозные реформы, которые «всегда были возвратом к лучшему началу» [8, с. 327]. В целом Хомяков придерживался точки зрения, что религиозные воззрения с течением времени могут совершенствоваться, очищаться от более поздних примесей, или, напротив, затемняться «суевериями». [10, с. 7; 11]. Стоит отметить, что хотя Хомяков и декларировал нейтральность обоих религиозных начал и собственную нейтральную позицию как исследователя, его симпатии целиком находятся на стороне «иранского» начала.

Важную черту «кушитских» религий Хомяков видел в стремлении выразиться в материальных, архитектурных формах – «вот объяснение тех громадных зданий, которых неразрушимая твердыня посмеялась векам» [9, с. 27]. Но проявлялось это стремление чаще всего в странах, где «кушизм» взаимодействовал с «иранством». В то время как наиболее чисто выраженное «иранство» характеризовалось «строгим и гордым отчуждением от вещественности, легко переходящим в фанатизм», развивавшимся в философии и поэзии, но не изобразительных искусствах. Хомяков отмечал, что страны, где процветало «иранство», «не оставили нам ни одного древнего памятника» [8, с. 206].

Когда «иранское» учение принимало более философские формы, оно, как и учение «кушитское», могло приобрести черты пантеизма: «все творение есть тот же творец; Зевс есть все то, что ты видишь, все то, что движется; Брахма есть все во всем». [8, с. 235]. В такой форме иранский пантеизм легко мог слиться с пантеизмом кушитским. Хомяков отмечал, что развитие философии логического рационализма в любом случае движется в направлении пантеизма (при этом чисто пантеистическое учение Хомяков характеризовал как «скрытый атеизм») [8, с. 332]. Диалектику абстрактного и конкретного (идеального и материального), которая могла иметь место в одном и том же обществе, Хомяков считал важным эпизодом религиозной истории человечества. Абстрактные идеи в высших слоях общества («поклонение мысли, знанию, бытию безусловному и неопределенному») нередко соседствовали с «самым грубым материализмом» и фетишизмом в народе. [8, с. 214]. Хомяков полагал, что идея безличности Бога (пантеизм), или вера в его отсутствие (атеизм) присуща отвлеченным, абстрактным формам «кушитства», таким как буддизм. Буддизм для Хомякова – это религия, лишенная нравственного значения, поскольку его высшее начало – это закон мироздания, который равным образом благоволит ко всему сущему, не делает различия между добром и злом, праведным и неправедным. Противоположный буддизму полюс «кушитского пантеизма» – шиваизм, поклонение началу жизни, воплощенному в форме силы и страсти. Однако нравственного начала (понимаемого в христианском смысле) Хомяков не видел и в этой форме «кушитства». Поэтому, как полагал Хомяков, ни одной из «кушитских» религий не доступна такая форма общения с божественным, как молитва. Молитва – это нравственный акт, который предполагает свободу за адресатом, к которому он обращен. «Религии кушитские не знают молитвы», вместо молитвы у них заклинание, которое должно принудить сверхъестественные силы служить человеку [8, с. 330].

Наиболее «иранской», наиболее свободной от «кушитского» начала религией древнего мира Хомяков считал иудаизм. Но к моменту рождения Христа и иудаизм уже оказался значительно искажен «кушитством». Христианство очистило еврейскую религию от «кушитских» примесей и восстановило ее как религию свободы. Именно христианство, по Хомякову, было и остается до настоящего времени наиболее совершенной формой «иранства». Это религия, внутренне сочетающая в себе две ключевые идеи – свободы и единства. Христианство, будучи «продолжением и конечным заключением предания о свободно-творящем духе и свободе духовной», «нанесло решительный удар кушитским религиям – поклонению органической необходимости» [8, с. 447].

«Религиозная жизнь в Европе начинается с Христианства», – писал Хомяков, имея в виду не то, что в Европе не было религии до христианства, но что только с появлением христианства Европа стала одним из мировых религиозных центров [8, с. 252]. И в Европе, и на Ближнем Востоке распространение христианства происходило неравномерно, и различные народы привносили в него свои национальные особенности и элементы дохристианского «кушитства». Но в том случае, когда эти особенности начинали влиять на само учение Церкви, на ее догматику, они становились причиной церковных расколов. Это, по мнению Хомякова, произошло и с Римско-католической церковью (в этом месте нельзя не заметить общность

взглядов Хомякова с Киреевским). На большей части Римской церкви христианство получило характер внешнего учения, не затронувшего глубинные слои религиозности европейских народов. Западная Европа поняла церковь как «государство веры» и тем самым ввела кушитские интенции в христианское учение. «Христианство получило на всем Западе, даже в просвещенном Риме, характер внешности; этот характер выступил еще яснее в соприкосновении с племенами германскими. Духовенство грубое, непросвещенное, не знающее даже религии, которой оно служило, сопровождало кочующую дружину, в том же смысле, с тем же значением, как древние жрецы-заклинатели», – писал Хомяков [10, с. 13].

Придя на Запад, христианство сильнейшим образом исказилось, стало требовать от своих последователей «не любви, а покорности, не веры, а обряда» – подменять «иранскую» свободу «кушитской» необходимостью. Подлинное живое единство Церкви, «единство духа», как называл его Хомяков, заменилось единством внешним, духовенство стало «кастой, заведующей духовным делом», почитаемой за «церковь по преимуществу», а Римский епископ стал выражением единства учения и непогрешимости духовной власти. Идея логического права, господствовавшая в дохристианском Риме, была усвоена его завоевателями – германцами – «не только в быте государственном, условном… но и в жизни духовной и религиозной» [10, с. 28–29]. «Цельность свободного духа была разбита рационализмом», «скрытым под формою юридической» [10, с. 448]. Западная церковь сформировалась не из «согласия внутреннего всех христиан», но как внешняя сила, обладающая властью и суверенитетом. Представители священства отделились от народа, стали вне его и над ним, тогда как миряне стали «подданными» церкви [10, с. 433]. «Церковь стала внешностью для ее подданных и внешностью даже для ее чиновников (в отношении к их человечеству), как всякое государство. Религия, идея вполне римская, как и само слово, стала на место веры» [10, с. 449]. Таким образом, «кушитское начало логической необходимости проникло в учение, завещанное иранскою Иудеею, и придало отношениям человека к Богу значение вечной тяжбы, молитве и таинству смысл заклинания, любящей вере характер принудительного закона» [10, с. 28–29]. «Вследствие медленных изменений и постепенного развития, совершенных всем западным миром под предводительством Италии, христианство приняло в себя почти все стихии древнего кушитства; условность в ее государственной форме, заклинательный характер дела и молитвы и талисманизм внешнего образа» [10, с. 436].

Хомяков активно критиковал Католическую церковь за то, что она претендовала на светскую власть – стремилась стать государством. При этом понятие «светский» Хомяков употреблял не в современном смысле, не как «свободный от религии», но как синоним понятию «государственный». Хомяков полагал, что именно вмешательство церкви в государственные дела привело Запад к многовековому противостоянию духовной и светской власти. Итогом этого противостояния стала победа светской власти, государства, у которого и оказалась в подчинении западная церковь. Но Хомяков отмечал, что фактически западное христианство «перестало быть Христианством» (перестало быть Церковью) задолго до этого – когда только втянулось в борьбу с государством и приняло на себя вид «религиозной монархии» [7, с. 147]. Попытка насильственного соединения государственной и духовной идеи привела к обратному результату – разделению этих сторон человеческой жизни. Элементы такого разделения встречались «везде, где эти две идеи [духовная и государственная] бывали насильственно стягиваемы в одну» [10, с. 238]. В качестве исторических примеров такого разделения Хомяков приводил ислам, буддизм, древние религии Египта и Эфиопии. Но в Западной Европе противостояние светской (государственной) и духовной власти приобрело особенную остроту, поскольку государственная власть принадлежала представителям «племени германского», а духовная власть находилась у народа романского [10, с. 226].

В ряде случаев Хомяков характеризовал это как борьбу двух религий – религии «христианства в его римском определении» и «религии дружины», «столь же уверенной в законности своих прав, сколько и церковь [10, с. 252]. В основе «религии дружины» лежала личность, «совершенно согласная с началами римского права». Со временем это представление о личности развилось «во всех отраслях жизни, права и науки» и получило «всю силу и несомненность религиозного убеждения». Но эта личность, «которая сделалась предметом верующего поклонения на Западе», не была идеальной личностью, личностью христианской, она была «личностью во всех ее случайностях», была близка древнегреческому, языческому типу личности, принадлежащему гомеровской Элладе [10, с. 252]. То, что Хомяков охарактеризовал идеологию раннегерманского государства как религиозную («религию дружины»), хорошо согласуется с его же мыслью о том, что человеческая жизнь никогда не может отделиться от религии [10, с. 308], а значит, невозможно помыслить и действительно безрелигиозное общество. Но одна религия в народе всегда может быть вытеснена другой религией.

В числе ключевых фигур, через которые можно понять процесс отпадения Римской церкви от христианства, Хомяков называл одного из основоположников схоластики Иоанна Скота Эригену (Эриугену). Схоластика, «философия многотомная, мертвящая», как характеризовал ее Хомяков, предопределила дальнейший ход религиозной истории Запада [10, с. 370]. Эригена придерживался пантеистических взглядов на природу Бога, (то есть в терминологии Хомякова был «кушитом»). Хомяков писал об Эригене, что тот «сам чувствовал свое направление и его законные выводы; но рожденный и воспитанный в эпоху еще религиозную, страшась своей собственный свободы, он… давал своему учению видимые формы христианства, совершенно чуждые его характеру» [10, с. 370]. В этом месте Хомяков фактически противопоставил «кушитский» пантеизм религии, но сделал это, по всей видимости, ненамеренно. В данном случае Хомяков говорил о христианстве, которое для него как для христианина являлось синонимом истинной религии. Поэтому слова Хомякова о том, что Эригена был рожден в «еще религиозную» эпоху, следует трактовать в том смысле, что Эригена был рожден в эпоху господства на Западе подлинного, неискаженного «кушитством» христианства.

Говоря об односторонности развития римско-католической мысли (ее стремлении к внешнему единству), Хомяков указывал на то, что такой характер ее развития неизбежно должен был вызвать противоположную интеллектуальную реакцию в виде протестантизма, главной идеей которого была свобода (также понятая исключительно как внешнее качество). Рационализм западной мысли при этом только усилился. Затем западная мысль от протестантизма (рационализированной религии) перешла к чистому рационализму, чисто философскому анализу, отрицающему уже саму религию. «Односторонность латинства вызвала противодействие, и мало-помалу, после многих неудачных попыток, после долгой борьбы, наступил период протестантства, одностороннего, как и латинство, но одностороннего в направлении противоположном первому: ибо протестантство удерживало идею свободы и приносило ей в жертву идею единства. Иначе и быть не могло, ибо примирение было невозможно для Запада, воспитанного началом латинства, под условиями завоевания германского и юридической формальности римской. Вся новая история Европы принадлежит протестантству, даже в землях, слывущих за католические. Как идея единства латинского была внешняя, так и идея свободы протестантской была внешней; ибо свобода, отрешенная от идеи разумного содержания, есть понятие чисто отрицательное и следовательно внешнее» [15, с. 149]. Протестантизм, как считал Хомяков, с самого начала носил в себе «семена своей собственной гибели», которые обязательно должны были развиться. Когда это свершилось, протестантизм утратил свою догматическую составляющую и «перешел в неопределенность философского мышления». [15, с. 149].

Хомяков полагал, что в современной ему Европе уже нет духовного начала, которое могло бы заполнить пустоту, возникшую после «падения начала латино-протестантского». Все многочисленные попытки создания новых универсальных учений (например, Р. Оуэном, Сен-Симоном и другими) были симптомами внутренней болезни духа, и все они закончились неудачно [15, с. 159]. Обращает на себя внимание то, что в этом месте Хомяков так же как и Киреевский в своем «Девятнадцатом веке», приравнивает учения светских утопистов к религии. «Расплывающееся верование протестанта и заказное верование Римлянина, в сущности одинаково рационалистические, оказываются в равной степени бессильными» против «смелого и откровенного рационализма безверия» [7, с. 147].

Критикуя католиков и протестантов, Хомяков неоднократно обращался к теме вселенских соборов и различиям в понимании их в Православной Церкви и на Западе (впоследствии это дало ряду авторов повод говорить о соборности как об одной из главных философско-богословских разработок Хомякова, хотя сам философ не уделял ей большого значения и использовал преимущественно в полемических целях). «Развитие внешней или государственной религии подавило прежнее учение, и учители Запада приняли внешнюю норму для суждения о законности собора, норму, основанную на признаках внешних, напр., на законности и праве лиц, участвующих в соборе, на числе их, на согласии с Римским епископом и т.д.). Идея единства условного, правительственного (авторитета или власти) заменила идею единства внутреннего или органического (жизненного)» – так описывал Хомяков подход западной церкви к идее собора, в то время как в Восточной Церкви собор (и соборность) рассматривались как взаимодополняющее сочетание двух идей – внутреннего единства и свободы [10, с. 45].

Впрочем, критиковал Хомяков и отдельные моменты церковно-общественных отношений в православии: «Церковь [в Византии], сознавая себя совершенною, не прилагала и не старалась приложить себя к вечно-несовершенному устройству общества. <…> Она не питала в душе гражданина нравственного стремления к согласию между его обязанностями гражданскими и человеческими, она не внушала ему надежды на лучшее будущее и не напоминала ему великой истины, что внешняя форма должна, поздно или рано, сделаться выражением внутреннего содержания. <…> Признавалась просветительная сила христианства, но не сознавалась его строительная сила» [10, с. 53–54].

Рассуждая о католичестве, Хомяков указывал на то, что свою роль в его формировании сыграл и ислам: «Аравийское понятие, несмотря на свое просветительное начало, усилило прежде зародившееся зло, прибавив к нему рационалистические формы, которые исламизм получал от односторонности аристотелевой школы» [10, с. 469]. В социально-политическом же аспекте от ислама католичество усвоило «новый завоевательный характер». При этом как последовательный антизападник Хомяков не мог удержаться от того, чтобы указать на то, что «аравийская природа очевидно стоит выше германской и ислам выше папства [10, с. 77].

Оценивая современное ему положение дел в Западной Европе, Хомяков заключал, что «окончательное торжество религиозного скептицизма еще не наступило», но уже сейчас о Западе можно сказать, что «у него нет никакой религии» [7, с. 144]. Хомяков ясно видел отход западного общества от христианской веры и христианских ценностей, видел причины и последствия этого исторического процесса, но понятийный аппарат, который он использовал, неопределенность таких терминов, как «религия» и «религиозность», не позволяли ему однозначно описать данный процесс. В одном месте он пытался противопоставлять понятия религии и религиозности: «Отдельные лица томятся потребностью религии, но, не находя ее, удовлетворяются вообще тем, что немцы так верно назвали религиозностью» [7, с. 144]. В других местах проводил различие между религией и верой: «Латинская идея религии превозмогла над христианской идеей веры, чего доселе

не замечают. Мир утратил веру и хочет иметь религию, какую-нибудь; он требует религии вообще» [7, с. 145]. Затем он брался утверждать, что единственная актуальная религия Запада – это религиозное лицемерие.

Христианство всегда значило для Хомякова нечто большее, чем «религия», и он явственно ощущал недостаточность и неполноценность этого определения, как и невозможность уравнять в правах христианство с другими вероисповеданиями. В некоторых случаях Хомяков пытался сделать это опосредованно, обращая внимание на то, что икона – это нечто гораздо большее, чем «религиозная картина», а церковный напев – это совсем не «религиозная музыка». Тогда как в других местах Хомяков брал на себя смелость прямо заявлять, что вера православная – это не религия, поскольку религия соединяет людей между собой, но только вера соединяет людей с Творцом [16, с. 257]. Сходные утверждения можно встретить у Хомякова и в других местах: «С детства лепечем мы чужестранные слова и питаемся чужестранной мыслью; с детства привыкаем мы мерить все окружающее нас на мерило, которое к нам не идет, привыкаем смешивать явления самые противоположные: общину с коммуной, наше прежнее боярство с баронством, религиозность с верой» [12, с. 64–65]. Или «назовите святую Веру религией, и вы обезобразите само Православие» [11, с. 395].

Хомяков утверждал, что «кушитские» элементы «примешались» к «новейшим школам философской Германии», «ибо шиво-буддизм, несмотря на все свои прихотливые символы, есть не что иное, как признание наукообразной логики мира» [10, с. 81–82]. «В своем религиозном периоде он [философский анализ] должен был сохранить и сохранил характер правомерности или полезности, т.е. кушитского заклинания» [10, с. 213]. Хомяков прямо указывал на кушитское происхождение западноевропейской науки: «он, и он один [«кушизм», «шиво-буддизм»], заслуживает имя науки, точно так же как одно израиле-христианское предание носит на себе истинный характер предания. Все прочие верования или учения представляют только более или менее жалкую и нестройную смесь науки с преданием, и их развитие в самопознании человеческом ведет за собою необходимое освобождение науки, предоставляемой своим собственным силам» [10, с. 82]. Основание этого Хомяков усматривал в том, что наука отрицает идею человеческой свободы в том виде, в котором она была сформулирована в христианской культуре, и опирается на противоположную ей логику необходимости.

Для Хомякова жизнь общества самым тесным образом связана с религиозным состоянием этого общества. Политика, общественное и государственное устройство обусловлены «высшими законами верования и философского мышления, возведенного в веру». Упадок религии ведет к упадку самого общества: «при распадении и разрыве мира религиозного должны были распадаться сами общества и государства, явления мира политического, подчиненного высшим законам верования и философского мышления, возведенного в веру» [10, с. 154]. Поскольку «человек – создание благородное: он не может и не должен жить без веры» [15, с. 147]. Хомяков констатировал необратимый процесс умирания католичества и протестантизма в Европе, умирания ее духовного начала как такового: «Логика истории произносит свой приговор не над формами, но над духовной жизнью Западной Европы» [15, с. 148].

Самарин

Ю.Ф. Самарин в своих воззрениях на природу религии и ее место в обществе в целом двигался в русле мышления своих предшественников – Киреевского и Хомякова. Так же как и они, он полагал, что все здание общественного устройства основано на безусловных религиозных предпосылках. «Возьмите любую образованность, завершившую полный

круг своего развития, и вы найдете в основе ее систему религиозных верований. Из них вытекают нравственные понятия, под влиянием которых слагается семейный и общественный быт, а бытовые отношения выливаются в юридические формы законов и учреждений, дополняющиеся неписаным кодексом условного общежития», – писал Самарин в своей статье «О народном образовании» [4, с. 141]. При этом он так же как и Хомяков, полагал существование в нерелигиозной нравственности невозможным.

Обоснование связи нравственности и религии было важной темой в философских работах Самарина. Так, в работе «По поводу сочинений Макса Мюллера по истории религий», рассматривая соотношение религии с нравственностью, Самарин предложил два определения религии: в узком смысле – как учения, в широком смысле – как нравственности. При этом, даже отождествляя религию и нравственность, Самарин был далек от кантовского утверждения об автономности этики, полагая, что этика не может существовать вне религиозного контекста. «Вся этика, – писал Самарин, – утверждается на религиозной основе и предполагает религиозные убеждения… следовательно, этика, как скоро отрешается от этих убеждений, вместе с тем отказывается от своего собственного логического и единственно состоятельного оправдания и впадает в неразрешимое противоречие со своими собственными требованиями и притязаниями» [6, с. 519]. Согласно Самарину, «нравственность без религии равняется лишенному корня растению» [6, с. 521]. И в том случае, когда «обычай, предание, привычка, личное настроение» начинают нравственности противоречить, они оказываются «не способны к жизни». Тот факт, что Самарин определял нравственность (этику) как понятие более широкое, чем религия, можно объяснить узостью общеупотребимого значения термина «религия». Однако Самарин был вынужден его использовать, хотя сам сознавал, что им невозможно объять всю сферу человеческого духа. «В известные времена (при падении Римской империи, затем во второй половине XVIII века, а может быть, и в настоящее время) господствующие воззрения слагаются таким образом, что свежее, искреннее, нравственное стремление почти по необходимости может выражаться не иначе как в резком противоречии с религией», – писал Самарин [6, с. 519].

Это утверждение может показаться противоречащим тому, что было сказано выше, однако данный казус разрешается тем, что любое отрицание религии, по Самарину, хотя бы оно и было антирелигиозным по форме, все же является религиозным по своему содержанию. Подтверждением этому служат «Письма о материализме», в которых главная цель Самарина состояла в том, чтобы показать несостоятельность материализма (и связанных с ним мировоззренческих установок) как самодостаточного интеллектуального направления и указать на его религиозные предпосылки. В начале этой работы главным предметом критики автора стала непоследовательность материалистического мировоззрения. По мнению Самарина, оно содержит в себе множество внутренних логических противоречий, на которые зачастую не обращают внимания его адепты. Самарин предлагает читателю осуществить мысленный эксперимент: «Вычеркните понятия добра и зла, предназначения и долга, совершенствования и упадка; потом разделайтесь со всеми привычками, которые только в этих понятиях и находят себе оправдание, например, с привычкою допрашивать свою совесть, судить себя и других, вообще порицать и хвалить что бы то ни было; наконец, отбросьте всю нашу обычную терминологию, все качественные определения, все обороты речи, вытекающие из тех же понятий, – и тогда вы убедитесь, что в этой очищенной среде вы должны бы были немедленно задохнуться: в ней нет возможности ни думать, ни действовать, ни чувствовать, ни говорить по-человечески. Единственный во всем мире последовательный и стройный материалист – это бессловесное животное» [5, с. 545–546].

Материализм для Самарина – это не самостоятельное движение, но лишь диалектический и всегда поверхностный момент отрицания религии. «Вся сила [материализма] не в нем, а вне его, – в том, что он отвергает; он силен воздействием на него отрицаемой им

силы», – утверждал Самарин [5, с. 546]. Материалисты «потому только не падают, что обеими руками обхватили своего врага, впились в него когтями и запустили в него зубы; не будь его, они бы не в состоянии были удержаться на ногах. Все, что в них есть сочувственного, жгучего и обаятельного, есть только отблеск того солнца, против которого они вопиют, как дикари верховьев Нила[1]. Но это последние лучи светила, для них заходящего. Скоро будет темно и холодно, скоро все замрет, посохнет и съежится» [5, с. 547]. При этом Самарин отмечал, что материалисты зачастую просто невежественны в религиозных вопросах, и потому не замечают собственной ограниченности, противопоставляют современные «строго научные понятия о мире вещественном младенческим представлениям о мире духовном (о Боге, о душе, об Откровении и т.д.)», не озадачиваясь серьезным изучением объекта своей критики [5, с. 553].

В целом, хотя Самарин и не пытался выстроить универсальную историософскую систему, как Хомяков, он следовал в русле его воззрений на религию и ее место в современном ему обществе. Также, хотя Самарин и не использовал понятие «кушитство» применительно к материализму, он также, как и Хомяков, отмечал его онтологическую враждебность религиозной идее свободы. И Самарин, и Хомяков считали отрицание человеческой свободы разрушительным для человека и общества. Но в оценке последствий такого разрушения Самарин шел дальше своего предшественника: «С этим, разумеется, должно рушиться понятие добра и зла, долга, вменения и обязательности всех существующих форм общежития и т.д. – чего и добиваются; но с тем вместе рушится и понятие права (всякого), ибо право семейное, гражданское, государственное есть не иное что, как черта, проведенная для ограждения в известных пределах именно свободы, а не чего-либо другого» [5, с. 552]. Если свобода – фикция, то нет нужды в том, чтобы к ней стремиться, значит и политические свободы – совершеннейшая бессмыслица, – утверждал Самарин. Последовательный отказ от религиозного понимания свободы, по Самарину, со временем должен привести к обессмысливанию и уничтожению всего общества как такового.

Еще один важный момент, в котором Самарин следует Хомякову, состоит в его оценке магических и спиритических практик, которые с середины XIX века стали входить в моду в образованном обществе Европы. И Хомяков, и Самарин указывали на то, что различного рода магизм и спиритизм связаны не столько с религией, сколько с ее антиподом – материализмом, который может проявляться не только в наукообразной форме, но и в виде всевозможных суеверий. «В наших, господствующих в массе верованиях (я говорю не об одних податных сословиях, но и о так называемом обществе, даже о нем в особенности) есть сильная помесь чисто материалистических понятий и представлений, в которых под обманчивым видом одухотворения плоти скрывается грубое оплототворение (можно ли так выразиться?) духа. Для пояснения моей мысли я приведу пример. Припомните то, что вы, конечно, не раз слышали от лиц благочестивых и образованных по поводу лечения магнетизмом, кружения столов и т.д., и скажите: далеко ли мы ушли от заклинательных религий, от того понятия, что посредством какого-нибудь чисто механического приема человек может привести себя, даже может быть приведен другим, без собственного своего ведома и сознания, в непосредственное общение с духом света или духом тьмы? Что человек может случайно погубить свою душу, так же как он может схватить где-нибудь лихорадку, и может точно так же спасти ее? ...В одном

[1] Вероятно, Самарин не случайно проводит здесь сравнение материалистов с «дикарями верховьев Нила». Поскольку верховья Нила, согласно историософской концепции Хомякова – местоположение земли Куш, родина «кушитства», учения, позднейшей формой которого Хомяков считал современное материалистическое мировоззрение. Таким образом, Самарин отдает дань памяти философскому наследию своего старшего товарища.

этом предположении, как в зерне, кроется весь материализм со всеми его дальнейшими выводами» [5, с. 544–545].

Здесь Самарин, с одной стороны, противопоставляет материалистическую псевдодуховность истинной духовности, истинной религии, а с другой – указывает на глубокое внутреннее родство материализма с «заклинательными религиями» (которые Хомяков характеризовал как «кушитские»). Отсюда также можно вывести, и третий способ использования слова «религия» у Самарина – не только как учение, нравственность, но и как всевозможные магические практики и суеверия. По Самарину, отличие такой магической и материалистической религиозности от религиозности подлинной заключается в том, что в подлинной религиозности всегда присутствует вера. Вера для Самарина – это наивысшая ступень религиозности. Это не «внешнее, формальное, условное подчинение какому-либо авторитету», но «убеждение твердое, исключающее всякое сомнение», «самое глубокое, самое искреннее, достигшее высшей потенции убеждения» [6, с. 517]. Такая вера «предполагает сознанный и недостигнутый идеал, верховный и обязательный закон; а кто усвоил себе закон и внес его в свою жизнь, тот через это самое стал выше мира явлений и приобрел над собою творческую силу; тот уже не прозябает, а образует себя», – заключал Самарин [4, с. 141].

* * *

Ключевой момент понимания религии и религиозного славянофилами (Киреевским, Хомяковым, Самариным) заключается в том, что они понимали эти понятия расширительно и сознавали их недостаточность для описания духовной сферы человека.

Киреевский и Хомяков причисляли к религиозным партиям не только католиков и протестантов, но и светские идеологии (рационализм и социализм), и конкретные утопические проекты. Одностороннюю рациональность Киреевский и Хомяков рассматривали не только как идеологию, «веру в разум», заменившую христианство, но и как одно из основополагающих свойств западного мышления в целом – преобладание «наружной рассудочности» над «внутренней сущностью вещей». Рационалистически обусловленное изменение символа веры, повлекло за собой не только Великую схизму 1054 года, но и Реформацию. Киреевский полагал, что рационализм привел к необратимым сдвигам в западном сознании – его раздвоении на религиозное и мирское (его секуляризации). При этом в сознании русского человека такое разделение отсутствует. Киреевский и Хомяков считали, что попытка насильственно объединить церковь и государство на Западе привела к их совершенному разделению, тогда как в России, напротив, изначальное разделение государства и Церкви позволило сохранить внутреннее единство всех сфер общественной жизни.

Хомяков использовал понятие «светский» как характеристику государственной власти самой по себе, взятой в отрыве от ее религиозных оснований. Хомяков не допускал мысли о возможности «светского общества», как общества, существующего без религии. Хотя в ряде случаев он утверждал, что религия в Западной Европе пришла в упадок и там «не осталось никакой религии» – так он характеризовал катастрофическое сокращение влияния католичества и протестантизма на западное общество. Хомяков полностью соглашался с теми предпосылками, из которых исходил Киреевский, анализируя взаимоотношения России и Европы. Однако Хомяков в меньшей степени был склонен к идеализации древнерусского общества и отвергал мысль о том, что христианское учение во всей полноте выражалось в древнерусском быте. Для обоснования своих общественно-политических взглядов Хомяков пытался выстроить универсальную философскую систему, представив мировое историческое развитие как борьбу двух начал – «иранского» (почитание единого Бога-творца) и «кушитского» (почитание природы). Христианское вероучение было для

Хомякова наиболее полным выражением «иранского» начала, но влияние «кушитства» привело в Средние века к Великой схизме и появлению католичества, в Новое время – к появлению протестантизма, а в современности – наукообразного рационалистического мировоззрения. Важным моментом в философии Хомякова было то, что появление «кушитства» он связывал с нравственным выбором человека – первым кушитом, по Хомякову, был сын Ноя Хам.

Самарин полагал, что любое общественное устройство всегда основано на религиозных предпосылках и не может без них существовать. Нравственность всегда имеет религиозное происхождение. Материализм, который при жизни Самарина набирал все большую популярность, с его точки зрения, хотя и является антирелигиозным мировоззрением по своей форме, по существу же основан на религиозных (в широком смысле) предпосылках. Самарин полагал, что материализм связан с «заклинательными религиями» и магическим мышлением, тем самым фактически повторяя идею Хомякова о «кушитском» происхождении современной науки и философии.

Таким образом, можно сделать вывод, что все трое из рассмотренных «старших славянофилов» усматривали в антирелигиозном мировоззрении и рациональном и светском устройстве западного общества явные элементы альтернативной религиозности, генеалогия которых восходит к западному христианству, далее – к Великой схизме, далее – в глубь нравственной истории человечества. Метафизическими предпосылками и одновременно следствиями такого мировоззрения, по их мнению, являются ложно понятая рациональность, отрицание трансценденции и принципа свободы. Славянофилы заключали, что последовательное претворение в жизнь этого мировоззрения будет иметь неизбежные пагубные последствия в виде постепенной деградации общественных и государственных институтов.

Все три автора не мыслили светскость полностью в гуманистическом и позитивистском смысле как нечто противоположное религии или как пространство вне религий. Их философские построения религиозны, они разворачиваются в традиционной христианской онтологии, которая является предельной, и в ней нет и не может быть метода, выходящего за ее пределы, так как такой метод ведет лишь к вероотступлению, ереси и угасанию, но не к качественно иной онтологии.

Литература

1. *Berger P.* Toward a New Paradigm for Modernity and Religion. Patocka Memorial Lecture. Wien Museum Atrium. 2016. 28 апреля [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=2kNkr-x6XwI (дата обращения: 11.11.2019).
2. *Киреевский И.В.* Девятнадцатый век / И.В. Киреевский // Полн. собр. соч.: в 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 85–108.
3. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России / И.В. Киреевский // Полн. собр. соч.: в 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 174–222.
4. *Самарин Ю.Ф.* О народном образовании / Ю.Ф. Самарин // Соч.: в 10 т. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1877. Т. 1. С. 122–147.
5. *Самарин Ю.Ф.* Письма о материализме / Ю.Ф. Самарин // Соч.: в 10 т. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1887. Т. 6. С. 540–554.
6. *Самарин Ю.Ф.* По поводу сочинений Макса Мюллера по истории религий / Ю.Ф. Самарин // Соч.: в 10 т. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1887. Т. 6. С. 479–523.
7. *Хомяков А.С.* Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры. 1858 / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Университетская типогр. (М. Катков), на Страстном бульваре, 1886. Т. 2. С. 169–258.
8. *Хомяков А.С.* Записки о всемирной истории / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Университетская типогр., на Страстном бульваре, 1900. Т. 5. 588 с.
9. *Хомяков А.С.* Записки о всемирной истории / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Типолитогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. Т. 6. 503 с.

10. *Хомяков А.С.* Записки о всемирной истории / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1906. Т. 7. 503 с.

11. *Хомяков А.С.* К сербам. Послание из Москвы / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Университетская типогр., на Страстном бульваре, 1900. Т. 1. С. 377–408.

12. *Хомяков А.С.* Мнение русских об иностранцах / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Университетская типогр., на Страстном бульваре, 1900. Т. 1. С. 31–72.

13. *Хомяков А.С.* О библейских трудах Бунзена / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Университетская типогр. (М. Катков), на Страстном бульваре, 1886. Т. 2. С. 259–302.

14. *Хомяков А.С.* Письма к В. Пальмеру / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Университетская типогр. (М. Катков), на Страстном бульваре, 1886. Т. 2. С. 343–415.

15. *Хомяков А.С.* По поводу Гумбольдта / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Университетская типогр., на Страстном бульваре, 1900. Т. 1. С. 143–176.

16. *Хомяков А.С.* По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Университетская типогр., на Страстном бульваре, 1900. Т. 1. С. 197–262.

Аннотация. В статье рассматриваются основные работы Киреевского, Хомякова и Самарина, затрагивающие проблематику религиозного и светского (безрелигиозного, секулярного). Автор статьи приходит к выводу о фундаментальной общности подходов трех славянофилов по данному вопросу. Методология славянофилов усматривала истоки процесса секуляризации в специфике Западного христианства, которая окончательно сформировалась к моменту Великой схизмы. Славянофилы обращали внимание на религиозную природу современных светских антирелигиозных идеологий, которые хотя и отрицали религию и собственное религиозное происхождение, сами были не способны выступить в качестве достойной альтернативы. Все три философа отстаивали христианскую онтологию, поэтому не мыслили о светскости полностью в гуманистическом и позитивистском смысле, как о чем-то, что противоположно религии, или как о пространстве вне религий.

Ключевые слова: Хомяков, Киреевский, Самарин, славянофилы, рационализм, религия, светскость, секуляризация, христианство.

Vasiliy A. Shchipkov, PhD in Philosophy; Associate Professor, Department of the International Journalism, MGIMO-University; Director, Russian Expert School. E-mail: vas.ship@mail.ru

Attitude to the Categories of the Religious and the Secular in the Works of the Slavophiles (Kireevsky, Khomyakov, Samarin)

Abstract. The author analyses the main works of I.V. Kireevsky, A.S. Khomyakov and Yu. F. Samarin that touch upon the problems of religion and secularism (religious, secular). The author summarizes the common approaches of the three Slavophiles to this issue. The Slavophil methodology attributed the origins of the secularization process to the specifics of Western Christianity, which had finally formed at the time of the Great Schism. The Slavophiles paid attention to the religious nature of modern secular anti-religious ideologies, which though denying religion and their own religious origin, still could not offer any worthy alternative. All three philosophers defended Christian ontology, therefore they did not consider secularism in a humanistic and positivistic sense, as something which was opposite to religion or was an area beyond all religions.

Keywords: Khomyakov, Kireevsky, Samarin, Slavophiles, Rationalism, Religion, Secularism, Secularization, Christianity.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-235-246

Алексей Беглов

Семейство Самариных и приходский вопрос в Российской империи. 1860-е – 1910-е годы

В настоящей статье мы рассмотрим вклад представителей рода Самариных в развитие приходского вопроса в конце XIX – начале XX века. Приходский вопрос был одной из самых дискутируемых проблем церковной жизни и государственно-церковных отношений этого периода. Речь шла о расширении прав мирян в сфере приходского самоуправления, прежде всего о допуске их к управлению церковно-приходским имуществом и к участию в выборах членов приходского клира. Дело в том, что православный приход Российской империи во второй половине XIX века пребывал в кризисном состоянии. В конце XVII – начале XIX века шло планомерное наступление светских и церковных властей на его самостоятельность. В результате из самоуправляемой религиозной общности приход превратился в территориально-административную и фискальную единицу, подчиненную епархиальным властям. Он был лишен прав юридического лица; права прихожан по участию в деятельности местной церковной общины были существенно ограничены.

Начавшееся в 1860-х годах обсуждение приходского вопроса выявило его интегральный характер. Так, допуск прихожан к управлению церковно-приходским имуществом должен был повлечь за собой реформу приходского хозяйства и системы материального обеспечения духовенства, а участие мирян в рекрутировании приходского клира привело бы к постепенному демонтажу духовного сословия и к реформе системы духовного образования. Самарины были участниками обсуждения приходского вопроса на протяжении последних пятидесяти лет Российской империи. Особенно существенный вклад в него внес Д.Ф. Самарин (1827–1901). Он был пионером общественного обсуждения приходской темы. Но приходского вопроса касались и его сыновья – Ф.Д. и А.Д. Самарины. О выступлениях Д.Ф. Самарина по приходскому вопросу нам уже приходилось писать [4, с. 172–200; 5, с. 241–264], поэтому в этом очерке мы скажем о них в общих чертах, сконцентрировавшись на выступлениях и деятельности его сыновей.

Как мы сказали, именно Д.Ф. Самарин начал публичное обсуждение приходского вопроса. В 1867 и 1868 годах он опубликовал в газете И.С. Аксакова «Москва» серию очерков под общим названием «Приход» [13][1]. Для Д.Ф. Самарина приход – прежде всего общественный институт, «общественная группа». Приход рассматривается им как «клеточка» организма, имеющая «жизнь» в себе, но и неразрывно, «органически» связанная с целым. (В этом проявляется характерный для славянофилов взгляд на общество, в том числе на Церковь как на живой организм.) Коль скоро клеточка организма имеет жизнь в себе, то и

[1] Тогда же очерк вышел двумя отдельными изданиями [14].

Беглов Алексей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член Научно-редакционного совета проекта по изданию документов Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. E-mail: al.beglov@igh.ru

важнейшая для автора очерка характеристика прихода – самостоятельность его внутренней жизни. Она должна выражаться в том, что приход выбирает причт и распоряжается церковно-приходским имуществом. Утрата приходом права распоряжаться церковным имуществом для Д.Ф. Самарина – наиболее яркий пример утраты самостоятельности прихода и обюрокрачивания его жизни [14, ч. 1, с. 57]. Возродить православный приход, с точки зрения публициста, можно было, вернув исконные права в церковной сфере (узурпированные в начале синодального периода бюрократизированной иерархией) подлинному субъекту приходской жизни. Этим субъектом, по его мысли, являлась *община* – земское общество и крестьянская община на селе и городское общество в городе.

Как один из первых шагов правительства по возврату этих прав приходскому обществу Д.Ф. Самарин и его единомышленники рассматривали учреждение в 1864 году приходских попечительств при православных церквах. Они стремились активно участвовать в их работе (сам Д.Ф. Самарин был председателем Спасского попечительства Самарской епархии), причем старались направить их деятельность в соответствии со своими представлениями, в частности, заявляли о правах попечительств распоряжаться церковно-приходскими суммами. Когда к концу 1860-х годов стало ясно, что попечительства встречены настороженно иерархией и духовенством, а попытки расширить сферу их деятельности в соответствии со славянофильской концепцией заблокированы как на епархиальном уровне, так и Синодом, славянофилы сделали акцент на возможности участия земского и городского самоуправления в приходской реформе.

В 1880 году Д.Ф. Самарин, будучи влиятельным гласным Московского губернского земского собрания, предложил Московскому земству ходатайствовать перед Министерством внутренних дел об изменении статуса православного прихода (восстановить право юридического лица, избрания священнослужителей, распоряжения церковными средствами). Это была самая громкая, но далеко не единственная инициатива земств по участию в приходской жизни [подробнее см. 4, с. 172–200]. Такая позиция славянофилов была совершенно естественна. И приход, и земские учреждения были для них институтами одной – общественной сферы, поэтому помощь со стороны более свободных (по закону) институтов другим была для них само собой разумеющейся.

В 1870-х годах Д.Ф. Самарин выступил с жесткой критикой приходской реформы, инициированной обер-прокурором Святейшего Синода Д.А. Толстым. Дело в том, что организация приходских попечительств не принесла ожидавшихся реформаторами плодов: попечительства возникали медленно, а прихожане очень неохотно жертвовали на содержание приходского клира. Осознав, что организация попечительств не решит проблему материального обеспечения духовенства, правительство при Д.А. Толстом решило пойти по другому пути: укрупнения приходов с одновременным сокращением численности причтов. Укрупнение приходов должно было идти путем сокращения их численности: одна из приходских церквей должна была стать приписной и лишиться своего самостоятельного духовенства. По мысли реформаторов, это должно было значительно увеличить доходы оставшегося на приходах духовенства, поскольку на каждого из приходских клириков теперь приходилось бы большее число прихожан. Подобные мероприятия не были новостью. Они уже были опробованы, хотя и не в масштабе всей империи и без значительного успеха, в годы николаевского царствования, в 1829, 1842, 1846 годах. Теперь же предполагалось пересмотреть границы приходов и состав церковных причтов по всей стране.

Соответствующее положение было утверждено 16 апреля 1869 года. Характерно, что составление нового штатного расписания было поручено не епархиальным властям, а губернским присутствиям по делам православного духовенства, в которые входили и светские чиновники. Перекройка приходского ландшафта планировалась значительная. Только в 18 епархиях планировалось лишить самостоятельности 2 тысячи приходов и вывести

за штат почти 15 тысяч священно- и церковнослужителей, из них – почти полторы тысячи священников. Новая реформа встретила скрытое сопротивление православного епископата и открытое возмущение со стороны прихожан, которые были глубоко оскорблены таким отношением к ним властей. Как писал один из современников, «во всем законодательстве нет подобного примера, когда бы ради личных интересов сословия так бессовестно пренебрегли высшим благом миллионов» [12, с. 533; ср.: 15, т. 2, с. 97–115]. Однако и само духовное сословие было подавлено проводившейся реформой. Клирики, надеявшиеся на назначение жалованья и его не получившие, оказались перед угрозой лишиться места и средств к существованию.

Отзывы с мест ясно говорили о том, что благосостояние причтов не повысилось, а доходы от прихожан не увеличились, как ожидалось, а уменьшились [16, с. 363–383, 400–409; 12, с. 518–546]. Несмотря на свою очевидную неудачу, реформа нанесла церковной жизни заметный урон. Как писал епископ Минский Евгений (Шершилов),

> «сокращение приходов весьма неблагоприятно повлияло на прихожан; почти все они стали питать неприязненное отношение к духовенству, считая его единственно виновником реформы и самую реформу объясняя его своекорыстием. А при отчужденности прихожан от духовенства не может быть, конечно, и речи об улучшении материального быта его, стоящего в зависимости от доброго расположения первых» [цит. по: 12, с. 542].

В 1873 году в статье «Сокращение приходов и обеспечение духовенства», напечатанной в газете Н.П. Гилярова-Платонова «Современные известия», Д.Ф. Самарин выступил с критикой реформы как проводимой в ущерб религиозным потребностям большинства народа. Однако помимо критики, он предложил и способ решения проблемы материального обеспечения духовенства. Одной из причин бедности приходского клира, по мнению современников, была бедность самих приходов, прежде всего сельских. А ее причина в свою очередь коренилась в фискальной политике светских и церковных властей, которые с 1808 года изымали большую часть доходов приходских церквей в пользу духовных учебных заведений (духовных училищ и семинарий) [7, с. 56–81]. Поэтому Д.Ф. Самарин предлагал, чтобы духовно-учебные заведения были взяты на обеспечение за счет казны, а приходы – освобождены от любых отчислений на их нужды. Освободившиеся средства, переданные в распоряжение прихожан, последние, по его мнению, могли бы тратить на местные церковные потребности, в том числе на содержание духовенства [15, т. 2, с. 105–115].

Усилиями Самарина и его последователей (в частности, публициста А.А. Папкова [5, с. 241–264]) к концу XIX века приходский вопрос вошел в поле зрения широкой общественности и даже чиновничьих «сфер», а после первой русской революции перешел и в практическую плоскость. На повестку дня был поставлен вопрос о приходской реформе, частью которой должна была стать разработка и принятие приходского устава – обобщающего документа, который должен был регулировать правовой статус и полномочия приходской общины. Первый шаг в этом направлении был сделан Предсоборным присутствием 1906 года. Им был разработан проект Нормального приходского устава. Доработать устав было призвано Особое совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 года [6, с. 39–61].

Его членом был Ф.Д. Самарин. Он был одним из самых активных членов совещания во время весенней сессии и оказал заметное влияние на трактовку этим органом разбиравшихся тогда статей Положения о православном приходе (так в тот момент именовался приходский устав). Однако после летнего перерыва он не смог возобновить свою работу в Совещании, и финальный вариант проекта был подготовлен без его участия. Когда в начале 1908 года проект Положения о приходе был представлен в Синод и разослан членам закрытого к тому моменту Совещания, Ф.Д. Самарин не согласился с результатами рабо-

ты своих коллег. В мае 1908 года он направил в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода свое особое мнение [17]. Поскольку ранее этот документ не был введен в научный оборот, мы остановимся на нем подробнее[1].

Пространный, двадцатишестистраничный отзыв Ф.Д. Самарина носил во многом характер принципиальной критики проекта. Автор начинал с анализа действующего законодательства, в котором регламентировалась приходская жизнь. Речь шла прежде всего о соответствующих статьях Устава духовных консисторий и Инструкции церковным старостам. Автор считал, что хотя современное ему устройство прихода «*в основе своей* не противоречит тем принципам, которые издревле осуществлялись в церковных учреждениях» [17, л. 315], но оно страдает существенными недостатками. К таким недостаткам Ф.Д. Самарин относил полное разобщение существующих в приходе согласно законодательству должностных лиц и учреждений: причта, церковного старосты, представителей от прихода, приходского собрания. В частности, он указывал, что церковный староста, формально будучи уполномоченным прихожан, на деле от них совершенно независим. Приходское собрание не имеет никаких рычагов контроля за хозяйственной деятельностью не только причта, который поставлен в «еще более обособленное от прихода положение», но и старосты:

> «Прихожанам предоставляется лишь жертвовать деньги в церковную казну, но им не дается никакого участия в распоряжении этими деньгами; более того, их даже не осведомляют о том, куда эти деньги расходуются» [17, л. 316].

Ф.Д. Самарин был убежденным сторонником допущения мирян к распоряжению церковным имуществом, ибо

> «попечение о материальной стороне жизни церковных обществ нельзя возлагать исключительно на церковную власть; иначе последняя будет вынуждена, вопреки примеру апостолов, оставив слово Божие, “служить трапезам” [ср. Деян. 6: 2]. Миряне же внесут в это дело всю свою житейскую опытность; они послужат церкви своими практическими сведениями, которыми могут и не обладать члены клира» [17, л. 316].

При этом он подчеркивал, что такое допущение «никоим образом не должно и не может иметь последствием изъятие церковного хозяйства из-под контроля епархиальной власти» [17, л. 316 об.]. Напротив, считал он, только с участием мирян епархиальная власть может поставить под действительный контроль хозяйственную деятельность причтов и старост. Сейчас, в силу своей удаленности от них она вынуждена ограничиваться только формальной проверкой, а в рассмотрение целесообразности хозяйственных распоряжений приходских должностных лиц входить не может. Миряне же могут вплотную наблюдать и верно оценивать их деятельность, к тому же и «нужды приходской церкви гораздо им ближе, чем благочинному или духовной консистории» [17, л. 316 об.].

Кроме того, за участие мирян в распоряжении церковным имуществом говорит, по мнению Ф.Д. Самарина, и весомый психологический аргумент:

> «Опасно давать повод к тому, чтобы церковное хозяйство утрачивало в глазах мирян свое общецерковное значение и чтобы среди них распространялось мнение, будто в этом деле заинтересовано преимущественно духовенство. Все материальное достояние церкви искони слагалось из добровольных пожертвований, а размер последних, конечно, зависит от того или иного расположения верующих» [17, л. 316–316 об.].

[1] Помимо особого мнения Ф.Д. Самарина весной 1908 года на проект поступили отзывы епископа Орловского и Севского Серафима (Чичагова) и Училищного совета при Святейшем Синоде: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 279, 280 (сопроводительные письма к отзывам, по которым мы их датируем), 259–276 об. (замечания еп. Серафима), 278–278 об. (дополнения Училищного совета).

Обзор действующего законодательства приводил автора особого мнения к выводу, что

> «было бы ошибочно рассчитывать на возможность восстановления правильного порядка исключительно административными мерами, ибо, как показано выше, самый закон по неполноте, неопределенности и некоторой односторонности своей создает благоприятную почву для отмеченных выше явлений. Поэтому нельзя ограничиться требованием, чтобы в точности исполнялись те постановления закона, которые теперь бездействуют; необходимо внести в нынешнюю организацию некоторые изменения законодательным путем» [17, л. 316 об.].

При этом речь не должна была, по его мнению, идти о полном переустройстве приходской организации, но об осуществлении принципов, признаваемых законодательством, однако остающихся на практике без применения. С этой точки зрения, Ф.Д. Самарин всячески приветствовал деятельность Особого совещания, но выражал разочарование ее результатами.

Прежде всего он обращал внимание Синода на то, что значительная часть новых полномочий, предоставленных приходу проектом Положения, не будет иметь серьезного практического применения. Так, по мнению автора записки, приходский совет ничего не сможет сделать для возвышения нравственной жизни прихожан, а приходское собрание никак не сможет противостоять сектантской пропаганде. Несмотря на то, что на эти органы приходского управления возложены соответствующие обязанности, им не даны никакие рычаги для исполнения этих обязанностей [17, л. 317]. Также фикцией он считал предоставление приходу права наблюдения за школами других ведомств, находящимися на его территории, поскольку приходу в этом отношении не предоставляется никаких прав: «Все будет ограничиваться тем, что совет будет доводить до сведения школьного начальства о своих наблюдениях, и только» [17, л. 328 об.].

Одновременно, указывал Ф.Д. Самарин, главное дело прихода – забота о храме и об удовлетворении его текущих хозяйственных нужд – «*будет по-прежнему находиться в заведывании причта и церковного старосты*» [17, л. 317 об.; здесь и далее выделения в тексте цитат принадлежат Ф.Д. Самарину. – *А.Б.*]. И это будет происходить вопреки намерениям совещания, которые заявлены в проекте, но не доведены до конца. Так, в проекте говорится о том, что забота о храме – обязанность не только причта, но и приходских собрания и совета (§ 48), но в дальнейшем это положение не развивается. Церковный староста в проекте называется поверенным прихожан (§ 18), но отчета давать им он не обязан и, следовательно, как и прежде от них независим. В проекте говорится о том, что права и обязанности старосты определяются «особою инструкциею», но о пересмотре действующей инструкции церковным старостам в материалах совещания не говорится. Из чего Ф.Д. Самарин делает вывод о том, что эта инструкция «останется в силе и впредь», тогда как в ней нет указаний на создаваемые проектом новые приходские учреждения.

Тем самым автор особого мнения указывал, как представляется, на одну из самых слабых сторон в деятельности совещания – на отсутствие внимания к необходимости пересмотра действующих законоположений. Это также существенно отличало работу совещания от деятельности Предсоборного присутствия, которое, как мы помним, не только составило новые инструкции членам причта, но и подготовило проект изменений в инструкции церковным старостам. Предубеждение к результатам работы Присутствия приводило к непоследовательности в работе совещания, что, как показал Ф.Д. Самарин, ставило под сомнение реализуемость подготовленного проекта.

В итоге автор приходил к тому выводу, что «в сущности *все церковное хозяйство будет изъято из ведения новых приходских учреждений*» [17, л. 317 об.]. Это, по его мне-

нию, стало бы следствием разделения церковно-приходского имущества на два разряда и учреждения двух юридических лиц в приходе в ситуации, когда участие прихожан в управлении церковным имуществом в проекте декларируется, но не конкретизируется. Утверждение проекта, что распоряжение церковным имуществом принадлежит церковной власти с участием прихожан «в установленном законом порядке», Ф.Д. Самарин интерпретировал так, что оно будет осуществляться «на существующих теперь основаниях», поскольку иного механизма совещание не разработало [17, л. 317 об.–318].

Вердикт автора был неутешителен:

> «В организацию прихода, *как церковного учреждения, призванного заботиться о приходском храме и его нуждах,* выработанный Особым совещанием проект Устава не вносит ничего существенно нового. Заведывание приходским хозяйством предполагается оставить в том же несовершенном виде, как теперь. Между тем именно в этой области действующие узаконения особенно настоятельно требуют существенных изменений и дополнений. Обходя эту важнейшую сторону подлежащего разрешению вопроса, составители проекта приходского устава тем самым отнимают у предположенной ими организации главное значение, которое должно бы ей принадлежать. В это нельзя не видеть существенного недостатка рассматриваемого проекта» [17, л. 318–318 об.].

С другой стороны, если церковное хозяйство, рассуждал далее Ф.Д. Самарин, изъято из ведения новых приходских учреждений, получается, что последним остается сосредоточиться на христианском просвещении и благотворительности. Тем самым

> «забота о школах и благотворительных учреждениях будет выделена из общей совокупности дел приходских и составит специальную функцию организации, действующей *в пределах прихода* и состоящей *при* церкви, *но все же особой от прихода как церковного учреждения*» [17, л. 319].

Получается, писал автор особого мнения, что новые приходские собрания и советы будут в основных чертах своего устройства фактически повторять устройство приходских попечительств, которые уже показали свою несостоятельность именно как учреждения, призванные содействовать развитию приходской благотворительности и просветительской деятельности. Кроме того, опасность такого устройства прихода, по мнению Ф.Д. Самарина, состоит еще и в том, что прихожане будут смотреть на дело заботы о храме как на дело для них второстепенное по сравнению с заботой о просвещении и благотворительности. В результате разобщение причта и прихожан не будет преодолено, а напротив, еще больше укоренится; «усердие прихожан к поддержанию приходского храма ослабеет», а благотворительные и просветительные учреждения, «если и возникнут, то будут оторваны от непосредственной связи с церковью» [17, л. 319].

При этом проект совещания, отмечал Ф.Д. Самарин, возлагая на прихожан ответственность за приходские школы и призрение неимущих, не предлагал им никаких новых источников дохода, откуда можно было черпать средства на эти цели. Между тем главным препятствием еще для деятельности приходских попечительств, указывал автор, был именно недостаток средств у населения. Самообложение прихожан, возможность которого предусматривалась в проекте совещания, по мнению критика, понималось в нем не совсем обычно, ведь прихожане не могут принимать «никаких принудительных мер» для взыскания установленных на собраниях сборов. Исключение из состава приходского собрания за их неуплату не казалось Ф.Д. Самарину действительно эффективной мерой. Следовательно, писал он, самообложение понимается в проекте не как принудительная раскладка сборов, а «не более как обязательство, добровольно данное известным числом прихожан», внести определенную сумму. Значит единственным реальным источником

приходских средств, резюмировал автор, остаются добровольные пожертвования, а они «при современных условиях» не могут быть значительны [17, л. 319 об. –320].

> «В лучшем случае добровольные пожертвования послужат некоторым *подспорьем*, при наличности других доходов; рассчитывать же, что этим путем получатся *основные* средства, необходимые для развития благотворительной и просветительной деятельности прихода, значит обольщать себя совершенно неосуществимыми надеждами» [17, л. 320].

И хотя совещание допускает возможность использования части церковных средств, оставшихся после покрытия расходов по церковному хозяйству и после оплаты епархиальных сборов, но «у большинства церквей в настоящее время» значительных сумм, говорит автор, не остается. Значит, и этот источник иллюзорен.

> «Таким образом, есть полное основание опасаться, что деятельность приходских собраний и советов по учреждению школ, приютов, богаделен и т.п. в большинстве случаев будет ограничиваться самыми ничтожными размерами или даже будет прямо сводиться на нет» [17, л. 320],

то есть все приходское устройство, планируемое совещанием, будет так же нежизненно, как были нежизненны приходские попечительства.

Для того чтобы проект Особого совещания не стал мертворожденным ребенком, по мнению Ф.Д. Самарина, в него следовало внести ряд существенных изменений, которые способствовали бы не разобщению, а консолидации трех главных сил, действующих в приходе: епископа, священника и прихожан:

> «Ослабить воздействие епископа на приходскую жизнь значило бы подорвать связь прихода с Церковью; лишить местного священника с причтом первенствующего положения в приходских учреждениях было бы равносильно полному извращению нормальных отношений между клиром и мирянами; устранить мирян от участия в приходских делах немыслимо, если не признать, что церковные учреждения существуют сами по себе, а не для мирян» [17, л. 321].

Исходя из этой главной задачи консолидации приходских сил, в приходе должна быть осуществлена такая организация,

> «которая возлагала бы управление приходскими делами на клир, при непременном участии прихожан и под высшим руководством епископа» [17, л. 320 об.].

Поэтому все три части прихода, доказывал Ф.Д. Самарин, должны участвовать во всех делах, хотя и «не в равной мере и не в одной и той же форме» [17, л. 321]. Для этого прежде всего необходимо отвергнуть положение о разделении церковно-приходского имущества на два разряда и соответственно – о создании двух юридических лиц в приходе. Это положение, по мнению автора, было принципиально неправильным, поскольку приход неотделим от храма, а храм – от прихода, «а потому и имущество прихода есть имущество церковное, и обратно» [17, л. 328]. Только в случае такого единства церковно-приходского имущества, подчеркивал Ф.Д. Самарин, приход будет именно церковным учреждением, как сказано о нем в § 1 проекта. Церковь ведь никогда не разделяла заботу о храмах, о христианском просвещении своих чад и о помощи нуждающимся. «Церковные деньги – деньги нищих», – эту древнюю максиму Ф.Д. Самарин приводит для подкрепления своей идеи о нераздельности приходской собственности. Для прихода как церковного учреждения и забота о храме, и «попечение о неимущих», и «распространение христианского просвещения» являются «главнейшей обязанностью». Соответственно и всеми этим средствами и делами в совокупности должны заведовать «одни и те же лица и учреждения» [17, л. 319]. Значит, и прихожане должны участвовать во всех делах прихода, в том числе – и в заведывании церковным имуществом.

Реализовать такое участие, по мнению автора, достаточно просто. Необходимо сделать церковного старосту действительно зависимым от приходского собрания и совета, для чего ввести проверку со стороны этих учреждений действий и отчета старосты, отчет его должен утверждаться епархиальной властью только после положительного заключения приходского собрания. Эту норму Ф.Д. Самарин предлагал закрепить в проекте Положения, разработанном совещанием. Кроме того, он предлагал внести изменения в действующую инструкцию церковным старостам, с тем чтобы староста спрашивал согласия приходских собрания или совета во всех тех случаях, когда теперь он испрашивает согласие только причта.

Автор особого мнения полагал критерии, предложенные совещанием для определения прихожан (постоянное проживание в приходе, православное исповедание и запись в приходскую книгу), весьма спорными. Особенно неопределенным он считал требование постоянного жительства в приходе.

> «Может ли считаться, – спрашивал он, – постоянно проживающим в сельском приходе землевладелец, проводящий полгода в городе и полгода в имении своем? Где должен считаться постоянно проживающим крестьянин, который на все лето уходит из деревни на заработки?» [17, л. 325]

В итоге, указывал Ф.Д. Самарин, некоторые не будут принадлежать ни к какому приходу. Также весьма спорным критерием он считал запись в приходскую книгу и предлагал исключить упоминание о ней из проекта устава, как и требование о предоставлении прихожанами при смене прихода переходных свидетельств, содержащих сведения из приходской книги. Эти свидетельства он называл пустой формальностью, которую никто не будет исполнять. Он предлагал вовсе отказаться от определения прихожан, поскольку на практике, как он считал, этот вопрос решается легко и естественно, а формальные определения могут только запутать его [17, л. 325]. Одновременно Ф.Д. Самарин предлагал иначе определить в проекте состав приходских собраний, устранить требование постоянного жительства в приходе, по крайней мере для тех, кто имеет в его пределах оседлость (например, квартиросъемщики в городах) или недвижимость. По его мнению, это необходимо было сделать, чтобы не отсечь от участия в приходских делах возможных активных прихожан.

Также, исходя из этих соображений, он предлагал предусмотреть возможность различного устройства приходских собрания и совета в зависимости от местных условий, прежде всего в зависимости от состава и размера прихода. Например, если приход состоит из многих отдельных поселений, автор рекомендовал включить в приходское собрание выборных от каждого селения, входящего в приход, иначе, рассуждал он, может возникнуть ситуация, что в собрании будут участвовать только жители села, ближе других расположенного к храму. Если же приход состоит из одного большого селения, то большую часть полномочий приходского собрания Ф.Д. Самарин считал возможным возложить на приходский совет, но разрешить избирать в его состав большее число прихожан, чем указано в проекте. В малом приходе можно было бы вообще обойтись без приходского совета: зачем избирать дополнительный орган, если само собрание состоит из 20–30 человек, задавался вопросом автор. Наконец, в среднем приходе приходской совет мог бы состоять только из должностных лиц: причта, старосты и двух представителей прихожан, избираемых для проверки церковных сумм. Организация прихода, считал автор, должна быть возможно более простой и способной к изменению в зависимости от местных условий, а устав не должен быть мертвой буквой [17, л. 322].

Помимо вышесказанного, по убеждению Ф.Д. Самарина, судьба приходской реформы зависела еще от двух обстоятельств. Во-первых, от изменения характера духовной школы, поскольку именно от школы зависит подготовка новых достойных священнослужителей, а от них в свою очередь зависит дело оживления прихода. Для того чтобы духовная школа спра-

вилась с этой задачей, она не должна иметь сословный характер, а приходское духовенство должно состоять «из людей тех самых общественных классов, среди которых и на пользу которым духовенству приходится действовать в качестве служителей церкви». Принимая священный сан, писал Ф.Д. Самарин, они не должны порывать со своей средой, только тогда они смогут поддерживать с ней общение и на нее воздействовать [17, л. 322 об.].

Во-вторых, успех приходской деятельности во многом будет зависеть от наличия или отсутствия в приходе средств, которые могли бы быть пущены на организацию новых приходских учреждений. В целях сбережения приходских средств Ф.Д. Самарин предлагал освободить приходы от сборов на духовные школы и другие церковные нужды, или по крайней мере сделать эти сборы более легкими и распределить их равномерно между церквами. Кроме того, он указывал, что сборы – существенное препятствие к установлению единства между причтом и прихожанами, ведь «деньги, жертвуемые прихожанами на свой храм, обращаются в значительной части на совершенно другие нужды и притом без ведома и согласия жертвователей» [17, л. 323]. Преобразование духовной школы и налогообложение приходов он считал необходимым поставить в связь с реформой прихода.

Помимо этого Ф.Д. Самарин подверг критике ряд отдельных статей проекта. Так, он указывал, что проект совещания, отвергая в принципе возможность переводов священников, на деле дает полный простор духовенству переходить из прихода в приход, поскольку тремя условиями, закрепленными в проекте (по просьбе клирика, по просьбе прихожан, по усмотрению архиерея), исчерпываются все основания для перевода священнослужителей. Автор особого мнения считал необходимым ограничить возможность перехода только двумя условиями: наличием таких отношений между приходом и клириком, которые становятся явным соблазном для прихода (если только они не вызваны поступком клирика, за который он подлежит церковному и гражданскому суду); болезненное состояние священника или его дряхлость, вследствие которых он не может исполнять своих обязанностей в большом приходе, но еще может служить в приходе малочисленном. Кроме того, он указывал на целый ряд несогласованностей в параграфах проекта, посвященных приходскому собранию. Так, «деятельное участие» в делах прихода, к которому призываются прихожане в § 14, не согласуется, по его мнению, с тем, что в § 19 они приглашаются к «суждению» о способах удовлетворения его нужд, что может быть интерпретировано как наделение их лишь совещательным голосом. Приходскому собранию никак нельзя передать рассмотрение недоразумений между приходом и причтом, как это сделано в § 32, поскольку прихожане в этом споре – одна из заинтересованных сторон. Обжаловать решения собрания по формулировке проекта фактически может любой прихожанин, поэтому следовало бы, писал автор, точнее определить порядок обжалования этих решений. Вызывали у Ф.Д. Самарина сомнение и право дисциплинарного суда над своими членами, предоставленное проектом приходскому собранию, а также принцип решения приходских дел большинством голосов. Он считал более приемлемым способ решения этих дел через достижение консенсуса [17, л. 324 об.–327].

Таким образом, Ф.Д. Самарин считал, что Особое совещание проявило непоследовательность в реализации заявленных им принципов: многие новые полномочия прихода носят декларативный характер и не подкреплены предоставлением ему реальных прав, церковное хозяйство изъято из ведения прихожан, и значит будет управляться по-старому, новые источники средств для развития приходских благотворительных учреждений проектом Положения не указаны. Наиболее активно автор особого мнения критиковал разделение церковно-приходского имущества и создание двух юридических лиц в приходе, но делал это совсем с иных позиций, чем профессора-правоведы И.С. Бердников и М.А. Остроумов, – с позиции *соборного идеала*, который, по его представлению, заключался в органическом единении трех главных сил прихода – епископа, клира и мирян. Вывод

Ф.Д. Самарина состоял в том, что реформа, предложенная Особым совещанием, носит косметический, декларативный характер и фактически не изменит ничего существенного в устройстве православного прихода в России.

Особое мнение Ф.Д. Самарина было отзывом человека с большим практическим опытом и знанием реальной церковной жизни. Конечно, и оно не было лишено слабых мест. Так, кажется, что предлагавшийся критиком способ решения приходских дел через достижение консенсуса на деле мог парализовать работу приходских собраний. Между тем представляется, что это была самая глубокая и принципиальная критика в адрес проекта Особого совещания, из тех, что прозвучали в 1907–1908 годах. Однако эта критика практически не была учтена Святейшим Синодом, в отличие от других замечаний и дополнений. Отчасти это, наверное, объясняется тем, что особое мнение Ф.Д. Самарина поступило в Синод слишком поздно, когда постатейное чтение проекта о приходе шло уже полным ходом. Синод занимался этим 4, 10, 13 и 15 мая 1908 года [17, л. 339–340 об.], а самаринский отзыв пришел в канцелярию обер-прокурора 11 мая. С другой стороны, он предполагал радикальную переработку проекта, к чему Синод, очевидно, готов не был.

Между тем проекту Положения о православном приходе (приходского устава) была уготована непростая судьба. После доработки в Синоде и в обер-прокуратуре (ряд правок был предложен обер-прокурором П.П. Извольским) он был внесен в правительство, но получил сверхкритичные отзывы от министров юстиции и народного просвещения (И.Г. Щегловитова и А.Н. Шварца). Новый обер-прокурор С.М. Лукьянов в марте 1909 года отозвал проект из Совета министров. В новой, значительно переработанной редакции он снова был представлен министрам в декабре 1910 года. Однако в мае 1911 года С.М. Лукьянов покинул пост обер-прокурора Святейшего Синода, и его преемник В.К. Саблер вновь отозвал проект для нового пересмотра. В течение 1911–1914 годов. были подготовлены еще две редакции проекта. Последняя из них после обсуждения в правительстве была внесена в Государственную думу в июне 1914 года, за несколько недель до начала Первой мировой войны [2]. При разработке синодальных проектов приходского устава зафиксированные в них права прихожан, поле их самодеятельности неуклонно сужались. Становилась практически ничтожной компетенция приходского совета как органа приходского управления. В этих проектах продолжало явственно ощущаться утилитарное отношение к приходу. Консервация порядка управления церковной собственностью в приходе указывала на то, что он должен был оставаться финансовым донором, а не самостоятельно действующей «церковной единицей». Такой взгляд на приходскую реформу все более входил в противоречие с ожиданиями общества и с позицией Государственной думы, которая все настойчивее стремилась предложить альтернативный синодальному сценарий реформы [1, с. 87–92].

В этом контексте свое слово в приходском вопросе попытался сказать А.Д. Самарин, сменивший В.К. Саблера на посту обер-прокурора Святейшего Синода. 5 августа 1915 года он направил письмо председателю Государственной думы М.В. Родзянко с просьбой возвратить внесенный в Думу проект Положения о православном приходе «для ознакомления и соображения». Это было исполнено 21 августа 1915 года [19, оп. 7, д. 478, л. 40–41]. Сын Д.Ф. Самарина и брат Ф.Д. Самарина не мог не относиться скептически к «бюрократическому» проекту приходского устава. Нужно учитывать, что в правительство он был введен как представитель общественности, что было частью поиска компромисса кабинета и думского «прогрессивного блока». Можно было ожидать, что новый обер-прокурор постарается сблизить ведомственный проект с ожиданиями общества. Возможно, этого от него ожидало и само общество. Реформа прихода «как залог оживления приходской жизни» упоминалась в записке думского духовенства, поданной А.Д. Самарину 4 августа 1915 года. В ней перечислялись желательные церковные преобразования. По некоторым данным, на необходимость скорейшего разрешения приходского вопроса указывал обер-прокурору и император. Испол-

нить его волю можно было, ускорив прохождение законопроекта через Думу, но для этого нужно было сблизить ведомственный проект с ее ожиданиями [11, с. 572–575; 10, с. 136; 9, с. 125–127]. Однако А.Д. Самарин недолго занимал кресло обер-прокурора. В сентябре 1915 года его сменил А.Н. Волжин. Последний 13 декабря 1915 года снова вернул проект о приходе в Государственную думу, на этот раз без всякого дополнительного рассмотрения в Синоде [19, оп. 7, д. 1179, л. 2–2 об., 39].

Вклад представителей рода Самариных в развитие приходского вопроса в последние пятьдесят лет Российской империи был очень существенным. Благодаря выступлениям Д.Ф. Самарина приходский вопрос вошел в поле зрения общества; им была сформулирована «общественная концепция» прихода и приходской реформы, основанная на славянофильских взглядах на общество и Церковь. Влияние взглядов Д.Ф. Самарина было значительным. Они были широко известны в земской среде. Недаром даже синодальные чиновники, которые обычно стремились преуменьшить влияние его взглядов, и через тридцать лет после выхода в свет его очерка признавали, что образ мыслей Д.Ф. Самарина есть и «до сего времени образ мыслей наших земцев» [18, л. 468–469]. На идеи Д.Ф. Самарина опирались позднейшие популяризаторы приходской самостоятельности, например, известный на рубеже XIX–XX веков публицист А.А. Папков. В изложении последнего эти идеи прозвучали на заседаниях Предсоборного присутствия 1906 года – консультативного органа, дискуссия на котором определила обсуждение приходского вопроса вплоть до Всероссийского церковного собора 1917–1918 годов. Их развивали и сыновья Д.Ф. Самарина. Особенно последовательно это удалось сделать Ф.Д. Самарину в его отзыве на проект Особого совещания 1907 года.

Литература

1. *Беглов А.Л.* Государственная дума и проект организации православного прихода в 1911 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 87–92.
2. *Беглов А.Л.* Духовное ведомство и приходские институты: проект положения о православном приходе в редакции В.К. Саблера 1912 г. // История: Электронный научно-образовательный журнал. М., 2013. Вып. 7 (23) [Электронный ресурс. Доступ для зарегистрированных пользователей] / Режим доступа: http://mes.igh.ru/s207987840000560-5-1 (дата обращения: 07.11.2019).
3. *Беглов А.Л.* Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг.: Обзор основных законодательных актов // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 371–388.
4. *Беглов А.Л.* Земские проекты переустройства православного прихода. 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 172–200.
5. *Беглов А.Л.* «Община, учреждение, братство…»: Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 241–264.
6. *Беглов А.Л.* Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 5 (48). С. 39–61.
7. *Беглов А.Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 2 (57). С. 56–81.
8. *Беглов А.Л.* Приходские попечительства при православных церквах Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // Российская история. 2014. № 6. С. 104–127.
9. *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
10. *Бокарева Л.С.* Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. Вып. 4. С. 133–142.
11. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

12. *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.

13. *Самарин Д.* Приход // Москва. 1867. № 101, 103, 105, 107, 108, 151, 153; 1868. № 3–5.

14. *Самарин Д.* Приход. Ч. 1–2. М., 1867–1868.

15. *Самарин Д.Ф.* Собрание статей, речей и докладов: в 2 т. Т. 1: Крестьянское дело. М., 1903; Т. 2. Статьи о приходе. Статьи разнородного содержания. М., 1908.

16. *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.

Архивные материалы

17. Замечания на выработанный Особым совещанием при Св. Синоде «проект Положения о православном приходе» (особое мнение Члена Совещания Ф.Д. Самарина) // РГИА. Ф. 796: Канцелярия Святейшего Правительствующего Синода. Оп. 445. Д. 202. Л. 1–14 об., 315–328 об.

18. Записка канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода о необходимости привлечения к делу благотворительности церковно-приходских организаций, составленная в связи с Представлением министра внутренних дел в Государственный Совет об изменении и дополнении устава об общественном призрении // РГИА. Ф. 797: Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 96. Д. 137. Л. 468–469.

19. РГИА. Ф. 1278: Государственная дума.

Аннотация. В статье рассматривается вклад представителей рода Самариных в развитие приходского вопроса в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Приходский вопрос был одной из самых дискутируемых проблем церковной жизни этого периода. Речь шла о расширении прав мирян в сфере приходского самоуправления. Пионером общественного обсуждения приходской темы был Д.Ф. Самарин (1827–1901). Им была сформулирована «общественная концепция» прихода и приходской реформы, основанная на славянофильских взглядах на общество и Церковь. В начале XX века эстафета была подхвачена его старшим сыном Ф.Д. Самариным, который, будучи членом Особого совещания для выработки проекта о православном приходе 1907 года, развивал славянофильскую концепцию прихода. В 1915 году свой вклад в дело приходской реформы попытался внести А.Д. Самарин, занявший должность обер-прокурора Святейшего Синода, однако в связи с отставкой сделать это ему не удалось.

Ключевые слова: Российская империя, история Российской Православной Церкви синодального периода, православный приход, приходский вопрос, реформа прихода, обер-прокуратура, славянофилы, Самарины.

Alexey Beglov, PhD in History; Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; Member of the Scientific Editorial Board, Project on the Publication of the Documents of the Russian Orthodox Church Council of 1917–1918 (Moscow, Russia). E-mail:al.beglov@igh.ru

The Samarin Family and the Parish Question in the Russian Empire. 1860s–1910s

Abstract. The article examines the contribution of the representatives of the Samarin family to the development of the Parish issue in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. The issue of expanding the rights of the laity in the sphere of parish self-government was one of the most debated problems of Church life in that period. The public discussion was initiated by D.F. Samarin (1827-1901). He formulated the “social concept” of the parish and parish reform, based on Slavophile views on society and the Church. In the beginning of the twentieth century his eldest son F.D. Samarin who was a member of the Special Council on the development the Orthodox parish project in 1907, and as such developed the Slavophile concept of the parish. In 1915, A.D. Samarin, who took up the position of the Chief Procurator of the Most Holy Synod, tried to make his contribution to the cause of the parish reforms, but he failed to do so due to his resignation.

Keywords: Russian Empire, History of the Russian Orthodox Church of the Synodal Period, Orthodox Parish, the Parish Question, Parish Reform, Chief Procurator’s Office, Slavophiles, the Samarin Family.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-247-267

Игумен Виталий (Уткин)

К историософским построениям Ю.Ф. Самарина: литературный миф про епископа Ростовского Феодора

Методология исторического познания Юрия Федоровича Самарина (1819–1876), одного из наиболее ярких и значимых мыслителей-славянофилов, во многом характерна для славянофильской историософии в целом. Она носит дедуктивный, в значительной степени – доопытный характер, исходит из веры в целый ряд ключевых историософских принципов. То есть она идеологична, как, впрочем, не менее идеологична и историософия оппонентов славянофилов – западников.

В одном из писем к К.С. Аксакову Ю.Ф. Самарин признается: «У нас в Москве, случается часто, что иная мысль, пущенная в ход, принимается всеми на веру, по непосредственному сочувствию» [32, с. 156]. Он подчеркивает: «Это прекрасно, и дай Бог, чтобы никогда не умирало в человеке это доверие, эта внезапность сочувствия» [32, с. 156].

Но сама мысль, с точки зрения Ю.Ф. Самарина, должна быть «доказана и оправдана», причем не только в целях противодействия возражениям, но «ради самой себя» [32, с. 156]. И здесь он пишет о всем круге славянофилов: «Мы еще ничего не доказали или очень немногое», так как «все, что мы утверждаем о нашей истории, о нашем народе, об особенностях нашего прошлого развития, все это угадано, а не выведено» [32, с. 156]. «Наш общий недостаток – бедность знания фактического» [32, с. 156].

В статье «О мнениях “Современника” исторических и литературных» Ю.Ф. Самарин предлагает целый ряд четко сформулированных историософских положений. Среди них, например, такие: «общинный быт славян основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего самовластия»; «славянская община… стала как бы светскою, историческою стороною Церкви»; «задача нашей внутренней истории определяется как просветление народного общинного начала началом церковным»; «внешняя история наша имела целью отстоять и спасти политическую независимость того же начала не только для России, но и для всего Славянского племени созданием крепкой государственной формы» [31, с. 64]. И тут же он признается: «Половина этих тезисов имеет вид гипотез, не было ни возможности, ни намерения доказать их в статье» [31, с. 64].

Одним из базовых понятий исторической методологии Ю.Ф. Самарина оказывается «предание», причем «живое». Он подчеркивает, что «историческая память» предпочтительнее «науки исторической», а сама таковая память покоится на «живом предании». Именно это живое предание и должно быть восстановлено [34, с. 395]. То есть познание истории предстает в виде живого общения с ней, вхождения в нее. Такой подход характерен, скорее, для церковного понимания Священного Предания как непосредственного

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич), секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь Ученого совета Иваново-Вознесенской духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела Иваново-Вознесенской епархии. E-mail: inok_vitl@mail.ru

переживания опытного знания Бога в церковных богослужениях, устной и письменной традиции, иерархии.

Для исторической концепции Ю.Ф. Самарина большое значение имеет допетровская Россия, в том числе – период Древней Руси. Юрий Федорович подчеркивает необходимость «сблизиться» с «допетровской стариной», «оправдать» ее от «близоруких упреков и долгого забвения» [34, с. 395].

Период Киевской Руси Самарин называет «блистательным прологом» к «нашей истории» [31, с. 55]. Для него это «древняя, светлая Русь» [31, с. 55]. Юрий Федорович убежден, что на Руси благодаря христианству поддерживалась «ясность совести», определяемая «постоянно-присущим» сознанием «отношения всего земного к божественному» [30, с. 225]. С точки зрения Ю.Ф. Самарина, именно христианство «отрешает народную жизнь от преднамеренной замкнутости» [30, с. 225].

В своей магистерской диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» Юрий Федорович писал, что Русь приняла крещение быстро, «почти без всякого сопротивления со стороны язычества». Это, с его точки зрения, «представляет едва ли не единственный пример в истории» [35, с. 11]. Для других народов, считал он, характерна борьба между язычеством и христианством. Причем сама эта борьба была «постижением» христианства, в ходе нее язычники «узнавали и начинали понимать» новую веру [35, с. 11]. Так как на Руси, по его мнению, такой борьбы язычества и христианства не было, само язычество «скоро исчезло из сферы религии» и «затаилось в глубине поэтических народных преданий» [35, с. 11].

И здесь мы встречаемся со своеобразным видением Самарина природы духовной жизни допетровского периода. По его мнению, возникающий русский народ «не мог внезапно усвоить себе все содержание и богатство» христианства, потому что религия досталась ему в готовом виде [35, с. 11]. «Внутренняя, отвлеченная сторона» новой веры оказалась нашим предкам недоступна, и они «довольствовались содержанием» ее «внешних образов» [35, с. 11]. Таким образом, «религиозное содержание первых веков» христианства на Руси, с точки зрения Ю.Ф. Самарина, «ограничиволась внешними образами» [35, с. 12]. Каждое «духовное лицо» в «глазах народа» получало свое «высокое значение» в силу народной неспособности различить «человеческую личность от священного сана» [35, с. 12]. В силу этого, делает вывод Самарин, «в России господствовал формализм» [35, с. 13].

Как видим, в историософской концепции Ю.Ф. Самарина представление об отсутствии борьбы христианства и язычества в период крещения Руси тесно переплетается с якобы имевшим место в допетровский период исключительным вниманием к обряду, следованием только внешней стороне христианства. Самарин выстраивает некую утопическую картину видения русской церковной истории. С его точки зрения, православная Церковь кардинально отличается от католической в вопросе об использовании земной власти. Католики, считал он, добиваются мирской власти ради принуждения паствы к соблюдению «нравственных начал», а православная Церковь «иначе понимает свое призвание» [35, с. 180–181].

По словам Самарина, задача Русской Церкви не в том, чтобы «волею-неволею» «заставить своих членов выполнять божественные законы», но в том, чтобы «внутри самого человека» воспитать «чувство духовной любви» [35, с. 181]. Церковь на Руси якобы никогда не искала «мирской власти», ее духовному влиянию могло служить «только духовное орудие, слово» [35, с. 181].

Крайне схематичной представляется ныне самаринская оценка соотношения духовной и светской власти в допетровский период. Церковь принесла на Русь «понятие о государстве» и не могла признать полноту государственной власти ни за одним удельным княжеством, так как это было бы признанием «части за целое», поэтому была необходима

ее независимость от князей, что обеспечивалось зависимостью от византийского патриарха [35, с. 182–183]. Однако как только Москва стала собирать русские земли, Церковь, считает Самарин, в лице митрополитов встала сразу на сторону московского великого князя [35, с. 183].

В контексте всей этой исторической конструкции Ю.Ф. Самарина весьма поучительно обратиться к одной ситуации, кратко упоминаемой им в своей магистерской диссертации. Речь идет о некоем «калугере Феодоре», занявшем в XII столетии при святом благоверном князе Андрее Боголюбском Ростовскую кафедру. Как известно, господствующей парадигмой отечественной историографии последних полутора столетий стало представление, совершенно противоположное взглядам Самарина об отсутствующей в русской истории борьбе христианства и язычества. Как мы увидим ниже, фигура упомянутого епископа Феодора, стала одной из ключевых точек в построении представлений о якобы имевшем место длительном периоде двоеверия. Итак, посмотрим, что же в своей магистерской диссертации о епископе Феодоре пишет Ю.Ф. Самарин.

Он утверждает, что князья на Руси принимали участие «в избрании епископов», которое совершалось «по закону собором», но часто константинопольский патриарх «мимо их и митрополита русского» «назначал от себя на вакантные кафедры» [35, с. 183]. И далее у Юрия Федоровича читаем: «Мы знаем, что в XII столетии Феодор калугер получил за деньги в Константинополе ростовскую кафедру и, приехав в Россию, не хотел испрашивать подтверждения и благословения от митрополита киевского и отвечал на все требования: “не митрополит мя постави, но патриарх в Цареграде”» [35, с. 183].

На самом деле в ситуации с епископом Феодором речь идет о попытке святого благоверного князя Андрея Боголюбского в последней четверти XII столетия ни много, ни мало создать во Владимире-на-Клязьме отдельную от Киева митрополию. Изложение истории этой попытки и конфликта вокруг епископа Феодора впервые дается в Лаврентьевской летописи двести лет спустя. На основе этого изложения в дальнейшей летописной традиции и последующей историографии складывается некий литературный образ крайне агрессивного, жестокого еретика-архипастыря.

В целом летописная характеристика Феодора такова. Был, он якобы «дерзновенен зело и безстуден», не срамился ни князя, ни боярина, телом крепок, имел «велеречивую» речь и «мудрование кознено». Все его боялись и трепетали, никто против не мог выступить («никто же бо можаше противу его стоати»). Некоторые же объясняли всё это тем, что Феодор «от демона», а некоторые «волхва его глаголаху», то есть называли волхвом [21, с. 239]. Это название и привлекло советских и постсоветских историков. Некоторые из них считали Феодора («Федорца») если уж не языческим волхвом, то точно еретиком.

Однако насколько верна такая оценка? Насколько первая попытка основать во Владимире-на-Клязьме самостоятельную от Киева митрополию была действительно связана с еретиком или волхвом? Насколько верна летописная оценка личности Феодора, перешедшая затем в русскую историографию? Ниже будет предпринята попытка дать первоначальный ответ на эти вопросы и обнаружить причины негативной оценки личности епископа Феодора именно в Лаврентьевской летописи. Письменными источниками при этом служат Лаврентьевская, Ипатьевская, Никоновская летописи, Пискаревский летописец, Летописец о ростовских архиереях, грамота Константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к князю Андрею Боголюбскому.

Кто же такой епископ Феодор, каково его происхождение?

В Никоновской летописи под 6678 годом (то есть 1170 от Рождества Христова) говорится о нем, как о «калугере», сестриче Петра Бориславича, принявшем «святый иноческий образ» в Печерском монастыре Киева [21, с. 239]. Стоит отметить, что Юрий Федорович Самарин отмечал особое значение Киево-Печерского монастыря в истории Древней

Руси. В одном из писем к А.О. Смирновой в феврале 1850 года он признается, что «целый месяц жил» книгой «Киево-Печерский патерик» [33, с. 392].

Касаясь чудес Киево-Печерских святых, Самарин подчеркивает: «Кто возьмет на себя отделить вымысел от правды? Этого нельзя исполнить и даже не должно предпринимать» [33, с. 393–394]. «Вся древняя Русь светилась Киево-Печерскою Лаврою; казалось, как будто все пути примыкали к ней… Она была в живом соприкосновении со всеми сословиями и званиями, от высших до низших… Меня пленяет это явление практического влияния чисто-духовной силы, безоружной и всеми признаваемой» [33, с. 394].

Итак, Федор – не уроженец Владимиро-Суздальской земли. Он – киевлянин, сестричич, то есть в обычном словоупотреблении – сын сестры, племянник, известного киевского боярина Петра Бориславовича, представитель одной из самых главных в тот период духовных сил Киевской Руси.

Феодор именуется в летописи калугером. Слово греческого происхождения «калугер» или «калогер» имеет в древнерусских текстах вполне конкретное значение. Это уважаемый монах, один из старшей монастырской братии. Кало(у)гер (добрый старец) – название, с которым в древних греческих монастырях младшие обращались к старшим, более почетным лицам из монашествующих [39, с. 154; 41, с. 1183].

В.Н. Татищев, использовавший в своей «Истории Российской» не дошедший до нас летописный свод, именует Федора не племянником, но братом Петра Бориславовича [43, с. 91]. Б.А. Рыбаков считал, что неизвестный летописный свод, использовавшийся В.Н. Татищевым, представлял собой полную Киевскую летопись XII века и был составлен именно этим самым Петром Бориславовичем, выражавшим интересы определенной боярской группировки [28, с. 307]. Так же считали и составители «Словаря книжников и книжности Древней Руси», вышедшего под редакцией Д.С. Лихачева [38, с. 331].

Стоит заметить, сведения о епископе Феодоре, содержащиеся у В.Н. Татищева, предположительно даже более достоверны, нежели в Никоновской летописи, так как они могут восходить непосредственно к его ближайшему родственнику Петру Бориславовичу.

Д.С. Лихачев еще в 1947 году писал о Петре Бориславовиче как о сыне знатного киевского боярина (в Ипатьевской летописи под 1152 годом упомянут «Бориславль двор» как нечто хорошо известное киевлянам). С его точки зрения, Петр Бориславич после смерти (великого князя) Изяслава находился вместе со своим братом Нестором на службе у сына Изяслава – Мстислава [13, с. 239].

Д.С. Лихачев анализирует живой и подробный рассказ Ипатьевской летописи, касающийся взаимоотношений киевского князя Изяслава и галицкого – Владимирка. В основном повесть посвящена описанию клятвопреступлений Владимирка Галицкого и последовавшей за ними расплаты. Здесь Петр Бориславович рассказывает, как Владимирко посмеялся над крестным целованием: «Этот ли крестец малый?». Петр же возразил ему, сказав, что крест хоть и мал, «но сила велика его на небе и на земле», и если Владимирко, поцеловав этот крест, не сдержит слова, то «не будет жив» [13, с. 235]. Далее в повести следует рассказ о чуде Божием, как после этих слов Владимирко прогнал Петра Бориславовича из Галича, не дав ни провоза, ни корма, что полагалось послам. Владимирко шел слушать вечерню, увидел отъезжающего Петра и стал над ним насмехаться. Но неожиданно с галичским князем случился удар и к ночи он умер [13, с. 236].

Д.С. Лихачев ставил своей целью показать место, которое, с его точки зрения, Петр Бориславович занимает в истории русского летописания. Для этого ему важно было подчеркнуть, что тексты боярина не исходят непосредственно от церковной иерархии. У него нет, мол, «церковной витиеватости», отсутствует «провиденциализм» [13, с. 236]. Но приведенный выше рассказ о чуде над князем Владимирко показывает Петра Бориславовича именно как церковного человека, верящего, что Бог непременно карает клятвопреступни-

ков. Следует отметить, что Д.С. Лихачев считал Петра Бориславовича автором «Слова о полку Игореве» [13, с. 506–512].

Ценные сведения о происхождении Феодора содержатся в грамоте Константинопольского патриарха Луки Хрисоверга (Хризоверга) к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому. Она включена в состав Никоновской летописи [21, с. 223–229]. Уточненный перевод этого письма был опубликован также в одном из томов «Русской исторической библиотеки», авторитетного издания Археографической комиссии последней четверти XIX – первой четверти XX века [5, с. 64–76].

Патриарх Лука Хрисоверг в этом послании называет Федора «сестричичем епископа Мануилова» [21, с. 225; 5, с. 68]. Епископ Мануил – первый смоленский архиерей [42, с. 589]. В Ипатьевской летописи он упоминается под 1137 [20, с. 14], 1147 [20, с. 30], 1156 [20, с. 80], 1167 [20, с. 94] годами.

Под 1137 годом говорится о поставлении Мануила епископом в Смоленск. Новый архиерей описывается как «скопец» и «певец изрядный», пришедший «из грек» [20, с. 14]. Под 1147 годом в Ипатьевской летописи говорится о том, что Мануил выступил против великого князя Изяслава, когда тот без воли константинопольского патриарха поставил Клима Смолятича в митрополита. Такая пропатриаршая позиция была для грека вполне естественной [20, с. 30]. Мануил отказывался не только сослужить с Климом, но даже просто поклониться ему [20, с. 30]. Зато когда в 1156 году в Киев прибыл назначенный константинопольским патриархом новый митрополит Константин, епископ Мануил радостно приветствовал его [20, с. 80].

Советский историк Н.Н. Воронин отвергал сообщения источников о родстве Федора и епископа Мануила на том основании, что великий князь Андрей Боголюбский, с его, Н.Н. Воронина, точки зрения, боролся с греками вообще. Воронин писал: «Вторая версия Никоновской летописи, что Федор был родственником смоленского епископа – грека Мануила, видимо, поздний домысел. Маловероятно, чтобы задумывая освободиться от греческой зависимости, Андрей взял для этой цели грека» [4, с. 34]. Впрочем, об уровне подхода Н.Н. Воронина к этому вопросу свидетельствует следующая его фраза о Федоре: «Это был не монах, а мирянин, “сестрич”, т.е. сын… киевского боярина Петра Бориславича» [4, с. 34].

По всей видимости, советский историк просто не знал значения слова «калугер», а поэтому не обратил на него внимания, равно как пропустил и сообщение Никоновской летописи о постриге Федора в Киево-Печерском монастыре, не соответствующее его концепции.

Не был знаком он, по всей видимости, и с соответствующим местом из «Истории Российской» В.Н. Татищева, который утверждает, что Феодор (из-за дальнейшего конфликта именуемый здесь уничижительно «Федорцом») был игуменом монастыря в Суздале и участником киевского церковного собора 1168 года [43, с. 88–89]. Суздальским игуменом называет Феодора и известный ростовский историк А.А. Титов. Он называет его также по мирскому имени Феодул и приводит прозвище – «Феодорец-Калугер» [12, с. 6].

Таким образом, на основании письменных источников мы видим, что Федор был инкорпорирован в русско-греческую элиту киевского общества. Он связан родственными узами как с высшим киевским боярством, так и с греческим архиереем, занимающим строго проконстантинопольскую позицию, и был игуменом монастыря в Суздале.

Вот как Никоновская летопись излагает события вокруг епископства Феодора. Начались они «в лето 6678», то есть в 1170 году. Летописец пишет, что «Феодор калугер, сестричич» отправился в Константинополь, взяв с собой «много имения», «ложно» заявил патриарху, будто бы в Киеве теперь нет митрополита и сказал «се аз, да поставиши мя» [21, с. 239]. Когда патриарх не согласился, то Феодор вскоре («помале») вновь начал

его «молити» – «яко несть ныне в Руси митрополита, и се тамо несть от кого ставитися епископом, да поставиши мя в Ростов епископом» [21, с. 239]. Из контекста явствует, что константинопольский патриарх удовлетворил это желание.

На следующий год Феодор прибыл на Ростовскую кафедру, но князь Андрей Боголюбский, по утверждению летописца, потребовал от него отправиться к митрополиту Киевскому «и всеа Руси» Константину, чтобы получить соответствующее благословение. Феодор отказался, заявив: «Не митрополит мя поставил, но патриарх во Цареграде», «и тако безпечално седяше на столе епископьи Ростовскиа» [21, с. 239].

Далее, по версии летописца, происходит открытый конфликт епископа Феодора и благоверного князя Андрея Боголюбского. Князь укорял архиерея и «досады многы возлогаше» на него. Тогда епископ «затвори» все церкви во Владимире, в том числе и соборную церковь «пречистыа Богородици златоверсей», в которой находилась главная владимирская святыня – «чюдотворная икона пречистыа Богородици». Богослужения нигде не совершались («не бысть пениа нигде же») [21, с. 240]. При этом, как пишет В.Н. Татищев, он проклинал «игуменов и попов», запрещал им священнослужение, начал грабить «области церковные и монастырские» [43, с. 91].

В Никоновской летописи подчеркивается, что Феодор не только вступил в конфликт с местной элитой, начал захватывать имение «многых князей и боар», которых его слуги задерживали и истязали («сих восхищаше, таже и измучи»). Он захватил даже статусного княжеского придворного, постельничего, «богата зело». Тот, не стерпев, сказал Феодору некое «досадно слово», за что епископ якобы велел распять его «стремглав», то есть вниз головой. И так, продолжает летописец, одних заточил, других измучил, некоторым отсек руки и ноги, иным – отрезал язык, нос, уши, уста, распинал людей на стенах и на досках и даже варил жен богатых людей в котлах [21, с. 240].

Поздний Летописец о ростовских архиереях добавляет, что епископ Феодор якобы «налагал» раны, «наги свещами пожигая», и «иныя лютейшия мучительства соделовая», и так многих «умучи до смерти», не только мужчин, но и «жен честных» [12, с. 2–4].

В итоге все знатные люди «оскорбишася и опечалишася» и стали жаловаться великому князю Андрею. Князь вызвал к себе епископа Феодора и потребовал объяснить, что происходит, в особенности же – почему закрыт собор с чудотворной иконой. В ответ епископ стал поносить князя, «обложи его» «поруганми и укоризнами» и сказал нечто о соборном храме, что было воспринято как хула «на пречистую Богородицу» [21, с. 241]. В.Н. Татищев даже считает, что игумен Феодор, сам являлвшийся носителем киево-печерской монашеской традиции, «посты отвергал и монашество охуждал» [43, с. 91]. Впрочем, к этому утверждению мы еще обратимся ниже.

Пока же вернемся к повествованию Никоновской летописи. Великий князь Андрей Боголюбский повелел арестовать Феодора и под конвоем направил его в Киев, к митрополиту Константину. По прибытии в Киев, Феодор, на допросе у митрополита отвечал дерзко и гордо, в итоге был обвинен в хуле на «закон божественный», «на самого Господа Бога и на пречистую Богородицу» [21, с. 241]. В.Н. Татищев добавляет, что Феодор был «послан в заточение» на «Псий» (Песий) остров [43, с. 91].

На протяжении длительного времени митрополит добивался от епископа Феодора подчинения и смирения, но результатов не достиг. В итоге он приговорил епископа Феодора к смертной казни. По приказу киевского владыки Феодору привязали на шею («выю») «камень жерновный», отрезали язык и правую руку, ослепили («вынули очи») и бросили в море [21, с. 241]. В.Н. Татищев пишет, что Феодору отсекли голову, а некие книги, написанные им, сожгли на торгу, «пред народом» [43, с. 91].

В целом от летописного текста создается ощущение, что перед нами не историческое сочинение, а некий обличительный политический памфлет. Это действительно так.

При сравнении летописных текстов можно обнаружить и его источник. В Лаврентьевской летописи имеется вставной текст, необходимость размещения которого сам летописец прокомментировал так: «Се же списахом, да не наскакают неция на святительский сан, но его же позовет Бог» [19, с. 151–152].

Здесь устранение Феодора с ростовской кафедры рассматривается как чудо Бога и «Святой Богородицы Володимерьской». «Злого и пронырливого и гордого льстеца», «лжаго владыку» «Феодорца» исторгли из «Володимеря», «от святыя Богородицы церкве Златоверхая», и «от всея земли Ростовьскыя». Подчеркивается, что Бог «отъя от него ум». Говорится, будто бы Феодор отнимал у знатных людей села, оружие и коней, был «именья… не сыт аки ад», мучил не только «простецов», но и «игуменов и иереев». Именно отсюда происходит утверждение, что он распинал своих жертв на стене, выжигал очи и урезал язык [19, с. 152].

Дореволюционный историк И.А. Тихомиров считал, что это место Лаврентьевской летописи воспроизводит официальную грамоту киевского митрополита, разосланную по епархиям и монастырям после казни Феодора [44, с. 239]. В памфлете (или же грамоте, на основе которой он составлен) утверждается, что «чтут беси чтущия их». Поэтому и Феодора, мол, «доведоша беси», «възнесше мысль его до облак», «устроившее в нем вторааго Сотонаила» и «сведоша… в ад» [19, с. 152]. Подчеркивается, что «кроткых Ростовьскыя земли» жителей, «погыбающих» от «звероядиваго Феодорца», Бог избавил «крепкою и мышцею высокою, рукою благочестивою царскою» «правдиваго и благовернаго князя Андрея» [19, с. 152].

Как известно, Лаврентьевская летопись была составлена в 1377 году по благословению святителя Дионисия, архиепископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого [46, с. 241]. Это было время перед самой кончиной святителя Алексия, митрополита Киевского (преставился в 1378 году). В 1376 году Константинополь принимает решение о разделе Киевской епархии и ставит в Киев митрополитом близкого к литовскому великому князю Ольгерду святителя Киприана, в ожидании, что после смерти святителя Алексия святитель Киприан будет контролировать всю Русскую митрополию [45, с. 609]. В качестве контрмеры благоверный великий князь Димитрий Донской пожелал видеть на московской кафедре коломенского священника Димитрия, являвшегося духовником и великого князя, и старших бояр [45, с. 609]. В том же 1376 году Димитрий принимает монашеский постриг с именем Михаил, и святитель Алексий ставит его архимандритом великокняжеского московского в честь Преображения Господня мужского монастыря (Спаса на Бору). За подписью святителя Алексия константинопольскому патриарху Макарию было направлено послание с просьбой о поставлении архимандрита Михаила в митрополита [45, с. 609].

Двумя годами раньше, в 1374 году, святитель Алексий возглавил в Москве хиротонию основателя нижегородского Печерского монастыря Дионисия во епископа «Суждалю, и Новугороду Нижнему, и Городцю» [46, с. 241].

Именно святитель Дионисий возглавил оппозицию против архимандрита Димитрия [46, с. 241]. Он надеялся, что великий князь пересмотрит свое решение. Можно предположить, что именно этим и вызвана похвала в памфлете «руке благочестивой царской», а благоверный князь Андрей Боголюбский представлен избавителем людей от «звероядного» выскочки. Рассказывая, как Феодор якобы преследовал великокняжеского постельничего, игуменов, иереев, богатых людей, распинал женщин, выжигал глаза и отрезал языки, автор пытается напугать русскую элиту своего времени, что их ждет в будущем. Каков, мол, будет неназванный, но очевидный читателям новый претендент «наскочить» на митрополичий престол. Думается, что сравнение епископа Феодора и архимандрита Михаила здесь совершенно очевидно.

Недаром Феодор пренебрежительно превращен в памфлете в «Феодорца». Точно также противники Михаила именовали последнего «Митяем» (имя, уничижительное от Димитрий), как будто бы не признавая даже факта монашеского пострига.

Сразу после смерти святителя Алексия святитель Дионисий Суздальский выступил не только против святого благоверного князя Димитрия Донского, но и против собора великорусских епископов, избравших Димитрия на митрополичий престол. Он отправился в Константинополь бороться с возможным избранием «Митяя» [45, с. 609].

Таким образом, можно предположить, что резкий политический памфлет из Лаврентьевской летописи и стал главным источником смыслов для рассказа о конфликте XII века вокруг личности епископа Феодора.

Г.М. Прохоров в своих работах [24–27] достаточно подробно реконструировал процесс участия святителя Дионисия Суздальского в составлении Лаврентьевской летописи. Летопись была написана монахом Лаврентием по благословению епископа Дионисия всего за два месяца – с 14 января по 20 марта 1377 года [24, с. 257].

Такая спешка, по мнению Г.М. Прохорова была обусловлена целями работы. Он дает обзор точек зрения предыдущих исследователей, считавших, будто бы Лаврентьевская летопись – это всего лишь «копия с копии великокняжеского свода», причем «молодой и неопытный переписчик» якобы неудовлетворительно справился со своей работой. Перед нами, мол, всего лишь «черновик», лишенный «последующего политического значения» [24, с. 133].

Между тем, Г.М. Прохоров убежден в обратном. Он утверждает, что Лаврентьевская летопись – крайне важный политический документ [25, с. 385]. С его точки зрения, она была предназначена для нижегородского князя Дмитрия Константиновича, который в конце зимы 1376/1377 годов выступил в первый со времен завоевания Руси монголо-татарами поход против татар [24, с. 257–258; 25, с. 385–390]. Именно поэтому, как убежден Г.М. Прохоров, в летопись в срочном порядке по инициативе епископа Дисонисия были инкорпорированы тексты о Батыевом нашествии, воспевающие мужество русских князей прошлого [25, с. 385].

Вероятно, таким же образом в Лаврентьевской летописи появляется и сюжет о епископе Феодоре как пример из далекого прошлого, нужный святителю Дионисию для его сложной церковно-политической борьбы вокруг московской кафедры. В этой борьбе тогда столкнулись Литва, Москва, татары, Константинополь [27, с. 31–88].

Лаврентьевская летопись является одним из самых старых сохранившихся древнерусских летописных текстов. Из манускриптов летописного содержания древнее нее только Синодальный список Новгородской 1-й летописи [26, с. 132].

Как видим, Лаврентьевская летопись – это вовсе не некий «черновик», «не имеющий политического значения», а яркий политический документ, сыгравший важную роль не только в событиях 1370–1380-х годов, но и оказавший ключевое влияние на восприятие ряда исторических сюжетов в последующей летописной и историографической традиции.

Крайне интересна интерпретация истории Феодора в очень позднем (XVII век) Пискаревском летописце.

Здесь вставная повесть, посвященная епископу Феодору, озаглавлена так «О Федорце о Белом Клобучке» [22, с. 77–78]. В ней рассказывается, как «изгна Бог и Святая Богородица» «злаго и пронырливаго Феодорца Белого Клобучка Гордаго», «лестьца лживаго» [22, с. 77]. Иронично-пренебрежительное название «клобучек», конечно, указывает на попытку самостоятельности Ростовской кафедры при епископе Феодоре. Однако само это название, «Белый Клобучек», свидетельствует об очень поздней по сравнению с Лаврентьевской, Ипатьевской и Никоновской летописями редакции текста.

Белый клобук появился в России только к середине XIV века – первоначально как отличительный знак новгородского архиепископа. В XVI–XVII веках получила широкое распространение «Повесть о новгородском белом клобуке» (послание Дмитрия грека толмача новгородскому архиепископу Геннадию), появившаяся не ранее 80-х годов XV века (так как сам архиепископ Геннадий занимал кафедру с 1484 года) [10, с. 247]. Поэтому в 70-х годах XII столетия ни на какой «белый клобук» епископ Феодор, конечно, претендовать не мог.

Почему-то именно повествование в «Пискаревском летописце», а не Лаврентьевская, Ипатьевская или Никоновская летописи послужило в свое время источником вдохновения для двух авторов позднесоветского атеистического сборника «Введение христианства на Руси» В.В. Милькова и Н.Ю. Пилюгина [3, с. 269]. Для них Феодор – яркий пример якобы существования на Руси двоеверия. Они считают, что святитель Кирилл Туровский обвинял Феодора в саддукействе, полагают, будто бы последний даже не был хиротонисан на ростовскую кафедру, не только «хулил» Богородицу, но не признавал и божественной природы Христа [3, с. 269].

Но действительно ли святитель Кирилл Туровский хоть что-то писал про епископа Феодора?

Святителю Кириллу II, епископу Туровскому посвящена обширная литература [1, с. 604]. Несмотря на это, основным письменным источником о жизни Кирилла Туровского является его житие, помещенное под 28 апреля в ряде списков Пролога, сходных со Спасо-Прилуцким прологом конца XIV – начала XV века [18, с. 205]. «Пролог» – это сборник житий и поучений, использовавшийся для ежедневного чтения за богослужением в порядке годичного круга.

Скончался святитель Кирилл II Туровский после 1183 года. Он был епископом города Туров (в XII–XIII веках столица Туровского княжества, в настоящее время город в Житковичском районе Гомельской области Белоруссии) [1, с. 601].

Время составления проложного жития святителя Кирилла дебатируется в исторической литературе. Большинство исследователей датируют памятник серединой – второй половиной XIII века [14, с. 233–235]. Для нашего исследования весьма интересным представляется предположение Н.В. Понырко о том, что житие составлено за пределами Туровской земли – возможно, в Северо-Восточной Руси. Аргументация автора сводится к следующему: о Туровской земле в Житии говорится как о «стране тои», ее жители названы «люди того града», а сам Туров локализован следующим образом: «граду Турову, тако нарецаемому, отстоящ близь Киева» [23, с. 164]. По сравнению с другими житийными текстами, созданными в Туровском княжестве, бросается в глаза практически полное отсутствие каких-либо конкретных данных [14, с. 234].

То есть вполне возможно, что текст жития составлен в Северо-Восточной Руси и достаточно близок ко времени святого благоверного князя Андрея Боголюбского. Это важно именно в связи с крайне резкой оценкой епископа Феодора, которая в этом житии содержится. Собственно, в самом тексте жития Кирилла Туровского из исторических лиц названы только князь Андрей Боголюбский и епископ Феодор.

Исследователями выделяются две основные редакции этого проложного текста [14, с. 352]. Например, Сон Джонг Со проанализировал 71 рукопись Пролога мартовского полугодия XIII–XVI веков. В публикации южнокорейского исследователя в «Трудах Отдела древнерусской литературы» перечислены 14 списков жития Кирилла Туровского, распадающихся именно на эти две редакции [40, с. 229–230]. В самом древнем, с точки зрения исследователя, списке жития говорится, что «блаженный Кюрил» «Федорца», «за укоризну тако нарецаема», «ересь обличи и проклят его», и в связи с этим он «Андрею боголюбивому князю» «написа» «многа посланья» [40, с. 231]. Собственно, этими несколь-

кими строчками и исчерпываются основанные на письменных источниках сведения о позиции Кирилла Туровского в отношении епископа Феодора.

Никаких посланий святителя Кирилла Туровского к благоверному князю Андрею Боголюбскому исследователями выявлено не было. Сама фигура святителя Кирилла, этого древнерусского «второго Златоуста», давно привлекает их внимание. При этом делаются попытки представить ряд его сочинений в качестве обличительной полемики, направленной как против епископа Феодора, так и против самого Андрея Боголюбского.

Например, благодаря работам И.П. Еремина 1920–1950-х годов такой полемический характер приписывается известному сочинению Кирилла Туровского «Притча о слепце и хромце» [8, с. 349–360; 7, с. 340–347]. Он считает ее «обличительным памфлетом», направленным против современников Кирилла Туровского – епископа Феодора и, «очень возможно», князя Андрея Боголюбского. На них якобы в этой притче «имеются прямые намеки» [7, с. 342–343].

Но почему нужно глубокий текст богословского содержания, каковым является сочинение святителя Кирилла Туровского «Притча о слепце и хромце», непременно сводить только к сиюминутной политической полемике? На этот вопрос, к сожалению, ответ никто так и не дал. Просто в советской и постсоветской историографии принят такой, так скажем, приземленно-прикладной подход.

В оригинале она носит название: «Кирилла-монаха притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении Божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении». Содержание этого аллегорического повествования таково. Некий господин, человек домовитый, насадил виноградник и поставил слепца и хромца стеречь его, запретив входить внутрь. Спустя некоторое время слепец ощутил чудесный аромат из сада и начал роптать на то, что им запрещено вкушать плоды. Тогда хромец предложил устроить ограбление. Для этого хромец сел на слепца, став его глазами, и таким образом они привели свой замысел в исполнение. Господин предал их суду, на котором слепец и хромец взаимно валили вину друг на друга. Тогда господин велел хромцу снова сесть на слепца и так осудил их вместе на мучения.

Святитель Кирилл Туровский помещает в своем тексте прямые истолкования, не оставляющие сомнений в его подлинном смысле. Они вполне евангельские. Человек домовитый – Бог-Отец, сын – Иисус Христос, виноградник – мир, его ограда – закон Божий и заповеди, слуги – ангелы. Хромец – тело человека, слепец – его душа [2, с. 133–143].

Источники этой притчи лежат далеко за пределами сиюминутной исторической ситуации. Их видят в ряде ветхозаветных и новозаветных апокрифов, в талмудической «Беседе императора Антония с Равви» и даже в «Тысяче и одной ночи» [2, с. 134].

Притча нашла свое отражение в иконографии. Например, в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга экспонируется икона середины XVI века, на которой изображено, как Христос (Хозяин сада), посадив виноград, нанимает слепца и хромца сторожить его, и изгоняет их после того, как они, нарушив запрет, пробрались в сад и обобрали виноградник.

События вокруг епископа Феодора находятся в контексте становления самостоятельности Северо-Восточной Руси.

Согласно сообщению Лаврентьевской летописи, благоверный князь Андрей Боголюбский в 1155 году «иде к Суждалю» и «принесе икону святую Богородицю», которая раньше прибыла вместе с другой чтимой киевской святыней, Пирогощей «во едином корабли» «из Царяграда» [18, с. 148].

Ипатьевская летопись под 1157 годом сообщает, что «вси» «Ростовци и Суждальци и Володимирци» «сдумавши» и «посадиша» (возвели) благоверного князя Андрея на отчем «столе» – «Ростове и Суждали, и Володимири» [20, с. 81–82]. При этом князь Андрей

не только расширил Владимир («город Володимир болий заложи»), «церкви украси» и «монастыри постави», но в самом Владимире «заложи церковь камяну святой Богородици» как центр епископской кафедры – «и створи в ней епископью» [20, с. 81–82].

В Никоновской летописи под 1157 годом впервые содержится рассказ о стремлении князя Андрея Боголюбского к установлению в Ростове, Суздале или Владимире отдельной от Киева митрополии: «И мысляше в себе, еже бы како митрополии быти в Ростове или в Суздале» [21, с. 209].

Под 1160 годом Никоновская летопись приводит целую речь князя Андрея на эту тему, обращенную к его боярам. В ней подчеркивается, что «град сей Владимер» создал «во имя свое» «святый и блаженный великий князь Владимер». А князь Андрей («аз, грешный и недостойный») «церковь в нем создах во имя Пречистыя Богородици». Поэтому он хочет «сей град обновити митропольею», «да будет сей град великое княжение и глава всем» [21, с. 222].

Последняя фраза вполне свидетельствует о том, что желание князя Андрея Боголюбского создать митрополию исходило из целей политического возвышения Владимира фактически до уровня Киева. Это желание нашло поддержку у окружения князя Владимира: «И сице возлюбиша князи и боаре его вси тако быти» [21, с. 222].

В.В. Мильков убежден, что князь «намеревался быть во всем самовластным», поэтому, мол, стремился получить «не просто независимого от Киева епископа», а создать «не зависящую от Киева и от Византии митрополию» [6, с. 286].

Однако в исторических источниках в действиях князя Андрея Боголюбского не усматривается такого стремления к автокефалии от Константинополя. Летописи свидетельствуют именно о его желании утвердить еще одну митрополию, как в Киеве, но, конечно, в рамках Константинопольского патриархата.

Возвышение Владимиро-Суздальской земли князь Андрей Боголюбский видел в первую очередь в возвышении в ней православной христианской веры. Он ведет интенсивное строительство каменных храмов, приглашая «от всех земель мастеров». Более чем втрое была расширена площадь Владимира внутри крепостных стен, украсившихся Серебряными и Золотыми воротами с надвратной церковью в честь Положения ризы Богоматери [16, с. 394].

Во Владимире были воздвигнуты величественный Успенский собор и монастырь Вознесения близ Золотых ворот. На месте, по преданию указанном князю Божией Матерью, была построена княжеская загородная резиденция с храмом Рождества Пресвятой Богородицы. Близ Боголюбова была сооружена церковь Покрова Пресвятой Богородицы на Нерли. В Ростове построен кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы, в Переяславле-Залесском – храм в честь Преображения Господня [16, с. 395]. Мы видим, что созидались храмы не только в честь Матери Божией, но и Господских праздников.

В Ростове при закладке Успенского собора были обретены мощи ростовских епископов – святителей Леонтия и Исаии. При непосредственном участии князя Андрея Боголюбского они были перенесены во вновь построенный собор [16, с. 395].

По инициативе святого благоверного князя Андрея Боголюбского был установлен новый церковный праздник – 1 августа в честь Животворящего Креста и Всемилостивого Спаса [16, с. 395].

При этом Никоновская летопись специально обговаривает, что князь действовал по благословению константинопольского патриарха Луки Хрисоверга и киевского митрополита Константина: «И сице благословением блаженнаго Луки патриарха Царяграда, и пресвященнаго Констянтина митрополита Киевскаго и всея Руси, и Нестера епископа Ростовского уставиша празновати честному и животворящему кресту месяца августа 1 дня» [21, с. 210]. Установление благоверным князем Андреем Боголюбским нового праздника никак не

противопоставлялось византийской церковной традиции. Более того, летописная книжная традиция подчеркивает его органичную связь с греческой церковностью.

В Никоновской летописи под 1157 годом содержится «Повесть о происхождении честного креста месяца августа в 1 день» [21, с. 210]. В ней говорится, что императору Мануилу и великому князю Андрею «случися… изыти во един день на брань», первому «из Констянтинаграда на персы», второму «из Ростова на Болгары». Когда князь Андрей отправлялся на брань, то при нем всегда два «презвитера во священных ризах» «ношаху» «икону пречистыа Богородици и животворящий крест Христов». Князь Андрей «виде сам и сущии с ним» от «образа пречистыа Богородици» «лучя огнены исходяща», которые «все воинство его озаряюще. Так же и «Констянтиноградскому царю» «сотворися в той день» – он видел «лучя огненыа» исходящие от «образа Пречистыа Богородици и от честнаго и животворящего креста Господня» [21, с. 210].

Установленный в XII столетии в Киевской митрополии праздник Покрова Пресвятой Богородицы самым непосредственным образом опирался на греческий текст жития святого Андрея Христа ради юродивого и был следствием чуда, случившегося во Влахернском храме Константинополя [36, с. 180–314].

Активное строительство и великолепная отделка построенных при князе Андрее Боголюбском христианских храмов должны были наглядно свидетельствовать о превосходстве христианства над язычеством и способствовать христианскому просвещению Ростово-Суздальской земли. Князь часто водил иностранных послов (от «латин», «болгар и всее погани», то есть язычников) на хоры Рождественской церкви, «да видять истиньное христьяньство и крестятся» [16, с. 395].

Активно развивается литературное творчество. Создаются при вероятном участии Андрея Боголюбского как автора некоторых из них: Слово о победе над волжскими булгарами, Слово на праздник Покрова, Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери [9, с. 45–46].

В первых двух текстах победа князя над волжскими булгарами ставится в один ряд с победами византийского императора Мануила I над турками-сельджуками [16, с. 395].

Всё это способствовало возвышение Владимиро-Суздальской земли как нового самостоятельного христианского политического образования [4, с. 32]. И в этом контексте весьма ангажированно выглядят утверждения некоторых советских и постсоветских историков, считавших, что христианство благоверного князя Андрея Боголюбского какое-то неправильное, что оно является неким «двоеверием», смесью с язычеством. И в подтверждение ими снова и снова приводится пример Феодора как якобы полуязычника и еретика, поставленного самим князем Андреем.

Так, В.В. Мильков утверждает, будто бы после гибели князя Андрея Боголюбского священнослужители упорно отказывались его отпевать и «хоронить по церковному чину». А так, мол, в Средние века относились только к «еретикам, волхвам и самоубийцам». И лишь некие «сторонники своеобычной автохтонной религиозности (круг Федорца)» организовали погребение князя «под двоеверные причитания» [6, с. 289].

Здесь В.В. Мильков ссылается на Ипатьевскую летопись. На самом деле из летописного рассказа об убиении св. Андрея Боголюбского этого не следует. Андрей Боголюбский был отпет, как и положено, на третий день после своей насильственной смерти игуменом Космодемьянского монастыря Арсением и боголюбскими клирошанами. Перед этим он лежал не где-нибудь на улице, а в храме – в «притворе у божници» [20, с. 401].

Из контекста повествования Ипатьевской летописи четко видно: «старейшие игумены» боялись ехать в Боголюбово из-за страха перед стихией разгоревшегося там мятежа. А вот игумен Арсений проявил смелость.

Согласно повествованию Лаврентьевской летописи, через пять дней игумен Феодул из Успенского Владимирского собора «с клирошаны… и с володимирцы» прибыл в Боголюбово, забрал тело князя Андрея и совершил его погребение «у святыя Богородицы Златоверхое» [19, с. 157].

Ипатьевская летопись дает нам подробный рассказ о той торжественности, с какой во Владимире встречали тело убиенного князя Андрея, когда мятеж и грабежи в Боголюбове пошли на убыль. Игумен Феодул и Лука доместик – «деместьяник святое Богородице», то есть регент соборного храма, организовали сбор «попы вси, оболкошеся в ризы» для встречи тела князя из Боголюбова. Князя везли под развевающимся стягом, и когда процессия приблизилась, то люди «не могоша ся нимало удержати, но вси вопьяхут, от слез же не можаху прозрити» [20, с. 402].

Неужели в этом тексте можно увидеть только «круг Федорца»?

А что же это за причитания, в которых В.В. Мильков увидел «двоеверие»?

Ипатьевская летопись так передает плач владимирцев: «уже ли Киеву поеха, господине», в «ту церковь, теми Золотыми вороты?» [20, с. 402].

Перед нами риторический прием, известный в церковной гимнографии. Например, в икосе канона утрени Великого пятка от лица Матери Божией говорится: «Камо идеши чадо… еда другий брак паки есть в Кане Галилейской, и тамо ныне тщишися?». То есть Матерь Божия, идя за Своим Сыном на Голгофу, как бы восклицает, обращаясь к Нему: «Куда идешь так быстро? Неужели снова на брак в Кану Галилейскую? Мне подождать Тебя или идти туда с Тобою?». Подобным образом и летописец вкладывает в уста владимирцев восклицания, обращенные к усопшему Андрею Боголюбскому: «Куда ты идешь, князь? Неужели в Киев?». Перед нами вовсе не двоеверие, а строгое следование приемам церковной гимнографии.

Торжественная процессия достигла соборного храма. Здесь, «у святое Богородице Златоверхой», которую князь Андрей «сам создал», его «положиша», то есть погребли [20, с. 402]. Повторимся, что ничего языческого здесь усмотреть просто невозможно.

На следующий год после того, как князь Андрей переехал в Суздаль, в Киеве сменился митрополит. В 1156 году сюда, на митрополичий стол прибыл грек Константин, вместо избранного девятью годами раньше русскими епископами Клима Смолятича. Нового митрополита торжественно встречал великий князь Киевский Юрий Долгорукий [21, с. 239].

Лаврентьевская летопись в связи с этим событием говорит о смещении с кафедры ростовского епископа Нестора, прибывшего для представления новому главе митрополии [19, с. 148; 42, с. 329].

Епископ Нестор в качестве Ростовского архиерея упоминается в Никоновской летописи и под 1157 годом в связи с установлением праздника Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня и Всемилостивого Спаса [21, с. 210].

Никоновская летопись содержит четкие сведения о причине изгнания епископа Нестора – он «не веляше бо мяса ясти в Господьскиа праздники, аще прилучится когда в среду или в пяток, такоже от светлыа недели и до пентикостиа», то есть от Пасхи и до Пятидесятницы – Дня Святой Троицы [21, с. 211].

То есть в центре спора был вопрос – поститься ли в среду и пятницу, когда на эти дни выпадают Господские праздники, и соблюдать ли среду и пятницу после пасхальной недели до Пятидесятницы. Митрополит Макарий (Булгаков) считает, что позиция епископа Нестора заключалась в следующем: только на Рождество Христово и Богоявление следует отменять пост в среду и пятницу, если другие Господские праздники выпадают в постные дни, то пост соблюдается [15, с. 334–335].

Казалось бы, перед нами некая «формалистика», подтверждение слов Ю.Ф. Самарина о только лишь «внешнем», обрядовом усвоении христианства на Руси. Но, как увидим

ниже, древнерусские споры о постах вопреки мнению ряда советских и постсоветских историков не были исключительно внутренним делом. Они находились в контексте широкой церковной дискуссии своего времени, ведшейся в первую очередь в Византии.

В 1160 году в Киеве собирается церковный собор, который признал епископа Нестора смещенным с ростовской кафедры незаконно [15, с. 397].

В 1161 году в Киев прибыл новый митрополит Феодор, который полностью оправдал Нестора [15, с. 335].

Таким образом, один киевский митрополит из греков учение Нестора о постах осудил, другой оправдал.

То, что речь не идет о чисто русской борьбе за некий «языческий мясоед», хорошо видно из истории следующего ростовского епископа, Леона.

Согласно сведениям Ипатьевской летописи, Леон прибыл на ростовскую кафедру в 1158 году [20, с. 82]. В Никоновской летописи утверждается, что он попытался внести нестроения в великокняжескую семью. Он «съсориша» князя Андрея «з братьею» – «со князем Мстиславом Юрьевичем, и со князем Василком Юрьевичем и со князем Михалком Юрьевичем», а также «предними мужи отца его» [21, с. 221].

Итогом стало столкновение князя Андрея Боголюбского с оппозицией со стороны младших Юрьевичей. В результате трое младших братьев Андрея Боголюбского – Мстислав, Василько и Всеволод вместе с матерью последнего, второй женой Юрия Долгорукого (видимо, византийского происхождения), а также племянники – сыновья его покойного старшего брата Ростислава, вынуждены были искать убежище в Византии у императора Мануила I Комнина. Князь изгнал также и «мужей передних» своего отца, что указывает на радикальность его преобразований. Это способствовало внутренней консолидации Владимиро-Суздальского княжества.

Никоновская летопись рассказывает, что князь Андрей «изгна братию свою», так как хотел «един быти властель во всей Ростовской и Суждальской земле». «Прежних мужей отца своего» он также одних изгнал, других «в темницах затвори», почему «бысть брань люта в Ростовьской и в Суждальской земли» [21, с. 221].

С епископом Леоном у князя Андрея были «препирания». Князь обвинял архиерея в том, что тот «не по правде поставися Ростову и Суздалю на епископьство», так как при живом, но изгнанном епископе Ростовском Несторе «перехватил» «Нестеров стол» «не по повелению священных правил святых апостол и святых отец». В итоге последовало первое изгнание епископа Леона [21, с. 221].

Затем благоверный князь Андрей возвращает Леона на кафедру. Однако последний начинает учить, что пост в среду и пятницу нельзя вообще отменять ни для каких Господских праздников, даже для Рождества Христова и Богоявления («начят учити не ясти мяс в Господскиа праздники в среды и в пятки», «на Рождество Христово и на Крещение») [21, с. 222]. Началось «сопрение велие», спор с князем и духовенством. Здесь на страницах летописи появляется Феодор, на тот момент суздальский игумен (хотя постфактум он и назван в Никоновской летописи в этом контексте «епископом»). В ходе спора Феодор победил («упре») Леона [21, с. 222]. В Лаврентьевской летописи мы читаем, что этот спор был публичным («предо всеми людми») [20, с. 150]. Эта летопись позицию Леона именует так: «ересь Леонтианьская» [20, с. 150].

Леон был вновь изгнан с ростовской кафедры. Он отправился в Чернигов к князю Святославу, потом в Константинополь [15, с. 335]. Здесь он вступил в резкий спор с самим императором Мануилом. Из летописного повествования можно понять, что император стоял лагерем в некоем месте «над рекою», здесь же находились русские послы – «Кыевьскый, и Суждальскый Илья, и Переяславьскый и Черниговьскый» [20, с. 150]. Воспользовавшись присутствием послов, епископ Леон, добившись аудиенции, стал жаловаться на

князя Андрея Боголюбского. Однако как только Леон изложил свою позицию по постным дням, в спор с ним вступил присутствующий тут же болгарский епископ Адриан. Мануил поддержал болгарина, Леон стал резко и непочтительно возражать самому императору. Увидев такую дерзость, «слугы царевы» «удариша Леона» «за шью» (в шею) и «хотеша» его «в реце утопити» [20, с. 151].

Епископ Леон едва спасся из императорского лагеря, но Ростов вновь остался без епископа.

Так спор о постах оказался в центре большой политики. Советские и постсоветские историки именно в этом споре усматривали признаки двоеверия. Они утверждали, что князья сохраняли некие «языческие зимние традиции», в первую очередь, связанные со святками, а посты, мол, им в этом препятствовали [6, с. 283–284].

На самом деле спор о постах был в тот период общецерковным, он охватывает в первую очередь Византию. Спор этот коснулся Руси не из-за ее якобы «двоеверия», а, наоборот – в силу включенности в единое христианское интеллектуальное пространство.

Русская Церковь, в XII веке являющаяся одной из многочисленных митрополий Константинопольского патриархата, поддерживала самые тесные духовно-интеллектуальные связи со всей церковной полнотой. Например, упоминавшийся киевский митрополит Константин, при котором происходил суд над епископом Феодором, явился инициатором двух церковных соборов в Константинополе 1156 и 1157 годов. На них обсуждался важный догматический вопрос, вызвавший массовые споры: кому была принесена Спасителем Голгофская Жертва – одному Богу-Отцу или всей Пресвятой Троице [17, с. 89]?

Митрополит Константин не хотел уехать на Русь, не получив соборного ответа на этот вопрос. Собор 1157 года собирался при патриархе Луке Хрисоверге [17, с. 93].

Император Мануил принимал самое активное участие в богословских дискуссиях. Описанный выше его спор с Леоном был вовсе не случаен. Период правления Мануила был временем уточнения церковного календаря и устава многодневных постов. В 1164 или 1166 годах император издал особую новеллу о церковных праздниках. Ею все праздники впервые разделялись на «большие» и «малые». При патриархе Луке Хрисоверге Константинопольский собор специально рассматривал устав Успенского и Рождественского постов, уточнив время их проведения [37, с. 411].

Известный русский дореволюционный историк А.П. Лебедев описывает следующий случай, произошедший в период патриаршества Луки Хрисоверга. Некий аристократ был в крайнем затруднении – как ему поступить: он дал обет проводить в посте все среды – в честь Иоанна Крестителя, между тем на среду падал праздник Рождества Христова. О своем недоумении этот византийский аристократ сообщил императору Мануилу. Мануил передал рассмотрение вопроса Константинопольскому собору (синоду). Собор, хотя одобрил обет аристократа поститься, но освободил его от поста в день Рождества Христова ввиду величия праздника [11, с. 309].

В 1167 году киевский стол занял волынский князь Мстислав Изяславич, противник благоверного князя Андрея Боголюбского. Поликарп, игумен самого авторитетного киевского монастыря, Печерского, встал на сторону последнего. Выразилось это в позиции по посту в среду и в пятницу.

В 1168 году игумен Поликрап с братией постановили на монастырском соборе «во все господские праздники», если они приходятся на среду и пятницу, «есть сыр, масло, яйца и молоко» [43, с. 87]. Кроме того, братский собор подтвердил отмену среды и пятницы для периода всей Пятидесятницы вообще [15, с. 336]. Это была достаточно распространенная тогда и в Византии, и, соответственно, на Руси практика.

На сторону печерской братии встали черниговский князь Святослав и ряд других князей. Противоположную позицию заняли киевский митрополит Константин II и князь

Мстислав Изяславич [43, с. 87]. События эти проходили в контексте усилившейся борьбы киевского князя и Андрея Боголюбского.

Князь Мстислав предложил обсудить вопрос о постах на общерусском церковном соборе [15, с. 336] – «созвать на собор всех епископов, игуменов, священников и монахов ученых» [43, с. 87]. Его участниками стали около ста пятидесяти человек, в том числе сюда прибыл и суздальский игумен Феодор, как посланник благоверного князя Андрея.

На соборе образовались три партии: два епископа Антония, Черниговский и Переяславский держали сторону митрополита, то есть князя Мстислава, три епископа, Смоленский, Владимирский и Галицкий, приняли сторону игумена Феодора, то есть князя Андрея Боголюбского, остальные не высказывали четкой позиции и предлагали отправить дело на суд константинопольского патриарха [15, с. 336]. Собор не принял окончательного решения, но когда его участники разъехались, митрополит Константин II и два епископа, составлявшие его партию, низложили Поликарпа и осудили его на заточение [15, с. 336].

В ответ черниговский князь Святослав изгнал из епархии своего епископа Антония, одного из виновников осуждения игумена Поликарпа [15, с. 336].

В.Н. Татищев пишет, что князь «Андрей Юрьевич писал ко Мстиславу», «дабы митрополита ссадить и выбрать епископам инаго» [43, с. 87]. Можно предположить, что именно эти события стали причиной того, что князь Андрей Боголюбский направил игумена Феодора в Константинополь с просьбой к патриарху рукоположить последнего в киевского митрополита или хотя бы во епископа на ростовскую кафедру. Феодор, не зная в пути дальнейшего развития событий на Руси, вполне мог искренне считать, что «в Киеве нет митрополита».

По сообщению Никоновской летописи, к константинопольскому патриарху Луке Хрисовергу прибыл специальный посол князя Андрея Яков Станиславович [21, с. 222]. Просьба благоверного князя Андрея Боголюбского к патриарху была такова – «да благословит град Владимер митропольею и да поставит в него митрополита» [21, с. 222].

Но пока Феодор был в Константинополе, ситуация коренным образом поменялась. Андрей Боголюбский организовал поход на Киев одиннадцати князей [16, с. 396]. Киев был взят, сильно пострадали монастыри и храмы [16, с. 396]. Однако князь Андрей Боголюбский вовсе не собирался вычеркивать древнюю столицу из политической, в том числе церковно-политической жизни. В итоге митрополита Константина II с кафедры так и не «ссадили» – он упоминается и в 1172 году [15, с. 294]. Более того, для Андрея Боголюбского, уже контролировавшего Киев, стало вполне приемлемым такое сохранение митрополита. Отпала сама политическая необходимость в устроении в Северо-Восточной Руси самостоятельной митрополичьей кафедры, отдельной от Киева. Такая новая позиция князя Андрея позволяла ему не обострять отношения с Византией.

И когда Феодор вернулся в Ростов епископом, князь Андрей потребовал от него признать власть митрополита. Феодор, учитывая все предшествующие конфликты и споры, отказался. Тогда князь Андрей его просто арестовал его и выдал на суд Константину II. Тот в 1169 году собрал новый собор в Киеве и осудил Феодора на казнь.

Известный историк Русской Церкви митрополит Макарий (Булгаков) не верил в черную легенду о зверствах и неистовствах епископа Феодора, утвердившуюся в летописной традиции и затем перешедшую в историографию. Он пишет: «Трудно поверить, чтобы вины этого несчастного епископа не были преувеличены в сказаниях о нем» [15, с. 297]. Не верит он и в то, что князь Андрей мог какое-то время терпеть «такие поразительные злодейства», а равно и в то, что сам Феодор «не потерявши смысла» (то есть не сойдя с ума) «мог изрыгать такие богохульства, какие ему приписываются» [15, с. 297]. Скорее всего, епископ Феодор просто пал жертвой большой политики, оказался лишним в новой церковно-политической конфигурации.

Тем не менее для советских и постсоветских историков черный литературный миф о «зверовидном» Феодоре стал основой для конструирования некоего «двоеверия», якобы господствовавшего на Руси в XII веке. Для обоснования такой своей позиции эти историки привлекали и письмо константинопольского патриарха Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому, в котором Лука подводил итоги всему конфликту. Текст его приведен в Никоновской летописи, где тема послания обозначена так «о Нестере епископе Ростовьском и Суждальском» [21, с. 223].

В.В. Мильков, ссылаясь на это послание патриарха Луки Хрисоверга, считает, что в Византии сомневались в православности князя Андрея [6, с. 284]. Однако текст послания свидетельствует об обратном. Патриарх хвалит именно веру и благочестие князя Андрея Боголюбского.

Патриарх Лука Хрисоверг называет князя своим «возлюбленном о Христе духовном сыном». Здесь констатируется, что в Ростовской и Суздальской земле «Божиею благодатию и милостию» и «пречистыа Богородици помощию» по «вере и добродетели» князя Андрея «велие благочестие распространяется», «по многим местом» созидаются «святыа церкви и честныа монастыри» [21, с. 223]. Константинопольский патриарх пишет, что князь Андрей не хочет, чтобы обновленный, расширенный и украшенный им город Владимир был «под правдами епископьи Ростовьскиа и Суздальскиа», а желает «обновити его митропольею», с тем чтобы патриарх поставил митрополитом именно Феодора [21, с. 223]. На это патриарх Лука категорически не согласен. Он указывает, что Владимир – не вновь созданный в земле варваров город, а относится к старинной Ростовской и Суздальской епархии, «земли и области», «в ней же прадеди твои и отец твой был» и «ты сам обладаешь ею ныне» [21, с. 223].

Далее патриарх почеркивает, что Ростовская епархия подчиняется Киевскому митрополиту, который ставится в Константинополе. Пытаться нарушить этот порядок, убеждает он князя – значит выступить против церковных канонов, «правил святых апостолов и святых отец». Кто желает так поступать – «чюждь от Бога хощет быти» [21, с. 224]. Ссылается патриарх Лука и на другие послания князя Андрея Боголюбского, в которых тот выдвигал обвинения против епископа Нестора. Эти обвинения, по словам патриарха, были проверены священным собором и оказались ложными [21, с. 224].

На соборе епископ Нестор «противу коейждо вины своей въ правду силне по священным и божественным правилом отвечал»[1]. Поэтому он «ныне оправдан есть и нами», патриарх сослужил с ним («в священную и божественную службу с собою его приахом») и посылает его «оправдана к твоему благородию», чтобы князь принял своего епископа с «с любовию и честию» [21, с. 224]. Если же епископ Нестор пожелает жить не в Ростове, а во Владимире, то князь должен это разрешить – «в том бо ему несть пакости». Дальше говорится, что даже если князь «весь мир» «исполнит» (наполнит) храмами и монастырями, но гонит епископа, «главу церковную и людскую», то такие храмы «не церкви то, но хлеви суть», самому же князю не будет тогда от Бога «мзды и спасения» [21, с. 224].

В.В. Мильков убеждает своих читателей, что фраза «то убо не церкви то, но хлеви суть» является оценкой со стороны патриарха Луки некоей неправославности князя Андрея, мол, все построенные им храмы уже таковы, князь – язычник или полуязычник или еретик [6, с. 289]. На самом деле, конечно же, ничего подобного в этой грамоте усмотреть нельзя.

В послании говорится: «Иже чествуеши святителя, чествуеши Христа», так как епископ «образ бо Христов имать» и «на Христове седалищи седит», «Господь Бог глаголет усты епископа твоего» [21, с. 228–229]. Включено в послание обширное поучение о мона-

[1] То есть сильно, аргументированно отвечал на основании канонов.

шестве, девстве и чистоте. Никаких обвинений против епископа Феодора в «хуле на Богородицу» в послании не выдвигается.

Послание патриарха Луки содержит устав постов в среду и пятницу, когда на эти дни приходятся праздники. Суть его такова: «аще прилучится Господьский праздник Рождества Христова и Богоявления в среду или в пяток», то «разрешает епископ мирских ясти мяса и вся, иноков же млеко, и масло кравие, и сыр и яица». В Рождество Богородицы, Сретение Господне, Успение Матери Божией «в среду и в пяток» «инокам и мирским» разрешено «масло древяное», овощи, рыбы и вино. В Благовещение Пресвятой Богородицы, если приходится «до недели вербныя», в какой бы день «ни случилось», можно вкушать масло, овощи и вино. Если Благовещение пришлось «на страстной же неделе до великого пятка» – то только «масло и вино». Если оно пришлось в великий пяток – «на вино точию». От Светлой недели до Пятидесятницы в среду и пятницу – пост, нельзя вкушать сыр, коровье масло и мясо, но можно рыбу [21, с. 228]. Этот устав уже приближен к современным нормам Православной Церкви (за исключением запрета на рыбу на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы).

В.В. Мильков увидел здесь некий компромисс с язычеством, так как предложенный устав якобы разрешил отмену поста в том случае, «если среда и пятница совпадали с богородичными или господскими праздниками» [6, с. 284]. На самом деле это не так, на Сретение, Преображение, Успение согласно посланию Луки Хрисоверга в среду и пятницу пост не отменяется. Точно такие же нормы применялись в отношении этих праздников в самой Византии. То есть перед нами – самый процесс фиксации общецерковной нормы, никак не связанный с неким якобы бывшим на Руси «двоеверием».

Не отмечает в своем послании патриарх Лука и никакой еретичности епископа Феодора. Последнему здесь предлагается просто покаяться, подчиниться киевскому митрополиту и, по всей видимости, епископу Нестору. Если Феодор покается в неподчинении митрополиту – «благодать Богу», если нет – «отлучена его имеет священный и божественный великий собор» [21, с. 228–229]. Ни о каких ужасах, приписывамых Феодору в литературной традиции, здесь не сказано ни слова. Однако «несчастный», по словам митрополита Макария (Булгакова), епископ Феодор уже был казнен.

Впрочем, благоверный великий князь Андрей Боголюбский не принял и епископа Нестора обратно на Ростовскую кафедру. По данным авторитетного справочника П.М. Строева, следующий архиерей, епископ Николай, появится здесь лишь в год убийства князя Андрея, в 1174 году [42, с. 329].

Так закончилась попытка установить в XII столетии при святом благоверном князе Андрее Боголюбском отдельную от Киева митрополию в Северо-Восточной Руси. Она оказалась преждевременной, и сама постановка вопроса стала для князя Андрея неактуальной после занятия его союзниками Киева. Пострадавшей стороной оказался представитель киевской элиты, постриженник Печерского монастыря суздальский игумен Феодор, который был поставлен во епископа Ростовского константинопольским патриархом. Его уделом стала не только жестокая казнь, но и черный литературный миф, возникший в Лаврентьевской летописи спустя двести лет, когда святой благоверный князь Дмитрий Донской попытался возвести на митрополичий престол в Москве своего духовника, архимандрита Михаила.

Как последнего оппоненты уничижительно именовали по мирскому имени «Митяем», так они же в летописной повести превратили епископа Ростовского Феодора в еретика «Феодорца», якобы неимоверно жестокого и безумного. А спустя еще три века к этому наименованию прибавилось уничижительное – «Белый клобучек».

Из летописных текстов, опирающихся на Лаврентьевскую летопись, этот литературный миф перешел в русскую историографию. Более того, советские и постсоветские

историки постарались увидеть в истории епископа Феодора проявления некоего «язычества» и «двоеверия». На самом деле такие взгляды не находят своего подтверждения в реальных исторических источниках. Думается, что сюжет с попыткой создания в Ростово-Суздальской земле отдельной митрополии в контексте ее взаимоотношений с Киевом и Византией должен стать предметом нового отдельного исследования.

Мы видим, что историко-методологические построения Ю.Ф. Самарина во многом оказываются достаточно схематичными. Борьба церковно-государственных партий велась на Руси с большой интенсивностью, Церковь старалась активно воздействовать на политику. Тем не менее один из главных выводов Юрия Федоровича о том, что в Древней Руси не было активного сопротивления язычества христианству, неожиданно, вопреки практически устоявшейся в историографии парадигме находит новое подтверждение. Это верно как минимум в случае истории епископа Феодора и борьбы вокруг постов. В итоге можно сделать вывод, что ключевые положения славянофильской историософии вовсе не утратили своего значения и в наши дни.

Литература

1. *Артамонов Ю.А., Галко В.В., Климков А.А.* Кирилл II // Православная энциклопедия. Т. XXXIV: Кипрская Православная Церковь – Кирион, Вассиан, Агафон и Моисей. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2014, С. 601–604.
2. *Барашко Григорий, свящ.* Богословское содержание притчи свт. Кирилла Туровского «О слепце и хромце» //Христианское чтение. 2011. № 3 (38). С. 133–143.
3. Введение христианства на Руси: Ин-т философии АН СССР / отв. ред. А.Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. 302, [2] с.
4. *Воронин Н.Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (Из истории русско-византийских отношений XII века) // Византийский временник = Byzantina xronika / Российская Академия наук, Ин-т всеобщей истории. Т. 21 / [редкол.: М.Н. Тихомиров (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 1963. С. 29–50.
5. Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. VI: Памятники древне-русского канонического права. Часть первая. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1880. Стлб. 64–76.
6. *Громов М.Н., Мильков В.В.* Идейные течения древнерусской мысли; Рос. акад. наук. Ин-т философии. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2001. 959 с.
7. *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. Ч. I: Кирила мниха притча о человечстей души и о телеси, и о преступлении Божия заповеди, и о воскресении телесе человеча, и о будущем суде, и о муце // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 11. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 340–347.
8. *Еремин И.П.* Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // Известия ОРЯС АН СССР. Т. XXX. М., 1925. С. 349–360.
9. *Забелин И.Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского // Археол. изв. и заметки. М., 1895. № 2–3. С. 45–46.
10. *И.Л.* Белый клобук // Энциклопедический словарь. Т. 5: Буны – Вальтер / под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1891. С. 247.
11. [*Лебедев А.П.*] Очерки истории византийско-восточной церкви от конца XI-го до половины XV-го века / [соч.] орд. проф. Моск. дух. акад. А. Лебедева. М.: Типогр. Волчанинова, 1892. [2], VII, 645 с.
12. Летописец о ростовских архиереях / примеч. чл.-корр. А.А. Титова. СПб.: Типогр. С. Добродеева, 1890. 115 с.
13. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во и 1-я типогр. Изд-ва АН СССР, 1947. 499 с.
14. *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 466 с. Серия “Studia historica”.
15. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха / коммент. А.В. Назаренко. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 702, [1] с.
16. *Назаренко А.В., Самойлова Т.Е.* Андрей Юрьевич Боголюбский // Православная энциклопедия. Т. II: Алексий, человек Божий – Анфим Анхиальский. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. С. 393–398.
17. *Павел (Черемухин), иером.* Константинопольский собор 1157 г. и Николай, епископ Мефонский // Богословские труды. Вып. 1. М.: Изд-во Московской Патриархии. С. 87–109.
18. Письменные памятники истории Древней Руси = Monuments of history of Old Rus’: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннот. кат.-справ. / Ин-т рос. истории РАН / отв. сост. Я.Н. Щапов; под ред. Я.Н. Щапова. СПб.: Рус.-Балт. ИЦ «БЛИЦ», 2003. 383 с.
19. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою

коммиссиею. Т. 1: I. II. Лаврентиевская и Троицкая летописи. СПб.: Изд-е Археографической комм., 1846. XX, 267, [4] с., [2] л.

20. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою коммиссиею. Т. 2: III. Ипатьевская летопись. СПб.: Изд-е Археографической комм., 1843. IX, 377, [4] с., [2] л.

21. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою коммиссиею. Т. 9: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью. СПб.: Изд-е Археографической комм., 1862. XXIII, 256 с., [2] л.

22. Полное собрание русских летописей. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский Летописцы. М., 1978. 303, [1] с.

23. *Понырко Н.В*. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII / исслед., тексты, пер. Н.В. Понырко; отв. ред. Д.С. Лихачев; ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). СПб.: Наука (СПб. отд.), 1992. 215,[1] с.

24. *Прохоров Г.М.* Дионисий Суздальский / Г.М. Прохоров // Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2000. С. 256–262.

25. *Прохоров Г.М*. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. М.: Ин-т русской цивилизации; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014. 415 с.

26. *Прохоров Г.М*. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи / Г.М. Прохоров // Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2000. С. 131–174.

27. *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы / Г.М. Прохоров; ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1978. 238 с.

28. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 520 с.

29. *Самарин Ю.Ф.* Замечания на заметки «Русского вестника» по вопросу о народности в науке // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 1: Статьи разнороднаго содержания и по польскому вопросу. М.: Д. Самарин, 1877. С. 148–161.

30. *Самарин Ю.Ф*. Замечания на статью Г.Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 1: Статьи разнороднаго содержания и по польскому вопросу. М.: Д. Самарин, 1877. С. 224–239.

31. *Самарин Ю.Ф*. О мнениях «Современника» исторических и литературных // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 1: Статьи разнороднаго содержания и по польскому вопросу. М.: Д. Самарин, 1877. С. 28–108.

32. *Самарин Ю.Ф.* Письмо Константину Сергеевичу Аксакову (№ 121) // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 12: Письма 1840–1853. М.: Типогр. А.И. Мамонтова, 1911. С. 155–157.

33. *Самарин Ю.Ф.* Письмо Александре Осиповне Смирновой (№ 245) // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 12: Письма 1840–1853. М.: Типогр. А.И. Мамонтова, 1911. С. 389–395.

34. *Самарин Ю.Ф.* Рецензия на «Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. Сочинение Новоспасского первоклассного ставропигиального монастыря архимандрита Аполлоса» // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 1: Статьи разнороднаго содержания и по польскому вопросу. М.: Д. Самарин, 1877. С. 395–401.

35. *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович, рассуждение, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 5: Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М.: Д. Самарин, 1880. С. 3–465.

36. *Сергий (Спасский), архиеп.* Святой Андрей, Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятой Богородицы // Жизнь и деяния святого отца нашего Андрея Юродивого Христа ради. СПб., 2007. С. 180–314

37. *Скабалланович М.Н*. Толковый типикон: объяснительное изложение Типикона с историческим введением / составил профессор Киевской духовной академии Михаил Скабалланович. 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 814, [1] с.

38. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. / ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1987. 492, [2] с.

39. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. Т. 2. СПб.: Типогр. Императорской акад. наук, 1847. 471, [3] с.

40. *Сон Джонг Со*. Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 55 / ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). СПб., 2004. С. 229–230

41. *Срезневский И.И*. Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменным памятникам. Т. 1: А – К. СПб.: Изд-е Отд-я рус. яз. и словесности Императорской АН, 1893. IX, 1420 стлб. 49 с.

42. [*Строев П.М*.] Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви: [С алф. указ. монастырей, сост. М. Семевским] / сост. из достовер. источников Павел Строев, орд. акад. С.-Петерб. акад. наук... СПб.: Археограф. комм., 1877. X с., 1064, 68 стлб.

43. *Татищев В.Н.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 2–3: История Российская: Ч. 2 / редкол.: С.Н. Валк, М.Н. Тихомиров; авт. вступ. ст. С.Н. Валк. М.: Ладомир, 1995. 349, 333, [8] с.

44. *Тихомиров И.А.* О Лаврентьевской летописи // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 235. СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1884. С. 239–270.

45. *Турилов А.А.* Михаил (Митяй) // Православная энциклопедия. Т. XLV. Мерри дель Валь – Михаил Парехели. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2017, С. 609–610.

46. *Флоря Б.Н., Печников М.В., Преображенский А.С.* Дионисий, свт., архиеп.Суздальский // Православная энциклопедия. Т. XV. Димитрий – Дополнения к «Актам историческим». М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. С. 241–246.

Аннотация. В статье в контексте историософских взглядов Ю.Ф. Самарина предпринимается реконструкция возникновения литературного мифа о епископе Ростовском Феодоре – первой попытке установления в XII столетии в Северо-Восточной Руси отдельной от Киева митрополии. Автор считает, что данный литературный миф был создан епископом Суздальским Дионисием. Он был внесен в Лаврентьевскую летопись в целях борьбы против архимандрита Михаила («Митяя»), кандидата на московскую митрополичью кафедру, выдвинутого благоверным князем Дмитрием Донским после смерти святителя Алексия. В статье в связи с историей епископа Феодора анализируются также древнерусские споры о постах, считающиеся в господствующей историографической парадигме существенным маркером двоеверия, якобы имевшего место на Руси. Автор доказывает православный характер взглядов благоверного князя Андрея Боголюбского. Делается вывод об актуальности утверждений Ю.Ф. Самарина об отсутствии на Руси серьезного сопротивления христианству со стороны язычества.

Ключевые слова: Церковь, Древняя Русь, Византия, Константинополь, историософия, литературный миф, двоеверие, епископ, митрополит, посты, епископ, патриарх, летопись.

Abbot Vitaly (Utkin Igor Nikolayevich) – secretary of the Council of Bishops of the Ivanovo Metropolia, secretary of the Academic Council of the Ivanovo-Voznesensk Theological Seminary, head of the Missionary Department of the Ivanovo-Voznesensk Diocese, post-graduate student of the SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies. E-mail: inok_vitl@mail.ru

Historiosophic Constructions of Yu.F. Samarin: Literary Myth of Rostov Bishop Feodor

Abstract. The author of the article undertakes reconstructing the origin of the literary myth of Feodor, the Bishop of Rostov, that symbolized the first attempt in the 12th century to establish in North-Eastern Russia ("Rus'") the archdiocese that was independent of Kiev in the context of Yu.F. Samarin's historiosophic views. The author believes that this literary myth was created by the Bishop of Suzdal Dionysius. It was entered into the Laurentian Codex as part of the struggle against Archimandrite Mikhail ("Mitaya") who was one of the candidates to become Moscow Metropolite after the death of Saint Alexius and was supported by Dmitry Donskoy. In connection with the story of Bishop Feodor the author also analyzes ancient Russian disputes on fasting that is viewed by the prevailing historiographic paradigm as important marker of dual faith that allegedly existed in Russia. The author proves the Orthodox character of the views of the Prince Andrey Bogolyubsky. According to the author Samarin's statements on the absence in ancient Russia of heathenry serious resistance against Christianity are still relevant.

Keywords: Church, Ancient Rus' (Russia), Byzantine, Constantinople, Historiosophy, Literary Myth, Dual Faith, Bishop, Metropolite, Fasts, Patriarch, Chronicle.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-268-279

Игумен Виталий (Уткин)

Повседневность, пища и вера
К тезису Ю.Ф. Самарина о «формализме» допетровского периода церковной жизни

В своей диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» Юрий Федорович Самарин определяет религиозную жизнь русского народа «до самого XVI века» как проникнутую «формализмом» [21, с. 13]. Он считал, что католичество тоже формалистично, однако русский формализм – это «преходящий период в жизни народа», а католический формализм – «односторонность», «определение сущности», «органический недостаток», от которого Запад никогда не освободится [21, с. 13].

Русская Церковь, с точки зрения Ю.Ф. Самарина, начинает освобождаться от формализма в период книжной справы. Последующий раскол для него есть следствие веры старообрядцев «в букву», когда господствовала «форма» вместо «мысли» [21, с. 14–15]. Собственно, такая самаринская схема вполне соответствовала официальной и отражала общие просветительские взгляды эпохи. По сути, отсюда может быть выведено представление о благотворности раскола. Ведь, согласно Ю.Ф. Самарину, «оправданием книжного исправления внешняя обрядовая сторона религии была различена от стороны внутренней, от догматов». Вторая же сторона, собственно догматическая, была «признана за существенную». Отсюда «могло родиться стремление постигнуть эту отвлеченную сторону, неуловимую для взоров чувственных и доступную одной мысли». Соответственно «открылась возможность теоретического развития в сфере церковного учения» [21, с. 16]. Впрочем, Ю.Ф. Самарин тут же отмечает, что такое «теоретическое развитие» началось в России под влиянием католического Запада [21, с. 16].

Самарин оправдывал уничтожение патриаршества, считая, что патриарх Никон стремился «водворить в Церкви монархическое начало» [21, с. 226]. Он пишет: «Никон хотел для Церкви независимости от государства в самом государстве, для патриарха – власти неограниченной, самодержавной», его «замыслы клонились к тому, чтобы основать в России частный, национальный папизм» [21, с. 231]. Между тем, считал Юрий Федорович, «Церковь под определением известной национальности» «необходимо подчиняется этой национальности», «сознающей себя в государстве» [21, с. 232]. «Понятие о необходимости патриаршества, – пишет он, – встречающееся у некоторых писателей XVII и XVIII столетия, возводило его на степень учреждения божественного, безусловного, и почти равняло его с папизмом. Вот почему уничтожение патриаршества в России было необходимо» [21, с. 237].

Однако, утверждая необходимость самого тесного союза Церкви и государства, Ю.Ф. Самарин осуждает гонения на старообрядцев. Он называет время от Никона до

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич), секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь Ученого совета Иваново-Вознесенской духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела Иваново-Вознесенской епархии. E-mail: inok_vitl@mail.ru

Петра I «ужасным» для «раскольников», когда «духовенство и светские начальники» «разбивали их скиты», «преследовали и ловили их учителей и ставили перед архиереями» [21, с. 238]. Тут-то и начинались «страшные пытки», «медленное поджаривание на угольях», «вытягивание жил», «вешание за ноги». В итоге – отсылка в отдаленные монастыри, «голодная смерть в подземельях» или «пылающие срубы» [21, с. 239]. Самарин признает, что этот образ действий не достигал цели. Но самих «раскольников» он в просветительском духе характеризует так: «фанатичная ревность отступников», «мученичество суеверия» [21, с. 240].

Итак, «формализм», с точки зрения Юрия Федоровича Самарина, мешал русским православным христианам постигать догматическое содержание своей веры. Освобождение от этого «формализма» не было принято многими «фанатиками», держащимися за букву. Духовные и светские власти своими преследованиями только плодили «мучеников суеверия». Но действительно ли обряд, форма никак не связаны с самим содержанием веры? Постараемся рассмотреть этот вопрос на примере режима постов и вообще внешней стороны жизни. С нашей точки зрения, именно в повседневности открывается содержание веры. Если за верой не следует ее воплощение в быте, одежде, пище, само ее содержание может быть искажено.

Строгость поста отличала целый ряд русских подвижников. Некоторые из них могли не вкушать ничего молочного (тем более – мясного) даже на Рождество Христово и Пасху. Рассказы об этом были частью вполне официального церковного предания. Например, в издании, вышедшем в 1880 году, архимандрит Иоанн (Верюжкин) пишет, что преподобный Павел Обнорский (1317–1429) даже в глубокой старости проводил без пищи пять дней в неделю и только в субботу и воскресенье вкушал немного хлеба и воды. При этом он приобрел такой навык в молитвенном делании, что молитва и славословие непрестанно исходили из его уст, так что преподобный Павел даже «предупреждал в том присных» (то есть близких) ему «пернатых» (птиц) еще «до восхода зари» [12, с. 240].

Постником был и преподобный Макарий Унженский (1349–1444), имя которого стало знаменем для ополчения князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина в 1612 году. Памятник агиографии середины XVI столетия «Житие преподобного Макария Желтоводского и Унженского» повествует о том, как преподобный Макарий, бывший к тому времени уже девяностолетним старцем, в 1439 году вел через глухие леса и болота группу людей, освобожденную из татарского плена. Дело происходило Петровским постом. У идущих кончился хлеб, люди изнемогали от голода. Неожиданно удалось поймать лося, они стали просить преподобного разрешить им его убить и съесть. «Но святой запретил им, так как еще не наступило время, когда христианам можно было есть мясо: был пост святых апостолов Петра и Павла» [9, с. 275]. Он сказал, что если Господь захочет, то прокормит всех на пути по лесу («в этой пустыни»), лишь бы не прерывать поста. «Зверь будет ваш, когда захочет Бог». Преподобный повелел отрезать лосю ухо и отпустить до времени [9, с. 275]. С окончанием же поста, в сам день праздника первоверховных апостолов Петра и Павла путники, веря слову преподобного Макария, ожидали себе пищи. Тот же лось вышел к ним – теперь уже не на испытание, а на заклание. Спутники преподобного Макария закололи лося и устроили пир [9, с. 277].

В житии добровольный приход животного к людям на праздник становится вознаграждением Божиим за подвиг поста, который, казалось бы, можно было и не соблюдать находящимся на пути.

Православные канонические нормы, с одной стороны, не отвергают мяса, с другой – не препятствуют добровольно отказываться от него ради подвига воздержания. Это специально обговаривается в 51-м апостольском правиле. Оно гласит: «Если кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина, удаляется от брака и мяса и

вина, не ради подвига воздержания, но по причине гнушения», «или да исправится, или да будет извержен от священного чина, и отвержен от церкви. Так же и мирянин» [20, с. 107]. Один из самых известных канонистов Иоанн Зонара дает такой комментарий на это правило: «Ради воздержания не вступать в брак, удаляться от вкушения мяса и пития вина не запрещается. Но гнушаться сим и удаляться от него, как вредного для души, небезукоризненно» [20, с. 107].

Таким образом, с канонической точки зрения не может быть препятствий воздержанию от мяса ради постного подвига даже и вне времени официально установленных постов. Однако именно с отказом от мясной пищи связана одна из ярких трагедий периода русского раскола XVII столетия – история «дивного старца» Капитона, создателя ряда монастырей и скитов в Верхнем Поволжье.

Капитон происходил из крестьян дворцового села Даниловское (ныне г. Данилов Ярославской области) [4, с. 547]. Монашеский постриг он, вероятно, принял в Корнилиевском Комельском монастыре, то есть был укоренен в северной монашеской традиции, представленной, в том числе, и преподобным Павлом Обнорским [7, с. 76]. К двадцатым годам XVII века Капитон был иеромонахом и вместе с тридцатью пустынниками подвизался на реке Ветлуге [4, с. 547]. С ним вступает в духовное общение один из ярких религиозных деятелей той эпохи, Корнилий Выговский – один из будущих создателей беспоповского движения [4, с. 547].

Иеромонах Капитон нес особые аскетические подвиги. Он «томил себя» «постами и поклонами», носил в качестве вериг две каменные плиты общим весом три пуда – спереди и сзади, на ночь подвешивал себя за крюк в потолке и так спал [4, с. 548]. Вместе со своими монахами он вкушал хлеб и «сурово зелие» через день «по захождении солнца». Некоторые из его собратий спали только сидя или стоя [4, с. 547]. Сам Капитон не вкушал яиц даже на Пасху, его противники утверждали, что он с братией разговляется красными луковицами («червленым горьким цыбулом») [4, с. 548].

В 1630 году Капитон основал в селе Княгинино Спасскую пустынь, где прожил предположительно до 1633 года [7, с. 76]. В 1634 году он получил от царя Михаила Федоровича грамоту, разрешающую построить в Костромском уезде мужской Троицкий монастырь. Тогда же из Приказа Большого Дворца ему была выдана соответствующая выпись из межевых книг [7, с. 76]. Новая обитель строилась вблизи родины Капитона, села Даниловского, на дворцовой пустоши Колесниково [4, с. 548]. На строительство монастыря царем были пожалованы значительные денежные средства [4, с. 548]. За пять лет Капитон выстроил здесь каменный храм в честь Святой Троицы с двумя приделами, трапезную, колокольню, восемь братских келий, пекарню, другие хозяйственные постройки. Неподалеку, на земле, выменянной у крестьян, Капитон основал еще две пустыни – мужскую и женскую [4, с. 548].

Весьма характерно для Капитона строгое отношение к иконописной традиции. Со слов его противников, апеллировавших затем к царской власти, однажды он увидел, как иконописец пишет Пресвятую Богородицу в царских одеждах. Капитон спросил иконописца: почему это так? Ведь на Матери Божией никогда не было «багрянины царской». Впоследствии этой иконе Капитон не поклонялся [7, с. 78]. Несмотря на то, что его монастырь основывался на царские средства и по царскому повелению, абсолютным Капитон считал только Царя Небесного.

Троицкая обитель стала важным духовным монашеским центром. Однако расцвет капитоновской общины был оборван самым грубым образом. В это время в Рязани ушел на покой архимандрит Спасо-Преображенского монастыря Герасим. В двух авторитетных справочниках – П.М. Строева и священника Иоанна Добролюбова – управление Герасимом Преображенским монастырем указывается в 1635–1638 годах [22, с. 419; 8, с. 49]. То есть

этот человек пробыл игуменом всего лишь на протяжении трех лет. Однако на покое он пожелал быть непременно в «царском» монастыре и поселился у Капитона в Троицкой обители. Здесь он сразу столкнулся с жесточайшей аскезой братии, не увидел привычных для себя рыбы и вина, молочной пищи вне поста. Со своей стороны, братия, увидев перед собой далеко не постника, отказалась литургисать с Герасимом.

Тогда бывший рязанский архимандрит в 1639 году написал донос на Капитона и братию патриарху Московскому и всея Руси Иоасафу I – о том, как в Троицком монастыре нарушается церковный устав [4, с. 548]. Тогда же последовала царская грамота ярославскому воеводе с характерной фамилией Секирин арестовать Капитона и привезти его в Ярославль, чтобы отдать «под крепкий начал» «старцу духовну и искусну» [4, с. 548]. В итоге Капитон живет под арестом сначала в Ярославле, затем в Тобольске. Однако он из-под ареста бежал [6, с. 103]. Так Капитон со своими людьми еще до начала раскола оказался вне легитимного поля. Главной причиной случившегося можно считать столкновение аскетического воззрения, переживаемого как глубинная суть самой монашеской жизни, с внешними, активно тогда уже секуляризующимися нормами, где пост и уставные правила – всего лишь внешние способы регулирования, по сути – социальные, а не духовные нормы.

Спустя двенадцать лет после ареста и побега Капитон строит кельи в лесах по реке Шача Костромского уезда, затем, после их разгрома властями, переходит в Шуйский уезд и создает скиты близ села Колбацкого [7, с. 78]. В итоге его последним пристанищем становятся вязниковские леса [6, с. 104]. Один из основателей Выговского старообрядческого общежития, известнейший духовный писатель Семен Денисов считал Капитона достойным продолжателем общерусской монашеской традиции [6, с. 104].

В 1665 году капитоновцев по доносу местного священника ловил целый полк московских стрельцов под командованием А.И. Лопухина. В том же году две сотни стрельцов того же полка посылались для поимки капитоновцев уже в Переяславль-Залесский [6, с. 105]. Капитоновское движение активно распространялось в вологодских пределах, в том числе среди крестьян Павло-Обнорского и Корнилиева Комельского монастырей [6, с. 106], то есть там, где традиции постничества были очень сильны. В марте 1666 года прямо на главные проезжие ворота Костромы была прибита анонимная прокламация о принадлежности того самого бывшего архимандрита Герасима к «слугам антихристовым», что власти посчитали действием капитоновцев [6, с. 106].

Смерть Капитона покрыта мраком неизвестности. Одни считали, что он сжег себя со своими последователями под Вязниками, другие, что, приковав себя цепью, уморился голодом до смерти [6, с. 104–105]. Последнее может быть похоже на правду, так как с его именем связывают учение о самоуморении, предшествовавшее старообрядческим самосожжениям. Антихрист, с этой точки зрения, уже пришел, поэтому каждый верный православный христианин должен заморить себя голодом [4, с. 550]. Впрочем, некоторые считали, что и самосожжение возникло впервые именно у вязниковских капитоновцев [4, с. 550].

С Капитоном связывалось и возникновение такого движения, как хлыстовство. Хлысты не отделяли себя от Православной Церкви, были внутрицерковным явлением. У хлыстов существовало предание, что их легендарный основатель Данила Филиппов являлся учеником Капитона [4, с. 550]. С конца XVII века в пределах Кинешемских, Решемских и вблизи города Плёса на Волге распространяются хлысты-«подрешетники», именовавшие себя «купидонами» (испорченное от «капитонов»). Вблизи Плёса они жили и в XIX столетии [4, с. 550].

Хлысты, в отличие от многочисленных старообрядческих религиозных новообразований поповского и беспоповского толка, не отделяли себя от официальной Церкви, находились внутри нее. Ответвлением хлыстовства стало скопчество. Хлыстов и скопцов

чиновники и миссионеры именовали «мистическими сектантами». Их выявление внутри обычных православных приходов превращалось в непростую задачу для светских и епархиальных «начальств». Известный публицист, епархиальный миссионер Херсонской епархии Михаил Александрович Кальнев (1864 – после 1920) выпустил двумя изданиями брошюру «Как опознавать хлыстов и скопцов, отрицающих свою принадлежность к сектам, и какие меры борьбы с ними?» [13].

За несколько лет до революции, после многих десятилетий борьбы государственной машины и внутренней православной миссии против так называемых тайных или мистических сект хлыстов и скопцов, М.А. Кальнев констатирует, что сектанты упорно скрываются внутри Церкви, представляют себя ревностными прихожанами, а «серьезная и повсеместная» борьба с ними «до сих пор еще не начиналась» [13, с. 5].

В числе признаков хлыстовства миссионер называет следующие. «Будучи строгими трезвенниками, хлысты совершенно не употребляют спиртных напитков и строго воспрещают курение табака. “Вино, говорят они, кровь дьявола”» [13, с. 12]. «Всё мясное изгнано из их домов», «ядение мяса осуждается ими» «как грех», они не держат свиней [13, с. 19]. Однако при этом сами хлысты ссылались на данные Богу обеты или пример монахов, которые, как известно, в русских монастырях не употребляли мяса [13, с. 19]. Хлысты не ели мяса даже на праздники Рождества Христова и Пасху [13, с. 20], подобно Капитону, а столетиями раньше – преподобному Павлу Обнорскому.

Действительно, для миссионеров отказ прихожан от мяса и вина был маркером принадлежности последних к внутрицерковным «тайным» «мистическим» сектам. Так, например, священник С.И. Перехвальский приводит слова крестьянки Матроны Разуваевой, которой сообщество скопцов казалось «истинно православным». Ведь они «противного вере не говорили, плотских грехов не творили, а старались угодить Богу, работая ему тайно по ночам», «не велели ходить на улицу, пить вино, есть мясо… и никому не рассказывать о своем спасении» [17, с. 84–85].

Священнослужители, участники Скопинского уездного миссионерского съезда в 1899 году констатировали, что сектанты «проповедали девство, воздержание от мясной пищи, вина и табаку и были по жизни воздержные и трезвые» [23, с. 615]. Они имеют вид истинных православных христиан, храм посещают часто, с усердием принимают священников в своих домах при праздничном обходе последними прихода с крестом и святой водой, в отношении с духовенством всегда почтительны и вежливы, «порой до приторности» [23, с. 620].

Однако далеко не все священнослужители соглашались обвинять своих прихожан в принадлежности к тайным сектам только лишь на основании таких внешних признаков или слухов. Например, на Рязанском епархиальном миссионерском съезде 1898 года священник Ниловский из села Остроухова заявил: несмотря на то, что подозрительных прихожан в приходе насчитывалось до тридцати человек, из-за недостатка доказательств он не может в документах показывать их хлыстами [10, с. 538].

Впрочем, к концу 90-х годов XIX века на приходах от прихожан, подозреваемых в принадлежности к хлыстам, стали перед причастием требовать специального публичного клятвенного отречения [19, с. 373–374]. Ведь православное духовенство рассматривало себя как носителя цивилизации, считало, что «густая тьма» окутывает «умственный горизонт народа» [10, с. 616]. Распространение тех или иных форм неофициальной религиозности миссионерами оценивалось в терминах эпидемиологии – говорилось о «заражении сектантством» и «зараженных местностях» [23, с. 615].

Один из первых авторов, писавших о скопцах, выпускник Рязанской духовной семинарии и профессор Московского университета Николай Иванович Надеждин (1804–1856) отмечает следующие признаки, «изобличающие» «принадлежность к скопческой секте».

Тайные сектанты – «слишком строгие и упорные постники», которые и вне поста («не в уреченные Церковью дни») «не берут в рот мяса и вина» [15, с. 198]. Они «строго разборчивы и воздержаны» «относительно всех обычных условий семейного и общественного быта, преимущественно же относительно пищи», так как «скопец не должен есть ничего мясного и ни под каким видом употреблять какие-либо горячительные напитки» [15, с. 198]. Впрочем, Н.И. Надеждин как рационалист вполне в духе времени видит здесь «диетическую необходимость», вызванную физиологическим состоянием после оскопления [15, с. 198]. То есть собственно религиозная мотивация отходит для него на второй план. Секуляризация, размывание религиозной стороны быта для него – не более чем привычные, нормальные, то есть «обычные» семейные и общественные условия.

Между тем в книге Н.И. Надеждина опубликован характерный скопческий текст «Газета Ада» [15, с. 341–342]. Здесь «нынешний век» воспринимается лежащим во зле. Он охарактеризован так: «Истина охромела, любовь простудою больна. Честность и верность в отставку вышла. Вера ушла в пустыню. Совесть попрана ногами, благодеяние таскается по миру. Терпение скоро лопнет. Бесчиние в монастырях проживает, гордость с монахами познакомилась. Тщеславие игуменствует. Братоненавидение экономом поставлено. Невежество старейшествует» [15, с. 341].

Сам этот текст имеет яркую социальную окраску. С точки зрения его автора, природа ложной социальности религиозна, имеет духовную основу, оценивается именно с этой стороны. Он пишет: «Явились на свет гордые господа. Бес кричит из ада: Честнейшие господа, пожалуйте сюда» [15, с. 342]. Сатана беседует с ростовщиком, который утверждает, что накопил столько денег, что мог бы скупить сам ад. Сатана восклицает: «Видно ты здесь хочешь роскошно проживать, время тебе с преисподней пребывать. Там узнаешь, как обижать бедных» [15, с. 342].

Приводятся у Н.И. Надеждина и тексты «духовных», скопческих паспортов, с которыми они ходили по миру. Их владельцы ощущают себя не подданными земной власти, а гражданами Града Небесного: «Дан сей паспорт от Града Вышнего, Великого Царя-Спасителя, небу и земли вседержителя. Отпустил мя на волю во веки Всевышний Господин и Создатель Бог един»; «По благоволению Великого и пресильного Всемирного Царя, которым сотворено небо и земля, по Его Владычному повелению, дан сей указ душе моей грешной на прокормление, а телу на труд и озлобление. Отпустил мя раба своего Великий Господин – Бог Града Вышнего и уезда, Пустынного стана» [15, с. 343–344].

Н.И. Надеждин подтверждает, что скопцы внешне были очень усердны к православной Церкви, являлись ревностными прихожанами, но считает такую их ревность «лицемерием» [15, с. 189–191]. Он убежден, что по своему вероучению они «не только не православные, но и не христиане» [15, с. 180].

Наиболее резкое противопоставление себя миру, лежащему во зле, было характерно всё же не для внутрицерковных «мистических сект», а для части беспоповцев. В собрании рукописных книг Синодальной библиотеки имеется апокриф, озаглавленный «Сие выписано и[з] Стоглава блаженныя памяти государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России повесть о питии хмелном, отчего уставися горелое вино душепагубное» [3].

Здесь говорится, что «хмельное питие от беса сотворено суть, на пагубу душам православным и на вечную муку» [3, л. 1]. Согласно ему, бесы «беседовали и вопрошали» как бы «прельстити, и уловити и погубити» «род человеческий». Тогда выступил «из соборища их» «пьяный бес» и заявил сатане, что знает, из чего сотворить «горелое пьяное вино». Сатана же дал ему «власть пьяную» [3, л. 1–1 об.]. Бес находит некоего человека, нищего скитальца, которого научает «солод растити и варити брагу, дондеже выкиснет», приготовив горн, горшки, трубы, огонь. В результате появилась «некая хитрая и премудрая вещь, и лютая, и веселое зелие» [3, л. 2–2 об.].

Бес налил «скляницу», дал человеку и послал к царю. Царь созвал вельмож своих и дал им зелие, от чего «быша вси веселы». Бес же вернулся к сатане и подробно рассказал, как сотворил «пьяное питие», научил ему человека и к царю его послал [3, л. 3]. Сатана в награду дал тому бесу «власть царскую во пиианстве» и в помощь приставил еще триста бесов [3, л. 3 об.]. Через царя пьянство пришло и в русскую землю «на погибель душам христианским и на муку вечную». К нему присоединилась «злая брань матерная», оскверняющая «землю и воздух». Затем пришло «питие сухое», именуемое табаком. И всё это – «первая печать антихристова и знамение пришествия его» [3, л. 4]. Таким образом, царская власть является источником не просто чего-то чужого и вредного, а душепагубного, бесовского, печати антихриста. Пьянство напрямую сопрягается с табаком и матерной бранью, всё это – одна скверна.

Известный православный духовный писатель XIX столетия, святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Ставропольский, негативно относится к вину в рамках монашеской общины. Вино для него не является, конечно, социальным признаком антихриста. Однако в своем «Приношении современному монашеству» святитель Игнатий пишет: «Хотя употребление вина и разрешается церковным уставом на трапезе, но оно разрешено только для трудящихся старцев, для которых оно нужно и полезно. Для юных вино вредно» [12, с. 17]. При этом он ссылается и на прямые запреты преподобного Пимена Великого («Монахам отнюдь не должно пить вина») и преподобного Марка Подвижника («Вина да не обоняет юность») [12, с. 18].

Восприятие одежды в радикальной старообрядческой среде тоже демонстрирует прямую связь сакрального и социального. Среди рукописей Синодальной библиотеки есть текст «Беседа глаголемаго старообрядца, яко по свойству и принадлежности закона християнскаго должно носить одежду всякому християнину» [1]. В качестве однозначно негативного примера здесь приводится «почтенный старец в совершенных летах», который подвязывает «галстук около шеи», надевает жилетку, натягивает «панталоны» с ременными «помощами» (подтяжками), надевает сапоги с «напуском бочками» и сюртук «с пуговицами». Волосы он имеет «с косым разбором на сторону», картуз «измятый с большим козырьком» [1, л. 4].

Автор восклицает: это ли «есть благочестивого христианина приличное одеяние», это ли «благочестию древнему соответствует»? С его точки зрения, не мал «грех ризного украшения» [1, л. 4]. Этот грех, как считает автор, «доволен прогневати Бога», «доволен весь труд девства погубити» [1, л 4]. Ссылаясь на святоотческое предание, он пишет, что одежда согласует «внутренние мысли и обычаи», «чрез внешнее одеяние» человек выводит наружу «внутреннее» содержание своего сердца [1, л. 5]. Со ссылкой на святителя Григория Богослова говорится, что тот, кто «прелагает» (изменяет, превращает) «Божий образ» в «мир блудничекий, лакомый очесам» (страстно-приятный глазам), крадет «блудническою добротою» естественный образ, «блюдомый» (хранимый) Богу [1, л. 5].

Со ссылкой на преподобного Ефрема Сирина автор пишет – кто любит светлые, добротные ризы «наг есть» божественной одежды [1, л. 5]. Такое поведение – идолопоклонство «кумирам сердца» [1, л. 7]. Поэтому автор призывает: «Потрудимся на совершение заповедей Господних и совлечем с себя одежды иностранные и нелепые, облечемся в обычные ризы и попечемся о спасении душ наших, отвратимся от мирских лукавых дел» [1, л. 8].

Святитель Игнатий (Брянчанинов) также подчеркивает связь внутреннего и внешнего на примере подготовки к монашеству. Он пишет, что тот, кто привел в порядок свое наружное поведение, подобен хорошо сделанному сосуду, в который можно «влагать драгоценное миро» [11, с. 24]. С точки зрения святителя, «телесные обычаи» хранят целостное «благоустройство» и делают способным «к душевному деланию» [11, с. 24]. Он призывает

новоначальных иметь одежду «простую, но приличную и опрятную» [12, с. 19]. Ведь грешнику, по его словам, «неприлично иметь красивую одежду». Святитель Игнатий в евангельском контексте пишет, что иначе грешник будет подобен «поваплённому и позолоченному гробу», снаружи – «светлому и богатому», а внутри – «со смердящим трупом» [11, с. 20].

А вот другой известнейший русский православный писатель XIX столетия, святитель Феофан Затворник, прямо соотносит внешние обычаи, перенятые у иностранцев, с судьбами Отечества. В «Словах к Тамбовской пастве» он вопрошает: зачем «приходили к нам французы» в 1812 году? – и отвечает: «Бог послал их истребить то зло, которое мы у них переняли». Тогда «покаялась Россия, и Бог помиловал ее» [24, с. 357].

Покаялась в чем? Святитель Феофан дает такую характеристику зависимости России от чуждых ценностей: «Нас увлекает просвещенная Европа! Там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие». По его словам, «оттуда уже перешли они к нам и переходят». В итоге, «дохнувши этим чадом адским, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня» [24, с. 357].

Однако такое отношение к европейским «ценностям» всё же не является характерным для православного дискурса XIX века, а вот в дискурсе старообрядческом оно доминирует. Здесь такие «ценности» – проявление прихода антихриста, подмены структур и реалий окружающего мира. От них необходимо отречься, разорвать с ними всякую связь. Поэтому в многочисленных редакциях беспоповского чина «отречения от ереси», каковой они считали учение господствующей Церкви, содержатся такие фразы: «Проклинаю богоненавистную блудолюбного образа прелесть душегубительную, помраченную». Заключается она в том, «еже остригати браду и усы», а был ей «начальник беззаконный Петр, гугнивый папа» [2, л. 3].

Присоединяющийся к беспоповцам заявляет в отношении «еретиков»: «Проклинаю и всякое их неподобное действие», и «всякие богомерзкие дела», «не приемлю помощников их и последующих им и хвалящих их отрицаюсь» [2, л. 5]. И всё же именно внутри самих беспоповцев произошел раскол по вопросу отношения к еде, купленной на рынке, и, что напрямую взаимосвязано, по отношению к государственной власти. Оба эти вопроса находились в контексте дискурса так называемого духовного антихриста. Наиболее четко представление о «духовном антихристе» проявилось у бегунов или «странников», основателем которых был беглый солдат, старец Евфимий [5, с. 113].

Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876), один из первых исследователей социальной стороны русского раскола, связывал появление наиболее радикальных старообрядческих новообразований («сект») с четырьмя «ревизиями душ» 1718, 1742, 1762 и 1782 годов [25, с. 505–506]. Он видел в «общинно-демократических согласиях раскола» «оппозицию недовольного земства» против «шведско-немецких форм тогдашней империи», отрицание «сената, синода, регламентов, ревизии душ, податной подати», разделения людей «на чины или табели о рангах» [25, с. 506]. В дискурсе «духовного антихриста» всё перечисленное – не просто социальные формы, инструменты угнетения и отчуждения. Внешняя реальность имеет духовную природу, выражает власть воцарившегося в мире антихриста.

С точки зрения Евфимия, всё написанное об антихристе в Священном Писании и у святых отцов следует понимать аллегорически. Антихрист же – не конкретная личность, а всеобщая апостасия, дух века сего, который входит в души отдельных людей и наполняет их, как вода наполняет сосуд. Сообщество таких людей – «чувственный антихрист», орудие дьявола. Антихрист, хотя и имеет духовную природу, но выражается и познается чувственно – через внешнюю социальность. По Евфимию, существует «беззаконная троица»: лжепророк, зверь, змий. Лжепророк означает церковную иерархию, духовные власти, проповедующие еретическое учение, зверь – мирские власти, поддерживающие еретиков

и, наконец, змий – это дьявол, который и действует в лжепророке и звере [5, с. 115]. Царская власть, с точки зрения Евфимия, – икона сатаны, все повинующиеся царской власти, кланяются этой иконе. Воинские и гражданские власти суть образ зверя, чувственные бесы, такие же иконы сатаны, обладающие душами человеческими, те, кто принуждают православного христианина к погибельной ереси. Ересь укрепляется царями и князьями века сего [25, с. 549].

Бегун Василий Москвин считал, что весь мир разделен на два царства: «мир Божий» и «мир сатанин», или «титанов». В первом господствует Дух Божий, истинный, животворящий, во втором – дух ложный, «противный и убивательный». В мире Божием пребывает небесный град Сион, к которому причастны бегуны, в «мире сатанином» – «великий град, темный Вавилон», там находятся «зловерные», «злочинные», «пустопопы», «кони сатанины». В «Сионе» – подлинные, духовные и торжественные праздники, в «Вавилоне» – «праздники табачные», которые суть «табельные», то есть установленные государственной властью, официальные, обязательные для празднования [25, с. 573]. Податным окладом антихрист подчиняет себе души людей, присягать антихристу нельзя, русские законы – «кривосказательные книги», Святейший синод – «синедрион», правительствующий Сенат – «антихристов совет», сенаторы – на самом деле «сенатрі» и заключают в себе по численному значению букв число антихриста (*с*=200+*е*=5+*н*=50+*а*=1+*т*=300+*р*=100+*і*=10=666) [25, с. 574].

Евфимий начал свою проповедь в Ярославле, затем стал переходить из села в село. С его точки зрения, нельзя записываться в ревизию, то есть соглашаться с официальными духовными и светскими властями, которые называют тебя раскольником [5, с. 113]. Нужно бежать. Бегство, странничество («странство») – это единственный путь от зверя-антихриста, от его властей, от его царства [25, с. 543].

Бегунство утвердилось в селе Сопелки и деревне Малышево Ярославского уезда, оттуда распространилось по Костромским пределам [25, с. 544]. Появилось оно в Нерехте, поднялось по левому берегу Волги («в леса») до того самого Даниловского уезда, где столетием раньше процветали капитоновские монастыри. Наконец, бегуны распространились в Кинешемском уезде и вблизи города Плёс, оттуда перешли во Владимирскую губернию и село Иваново, а дальше учение начало свое продвижение в сторону Нижнего Новгорода и вниз по Волге [25, с. 557–558].

Молитва за царя – вот камень преткновения для всех беспоповских толков. «Странники» признавали неких «царей благочестивых», которые были, скорее, духовной реальностью, но никак не соотносились с существующей государственной властью. Как выражалась на допросе одна бегунка-странница: «За благоверного царя, который делает благие дела, Богу молюсь, но за императора и весь императорский дом Богу не молюсь» [25, с. 570]. С точки зрения бегунов, молитва за царя – «молитва за богоотступника, антихриста» в «богомерзком собрании» [25, с. 570].

Бегунство генетически связано с федосеевцами, которые противостояли литературному кругу Выговской пустыни, крупного беспоповского старообрядческого центра, возникшего в конце XVII столетия в Олонецком уезде [5, с. 113]. Первые настоятели Выговской пустыни братья Денисовы, те самые, которые считали Капитона выдающимся продолжателем русской монашеской традиции, также учили о «духовном антихристе». Однако, с их точки зрения, он воцарился в Римской империи в лице папы Римского [5, с. 113]. Впрочем, другие выговские лидеры, Г. Украинцев и И. Васильев, учили, что «духовный антихрист» есть и в России, а его орудие – исключительно церковные, но не светские власти [5, с. 113].

По случаю воцарения Петра II выговские старцы решили, что нужно молиться за царя, дабы Бог дал «его императорскому величеству» «благощастную долготу дней и

устроение» [5, с. 113]. В 1739 году один из выговцев Иван Круглый донес властям, что выговцы не молятся за императрицу и «весь царствующий дом». Правительственная комиссия во главе с О.Т. Квашниным-Самариным прибыла в пустынь, выговцы испугались и «во избежание кары» решили «их императорское величество поминать везде», где было положено в церковных текстах [18, с. 82].

Впрочем, выговцы спокойно обращались и к официальным церковным властям. Например, Семен Денисов писал к автору «Церковного регламента», архиепископу Новгородскому Феофану (Прокоповичу), который, казалось бы, в глазах беспоповцев должен выглядеть одним из самых главных слуг «духовного антихриста» [26, с. 315–320]. Вот как Денисов обращается к этому «носителю антихристовой власти»: «Великому господину, господину высокопревосходительному, отцев отцу, всепремудрейшему архипастырю, всепреславнейшему архиерею кир Феофану» [26, с. 315], который – «всебогатоученый и превосходительный владыко», обладатель «ока» «всепремудрейшего разума», «превосходительнейшая и ароматоносная главо», «всепрекраснейший и высокопревзятый архиереев верше», «всепремудрый великоученого богаторассуждения драгосокровищный сосуде», владелец «премилостивейшего богатства» «всепредивного архипастырского велеумия» [26, с. 318–319]. При этом сами выговцы в этом письме Семена Денисова в лучших традициях «плетения словес» именуются так: «весьма грубы есмы и всячески невежды», «бедные и горько плачевные», которые одновременно «всеусердно познавают» «святые Божии законы», «как во спасение действовати» [26, с. 317–318].

Тем более неудивительно, что к Екатерине II выговцы обращаются так: «Всепресветлейшая державнейшая, великая государыня императрица», которая восприняла «скипетр державы» «особливым Божиим промыслом» [26, с. 326].

Основатель федосеевского толка дьячок из Новгородской губернии Феодосий Васильев вступил в конфликт с выговскими старцами. Выйдя из общежития на Выге, он разулся, отряхнул прах со своих ног и сказал: «Не будет нам с вами имети общение ни в сем веце, ни в будущем» [18, с. 84].

Известный противораскольнический полемист архимандрит Павел (Ледней-Прусский) называл ключевым пунктом учения федосеевцев отказ в молитве за царя [16, с. 3]. По его словам, они не только считали такую молитву за великую ересь, но принимали в свое согласие молившихся за царя только через повторное крещение [16, с. 3]. Все песнопения, «составленные святыми отцами», «где положено моление за царя», они изменяли и сказанное о царе понимали в отношении себя. Например, федосеевцы пели в тропаре кресту «Спаси, Господи, люди твоя» о даровании победы вместо «благочестивейшему, самодержавнейшему императору нашему» – «православным христианам», под которыми понимали только самих себя [16, с. 9]. По этому поводу архимандрит Павел восклицал: «Но воинства они не имеют и ни с кем не воюют, и иметь войны ни с кем не могут: посему это их моление» не имеет «никакого смысла» [16, с. 10]. Впрочем, такая же редакция церковных песнопений, из которых были убраны все упоминания о царе, утвердилась в Православной Церкви сразу после февральского переворота 1917 года и сохраняется доныне.

Как указывалось выше, под «царем» в беспоповских толках, а равно и у внутрицерковных «мистических сектантов» понимался не современный им император, а некая духовная реальность, напрямую связанная с Христом и его властью, выраженная социально в их религиозном сообществе. Характерно, что ряд низовых народных выступлений первой половины XIX столетия, таких как холерные и картофельные бунты имели эсхатологическую окраску. Их участники распространяли слухи о «великом князе Константине» или «великом князе Михаиле», которые установят на земле Царство Небесное, а господ будут «судить как нечистую силу» [14, с. 60].

Но отрицание существующей государственной власти как орудия духовного антихриста у федосеевцев было связано напрямую с отрицанием окружающей действительности как таковой. И первым, самым понятным и внешним проявлением этой сатанинской, с их точки зрения, реальности была пища, не выращенная непосредственно в самой общине, а поступившая в нее со стороны. Пища – это то, что связывает человека с окружающим миром, через что мир непосредственно воздействует на человека. Поэтому пищу, купленную на рынке («на торгу»), федосеевцы считали осквернённой. Ее необходимо было освящать особым образом – отмаливать молитвами и поклонами [18, с. 84].

То есть регламент питания, посты, пищевые запреты оказались самым ярким и выразительным проявлением религиозного мировоззрения ряда беспоповцев и в конечном счете – выражением их социальных взглядов, основанных на эсхатологии. Пища и обряды – не нечто внешнее, наносное, как считал Ю.Ф. Самарин, а проявление глубины самосознания, нерв всей трагической истории русского раскола.

Трансцендентное для раскола в целом и в особенности для таких радикальных толков, как федосеевцы и бегуны, открывалось непосредственно в повседневности. Разрушение этой повседневности воспринималось как катастрофа не только для православной общины верных, но и для образа Божия в человеке, для самой возможности спасения.

Литература

1. Беседа глаголемаго старообрядца, яко по свойству и принадлежности закона християнскаго должно носить одежду всякому християнину // ОР РГБ. Ф. 272: Собрание рукописных книг Синодальной библиотеки. Оп. 1. Д. 444. 6 л.
2. «Чин о приеме» приходящих в старообрядчество // ОР РГБ. Ф. 272: Собрание рукописных книг Синодальной библиотеки. Оп. 1. Д. 446. 14 л.
3. Сказание о хмельном питии // ОР РГБ. Ф. 272: Собрание рукописных книг Синодальной библиотеки. Оп. 1. Д. 453. 4 л.
4. *Агеева А.Е.* Капитон, зачинатель религиозного движения в Верхнем Поволжье // Православная энциклопедия. Т. XXX: Каменец-Подольская и Городецкая епархия – Каракал. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2012. С. 547–551.
5. *Бессонов И.А.* Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 333, [1] с.
6. Бородкин А.В. Общины старообрядцев-капитонов Центральной России в 50–60-х гг. XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Белгород, 2009. № 9 (64). С. 103–108.
7. *Бородкин А.В.* «Предивный» инок Капитон // Новый исторический вестник. М., 2010. № 1 (23). С. 75–80.
8. *Добролюбов Иоанн, свящ.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, со списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями / сост. свящ. Иоанн Добролюбов. Т. 1. Зарайск: Типогр. А.Н. Титовой, 1884. 363, V с.
9. Житие Макария Желтоводского и Унженского / подг. текста, пер. и коммент. И.М. Грицевской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13: XVI век / ИРЛИ РАН (Пушкинский дом); под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 2005. С. 262–303.
10. Журналы Рязанского епархиального миссионерского съезда // Миссионерский сборник. 1898. № 6 (ноябрь-декабрь). Отд. I: Официальный. Рязань: Типогр. Братства св. Василия, 1898. С. 536–554.
11. [*Игнатий (Брянчанинов), свт.*] Творения иже во святых отца нашего Святителя Игнатия епископа Ставропольского. Т. 5: Приношение современному монашеству. М.: Изд-во Сретен. монастыря, 1998. V, III, 477 с.
12. *Иоанн (Верюжский), архим.* Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда: Типогр. В.А. Гудкова-Белякова, 1880. [8], 692, [2], 6 с.
13. *Кальнев М.А.* Как опознавать хлыстов и скопцов, отрицающих свою принадлежность к сектам, и какие меры борьбы с ними? 2-е изд. Одесса: Типогр. Е.И. Фесенко, 1911. 45 с.
14. *Каменев Е.В., Егоров А.К.* Мировоззренческие основы русского протеста первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2018. № 5 (174). С. 56–64.
15. *Надеждин Н.Н.* Исследование о скопческой ереси. [СПб.], 1845. [4], 388, 120 с.
16. *Павел (Леднев-Прусский), архим.* О молении за царя против федосеевцев и филиповцев. М.: Типогр. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1891. 15 с.
17. *Перехвальский С.И., свящ.* Письмо Редактору об обращении в лоно Церкви скопчихи Матроны Разуваевой // Миссионерский сборник. 1905. № 1 (январь-февраль). Отд. III: Известия по Рязанской епархии. Рязань: Типогр. Братства св. Василия, 1905. С. 84–87.

18. *Плотников К.Н.* История русского раскола старообрядчества. 6-е изд. СПб.: Типогр. И.В. Леонтьева, 1911. II, 208 с.

19. *Покрывалов Иоанн, свящ.* «Клятвенное» отречение от хлыстовской ереси (Из рапорта благочиннического миссионера 2-го Скопинского округа И. Покрывалова на имя Преосвященного Димитрия, епископа Рязанского и Зарайского) // Миссионерский сборник. 1913. № 4 (апрель). Отд. III: Известия по Рязанской епархии. Рязань: Типогр. Братства св. Василия, 1913. С. 372–374.

20. Правила святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец с толкованиями. Вып. 1: Правила святых апостол с толкованиями. М.: Московское о-во любителей духовного просвещения, 1876. 175 с.

21. *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович, рассуждение, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 5: Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М.: Д. Самарин, 1880. С. 3–465.

22. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви [С Алф. указ. монастырей, сост. М. Семевским] / сост. из достовер. источников Павел Строев, орд. акад. С.-Петерб. акад. наук. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. X с., 1064, 68 стлб.

23. Уездные миссионерские съезды и результаты, добытые Скопинским съездом. Состояние расколо-сектантства в Скопинском уезде и меры к его ослаблению со стороны приходских священников и миссионеров; Хлыстовщина в Рязанской епархии и решения съездов Михайловского и Зарайского о противохлыстовской миссии // Миссионерский сборник. 1899. № 6 (ноябрь-декабрь). Отд. III: Известия по Рязанской епархии. Рязань: Типогр. Братства св. Василия, 1899. С. 614–628.

24. *Феофан (Говоров), Затворник, свт.* Слова к тамбовской пастве / [Соч.] Преосвященного Феофана. М.: Типогр. С. Орлова, 1867. IV, 220 с.

25. *Щапов А.П.* Земство и раскол. Вып. 2 (Бегуны) // Соч. А.П. Щапова: в 3 т. Т. 1. СПб.: М.В. Пирожков, 1906. С 505–579.

26. *Юхименко Е.М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: [в 2 т.] / науч. ред. Н.В. Понырко; Гос. ист. музей. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2008. (Studia historica). 564 с.

Аннотация. В статье в свете тезиса Ю.Ф. Самарина о «формализме» допетровского периода русской истории рассматривается вопрос о месте постов, режиме питания и повседневности в целом в религиозной жизни представителей наиболее радикальных групп старообрядцев. Делается вывод об укорененности таких представлений в дониконовской русской монашеской традиции. Особо рассматривается общественно-политическая сторона связи пищи с молитвой о царе в контексте учения о «духовном антихристе».

Ключевые слова: старообрядчество, раскол, раскольники, духовный антихрист, капитоновцы, федосеевцы, бегуны, странничество, хлыстовство, скопчество, мистические секты, пост, повседневность, государственная власть, молитва за царя, император, Выговская пустынь, ревизские сказки, подушная подать.

Abbot Vitaly (Utkin Igor Nikolayevich) – secretary of the Council of Bishops of the Ivanovo Metropolia, secretaryof the Academic Council of the Ivanovo-Voznesensk Theological Seminary, head of the Missionary Department of theIvanovo-Voznesensk Diocese, post-graduate student of the SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies. E-mail: inok_vitl@mail.ru

Daily Routine, Food and Faith. To Yu.F. Samarin's Thesis on "Formalism" of the Church Life in the Pre-Petrine Period

Abstract. With reference to Yu. F. Samarin's thesis on "Formalism" of the Church Life in the Pre-Petrine Period, the article examines the issue of the role of fasts, eating patterns and daily routine in general among most radical groups of Old Believers. The author of the article draws the conclusion that such conceptions were rooted in the Pre-Nikon Russian religious (monkish) traditions. The author pays special attention to the social and political aspect of the connection between food and payer for the Tsar in the context of the "spiritual Antichrist" teaching.

Keywords: Old Believers, Schism, Schismatics, Spiritual Antichrist, Kapitonovtsy, Fedoseyevtsy, Runners, Pilgrimage ("Strannichestvo"), Khlysts, Skoptsy, Mystical Sects, Fast, Daily Routine, State Authority, Prayer for the Tsar, Emperor, Vygodsky Monastery, Revision Lists, Poll Tax.

Самарин: личность, современники, наследники

Раздел пятый

А.А. Тесля
Письма Юрия Федоровича Самарина к графине Марии Федоровне Соллогуб (1864–1876)

А.А. Попов
«Люди сороковых годов»: Ю.Ф. Самарин и А.И. Герцен

Г.Н. Лебедева
Властители дум: М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин и Ф.И. Буслаев как выразители своего поколения

М.В. Медоваров
Память о Ю.Ф. Самарине и его наследии в последней четверти XIX – начале XX века: конструирование образа мыслителя

К.А. Соловьев
Политическое учение Федора Самарина

М.Д. Марей
«Я не вижу причины менять свою точку зрения»: Ф.Д. Самарин о Земском соборе и идее Представительства

С.И. Скороходова
«Сила Моя совершается в немощи»: болезнь и кончина Ю.Ф. Самарина

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-283-357

Андрей Тесля

*Письма Юрия Федоровича Самарина к графине Марии Федоровне Соллогуб (1864–1876)**

Переписка Ю.Ф. Самарина 1855–1876 годов до сих пор остается по большей части неопубликованной. Д.Ф. Самарин в 1890-х предпринял издание переписки покойного брата с баронессой Э.Ф. фон Раден[1], в первые годы XX века вышли две первые части материалов к биографии кн. В.А. Черкасского, включавшие письма к нему Ю.Ф. Самарина времен деятельности губернских и редакционных комиссий, то есть по февраль 1861 года. В изданиях, подготовленных Т.А. Медовичевой [12] и С.М. Сергеевым [11], впервые опубликован целый ряд писем Самарина к И.С. Аксакову, М.П. Погодину, кн. В.А. Черкасскому и другим корреспондентам 1860-х – 1870-х годов. Однако последний период жизни и деятельности Самарина, с момента завершения работ по крестьянскому вопросу в Царстве Польском в начале 1864 года по большей части остается не освещенным эпистолярными публикациями, равно как – что вполне закономерно – и исследовательскими работами. Единственный большой опубликованный эпистолярный комплекс, охватывающий и этот период, – академически изданная в 2016 году переписка с И.С. Аксаковым, привлекающая в комментариях массу сведений о жизни и деятельности Самарина из других архивных источников.

Особенный интерес представляют письма Ю.Ф. Самарина к нескольким близким членам его семьи. Хорошо известно, что он был человеком закрытым, с трудом умевшим находить эмоциональный контакт с другими[2]: он у многих вызывал почтение и даже пиетет, его уважали – но

[1] В 2015 году был издан русский комментированный перевод этой переписки [14].

[2] Об этом говорил – правда, очень редко – и сам Юрий Федорович. Так, в письме к Дмитрию Федоровичу от 15 января 1867 года Самарин отзывался на слова брата: «Любезный Митя, предо мною два твоих письма, на которые я еще не собрался отвечать тебе – одно о Симбирском Собрании, другое, писанное перед самым началом года.

Начну с последнего. В больших семьях старший брат и младший сближаются между собою теснее, чем с средними, и чем последние между собою – это довольно общее явление. То же было и между нами, когда еще ты был ребенком и когда я тебя звал Михасем; потом эта связь скрепилась большим единством в убеждениях, во взглядах на жизнь и т.д.

Я знаю, что эта дружба могла бы быть *на вид* живее, если б я не вносил во все вообще личные мои отношения некоторой доли иронии и суровой холодности. Это, конечно, недостаток; с одной стороны – последствие застаревшей застенчивости от сдавленного и изнасилованного детства, с другой – влияние строгой,

* Исследование выполнено в рамках гранта No 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. E-mail: mestr81@gmail.com

лишь немногие любили или, быть может, вернее сказать – лишь немногих он допускал к себе настолько, чтобы допустить саму эту возможность. И в кругу своего семейства с большинством братьев его отношения были достаточно отчужденные – тем большую ценность имеет переписка с сестрой, Марией Федоровной, с которой у Юрия Федоровича с ранней молодости возникла и на всю жизнь сохранилась близость эмоциональная и интеллектуальная, и с младшим братом, Дмитрием Федоровичем, частью уже собственной семьи которого Самарин со временем стал, живя в оставшемся неразделенным с братом имении и сделав его своим основным наследником по завещанию (а в дальнейшем брат и его дети, в первую очередь Федор Дмитриевич, о котором часто упоминается в публикуемых письмах и комментариях к ним, возьмут на себя сохранение и пополнение архива Юрия Федоровича и издание собрания его сочинений).

Семейная жизнь Марии Федоровны (1821–1888) была далекой от счастья – в молодости выйдя замуж за графа Льва Александровича Соллогуба (1812–1852), советника русского посольства в Вене, знатока искусств, брата гр. В.А. Соллогуба, известного писателя – она в скором времени столкнулась с быстро прогрессирующим заболеванием мужа, который, по словам Б.Н. Чичерина, спустя всего несколько лет «впал в идиотизм» и в этом состоянии и скончался [22, с. 215]. Всю оставшуюся жизнь Марию Федоровну не отпускала тревога за сына, в котором она боялась заметить признаки наследственной болезни и, соответственно, настойчиво их разыскивала. Она же стала и спутницей своей стареющей матери, взяв на себя множество забот о Софье Юрьевне, как можно видеть и из печатаемых далее писем.

При этом ее ум и нравственную высоту ценили одни из лучших людей эпохи – в своих воспоминаниях Б.Н. Чичерин составил ей выразительный энкомий, письма к ней И.С. Аксакова, в которых обсуждается целый ряд ключевых сюжетов русской общественной мысли и жизни 1860–1870-х годов, опубликованы нами несколько лет назад [18]. Тот образ, который возникает из писем и отзывов современников, во многом объясняет и близость, на которую в отношении Марии Федоровны оказался способен Самарин, – она во многом схожа с братом по восприятию и пониманию мира, своеобразному христианскому стоицизму, постоянной работе над собой и склонностью таить свои беды и тревоги от всех вокруг, включая ближайших.

Интерес публикуемой переписки, как уже отмечалось, весьма многомерен – от сообщения сведений, позволяющих гораздо лучше, более полно и точно представить себе личность Юрия Федоровича Самарина, а вместе с тем и его корреспондентки, до множества фактических сведений, относящихся к работе над «Иезуитами…», выпусками «Окраин России…», подготовкой издания богословских сочинений Хомякова или заботам о сельских школах и устройстве сельской больницы. Соответственно в комментариях к письмам Ю.Ф. Самарина к гр. М.Ф. Соллогуб по одному лишь многообразию обсуждаемых предметов мы не ставили своей целью добиться полноты. Так, без комментариев оставлены вовсе такие события, как франко-прусская война 1870–1871 годов, парижская коммуна, процесс по делу Нечаева и т.п. – в силу их общеизвестности. В то же время без комментариев оставлены отели, в которых останавливался Самарин, врачи, к которым он обращался, и т.п. сюжеты – в силу, с одной стороны, их контекстуальной ясности, а с другой – что для тех читателей, для которых именно эти детали представляют профессиональный интерес, наш комментарий неизбежно окажется предельно поверхностным.

Письма, отправленные из России, датируются по старому стилю, письма, написанные из за границы, – по новому (грегорианскому) и по старому (юлианскому) календарю.

почти спартанской дружбы Хомякова, которая в том отношении избаловала меня тем, что приучила меня воздерживаться от всякого рода изъявлений и предполагать без слов полную, взаимную уверенность друг в друге. А есть в этом и хорошая сторона: как скоро все это раз понять, как скоро дружба выдержала искус иронии, она закаляется навсегда и уж ничего не боится. Правда, иное не выдерживает ее и пропадает; в настоящую минуту более чем когда-либо мне кстати об этом вспомнить. На днях я чуть было не разошелся окончательно с Гиляровым, а потом и с Аксаковым, по поводу глупейших обстоятельств, о которых не стоит и упоминать. Дело выеденного яйца не стоило и шло под стать к ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем» [23].

За основу датировки принята сделанная при копировании писем Д.Ф. и Ф.Д. Самаринымi, готовивших их к изданию в рамках продолжавшегося с 1877 года и оставшегося, к сожалению, незаконченным собрания сочинений Ю.Ф. Самарина. Из планировавшихся под эпистолярию томов собрания сочинений вышел только первый, по общей нумерации издания – XII, включающий письма с 1840-х до середины 1850-х годов. По проверенным и сверенным еще Ф.Д. Самариным копиям с оригиналов, хранящимся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 265, к. 37, ед. хр. 12), и другой копии, хранящейся в том же фонде (к. 37, ед. хр. 11), – и осуществляется настоящая публикация.

Поскольку, как уже говорилось, наиболее близкими к Ю.Ф. Самарину людьми из числа родных в 1860–1870-х годах были Д.Ф. Самарин и гр. М.Ф. Соллогуб, то мне представляется целесообразным привести в комментариях целый ряд обширных фрагментов из писем Самарина к брату Дмитрию за те же годы, поскольку, во-первых, зачастую именно в те моменты, когда прерывалось эпистолярное общение с братом, поскольку они оказывались вместе в Москве или общем имении, начиналась переписка с сестрой, – и наоборот, во-вторых, многие сюжеты, затронутые в письмах к сестре, получают более полное раскрытие или продолжение в письмах к брату или вносят ряд уточнений, последующих корректировок, фактических или оценочных. Переписка Ю.Ф. Самарина с другими лицами цитируется ограниченно, в первую очередь приводятся те тексты, которые до сих пор не были опубликованы, – в этом случае цитирование осуществляется наиболее полно.

Всего публикуется 68 писем Ю.Ф. Самарина к гр. М.Ф. Соллогуб за период с апреля 1864 по январь 1876 года и 11 телеграмм, сохранившихся в рамках того же эпистолярного комплекса. При подготовке текстов к публикации и составлении комментария существенную помощь оказала Е.Е. Коркина (ЦНСИО, Иркутск), за что я ей глубоко признателен.

№ 1

Санкт-Петербург, 13 апреля 1864 года[1]

[1] О делах и обстоятельствах семейных и общественных, предшествовавших большой заграничной поездке Ю.Ф. Самарина, предпринятой с целью лечения, многое сообщают письма Д.Ф. и В.П. Самариным. 20 марта 1864 года Самарин пишет брату Дмитрию Федоровичу в с. Васильевское из Москвы:

«Любезный Митя, твоя телеграмма меня успокоила; я боялся за мирской капитал; по какому-то непостижимо нелепому правилу почта не принимает на себя ответственности за пересылку процентных бумаг. При теперешних обстоятельствах, разумеется, делать больше нечего как продать пшеницу хотя бы и по 48 коп. Маменька предлагала мне на этот год вовсе отказаться от пенсии, или от половины, с тем чтобы обождать год, но я от этого отказался. На продажу вина как нельзя рассчитывать. Здесь в Москве и везде склады переполнены; почти никому не удалось продать и половины заготовленной продукции. Все решительно утверждают, что пора больших заводов прошла. На будущий год надобно будет значительно уменьшить выкурку, не знаю только, можно ли это сделать без большой внутренней переделки завода.

Из твоих писем я заключаю, что у тебя три склада, в Сызрани, Владимирском и в Хвалынске. Отчего ты не открыл в Николаевске или в Новоузенске? Главный и для нас, поблизости, самый верный сбыт должен быть в степной местности?

Ты не написал мне самого существенного о заводе: как велик средний выход?

Отчего ты вписал мирской капитал Владимирских крестьян? Сами ли они его потребовали или ты сделал это от себя?

Вчера получены от Пельцера деньги за шерсть.

Кажется, Маменьке ты писал, что Соловьев начинает пить и что тебе придется его сменить. Что было после? Трудно будет заменить его.

Я думаю отправиться за границу дней через 12 или через две недели. Десяти тысяч, особенно в первый год, я не проживу, а может быть тысяч семь; но до отъезда надобно будет заплатить еще 1.000 р. долга Соковину покойного Пако*.

Петя на днях едет в Веденское, как только просохнет, и оттуда в Варшаву. Эта ранняя и дружная весна ничего доброго не предвещает.

В Польше мятеж утихает. О назначении Черкасского и его вступительную речь ты читал, вероятно, в газетах. Из Петербурга доходят слухи воинственные: говорят, что гвардия выходит походом в Финляндию, – это гроза Швеции и что в день взятия Парижа был какой-то торжественный парад, в роде военной манифеста-

Среда 1864.

Dearest Mary, пожалуйста прикажи поскорее переслать прилагаемое письмо к Чижову[1].

Он живет, *кажется*, в Стрелецком переулке, в доме Морозова, в переулке, у Пречистенского бульвара, недалеко от Железной дороги.

Я еду нынче вечером в 10 часов, чтобы пробыть в Вильне вечер и часть ночи с Четверга на Пятницу. Вчера вечером бедный Баранов[2] был в

ции против Франции. Вообще в Италии, Венгрии и в придунайских княжествах ждут подъемка к весне. Другой, странный слух из Петербурга – будто по просьбе какого-то приезжего из Франции прелата разрешено католикам основать училище в Петербурге и намереваются отменить указ, воспрещающий въезд в Россию иезуитам. Может быть это и не состоится, я даже надеюсь, но уж хорошо и то, что об этом могут рассуждать и толковать в настоящее время.

Министерство Внутренних Дел предпринимает решительный поход против сельских и волостных учреждений; под предлогом расширения рамок и слияния сословий (Московские Ведомости заодно) хотят ввести помещиков в волостную организацию и создать нечто в роде волостных начальников, то есть именно то, что отменено и разбито в Польше.

Мое здоровье в одном положении, то есть со дня на день хуже. Надежды на выздоровление я никакой не имею. Придется умирать медленно, долго и постепенно; впрочем, я далек от угнетения и надеюсь рассчитаться с жизнью непостыдно. Жаль мне, что нам не удалось проститься. Крепко обнимаю тебя и Вариньку, заочно благословляю детей

Юрий Самарин.

P.S. В Петербурге студенты давали концерт в пользу своих и все вырученные деньги отправили к повстанцам. Говорят, что университет закрывается опять.

Пиши на мое имя в Москву; я распоряжусь пересылкою» [24].

* Пако – домашний учитель Самариных, к которому Ю.Ф. был очень привязан.

30 марта 1864 года из Москвы Самарин писал своей невестке: «Любезная Варинька, неожиданно представился случай отправить посылку в Васильевское, и я воспользовался им, чтобы подновить твою книжную лавочку. Посылаю частью учебные книги, частью книги для чтения, в том числе два экземпляра Парфения; особенно рекомендую тебе и всем Историю Церкви в трех частях. Это произведение А.Н. Бахметевой, по прозванию Шушеньки, заслужившее всеобще одобрение, плод четырехлетних усиленных трудов. Кроме книг, посылаю хромолитографированные иконы, большею частью безобразные, но зато неимоверно дешевые. Все это куплено в новооткрытой книжной лавке, основанной на складчине, тою же Шушенькою, графинею Паниною, Тютчевою, княгинею Черкасскою. Лавка продает книги церковные, учебные, для народного чтения, по той цене, по которой они обходятся, и иконы; сверх того принимает на себя исполнение всякого рода поручений, не выходящих из круга тех же предметов.

Впредь, если тебе что-нибудь понадобится по этой части, советую обращаться туда, то есть в лавку под фирмою «Русская Грамота» в Газетном переулке. На днях происходило торжественное открытие с водосвятием и молебном Кириллу и Мефодию.

На днях Петя должен вернуться из Веденского. Я только его поджидаю и по приезде его тотчас отправлюсь в Петербург, а оттуда в Варшаву. Я хотел за раз послать игрушек детям, но Маминька меня предупредила. Бог знает когда мы теперь увидимся.

Обнимаю тебя, Митю и детей. Да хранит вас Бог.

Ю. Самарин.

P.S. Прилагаемую записку передай Мите» [25, л. 5–6].

В прилагаемой записке, сохранившейся, говорилось: «По продаже нашего дома все мои книги и вещи были уложены, без меня, в 24 ящиках, отправлены в Измалково, оттуда в Васильевское, и, как сказывал мне Иван, получены в деревне счетом, в исправности. Для меня оставлена была опись. Когда я разбирал вещи в Васильевском, этой описи у меня не было рукою, так что я не мог поверить ящиков, счетом; но разобрав их я заметил, что не оказывается некоторых вещей, которые были у меня в шкапах, а именно: ящика с пистолетами, подаренными мне папинькою, и четырех икон, привезенных мною из Киева. В описи все эти вещи значатся вместе в ящике № 15. Вырезку из описи я тебе посылаю. Так как всеми этими вещами я очень дорожу, то прошу тебя поаккуратнее справиться: уцелел ли этот ящик, не затесался ли он куда-нибудь и если он найдется, то выложи из него вещи и сложи у себя куда-нибудь. О том, что окажется, отпиши мне. Я поручу Маше распечатывать твои письма, на мое имя адресованные в Москву, и пересылать их мне прямо от себя за границу» [25, л. 6–7].

[1] Чижов Федор Васильевич (11.III.1811 – 26.XI.1877) – участник славянофильского кружка, с конца 1840-х активно занимавшийся разнообразной хозяйственной деятельностью, с конца 1850-х – железнодорожным строительством [см. 16].

[2] Баранов Павел Трофимович, граф (Paul Graf von Baranoff, 30.XII.1814 – 15.IV1864) – в 1857–1862 –

безнадежном положении. Черкасская[1], разумеется, отложила свой отъезд. Нежно обнимаю тебя и Маменьку.

Ю. Самарин.

P.S. В случае сомнения можно узнать адрес Чижова у Аксакова.

№ 2

Санкт-Петербург, 15 апреля 1864 года

15 Апреля 1864

Dearest Mary, поздравляю тебя с днем твоего рождения и обнимаю от души. Вместо подарка ты услышишь от меня грустную весть, если она уже не дошла до тебя.

Сегодня утром скончался гр. Павел Трофимович Баранов. Вечером я был на панихиде и для этого отложил свой отъезд на 12 часов. Последние пять, шесть дней он был в безнадежном состоянии. Говорят, что с самого начала доктор не понял болезни и запустил ее. Страшный упадок сил, кажется, умерял страдания; он до конца сохранил память, ни минуты не допускал надежды на выздоровление и говорил жене своей[2]: «Право, умирать не страшно, но жаль тебя, я тебя люблю». То было последние его слова.

Бедная Анна не отходила от него и совсем измучилась, на кн. Черкасской лица нет. Сердце сжимается, когда глядишь на эту семью, которая так долго была образцом согласия и скромного счастья.

Обе сестры, кажется, тебя поджидают. Если ты оправилась, не мешало бы тебе приехать. Сегодня утром, по поручению Черкасской, я телеграфировал Пете в Варшаву, чтоб он объявил Черкасскому и кн. Александру Голицыну[3], чтоб они объявили матери[4] и Петру Васильчикову[5].

Только вот что – если ты уедешь, Маменьке[6] придется провести одной 18 число.

Я еду завтра утром в 10 часов, буду в Вильне в ночь, о приезде своем я уже телеграфировал Володе. Аркадий Россет[7] передает мне, что Смирнов[8] звал жену[9] свою в Германию на лето, но вероятно, что она туда не поедет. Поэтому я решаюсь ехать в Венецию и оттуда ей телеграфировать, чтоб узнать

тверской губернатор, генерал-майор свиты. Брат Эдуарда Баранова, генерал-губернатора Северо-Западного края в 1866–1868 годах.

[1] Екатерина Алексеевна, урожд. Васильчикова (1825–1888) – жена (с 1850) кн. Владимира Александровича Черкасского (1824–1878).

[2] Анне Алексеевне, урожд. Васильчиковой (1823–1890), замужем за гр. П.Т. Барановым (с 1845), сестре кн. Е.А. Черкасской.

[3] Голицын Александр Михайлович, кн. (1838–1919) – племянник гр. П.Т. Баранова (сестра П.Т. Баранова, Луиза Трофимовна, 1810–1887, в 1832 году вышла замуж за кн. Михаила Федоровича Голицына, 1800–1873).

[4] Баранова Юлия Федоровна, гр. (с 1846), урожд. гр. Адлерберг (Juliane Sophie Dorothea Helene Gräfin von Baranoff; 18.VIII.1789 – 16.VII.1864).

[5] Васильчиков Петр Алексеевич (1829–1898) – камергер, женат на гр. Евгении Владимировне Орловой-Давыдовой, брат гр. Анны Алексеевны Барановой и кн. Екатерины Алексеевны Черкасской.

[6] Софья Юрьевна, урожд. Нелединская-Мелецкая (18.IV.1793 – 27.II.1879) – вдова Федора Васильевича Самарина (10.VIII.1774 – 26.XI.1853).

[7] Россет Аркадий Осипович (1811–1881) – брат упоминаемой далее А.О. Смирновой-Россет. В 1858–1865 в разных должностях занимался делами по устройству южных поселений, с конца 1865 – товарищ министра государственных имуществ.

[8] Смирнов Николай Михайлович (16.V.1807 – 4.III.1870) – муж А.О. Смирновой-Россет, в 1845–1851 – калужский губернатор, был вынужден уйти с должности по итогам ревизии, в 1855–1861 – санкт-петербургский генерал-губернатор. С семейством Смирновых, в первую очередь с Александрой Осиповной, были близко знакомы многие славянофилы: Ю.Ф. Самарин, К.С. и И.С. Аксаковы, А.С. Хомяков.

[9] Смирнова (Смирнова-Россет) Александра Осиповна (6.III.1809 – 7.VII.1882) – фрейлина императрицы Александры Федоровны, с 1832 – замужем за Н.М. Смирновым. Близкая знакомая В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, Ю.Ф. Самарина и целого ряда других видных деятелей русской культурной и общественной жизни – сохранилось значительное эпистолярное и мемуарное наследие [см. 17]. С 1857 года жила преимущественно за границей, с 1860-го – «в разъезде» с мужем [5, с. 1 –15].

наверное, где ее застать. Боюсь только как бы мне теперь не разъехаться с Черкасским; он вероятно приедет в Петербург повидаться с женою и с Анною Барановою.

Графиня Блудова[1] очень тебя благодарит за пожертвование. Обнимаю тебя от души.

Ю. Самарин.

P.S. Гр. Софьи Мих. Соллогуб[2] нет в Петербурге и полагают, что она проедет из Риги прямо в Москву, минуя Петербург.

№ 3

Берлин, 23 (11) июня 1864 года

Берлин 23 Июня 1864 г.

Dearest Mary, приехав в Берлин, я побежал на почту и к несказанной радости нашел груду писем: одно от Черкасской, одно от Милютина[3], одно от Аксакова[4] и два от Маменьки, от 17 и 24 Мая старого стиля. Одно из этих писем было адресовано в Венецию, как оно оттуда в мои руки в Берлине, я не понимаю, потому что там я никому не давал поручения пересылать на мое имя сюда. От тебя я получил одно письмо в Венецию, а Маменька мне пишет, что ты писала раза три. Куда же? Пожалуйста, адресуйте всегда по моим указаниям; может быть, при разъездах, мне и придется иной раз неделю или дней десять не иметь известий, но зато ни одна строка не пропадет.

Усердно благодарю Маменьку за вести и слухи; этого-то именно я и прошу. А как ее здоровье, она об этом пишет как-то слегка и шутя; по этому предмету от нее толку не добиться.

Мне придется прожить в Берлине может быть с неделю; во-первых, я хочу посоветоваться здесь с двумя докторами Фрерихсом (это здешняя знаменитость) и Грефом (тоже знаменитость по части глазных болезней).

Во-вторых, я думаю выписать из Москвы 3.500 р. векселем или бумажками; здесь курс на металлические билеты ужасно низок; они ценятся дешевле ассигнаций. Вообще, денег у меня выходит пропасть, отчасти оттого, что я много ездил, а вероятно и от непривычки.

24 Июня. Сегодня я был у здешней медицинской знаменитости, доктора Фрерихса. Он выслушал меня очень внимательно, как обыкновенно не выслушивают генералы от медицины, и объявил мне, что во мне нет никакого коренного повреждения, но что мне нужен продолжительный отдых и лечение, а именно: ванны в Рагаце, а потом, после двухнедельного отдыха, купанье в море, в Англии. Рагац он мне назвал сам, без всякого с моей стороны вызова. Все это совпадает в сущности с моими намерениями, но расстраивает план моего путешествия. Я думал начать с Англии и кончить Швейцариею, а он говорит, что это вздор, что надобно начать с минеральных

[1] Блудова Антонина Дмитриевна (25.IV.1813 – 9.IV.1891) – дочь гр. Дмитрия Николаевича Блудова, с 1863 – камер-фрейлина, видная общественная деятельница и благотворительница, симпатизировавшая кругу славянофильских представлений.

[2] Соллогуб Софья Михайловна, гр., урожд. Виельгорская (1820–1878) – дочь гр. М.Ю. Виельгорского, с 1840 – замужем за гр. В.А. Соллогубом (8.VII.1813 – 5.VI.1882), невестка Марии Федоровны Соллогуб, урожд. Самариной.

[3] Милютин Николай Алексеевич (6.VI.1818 – 26.I.1872) – выдающийся русский государственный деятель, одна из ключевых фигур в подготовке крестьянской реформы 1861 года и крестьянской реформы в Царстве Польском в 1864 году; знаком с Ю.Ф. Самариным со второй половины 1840-х годов по службе в Министерстве внутренних дел, особенно сблизились Самарин и Милютин в процессе работы в Редакционных комиссиях. Близкие отношения сохранялись вплоть до конца жизни Милютина – о чем свидетельствует в частности и данная переписка.

[4] Аксаков Иван Сергеевич (26.IX.1823 – 27.I.1886) – один из наиболее ярких представителей второго поколения славянофильства, в рассматриваемое время – издатель и редактор газеты «День» (1861–1865). Упоминаемое письмо сохранилось и опубликовано [см. 1, с. 182–186, письмо от 31 мая 1864 года]. Самарин отвечал на него за день до комментируемого письма – ответ помечен 10/22.VI. 1864 г. [1, с. 187–191].

ванн и кончить купаньем в море. Может быть он и прав. Во всяком случае, я поступлю как приказано, но не знаю еще не съезжу ли я перед поездкою в Рагац, в Англию, на короткий срок. Это будет зависеть от ответа, которого я жду от Смирновой. Во всяком случае, по получении этого письма, напиши мне один раз в Берлин, hotel du Nord. Я уже распоряжусь, чтоб мне переслали, а потом не пишите до получения от меня другого письма и адреса. У глазного врача я еще не был, поеду завтра.

В Варшаву решительно переезжает целая колония Русских. Кроме Кошелева[1], туда же назначен Соловьев[2] и еще двое русских (в том числе один немец) из Петербурга. Мне сообщает Милютин и Черкасская любопытные известия из Варшавы, между прочим выписку из статьи «Часа» (это самый злой орган Польской пропаганды издающийся в Австрии) о действиях комиссий, приводящих в исполнение положение о крестьянах: «Удивительное дело! Исполнение Указов 19 Февраля[3] приняла на себя не администрация, а *школа*. Эта школа действует с полною систематичностью и на этот раз нельзя сказать того, что так часто повторялось, а именно, что Русский абсолютизм побеждается подкупом. Комиссии, отряженные для исполнения указов, составлены, как нас извещают, из людей независимых, относительно образованных и большею частью даже приветливых и т.д.».

Потом следуют упреки, отчего члены Комиссий не останавливаются в помещичьих домах и отказываются от угощений. Впрочем, вообще акции Поляков и здесь, повсеместно упали. – Их дело считается проигранным, никто даже об них не жалеет и только молодежь (здешние нигилисты, особенно в Праге) тянет к ним всеми своими сочувствиями и то только потому, что видит в них самую добротную революционную закваску посредством которой можно всякое смешение квасить. – Я провел время в Праге очень приятно; в Дрездене я прожил не долго, всего три дня. Все особенности, которыми отличаются города и земли, через которые я проезжал, исчезают для меня перед резкою противоположностью здешнего быта, то есть заграницы вообще перед нашим.

Если хочешь знать мои впечатления и выводы, я могу их выразить в трех пунктах:

1) Изумительное упрощение всех механических приемов и вследствие этого, громадное сокращение сил и сбережение времени и труда. Это поражает на каждом шагу, при виде любого орудия, самого простого, ворота, тачки, рычага, подводы, не говоря уже о прислуге. Из этих мелочей, помноженных на число рабочих и часов, слагаются страшные капиталы, которые здесь сберегаются, у нас пропадают даром.

2) Общедоступность и приспособленность к самым скудным средствам множества самых разнообразных удобств, наслаждений, удовольствий и поучений, которых у нас или вовсе нет, или есть для немногих. В тот день как я был в Пражском Музеуме, по залам расхаживала толпа мужиков, которые приехали в город с навозом (с постоялых дворов) и в свободную минуту пришли посмотреть на старинные оружия, иконы и портреты. Их водил и гостеприимно объяснял каждую вещь не какой-нибудь инвалид, а директор Музеума, один из первых Чешских филологов. В Вене я шатался по загородным, народным гуляньям и видел, как тысячи чернорабочих, молча, с напряженным вниманием слушали великолепную музыку.

[1] Соловьев Яков Александрович (16.X.1820 – 11.XII.1876) – член Редакционных комиссий, во время работы в них тесно сошедшийся с Самариным, с 1864 года – член Учредительного комитета по крестьянскому делу в Царстве Польском и председатель комиссии по крестьянским делам.

[2] Кошелев Александр Иванович (9.V.1806 –12.XI.1883) – славянофил, откупщик, издатель «Московского сборника» (1852), журналов «Русская беседа» (1856–1860) и «Сельское благоустройство» (1858–1859), в 1864–1866 – член Учредительного комитета в Царстве Польском, автор «Записок», изданных посмертно [см. 6].

[3] Имеются в виду четыре указа от 19 февраля 1864 года: «Об устройстве крестьян», «Об устройстве сельских гмин», «О ликвидационной комиссии» и «О порядке введения в действие новых крестьянских постановлений», которыми вводилась аграрная реформа в Царстве Польском, лишившая польских мятежников социальной базы в деревне.

Наконец, третье:

3) Высокое развитие нравственности, не в смысле свободного побуждения, которого корень в сознании и совести, а в смысле целой совокупности *житейских* условий, вошедших в привычку, которым все безусловно подчиняются, без всякой заслуги, без усилия, сами того не сознавая. Это, разумеется, не подвиг личный, а подвиг целого общества, никому в особенности не принадлежащий и потому вовсе не ручательство за чистоту личных побуждений, но это признак все-таки нравственности *общественной;* я разумею: чувство приличия, уважения к чужому праву, к чужой мысли, в особенности уважение к женщине, даже отношу сюда потребность порядка и чистоты. Во всем этот мечется в глаза наша отсталость, происходящая от нашей лени, распущенности, дряблости, от скудости потребностей и от какой-то невзыскательности нашей к себе и к другим, которую, к несчастью, многие еще принимают за смирение и любовь к ближним. Я удивляюсь только одному: как это люди живут за границею по целым годам, высмотрят все капители, орнаменты, пересчитают все столбы, а этого не заметят и не почувствуют.

– Как ты устроилась с своими домашними дрязгами? Каков Федя[1], как идут уроки? Покупать ли в самом деле ружье для Николая Васильевича? Нежно обнимаю тебя, Маменьку и Федю. Судя по письмам Маменьки и Кн. Черкасской, я воображаю сколько будет хлопот с О<льгою> Ф<едоровною> К<ошелевой> и как трудно будет ее осадить в Варшаве. К безграничной глупости у нее присоединется еще другой порок – необыкновенное усердие ко всему. Дочь она сбыла, теперь руки чешутся, а муж перед нею пасует.

Ю. Самарин.

№ 4

Берлин, 26 (14) июня 1864 года

Берлин. 26 Июня 1864 г.

Dearest Mary, я тебе писал третьего дня и сообщил тебе о моих намерениях. Теперь они отчасти изменились. Я был у здешнего знаменитого глазного врача *Грефе*, которого мне рекомендовали в Москве. Осмотрев мой глаз, он нашел онемение (т.е. паралич) не главного глазного нерва, а разветвления его и, хотя подает очень мало надежды на выздоровление, однако настаивает на том, чтобы сделать опыт самого простого, наружного лечения.

Отказаться от этого было бы неблагоразумно, и потому через три дня я перебираюсь к нему в клинику. Лечение, предпринимаемое в виде опыта, продолжится недолго, не более <пропуск в тексте>; следовательно, на столько отсрочится необходимость отъезда в Рагац. Беспокоиться решительно нет причины; напротив, по крайней мере, здесь мне подают на счет моего глаза хоть какую-нибудь, хотя слабую надежду, а в Москве никакой; однако, зная характер Маменьки и ее склонность к беспокойству, я буду писать чаще прежнего, через два дня. Продолжайте адресовать по-прежнему в Берлин, unter den Linden, hotel du Nord. Обнимаю маменьку, тебя и всех.

Ю. Самарин.

№ 5

Лондон, 23 (11) июля 1864 года

Лондон 23/11 Июля 1864.

Пишу тебе два слова, dearest Mary. Ты получишь это письмо вероятно незадолго до 22 по старому стилю. Поздравляю и обнимаю тебя. Завтра утром рано выезжаю из Лондона, опять на Дувр, Кале, Кёльн и не останавливаясь в Рагац. От Смирновой получил два дня тому назад письмо от Ма-

[1] Соллогуб Федор Львович, гр. (1848–1890) – единственный ребенок гр. Марии Федоровны Соллогуб. В дальнейшем – известный русский художник, работавший в основном в театре, а также выступавший как актер и поэт-любитель.

меньки, Мити и Николая Ивановича. Благодарю всех и всем буду отвечать на досуге из Рагаца.

Теперь мне предстоят счет, расчеты, уклада и пр. Нынче я угощал обедом Е.И. Попова[1]; он поручает мне кланяться тебе и Маменьке. С Герценом я простился сию минуту[2].

Нежно обнимаю тебя, Маменьку, Федю и всех, кроме Вареньки Хмелевой.

Ю. Самарин.

№ 6

Рагац, 26 (16) июля 1864 года

Рагац 28/16 Июля 1864 г.

Dearest Mary, сегодня утром я приехал к месту моего назначения и поспешаю Вас об этом уведомить и сообщить Вам мой адрес, чтобы Вы могли тотчас же мне написать; прошу об этом тебя, Маменьку и всех у кого есть свободная минута. Более одного оборота из Рагаца в Серпухов и обратно, пока я здесь, почта не сделает; поэтому я желал бы, чтоб Вы воспользовались этим временем. После, я недели две употреблю на странствование по Швейцарии пешком; тогда письма за мною не угонятся. Вот адрес: Schwiz, St. Gallen, Ragatz, Tamina-hôtel. Я простился с Англиею без всякого сожаления и едва ли когда-нибудь туда вернусь. Во-первых, я страшно исхарчился; во-вторых, все меня надували, портной, рубашечники, ножевщик или вовсе не исполнили моих заказов или поставили мне такую дрянь, что совестно везти в Россию. Честно и приветливо поступили со мною только оружейник, который за то слупил с меня 100 фун. стерл. и сапожник, от которого я получил произведение на таких подошвах, что можно бы испытывать броненосные суда. Твой хваленый Торкай мне не показался. Начиная с того, что

[1] Священник русской православной церкви в Лондоне (с 1840 до кончины, последовавшей в 1875 году).

[2] Об обстоятельствах свидания с Герценом см. [19].

О Герцене Самарин вспоминал и размышлял в последний месяц перед смертью – брату Дмитрию он писал из Берлина 7 января 1876 года: «Здесь вышло довольно много русских книг, в том числе первый том полных сочинений Герцена, именно подробный его дневник, веденный им в Москве, в сороковых годах, о котором кажется никто ничего не знал даже из близких его друзей. Читая его, я пережил опять целое четырехлетие бесконечных диспутов, стараний обратить друг друга, потом помириться на чем-нибудь, потом размежеваться и разойтись в мире. Кончились эти опыты тем, что мы действительно разошлись, но не в мире – так и следовало ожидать. Для этой книги остались теперь два читателя: Авдотья Петровна Елагина и я, пожалуй, по преданиям, оценит ее еще И. Аксаков. В ней как бы три полосы: отчеты и рассуждения о прочитанных книгах, которых он поглощал огромное количество (философских, исторических, о социализме и всяких); рядом идут характеристики противников и друзей и рассказы об них; тут же являюсь на сцену и я. Он очень верно и сразу усмотрел непримиримость двух начал, на которых покойный Аксаков и я строили в то время православно-Русский Гегелианизм. Меня он считал из всех Славянофилов наименее зараженным (по его понятиям) и наиболее способным своротить на ту дорогу, которую он считал путем к спасению. В этой аттестации я нахожу заслуженное осуждение. Самая интересная тема в записках – это его семейный быт и отношения к жене. Тут начало семейной драмы, погубившей обоих. Эти отношения выступают ярко, хотя в полунамеках; в психическом анализе много теплоты и правды и нет обычной замашки доводить изображения до карикатурности. Он изменил жене, которую любил душою, не переставал никогда любить и которая принесла ему в жертву все, под влиянием чисто плотской страсти. Она это узнала. Он плакал, каялся, просил прощения и она простила всецело, безоговорочно, но забыть не могла. Что-то между ними порвалось навсегда; единство и цельность жизни вдвоем были безвозвратно нарушены. И он до конца не мог этого понять! Когда он читал в ее чертах внутренний плач и вечный траур по чему-то, ему казалось, что она не вполне его простила! – Человек не признавал святости брака, а дневник его самая убедительная и трогательная апология этой святыни. Не постигаю толком, как решились наследники пустить ее в продажу. Сам он пришел бы от этого в ужас. Вообще впечатление остается такое: душа человека, запросы и порывы были далеко шире, глубже и лучше системы, в которую он втискал жизнь свою. Аксаков, именно он, мог бы по поводу этого дневника написать отличную этюду о Герцене, как о типическом лице. Я бы кое на что указал ему» [26].

на Лондонской станции железной дороги у меня взяли чемодан и не выдали билета – такое у них заведение, а когда я приехал в Торкай и начался разбор вещей, чемодана не оказалась. Его провезли чуть ли не в Эдинбург, так что я двое суток оставался без белья; вдобавок, меня хотели уверить, что я во всем виноват, а Смирнова утешала меня тем, что то же самое случилось с пятью пассажирами из десяти. При отъезде из Лондона, я потребовал билета вплоть до Кельна; мне всучили два и взяли двойную цену; я хватился уже в Vervier и протестовал; обещали выслать перебранные три фун. стерл. в Рагац, но я уверен, что меня надуют. В Торкае хорошо только одно, именно то, что не может быть дурно, чего не исказит никакое безвкусие – это море. Но как же сравнить его с Адриатикою, в Триесте, в Поле, даже с Lido в Венеции. На остальное и глядеть нечего.

Английский ландшафт, разбитый на квадраты, обсаженные колючею живою изгородью и засеянные пшеницею, картофелем и клевером, походит совершенно на шашечную доску и неприятно режет глаз регулярностью своею и резкою пестротою; в скверах, на хваленых лугах и выгонах, ни травинки; все посохло, выгорело и побурело. Лондона в целости нельзя оглядеть; я имел глупость взобраться на колонну Герцога Йоркского, вообразив себе, что из-под его бронзового каблука увижу Лондон; вместо того, я увидал никогда не расходящуюся тучу копоти и дыма. Смирнова от всего этого в восторге; я с нею бранился двое суток; все ее понятия помутились; вдобавок, она сделалась раздражительная (le sentiment d'une vie manquée[1]), усердно посещает Английскую Церковь, читает Библию в Английском переводе, глумится при сыне своем над обрядами нашей Церкви и сокрушается, что из этого мальчика, в 17 лет, вышел разочарованный и ни во что не верующий нигилист. По возвращении из Торкая, я провел два дня с Герценым. От этого свидания впечатление осталось во мне тоже не радостное. Я не щадил его. В два вечера, я растолковал ему, что под ним нет почвы и что поэтому вся его проповедь лихорадочный бред, что смешно, в одно и то же время, становиться под знамя материализма, отрицать свободу воли и в то же время, в каждом № Колокола, совершать над живыми людьми страшный суд, одних венчать, других проклинать, наконец я раскрыл перед ним нравственный и умственный упадок того поколения, которое он растлил, и старался пробудить в нем сознание того зла, за которое он более всех будет в ответе.

Je doute qu'on lui ait jamais dit des choses aussi du resanec moins de ménagement[2]. Иногда он шипел от злобы, иногда лицо его принимало такое грустное выражение, что мне становилось жалко. Он отбивался как мог, но никого не отстаивал из прежних убеждений своих, всем жертвовал. Tout ce qui était conviction, croyance on etrainement s'est affaissé sous le poids d'un désenchantement qui u'arien laisse de bout; ilu'est plus révolutionnaire que par tempéramnet et c'est pour cele que je le crois incurable[3]. Слова мои произвели действие, но прока никакого не будет. Громадное, избалованное самолюбие и привычка поносить, сделавшиеся потребностью организма, не дадут ему одуматься. Он хотел мне писать и просит ответа; придется еще раз на бумаге повторить ему то, что я ему говорил на словах после этого, вероятно, мы навсегда расстанемся.

После Лондонской копоти и трескотни, после скучного, в скверную погоду переезда по знакомой дороге до Базеля, я с невыразимым удовольствием увидал дивные озера, Цюрихское и Боденское, горы, скалы, роскошные луга, тонкие облака, обвивающиеся вершины грозных утесов и толстощекие глупые рожи добродушных Швейцарцев. Они все глупы, даже очень глупы; во всей Швейцарии нет умного лица, но на кой черт ум, при такой об-

[1] Чувство пропущенной/упущенной жизни (*фр.*).

[2] Сомневаюсь, чтобы ему когда-либо говорили такие суровые вещи столь прямо (*фр.*).

[3] Все, что было убеждением, верой и верой в себя, рухнуло под тяжестью разочарования, которое не оставило стоять ничего стоящего; это более революционно, чем позволяет его характер, и я уверен, что это неизлечимо (*фр.*).

становке, когда жизнь дается так легко, когда на каждом шагу природа дает человеку даровое, народное представление, возбуждая в нем только деятельность и глаз и усыпляя мысль. Ныне после обеда я уже успел сходить пешком в горы и спуститься в ущелье, где находится водоем целебного источника. Это расселина в скале, громадная трещина, глубиною с Александровскую колонну, куда местами только и то едва проникает свет – настоящая преисподняя; к источнику пробираются с факелом, по темному коридору, высеченному в скале; температура как в бане, но вода далеко не так горяча, как я думал. Завтра я начну купанье, раз в день и не более как на $^1/_4$ часа.

Великой Княгини еще нет. Ждут ее дня через три. Мне хотелось еще кое о чем с тобой переговорить, но лучше до другого раза. Кажется (как бы не сглазить!) судя по твоим и Маменькиным письмам, что Федя *серьезно* поправился. Физика свое дело сделала и слава Богу; надобно бы теперь несколько оживить дух. У него замечательный недостаток воображения, поэтической струны и одушевления. Микроскоп, ботаника, зоология этого не дадут. Постарайся пробудить в нем художественное чувство. Хоть бы он пристрастился к какой-нибудь исторической личности. Дай ему прочесть романы Загоскина и один или два романа Вальтер-Скотта. При его темпераменте, при охоте, игре в бабки и т.п. нет причины опасаться, чтоб разыгралось черезчур воображение. Не мешало бы ему тоже прочесть две три классические книги по части повествовательной истории, напр., La conquête del'Angleter repar les Normands d'Augustin Thierry[1], Macaulay la revolution d'Angleterre[2] и т.п.

Николаю Ивановичу я буду писать на днях. Скажи ему, что за 50 р. ружья достать нельзя; я же в Бельгию едва ли попаду. Но мы сделаем иначе. Я отниму у Феди то ружье, которое я подарил ему и передам его Николаю Ивановичу, а Феде подарю ружье из своих; они же мне все теперь не годятся, так как правый мой глаз вышел не спросясь в отставку. И так, я жду писем поскорее, в Рагац. Неужели Николенька не догадается мне написать. Досуга у него довольно, а я не могу же писать ко всем. Нежно обнимаю тебя, Маменьку и всех. Лечение мое в Рагаце продлится недели с три. В это время, на досуге, хочу заняться биографиею Хомякова[3].

Ю. Самарин[4].

[1] Histoire de la conquête de l'Angleter reparl es Normands («История завоевания Англии норманнами») Огюстена Тьерри, 1825.

[2] The History of England from the Accession of James the Second, Томаса Бабингтона Маколея (1848–1859). Видимо, имеются в виду два первых тома, опубликованные в 1848 году и посвященные изложению событий «славной революции» и ее предпосылок.

[3] Замысел этот, к которому Самарин неоднократно возвращался, не был осуществлен – наиболее полной работой Самарина, посвященной Хомякову, стала статья о богословских взглядах последнего, опубликованная во втором томе «Собрания сочинений» Хомякова, изданного в Праге в 1867 году.

[4] О своем заграничном пребывании и, в частности, о полемике с Герценом Самарин писал брату Дмитрию Федоровичу 4 августа (23 июля) 1864 года из Рагаца: «Любезный Митя, я получил твое письмо от 11 июля. Это еще не ответ на записку, которую я тебе переслал через Маминьку; все-таки я не знаю во что, хоть приблизительно, обошлась постройка завода и главное – каковы были выходы: высший, низший и средний за весь период винокурения.

Ты пишешь под влиянием разочарования от разных хозяйственных неудач. Это неизбежно; первые два года тебя избаловали; теперь ты испытываешь общую долю. Конечно, теперь предстоит решить нелегкую задачу, такую, которая не дается ни вдохновению, ни умозрению, для которой даже чужой опыт не может иметь решительного значения. Добраться до разрешения можно только ощупью. Надобно найти хозяйственную формулу, такую, которая бы была приспособлена к теперешним, переходным обстоятельствам и в то же время оставляла бы возможность, без большого труда, изменить и расширить эту формулу, когда местные обстоятельства окончательно установятся. Ты слишком исключительно устремил внимание свое на трудности настоящей, переходной минуты и оттого пришел к заключению, что надобно упразднить овцеводство, прекратить запашку и ограничиться сдачею земли и покупкою скота для перепродажи, нагульного. По мне, ни того, ни другого прекращать и упразднять не следует, а надобно только ограничить, т.е. сократить размеры овцеводства и запашку на сколько потребуется, хотя бы на $^2/_3$ или даже на $^3/_4$ и поддерживать обе части в малых размерах, хотя бы даже от них не было барыша. Нельзя же в самом деле остановиться на той мысли, что в нашем крае

№ 7

Рагац, 12 августа (31 июля) 1864 года

Рагац 12 Авг. 1864.

Dearest Mary, не могу постигнуть отчего до сих пор не получил я от Вас в Рагаце ни одного письма. Я писал отсюда уже два раза, в последних числах Июля и в первой неделе Августа. Нового сказать нечего. Я чувствую себя также хорошо как вообще с тех пор как я за границею, ни лучше, ни хуже; ежедневно беру ванны, не без удовольствия, но не замечаю от них решительно никакого действия. Сплю отлично, нервы в спокойном состоянии, аппетит есть, хожу без устали. Чего же лучше!

хлебопашество и овцеводство окупиться не может. Напротив, оно должно окупиться и дать выгоду, и потому нельзя бросать этих заведений, когда они есть, особенно овцеводство. Если тебя затрудняет прокорм 12 т. голов, ставь 6–5 тысяч отборных eine stammhe erde, как ядро для будущего. Надобно только строже браковать и сортировать; Иван мне писал из Москвы, что нынешней присылки шерсть находят много хуже прежней.

Что касается до хлебопашества, то пора же наконец подумать и о другой системе. Я слышал двадцать раз, что в нашей местности удобрение невозможно, что хлеб выгорает и т.п., но опытов никто не делал или делались они без толку. Вот чем необходимо заниматься рационально, разумеется не в одном, а в 3х или 4х местах и в малых размерах. Надобно испробовать разные способы удобрения, в особенности вывозку и раскидку навоза под снег, позднею осенью; тогда хлеб выгорать не будет; наконец нет никакой надобности сеять по свежему навозу просо или пшеницу, а надобно испробовать кормовые травы. Клевер у нас не пойдет; но тимофеевка не боится засухи, вовсе не нежна, плодится несколько лет к ряду и я думаю у нас должна удаться. Это самая интересная задача в сельском хозяйстве.

Что касается до винокурения, то тут опять вопрос только в размере. Никто не докажет, ниже опыт нескольких лет, чтоб оно решительно и безусловно было у нас невозможно; напротив; но надобно сократить размер его и приспособиться к местной нормальной потребности. Лихорадочное, вышедшее из всякой меры потребление 1862 и 1863 годов многих обмануло; в нынешнем году, не говоря уже о чрезмерной конкуренции, вследствие усиленного производства, самое потребление, по свидетельству всех заводчиков (в том числе Кошелева) значительно уменьшилось, так что казна далеко не получит прошлогодней выручки.

На уступку пристани Анненским крестьянам я никак не могу согласиться. Во-первых, так как они уже на оброке, то я не вижу никакой надобности торопить выкуп. Во-вторых, после всего, что было говорено и толковано, уступка произвела бы сквернейший эффект и подорвала бы всякую веру в силу и прочность уставных грамот. В третьих, эта уступка, даже со всевозможными оговорками о неприкосновенности бечевника, о праве всех и каждого пользоваться им с указаниями на закон и т.д. все-таки была бы понята и принята крестьянами как победа и исполнение их желания: присвоить берег себе и обратить его в оброчную статью. Их право на пользование берегом, как водопоем, дало бы повод к придиркам и прижимкам всякого рода. Отсюда вечные споры, жалобы и тяжбы, то есть результат прямо противоположный тому, которого ты желаешь избегнуть.

Я был в Вене, в Триесте, в Поле, в Венеции, опять в Вене, в Праге, объехал часть Богемии, был в Дрездене, Берлине, Лондоне, Торкай, теперь я в Рагаце, беру горячие ванны. Я не передаю тебе никаких подробностей, ни впечатлений, потому что подробно обо всем писал Маминьке и Маше. Ванны не производят на меня никакого действия, хотя считаются очень сильным средством. Значит организм переносит их хорошо, а будет ли польза – неизвестно.

Греффе, у которого я лечился в клинике в Берлине, отпустил меня с решительным приговором, что правый мой глаз поражен параличом.

Впрочем я могу сказать, что с тех пор как я за границею, мне положительно *не* хуже, следовательно, в этом отношении лучше чем я ожидал. Здесь местность великолепная, климат отличный, воздух дивный и я целый день брожу по горам. Ноги служат хорошо. Занимаюсь я только писанием писем. Теперь меня затягивает в письменное состязание Герцен. Я с ним виделся в Лондоне и не пощадил его. Иногда он шипел, как змея, когда я наступал ногою на его громадное самолюбие. Обратить его я, разумеется, не надеюсь, но может быть удастся сдержать его и заставить одуматься. Хочу, на досуге, во время купанья в Рагаце и после в море, привести в порядок письма Хомякова, связать их моими воспоминаниями и составить если не биографию, то опыт характеристики. Больше ничем я не занимаюсь. Из Варшавы известия благоприятны. Петя и Лина довольны своим пребыванием, Кошелев работает, приводит всех в трепет своим голосом, задает обеды и земли под собою не чует. Между прочим он тоже лишился глаза от паралича.

Прощай, будь здоров и не унывай. Обнимаю тебя, Вариньку и детей. Теперь в Рагаце Великая Княгиня Елена Павловна, Свербеев, на днях ждут Муравьева-Амурского и Титова. Компании довольно.

Юрий Самарин.

P.S. Пиши через Маминьку или Машу. Это вернее» [27].

Русских здесь пропасть: не говорю о Великой Княгине[1], которая принимает ежедневно, утром и вечером и совершенно запросто, здесь Свербеевы[2], Столыпина (урожденная Сверчкова)[3], Озерова[4,] Штакельберг[5] (который в старину часто у нас бывал), Муравьев-Амурский[6] и т.д. Вчера приехал граф Киселев[7], бывший посол в Париже.

Здесь в первый раз увидал я русские газеты и получаю их теперь постоянно от Великой Княгини.

Развлечения столько, что если б и была охота к кабинетным занятиям, то не достало бы времени.

Думаю пробыть здесь еще дней 10. Потом пишите в Париж *posterestante*[8].

Нежно обнимаю тебя, Маменьку и всех. Если я через три дня не получу от Вас письма, то отправлю телеграмму. На всякий случай, еще раз посылаю адрес: Ragatz, Canton St. Gallen, Hôtell Anderes. *Suisse*

№ 8

Рагац, 18 (6) августа, 1864 года

Рагац. Кажется 18 Авг. 1864 г.

Dearest Mary, третьего дня получил я твое письмо, при котором ты переслала мне Митино письмо.

Вероятно он уже теперь в дороге или собирается в путь; во всяком случае, он так тянул и медлил, что уж теперь и отвечать нечего. Это письмо *последнее* из Рагаца. Еще пять, много шесть ванн и я отправлюсь бродить по Швейцарии, вероятно в компании Титова, нашего посланника в Штутгарте[9], а может быть и Штакельберга, бывшего Туринского, а ныне Венского нашего посланника. Я чувствую себя совершенно здоровым, хожу, сплю, ем хорошо, нервы в порядке, приливов нет, но действия от ванн решительно никакого, quien bien, quien mal. Уверяют, что это хорошо, как признак, что ванны пришлись мне по темпераменту и переносятся хорошо.

Вчера получил я письмо от Енихена. Он, между прочим, пишет мне о Маменькиной болезни. Только теперь узнал я в чем было дело. Quel que foiscettemala die est excessinement douloureuse. Estelle bien passée?[10]

Русская колония все умножается; на днях приезжали и *уже уехали Шестаков, моряк, с женою. Всякий день обедаю я с Муравьевыми (Амур-*

[1] Великая княгиня Елена Павловна, до принятия православия принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская (Friederike Charlotte Marie Prinzessin von Württemberg; 28.XII.1806/9.I.1807 – 9.I.1873) – вдова великого князя Михаила Павловича (28.I.1798 – 28.VIII.1849), имела большое влияние на политику Российской империи в 1850-х – начале 1860-х годов, ее салон считался, с полным на то основанием, одним из центров выработки и поддержки «великих реформ».

[2] Свербеев Дмитрий Николаевич (8.IX.1799 – 13.II.1874) – известный мемуарист [см. 15], и его жена, Екатерина Александровна, урожд. Щербатова (1808–1892).

[3] Столыпина Мария Алексеевна, урожд. Сверчкова (16.VI.1822 – 12.XII.1893) – жена Николая Аркадьевича Столыпина (27.VI.1814 – 1.II.1884).

[4] Озерова Наталья Андреевна (урожд. Оболенская, 1812–1901) – жена генерала Сергея Петровича Озерова (1809–1884).

[5] Штакельберг Эрнест Густавович (1813–1870) – сын Отто Густавовича (Отто Магнуса) Штакельберга (1766–1850), гр., посланника при Неаполитанском дворе (1818–1835); генерал-майор, писатель, дипломат, посланник при Туринском дворе, затем – при Итальянском (1856–1864), в дальнейшем – посол во Франции (1868–1870). См. подробнее [20].

[6] Муравьев-Амурский Николай Николаевич, гр. (11.VIII.1809 – 18.XI.1881) – генерал-губернатор Восточной Сибири с 1847 по 1861 год.

[7] Киселев Павел Дмитриевич, гр. (8.I.1788 – 14.XI.1872) – министр государственных имуществ (183–1856), посол во Франции (1856–1862), дядя братьев Милютиных.

[8] До востребования (*фр.*).

[9] Титов Владимир Павлович (28.II.1807–15.IX.1891) – племянник Д.В. Дашкова (члена литературного общества «Арзамас», министра юстиции в 1832–1839), в 1840–1853 – посол в Константинополе, в 1858–1865 – посланник в Штутарте.

[10] Иногда это заболевание чрезмерно болезненно. Оно благополучно прошло? (*фр.*)

скими), Озеровыми и Путятами[1]. *Старик Свербеев нынче выехал обратно в Россию.*

Женатый сын его[2] и дочь[3] остаются за границею. С гр. Киселевым мы живем душа в душу, с Великою Княгинею видаюсь ежедневно. Бар. Раден[4] посылает тебе дружеский поклон; Великая Княгиня тебе кланяется и посылает прилагаемую карточку.

Я еще сам не знаю куда поеду купаться в море после прогулки по Швейцарии, говорят – в Dieppe или Ostende будет поздно, может быть поеду в окрестности Биарица.

Адресуйте в Париж *posterestante*. Нежно обнимаю тебя и Маменьку. Надеюсь до отъезда получить еще письмо.

Ю. Самарин.

№ 9

Остенде, 19 (7) сентября 1864 года

Ostende 19/7 Sept. 1864.

Dearest Mary, я давно собирался отвечать тебе на последнее твое письмо, беспрестанные передвижения развлекали меня и не оставляли досуга.

Сколько бы не предстояло тебе хлопот и неприятностей, как бы смешны и уродливы не выходили первые попытки всякой начинающейся у нас общественной деятельности, я все-таки радуюсь тому, что кроме домашних занятий, ты нашла себе другое дело в устройстве школы. Радуюсь я этому, во-первых, потому, что скоро Федя, как говорят Немцы, <4 сл. нрзб.>, а во-вторых еще и потому, что устройство школ, приютов, больниц и более всего распространение грамотности и *книги* по преимуществу, то есть Библии, составляет самую настоятельную потребность настоящей минуты. Мы воображали себе, что у нас была в запасе и наготове бездна сил, сдавленных и сдержанных внешним гнетом; гнет ослабел, дали некоторый простор и оказалось, что мы не в состоянии им воспользоваться. Оставалась одна отговорка – недостаточность учреждений и принялись за преобразование учреждений, но скоро опыт убедил нас, что всякое осуществленное или задуманное преобразование сводилось окончательно к новому запросу на частную, незаказную деятельность. А ее-то у нас и нет. Два года, проведенные мною в Самаре[5] в ежедневных сношениях с людьми всевозможных разборов, убедили меня в том, что пора законодательства органического далеко еще не наступила для нас и что задача настоящей минуты требует от нас совершенно иного. Прежде чем думать о постройках и изобретать планы разных соображений, надобно заготовить материал, то есть лепить и обжигать кирпичи, поштучно. Под кирпичами я разумею людей. Это дело не Правительства и не земства, а частных лиц, дело каждого в той микроскопической среде, до границы которой хватает личное его влияние, действие его примера, его слова, его инициативы. Такого рода деятельность доступна всякому при одном лишь условии: нужно искренно почувствовать свое отношение к обществу и свою долю личной ответственности за то, что делается и что не делается в обществе. Эта деятельность важна и плодотворна даже независимо от тех

[1] Путянин Евфимий Васильевич, гр. (8.XI.1803 – 16.X.1883) – адмирал, дипломат, в 1861–1862 – министр народного просвещения. Женат (1845) на Марии Васильевне Ноульс (Mary Knowles; 19.V.1822 – 1879).

[2] Свербеев Александр Дмитриевич (25.III.1835 – 9.V.1917) – женат (с 1858) на графине Вере Федоровне Менгден (1840–1913), в дальнейшем в 1868–1878 – костромской вице-губернатор, в 1878–1891 – самарский губернатор.

[3] Вероятно, имеется в виду Софья Дмитриевна Свербеева (1843–1903), оставшаяся незамужней и жившая вместе с отцом и матерью.

[4] Раден Эдита Федоровна фон, баронесса (1825–1885) – фрейлина великой княгини Елены Павловны. Переписка Самарина с Раден не так давно переиздана в русском переводе [14].

[5] В 1861 году Самарин занимал должность члена губернского по крестьянским делам присутствия в Самаре [подробнее см. 11, с. 149–160].

прямых последствий, которых мы в праве от нее ожидать, важна тем, что нарушает самодовольный застой и общественную спячку, нашу народную язву. Мы напрасно думаем, что пробуждение одного, другого и третьего ничего не значит в массе. Один выбывающей partner расстраивает целую партию и нарушает в своей, разумеется тесной, среде обычный ход жизни, если только можно назвать это жизнью. Присмотревшись к заграничному быту, я еще более в этом убедился. Все здесь растет, тянется вверх и лезет вперед, у нас все дремлет, ворчит сквозь сон и кутается в одеяло. Это бросается в глаза и ощущается на каждом шагу. Не понимаю, как можно этого не видеть или как можно, увидавши, толковать об учреждениях и ожидать от них спасения. Кстати о воспитании, достань и прочти недавно вышедшую книгу: Parisen Amerique par Laboulaye[1]. По форме, она имеет вид шутки, но в сущности гораздо серьезнее массы мнимо ученых и серьезных французских книг. Давно не читал я книги, в которой бы столько рассыпано было светлых и новых мыслей, значительно очищающих и расширяющих круг наших обычных понятий; хотя в ней есть две или три остроты, направленные против нас, однако я не думаю, чтобы она была у нас запрещена.

Справилась ли наконец Маменька с своим завещанием? Я разумеется ей об этом не писал и ничего писать не буду. А несчастный Симбирск опять выгорел дотла!

Прочел я новое положение о народных школах[2], произведение Головнина[3], приправленное покойным графом Блудовым. Нелепее, безобразнее, смешнее и недобросовестнее этого положения я давно ничего не читал. Я надеюсь воспользоваться месячным моим пребыванием в Остенде, чтоб издать в Русском тексте с Английским переводом Катехизис Хомякова[4]. Обнимаю тебя.

Ю. Самарин.

Мой адрес: Ostende, rue del' Eglise hotel Marion.

№ 10

Париж, 23 (11) ноября 1864 года

Париж 23/11 Ноября

Dearest Mary, давно не писал я к тебе и давно не имел писем от тебя; между тем, из двух, трех слов пророниенных Маменькою, я заключаю, что ты должно быть нездорова или, по крайней мере, что ты расстроена. Правда ли?

Ты, кажется, других лечила гомеопатиею, что бы тебе самой попробовать? Я уверен, что она тебя не вылечит, но облегчить может и во всяком случае никак уже не повредит. Помнится, мне очень хвалили в Москве одного гомеопата, родом Славянина, некоего *Боянуса*[5]; верно ты тоже об нем слышала. Он, между прочим, лечил и Аксаковых. Я знаю, что ты терпеть не можешь говорить и писать о себе, а в особенности о своих недугах,

[1] Paris en Amérique par le docteur René Lefebvre [de Laboulaye]. Paris, 1863.

[2] Имеется в виду «Положение о начальных народных училищах», утвержденное 14 июля 1864 года.

[3] Головнин Александр Васильевич (25.III.1821 – 3.XI.1886) – в 1861–1866 – министр народного просвещения.

[4] Под «Катехизисом» имеется в виду текст «Церковь одна», озаглавленный так самим Хомяковым, выдававшим его вначале за перевод с греческой рукописи.

В письме брату Дмитрию от 4 октября (22 сентября) 1864 года, отправленному из Брюсселя, Самарин писал: «После завтра я окончу здесь печатание брошюры Хомякова о Церкви на Английском языке и поеду в Париж. Здоровье мое удовлетворительнее, чем я ожидал. Положительной пользы от купанья в Рагаце и в море я, правда, не вижу; но с тех пор как я за границею, я ни разу не чувствовал приливов к голове, ни биения в сердце. Это уже много. Скверно только одно: не только правый глаз, который совсем уж мне не служит, но и левый начинает слабеть, так что я вынужденным нахожусь обращаться с ним бережно, долго к ряду не читать и т.д.» [28].

[5] Боянус Карл Карлович (5.IX.1818 – 28.V.1897) – врач-гомеопат, практиковал в Москве в 1863 – 1884 годах. Увлечение гомеопатией в целом свойственно славянофильскому кругу – в особенности А.С. Хомякову, активно выступавшему в качестве практикующего гомеопата.

однако я убедительно тебя прошу на сей раз преодолеть себя и написать мне откровенно, что с тобою делается. Я наперед расплатился взаимностью и постоянно уведомлял без всякой утайки обо всем, что до меня касалось; могу и теперь сказать, что я чувствую себя гораздо лучше чем об эту же пору в прошлом году, а именно: приливов крови к голове у меня не бывает вовсе, замирания сердца прекратились, аппетит хорош, сон покоен. С радостью передал бы я тебе все эти новоприобретенные блага; тебе они нужнее чем мне.

На днях я кончил довольно продолжительный и обстоятельный осмотр здешних тюремных и исправительных заведений; теперь я посещаю ежедневно судебные присутственные места, т.е. покуда только полицейские. Здесь проходят перед глазами, в живых образах, все недуги, нравственные болезни и заразы, вся изнанка общества. Все это на минуту всплывает на поверхность, заявить о себе грубым, задыхающимся, осиплым от вина голосом и опять опустится в преисподнюю, прихлопнутое тяжелым молотом судебного приговора. Мне хочется еще осмотреть больницы и училища, содержимые Монашескими орденами. О действиях этих Орденов, в особенности женских, как то: известных Сестер Милосердия и других, по уходу за больными, по воспитанию детей и увещанию заключенных, мне удалось собрать довольно любопытные сведения и очень для них неблагоприятные. Оказывается, что мы об них составляем себе совершенно фальшивое понятие.

Мое намерение было пробыть в Париже до открытия Законодательного собрания; но, говорят, что оно будет созвано не раньше как в конце января или в начале февраля. Так долго задерживаться здесь нельзя[1]. Все-таки надобно оставить месяца три на Италию, около месяца на обратный путь, а в апреле быть в Москве.

Каков Федя и как идут его уроки?

Крепко обнимаю тебя и ожидаю с нетерпением известий о твоем здоровье.

Ю. Самарин

P.S. Между нами будь сказано (не говори только Маменьке) ваша последняя телеграмма меня таки порядочно напугала; я получил ее в третьем часу пополуночи и вообразил себе, что непременно беда.

После я сам на себя досадовал: как до сих пор не привыкнуть к этому простому, удобному и скорому способу сообщения.

[1] Делясь с братом Дмитрием впечатлениями от парижской жизни, Самарин в письме от 19 (7) ноября 1864 года отмечал, в первую очередь явно имея в виду русские проблемы: «В Париже денежные дела теперь поправляются, т.е. вклады начали увеличиваться, ценность акций и всякого рода облигаций возвышается, учет понижается, но все еще жалуются на застой в предприятиях и торговле. Многие, и едва ли не самые дальновидные, приписывают общие опасения, сдерживающие все обороты, не только случайным обстоятельствам, но еще более тому, что Наполеон с каждым годом стареет. Все без исключений, в том числе и чиновный люд, твердо убеждены, что в день его смерти весь теперешний порядок вещей развалится, а что возникнет из развалин – этого никто не подозревает. В самом деле, до чего теперь натянуты все пружины и возжи, трудно себе представить. Надобно вникнуть в ход местного управления, в общинах (communes), кантонах, округах и департаментах. Начиная от какого-нибудь мера или garde-champet до префекта, все стянуто в одной руке, все говорит, движется, распоряжается в силу толчка, данного сверху; система политического подкупа и подчинения всех интересов и целей чисто политическим соображениям доведена до крайности. Никогда, ни одно правительство даже во Франции так далеко не запускало руки своей. Сознание самоответственности и гражданский смысл замерли во всех слоях общества. Внутренний порядок (разумея под порядком отсутствие баррикад и свалок на площадях) поддерживается с одной стороны систематичным отвлечением общественного внимания разными военными и дипломатическими предприятиями, а с другой громадным запросом на труд, который истрачивается казною на постройки, ломки и перестройки. Это те же ateliers nationaux 1848 года. Хуже всего то, что после ряда несчастных опытов, общество утратило всякую веру в зиждительную силу свободы. Боюсь я как огня этих преждевременных опытов» [29].

№ 11

Париж, 6 декабря (24 ноября) 1864 года

Париж. Rue Neuve St. Augustin 44

6 Дек. /24 Нояб. 1864.

Dearest Mary, на днях я получил от Маменьки письмо, в котором, между прочим, она пишет: “Marie a ete tressouff rante, elle dit qu'elle compte quitter Moscou a l'epoque”[1]. Меня это крайне удивляет; разве экзамены бывают теперь перед новым годом? Неужели для Феди уж наступил срок вступления в Университет; я все думал, что еще целый год впереди. Не ошиблась ли Маменька? Да и почему ты думаешь спрятаться от экзаменов? Себя ты этим не успокоишь, напротив; на расстоянии даже 80 верст от Москвы, нервы хуже разыграются; неизвестность, нетерпение и страх будут продолжительнее. Между тем, твой отъезд Федю обескуражит в такую минуту, когда ему всего более нужны будут ободрение и поддержка. Отнюдь не надобно представлять ему экзамена каким-то страшным и безапелляционным судом.

Пусть он имеет в виду, что можно и провалиться, но что затем, на другой год, Университет все-таки перед ним откроется. Жалею, что к тому времени меня не будет в Москве. Я все-таки хотел бы знать в точности, в какое именно время начнутся экзамены. Чтоб ободрить его, ты вероятно, прежде чем подвергать его публичному испытанию, пригласишь кого-нибудь из учителей или профессоров, проэкзаменовать его дома, как это в старину делалось для нас.

На днях приезжий из Петербурга Молер[2] привез мне письма и разные новости, теперь уже оглашенные, как напр. указ о Монастырях в Польше[3].

[1] Мари была очень больна, она говорит, что намеревается покинуть Москву на время (*фр.*).

[2] Вероятно, имеется в виду Александр Антонович Моллер (Moller, ? – 1879) – публицист, автор книги “Situation de la Poogneau 1-er Janvier 1865” (P., 1865).

[3] В подготовке указа Самарин оказывал посильную помощь Н.А. Милютину, в частности, в письме из Вены от 12 мая (30 апреля) 1864 года сообщая (поскольку письмо ранее не публиковалось, приведем его целиком):

«Вена, Мая 12, 1864.

Ваше поручение, любезнейший Николай Алексеевич, я выполнил насколько смог. Вместе с Раевским, мы перерыли все книжные лавки и убедили, что нет ни одного специального сочинения о Монастырях в Австрии. Мы нашли только указания, очень скудные, двух родов: правила об упразднении Монастырей по Каноническому праву и кое-какие исторические сведения о Церковных реформах Иосифа II. Все это Вы найдете в посылаемых трех сочинениях о Церковном праве, Гельферинга и Пахмана и в истории Иосифа II Рамсгорна. Первые три сочинения могут пригодиться и для вопросов о Патронатстве и о Церковной десятине. На обертках я отметил страницы, касающиеся Монастырей. Если Вам понадобятся сами декреты об упразднении Монастырей (перечень их Вы найдете в Handbruch Гельферина), то вы можете выписать их через М.Ф. Раевского. Я их не взял потому, что нельзя приобрести их порознь, а пришлось бы покупать целые тома Австр. полного собрания законов.

О патронатстве здесь есть специальное сочинение. Теперь этот вопрос на очереди в Нижней Австрии. Он обсуждался на Ландтаге, и Архиепископ Венский произвел впечатление либеральною речью в пользу права вмешательства светских властей в администрацию Церкви. Об этом упоминается в Fremolen blatt 7 Мая.

Униатские Монастыри упразднялись Правительством и понемногу упраздняются теперь, но совершенно не тем крутым и деспотическим способом, каким действовал Иосиф II под влиянием французской философии, которой он был поклонником. Теперь, разными соблазнами, подкупами, притеснениями всякого рода, Униатские Монахи вытесняются один за другим, и когда в обители останется не более трех, она закрывается по закону. Так, в самое последнее время, упразднено несколько Монастырей и это составляет один из предметов жалоб Униатов. Ненависть между ними и Латинским Клиром разжигается с каждым днем. Притязания обеих сторон доведены до крайности; есть партия между Униатами, которая формулирует следующим образом ту полную равноправность, которой требуют все Униаты и которая, en principe, обещана Римом при посвящении Литвинсвича: 1) чтобы попы выбирались поочередно из Латинян и из Униатов; 2) чтоб $^1/_2$ Кардиналов всегда была из Униатов. Вопрос Униатский (Церковный и народный) зашел так далеко, что уже никто не верит в возможность примирения. Римская Курия страшно боится отпадения.

От Ганилевича получен удовлетворительный ответ. Нынче с ним должен видеться Раевский. Он сам напишет Вам подробно о результатах совещания.

Меня убедительно зовут в Варшаву, но я откажусь. Мое настроение покончить служебную деятельность насколько хватит сил, удовольствоваться необязательными, литературными занятиями. Дней десять тому назад я кажется советовал тебе обратиться к гомеопатии, а вслед за тем получил от Виноградского[1] письмо, в котором он между пр. уведомляет меня, что ты уже взялась за это средство.

Напиши мне откровенно какова ты. Обнимаю нежно тебя, Маменьку и Федю. Да хранит Вас Бог.

Ю. Самарин.

№ 12

Париж, 14 (2) декабря 1864 года

Париж 14/2 Дек. 1864.

Dearest Mary, беспутный князь Николай Иванович Трубецкой[2], у которого я на днях обедал на даче, просил меня помочь ему в доставке прилагаемого письма на имя вдовы Валериана Голицына[3]. Оказывается, что он, по свойственной ему ветренности, состоя с нею в переписке, не знает адреса и подписывает: *в своем доме*. Надобно сознаться, что ни одна земля в мире таких шутов не выводит, как наша Русь. Тебе, впрочем, не трудно будет исполнить поручение, которое я на тебя возлагаю.

Мой образ жизни в Париже несколько расстраивается. Через Тургеневых[4] я познакомился невольно кое с кем, подъехал Молер, который не дает

Здесь в Вене получил я через посредство Чижова ответ Бабста на предложение, сделанное ему по поручению Черкасского. Посылаю Вам ответ в подлиннике.

Я познакомился на днях с двумя Венгерскими помещиками, сильно интересующимися положением крестьянского дела в России и в Польше. Один из них, родом Серб, знает по-Русски. Нынче, я читаю им лекцию и в обмен должен от них получить сведения о разверстании угодий и о выкупе сервитутов в Венгрии. Замечательно, что в Венгрии право крестьян на сервитуты не было отменено при выкупе земель, а сохранилось доныне и теперь только упраздняется на основании особого положения. Мне надавали писем к Венгерским помещикам, живущим постоянно в своих деревнях, и очень убеждают у них погостить. Может быть я это сделаю на обратном пути. К немалому удивлению узнал я, что вся Венгерская журналистика с самого начала относилась и теперь относится к Польскому вопросу совершенно нейтрально и вовсе не враждебно к России, тогда как Сербская, как известно, и большая часть Чешской, не отстают от Часа ни на шаг.

После завтра выезжаю отсюда в Триест, а оттуда в Венецию. Если Вы удосужитесь, то черкните мне несколько строк в Венецию, posterestante. Когда я выехал из Варшавы, отношения были натянуты, так что я с лихорадочным терпением буду ожидать хоть намека.

Дружески Вас обнимаю

Ю. Самарин.

P.S. Я обещал своему Венгерцу подарить ему IX том Св. Законов послед. издан. и те томы трудов Редакционных Комиссий, в которых напечатаны доклады Юридического и Административ. Отделений. Будьте так добры, отправьте все это в Вену на имя Михаила Федоровича Раевского» [30].

[1] Московский врач, лечивший семейство Самариных.

[2] Трубецкой Николай Иванович, кн. (12.II.1807 – 30.V.1874) – публицист (под псевдонимом М. Ольгердович). В начале 1840-х переселился во Францию, в 1843 году перешел в католичество.

[3] Голицын Валерьян Михайлович, кн. (23.IX.1803 – 8.X.1859) – участник декабристского выступления, осужден по VIII разряду, в 1829 году определен рядовым на Кавказ, в 1839-м уволен от службы по болезни, женился в 1842 году в Москве, после чего жил в Тульской губернии, с 1853 года разрешено жительство в Москве.

Вдова – Дарья Андреевна, урожд. кн. Ухтомская (19.III.1814 – 24.XII.1871).

[4] Тургенев Николай Иванович (12.X.1789 – 29.X.1871) – русский государственный деятель, экономист, участник декабристских обществ, десятилетия работавший над вопросом освобождения крестьян от крепостной зависимости. После событий 14 декабря 1825 года, находясь за границей, отказался возвращаться в Российскую империю, был амнистирован в 1856 году. Наибольшую известность имел написанный по-французски труд «Россия и русские» (1847, рус. пер. 2001). В 1833 году женился на Кларе Гастоновне де Виарис (2.XII(20.XI.) 1814 – 13(1).XII.1891). В глазах Самарина, как и других славянофилов, имел высокую репутацию, в первую очередь как один из первых приступивших к практической разработке решения крестьянского вопроса. Сохранилось, в част-

мне покоя, Муромцевы и т.д. В четверг, т.е. завтра, придется повязать белый галстук и ехать на вечер к Графине Feyronnet; отец ее мужа долго был послом в Петербурге[1]; она урожденная Англичанка, необыкновенно умна, даровита и даже хороша несмотря на то, что ей под 50 лет; кроме ряда замечательных критических статей, она произвела еще трех дочерей красавиц, полуфранцуженок, полуангличанок.

Недавно начались лекции; я посещаю два курса, Laboulaye о Монтескьё и Janet о современной философии. Раза два, три в неделю приходится обедать в гостях. В четверг отправляюсь на торжественное заседание в Институте.

Пожалуйста пиши мне почаще, хоть по нескольку строк о своем здоровье. Обнимаю нежно тебя и Маменьку.

№ 13

Париж, 4 января 1865 года (23 декабря 1864 года)

Париж. 4 Янв. / 23 Дек. 1864–1865.

Dearest Mary, на сей раз решительно пишу из Парижа в последний раз. Поздравляю с новым годом и обнимаю нежно Маменьку, тебя, Варенькy, Митю[2] и всех наличных. Передай мое дружеское поздравление Николаю Ивановичу, Виноградскому, Янихену и всем общим нашим друзьям.

Вчера я получил твое письмо, также последнее в Париж адресованное. Благодарю за подробные известия. Хорошо, что Вы взяли меня в часть для подарка Маменьке. Я искал здесь, что бы для нее купить, сломал себе голову и

ности, письмо Самарина к Тургеневу, относящееся к следующему году (в 1864 году сам Тургенев в последний раз посетил Россию) и рекомендующее брата Юрия Федоровича, Николая Федоровича:

«Москва 1/19[Июня] Июля 1865

Почтеннейший Николай Иванович,

Пользуюсь отъездом брата моего, чтоб написать Вам несколько строк, поблагодарить Вас за Ваше письмо, поздравить от души с успешным окончанием дела тревожившего Вас и возвратить Вам № Revue Indépendante, увезенный мною из Парижа. Потрудитесь, пожалуйста, передать Вашей супруге искреннюю мою благодарность за ее добрую память и за статью Графини Пероне о жизни Ю. Кесаря, которую я прочел с величайшим наслаждением. № Revue Indépendante я возвращаю Вам в таком неопрятном виде, что совестно за русских читателей, у которых он побывал в руках; между тем, неожиданность и спешность отъезда брата моего за границу не позволили мне сколько-нибудь замаскировать изъяны переплетом. По крайней мере, могу сказать, что эта книжка принесла пользу; статья о сочинениях Ренана переведена по-русски и напечатана.

В Московской Губернии только что закрылись первые Земские Собрания (Уездные). Трудно по первому Съезду судить о дальнейшем ходе дела, но вообще оно началось хорошо.

Все сословия отнеслись к нему с большим участием чем ожидали, а встреча крестьян с помещиками на избирательных съездах и в Собраниях доказала еще раз, что крепостное право сплыло, не оставив по себе ни раздражения, ни какого-либо злокачественного осадка. Остается только желать, чтобы Дворянство уразумело настоящее свое призвание в теперешнею минуту и, отложив на время свои Конституционные замашки, не забегая далеко вперед, занялось серьезно закладкою фундамента без которого немыслимо прочное Государственное представительство.

Затем – мало утешительного. Чья-то невидимая рука спаивает наши города и села, а народ более и более спивается с кругу. Вы может быть слышали, что недавно Министерство Финансов разрешило в деревнях продажу вина на вынос, даже не испрашивая согласия обществ. Иными словами: Правительство навязывает крестьянам кабаки, вопреки даже их желанию. К осени обещают введение новых судебных учреждений в двух округах, Петербургском и Московском. К тому же времени войдет в действие новый устав о Цензуре.

Позвольте мне, в заключение, рекомендовать Вам брата моего Николая; он Мировой Посредник и член земского собрания богородского Уезда.

Примите уверение в искреннем почтении и преданности

готового к услугам Вашим Юрия Самарина.

Veuillez, je Vousprie, deposer mes hommages respectueux aux pieds de Madame de Tourguéneff» [31].

[1] Де ла Ферроне, Пьер-Луи-Огюст Феррон, гр. (Pierre-Louis-Auguste Ferron, comte de La Ferronnays, 4.XII.1777 – 17.I.1842) – в 1820–1827 – посол Франции в Петербурге, в 1828–1829 – министр иностранных дел Франции, затем вплоть до июльской революции посол Франции при Св. Престоле.

[2] Имеются в виду брат Ю.Ф. Самарина, Дмитрий Федорович (1827–1901) и его жена (1857), Варвара Петровна, урожд. Ермолова (1832–1906).

ничего не мог придумать. В этом и Лина[1] не могла мне помочь. Ты уже знаешь, что с нею давно уехал Павел и что они теперь в Варшаве. Они накупили и увезли с собою целые фуры всякого тряпья, объехали все театры, все кофейные и испробовали все городские кареты. Еще недели две такого образа жизни, и, вероятно, при отъезде Лина не досчиталась бы нескольких пудов веса.

Я собирался выехать отсюда в воскресенье, то есть через два дня после Рождества по старому стилю, но старик Киселев так убедительно упрашивал меня провести с ним еще один день, что я отложил до вторника, т.е. до 29го Дек. старого стиля. Если Вы напишите скоро, то адресуйте одно письмо во Флоренцию, posterestante. По приезде в Рим я Вас тот час же уведомлю по телеграфу. Борис Чичерин[2] действительно схватил тиф и, говорят, был при смерти во Флоренции, к нему поехал брат его из Парижа[3]; теперь он вне всякой опасности.

Я не знаю никаких подробностей о том, что угрожает Каткову[4], но давно предвидел, что туча накопляется над его головою. Удар против него направлен из Остзейского края. Это было очевидно по газетам, получающим оттуда корреспонденции, по возгласам и толкам всевозможных штейнов, фельзов и бергов, с которыми сталкивался в гостиницах и вагонах.

Они поклялись погубить человека, который решился открыто заявить себя против сепаратизма, и повели дело с свойственным им лукавством, начиная с так называемых Privat-insinuationen, т.е. по нашему доносов и сплетен. По свойственной ему ограниченности, Головнин вообразил себе, что Шедо-феротти[5] <sic!> служил Великому Князю[6], тогда как он, в сущности, под предлогом апологии бывшего Варшавского управления, проводил подсказанную ему Остзейскими баронами теорию о безнародном Государстве[7]. Здесь, в Париже, Будберг запретил газетам, получающим

[1] Самарина (урожд. Евреинова) Александра Павловна (24.II.1836 – 31.VIII.1905) – жена брата Юрия Федоровича Самарина, Петра Федоровича (1830–1901), в это время служившего в Учредительной комиссии Царства Польского под началом кн. В.А. Черкасского.

[2] Чичерин Борис Николаевич (26.V.1828 – 3.II.1904) – юрист, историк и философ права, в 1861–1867 – экстраординарный профессор Московского университета, в 1863–1865 – наставник цесаревича Николая Александровича.

[3] Чичерин Василий Николаевич (1829–1882) – дипломат, отец Г.В. Чичерина.

[4] Катков Михаил Никифорович (1.XI.1818 – 20.VII.1887) – философ, публицист, издатель, с 1851 по 1856 – редактор и с 1863 до кончины – редактор-арендатор «Московских ведомостей» (до 1875 – совместно с П.М. Леонтьевым), с 1856 – издатель и редактор «Русского вестника».

[5] Шедо-Ферроти – псевдоним барона Ф.И. Фиркса (1812–1872), агента русского Министерства финансов в Бельгии. Имеется в виду брошюра “Quefera-t-on de la Pologne?” («Что делать с Польшей?»), сделавшаяся предметом громкого скандала. В сентябре 1864 года «Московские ведомости» обрушились с критикой на Министерство народного просвещения и косвенно на великого князя Константина Николаевича. См. подробнее в коммент. [1, с. 515 – 520].

[6] То есть великому князю Константину Николаевичу, бывшему наместнику Царства Польского, подвергшемуся жесткой критике за меры, принятые или, скорее, не принятые в его управление Царством – генерал-губернатор северо-западных губерний М.Н. Муравьев во многом строил свой образ в 1863–1864 годах на демонстративном противостоянии великому князю. Головнин, министр народного просвещения, как и отчасти Валуев, принадлежал к кругу «константиновцев», патронажной группе, обладавшей солидным весом в русском правительстве с начала 1860-х до начала 1880-х годов.

[7] Более подробно на этих слухах и опасениях Самарин останавливается в письме к Аксакову из Рима от 18 января (1 февраля) 1865 года: «В Ницце Тютчев получил при мне телеграмму, а потом письмо от некоего Георгиевского, сотрудника Каткова, с мольбою о помощи. Кажется, редакция “Московских ведомостей” чего-то просила, чуть ли не увольнения от предупредительной цензуры; что-то в этом роде было ей обещано, потом отнято; наконец, теперь она заявляет о разных придирках, неприятностях, штрафах и угрожает своим отказом от издания. Что такое там происходит между Катковым и цензурою, я не знаю, и из всего, что мне было передано, не мог даже вывести положительного заключения: вышел ли наконец новый цензурный устав и в чем именно изменены старые правила; но сложившийся против Каткова заговор не подлежит сомнению. Я это почуял еще прошлым летом, заметив, с каким единодушием немцы (я разумею наших, остзейских), дипломаты и туристы, заводили об нем речь и бранили его. Очевидно, дан был môt d’ordre, и каждый, кто чем мог, бил в указанную

> субсидии от нашего Правительства, печатать какие-либо возражения против Шедо-феротти. Разумеется, они, то есть Немцы, останутся в стороне и предоставят черную работу какому-нибудь Русскому, из тех, которых они водят на веревочке. Здесь все еще держится слух о смене Кн. Горчакова[1], о назначении на его место Будберга[2], на место Будберга – Валуева[3], а на место Валуева – Милютина[4].
>
> Меня звали письменно и словесно, несколько раз, в Варшаву, немедленно и только на несколько дней. Милютин и Черкасский почему-то вообразили себе, что мне удастся успокоить раздраженные самолюбия, предупредить столкновения и помирить – *все это между нами* – но я отказался по многим причинам, между прочим и потому, что в три дня этого не сделаешь, а когда нет надежды на успех, лучше присутствием своим не взывать жалоб[5].

мишень. Скандал, которым разрешилась шедо-феротьевская брошюра (ими же задуманная и подсказанная), еще более их озлобила. Они теперь прославляют великого князя, которого не терпели, надеясь с его помощью зажать рот старой московской партии, deralten Russischen Partei, которая, в остзейских корреспонденциях, появляющихся в немецких газетах, выставляется попеременно то реакционною, то революционною» [1, с. 211].

В письме к брату Дмитрию от 19 (7) ноября 1864 года из Парижа, отзываясь на тот же сюжет, Самарин извещал: «Мне пишут из Киева, что тамошний университет тоже собирается отправить к Головнину какую-то отповедь по поводу брошюры Ш.Ф. Совершенные бараны так и валят по одному проторенному следу. Головнин и не думал выходить в отставку. Когда разыгрался скандал, он подал Государю записку, в которой винился в неразумном усердии к В.К. и заявлял, что преданность его к нему (т.е. В.К.) так безгранична, что он и впредь не ручается, удастся ли ему остаться в пределах благоразумия и осторожности, когда дело коснется личности, перед которою он благоговеет; в заключение он спрашивал: может ли он при этих условиях оставаться министром? – Ответ угадать не трудно. Не знаю заметили ль в Москве, что вся сила и цель брошюры Ш.Ф. заключалась в проведении Остзейской теории о безнародном государстве, в котором все национальности, не имея между собою никакого общения, живут себе на равных правах, совершенно как постояльцы в гостинице, разбитой на отдельные номера. Апология бывшего управления в Варшаве служила только предлогом» [32].

[1] Горчаков Александр Михайлович, кн. (4.VI.1798 – 27.II.1883), в 1856–1882 – министр иностранных дел Российской империи.

[2] Будберг Андрей Федорович, барон (8.I.1817 – 28.I.1881), в 1862–1868 – посол России в Париже.

[3] Валуев Петр Александрович (22.IX.1815 – 8.II.1890), в 1861–1868 – министр внутренних дел Российской империи.

[4] Имеется в виду Н.А. Милютин, в 1864–1867 – главноначальствующий Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского.

[5] Имеются в виду тяжелые отношения, сложившиеся в Варшаве в том числе между членами новой администрации, – почти открытый характер приобрело противостояние кн. В.А. Черкасского и А.И. Кошелева (см., в частности, отражение в мемуарах последнего [6, гл. XIII]. Чуть позже, в письме от 15 июня 1865 года, Самарин увещевал своего брата Петра Федоровича, служившего в то время в Варшаве, быть осторожнее в словах и беречь чувства и репутацию Кошелева:

«Любезный Петя. Ты ужасно не воздержан на слово и подчас бываешь не кстати откровенен. Кн. Михайла Оболенский первый сплетник в мире, даже не сплетник, а скорее сплетница.

Как только он привез в Москву свое толстое брюхо, так и пошел по всем перекресткам рассказывать разные смешные анекдоты про Кошелева, слышанные им от тебя и, в довершение, распустил слух, что он сходит с ума. И это он твердит, ссылаясь на тебя. Я понимаю, что это могло сорваться с языка, но лучше бы было стороннего человека и особенно отъявленного болтуна не вводить в Ваши домашние дрязги. Разумеется, все, что рассказывал Кн. Михайла, подхвачено и теперь ходит по всевозможным Оболенским, Свербеевым и т.д. Нет никакого сомнения, что по закону отражения сплетен, Московские слухи дойдут до Кошелева, в Варшаву. Взаимные Ваши отношения этим не поправятся. Третьего дня К.А. Свербеева посылала за Аксаковым узнать от него, правда ли, что Кошелев сходит с ума, как рассказывал ей Кн. Михайла Оболенский, со слов Петра Самарина в Варшаве. Кошелев недавно писал Аксакову, что все от него отворачиваются и как будто в чем-то заподозревают, что ему это крайне тяжело, но что он просит не осуждать его заочно по одним слухам и т.п.

Я не знаю, каковы Ваши отношения теперь; очень может быть (и меня бы это не удивило), что Вы не можете работать вместе и что он должен будет выехать из Варшавы; но хотя бы даже и так, Вам необходимо щадить его самолюбие и не раздражать его.

Если он приедет в Москву озлобленный и раздосадованный, никакого нет сомнения, что около него сгруппируется общественная оппозиция; у Вас и без того довольно недоброжелателей» [33].

В последнее время моего пребывания в Париже, я начал выезжать в свет, то есть я бывал часто у Тургенева, у Моля (Члена Института) и у графини Перонне. У них я познакомился с Odilon-Barrot, Jules Simon, Mignet, Dupont-Whyt и другими знаменитостями, большею частью из ученых и профессоров. С чего Вы взяли, то есть ты и Аксаков, что мне бы ничего не стоило познакомиться с Гизо. Во-первых, его нет в Париже: он живет где-то за городом; во-вторых, никого не принимает; в-третьих, все эти генералы очень довольны собою, своими обиходными понятиями, даже своими сомнениями и вовсе не принадлежат к числу людей чего-то ищущих и готовых принять чаемое хотя бы из рук Москвича. В общей сложности пребыванием моим в Париже я не недоволен, хотя никогда и нигде так не страдал от холода, как в поганой гостинице, которую всю насквозь пронизывает ветер и тушит свечи.

На днях столкнулся я с Иваном Тургеневым, который расспрашивал меня об тебе и о Феде; он кажется, почему-то, принимает в тебе живое участие. До следующего письма из Ниццы или из Турина. Нежно обнимаю тебя, Маменьку и всех.

Ю. Самарин.

№ 14

Рим, 6 февраля (25 января) 1865 года

Рим 6 Февр. 1865.

Dearest Mary, давненько нет от Вас писем. Я надеялся найти в Риме, или, по крайней мере, получить вскоре по приезде сюда; но не тут-то было. Я уж несколько раз сбирался <sic!> телеграфировать, но все откладываю со дня на день, в ожидании, что не нынче так завтра получу известие. Живу я в Риме также как жил везде за границею, т.е. в десятом часу утра, с планом города под мышкою и с зонтиком в руке, отправляюсь на промысел, осматривать развалины, картинные галереи и Церкви; возвращаюсь домой к обеду, к $5^{1}/_{2}$, и, проглотив тарелку холодного супа и кусок тухлой говядины (свежей здесь не бывает), сажусь читать древних классиков, которых я с самого детства не брал в руки: Тацита, Юлия Кесаря и пр. Пришлось же на старости лет освежить давно забытую латынь.

Знакомых у меня только один, некто Gregorovius[1], ученый антикварий из Немцев, с которым свела меня баронесса Раден. Богатство Рима приводит в отчаяние; не знаешь на чем остановиться; смотришь до тех пор, пока зарябит в глазах, а теперь это делается со мною довольно скоро.

Впрочем, для меня средневековый Рим, с памятниками так называемого Возрождения искусства, с церквами, фонтанами, фресками и картинами, бледнеет перед вросшими в землю вековыми остатками древнего языческого Рима. При виде форума и колизея <sic!> действительно в первый раз захватывает дух. Я теперь знаю четыре таких вида, которые, по моему мнению, один другого стоит: Римский форум, площадь Св. Марка в Венеции, Вестминстерская площадь в Лондоне и Москва с Воробьевых гор.

Из древних памятников, мне осталось осмотреть катакомбы или кладбища, подземные, Христиан первых веков. Дней в 10 я успею осмотреть все галереи даже окрестности и попаду в Неаполь дня или на три на четыре и затем уже, не останавливаясь нигде, поеду назад на Мюнхен, Нюренберг и Лейпциг. Мне бы очень хотелось поспеть в Москву к последней неделе Великого поста; но не знаю удастся ли; надобно полагать дня три на Варшаву, день на Вильну и дня три на Петербург. Погода стоит здесь вперемежку, дождливая и ясная; ныне льет дождь, но я сижу у открытого настежь окна, а еще здешние обыватели жалуются на суровость зимы. Это однако ж не мешало бездомному Римскому люду, в Декабре, проводить ночи у подно-

[1] Грегоровиус Фердинанд (Gregorovius Ferdinand, 19.I.1821 – 1.V.1891) – немецкий историк, наиболее известные работы – многотомные «История города Рима в средние века» и «История города Афины в средние века». См. весьма нелицеприятные воспоминания о нем [3].

жия какой-нибудь колонны, завернувшись в дырявый плащ. На днях, в одной из здешних газет, я прочел выписку из какой-то русской корреспонденции, в которой уведомляют о падении Каткова, т.е. смене редакции Московских Ведомостей и прямо приписывают это интригам Немецкой партии. Вслед за этим, корреспондент прибавляет, что Московский Университет подал просьбу Государю о смягчении цензурных правил. Правда ли это? Что наши Русские Немцы, в том числе их чучелы в роде Суворова[1], давно подкапываются под Каткова, это для меня, за границею, было еще виднее, чем в России. Стоило послушать Шепинга, Розена и других дюжинных, чтобы убедиться в стачке. Из Варшавы давно не имею известий. Чичерина еще нет в Риме. О здоровье Маменькином и о твоем я не спрашиваю; само собою разумеется, что ты начнешь ответ с этой статьи.

Нежно обнимаю Маменьку, тебя, Федю и всех. Мой дружеский поклон Николаю Ивановичу.

Ю. Самарин.

Мой адрес: Rome, place Minerve, hotel Minerve[2].

[1] Суворов Александр Аркадьевич, кн. (22.VI.1804 – 31.I.1882), в 1848–1861 – генерал-губернатор Остзейских губерний, в 1861–1866 – Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор. В глазах значительной части публики стал едва ли не символом «безнациональной» политики, см., напр., политические стихи Ф.И. Тютчева 1860-х годов.

Позже, отзываясь на покушение Каракозова на жизнь Александра II и последовавшую вследствие этого в череде других перемен отставку кн. А.А. Суворова, Самарин писал брату Дмитрию из Москвы 11 мая 1866 года: «Вот последние новости: Каракозов точно Каракозов, а не кто другой, по крайней мере таково последнее, ничем не опровергнутое, известие; Каткову дано второе предостережение, непосредственно вслед за тем третье и Московские Ведомости приостановлены на два месяца; Голос и Петербургские Ведомости получили уже по два предостережения. Князь Суворов сменен и находится теперь в Москве; что было поводом или причиною его падения – неизвестно. Он теперь поет Лазаря по всей Москве, уверяя всех и каждого, что ему нечем жить (!!), что все служившие при нем будто бы удалены от службы и остались без куска хлеба, а что он уехал из Петербурга, чтобы предупредить взрывы народного к нему сочувствия и не поставить в затруднительное положение Правительства, не успевшего оценить по достоинству его способности и доблести. Прилагаю стихи Тютчева к его портрету, писанные, впрочем, до его смены. Его сделали каким-то инспектором пехоты, а должность петербургского генерал-губернатора упразднена» [34]; приложенные стихи были «Князю Суворову»: «Два разнородные стремленья / В себе соединяешь ты…» (апрель 1866 года).

[2] Последующих писем из заграницы М.Ф. Соллогуб не было или не сохранилось, почему мы приводим еще два письма Самарина к брату Дмитрию за последующие дни его поездки: 1) Рим, 14 (2) февраля 1865 года: «Спасибо тебе, любезный Митя, за твое письмо. Я получил его вчера. Удивлен, отчего Аксаков вздумал писать на мое имя через Варшаву; Бог знает когда дойдет до меня его письмо. Как я ни приготовлен ко всяким сумасбродствам, но, признаюсь, шалости московского дворянства превзошли все мои ожидания. Еще непонятнее для меня застенчивая робость, с которою они были встречены в Петербурге, если судить по статьям Инвалида, перепечатанным в здешних газетах и по другим журнальным известиям. Сколько я замечал, в наших собраниях самая чувствительная струна, это – неприязнь мелкого и среднего дворянства к тузам и барам вроде Орлова-Давыдова. Удивляюсь, как это чувство не предохранило большинства от увлечения блажью, которой глашатаями явились именно представители олигархического направления.

Твоя роль очень недурна, и я душевно радуюсь, что ты решился подать голос. Судя по всему, что я слышал, не было никакой надежды переубедить большинство, но нельзя было пропустить этой замашки без протеста. Я сделаю тебе только два замечания: во-первых, очень бы было кстати приударить на олигархическую тенденцию того дворянства, которое называет себя столбовым (т.е. меньшинства) и показать, что его интересы решительно расходятся с интересами дворянской массы; во-вторых, выяснить, что, трактуя свысока служилое сословие, оплачиваемое жалованием (бюрократию), дворянство само себя оплевывает и глумится над своим собственным историческим призванием, которое одно оправдывает, до некоторой степени, положение его в обществе. Кстати, еще замечание, в отношении собственно к изложению. Ты пишешь: «шаг этот слишком решителен, чтобы приступить к нему» и т.д. Это галлицизм: trop de cisif pour etc.

В иностранных газетах помещен разговор Государя с Орловым-Давыдовым; уверяют, будто бы Государь указывал на Францию и ссылался на пример Наполеона. Правда ли это? Не хотелось бы верить. Послезавтра я еду в Неаполь дня на четыре; оттуда вернусь в Рим, Флоренцию, а через Флоренцию поеду на Мюнхен, Лейпциг и Берлин в Варшаву. Напиши мне еще раз, поскорее, во Флоренцию, posterestante. Денег я еще не получал. Дружески обнимаю тебя и Вариньку. Ты ничего не пишешь об ее здоровье.

Ю. Самарин» [35];

№ 15

Москва, июнь 1865 года

Воскресенье.

Dearest Mary, я тебе не писал потому что все обстоит благополучно, Маменька выезжает и чувствует себя хорошо; Митя поправляется; лихорадка прошла; цвет лица получше. Он, с семейством, выезжает в среду. Ему хочется попасть в Самару к торгам на сдачу Удельных участков. Маменька располагает отправиться в Рожествено через неделю, то есть в Воскресенье или в понедельник, но слышать не хочет о том, чтоб ночевать в дороге. Впрочем, это мы еще увидим.

Я приеду с нею вместе дописывать статью о Иезуитах, которая разрослась у меня в целую книгу[1]. Аббата Гете[2] я возил в Лавру, а для осмотра Московских достопримечательностей и для переговоров с Митрополитом сдам его на руки Сухотину и Сушковым. Подробности я расскажу тебе при свидании. Кн. Андрея Оболенского мы похоронили третьего дня. Маменька тебе вероятно писала, что он умер совершенно спокойно, в полном сознании, без всяких криков и судорог и с трогательною покорностью.

Аксаков отпросился у публики в отпуск, на два месяца, и выехал вчера

2) Рим, 20 (8) февраля 1865 года: «Любезный Митя, только что приехал в Рим из Неаполя и продрог до костей. В Неаполе выпал град, а здесь снег. В Риме застал я письмо от Маминьки с твоею припискою от 24 янв. / 5 фев., но денег, которых я ожидал, не получил. Я писал Маминьке о высылке мне векселя немедленно по приезде моем в Рим из Флоренции, около 5го февр. нового стиля; кажется мое письмо должно было дойти до вас до 24 янв. старого стиля. Прожду здесь дня три, авось получу. На проезд до Варшавы у меня хватит денег с избытком, но я хотел в Лейпциге купить себе шубу и кое-какие книги.

В председатели губернской управы я не пойду; пусть они сами приучаются работать; насколько у меня хватит сил и способностей, я намерен заниматься для себя. Прошу тебя написать Обухову, что мое расстроенное здоровье не позволяет мне принять никакой постоянной должности и что я без сомнения сам бы его об этом уведомил, если б до меня дошло за границею известие о предстоящих в Самаре выборах.

Ты мне пишешь: «утверждена южная дорога; будут строить дорогу от Москвы до Киева и от (?) другую от Одессы на Кременчуг и Харьков». Что-то ты не дописал; во всяком случае выходит, по-видимому, что Москва с Черным морем не связывается и что южная дорога обрывается на Киеве. Может ли это быть?

Глаза у меня слипаются, клонит ко сну. Не могу писать больше. Обнимаю тебя и Вариньку. Скажи Маминьке (в ответ на ее письмо), что я из Флоренции проехал в Ливорно, потому что железная дорога в Рим идет на Ливорно и что все путешествие до Неаполя я совершил сухим путем. Не могу себе представить как это А.И. Субочева решилась ехать в Vevey? Неужели она отправляется одна? Ее несчастную оберут, оборвут и осмеют; кончится тем, что она на какой-нибудь станции расплачется и засядет.

Ю. Самарин» [36].

[1] Книга «Иезуиты и их отношение к России» (1866), в 1865 году опубликована в № 45–52 «Дня» под заглавием «Ответ иезуиту Мартынову, письма I–V».

[2] Гетте Владимир (Рене-Франсуа) (Guettée, 1.XII.1816 – 20.III.1892) – католический священник, в революцию 1848 года – редактор провинциального республиканского журнала “Républicain de Loireet Cher”. В 1847–1856 годах составлял и издавал 12-томную историю Французской Церкви. После выхода в свет 7-го тома, несмотря на разрешение к печати, полученное от епископов нескольких епархий, весь труд декретом Священной конгрегации индекса от 22 января 1852 года был осужден и внесен в «Индекс запрещенных книг». Гетте не подчинился решению Римской конгрегации и издал следующие тома истории. Ультрамонтане обвиняли его в янсенизме и галликанизме. Парижский архиеп. Огюст Сибур сначала поддержал Гетте, но в 1854 году, после визита в Рим изменил свое отношение. В 1855 году Гетте вместе с друзьями основал журнал “L'Observateur catholique”, где резко критиковал идеи ультрамонтанов, а также догмат о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, став единственным французским священником, публично выступившим против этого определения. 27 декабря 1857 года Парижский архиеп. Франсуа Морло запретил ему служить в своей епархии, что фактически означало запрещение в служении. В 1861 году Гетте подал прошение о переходе в православие, в 1862 году ходатайство было удовлетворено Святейшим Синодом. Гетте перешел в православие с оставлением в сане, приняв имя Владимир. Служил в соборе св. Александра Невского в Париже на французском языке. Написал ряд работ полемического характера, где пытался показать, что полнота истины сохранилась именно в православии, высказывал идеи о создании во Франции «Православной Западной Церкви», опубликовал текст галликанской литургии, в 1875 году принял русское подданство.

с сестрою своею Софьею. Он отправляется вниз по Волге, оттуда по Дону в Крым и обратно, сухим путем, на Киев.

Выставка открыта. Никто из Царской фамилии не посетил ее. Это очень огорчило и оскорбило экспонентов. Вообще, она бедна; много пробелов, но знатоки по некоторым частям замечают успехи.

До скорого свидания. Обнимаю тебя и Федю. Мой дружеский поклон Николаю Ивановичу. Вереньке Хмелевой скажи от меня, что она душка.

Ю. Самарин.

№ 16

с. Васильевское, 24 июля 1865 года

Васильевское

24 Июля 1865 г.

Dearest Mary, поздравляю тебя с прошлыми именинами и крепко обнимаю. Поздравление мое запоздает потому что я пропустил день отправки в Сызрань на почту; впрочем, в самый день недостатка в поздравлениях вероятно не было, потому что весь Серпухов съехался в Рожествено.

На днях был праздник и на нашей улице, в день рожденья Сони[1]. В саду горели три огарка за двумя бумажными щитами, в углу какая-то изломанная шарманка изредка выпускала плачевные звуки, комары немилосердно кусали, а дети бегали с раскрасневшимися от внутреннего волнения лицами. Как я ни терпелив к жару, но то, что мы теперь переживаем, превосходит всякую меру. Это баня в буквальном смысле. В сквернейшем флигеле, в котором я живу, легион мух и всякой гадины, от которой нет средств отбиться ни днем, ни ночью.

Мойка и стирка детей производится с утра до ночи. Несмотря на палящий зной, урожай трав хорош, а хлебов порядочный.

На днях я ездил в Вязовку, за Волгу, по делу, на которое вызывал нас Мировой Посредник и, к сожалению, убедился, что здесь, как и везде, Мировые учреждения в полном упадке. В два года все это так выродилось, что почти и узнать нельзя. В Самарской губернии тоже. Распущенность, неряшество, послабление, рука руку моет, суда и правды добиться нет никакой возможности, никто не сознает на себе ни малейшей ответственности. Попробую расшевелить их, начав по доверенности от одного из наших крестьян дело против Мирового посредника, скрывшего подлог. Несмотря на жар и мух, работа моя об Иезуитах подвигается лучше, чем в Рожествене. На днях отправлю в Москву, в типографию второе письмо, а вскоре затем и первое.

Больных около нас пропасть, но в доме все благодаря Бога здоровы; у Миши лихорадка прошла совсем.

Завтра я еду на несколько дней в Самару, повидаться с Рычковым[2], с

[1] Самарина Софья Дмитриевна (1863–1935) – дочь Д.Ф. Самарина.

[2] Рычков Дмитрий Николаевич (1815–1878) – помещик Самарской губернии, правнук Петра Ивановича Рычкова (1712–1777), русского историка, экономиста, первого в истории члена-корреспондента Петербургской Академии наук (1759). Д.Н Рычков близко сошелся с Самариным во время работы губернского комитета по крестьянскому вопросу, а затем в губернском по крестьянским делам присутствии.

Кн. Дм. Оболенскому, в то время товарищу министра государственных имуществ, Самарин писал 15 августа 1870 года, характеризуя Рычкова: «Ты, вероятно, не мало удивишься, любезный друг, и даже не без основания посетуешь на меня, получив это просительное рекомендательное письмо, первое в своем роде и последнее. Отказать в нем я не мог. Вот в чем дело. Когда я был назначен членом от Правительства в Самарский Губернский Комитет по вопросу об освобождении кр<естья>н, я в нем не нашел ни души знакомой. Все были предубеждены против меня, а раздражение было таково, что не только не было никакой надежды что-либо провести или остановить, а было полное основание опасаться, что меня побьют, просто-таки побьют. Один человек в Комитете Д.Н. Рычков с первого слова принял решительно мою сторону и за это поссорился со всеми своими родными и товарищами. Его горячей поддержке я обязан тем, что остался цел и невредим, даже мог сгруппировать микроскопическое меньшинство и от него подать особый проэкт. Потом мы с ним три года занимались в Губернском Присутствии введением крестьянского положения в действие. Дружеская и усердная его помощь ни на минуту не ослабевала, и он так безусловно отдался этой работе, что запустил свои собственные дела, которые теперь находятся в крайнем расстройстве. Это обстоятельство понуждает его вступить на службу и он обратился ко мне

с просьбою узнать от тебя: не может ли он получить в Минист<ерстве> Гос<ударственных> Имущест<в> место чиновника по особым поручениям с жалованием не менее 1.500 р. Вот, в коротких словах, его характеристика: От роду около 50–53 лет, бодр и деятелен, отставной артиллерии прапорщик, был уездным Предводителем и Председателем Уездной Управы, но в коронной гражданской службе никогда не состоял. Знает хорошо провинциальный быт вообще, но законов и делопроизводства не знает, служебной опытности <по др. варианту: почти> не имеет. Весьма не глуп. За честность, добросовестность и усердие его ручаюсь безусловно» [37].

Самому Рычкову Самарин писал из Парижа 26/14 ноября 1864 года:

«Как поживаете и что поделываете, любезнейший Дмитрий Николаевич; как здоровье Ваше и что дела? Два года тому назад, об эту пору (теперь десятый час вечера) раздавался звонок, мой Сергей приносил чай и мы садились за шахматную доску. Много воды утекло с тех пор! Уезжая из России, не воображал я себе, чтоб можно было прожить более двух или трех месяцев на чужой стороне, без всякого дела, без всякой внутренней связи с своею обстановкою, а вот уже восьмой месяц незаметно проходит. Стыдно сознаться – целых восемь месяцев я просто напросто гулял, именно гулял и почти всегда пешком. Ради Бога не говорите этого Сосновскому иначе я совершенно упаду в его мнении. Вы вероятно знаете, что из Варшавы, в исходе Апреля я проехал в Вену, оттуда в Триест и Венецию, потом через Дрезден в Берлин. Там я поступил в клинику известного глазного врача Грефа, который продержал меня две недели, отпустил меня с утешительным уверением, что на мой век достаточно и одного левого глаза, а правому пора дать отставку. Из Берлина я проехал на Рейн, оттуда в Англию, где заказал себе два новых ружья с искривленными ложами, чтоб можно было целиться левым глазом; в конце Июля началось мое лечение, сперва в Швейцарии, в Рогаце, где я купался в горячем источнике, а потом в Остенде, где я пользовался морским купаньем. Теперь второй месяц живу в Париже и пробуду здесь до половины Декабря. Если Вы мне скоро напишите, то я еще успею получить здесь Ваше письмо. С нетерпением ожидаю от Вас известий. Вы знаете, что я горячо принимаю к сердцу все до Вас касающееся и никогда не забуду, какого дорогого и верного товарища послал мне Бог в одну из самых трудных минут моей жизни. И теперь, на покое, наслаждаясь всевозможными развлечениями и удобствами, я вспоминаю не без тоски и сожаления о тех походах, которые мы совершили с Вами рука об руку, о тех временах, когда отправляясь по утрам в Комитет мы загадывали: с целыми скулами и ребрами вернемся мы домой? О сыне Вашем я хоть изредка получаю известия из Варшавы от Черкасских. Всякий раз меня благодарят за него. В этом отношении Вы можете быть довольны. Мое намерение проехать из Парижа в Италию, а оттуда через Варшаву вернуться в Россию в Апреле будущего года; летом я буду в Самаре и уж там, как хотите, надобно устроить свиданье, у Вас или у меня. Пожалуйста отпишите мне поскорее; с нетерпением ожидаю известий из наших краев: как идет крестьянское дело, поддерживаются ли мировые учреждения, вводятся ли земские, как вообще настроено наше губернское общество и т.д.

Дружески Вам преданный

Юрий Самарин.

Мой адрес: Paris, rue Neune St Augustin № 44» [38].

По поводу упомянутого выше сюжета с попыткой Рычкова устроиться на службу по Министерству государственных имуществ сохранилось письмо к нему Самарина от 6 июля 1870 года: «Любезнейший Дмитрий Николаевич, Ваше письмо пришло в пору; прибудь оно несколькими часами позднее, оно бы не застало меня в Москве. Я уеду завтра утром, проведу дня три у сестры под Серпуховым, а там в наши страны, за Волгу.

Обращаясь ко мне за содействием и в то же время за советом, Вы даете мне право на полную откровенность. Я им воспользуюсь, следуя внушениям давнишней, искренней дружбы. Намерение Ваше переехать всем домом в Петербург, разумеется, не подлежит моему обсуждению – это дело семейное, в котором единственные судьи отец и мать. Мое дело: сказать Вам что я думаю о намерении Вашем поступить на службу. Под службою мы оба разумеем службу серьезную, то есть деловую, а не простое состояние на службе, при полном бездействии. Последнего рода службы Вы и сами бы не приняли, даже если б она представилась. Служба серьезная так разнообразна и дробится на столько видов и степеней, что в ней очень не трудно найти место для всякого рода природных способностей ума и воли. Я знаю Вас давно, мы долго работали вместе, и потому Вы не заподозрите меня в желании сказать Вам приятное, если я прибавлю, что природными способностями Вы наделены в размере более чем достаточном для оправдания самых смелых притязаний, а не только скромных, которыми Вы ограничиваетесь. Но есть еще условие: особого рода подготовка, особого рода знание и особого рода навык, которые приобретаются не иначе как служебною школою. Это условие у нас так важно, что многие и очень многие пробиваются им одним при полной бездарности и бесхарактерности; наоборот, без этого условия, никакие способности в мире все-таки у нас, не могут найти прямого применения на службе. Вы мне на это скажете, что всякий человек поступает на службу новичком и скоро навыкает делу. – Да! но эта школа проходится всегда в низших должностях и в ранней молодости, от 20, 21–25 лет. Есть известного рода соотношение между местами, должностями с одной стороны, и чином и возрастом с другой. Я поступил на службу 24х лет, не смысля в служебном деле ни аза, и определился в Сенат помощником секретаря. Теперь я был бы положительно не в состоянии пройти сначала тогдашнюю школу. Это значило бы почти то же, что с сединою в бороде идти в мальчики. Не забывайте одного: та работа, которую мы с Вами отправляли в Губерн. Присутствии, не имела ничего общего с служебным делом.

Dolie Оболенскою[1] и пристыдить старых моих товарищей по крестьянскому

Мы применяли одно положение (всего каких-нибудь 300–400 статей) и мы имели дело не с чиновниками, не с ведомствами, а с помещиками и крестьянами; наконец – это важнее всего: над нами не было никакого начальства, никакого контроля. На службе нет такой обстановки. Прямо, чиновником по особым поручениям, ни в каком министерстве не сделают, а сперва причислят к Министерству без жалованья, иначе: возьмут на испытание. Для опыта, Вам предложат обревизировать, положим, Харьковскую палату Государственных Имуществ. В состоянии ли Вы принять это поручение и исполнить его так, чтоб остаться победителем в неминуемом письменном диспуте, который завяжется по поводу ревизии Вашей между Вами и Управляющим Палатою? Если Вы скажете, что Вы неподготовлены, то Вам ответят, что Вы конечно не приняли бы приготовительной должности какого-нибудь помощника столоначальника, не подходящей ни к Вашим летам, ни к Вашему чину. Если б теперь от меня зависело отдать в надежные руки земское дело целой губернии, я предложил бы его Вам и был бы совершенно спокоен; но, признаюсь, в Министерской службе я затруднился бы найти такую должность и такое занятие, которое бы требовало именно тех познаний и той опытности, которыми Вы владеете.

Мой совет Вам следующий: не спешите, поезжайте в Петербург, осмотритесь, вникните в характер должностей, в свойства обязанностей и занятий, постарайтесь приискать какую-нибудь должность сколько-нибудь подходящую, хоть приблизительно, и тогда выразите требование несколько определительное. Затем я должен сказать Вам еще следующее: с К. Дмитрием Оболенским я очень дружен; но я не видался с ним более года и в переписке с ним не состою; поэтому положение занимаемое им в Министерстве мне совершенно неизвестно. Имеет ли он хоть какое-нибудь участие в определениях и увольнениях, я решительно не знаю. Я сказал Вам мое мнение. Что же касается до моего содействия, то само собою разумеется, что Вы можете им располагать. Напишите мне одно слово и я тотчас же пришлю Вам письмо на имя Кн. Оболенского, которое Вы ему передадите. Здесь в Москве письмо Ваше меня уже не застанет; поэтому адресуйте или в Сызрань, Симбирской Губернии, или пишите на имя Григория Сергеевича Аксакова, чтоб он сам переслал мне в с. Васильевское. В заключение, позвольте мне, по праву старой дружбы и старого, почти боевого товарищества, сделать Вам одно предложение. Дальний переезд не обходится без экстренных, довольно значительных расходов. Если Вы найдете нужным занять на подъем, то имейте в виду, что я могу, ни мало себя не стесняя, не назначая никакого срока для уплаты, дать Вам в займы около 1.500 руб.

Сделать это можно таким образом: по письму Вашему (адресованному все-таки в с. Васильевское) я выслал бы Вам чек, на котором Вы, по прибытии в Москву, выставите сами месяц и число и по которому получите деньги по предъявлении в Московском Купеческом банке. Я пишу в том предположении, что Вы сами поедете в Петербург с Вашим семейством. Верно ли я рассчитываю? – не могу в точности удостовериться из Вашего письма; но это все равно. Чек пишется не на чье-либо имя и по нем может получить всякий; нужно только, чтоб получатель был в Москве и чтоб он сам выставил на чеке месяц и число, ибо чек действителен только в продолжение трех дней со дня подписания его. Вы и адреса-то своего мне не прописали; так что я колеблюсь, куда адресовать: в Бугульму, для пересылки в Сулу или на имя Григ. Сер. Аксакова, чтоб он как знает, доставил Вам. Последний путь кажется вернее, и на нем я останавливаюсь. Крепко Вас обнимаю, в полной уверенности, что Вы не посетуете на меня за мою откровенность.

Душевно Вам преданный

Юрий Самарин.

P.S. Сегодня здесь получено известие, что между Франциею и Пруссиею война уже объявлена. Вот вцепятся-то друг в друга» [39; последующие письма, в связи с ответом Оболенского: там же, л. 265–266].

[1] Оболенская Дарья Петровна, урожд. Трубецкая (1823–1906) – жена (с 1846) кн. Дмитрия Александровича Оболенского, друга Ю.Ф. Самарина и И.С. Аксакова.

О встрече с Dollie Оболенской Самарин писал кн. Д.А. Оболенскому из с. Васильевского 5 августа 1865 года: «Любезный друг, я только что вернулся из Самары, пробыл там 4 дня и ежедневно виделся с твоею женою. Ее отзывам о самой себе ты, вероятно, полной веры не даешь, так поверь же моему свидетельству. Я убеждал ее испытать кумысное лечение и убежден был в пользе, но результат превзошел мои ожидания. Она пополнела, повеселела, хохочет, резвится, только что не танцует. На щеках выступил румянец; все опасения, предчувствия и страхи выброшены из головы. В книги мы заглядываем, а гуляем пешком, катаемся в лодке по Волге, выпиваем до 5 бутылок кумысу, покупаем живых стерлядей, со всеми знакомимся и всеми остаемся довольны. Не знаю, что скажет зима, но теперь говорю серьезно, жена твоя совершенно здорова; здоровее теперешнего, и в лучшем расположении духа я ее не видал никогда.

Только этим меня и обрадовала Самара. За исключением кумыса все портится и разлагается. Крестьянские и мировые учреждения в совершенном упадке. Я уж не говорю о бездействии и невозможности добиться не только правды, но простого ответа; это еще ничего; об этом уж перестали и говорить. Речь идет о вопиющих, бесстыдных злоупотреблениях и о скандальной безнаказанности, которою все покрывается. Мировой посредник из Волостного Правления занимает без расписки сиротские деньги; Губернатор получает жалобу, передает ее в Мировой съезд, наряжается следствие, жалоба вполне оправдывается и Съезд отдает

делу. Обнимаю нежно тебя, Машеньку, Федю. Мой усердный поклон Николаю Ивановичу. Уехал ли Николинька?

Ю. Самарин.

№ 17

с. Васильевское, 19 августа 1865 года

Васильевское

Авг. 19го1865 г.

Dearest Mary, я знаю об тебе только по Маменькиным письмам, но ты ей всего не говоришь и потому я желал бы чтоб ты прямо ко мне написала как ты себя чувствуешь?

Я знаю, что ты вернулась из Серпухова расстроенная и слегла; ну а теперь как? В Маменькином состоянии я не ожидаю перемены, да и не смею желать их. Я от тебя ничего не скрываю. К Мите почти еженедельно возвращается лихорадка, хотя пароксизмы не сильные и цветом лица он лучше, желудок его как-то ленится, запускает работу и не делает своей обязанности; по всему этому, он признает необходимость серьезно полечиться и хочет будущею весною на воды за границу. Дети все здоровы. Я работаю много и не устаю. На меня еще раз нашло вдохновенье труда, не знаю на долго ли, и я в короткий срок написал $2^{1}/_{2}$ длиннейших письма об Иезуитах. Вместе с тем я начал дело (это между нами) в качестве поверенного от крестьянина, дело уголовного свойства в котором уличаю Мирового Посредника в двух подлогах. До чего упали, развратились и потеряли всякий кредит Мировые Учреждения, не выключая и Губернского Присутствия, трудно вообразить себе. Лавочка, в которой я хозяйничал и над которой трудился два года с половиною, совсем рушилась. Вот что приводит в отчаяние. Ничто не держится само собою, ничто не растет, все искусственно поддерживается или выгоняется в рост. Земские учреждения, на первых же порах пошли криво и сбились с дороги. Можно теперь, по первым приемам, предсказать какою болезнью они исчахнут. А между тем, нельзя же отказаться от веры (именно веры и только веры, что все движется и подвигается вперед. Но как и по каким законам совершается это развитие, решительно не ведаю – это еще бы ничего, но худо то, что никто не ведает.

Письма о Иезуитах вышли не дурны. Надеюсь скоро окончить и приступить к предисловию к сочинениям Хомякова. Я это считаю последним своим уроком.

Видела ли ты известие о свадьбе <Над. Ник.> [зачеркнуто в копии

Старшину под суд. Это постановление подписывается тем самым посредником, который занял деньги, сам же он остается в стороне, как будто дело до него касалось. Завтра я начинаю дело как поверенный от крестьян против Мирового Посредника, сделавшего два подлога по рекрутским делам. Словом, лавочька, в которой я хозяйничал два года, потеряла всякий кредит. Чего же ждать? Аще соль обуяет, чем осолится? Как ты поживаешь? Вы, кажется, продешевили Русскую землю Френкелю. Дружески обнимаю тебя

Ю. Самарин.

Что делает Генеральша? Не собирается ли за границу?

Мой адрес: в Сызрань, Симбирской губернии» [40].

В письме к Александре Павловне Самариной, жене Петра Федоровича, от 5 марта 1865 года из Петербурга, Самарин сообщал вести о состоянии здоровья кн. Оболенской, побудившего ее отправиться на лечение в Самару, – и одновременно давал выразительную характеристику княгини: «Сегодня утром я видел Dolie Оболенскую.

Она на мой взгляд совершенно поправилась, по-прежнему болтает на двух языках и, кажется, собирается в Самару, по советам докторов пить кумыс. Тревожит ее (это ее слова) какая-то путаница и неясность в понятиях, неспособность остановить внимание на каком бы то ни было предмете и быстрые, ничем необъяснимые переходы от детской резвости к слезам и тоске. По мне, это-то и доказывает, что она в совершенно нормальном состоянии и признаюсь, если б действительно у нее установились и прояснились понятия, тогда б я не на шутку за нее струхнул» [41].

синим карандашом – *А.Т.*] Смирновой[1]. Видно, что она попала в знать, когда скряга Брунов[2] счел нужным разориться на обряд. Нежно обнимаю тебя и Федю. Мой поклон Николаю Ивановичу, ему же от Рузского.

Ю. Самарин.

3

[1] Смирнова Надежда Николаевна (1840–1899) – дочь Н.М. Смирнова и А.О. Смирновой-Россет, замужем (с 21.07.1865, Лондон) за Уильямом Сорреном.

[2] Брунов Филипп Иванович (31.VIII.1797 – 12.IV.1875), в 1840–1854 и в 1858–1870 – посланник, в дальнейшем – посол Российской империи в Лондоне.

[3] Приведем несколько писем Самарина к брату Дмитрию, относящиеся ко времени, когда, по причине совместного пребывания в Москве, переписка с Марией приостановилась:

1) Москва, 20 ноября 1865 года: «Любезный Митя, ты вероятно с нетерпением ожидаешь известия от меня о Московских Дворянских выборах, только что закрывшихся, и не удовлетворяешься ни передовыми статьями Московских Ведомостей, ни помещенною в них выпискою из доклада Дворянской Комиссии. Тон и направление, господствовавшее в собрании, ясно обнаруживается из этих сведений; прибавить к ним почти ничего. Перед съездом новый Генерал-Губернатор употребил неимоверные усилия, чтоб закупить вожаков дворянства, склонить их к миру и предупредить всякие манифестации. Понятно, что это было принято за признак робости и укрепило передовых людей в мнении, что от них зависит сделаться для правительства серьезною помехою и склонить его к уступкам. Говорят, что генерал-губернатор поговаривал вначале об отречении или извинении со стороны дворянства, но это было встречено решительным отказом; тогда он спустил свои требования и ограничился просьбою воздержаться от всяких манифестаций. Говорят также, что это было обещано, но условно: *если никто не рассердит дворянства*. В день открытия князь Долгоруков произнес речь, в которой он между прочим убеждал Дворянство уберечься от *всякой сословной исключительности.* При других обстоятельствах эта фраза прошла бы незамеченною, но при настоящей обстановке она не могла не произвести впечатления прямо противоположного цели правительства. В прошлогоднем своем адресе Дворянство говорило от имени всей земли, за всю Русскую землю, о пользах и нуждах государственных. Правительство, в Высочайшем рескрипте, отвергло его вмешательство, разъяснило ему, что оно не более как сословие и заключило его заботы и деятельность в круге исключительно сословных интересов. Такова была основная тема рескрипта. Вместо того, чтоб воспользоваться камертоном, генерал-губернатор принял за тему своей речи совершенно противоположный мотив: отбросив всякую сословную исключительность. На языке Дворянства и Московских Ведомостей это значило: Вы не сословие; Вы вся Россия, вся русская земля. Это было как раз в руку Голохвастовым, Арсеньевым, Орловым-Давыдовым и пр. Речь генерал-губернатора удостоилась Высочайшего одобрения Московских Ведомостей.

В первый день, по возвращении из Собора, приступлено было к выбору комиссий для пересмотра *всех* постановлений прошлого, не состоявшегося собрания. Разумеется, в нее попали все передовые; какими-то судьбами попал в нее и Николинька; в мою пользу, за уездным столом, подано было *три* голоса. Нечего и говорить, что проэкты постановлений были заранее подготовлены, так что Комиссия окончила свою работу в одну ночь. Дело, однако, как я слышал, не обошлось без спора, хотя под конец все согласились, кроме Николиньки, который отказался от подписи проекта постановления, но не сумел надлежащим образом мотивировать свой отказ. Изготовленные заранее проекты постановлений держались в тайне и председатель Комиссии ни за что не согласился дать Николиньке проект на день. Доклад Комиссии сам по себе, крайне нескладен; соображения и заключения не только не соглашены между собою, но находятся в прямом противоречии. В нем затронуты три темы: Дворянство остается при своем, Дворянство было оклеветано, адрес его был перетолкован; в адресе его нет ничего сословного – это и составляет его достоинство. Проэкт постановления прочтен был один раз и, разумеется, встречен рукоплесканиями; затем предложено было приступить *немедленно* к баллотировке. Никто не возражал; никто даже не потребовал, чтоб розданы были копии с доклада для обсуждения по уездам.

В пользу принятия проэкта без изменений положено было 161 шар, против, кажется, 28. Новые рукоплескания и восторженные крики. По окончании баллотировки, Николенька, очень не кстати, потребовал слова и стал объяснять почему он не подписал доклада; разумеется, эти объяснения тотчас же перешли в спор о существе дела и некоторые из членов потребовали, чтоб он был прекращен. Формально они были совершенно правы.

Вслед затем некий Г. Кисловский, один из азартнейших, потребовал, чтоб копии с постановления Дворянства разосланы были во все депутатские собрания. Его поддерживали Орлов-Давыдов, Уваров и еще кое-кто; говорили против Арсеньев и Голохвастов; кончилось тем, что Кисловский взял свое предложение назад. Все это была комедия, заранее подготовленная; роли были розданы, вытвержены и мнимые противники сговорились на счет финала. Нужно было только громогласно заявить, что Дворянство имеет право сноситься с другими Дворянскими обществами и входить с ними в соглашение (по теории Безобразова), что Московское Дворянство не может оставаться под бременем *гнусной клеветы* на него распущенной, что оно *будто бы* не

вступает с правительством в диспут и не возражает на рескрипт (??!), и имеет в виду отсечь газетные, превратные толки Independence Belge и других изданий (?!) – (Рескрипт они будто бы проглядели); что сердце Дворянства преисполнено верноподданнических чувств и т.д.

За тем Арсеньев потребовал, чтоб собранию сообщен был ответ Депутатского Собрания Министру Внутренних Дел по делу о пересмотре Устава о дворянских выборах. Министр прислал недавно в депутатское собрание проэкт нового Устава с просьбою сообщить ему замечания; на это депутатское собрание отвечало бумагою более чем резкою, даже грубою, в которой значилось, что депутатское собрание не хочет налагать на себя руки, что ни оно, ни министр, ни даже все Московское Собрание Дворянства не в праве возбуждать вопроса об изменении устава о выборах (??!). На это нужен чуть ли не Вселенский собор. Бумага эта, громогласно прочитанная Голохвастовым, принята была с восторгом; Дворянство постановило заявить свое полное сочувствие и уведомить об этом Министра Внутренних Дел. За тем особенно любопытного ничего не происходило. Выбрали, огромным большинством, того же князя Гагарина в губернские предводители, в уездные, из новых: Гр. Уварова и т.д.

Говорят, что генерал-губернатор рвет на себе волосы и сильно беспокоится; уверяют, что он поручился за благоразумие Дворянства. О том как отзовутся из Петербурга на все дворянские шалости нет никаких известий.

Ты, вероятно, спросишь, отчего я молчал. Вот объяснение. Я ехал и записался по Московскому уезду с тем, чтобы протестовать, но в первый и второй день по приезде моем, с пяти разных сторон, мне было передано к сведению и руководству, что вожаки собрания намерены воздержаться от всяких манифестаций, если я буду молчать, и что на оборот, каждое слово, мною произнесенное, будет принято как вызов и подаст сигнал к агитации. Иными словами, намеревались взвалить на меня ответственность за все дворянские глупости. Я дал себе и другим слово не подавать им к тому повода и, признаюсь, до сих пор ни мало об этом не жалею.

Завтра ожидают в Москву министра Внутренних Дел, Головнина и Зеленаго, будто бы для торжественного открытия Петровской Академии.

Первая моя статья об иезуитах напечатана и вышла ничего. Аксаков на неделю уехал в Петербург. Маша оправилась и начинает выезжать. Маминька здорова. От Пети получено на днях письмо; он должен быть на днях в Риме. Обнимаю тебя, Вариньку и детей.

Ю. Самарин.

P.S. Каткову по подписке поднесена огромная бронзовая чернильница с разными символическими изображениями» [42].

2) Москва, 24 ноября 1865 года: «Завтра утром я еду в Петербург на неделю, чтоб повидаться с Милютиным, который нынче вызвал меня по телеграфу, уведомив меня, что отлагает на день свой отъезд в Варшаву. Первая моя статья о иезуитах появилась и читается. Вторая явится в следующем нумере. Вчера Петруша Васильчиков давал прощальный вечер Графу Орлову-Давыдову; созваны были Катков, Мусин-Пушкин, Голохвастов и вся партия. Трудно себе представить до чего они завираются и заносятся. Из Петербурга до сих пор ни полслова. Чичерин собирается издать книгу о конституционном правлении, отчасти в ответ дворянским затеям. <…>

Издание “Обозрения” вместо “Дня” не состоялось. Подписчиков совсем нет, чего и следовало ожидать» [43].

3) Москва, 6 декабря 1865 года: «Любезный Митя, сейчас получил я уведомление о назначении меня в должность председателя Губернского Собрания в Самару. <…> Не мешало бы и тебе приехать в Самару посмотреть на Собрание, хоть после 1го января. Я прожил в Петербурге неделю. Там остались довольны Московским Дворянским Собранием, а в председатели земского собрания петербургского назначили Платонова, известного агитатора, который не преминул, кажется, во второе же заседание, возбудить конституционный вопрос. Собрание вынуждено было осадить своего председателя и призвать его к порядку. Едва ли не единственный пример в своем роде. <…>

“День” решительно прекращается. Я справляю его похороны. Статьи об иезуитах имеют некоторый успех» [44].

Делясь впечатлениями уже из Самары о ходе губернского собрания, Самарин писал брату Дмитрию 25 декабря 1865 года: «По приезде, я разумеется тотчас же втянулся в дело. Я ожидал беспорядка, бессмыслиц, срама всякого рода; но такой дичи, какую они успели настряпать, я себе и не воображал. Выходит, что Самарское Собрание было образцовое против других. Все и все вышло из пределов закона, у всех все вываливается из рук, ни одной сметы и ни одной раскладки утвердить ни пропустить нельзя. Сорение земскими суммами доходит до скандала. Гласные сами разбирают между собою по рукам остатки. Нашему соседу Пустошкину досталось 500 р. Все оклады увеличены на 1/4, 1/3, даже на 1/2; при этом у всех твердое намерение не платить. Распущенность и дезорганизация полнейшая. Как я себя ни сдерживаю, а не мог не выбранить всех, Обухова, управу, приезжих гласных. Не знаю, удастся ли мне сдержать себя в Собрании. Кажется это испытание ему долготерпению не по силам» [45].

Испытание и правда оказалось не по силам – недовольные члены собрания в итоге изливали свое возмущение на страницах «Вести», о чем Самарин писал Дмитрию уже из Москвы, 15 февраля 1866 года:

«Шелашников с компаниею печатают обо мне (разумеется не подписывая) разные сплетни в Весте. Я послал ответ в Инвалид, без всякой полемики, а просто обличение во лжи. Бартенев выпросил у меня право издать брошюрою письма о Иезуитах; они переводятся единовременно на польский язык, болгарский и арабский (для Сирии) в Александро-Невской Лавре. Последнего я никак не ожидал. Аксакова я еще не видал; говорят, он завтра приедет в город. Завтра я баллотируюсь в гласные по городу по просьбе Щербатова. В Московской губернии проведены выборы мировых судей; Оболенский (губернатор) и Бахметев (предводитель) в отчаянии; выбрали брак и отсев земской полиции, выгнанных из службы становых и заседателей; говорят, что выборы были скандальные. В Епифановском уезде вся Управа служит без жалованья; говорят, что в Губернской Тульской Управе надеются провести тоже безвозмездную службу. Теперь происходит Уездное Земское собрание в Богородском уезде Московской губернии; Николинька и семья Рахмановых там. Невеста его настояла на том, чтоб он баллотировался в участковые мировые судьи. Она оригинальная барышня. В ней есть очень редкое сочетание серьезного ума, начитанности, жажды к учению, с детскою физиономиею и детским характером, не по летам детским. При этом она крайне избалована и капризна почти как Сонюшка, но очень мило и добродушно в этом сознается и заявляет о твердом намерении исправиться; влюблена сильно. Маша все прихварывает и очень занята серпуховскими своими учреждениями. Я на днях поеду в Петербург» [46].

Первоначально Самарин намеревался отвечать на страницах самой «Вести», сохранился черновик его письма в газету – как можно видеть из него, автор сам, видимо, убедился, что ответ довольно слаб с полемической точки зрения:

«М.Г.

Позвольте мне попросить Вас дать место в Вашей газете следующим строкам.

По возвращении моем в Москву мне попались на глаза два № “Вести” 8 и 10 содержащие в себе известия о Самарском Губернском Земском Собрании, на котором я имел честь председательствовать по назначению от Правительства. Разумеется, о действиях моих говорится весьма неодобрительно. Как “Славянофильский либерал” – так называет меня газета “Весть” – я никогда не рассчитывал на ее беспристрастие и надеюсь никогда и ничем не заслужить ее сочувствия. Имя Самарского корреспондента газеты от публики скрыто. “Нам пишут из Самары” – и только. Это осторожнее и эффектнее; можно пожалуй предположить, что пишут многие.

Еще осторожнее было бы ограничиться голословным порицанием “моей словоохотливости и бесцеремонности моего обращения с собранием” да еще несколькими тонкими намеками на какие-то “различные сведения”, которых будто бы нельзя сообщить публике и на «неполноту» печатаемых в местных Губернских Ведомостях известий. Тогда, конечно, я не подумал бы отвечать.

Но безымянный корреспондент газеты “Весть” вздумал указать на факты; а когда речь идет о фактах, особенно публичных, всегда можно добраться до правды и обличить ложь.

“*Нам пишут,* говорит “Весть”, что большая часть гласных разъехалась до окончания срока Собрания, а многие из проживающих в городе перестали посещать его. Уверяют, будто причина этого заключалась в разных неудовольствиях на председателя.

Нам пишут, что в заседании 16 Января из числа 80 гласных оставалось в присутствии всего 25 человек”. – По оффициальному, печатанному именному списку Губернских гласных, их значится 68, а со включением двух членов от ведомств Государственных Имуществ и Удельного и Председателя (который может быть не быть гласным) 71; откуда взялось 80 – этого не пишут.

По ст. 42 и 85 Полож. о Земск. Учрежд. для законного состава заседания требуется присутствие не менее третьей части всего числа гласных, собрание составляющих; каким же образом могло состояться заседание (а оно состоялось) при 25 наличных гласных, если полное число гласных, собрание составляющих, было 80 – этого тоже не пишут и редакция не объясняет.

К 16 Января, то есть к концу заседаний Председатель успел своим бесцеремонным обращением разогнать гласных и оттого их осталось не более 25; так пишут и редакция этому верит. Но вот чего не пишут, и что видно из печатных журналов: собрание открылось 28 Декабря; в этот день гласных было на лицо (не считая членов от ведомств и Председателя) 37; следовательно, не явилось, по счету неизвестного корреспондента газеты «Весть», 43, более половины, а по официальному счету 31, несколько менее половины. Отчего ж не явилась? Уж не удержало ли их предчувствие будущих их неудовольствий на Председателя? Вот еще несколько фактов в том же роде и о которых тоже не пишут. Первое, чрезвычайное Губернское Собрание, перед закрытием его, в Марте прошлого года, избрало из среды своей ревизионную комиссию, из шести гласных, для поверки земской отчетности и просило их (хотя об этом в журнале не упомянуто) съехаться за несколько дней до открытия будущего Собрания и приступить к делу немедленно, так чтоб отчет мог быть представлен в одно из первых заседаний. Это не было исполнено. В день открытия второго (первого очередного) Собрания, ревизионная Комиссия оставлена была в прежнем составе и на нее вторично возложено было поручение рассмотреть отчет. По прошествии более десяти дней, Председатель не слыша ничего о ходе занятий Комиссии обратился к членам ее с просьбою сообщить Собранию, скоро ли поспеет их отчет. Оказалось, что комиссия

№ 18

Москва, 27 июня 1866 года

Москва. 27 Июня 1866.

Dearest Mary, начну с самого существенного и с Маменькиных поручений.

Она здорова и на прошлой неделе отговела; это ее конечно утомило, однако она выдержала, хотя питалась овсяною кашицей и какими-то невиданными блюдами, изобретенными твоим поваром. Его воображению Маменька дала полную волю и он теперь, на исходе поста, пробует самые невероятные комбинации, в роде тех, которыми тебя теперь потчуют в Риге.

Сегодня был в доме фотограф и в твоих комнатах расставил свои снаряды у открытого окна; судя по вони, которая прошла даже в нижний этаж, дело у него шло успешно. Третьего дня заезжал Виноградский; он просил передать тебе, что Маничка в деревне и обретается в полном удовольствии.

А.И. Субочева была у нас на другой день после твоего отъезда; она нашла себе место на все лето в Калужской Губернии у какого-то старика военного, при трех его дочерях, которых она взялась обучать всем наукам и искусствам за 150 руб. сер. на все лето.

Третьего дня приезжала сюда Лина, на один день, проехала в Акустнино, вернулась назад и теперь опять должна быть в Туле. От Вареньки получено письмо сегодня; она пишет, что приедет на днях, но когда именно не определяет в точности; у них все здоровы; от Измалкова она отказывается; хочет остановиться в Москве. Николинька пишет все одно и то же и зава-

к делу не приступала, даже ни разу не собиралась и что некоторые из членов ее, не предуведомив ни Председателя, ни Собрания, разъехались, а некоторые, взявшие на себя другие поручения, от ревизии отказались. Жаль, что не пишут: не выразилось ли и в этом неудовольствия на Председателя? На землевладельческих избирательных Съездах Самарской губернии имели право участвовать 9.193 человек; участвовало: 5.561; не участвовало 3.632, около 40%; из дворян на землевладельческих съездах имели право голоса 964 человека; воспользовалось этим правом 168 человек; не воспользовались этим правом 796, следовательно число не явившихся составляет более 82%; из крестьян имели право голоса 6.255 человек; воспользовались им 4.883; не воспользовалось и не явилось 1.372, менее 22%. В то время о назначении в Председатели «Славянофильского либерала» не было и речи. В Самарском Уезде избрано гласных в Уездном собрании 59; в том числе дворян 17, крестьян 24; на Уездном Октябрьском Собрании прошлого года, на котором обсуждались вопросы о переложении натуральных повинностей на деньги и о поземельном сборе, присутствовало дворян от 5 до 7, а крестьян от 20 до 22х. На этом Съезде Славянофильский либерал присутствовал как кандидат, взамен выбывшего гласного, а председательствовал Уездный Предводитель Дворянства, который может быть сам испытывал неприятности, но которого никто в бесцеремонности обращения с Собранием не упрекал.

Далее, в том же 8 № газеты "Весть" значится: "секретарем был избран Э.В. Нудатов, но вскоре отказался, вследствие – как нам пишут – неприятностей с Председателем".

Дело происходило таким образом. В самый день открытия Собрания избран был в секретари Э.В. Нудатов. Как только сочтены были голоса, он встал и объявил собранию, что не может принять этой должности, потому что приехал на самый короткий срок и через несколько дней должен будет непременно, по семейным обстоятельствам, ехать домой. Эти обстоятельства были хорошо известны всем знакомым Г. Нудатова; но несмотря на то Собрание обратилось к нему с просьбою не отказываться от должности и Секретаря, хотя бы на время пребывания его в Самаре и наконец он изъявил на это свое согласие, предупредив вторично, что как только он получит ожидаемое им из дому известие, так должен будет сдать свою должность.

Кажется через неделю, Г. Нудатов действительно получил из дому письмо и предуведомив меня в тот же день, на следующий сдал свою должность в Собрании, которое изъявило ему свою признательность, и выехал из Самары. Пока мы вместе занимались составлением журналов, между нами не было ни малейшей неприятности. В подтверждение моих слов ссылаюсь на свидетельство самого Г. Нудатова и всех тех из господ гласных, присутствовавших в Собрании, которые захотят выступить перед публикой с открытым лицом, а не под маскою анонимного корреспондента.

(*) Не зная его адреса, я к сожалению моему не могу прямо к нему обратиться» [47].

На некоторую справедливость обвинений в адрес Самарина как председателя собрания указывает, например, его фраза из письма брату Дмитрию от 28 декабря 1865 года: «Первое собрание сошло с рук благополучно. Вступительная моя речь имела успех. Все, что я предложил, принято. Избраны кого я желал. Все пока довольны и у меня в руках. Не знаю, что будет дальше» [48].

ливает Маменьку всякого рода поручениями: пришлите то и то, заплатите тому-то, возьмите расписку с того-то и тому подобное. В доме все благополучно, трава в саду так высока и пуста, что после Петрова дня приходится опять косить; твой Иван № 3 до сих пор трезв, но очень хмурится; кажется, что воздержание ему в тяготу.

Третьего дня я видел Аксакова; он привез свою жену из Ильинского и на днях отправляется с нею в Самару. Императрица, кажется, скоро уезжает, Государь уже уехал; перед отъездом он делал маневры, говорят, неудавшиеся, дал аудиенцию Каткову и в Елизаветинском Институте заставил девиц проделать par de geant. – Вероятно ты уже знаешь, что Катков и Леонтьев восстановлены во всех своих редакторских правах; вчера вышла первая его передовая статья, в которой он выступает как Римский триумфатор, ведя за собою скованную цензуру. Несмотря на то, несомненно, что первый шаг сделан им, что ему помог Толстой, что придумали какой-то предлог для допущения его к изданию и что он сам просил позволения лично выразить Государю свою благодарность. Толстой был у меня на прошлой неделе; хотелось пожаловаться ему; но потом я раздумал, сообразив, что морская волна теперь уже смыла все дрязги и тревоги. Знаешь ли ты, что сын кн. Григория Щербатова провалился на математике? Я встретился с отцом на обеде у брата его и очень не кстати поздравил его со вступлением сына его в Университет. А говорят мальчик был подготовлен недурно.

В прошлую среду я был у Бахметьевых и прогостил у них два дня. Мы осмотрели все: цветники, оранжереи, ручных волков, образцовых учеников и порешили все вопросы о Церкви, о Славянах, о Сухотине, о будущности Русского народа и т.д. Она не унывает и благородная жажда деятельности в ней нисколько не остывает; он все ворчит про себя, на кого и за что неизвестно, но и за то ему спасибо, что не мирится с тою средою в которой живет. С бедною Лизою Карамзиной случилась новая беда; она как-то ухитрилась, разливая чай, опрокинуть на себя целый самовар и обварила себе всю грудь.

Поблагодари от меня княгиню К.А. Черкасскую за ее последнее письмо. Скажи ей, что я не видал в Москве никакого Англиканского Епископа, даже не слыхал об нем, даже Сухотин об нем не говорит; что касается до отправки денег в Америку, к Юнгу, то дело стало не за мною, а за Шушенькою, которая пожертвовала 25 р. и хотела написать письмо, но до сих пор не собралась; как только я получу его, тотчас отправлю через Американского Консула, приложив от себя 100 р.

Недавно был здесь проездом из Варшавы Соловьев; он мне много говорил о Кошелеве с остервенением и об кн. Черкасском с нежностью, почти сознаваясь, что если и бывали между ними размолвки, то вся вина не его (Соловьева) стороне; к этому он однако прибавил, что у кн. Черкасского один недостаток, а именно он не довольно хладнокровен. Это говорил Соловьев! Я чуть не прыснул со смеха.

После твоего отъезда были у маменьки Евгения Владимировна с мужем и Саша Васильчиков с женою. Евгения Владимировна сделала легкий выговор Маменьке за то, что она не скоро осведомилась о здоровье ее детей, – мне за то, что я не так, как бы следовало, восхищался Усольским.

Впрочем, Петруша просидел у меня в кабинет с полчаса, с глазу на глаз, и ничего. Все не нахвалится его усердием в здешней управе; он работает за всех.

Вот тебе подробная реляция. В доме все благополучно; вчера чистили ватерклозеты. Остается тебя просить об одном: забыть все и всех: Константина Ивановича, Егора Михайловича, Настасью Ивановну, Андреевского старосту, Мировых Посредников и т.д. и т.д., бросить все заботы, предположения, экономии, ничего не читать и ни о чем не думать. Море удивительно в этом помогает. Однообразный прибой волны настолько занимает, что отвлекает внимание от других предметов и, успокаивая нервы,

в то же время усыпляет мысль, наводя на душу освежительную дремоту. Стоит только поддаться.

Усердно благодарю Николая Ивановича за исполнение моих поручений. Нежно обнимаю тебя и Федю. Передай мой дружеский поклон кн. Черкасской и гр. Барановой, а немцам скажи от меня, что я еще надеюсь когда-нибудь побывать у них.

Ю. Самарин.

№ 19

Москва, 11 июля 1866 года

Москва 11го Июля

Dearest Mary, твое письмо я получил и завтра поеду к директору 3ей Гимназии; но я предупреждаю тебя, что так как он меня лично не знает и так как я не могу предъявить ему никакой записки от Феди, которому документы принадлежат, то он, по всей вероятности, мне их не выдаст; по крайней мере, на его месте, я бы никогда не решился незнакомому человеку отдать чужие документы. Я даже не понимаю, о чем ты и Николай Иванович хлопочете и на что Вам документы? Гораздо простее в просьбе на имя Ректора Московского Университета в конце написать: «Документы мои, а именно: метрическое свидетельство и т.д. покорнейшей прошу вытребовать из Правления Московской 3ей Гимназии, куда оные мною представлены были при прошении о допущении меня к экзамену и где по сие время находятся».

Если ж Вы непременно захотите (что по мне вовсе не нужно) вытребовать их теперь, то пусть Федя напишет мне письмо, которое бы я мог предъявить директору, такого содержания: при подаче просьбы о принятии меня в Университет, мне необходимо приложить к ним такие-то документы. Находящиеся в 3ей Московской Гимназии; находясь в Дуббельне и не имея возможности до срока установленного для подачи прошения явиться лично за получением их, прошу Вас взять на себя труд истребовать их и в получении за меня расписаться. – Маменька *совершенно* здорова, Митя, Варенька и все дети также; только у Пети (Митиного сына) огромный чирей на лбу.

О Маменькином желудочном расстройстве я тебе не писал, потому что положительно не стоило; оно прошло в три дня да и не очень ее беспокоило. Если б случилось что-нибудь серьезное, я бы не стал таить. Обо мне думай, я совершенно здоров, занят и никуда не собираюсь. Новостей собственно русских никаких нет. Все по старому: где засуха, где саранча, все крехтят, никто ничего не делает и все бранят по прежнему Правительство. Я воображаю, какие теперь надежды зарождаются в Остзейских мозгах, при мысли о всегерманской державе слагающейся теперь под крылом Пруссии![1]

Всеславянская, даже Всерусская держава – это, по их словам, дикий бред и почти преступная мечта, но Всегерманская – другое дело. И мы непременно проспим Остзейский край, как едва не проспали Западного. Мы *откроем* и признаем очевидный факт систематических усилий отторгнуть край от России, когда в нем вспыхнет восстание или из-за него начнется война; не прежде. До тех пор нас будут убаюкивать верноподданническими изъявлениями личной преданности. Прощай, нежно тебя обнимаю

Ю. Самарин.

[1] Имеется в виду образование Северо-Германского союза после победы Пруссии в войне с Австрией, утвердившее преобладание Пруссии среди германских государств и ставшее решительным шагом на пути образования Германского государства по малогерманскому сценарию (то есть без австрийских земель), завершившееся в 1871 году, после победы во франко-прусской войне, провозглашением Германской империи, так называемого II Рейха.

№ 20

Москва, 14 июля 1866 года

Москва Июля 14 1866 г.

Dearest Mary, Директор Гимназии, помолившись, выдал мне аттестат и документы Федины, но взял с меня слово, что я доставлю, для приобщения к делу верющее от него письмо, уполномочивающее меня на получение документов. Скажи Феде, чтоб он не откладывая прислал бы мне такое письмо. Что же мне теперь делать с документами? Держать ли их у себя или направить к тебе? До получения письма, я буду держать их у себя.

Нового ничего нет. Вчера сидел у нас весь вечер С.М. Сухотин, но и тот перебивался старинкою.

Маменька, слава Богу, здорова и очень занята детьми. Тебе решительно нет никакой причины спешить назад и я бы тебе советовал по возможности продолжить купанье в море. Просьбу можно послать из Дуббельна по почте; нет никакой надобности для Феди подавать ее самому…

Передай мой поклон Николаю Ивановичу. Обнимаю тебя крепко.

Ю. Самарин.

№ 21

Москва, 16 августа 1866 года

Москва 16 Авг. 1866.

Dearest Mary, сегодня в университете было молебствие; начало курса последует не раньше 1го Сентября, следовательно и тебе нет никакой надобности возвращаться раньше; впрочем, лекции начинаются не вдруг. Иной профессор откроет свой курс 2roили 3ro; другой 5ro или 6ro и т.д. Ты вероятно из газет узнала о приеме американцев в Москве; обедов, тостов, спичей более или менее складных и криков было довольно.

Теперь идет подписка на Православную Церковь в Нью-Йорке, которая должна строиться на деньги, пожертвованные на половину Американцами, на половину Русскими.

У нас в доме все здоровы; но Катер. Пет. Ермолова[1] на днях заболела чем-то похожим на воспаление и долго не оправляется.

Прощай, отдыхай в деревне и не спеши. Обнимаю дружески

Ю. Самарин

P.S. Поклонись от меня Варваре Сергеевне Коробочке.

№ 22

Москва, 2 сентября 1866 года

2 Сент. Москва

Dearest Mary, тебе валит счастье. Соболевский[2], с которым я встретился, просил меня уведомить тебя, что он жертвует на Серпуховскую библиотеку около 300 томов всякой всячины, в том числе и серьезные книги, как то: историю Карамзина и т.п. Это дублеты и брак от библиотеки покойного Полуденского, которою распоряжается Соболевский в качестве душеприказчика. Я сам купил три шкапа французских классиков за 300 р. Из этого часть вероятно тоже достанется тебе. Я приказал Сергею отправить за ящиками с твоими книгами (которые уже уложены), привезти их в дом, заплатить за упаковку 3 р. и ожидать твоих распоряжений. Мой отъезд замедлился.

Оказывается, что по мелководью пароходы перестали ходить от Нижнего до Казани. Не знаю как я проеду это пространство; я теперь телеграфировал и ожидаю справок. Чек Даниле передан. Обнимаю тебя и Маменьку.

Ю. Самарин.

[1] Ермолова Екатерина Петровна (1829–1910) , с 1846 – фрейлина императрицы Александры Федоровны, камер-фрейлина с 15 мая 1893 года. Дочь Петра Николаевича Ермолова (1787–1844) и Анны Григорьевны Оболонской (1807–1852).

[2] Соболевский Сергей Александрович (10.IX.1803 – 6.X.1870) – библиофил и библиограф. О нем и его книжной коллекции см. [7].

№ 23

с. Васильевское, 19 октября 1866 года

С. Васильевское
19 Окт. 1866.

Dearest Mary, благодарю тебя от души за подробные и обстоятельные известия. Ты так распорядилась, что все стало ясно, и предупредила все вопросы. В первую минуту я было тотчас собрался ехать, но потом раздумал, убедившись, что это ни к чему не поведет. В самом деле, помочь я ничем не могу, ты гораздо лучше приноровилась к Маменьке и имеешь гораздо больше на нее влияния, чем я. Все дело мне представляется в таком виде: это был не простой ушиб; нога подвернулась не от того, что поскользнулась и ступила не прямо, – этого быть не могло потому, что при выходе из карету Маменьку всегда поддерживают под руку; следовательно, причина была не случайная, а внутренняя; нога изменила, отказала на ту минуту в службе, потому что ослабела или онемела, а онемела она оттого, что сделалось легкое, местное апоплексическое поражение. Так ли смотрит на дело Боянус? Признаюсь, меня всего более беспокоят последствия Маменькиной совестливости, постоянное ее старание обойтись без посторонних услуг и не тревожить горничных, которые целый день распивают чай или спят. Ночью она непременно будет по-прежнему вставать одна и расхаживать. Знаю, что этому пособить очень трудно. Что Бог дает! – Объясни мне еще одно: отчего Николинька с женою уехал в Загорье? Ты в одном письме пишешь: «Катя еще не оправилась от простуды, и мы к ней поехали проститься, потому что доктор высылает ее в Загорье». С какой же статьи ехать теперь в Загорье, при простуде и в ожидании отпуска?

На днях, о чем я уже писал к Маменьке, у Сережи были конвульсии, дня два он был как-то не в духе, худо спал и все плакал; но припадки не повторялись, сегодня ему положительно стало гораздо лучше и он повеселел.

Вчера, без всякой причины, у Сони и Феди вдруг открылась рвота; мы было струхнули, но к счастью никаких последствий не было. Чтоб успокоить Маменьку на счет Сережи, я посылаю телеграмму.

Аксаков пишет мне, что он берется за издание ежедневной газеты «Москва» на складочный капитал, собранный Ляминым[1], Солдатенковым[2] и другими[3]. Между нами будь сказано, Володя опять проигрался и мы на днях

[1] Лямин Иван Артемьевич (16.VIII.1822 – 9.XII.1894) – купец I гильдии, владелец «Покровской мануфактуры», в 1865–1868 – председатель Московского биржевого комитета, в 1871–1873 – московский городской голова.

[2] Солдатёнков Козьма Терентьевич (10.X.1818 – 19.V.1901) – купец I гильдии, крупный текстильный фабрикант (Товарищество Кренгольмской мануфактуры), меценат.

[3] Об основании ежедневной газеты Аксаков писал Самарину из Москвы 9 октября 1866 года: «Теперь только могу сообщить тебе положительное известие. Я наконец получил формальным образом и принял предложение быть редактором ежедневной газеты. Прежняя моя комбинация об издании еженедельной газеты и о совмещении этого дела с званием члена судебной палаты не удалась, потому что против издания еженедельной газеты все восстали и никто не хотел на нее жертвовать ни копейки, а также потому, что подобное совмещение оказалось и трудным и неудобным. Дело было совсем затянулось, и я, махнув на него рукой, нанял себе флигель на Малой Дмитровке и стал перебираться в Москву, как вдруг получил письменное соглашение за подписью Лямина, Морозова и Солдатенкова. Капитала собрано 50 т<ысяч> р<ублей> с<еребром>. С этим начинать можно. Условия написаны, и завтра последует ратификация. Параграф первый гласит, что составители складочного капитала в политическую, литературную и вообще в редакционную часть вмешиваться не имеют права и предоставляют мне в этом отношении полнейшую свободу. Все их требование заключается в том, чтоб из 24-х столбцов газеты не менее двух было посвящено торговым корреспонденциям, чтоб по крайней мере один раз в неделю была передовая статья по вопросам промышленным и финансовым, написанная Чижовым или Бабстом, чтоб отдел экономический был под ответственностью Чижова и Бабста, чтоб я в каждом № давал место торговым телеграммам, доставку которых они сами берутся устроить; наконец, чтоб я не выходил из общей цифры бюджета (который исчислен ими в 70 т<ысяч> р<ублей> с<еребром> в год). Затем, внутри этой цифры я могу распоряжаться по своему усмотрению. По моему требованию они с своей стороны назначают своего кассира для хранения суммы, которая расходуется кассиром по моим письменным ордерам; эти последние не подлежат никакому контролю; контролю подлежит только верность прихода и расхода. Газета будет называться “Москва”.

отправили для уплаты его долга в Вильну 2.500 р. Зачем он едет в Москву? Не вздумал ли он выдти в отставку? Передай мой дружеский поклон Николаю Ивановичу и Александре Ивановне. Нежно тебя обнимаю и еще раз благодарю.

Ю. Самарин.

№ 24

с. Васильевское, 13 ноября 1866 года

С. Васильевское

13 Ноября 1866

Dearest Mary, Маменька писала мне о Володиных делах и потребовала, чтоб я отвечал ей в конверте на твое имя, чтоб ты могла передать ей письмо мое наедине, что я и прошу тебя исполнить. Маменькино письмо довольно длинно, нельзя сказать, чтоб оно было нескладно, однако нельзя и скрыть от себя явной перемены, то есть признаков упадка: много недописанных слов, много написанных два раза к ряду. Это признак самый решительный и несомненный; я это вижу по себе. Смысл в пальцах пропадает прежде чем сделается ощутительною утрата или ослабление смысла в голове. Надобно теперь, по возможности, сложить с нее все хлопоты и заботы. В этом смысле я к ней пишу.

Все это время я готовил и изготовил к печати второй том сочинений Хомякова; теперь пишу к нему длинное предисловие, в виде не то что биографии, а скорее характеристики человека и писателя. Если удастся, я буду доволен и этим закончу; этот труд лежал у меня на совести как невыплаченный долг. Сегодня получил длинное письмо от Платона[1], из Риги, прекурьезное; поручил мне между прочим тебе кланяться. Он вздыхает и крехтит, как безмозглая баба. C'est une vraie poule mouillée[2]. Правда, что с ним выделывают вещи невероятные. Он там издает какой-то свой журнал и ему не позволяют печатать своих статей без разрешения местного Цензора, Немца и Лютеранина, бывшего Частного Пристава Шмидта (я его знаю). И все Русские Архиереи, весь Синод это знают, крехтят, вздыхают и молчат. Взывают к Богу, а между тем злятся. Что за трепье! – Каков Володя? Il parait qu'il a mis a maman le conteau a la gorge pour avoir Каменка[3].

Обнимаю тебя нежно. Не слыхала ли ты чего о журнале Аксакова. Что Федя?

Ю. Самарин.

№ 25

Москва, 23 июня 1867 года

Москва 23 Июня 1867

Dearest Mary, посылаю тебе кучу писем, полученных на твое имя; они лежали здесь в ожидании твоего адреса, одно из них, кажется, от Кн. Черкасской. Маменька к тебе нынче писать не будет; он писала недавно. Об ней я не могу сказать ничего нового. С тех пор как ты уехала, она ни разу не жаловалась, спит положительно хорошо, лучше чем на Ордынке – это странно, но несомненно; ест очень мало, но без разбора, все что взбредет на ум повару, в том числе попадаются иногда невообразимые комбинации таких веществ, которые никогда еще не встречались на одной тарелке.

Название это выбрано ими самими. – Формат ее вроде "Моск<овских> ведомостей". На днях я уезжаю в Петербург хлопотать о формальном разрешении и о внесении залога. (Кстати и об освобождении залога, внесенного тобою за право бесцензурного издания "Дня". Залог этот по закону лежит год в министерстве, со времени выхода последнего № газеты). Можешь представить сам, сколько мне теперь хлопот и забот, чтобы установить такой сложный механизм, каково издание каждодневной газеты. Но она появляется как нельзя более кстати, и я надеюсь, что по части восточного и славянского вопроса она будет иметь значение» [1, с. 234–235].

[1] Платон (в миру Николай Иванович Городецкий, 2.II.1803 – 1.X.1891), в 1848–1867 – архиепископ Рижский и Митавский, скончался в сане митрополита Киевского и Галицкого (1882–1891).

[2] Это настоящая мокрая курица (*фр.*).

[3] Кажется, он приставил матери нож к горлу, чтобы достичь Каменки (фр.).

Сказать, как она проводит время, довольно трудно: ездит к обедне, хотя не всякий день, читает, вышивает и много бродит по дому, иногда заходит в сад. Ja grande recuperation consiste a constater tout le deteriorations de la maiom, a faire recoudre par ici, envelopper par la etc. etc.[1]. Во всей Москве трудно было отыскать дом более неудобный и безалаберный; еще труднее было придумать для самой маменьки помещение более беспокойное; но кажется этим-то она и довольна, по крайней мере, она частенько похваливает, хотя я уж и не спорю. Княгиня Софья Степановна Щербатова[2], наслышавшись от сына[3] и от его жены[4] о неудобствах дома и о трескотне на Петровке, предложила Маменьке свой дом на Садовой; но, разумеется, это было отвергнуто. Боянус ездит редко. Вообще, теперь уже никто не ездит, все разъехались, даже Савина. Я, признаться, побаивался как бы она чего-нибудь не разболтала, а между тем предупреждать ее не хотелось. Теперь, в этом отношении, опасаться нечего. Я получил письмо от Николиньки и два от жены его. До сих пор лечение принесло ему мало пользы, а в последнем письме она уведомляет, что он скучает и собирается на днях на короткий срок в Москву поотдохнуть. Это уж был бы верх безумия, и я им напишу, чтоб они не трогались и перестали блажить. Петя и Лина в восторге от своего дома и от кучи приехавших к ним гостей, разумеется, Оболенских с принадлежностями. Володя мне пишет, что он хочет баллотироваться в Мировые Судьи. Сам я наверстываю время потерянное с Славянами и подготовляю второй том сочинений Хомякова к печати.

Убедительно тебя прошу не спешить назад, а делать свое дело, то есть купаться, купаться, купаться и ничего не делать. Нежно обнимаю тебя и Федю.

Ю. Самарин.

№ 26

Санкт-Петербург, сентябрь-октябрь 1867 года

С. Петербург. Среда.

Dearest Mary, по наведенной мною в Правлении Общества взаимного поземельного кредита справке, оказывается: 1) есть местности, в которых десятина закладываемой земли принимается в определенную цену (нормальную), и есть такие, для которых, по малоценности земли, нормальной земли не полагается, а всякий раз производится *специальная оценка*. Ветлужский уезд принадлежит ко второму разряду, а потому и нельзя сказать вперед, до производства оценки, в какую сумму Общество примет десятину. 2) Как видно из приложенной книжки, оценки вообще низки, напр., в местностях сходных с Ветлужским уездом, Нижегород. и Костромской губерний, десятина ценится в 4 руб., а в ссуду выдается $^{2}/_{5}$, т.е. 1 р. 60 к., что составило бы за 1.700 дес. 2.720 руб. закладными свидетельствами *по нарицательной цене*. 3) В Правлении мне сказали, что свидетельства Общества ходят по 84 за 100, а в частной конторе, в которой я справился, мне предложили купить по 81 за 100, а когда я сказал, что не покупаю, а желаю сам продать конторе, то мне ответили, что *вовсе не покупают их*. Принимая даже курс (более чем сомнительный) по 81 за 100, это составило бы: 2.203 р. 20 к. 4) Прежде весны, по позднему времени, к оценке имения в Ветлужском уезде приступить нельзя. 5) Лес в цену полагается, с тем, чтобы владелец подчинился известным условиям относительно сбережения леса. 6) Завод также могут взять

[1] Большое выздоровление в том, чтобы заметить все повреждения дома, зашить здесь, обернуть там и т.д. и т.д. (фр.).

[2] Щербатова Софья Степанова, кн., урожд. Апраксина (1798 – 3.II.1885) – статс-дама, вторая жена московского генерал-губернатора кн. А.Г. Щербатова.

[3] Щербатов Александр Алексеевич, кн. (12.II.1829 – 5.I.1902) – первый выборный московский городской голова (1863–1869), близок к славянофилам.

[4] Щербатова Мария Павловна, урожд. Муханова (30.X.1836 – 11.XII.1892) – жена (1855) кн. А.А. Щербатова.

в залог, по оценке Общества с тем, чтобы владелец застраховал его на сумму не ниже той, какую назначит Общество. Из всего этого видно: 1) что дело это, во всяком случае не может быть окончено вскорости, а протянется более полугода. 2) что Общество неохотно берет в залог имения в местностях глухих и отдаленных, так как это для него невыгодно (осмотр и оценка делаются на счет Общества) 3) что ссуда, по всей вероятности, не покрыла бы долга. Поэтому, мой совет: *просто отказать, не мотивируя отказа.* Я думаю выехать после завтра. Нежно обнимаю маменьку и тебя.

Ю. Самарин.

№ 27

Санкт-Петербург, октябрь 1867 года

С. Петербург

<октябрь> Пятница. <1867>

Dearest Mary, перешли Умихену прилагаемую записку; он меня просил доставить ему справку.

Выезжаю сегодня в 5 часов, к сожалению моему не застав уже здесь Шафранова. Обнимаю тебя и Маменьку.

Ю. Самарин.

№ 28

Рига, 3 октября 1867 года

Рига 3^e^ Октября 1867 г.

Dearest Mary, я купил в Риге несколько книг, которые отправлены в Москву на твое имя. Предупреждаю тебя об этом, чтоб ты не удивилась получив их. Они оплачены; тебе остается только принять их и сберечь до моего приезда. Я здесь третий день и не узнаю Риги, так она обстроилась и раскинулась; правда и то, что времени моего отъезда протекло 20 лет. Из бывших моих знакомых, *ни одного* не осталось в живых; все вымерли.

В здешней городской библиотеке я нашел интересные рукописи по части русской истории и занимаюсь их рассмотрением; вероятно, это займет <у> меня дня три, так что раньше 6го Окт. я едва ли отсюда выеду. С преосвященным Веньямином[1] видаюсь почти каждый день. Он не из ученых, но

[1] Вениамин (в миру Василий Матвеевич Карелин, 24.III.1824 – 21.VIII.1874) – в 1866–1870 – епископ Ревельский, викарий Рижской епархии, в 1870–1874 – епископ Рижский и Митавский. Оказывал существенную помощь Самарину в подготовке выпусков «Окраин России». Так, например, 11 ноября 1868 года Самарин писал ему из Москвы:

«Преосвященнейший Владыко,

Милостивый Государь и Архипастырь,

С настоящим письмом я посылаю в Ригу совершенно надежного человека, Михаила Егоровича Богданова, одного из постоянных сотрудников покойной Москвы. На его скромность и осторожность можно положиться безусловно; тем не менее, я не решился адресовать его прямо к Вашему Преосвященству, а указал ему обратиться к М.М. Дрехслеру для передачи этого письма Вашему Преосвященству, если бы Вы, почему-либо, изволили затрудниться принять у себя самого Богданова. Во всяком случае, непосредственно или через чье-либо посредство, Вы можете передать ему смело все что заблагорассудите и то о чем я в особенности прошу.

В настоящую минуту я готовлю третий выпуск Окраин России, посвященный исключительно судьбе Православной Церкви в Балтийском Крае. Первая часть уже написана (1841 и 1842 года); ко второй части я теперь приступаю; но тут оказывается надобность в некоторых справках, за которыми позвольте мне к Вам обратиться. Я написал на особом, при сем прилагаемом листе вопросы, на которые желал бы получить точные ответы.

По впечатлению, произведенному Окраинами во всех слоях общества, я вижу, что это издание было совершенно ко времени, что и побуждает меня продолжать. Третий выпуск выйдет летом. Благодаря трескотне, поднятой газетами и горячему участию некоторых лиц, в особенности Графа Комаровского, многие здесь в Москве, в дворянском и Купеческом кругу, воспылали усердием к Православным Церквам в Лифляндии, к их жалким пастырям и к их жалкой пастве. Готовятся приношения утварью и деньгами; но это не так важно, ибо одними частными приношениями не поставишь местной Церкви на подобающую ей высоту; важно нравственное действие. Пусть узнает наша Латышская братия по вере, что она не совсем отрезанный ломоть, что есть

весьма не глуп, человек, кажется, добрый и на дело смотрит прямо. У него же познакомился я с некоторыми из здешних Русских чиновников и духовных лиц. Я замечаю, что вообще здешняя русская колония постепенно немечится, и в хорошем, и в дурном смысле. Она обзавелась клубом, разными обществами и т.п.

На пути из Динабурга в Ригу я нарочно ни полслова не говорил по-немецки и все-таки доехал и не умер с голода. Кондуктора, хотя и морщились, а все-таки отвечали мне по-русски, а при буфетах появились мальчики, кое-как объясняющиеся по-русски. В самой же Риге, все убеждены (в том числе и Русские), что требование Правительства относительно введения Русского языка в присутственных местах останется без исполнения. Может быть удастся испросить его отмены или отсрочки, а не то так просто можно под разными предлогами затянуть дело, пока об нем забудут. Так всегда бывало прежде в подобных делах, так будет и впредь.

Прощай, обнимаю нежно тебя и Маменьку. Благополучно ли приехал Митя. Не ожидая от меня другого письма, напиши мне два слова в Прагу, posterestante.

№ 29

Прага, 26 (14) октября 1867 года

Прага 26/14 Окт. 1867 г.

Dearest Mary, в Праге я нашел письмо от Маменьки и от Мити, из которых я узнал, что ты была серьезно больна. Зная, что ты от Маменьки скрываешь все что могло бы причинить ей беспокойство, я даже не совсем доверяю ее словам, что ты теперь поправилась и что осталась только простуда. Я ожидаю от тебя самой правдивого уведомления. Какая у тебя страсть без особенной надобности утомлять себя всякого рода поездками, подвергать себя лишениям и добровольно плодить хлопоты!

После поездки в Дуббельн надобно было серьезно отдохнуть, а ты

в Москве люди об ней думающие и ей сочувствующие; пусть завяжутся прямые, письменные сношения между Православными приходскими священниками и лично им незнакомыми доброжелателями и доброжелательницами их в Москве. Их рассказы, проникая в общество этим путем, произведут большее впечатление и встретят менее недоверия, чем журнальные статьи. Словом, предвидятся впереди лучшие времена.

Вчера сестра получила Ваше письмо от 6го Ноября с ответами на мои вопросы и с приложением письма ко мне от Инбрика Страумита, которому посылаю усердный поклон и прошу передать, что указанные им две ошибки непременно будут оговорены в III выпуске.

В приложенном перечне, я указал те вопросы, на которые я натолкнулся в моей работе; затем, так как она должна обнять историю Православной Церкви в Балтийском крае поныне, то я осмелюсь присовокупить покорнейшую просьбу сообщить мне в дополнение все что Вы сами изволите признать нужным. Чем больше будет у меня материалов, тем лучше. Все что Вы захотите доставить мне, отвезет и передаст мне Богданов. Еще раз могу вполне поручиться за его благонадежность. Мне же самому долго нельзя будет показать глаз в Риге.

Призывая на себя благословение Ваше с глубочайшим почтением и преданностью, честь имею быть

Вашего Преосвященства покорный слуга

Юрий Самарин» [49].

Позволим себе привести фрагмент еще одного письма Самарина к еп. Вениамину от 25 ноября 1871 года: «Пользуюсь отъездом Еноховича, чтоб написать Вам несколько строк на свободе, без опасения почтовых нескромностей. По собранным мною самым точным сведениям, все что было обнародовано за границею Бокком и в разных газетах о подробностях свидания Государя с депутатами Евангелического союза, не подлежит никакому сомнению. Он признал, что для склонения к перемене веры, в сороковых годах, с нашей стороны были употреблены средства нечистые, подкупы и соблазны, что переход в Православие был не искренен, что наоборот движение из Православия в Лютеранство исходит из побуждений чисто духовных. Несомненно также, что он признал право Латышей в младенчестве окрещенных в Православных, переходить, по достижении зрелых лет, в Лютеранство, на том основании, что человек не вяжется поступком родителей, совершенным над ним в младенчестве и без его участия. Этим, implicite признано право *всех вообще* православных менять веру и нет сомнения, что оно скоро будет если не громогласно объявлено, то допущено. К этому надобно готовиться и собраться с силами на отчаянную борьбу. Неужели наше высшее духовенство и теперь не поймет, что, лишаясь полицейской поддержки со стороны гражданской власти, оно теперь более чем когда-либо вправе потребовать свободы слова, проповеди и дела?» [50].

вместо того надела на себя хомут. – Получила ли ты из Городской Думы письмо, которое я отправил к тебе из Петербурга?[1]

Здесь, в Праге, я застал всех своих приятелей и в самый день приезда провел с ними вечер. Впрочем, я объявил, что буду пользоваться приглашениями и угощениями очень умеренно, так как приехал с целью кое-чем заняться. Посылаю вырезку из одной из Пражских газет – мою биографию и мой портрет. Покажи это Маменьке, так как она живо принимает к сердцу все почести мне оказываемые. Comment as-tutrouve le couple Nicolas et quelssont leurs projets?[2] Обнимаю нежно тебя, Маменьку и всех.

Ю. Самарин.

P.S. Я перееду на днях в другую гостиницу и потому адресуйте: Praga, posterestante, впредь до уведомления.

№ 30

Прага, 1 ноября (20 октября) 1867 года

Прага 20 Окт. / 1 Ноября 1867 г.

Dearest Mary, я вижу из твоего письма, посланного в Прагу, что твоя болезнь была гораздо еще серьезнее, чем я воображал. Напиши мне еще раз и откровенно – какова ты теперь. Меня пугает кровохарканье, чего у тебя, кажется, прежде не бывало. Правда ли, как пишет Маминька, что ты намереваешься лечиться от полноты? – По твоему совету, я к Николиньке не пишу, буду ждать, пока он напишет сам, хотя и не понимаю, что могло их раздражить, когда они сами просили советов и самых даже строгих, без пощады. Je vois d'ici les phisionomus et la constraints qui regne dans tous les rapports[3]. Такая жизнь может сделаться каторжною. При настроении матери и дочери нам разумеется нельзя и не приходится не только предпринимать, но даже советовать что-либо решительное; но надобно только постараться о том, чтобы его дряблость при желчном настроении и болезненном эгоизме не отравила жизни К. Для этого нужно на что-нибудь отвлечь его внимание и чем-нибудь занять его. Я вижу к этому только один способ – убедить его, чтоб он взял какую-нибудь должность. Faux – il que je lui en parle?[4] Вообще, совсем с ним не говорить о том, что у него на сердце – тоже не годится. Это хуже для него, особенно для маменьки, которой он поверяет свои заботы и которую расстраивает. Напиши мне откровенно: не приехать ли мне?[5]

Мне предстоит здесь работы месяца на три; приступлено к ней позднее, чем я полагал, а потому, я думаю распорядиться таким образом: приехать в Москву в Декабре, провести с Вами праздник, отбыть в Москве Губернское Земское Собрание и ехать обратно в Прагу. Я кончу здесь все к Февралю. Работа идет отлично: программа, предисловие все это уже написано и вышло не дурно; первый выпуск почти совсем готов. Кажется, если бы я мог писать четырьмя руками, то и то бы не уставал. Чего ты беспокоишься, я решительно не понимаю? Все выходит безукоризненно и умеренно до нельзя.

Вчера я получил письмо от Черкасской, но ее адрес написан так дурно, что я не в состоянии был разобрать его и не мог отвечать.

[1] Вероятно, имеется в виду письмо № 26.

[2] Как вы нашли пару Николаса и каковы их планы? (*фр.*)

[3] Я отсюда вижу выражение и ограничения, которые царят во всех отношения (*фр.*).

[4] Не будет ли ошибкой, если я об этом поговорю с ним? (*фр*)

[5] О беде, неожиданно обрушившейся на брата Николая и его семью, можно узнать подробнее из писем Самарина брату Дмитрию – так, 8 июня 1867 года он сообщал: «Третьего дня я получил письмо от Николиньки очень неутешительное. Лечение электричеством, направленным на весь организм, не принесло никакой пользы; Фрёрихс сдал Николеньку другому врачу, который нашел местный паралич и, продолжая то же лечение электричеством, направляет ток в одно пораженное место. Все это делается, как мне кажется, для очистки совести, и не только сам больной, но и врачи, по-видимому, никаких добрых последствий не ожидают. Нечего сказать, незавидна будущность этой четы!» [51].

Она зовет меня к Милютину[1], в Баден, поскорее; но мне нельзя отлу-

[1] После инсульта, постигшего Н.А. Милютина в конце 1866 года, он последующие несколько лет с семейством провел за границей.

В письме к жене брата Дмитрия, Варваре Петровне от 24 декабря 1866 года Самарин писал: «В Петербурге я провел десять дней, которых никогда не забуду. Бедный Милютин лежал без правой руки и ноги, без языка, без слов, рот на сторону; он узнал меня, пожал мне крепко руку и застонал. Причина удара – органический, неисцельный недуг сердца. В следовавшие за моим приездом дни состояние его несколько улучшилось, то есть он стал говорить, иногда внятно и понятно, а иногда так, что ничего нельзя было понять; в этом отношении улучшение продолжалось постоянно и, говорят, продолжается; но во всей правой стороне тела нет ни малейших признаков движения. По всему что я видел и слышал, я заключаю, что он не утратил ни сознания, ни памяти (хотя, разумеется, все умственные способности ослабли), но слово его не слушается; он говорит не то, что хочет сказать, и оттого выходит бессмыслица. Само собою разумеется, что от него скрывают все последствия болезни: т.е. выход в отставку Черкасского, назначение Набокова, торжество Берга, всемогущего Шувалова, радость Валуева, неприличный, цинический восторг так называемых *независимых* людей, которые пляшут и ликуют над его одром. В высших правительственных сферах конечно не скупятся на уверения, что все пойдет по прежнему, что никакой перемены ни в чем не последует и что стоит лишь приказать и Берги, Набоковы, Шуваловы будут те же Милютины; но разумеется, в это не верит никто, даже не верят и те, которые сами себя успокаивают этими заверениями. Не подлежит сомнению, и многие признаки это доказывают, что последует поворот не только в польском деле, но и во всех внутренних делах. Бедной русской земле предстоят в близкой будущности горькие эксперименты» [52].

В письме к брату Дмитрию от 16 февраля 1867 года из Москвы Самарин вновь делился мыслями о Милютине и об общем ходе дел: «Я пробыл в Петербурге неделю, почти все время безвыходно у бедного Милютина, который очень плох. Затрудняюсь даже сказать, есть ли какое-нибудь улучшение в его состоянии. Слухов по Петербургу ходит много и, разумеется, мне менее чем кому-либо могло удасться разобраться, что правда, что вымысел. Однако наиболее достоверным показалось мне следующее. О разгроме петербургского земства правительство, по-видимому, сожалеет; по крайней мере все, в том числе и те, которые присоветовали эту меру, теперь осуждают ее и, по заведенному порядку, слагают с себя всякую ответственность. Выходит, что это было делом Промысла. Все ожидают, что в самом непродолжительном времени, может быть 19 февраля, петербургское земство будет восстановлено в своих правах. Но вот что неожиданно. В Высочайшем повелении о закрытии Петербургского Собрания ясно было высказано, что оно одно обнаружило систематическое антиправительственное направление и стремление выступить из круга своего призвания, тогда как прочие земства скромно занимаются своим делом в пределах закона; несмотря на то, что эти слова по-видимому свидетельствовали о том, что самое учреждение est hors de cause, возник немедленно законодательный вопрос о его коренном преобразовании. Говорят, что с этою целью учрежден комитет под председательством Валуева, из Гр. Шувалова, Рейтерна и Зеленаго; туда же приглашают в качестве экспертов Гр. А.П. Бобринского (поклонника Вести, одного из ее собственников), Кн. Лобанова и других господ одного с ними цвета (ultra-Вести). Недавно, однако, позвали Качалова, председателя Новгородской управы, очень дельного человека, и выписали из Самары Тургенева. Он был у меня проездом через Москву. Комитет усвоил себе программу Вести и Качалов, узнав ее, пришел в отчаяние и в ужас. Предположенные преобразования, судя по слухам, так нелепы, идут так далеко, клонятся так явно к возбуждению у нас социальной войны, что почти не верится. Предположено: уездные учреждения вовсе уничтожить; сократить до 7 дней срок заседаний Губернских Собраний; возвысить ценз, всех мировых судей допустить de jure (без выбора) в земские собрания; назначать мировых судей исключительно из крупных собственников и не по выбору от общества, а от правительства; запретить переложение натуральных повинностей на денежные, а где они переложены, восстановить их в прежнем виде (!!?), отменить жалованье всем председателям и членам управ и т.д. Я не верю, чтоб это могло пройти; но самая возможность возникновения подобных предположений есть уже явление знаменательное и прискорбное. Поворот несомненен; недоразумения, поклепы, напраслины, все это сгущается в непроницаемую тучу и опять-таки остается одна надежда на Ангела Хранителя Русской земли. Недавно он спас ее от беды.

Я, кажется, писал тебе, что в Министерстве Внутренних Дел разрабатывался под секретом, который ни для кого не был тайною, какой-то проект всероссийского земского представительства или собрания выборных с совещательным голосом при Государственном Совете*. Недавно, не знаю по какому поводу, Государь в Совете очень решительно и строго объявил, что все это вздор; что ни о каком подобии конституции он слышать не хочет, не потому, чтоб он ревниво оберегал свою личную власть, а потому, что ограничение ее было бы для России гибельно. – Слава Богу!.. Но, разумеется, интрига не угомонится; едва ли удастся разбить в дребезги земские учреждения, а расшатают, заподозрят, подорвут все и тогда наступит тяжелая минута беспомощности, горького раздумья, в которую, не видя другого выхода….. вот, кажется, на что бьют. Еще раз – одна надежда на силы небесные» [53].

* Об этом сюжете Самарин писал брату Дмитрию 15 января 1867 года: «Слухи, доходящие из Петербурга, способны напугать всякого. Изготовление какого-то закона о каком-то государственном земском пред-

читься отсюда до 10 Ноября. Около 8го должно быть здесь Уездное Земское Собрание, на котором я хочу быть. Прощай. Крепко обнимаю тебя. Столько есть действительных поводов к беспокойствам, что всякое опасение обо мне ты можешь спокойно отложить.

Ю. Самарин.

P.S. Скажи Мите, чтоб он мне заблаговременно написал, когда откроется в Москве Губернское Земское собрание. Мой адрес: Praga, Kolowrat strasse, hotel Dum Scharzen Roß.

№ 31

Прага 14 (2) ноября 1867 года

Прага 14/2 Ноября 1867

Dearest Mary, я получил твое длинное письмо и тотчас телеграфировал Аксакову, чтоб иметь известия о его жене. Что ты пишешь мне о себе, я отчасти знал, отчасти угадывал; к сожалению, начал угадывать и понимать слишком поздно, чтобы в пору помочь. Знаю, что это не оправдание, потому что непонимание происходило от недостатка внимания, а недостаток внимания от эгоизма первой молодости[1].

Как бы то ни было, я никогда и не думал советовать тебе отказаться от занятий по Серпуховским твоим заведениям; но я и тогда тебе говорил, что после Дуббельнских тревог тебе нужно было просто *отдохнуть* (не говорю развлечься), т.е. провести некоторое время в бездействии. Разумеется, участие в школе и богадельне не может волновать как забота о сыне или муже; но ведь я очень знаю, что и самая второстепенная забота и хлопоты, даже при успешном ходе дела, потрясают твою нервную систему. Я в тысячу раз, в этом отношении, благоразумнее тебя на деле, гораздо бережливее расходую остаток своих сил, а между тем и ты и все друзья беспрестанно читают мне нотации на тему, что нужно себя беречь.

По твоему вторично повторенному совету, я не пишу к Н.[2], хотя думаю, что следовало бы написать если не к нему, то к ней. Если кто-нибудь способен его вразумить и совестить, так скорее я, чем кто-либо другой. Его теперь надобно просто развлечь чем-нибудь, хоть какою-нибудь службою, чтобы отвлечь его внимание от несчастной жертвы его блажного характера. Что касается до В.[3], то признаюсь – это моя последняя забота. В его лета пора самому об себе подумать и пристроиться как сам знаешь; а он привык, чтоб за него ломали себе голову и сочиняли проэкты другие, а я дескать буду возражать и браковать.

У меня все работы в полном ходу, и я вероятно останусь в Праге безвыездно до половины Декабря. К этому времени съезжу в Москву. J'ai comme

ставительстве или Думе ни для кого уже не тайна. Валуев, Шувалов, Кн. Долгорукий и вся их артель наталкивают Государя на такой шаг, который будет у нас началом социальной войны и ринет Россию в область неизвестного и неизследимого. Не знаешь чему более дивиться: тупоумию ли или политической безсовестности людей, решающихся играть судьбою целого народа и ставить на карту всю его будущность единственно только из одного сознания личной своей несостоятельности и беспомощности. Противники освобождения крестьян, враги свободы книгопечатания, враги новых судебных учреждений, покорные слуги Остзейских баронов и усердные адвокаты польской шляхты, подкапываются под Самодержавие и требуют представительных учреждений!! И это противоречие никого не поражает… Разумеется, все делается втихомолку; приняты меры, чтоб выдать придворное шушуканье и лепет Дворянских Собраний за голос России. Остается молить Бога, чтоб Ангел хранитель России в последнюю, решающую минуту остановил руку Государя и не допустил его принять на свою душу неискупимого перед Россиею греха» [54].

[1] Анна Федоровна Аксакова, урожд. Тютчева, 21 октября 1867 года в результате очень тяжелых родов разрешилась мертвым мальчиком. Обмен письмами между Аксаковым и Самариным в этот очень тяжелый для первого период см. [1, с. 240–244].

[2] Имеется в виду брат Николай (1829–1892), см. о нем и его семейных проблемах в предшествующих письмах и комментариях.

[3] Имеется в виду брат Владимир (1827–1870).

un pressentiment qui me dit que ma presence ne sera pas de trop[1]. Обнимаю тебя нежно.

Ю. Самарин.

P.S. Третьяго дня у меня провели вечер два студента, только что вернувшиеся из Белграда; один Петербургский, другой Московский некто *Губин.*

Не знаю, знаком ли с ними Федя. Давно я не встречал таких действительно молодых, свежих, нетронутых и толковых юношей. В короткое время они много объехали, осмотрели внимательно, трезво и поняли хорошо. Они едут обратно на днях.

№ 32

Прага, 9 декабря (28 ноября) 1867 года

Прага 9 Дек. / 28 нояб. 1867.

Dearest Mary, я прочел в газете телеграмму о кончине Митрополита[2]. Мир праху его и вечная память. С ним сошел в могилу последний бесспорно всеми признанный авторитет наш в области мысли. Сила его была больше отрицательного свойства, чем положительного и трудно сказать теперь больше ли он остановил и предупредил ошибок, чем затормозил добрых начинаний, но нет сомнения, что отражение его личности в представлении массы было чище, светлее и духовнее его личности. В этом отношении можно сказать, что одно присутствие его в современном нашем обществе имело почти такое же значение, какое имеет икона, висящая в углу комнаты. В последнее время чаще обыкновенного об нем думал, собирался побывать у него по приезде в Москву и даже кое-что ему прочесть.

Припоминая некоторые обстоятельства, я внутренно сожалел, что разошелся с ним и не столько заимствовал у него, сколько бы мог. Если есть какие-нибудь интересные подробности о его кончине, то сообщи мне их – я разумею то, чего не будет в газетах, потому что Московские Ведомости и Москву я получаю. Впрочем, вероятно, что он просто угас и едва ли могли быть значительные признаки борьбы с смертью.

После твоего последнего письма я думал, что Николинька мне напишет, но я не получил от него ни строки. Я совершенно согласен с тем, что ему необходимо пристроиться к какому-нибудь делу. C'est la seule manière de rendre la vie supportable. Faut-il que je lui ecrive et dans quell sens?[3]

Занятия мои идут довольно успешно, но как я ни отбиваюсь от знакомств и приглашений, а все-таки приходится выпивать скверного чаю и съедать тартинок с селедкою гораздо больше, чем бы я желал. Завтра я еду дня на два на охоту и вернусь в Прагу к приезду Черкасского, который обещается пробыть дня два проездом в Берлин, без жены, которая приедет

[письмо не закончено]

№ 33

Берлин, 19 (7) марта 1867 года

Берлин 19/7 1868 [Март]

Dearest Mary, пробыв здесь неделю, завтра выезжаю в Прагу. Кроме Черкасских я здесь нашел старых знакомых гр. Кутузовых[4] и гр. Биланда, голландского посланника, с которыми проводил время довольно приятно; напоследок подъехал Кн. Александр Васильчиков. Впрочем, все это общество не

[1] У меня предчувствие, которое говорит мне, что мое пребывание не будет слишком долгим (*фр.*).

[2] Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 26.XII.1782 – 19.XI.1867), в 1821–1826 – архиепископ Московский, с 1826 до кончины – митрополит Московский и Коломенский.

[3] Это единственный способ сделать жизнь терпимой. Должен ли я ему написать и в каком смысле? (*фр.*)

[4] Голенищев-Кутузов Василий Павлович (1803 – 12.V.1873) – русский резидент в Пруссии. Женат (1836) на Софье Андреевне, урожд. гр. Рибопьер (1813–1881).

заставило бы меня так долго прожить в Берлине, если бы мне не предстояла надобность обзавестись бельем и летним платьем. Здесь уже совершенная весна, хотя деревья еще не распустились. А во многих отношениях мне жаль, что я не смогу пробыть здесь долее и, при помощи знакомых, всмотреться поближе во многое, особенно в бесчисленное множество общественных учреждений, учебных, благотворительных и ссудных, о которых я знаю только по книгам и понаслышке. Трудно себе представить, как много здесь делает *общество*, т.е. люди не служащие, не получающие ни чинов, ни жалованья, никем не понуждаемые и поощряемые. На пример, во время войны все больницы и лазареты устроены были частными лицами и Обществом der Johanniter, снабжены всем нужным не от Правительства, а частными пожертвованиями и в таком баснословном изобилии, что по заключении мира, остались еще огромные запасы.

Кутузов, который проделал всю компанию, рассказывал мне про уход за больными вещи почти невероятные, а по нашим понятиям баснословные. Просто краска бросается в лицо, когда мысленно сравнишь, что здесь считается исполнением обычного долга с тем, что у нас слывет самопожертвованием, великодушием, щедростью и напряжением сил!

Какое разительное опровержение ходячего предрассудка, будто бы с развитием внешней цивилизации (т.е. житейских удобств и комфорта) оскудевает способность жертвовать собою на пользу своих! Если в старину путешествия за границу, считавшиеся необходимым дополнением к хорошему воспитанию, в некоторых отношениях были вредны, то теперь они стали необходимы, собственно, для того, чтобы разом охладить заносчивость, приучить к скромности и наглядно разъяснить чего *может* и чего *должен* каждый требовать от себя. Сейчас получено здесь известие, что Валуев сменен и что на его место назначен Тимашев[1]. Ну! если правда, то теперь только держись, все затрещит[2].

Если ты об этом что-нибудь знаешь, то напиши мне.

Обнимаю нежно тебя, Маменьку и всех.

Юрий Самарин.

№ 34

Прага, 20 апреля (2 мая) 1868 года

Прага 20/3 1868 [Апрель] <sic!>

Dearest Mary, последнее письмо я получил от Маменьки. Оно содержало в себе грустное известие о кончине бедного Ивана Нефедова[3]. Хотя я, уезжая из Москвы, простился с ним совсем, а все-таки не ожидал такой скорой смерти. Жаль его. C'est le dernier eleve forme a l'ecole de papa, ecole revere, mais qui u'a laisse que de bons souvenirs et de bonnes traditions. Personne de nous ne fera ecole. Ce n'est pas seulemet le servage, ilya encore d'antres conditions qui nous manquent[4]. Маменька мне пишет еще, что твой сосед и мировой посредник Хмелев сходит с ума и что такое приписывает по этому поводу о тебе, чего я не смог в точности разобрать. Кажется, выходит так,

[1] Тимашев Александр Егорович (3.IV.1818 – 20.I.1893) – назначен 9 марта 1868 года министром внутренних дел, сменив на этом посту П.А. Валуева (пробыл в должности до ноября 1878 года).

[2] Этот отзыв поясняется сопоставлением с более развернутым суждением Самарина в письме к Аксакову от 18 (30) марта 1868 года из Праги: «Не знаю, поздравлять ли нам друг друга с сменою Валуева? Нет сомнения, что не раз придется и пожалеть об нем; но все-таки я думаю, что смена его к лучшему. У преемника его все затрещит. Умеренная реакция, в приличных формах и с некоторым лоском гуманности и либерализма могла бы тянуться долго, тогда как реакция строго последовательная, решительная и беззастенчивая скоро упрется в стену и расколет себя в лоб. Этой услуги я ожидаю от нашего общего знакомого, и он в состоянии оказать ее, если болезнь не подточила прежней его энергии» [1, с. 251].

[3] Управляющий Васильевским имением, сохранилась обширная переписка с ним Ю.Ф. Самарина за 1850–1860-е годы по хозяйственным и бытовым вопросам [ОР РГБ, ф. 265, п. 36, ед. хр. 4].

[4] Это последний ученик, который обучался в школе папы, уважаемой школе, но оставил только хорошие воспоминания и хорошие традиции. Никто из нас не пойдет в школу. Это не только рабство, есть и другие условия, которые мы пропускаем (*фр.*).

что ты берешь на время его жену к себе на попечение. Так ли это? Проживающая здесь Княгиня Голицына, урожденная Черткова, сказывала мне, что ей писали из Москвы, что у Николиньки было два домашних спектакля и два танцавальных вечера; половину вероятно накинули.

Не знаю верно ли другое известие, полученное из того же источника, будто бы Аксакову уже успели вляпать новое предостережение? Судя по тем №№, которые я получил здесь, трудно, кажется, подобрать и предлог, не то что причину. Вчера ко мне совершенно неожиданно влетел в комнату Американец Куртин, секретарь посольства, кажется, ты его знаешь.

– Откуда Вы? – «Был в Южной России, объехал и осмотрел Кавказ, съездил в Америку, побывал в Англии, хочу осмотреть Прагу (говорят, здесь интересно) и назад в Россию». – Между прочим, я слышал от него, что Лайярд в Парламенте говорил об угнетении Немецкой народности в Остзейских Губерниях Русским Правительством, по поводу введения Русского языка в Присутственные места. «Напрасно, говорил мне Куртин, Вы пренебрегаете ложными слухами, которые распускаются про Россию в Европе; из всего этого вырастает общественное мнение и Вы опять очутитесь перед ним как перед судом». – Здесь, наконец, стало совсем тепло; нынче после обеда я ходил на Жижкину гору, смотреть оттуда на закат солнца. Впрочем, все по-прежнему; глаза слабеют, борода седеет, на голове волосы лезут, но голова еще пока служит и я здоров. Прощай, крепко обнимаю тебя, Маменьку и всех.

Ю. Самарин.

P.S. По получении этого письма больше ко мне не пишите; я выеду около 1го Мая нашего стиля и к 10му буду вероятно в Москве.

№ 35

Прага, 24 (12) июля 1868 года

Прага 12/24 Июля 1868.

Dearest Mary, поздравляю тебя с будущими именинами – письмо вероятно к тому времени доедет до Серпухова – и желаю провести этот день без особенных хлопот и забот, хотя вероятно тебе придется угощать весь Серпухов. Я кончил печатание сочинений Хомякова, но другие мои работы затянулись, так что я предвижу, что мне едва ли удастся вернуться в Москву раньше исхода Августа. Все-таки, по крайней мере, я вижу берег. Не могу сказать, чтоб я лишился охоты продолжать или чтоб участие мое к делу охладело; напротив, тем не менее, я теперь серьезно обдумываю про себя вопрос: не лучше ли мне бросить это дело совсем и окончательно повернуться спиною ко всем задачам политическим и общественным, распростившись за один раз и с земством и с Городскою Думою. Допрашивая себя, я не нахожу в своих побуждениях ни честолюбия, ни властолюбия, ни желания произвести эффект – это я могу сказать по совести; но направление мысли постоянно критическое и это особенного роду одушевление неразлучное с борьбою, оставляет в душе осадок, которого я долго не замечал. Сочувствие к добру и любовь к правде, при известного рода деятельности, выдыхается или окисает и незаметным образом превращается в ненависть к злу и негодование на неправду. Положим, эти чувства безличны, т.е. относятся не к лицам, а к началам, к понятиям и преданиям, но все-таки они по существу своему отрицательны, а не положительны. Мне приходит на ум взяться за деятельность совершенно иного рода, т.е. из области вопросов практических и современных, уйти в область вопросов вечных. Мысль эта меня занимает давно и на днях я даже сделал приступ к делу. В Дрездене мне совершенно случайно попала в руки брошюра, писанная одним врачом против материализма, очень замечательная во всех отношениях и поразившая меня удивительным совпадением взглядов автора с моими. Я к нему писал и предложил ему ставить мне статьи, которые я буду переводить на Русский язык и издавать в Москве. Не знаю, что он ответит. С своей стороны, я бы занялся тогда вопросами церковными. – Все это, конечно, еще только проэкты и я еще ни на что не

решился – но у меня в душе шевелится какой-то невыяснившийся вопрос совести. – Ты что делаешь и как проводишь времена? Маменька писала мне, что ты переводишь к себе на лето своих учениц и заводишь швейную. Дай Бог успеха. Этот способ сеяния в малом кругу, но при личном и непосредственном действии лица на лицо, надежнее всякого.

Что Вы знаете о Володе? Где он и что делает? Я получил письмо от Кн. Черкасской; она уведомляет меня между прочим о смерти Долгорукаго (bancal)[1]. Нежно обнимаю Маменьку, тебя и всех. Жара стоит такая, что даже писать трудно, пальцы пристают к бумаге.

Ю. Самарин

№ 36

с. Васильевское, 28 (16) сентября 1868 года

Сент. 28го 1868 г.

Dearest Mary, твое и Маменькино письмо от 18 получил со всеми приложениями. Сделай одолжение, распорядись доставкою прилагаемого письма к Бессонову[2]; он ко мне писал, а адреса не дал. Из-за границы мне пишут, что издания мои разбираются нарасхват[3] и что Кн. Горчаков читал в Швейцарии и хвалил. До сих пор все благополучно, но разрешения на продажу я не ожидаю. Бартеневу я уж отвечал, он кажется с ума спятил. Теперь усердно работаю над III и IV выпусками. Большую часть, если не всю, надеюсь привезти в Москву готовым. Постарайся выписать через Вольфа или Дейбнера Английскую книгу под заглавием: “Ecce homo” (се человек) sansnoma’auterni d’imprimeur. Об ней много говорит Гизо в последнем томе Meditations[4]. Спешу на почту посылать, ныне пришлось много писать писем. Нежно обнимаю тебя, Маменьку и Федю.

Ю. Самарин.

№ 37

Санкт-Петербург, [? – май] 1869 года

Среда

Dearest Mary, вчера я был у Великой Княгини[5]. Она, хотя и не совсем здорова, но была очень в духе, говорила много и обо многом, и между прочим о приготовлении учительниц. Она совершенно с тобою согласилась, втянулась мысленно в это дело и поручила передать тебе, что она желает, чтоб ты написала для нее по этому предмету коротенькую записку и поместила бы в ней сколько, по приблизительному расчету, нужно денег. Если выйдет не слишком много, она готова дать. В записке нужно сказать: 1) о существовании двух училищ, народного и гимназии, как об обстоятельстве очень выгодном, 2) объяснить, кто будет преподавать педагогику, 3) будет ли этот курс даровой или нет, 4) *обяжутся* ли слушавшие этот курс известное число лет быть учительницами.

Великая Княгиня желает, чтоб Общество, по выходе учительниц, сохраняло бы над ними некоторое наблюдение и покровительство, посылало бы им книги и вело бы с ними переписку, чтоб они менее скучали в деревнях и не считали бы себя отрезанными ломтями – это недурно и не обременительно. Наконец: исчисление расхода. Перед отсылкою записки, не мешало

[1] Долгоруков Петр Владимирович, кн. (27.XII.1816 – 6.VIII.1868) – генеалог, публицист. В петербургском светском обществе смолоду получил прозвище “Bancal” (“колченогий”), с 1859 – в политической эмиграции, автор множества памфлетов и историко-генеалогических трудов.

[2] Бессонов Петр Алексеевич (4.VI.1828 – 22.II.1898) – филолог-славист, фольклорист. Работал над изданием филологических трудов К.С. Аксакова. Его переписка с И.С. Аксаковым и П.И. Бартеневым, затрагивающая целый ряд славянофильских сюжетов, опубликована [8, 2].

[3] Имеются в виду в первую очередь вышедшие к этому времени I и II выпуски «Окраин России» и, возможно, 2-й том Сочинений А.С. Хомякова.

[4] Méditations sur l’essence de la religion chrétienne, par M. Guizot. Paris, 1864.

[5] Елены Павловны.

бы мне показать. Мои должники здесь так неисправны, что я не успел еще собрать и половины той суммы, которую мне должны, это меня затрудняет в расчетах и заставляет пребывать здесь еще дней 5. Скажи об этом Бартеневу. Разумеется, я буду торопиться елико возможно, но если бы я по приезде в Москву не застал уже тебя и маменьки, то я сей час же поеду в Рожествено. Благополучно ли кончились Федины экзамены?

Обнимаю тебя и маменьку.

Юрий Самарин.

в гостинице Демута. № 115.

№ 38

агац, 12 августа (31 июля) 1869 года

Ragatz 12/1 <sic!> Августа 1869

Dearest Mary, вижу, что я сделал великую глупость не попросив вас перед отъездом написать мне в Рагац posterestante до получения моего адреса. Я писал отсюда в Рожествено, не помню наверное, два ли, три ли раза, раз телеграфировал прося по телеграфу же дать мне знать о здоровье, но до сих пор не получил ни строки. Первые известия я получу, вероятно хоть косвенным путем через Щербатова по возвращении его в Люцерн. Я здесь пробуду еще ровно 11 дней; поэтому по получении этого письма не пишите в Рагац, а адресуйте Geneve posterestante[1]. По окончании моего лечения, обойду пешком les valleus de Martignyet Chamounix[2] и потому мой quartier general[3] будет в Женеве.

Здесь я живу в совершеннейшем одиночестве; хотя гостиница битком набита, но в этой толпе у меня только один знакомый, Сенатор Гагемейстер, с которым я иногда гуляю после обеда, да еще, через него я познакомился с Курляндцем, Генералом Бистромом, женатом на Русской. Купаясь ежедневно по утрам, я не замечаю на себе решительно никакого действия – это впрочем и не требуется; действие обнаруживается после. Хорошо, что я запася книгами. Во-первых, я перечитал Бокка, Ширена и все что было против меня писано за границею; некоторые обвинения так бесстыдно недобросовестны, что нельзя будет оставить их без ответа. Ответ, если я напишу его, будет un modèle de calme et modération[4]. Сверх того, я принялся за Латынь, чтоб освежить память, и читаю Горация, разумеется с помощью лексикона и комментариев. В-третьих, это главное занятие: составляю сравнительный свод Евангелий, деяний и посланий, такой свод, из которого по каждому событию и по каждой статье учения, сразу бы видно было согласие и разноречие. В Немецкой и Английской литературе таких сводов много, но у нас нет ничего подобного, а между тем, не имея такого руководства, можно, конечно, читать писание назидания ради, но нельзя изучать его. Именно, недостатком, даже отсутствием такого изучения у нас, объясняются les ravages que commet tent dans nos intelligeances des publications comme Jesus de Renan[5].

Как здоровье Маменькино и твое? Где Федя? Что поделывают братья? Нет ли каких известий об Аксаковых и о Княгине Черкасской. Я бы к ним написал, да не знаю адресов. Напиши мне все что знаешь; я не получаю ни писем, ни газет и ровно ничего не знаю. Нежно обнимаю Маменьку, тебя и всех наличных. Мой дружеский поклон Николаю Ивановичу.

Ю. Самарин.

[1] Женева, до востребования (*фр.*).

[2] долины Мартиньи и Шамони (*фр.*).

[3] ироничное, военная терминология: главная ставка (*фр.*).

[4] образцом спокойствия и умеренности (*фр.*).

[5] разрушения, произведенные в нашей интеллигенции такими публикациями, как “<Жизнь>Иисуса” Ренана (*фр.*).

№ 39

с. Васильевское, август 1870 года

Васильевское 1870 г. Августа, числа неизвестного, а по здешнему счету на третий день после начала жнитва.

Dearest Mary, письмо твое получил. – Спасибо Николаю Ивановичу за хлопоты с моим капиталом. Не понимаю, как ты смогла получить 300 р., посланные мне Янихеном; ведь повестка была на мое имя. Из этих 300 р. возьми 100 на свои заведения, а 200 прибереги к моему возвращению. Ответ Тургенева я принимаю за учтивый и довольно оригинальный отказ; 110 рублей! Таких цен нет во всей России на целое имение.

Я нахожу, что ты поступила благоразумно, решившись не пускать Федю в Васильевское; при том образе жизни, который бы он здесь вел, по целым дням на охоте, в степи, при сильнейших ветрах, простудиться очень не мудрено, а коклюш продолжается. Пете стало легче, теперь начинает кашлять Соня. Впрочем, кажется, опасности никакой нет. Федя отлично удается, учится прекрасно; на днях я его экзаменовал из Латинского языка и удивился его успехам; по-русски пишет очень складно. Il a du feu sacré[1] – отчаянный патриот и принимает в военных событиях горячее участие.

Не могу сказать того же о прочих. Трудно представить себе более безобразную систему воспитания. В минуту дается средним числом не менее пяти приказаний ребенку, из которых ни одно не исполняется в точности. За каждым словом начинается состязание: посмотрим мол кто кого пересилит. Словом, распущенность полнейшая. При этом паясничанье, крик, гам, стукотня и все это вовсе не от резвости и веселости, а вследствие постоянного желания занять собою больших и обращать на себя их внимание, что французы называют vanité[2]. Ни Митя, ни Варинька не умеют обращаться с детьми; гувернантка их набитая дурра – я уж молчу и будто не замечаю.

На днях я экзаменовал мальчиков в сельской школе. Дело идет очень хорошо, особенно Арифметика. Я решился употребить часть своего капитала на постройку во всех четырех ведомствах школ с помещением для учителей и положить сумму на обеспечение *части* содержания. Жаль только, что я об этом поздно подумал; здесь стройка идет очень туго и времени пройдет не мало до исполнения.

Урожай, в общей сложности, кажется будет несколько выше среднего; жнитво началось, стало заметно свежеть и поворот к осени очевиден. Я занимаюсь усердно своим делом и охочусь довольно успешно. – К Янихену напишу в будущую почту; письмо на имя Марьи Сергеевны посылаю через тебя; ты мне не написала куда адресовать: в Рожествено ли или в Калугу, а Калужского ее адреса у меня нет.

Я несказанно рад, что Пруссаки, на первых порах, расколотили французов; это раздразнит последних, заставит их напрячь все силы и дело затянется, что нам как раз в руку; пусть они перегрызутся так, чтоб на месте остались одни хвосты. – Не могу только понять, отчего ты отказываешься от мысли послать Федю за границу? Как будто война препятствие! Она ни в каком случае не перенесется ни в Швейцарию, ни в Италию, ни в Австрию; нет только надобности ехать именно на самый театр войны, а жить в стороне. Всегда есть двадцать раз время убраться в пору. На мой взгляд, независимо от катара, ему непременно надобно ехать за границу. Москва, для юноши его лет, без определенного и обязательного занятия, никуда не годится. Avenu stimulant, pas d'exemple sasuivre et trop de facilities pour primer dansce qu'onapelle le monde[3]. – Нежно обнимаю Маменьку и тебя. Дружеский поклон Николаю Ивановичу.

Ю. Самарин.

[1] У него священный огонь (*фр.*).

[2] Тщеславие (*фр.*).

[3] Недостаточность стимулов, отсутствие примеров для подражания и слишком много возможностей для освоения того, что называется миром (*фр.*).

№ 40

Франценсбад, 17 (5) июля 1871 года

Франценсбад

17/5 Июля

Dearest Mary, вот я и в Франценсбадене, куда никак не рассчитывал попасть, пью воду, которая, говорят, действует прохладительно и беру ванные, которые, тоже по уверениям врачей, действуют на правильное обращение крови[1].

До сих пор я не испытываю решительно никакого действия, но чувствую себя вообще хорошо благодаря, конечно, тому, что рано ложусь, рано встаю и большую часть дня провожу на воздухе. Подобно Рагацу, Карлсбаду, Марьенбаду и всевозможным бадам, Франценсбад не иное что, как гульбище кругом обстроенное гостиницами, с курзалами, читальнями, музыкою и всеми принадлежности известной заграничной суеты.

Окрестности не представляют ничего ни живописного, ни любопытного; я уж их исходил в четыре дня. Из знакомых здесь только Владимир Мещерский[2], брат Николая[3], некий Бегичев[4], которого я когда-то и где-то встречал (не припомню) и еще бывшая Фрейлина Великой Княгини MelleStalh замужем за каким-то французом.

Я захватил из Берлина довольно много разного рода книг по разным частям, от которых я давно отстал и часто прихожу в изумление от неожиданных открытий. Разгул и неистовство, до которых доходит Германская мысль в области философии в своем роде стоит практического буйства Парижской Коммуны. Сегодня в Русских газетах, которые здесь получаются, я читал первую часть обвинительного акта по Нечаевскому делу. Бутурлина положительно нет ни в одной из четырех категорий. От Мещерского узнал я о скоропостижной смерти графини Строгоновой, урожденной Васильчиковой[5], которую я знавал и любил девочкою в Киеве. Не много она пожила и мало испытала радостей с пьяницей мужем[6]!

Как идет твое лечение и как ты себя чувствуешь?

Напиши мне о себе, о Маменьке и обо всех наших. Есть ли какие-нибудь известия о Володе. С тех пор, как он уехал из Москвы, он кажется никому еще не написал ни слова.

[1] О незапланированной поездке в Франценсбад Самарин писал брату Дмитрию 12 июля (30 июня) 1871 года из Берлина: «Любезный Митя, уезжая из Москвы, я писал к тебе и спрашивал: можно ли мне будет, не обременяя тебя, отложить приезд мой в Васильевское на несколько дней. Теперь, не дождавшись ответа, я решился целый месяц провести за границею. Ты сам догадаешься, что это с моей стороны не прихоть, по своей охоте я бы не провел здесь лишнего дня, но доктор, с которым я здесь советовался и который раз действительно мне помог, настоятельно требовал, чтоб я, не теряя времени и не откладывая на целый год, непременно ехал лечиться в Франценсбад. Как это ни противно моим намерениям и желаниям, чувствую однако, что было бы неблагоразумно, в мои лета и в моем положении, будучи уже за границею, не воспользоваться средством, которое у меня под рукою и может быть принесет пользу. Попробую! а в будущем году можно ли будет располагать собою – еще неизвестно» [55].

[2] Мещерский Владимир Петрович, кн. (11.I.1839 – 10.VII.1914) – камергер императорского двора, друг молодости цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III, на протяжении многих лет, хотя и с перерывами, находившийся в близких, конфиденциальных отношениях с последним, имел определенное влияние и на его сына и наследника, Николая II. Многолетний издатель и редактор газеты «Гражданин» и ряда связанных с ним изданий [см. 21].

[3] Мещерский Николай Петрович, кн. (7.XII.1829 – 11.I.1901) – гофмейстер императорского двора, археограф, поэт, с 1874 по 1880 – попечитель Московского учебного округа.

[4] Возможно, имеется в виду: Бегичев Владимир Петрович (6.V.1828 – 17.XI.1891) – драматург, в 1864 –1881 – инспектор репертуара московских театров, с которым Самарин действительно имел много возможностей пересечься где-то в Москве и при этом не запомнить, поскольку сам не имел интереса к театру.

[5] Строганова Софья Илларионовна, гр., урожд. кн. Васильчикова (14.II.1840 – 30.VI.1871).

[6] Строганов Николай Сергеевич, гр. (17.IX.1836 – 10.VII.1906) – шталмейстер двора, сын гр. С.Г. Строганова, многолетнего попечителя Московского учебного округа.

Если ты мне напишешь скоро, то твое письмо дойдет еще до меня; я пробуду здесь еще дней 16 или 18. Адресуй: Antriche, Franzensbad, hotel Holzer, № 28.

Нежно обнимаю тебя, Маменьку и всех наличных.

Ю. Самарин

№ 41

Франценсбад, 1 августа (20 июля) 1871 года

Франценсбад

20 Июля / 1 Авг.

Dearest Mary, мое поздравление с опозданием, но все-таки придет. Обнимаю тебя от души. Это письмо будет последнее из заграницы, дней через 5 или 6, как только получу денег, выеду отсюда. Вчера я прочел в газетах окончание суда над первою группою обвиненных по Нечаевскому процессу. Признаюсь: защитительные речи адвокатов более раздражили меня, чем признания и теории подсудимых. Это не защита виновных, а непозволительная поблажка самой вине. Читала ли ты в Московских Ведомостях корреспонденцию из Епифани, в которой описывается скачка, происходившая в Молоденках, у Пети.

А холера-то, как видно, не унимается и по-видимому собирается обойти всю Россию. Пожалуй, меня еще в Москве задержат и заставят взять нашу часть под свое попечительство. Вчера я вечером пил чай у М<арьи> Т<рофимовны> Пашковой (сестры Луизы Голицыной)[1], которая здесь лечится со всеми своими дочерьми; она мне сказывала, что встретилась с Федею в какой-то гостинице в Венеции и осталась им очень довольна. До свидания недели через две. Обнимаю тебя, Маменьку и Федю. Передай Николаю Ивановичу мой поклон и благодарность за исполнение моего поручения.

Ю. Самарин.

№ 42

с. Васильевское, 26 августа 1871 года

С. Васильевское

26 Августа

Dearest Mary, из Маменькина и из твоего письма, точнее из Ваших недомолвок, а еще более из твоего почерка, я вижу ясно то, чего Вы почему-то не договариваете.

У тебя была холера и очень сильная; ты долго крепилась, перемогалась и, по твоей всегдашней привычке, испытывала и тиранила себя.

Когда уж стало совершенно невмоготу, тогда только ты решилась обратиться к чужой помощи.

Как ты не сообразишь, не говоря уже о другом, что поступая с собою таким образом, ты достигаешь цели прямо противоположной той, которая у тебя в виду. Все знающие твой нрав поневоле беспокоятся за тебя постоянно и во всякое время, даже когда нет никакого повода беспокоиться. Слава Богу, что на сей раз сошло с рук благополучно!

У нас холера не усиливается, но и не проходит. С тех пор, как я здесь, умер в нашей больнице (т.е. в старой наскоро выбеленной избе) один дворовый и теперь в той же избе лежит на последнем издыхании другой, привезенный третьего дня. Мне сдается, что лечат не так, как следовало бы, а дать что-нибудь от себя не решаюсь. Здесь в большом употреблении теперь ванны, натирание перцовкою и синапизмы; внутрь почти ничего не дают.

[1] Пашкова Мария Трофимовна, урожд. Баранова (1807–1887) – дочь директора коммерческого банка Трофима (Иоанна) Осиповича Баранова (фон Барангоф) (1779–1828) и гр. Юлии (Доротеи Елены Юлианы) Федоровны Барановой, урожд. Адлерберг (1789–1864). Фрейлина. Замужем за Михаилом Васильевичем Пашковым (1802–1863), управляющим Департаментом внешней торговли Министерства финансов.

Голицына Луиза Трофимовна, кн., урожд. Баранова(1810–1876) – жена Михаила Федоровича Голицына (1801–1871).

Митины дети здоровы, кроме Феди, который все хилеет. У него решительно нет ни мускулов, ни крови; вообще он не надежен. Держат его не так, как бы следовало; он ест пропасть мучного и жирного, т.е. лакомится постоянно, отказа ни в чем нет, а мясного не ест. Вообще надобно сознаться, что ни Варинька, ни Митя ничего не смыслят в воспитании. Дети целый день не то что играют и веселятся, а кривляются и ломаются, стараясь обращать на себя внимание и занимать собою старших. Митя хмурится и помалчивает. Его через меру озабочивают неурожаи, упадок цен на землю, он видит впереди необходимость продать дом, жить опять круглый год в деревне и т.д. Все это значительно преувеличено благодаря его мнительности.

Крепко тебя обнимаю, ради Бога береги себя побольше, других поменьше, и не тирань себя без надобности.

Ю. Самарин.

№ 43

*Москва, 2 ноября 1871 год*а

2го Ноября 1871

Dearest Mary, думая застать тебя в Москве, я хотел переговорить с тобою о Феде, об будущих его занятиях, но так как ты еще не скоро приедешь, то решаюсь сказать тебе мое мнение письменно. Оно и лучше в том отношении, что ты успеешь наедине и на досуге обдумать его.

Ты мне говорила, что он хочет служить по судебному ведомству, иначе пристроиться к какому-нибудь Прокурору или, как делают теперь многие – к какому-нибудь адвокату на частную службу. В настоящее время эта карьера в моде и переполнена молодыми людьми. Я не имею никакого предубеждения против нее, но думаю, что особенно для почина, можно бы избрать лучшую дорогу. Между занятиями по судебной и по административной части есть существенная разница. В судебном ведомстве возникают одно за другим дела, не имеющие между собою никакой связи; каждое подводится под приличный закон и тем дело заканчивается. В административном ведомстве есть и такого же рода дела (называемые текучими), но есть также и не мало крупных, под час очень сложных дел, возникающих по инициативе самой администрации и имеющих предметом не простое применение закона к данному случаю, а приискание новых мер к улучшению существующего порядка или подготовление законодательных преобразований. Суд отвечает только за формально правильное применение закона, а не за общие последствия применения, администрация отвечает за благосостояние края и оттого оглядывает жизнь шире, вникает в нее глубже. Я укажу, на пример, на Губернаторские ревизии, на Губернаторские отчеты, на участие Губернаторов в преобразовании городов, податной системы и т.д. Сколько-нибудь способному и трудолюбивому чиновнику, Губернатор обыкновенно задает одну большую работу, которою он занимается год и два, начиная с собирания статистических сведений, переходя затем к местным исследованиям и заканчивая выводом новых предположений. На мой взгляд и по моему личному опыту, занятия по административной части, как образовательная школа, гораздо действительнее занятий судебными делами. Это можно пояснить сравнением. Кто читает последовательно одно многотомное сочинение, скорее разовьет в себе внимание и другие способности, чем тот, кто читает только ежедневно выходящие газеты.

На пути из Васильевского я останавливался на четыре дня в Саратове, где короче прежнего познакомился с тамошним Губернатором Галкиным[1], бывшим Ревельским. Он человек молодой, отлично образованный, очень даровитый, деятельный и обладающий способностью возбуждать к деятельности других. Я это мог заметить по настроению и физиономиям окружающих его молодых людей; знаю, что и бывшие его подчиненные в Ревеле ценили в нем именно эту сторону и до сих пор жалеют о нем. Естественно было подумать о Феде. Я разумеется Галкину не сказал об нем ни слова, но думаю,

[1] Галкин-Враской Михаил Николаевич (1832 – 8.IV.1916), в 1868–1870 – эстляндский губернатор, в 1870–1879 – саратовский, в дальнейшим – глава новоучрежденного Главного тюремного управления.

что он охотно взял бы его к себе на службу и лично бы занялся им, особенно под условием первые два года прослужить, не требуя жалованья.

По крайней мере, будь у меня сын, я бы не придумал для него лучшего начальника особенно на первой поре служебного воспитания. Город Саратов вовсе не глушь; это лучший из Приволжских городов, местоположение великолепное, очень порядочное общество. Между прочим, там почти безвыездно живет открытым домом Щербатов (Владимир)[1] – это был бы готовый приют, в котором Федя всегда бы встретил радушный прием. Не воображай себе, чтоб все города походили на Симбирск. Он в этом отношении резко отличается от других и пользуется особенною, вполне заслуженною репутациею. Расстояние от Саратова до Москвы теперь, с небольшим, $1^1/_2$ суток езды по железной дороге. Удаление из родительского дома и из Москвы, на мой взгляд, вовсе не беда; оно не повредит, а напротив, принесет пользу. Пора ему приучаться самому устраивать жизнь свою и внешнюю обстановку как в хозяйственном отношении, так и в общественном. Подумай об этом серьезно сама и переговори с ним и с Николаем Ивановичем. Присматриваясь к тому, как идут дела здесь, я думаю, что в Москве, служа по судебной части, он не изведает ни сладости, ни горечи труда, не уяснит себе, чего он может и должен требовать от самого себя и не приучится дорожить временем. Москва хороша для детей, как школа, и для стариков – как приют и богадельная, но не как поприще на начинающейся деятельности и свежих сил. Обнимаю тебя нежно.

Ю. Самарин.

Маменька здорова, бодра и даже довольно весела по утрам.

P.S. Нашелся новый покупщик для калужского подворья: предлагает наличными 53 т. Маменька поджидает Николая Ивановича.

№ 44

с. Васильевское, 22 июля 1872 года

Васильевское 22. Июль. 1872 г.

Dearest Mary, поздравляю тебя с именинами и нежно обнимаю. До сих пор мы об тебе ничего не знаем: как ты доехала, удалось ли тебе пристроиться, есть ли польза от вод, что говорят доктора и отчего Федя так долго к тебе не ехал? Напиши хоть раз прямо в Сызрань для пересылки в Васильевское. Здесь, по части здоровий, крупных и мелких, все обстоит совершенно благополучно. Митя не жалуется и очень занят мыслью заложить имение и на полученную ссуду купить большой участок Башкирской земли в Уфимской губернии. Дело может быть очень выгодно и он собирается съездить туда в Сентябре. Не примазаться ли и тебе к нам? Варенька круглеет, но бодра и кажется не тревожится страхами. Федя видимо растет и мужает – этот мальчик кажется вполне удастся. Петя тоже как будто крепнет и меньше поясничает. Прочие одарены такими тяжгучими желудками, что каждый наедаются за четверых взрослых. По части хозяйственной – отвратительно. От продолжительной засухи хлеба частью вовсе не всходили, частью выгорели; трава тоже, а теперь пошли дожди, когда начались покосы и жнитво, или, говоря точнее, выдергивание из земли редких колосьев.

Я достраиваю вторую школу и на днях приступлю к закладке больницы[2]. Одну школу непременно открою в конце осени или в начале зимы.

[1] Щербатов Владимир Алексеевич, кн. (1826–1888), в 1858–1863, с коротким перерывом в 1859–1860 – саратовский губернский предводитель дворянства, в 1863–1869 – саратовский губернатор.

[2] О планах строительства больницы Самарин подробно писал брату Дмитрию 16 мая и 17 июня 1872 года из Москвы: 1) «Я провел день у Щербатовых, осмотрел подробно их больницу и привез оттуда план ее, который посылаю с этим письмом. – Больница действительно устроена отлично, для нас она велика, но расположение можно заимствовать. К этому плану я взял еще объяснение назначения каждой комнаты» [56]; 2) «Если, по ходу работ, неудобно будет отложить утверждение плана больницы до моего приезда, то утверди его сам, не дожидаясь меня. Больница Щербатова, которую я лично осматривал и модель которой тебе доставил, мне очень нравится, хотя наша может быть меньше и скромнее. Мне жаль, что я уложил план ее и не могу его доставить. На мой взгляд нужно иметь: большую приемную для приходящих, комнату на шесть кроватей для мужчин, такую же для женщин, еще две комнатки на одну кровать каждую, аптеку с плитою, комнату для

После долгих и бесплодных усилий, я опять принялся за писанье, более по принуждению, чем по охоте. Приходится по неволе сознаться, что прежнее вдохновение потухло и даже прежнего задора я уже не нахожу в себе. Надобно ограничить до последней возможности долю личного участия в работе и опуститься до роли простого передатчика. Может быть прок и от этого. На днях я сам думаю написать Черкасским и Милютиной. Не знаю, состоялся ли проект ехать за границу с Петею и Линою. Послезавтра из Сызраня <sic!> мы ждем к себе Дмитриева[1] погостить на несколько дней. Газеты сообщили на днях два довольно важных известия: новый порядок судопроизводства по политическим преступлениям и новые цензурные правила, по которым Министру Внутренних дел дается право задерживать книги, печатаемые у нас, не передавая дела на рассмотрение суда – два попятных шага, доказывающие, что реакция в полном ходу и одолела все препятствия. Из-за границы мне пишут, что там должна выйти в скором времени какая-то целая книга *об Окраинах* – не знаю только в каком смысле и духе.

Прощай, обнимаю тебя и Федю. Береги себя, не спеши домой и запасайся здоровьем.

Ю. Самарин.

№ 45

*с. Васильевское, 1 августа 1872 год*а

Васильевское 1 Августа

Dearest Mary, из твоего письма к Вареньке и из тех известий, которые сообщает о тебе Маменька, я вижу, что ты в Измалково многого о себе не пишешь и читая промеж строк, заключаю, что Карлсбадские воды тебя больше расстраивают, чем укрепляют. Хотелось бы, наконец, узнать сущую правду как о тебе, так и о Феде. Признаюсь, я как-то не могу себе представить, чтоб он мог схватить истинно *желчную* болезнь и чтоб она могла быть отчасти следствием сердечных увлечений, всегда производящих совершенно иное действие на организм. Советовал бы я и тебе и ему не спешить назад, особенно ему. Судя по Маменькиным письмам, ей нравится в Измалкове; она чувствует себя как бы в гостях и в то же время как бы дома. Здесь ничего нет нового. Мы выписали из Сызраня Ф.М. Дмитриева, который два дня у нас гостил и все время болтал без умолку, но болтал умно и остроумно. В деревне он как-то гораздо добродушнее, чем в Москве. В Сызрани он пользуется не только авторитетом, но и общим расположением. Тамошние, подчиняясь ему, даже не подозревают его юмора и насмешливости.

Постройки мои подвигаются ужасно туго, так что я даже не уверен, удастся ли мне хоть одну школу открыть в Ноябре. Прощай, нежно обнимаю тебя и Федю.

Ю. Самарин.

№ 46

с. Васильевское, 9 сентября 1872 года

9 Сентября 1872 г.

Dearest Mary, третьего дня получил я твое письмо уже из Москвы (одно из твоих писем из-за границы до меня не дошло). Поздравляю с приездом и желаю от души, чтобы лечение пошло в прок.

Подробности твоего возвращения и встречу на Одинцовской станции мне рассказывал Митя. Может быть я ошибаюсь, но на сколько могу судить по внешним признакам, припоминая, что я пережил сам и что видел над другими, мне кажется, что то, что тебя беспокоит не так серьезно, не так глубоко

ванной и комнату для сиделки. В больнице Щербатова мне особенно нравится коридор через все здание из приемной и расположение теплого нужника по другую сторону коридора» [57].

[1] Дмитриев Федор Михайлович (1829–1894) – сын М.А. Дмитриева, известного поэта и мемуариста 1830-х – 1850-х годов, юрист, историк права, в 1859–1868 – экстраординарный профессор Московского университета, в 1881–1884 – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа.

засело в душу, как тебе представляется; а все таки не мешало бы конечно приискать дело на стороне, которое бы могло занять серьезно.

Я подумал о тебе как только получил известие о кончине Евг. Вл. Васильчиковой[1]. Если ты что-нибудь узнаешь о Петруше, напиши мне; я к нему писал через Кн. Черкасскую, но, разумеется, не жду от него ответа. У меня теперь здесь Митя недели на две. Работы по моим школам идут довольно туго; во всех мелочах, как то: в гвоздях, в петлях и т.п. остановка, ничего достать на месте нельзя, приходится все выписывать издали.

Я даже не уверен, удастся ли мне в Ноябре открыть хоть одну Озерецкую школу, а уж о Владимирской нечего и помышлять. Теперь же время упущено для приискания учителя из Семинаристов.

Во всяком случае, я отсюда не выеду, пока не уяснится окончательно: быть или не быть школе в нынешнем году, а это конечно протянется до зимнего пути. Крепко тебя обнимаю.

Ю. Самарин.

№ 47

с. Васильевское, 26 сентября 1872 года

С. Васильевское

26 Сент.

Dearest Mary, вчера получил я два письма от тебя от 16 и 17 Сент. со вложением письма на имя Мити. Последнее уже не застало его в Васильевском. Одновременно получил я письмо от Вареньки, на которое сегодня не успею отвечать. Сделай одолжение поблагодари ее от меня. Она удивительная мастерица писать семейные письма (Маменька не даром это замечала) и умеет, в коротких словах, так все рассказать, что по прочтении ее письма точно видишь перед собою весь дом и слышишь веселую разноголосицу детской возни.

Между нами будь сказано: я сам начинаю сожалеть, что решился перебраться с Ордынки на Петровку; но тогда меня побудили к этому обстоятельства особенного рода, а теперь поздно. Я огорчил бы Николиньку и жену его.

Спасибо тебе за готовность исполнить мои поручения. Кстати, позволь добавить: к числу выписанных книг приложить: обе книги Корфа о школах (2 экземпляра), Базарова Священную историю (1 экземпляр), Новый Завет *в Русском переводе* (5 экземпляров), житие Николая Чудотворца (1 экземпляр). Всего этого у меня было вдоволь, но я раздал крестьянам, а они требуют еще. Я нарочно снабдил Митю деньгами для всех покупок и ты можешь получить от него. Не помню просил ли я тебя доставить мне также азбуку, то есть отдельные наклеенные литеры? Если я об них не упомянул, что прошу тебя также купить их. Что окажется нужным приобрести для новой моей квартиры потрудись купить не стесняясь; я вперед все одобряю и за все благодарю[2].

[1] Васильчикова Евгения Владимировна, кн., урожд. гр. Орлова-Давыдова (5.VIII.1841 – 3.IX.1872) – жена Петра Алексеевича Васильчикова (17.VIII.1829 – 19.II.1893).

[2] О делах школьных Самарин почти одновременно писал к невестке, В.П. Самариной: «С. Васильевское 3 Окт. [1872]

Dearest Barbe, спасибо тебе за письмо твое, на которое я не успел ответить с первою почтою, потому что нужно было писать к Маше. Сейчас из школы с первого урока после молебна. Ученики еще далеко не все в сборе, особенно спасские, так что женский пол решительно преобладает в этой пестрой команде, вследствие чего хиханью, своего рода кокетничанью, опусканию глаз и забиванию нечесаных голов в платки нет конца. Я проэкзаменовал всех вновь поступивших; оказывается, что их следовало бы разделить на классы или отделы. Есть между ними совершенно безграмотные и не знающие ни одной молитвы; есть затвердившие несколько молитвы и голоса и повторяющие их с разными вариантами местного изобретения, наприм. в молитве Господней: «иже если на небеси и на земле» и т.п. Есть выучившиеся читать, но *испорченные,* с которыми придется долго возиться. Что за несчастная была мысль возвести ъ и ь на степень в ранг самостоятельных гласных вместо того, чтоб ставить на согласный два ударения! Сколько с ними возни и хлопот и потери времени. Учитель порядочно выучился поддерживать внимание целого класса, обращаясь с учениками порознь, но он еще не усвоил себе приличного способа объяснения. В Самаре не нашлось учителя для Озерецкой школы, все уж успели разместиться. К тому же на 175 и даже на 200 р. никто теперь не пойдет. Все земские учителя,

Нежно обнимаю тебя, Вареньку, Маменьку и всех наших.

Ю. Самарин.

P.S. Не знаю говорил ли тебе Митя, что здесь по праздникам читаю крестьянам курс Богослужения. Число слушателей все умножается, и мы решились перейти в волостное правление. Младшему из слушателей 40 лет и есть в числе их Гольбейновские старики и старухи лет 70–80.

№ 48

с. Васильевское, 10 октября 1872 года

Васильевское Окт. 10

Dearest Mary, вчера я получил твое письмо со вложением письма от Иенихена и разом три повестки с почты. Очень тебе благодарен за скорое выполнение моих поручений. Одна из этих посылок непременно должна заключать в себе твои книги.

Письма, приходящие на мое имя, ты можешь все вскрывать, у меня нет секретов. Кстати о секретах, не понимаю отчего ты секретничаешь размолвкою уездных предводителей с Мещерским. Щербатов мне об этом пишет как о деле мне известном, но я ровно ничего не знаю.

Как это у тебя опять так скоро разболелась спина? Неужели ты не можешь в городе согласить условий нужных для предупреждения твоих недугов с кучею обязанностей на половину действительных, а на половину мнимых. У тебя положительно есть позыв к самобичеванию.

Здесь тоже стоит дивная погода; тихо, ясно и тепло. Ночью полная луна добродушно глядит на сельскую тишину. Вчера я последний раз ездил на охоту в Частыя и оттуда долго любовался на даль, видную как на ладони сквозь чистый, прозрачный и редкий воздух. Утра я почти все провожу в здешней школе и начинаю сильно пристращиваться к этому делу. На старости это занятие хорошее особенно тем, что оно постоянно возобновляется и что полного неуспеха в нем не может быть.

Устройство Озерецкой школы подвигается, но все-таки раньше начала Ноября мне не удастся открыть ее[1].

в том числе и находящийся в Владимирском, получают по 300 р., правда, без квартиры. По совету Мити, я условился с бывшим учеником Спасской школы, а ныне Спасским сельским писарем, на одну зиму, чтоб ему состоять помощником при священнике. Он кажется малый усердный, но на вид робок; я не знаю, будет ли в состоянии держать порядок в классе. Завтра поеду в Озерецкое, условиться с тамошним священником. Погода стоит отличная; по утрам морозы не сильные, дни ясные, тихие и теплые – время для пахоты самое благоприятное. Озимые всходы везде великолепные. Теперь еще в деревне хорошо жить, но что будет дальше. Книги и разные школьные принадлежности, которые я купил на выставке, решительно пропали. Я справлялся и в Самаре и в Сызрани; нигде их не оказалось. Теперь ожидаю с нетерпением посылки от Маши» [58].

[1] В тот же день Самарин писал брату Дмитрию: «Спасибо тебе, любезный Митя, за присылку полушубка. Он пришелся как нельзя более в меру. Вчера получил я еще три повестки с почты; вероятно тут же и купленный тобою печной прибор. Список гласных я также получил. Теперь почти все нужное для Озерецкой школы припасено; из Самары я вероятно завтра получу часы, чернильницы и еще кое-что. Над оконными рамами работает теперь три столяра; лавки, столы и черные доски сделаны. Озерецкого священника я подрядил давать урок ежедневно за 50 р., в учителя взял Соловьева, которого ты мне указал, за 100 р. Он теперь присматривается к учению в Васильевской школе и на днях начнет давать в ней при мне пробные уроки. Был я в Озерецком и толковал с крестьянами. Как они, так и Владимирские с нетерпением ожидают открытия школы. Кажется, что учеников будет больше, чем я ожидал. Вообще все крестьяне, в том числе и спасские, поговаривают о том, что желательно бы продолжать учение круглый год, не прекращая его на лето. Погода стоит великолепная, самая благоприятная для пахоты. Все говорят, что не запомнят, чтоб когда-нибудь земля была так хорошо подготовлена, как наша теперешняя пашня; а между тем я уж видел, что в Васильевском ранняя пашня начинает прорастать пыреем. Озими везде отличные. Бараны совершенно поправились и лакомятся горохом; Чех* быстро успевает в русском языке» [59.].

* Новый управляющий имением.

В письме к Дмитрию от 27 октября 1872 года Самарин подробно рассказывал об устраиваемых им школах: «Из твоего последнего письма я вижу, что писавши к Вариньке, я или выразился темно, или действительно

Пожалуйста, напиши мне или поручи кому-нибудь написать мне каков Виноградский. Я остаюсь под впечатлением, что у него тиф.

Что делает Петруша Васильчиков и что Черкасские

Обнимаю тебя, Маменьку и всех наших.

Ю. Самарин.

№ 49

с. Васильевское, 11 ноября 1872 года

С. Васильевское

11 Ноября

Dearest Mary, спасибо тебе за письмо от 24 Октября и за поздравления. Против всякого ожидания, я провел свои именины не совсем одиноко[1]. В ту

в то время не успел еще присмотреться хорошенько к школе. Дело в том, что я не только не домогаюсь подразделения класса на отделения, и совершенно наоборот, хлопочу о том, чтоб целый класс шел как можно ровнее и чтоб учитель занимался преимущественно с слабыми учениками, до чего он не охотник. Вообще я не очень им доволен. Есть у него и хорошие свойства; он очень терпелив, не горячится, не выходит из себя и хорошо держит себя с учениками; но он вял, несколько ленив и, главное, – не охотник до своего дела, не любит его; никогда ничего не прочтет, не приготовится к уроку, не придумает нового приема. Чтоб оживить его, я всякий день даю урока два и не скажу, чтоб не было от этого пользы. Хуже всего в Васильевском идет письмо (в Озерецком мальчики, учившиеся у семинариста, пишут не в пример лучше) и арифметика. В старшем классе вычитание делалось совершенно механически, когда приходилось иметь дело с нулями и занимать, ученики так путались, что сразу видно было, что они ничего не понимают. Могу похвастаться, что в одно утро я им растолковал эту операцию так ясно, что все поняли сразу. Я употребил прием собственного изобретения. Еще две перемены сделал я в Васильевской школе: во-первых, я заставляю, по совету Корфа, при прохождении печатной азбуки тотчас же списывать каждую букву на аспидных досках; во-вторых, во втором классе, в уроках чистописания, я заставляю списывать упражнения Баранцева.

Третьяго дня принял я учеников в Озерецкую школу. Я не воображал, чтобы мне их навели столько, человек до 45; я принял 36, откинув всех моложе 10 лет; может быть приму еще 4, до 40. Оказалось, что нет возможности ограничиться там одним классом. Придется одновременно открыть два, потому что есть ученики очень порядочно приготовленные. Вообще, в Озерецком, по-видимому, больше охоты к учению, чем в Васильевском. Таким образом все мои предположения должны были измениться и мне приходится еще раз обратиться к тебе или к Маше с просьбою выслать мне необходимые книги:

20 новых заветов по-*славянски* в переплете.

2 экземпляра Толкового Евангелия от Матфея (один для Васильевской школы; здешний пропал и я дал свой);

1 экземпляр арифметических задач кажется Паульсона;

1 экземпляр какой-нибудь арифметики *попростее*; Паульсоновой Соловьев решительно не понимает.

Еще бы нужны мне церковно-славянские прописные буквы для наклейки. Если их нет в продаже, то хоть церковно-славянский букварь; по нем я велю изготовить буквы здесь.

Ты мне пишешь о магазине школьных принадлежностей. Не есть это склад того самого Сербиновича, у которого было отделение школьных книг, скамеек и т.п. на выставке? Я у него накупил книг, доск и пр., заплатил деньги с доставкою через Самолетскую компанию и ничего не получил. Справься пожалуйста.

В Озерецкой школе наконец все кончено; печной прибор, тобой присланный, пришелся в меру и вставлен; рамы вставляются, мебель перевозится. В первых числах ноября школа откроется, в продолжении месяца я успею наладить дело. Неудобно будет только то, что состав учеников крайне не однороден и очень трудно будет разбить их на два класса. В Васильевском, по поводу храмовых праздников, целую неделю безобразничали на славу. Один солдат так нализался в кабаке, что почти на пороге хлопнулся об земь и издох. Чтоб заставить его придти в себя, ему, по местному обычаю, выжимали в рот жижь из лошадиного кала. Два крестьянина кольями друг другу прошибли головы; баба ночью привела к священнику для освидетельствования избитого мужа с окровавленною рожею и не захотела обмыть ее, чтоб на другой день взять больше на мировой за присохшую кровь!

Воронковские дворовые просили меня подписать согласие под приговором на открытие кабака, уверяя меня, что ты им словесно обещал согласиться. Я велел послать его к тебе, не доверяя их словам и не имея от тебя доверенности. На что им кабак, когда под боком, в Владимирском, чуть ли их не два и всего-то дают им за это 80 р., не считая разумеется дарового вина.

Скажи Маше, что я получил ее вторую посылку с книгами и благодарю ее. Мне принесли ее сегодня» [60].

[1] О своем обычном деревенском дне поздней осенью Самарин писал брату Дмитрию 13 ноября 1872 года: «Здесь, кроме снега, ничего нет нового. Уроки поутру, чтение, обед, разбор бумаг, разговор с управляющим, потом опять чтение – один день так похож на другой, что даже, глядя в увеличительное стекло, не вы-

самую минуту, как я садился за стол, ко мне приехал сосед наш Пустошкин уже пообедавший и потому отказавшийся от моей скромной трапезы, однако он подсел ко мне, разохотился и съел более половины пирога и жаркого, приготовленного на одного. Не могу сказать, чтоб его беседа вознаградила меня за ущерб, нанесенный моему желудку.

То, что ты пишешь мне о К. для меня не ново. Я замечал в ней желание сблизиться и сходиться с нами в отношения более интимные, но я действительно на это не подавался. В моих глазах она свободна и рано или поздно проснется законная потребность полного счастья. Самая эта жажда самозаклания свидетельствует о преизбытке внутренней жизненности и мне всегда как-то совестно было подать ей повод думать, что мы с своей стороны принимаем жертву и тем как будто связываем ее будущность. Впрочем с моей стороны нет никакого partipris[1] поступать так, а не иначе и насколько это будет зависеть от меня, я разумеется буду стараться хоть развлечением наполнить пустоту ее жизни.

Ближайшим поводом к переезду моему с Ордынки была, конечно, Володина болезнь, но была и другая причина, и вот почему я не переменил моего намерения и после его кончины. Сознавая приближение тяжелых недугов, я чувствую потребность уединиться, стать подальше и уйти от ухода. И Маменька, и ты, вы обе довольно мучились с неизлечимыми на своем веку.

Кажется, я уже писал тебе, что я открыл свою школу в Озерецком. Теперь я езжу туда почти всякий день и даю уроки при Священнике и при учителе, чтобы показать им как надобно браться за дело; но первый из них подает мало надежды. Он человек не дурной, не пьяница, не берет лишнего за требы, но это пошлая, невосприимчивая, одервеневшая натура, которой ничем не прохватить. В этом деле, как и во всяком другом, главная трудность (когда дойдет до исполнения) уметь обривать свои требования, соображаясь с сподручными средствами и с степенью подготовки среды. Уж тут нет речи о достижении совершенства, приходится даже отказываться и от того, что было бы легко и возможно при некоторой толковистости и при некотором участии к делу. – Княгиня Черкасская вспомнила про мои именины и прислала мне телеграмму. Когда ты увидишь ее, скажи ей, что я очень и очень ей благодарен за добрую память.

Вчера у нас выпал первый снег, которому все несказанно обрадовались как счастливой случайности и поспешили обновить зимний путь. По этому поводу сегодня весь день попадались мне веселые физиономии. Нежно обнимаю тебя, Маменьку и всех.

Ю. Самарин.

№ 50

Москва, 29 мая 1873 года

Вторник 29 мая

Dearest Mary, я не приеду в Рожествено прежде чем мне перепишут твои проекты уставов, то есть дня через 3–4; между тем, очень бы хотелось что-нибудь узнать о том, что тебя беспокоило. Напиши мне два слова.

Я провел два дня у Щербатовых, потом с Варенькою и Федею два дня в Измалкове.

Обнимаю нежно тебя и Маменьку. Ю. Самарин.

№ 51

Москва, 2 июня 1873 года

Пятница 2 Июня

Dearest Mary, твое довольно неутешительно письмо я получил; накануне Варенька сообщила мне то, что ты ей прежде писала. Грустно, но как ни мало надежд на радикальное излечение, не надобно забывать, что меры сил и средств человеческой натуры не знает ни один врач. Лучшим доказатель-

смотришь между ними разницы, кроме разумеется получения почты, которая приходит очень не аккуратно» [61].

[1] предубеждения (*фр.*).

ством тому служит Варенька Лопухина[1]. Вчера я узнал от Труцкого, что она стала выезжать в карете для постепенного приучения себя к поездке за границу, которая постоянно ее занимает и на которую она так твердо решилась, что Мамонов с нею уже не спорит. С каждым днем она становится более и более капризною, прогнала от себя сердобольную и мучит своих дочерей – передай это Маменьке. Я до сих пор не собрался в Рожествено, потому что не успел еще спустить всех своих докладов, а заседания Думы назначаются зря, не в определенные дни, а когда вздумается.

Надеюсь развязаться в понедельник и тогда приеду непременно во вторник.

Посылаю тебе вперед проект Устав, чтоб ты успела просмотреть его до моего приезда. Я нарочно исключил все что касается до общества врачей. Это общество не состоит ни в какой связи с благотворительным обществом; характер его – учено-административный, приурочивающий его к учреждениям земским и правительственным. К тому же и утверждение такого общества должно бы идти другим порядком.

Митя благополучно доехал до Васильевского; Варенька все худеет. Elle amauv ais emine que qu'elle nes eplaique pas[2]; о Пете и Лине нет никаких известий. Интересных новостей тоже нет. На днях ожидаю сюда Дмитрия Оболенского.

Вчера приходил ко мне проститься и принять напутственное благословение Мартынов. Он назначен прокурором в Киев. Обнимаю нежно тебя и Маменьку[3].

Ю. Самарин.

№ 52

С. Васильевское, 16 июля 1873 года

16 Июля 1873.

Dearest Mary, хотя ты вообще сама себя праздновать не любишь, однако посылаю тебе поздравление с именинами и обнимаю от души. Воздерживаюсь при этом от обычных пожеланий всякого счастья, чтоб слишком резко

[1] Лопухина Варвара Александровна, урожд. кн. Оболенская (10.I.1819 – 10.VII.1873).

[2] Она выглядит плохо, но не жалуется (*фр.*).

[3] Брату Дмитрию Самарин, вернувшись из Рожествена, где этим летом жили матушка и М.Ф. Соллогуб, Самарин писал 7 июня 1873 года: «Я провел в Рожествене три дня. Ни при мне, ни до моего приезда не повторялись известные тебе припадки, так что в этом отношении, особенно после совещания с Боянусом, все поуспокоились; но грустно смотреть на молодую чету и особенно на Машу. Федя не то что влюблен и поглощен заботою о своей жене, он находится в состоянии полнейшего и безусловного порабощения, к которому она привела его и в котором она держит его преднамеренно, не отходя от него ни на секунду и не позволяя ему оставаться ни наедине, ни с глазу на глаз с матерью. Весь день проводится в рисовании, в чтении, в пробовании разных грациозных поз и в игре с сурком. При этом, разумеется, немыслимо никакое серьезное занятие. Складывающиеся между ними отношения напоминают тяжелую кабалу, в которой так долго держала покойного Кн. А.П. Оболенского вторая жена его. Маша все это видит очень ясно, скорбит, мучится внутренно, и улыбается» [62].

Год спустя Самарин не изменил своих суждений, сообщая брату Дмитрию из Берлина 24 (12) июля 1874 года: «съездил в Измалково, куда приехала Маминька и где я застал Машу. Маменька там не в гостях, а как дома; живет внизу, по лестницам взбираться не приходится; ходит она без приглашения гораздо больше чем в городе и чем в Рожествене. Знакомые места вызывают в ней воспоминания былого времени, которыми видимо восполняется пустота ее теперешней оскудевающей жизни. Маше поездка ее в Харьков и прекращение лечения электричеством даром не обошлись; у нее сильно разболелась спина и вдобавок Федина жена угостила ее неприятными сценами, которые надолго ее расстроили. Эта бабенка уродилась с головы до ног совершенною француженкою. Elle passede les deux trois qui caracterisent les farncaises et les rendentan tipithi ques: une frivolite infantigable, non sentiment comme femme du monde, maisaussi dans sesrapportes de famille, comme mere, comme e pouse, comme belle-fille, et unesoif de domination, que rien ne pent satisfaire, pas meme les larmes, qu'elle fait verser*. Пока Маша будет упорствовать жить с нею в одном доме, она вечно будет ее мученицею» [63].

* Она передала две-три <черты>, которые характеризуют французскость и дают тип: несерьезное легкомыслие, не только ощущение себя женщиной в свете, но также в семейном, как матери, как жены, как невестки, и жажда доминирования, которую ничто не может удовлетворить, даже слезы, которые она заставляет литься (*фр.*).

не расходиться с твоим обычным настроением, а вовсе не потому, чтоб я считал его безусловно невозможным. Пробуждение материнского чувства такой кризис в жизни женщины, за которым часто следует перемена к лучшему во многих отношениях; оно может наполнить внутреннюю пустоту и вытеснить другими, серьезными и существенными заботами суетное желание властвовать, особенно желание не встречающее сопротивления и кажется вдоволь удовлетворенное. Что делает юная чета и в каком виде представляются взаимные отношения в настоящую минуту? Я все-таки думаю, что в то время как их наблюдал, они еще не установились окончательно.

Да напиши мне обстоятельно об своем здоровье; из Маменькиных писем я вижу, что ты все время хворала и лечилась только поездками в Серпухов. Здесь все обстоит довольно благополучно. Дети шумят, резвятся, объедаются, иногда жалуются на боли в переполненных желудках и эти жалобы подают повод к догадкам: от чего бы могла происходить боль? Учатся все хорошо и довольно успешно, кроме Пети, который едва ли в состоянии будет пройти правильный курс. Он вовсе не бездарен, даже усваивает себе все замечательно быстро, при этом далеко не вял; но в нем заметное какое-то отвращение от всякого труда и напряжения внимания. Варенька все худее и видимо стареет, но не жалуется и на вид довольно бодра.

Митя хмурится; il deviant morose avec l'age et moins communicatif de jour en jour il a la singuliere habitude de concentrer tout esses joies: et tout esses bonnes impressions pour ne communiquer que ce qu'il eprouse de penible[1]. Федя ведет себя безукоризненно и занимается очень прилежно, почти слишком прилежно. Он начинает смахивать на немца-книжника; всякое проявление воли и чувства в нем как будто парализуется втягиванием и вбиранием в себя всякого рода сведений. Le feusacré de la jeun esse[2] в нем видимо потухает и уже в нем заметна какая-то преждевременная зрелость. Я с ним теперь читаю и разбираю поэтов, чтоб сколько-нибудь поддать ему жару и поддержать в нем идеализм.

Озерецкая моя школа зимою, судя по экзамену, который я делал на днях, шла не дурно, лучше чем я ожидал, но учителей решительно неоткуда взять, так что я вынужден был сегодня обратиться к содействию и помощью земства. В настоящее время все школы превращаются, по распоряжению Вареньки, во временные приюты для грудных детей, приносимых на день матерями на время жнитва. Это учреждение хорошо придуманное имеет большой успех и пользуется необыкновенною популярностью.

Напиши мне, что слышно о Пете, Николиньке, об Аксаковых, Черкасских и о Тютчеве. Я ни от кого не имею известий – правда, что и сам никому не пишу. Крепко обнимаю тебя и маменьку.

Ю. Самарин.

Что у Вас говорят о назначении в Москву Кн. Владимира Голицына?

№ 53

с. Васильевское, 2 августа 1873 года

2 Августа 1873.

Dearest Mary, вчера получил я твое письмо от 26 Июля, содержащее в себе очень неутешительные известия о Николиньке. Я написал Кате письмо, но не знаю куда его отправить, если адресовать его к ним в Москву, боюсь как бы, в случае их отъезда, управляющий не затруднился пересылкою за границу. Решаюсь отправить его к тебе, без адреса, с просьбою написать его от себя.

Все эти дни, с каждою почтою получались известия о чьей-нибудь кончине. О бедной, многоиспытанной и многострадальной Вареньке Лопухиной

[1] с возрастом он становится мрачным и с каждым днем все менее общительным; он имеет особую привычку удерживать все свои радости, все свои хорошие впечатления, чтобы писать лишь о боли (*фр.*).

[2] Священный огонь молодости (*фр.*).

жалеть нельзя, но о Тютчеве я глубоко и искренно пожалел. Он положительно последний в своем роде и с ним кончается целая порода людей. Удивительно как все совпали в его оценке. На днях я писал об нем Э.Ф. Раден[1] и вместе с тем, в статье Жомини, посвященной его памяти, прочел целую фразу как будто выписанную слово в слово из моего письма[2]; потом писал к Ивану Аксакову, который с своей стороны до получения моего письма, писал ко мне и опять оказалось, что мы точно друг друга подслушивали[3]. В письме Аксакова есть интересные подробности о последних днях Тютчева; посылаю его тебе для прочтения, а ты потом доставь его Черкасским; я хотел бы, чтоб оно сохранилось[4]. У нас все здоровы. Были две тревоги, загорался забор степного овечьего двора, потом крестьянская лачуга в Васильевском, но оба раза в пору затушили. Варенька через 10 дней собирается в Москву с Федею и Анютою. Прощай, обнимаю тебя и Маменьку. В следующий раз буду к ней писать.

Ю. Самарин.

№ 54

с. Васильевское, 3 сентября 1873 года

С. Васильевское

3 Сентября

Dearest Mary, пишу тебе несколько только слов и собственно о себе чтобы какими-нибудь путями не дошли до Рожествена неверные слухи о моей болезни.

Дело в том, что я, вопреки совету Московского доктора, настоял на том, чтоб мне нарезали нарыв от ушиба; надоело три недели по пяти раз в день менять компрессы. Но у меня сделалось рожистое воспаление, очень обыкновенное в здешних местах, и я теперь привинчен к кровати. Пишу лежа – вот отчего выходит так криво. Не знаю, долго ли так продлится; нет никакой опасности, даже боли не чувствуется в лежачем положении, но уход за ногой утомителен до нельзя, столько тут натираний, бинтований и т.п. процедур, а особенно утомителен требованием полной неподвижности. Доктор наш оказывается отличный, по влюбленности в свое дело и по ловкости. Он решительно делает все сам.

[1] Самарин писал Раден 26 июля 1873 года: «Вчерашние газеты сообщили новость о смерти Тютчева. Он был последним лучом плеяды, центром которой был Пушкин. От него талант Тютчева вел свое происхождение, будучи связан с Гёте открытостью своей природы любому впечатлению, вдохновляемый всем на свете, только не олимпийским высокомерием, и сверх того обладающий глубочайшей простотой. Что в переносном смысле говорят о поэтах, сравнивая их с натянутыми струнами инструментов, готовыми всегда звучать от малейшего дуновения, могло относиться к нему без всякого преувеличения. Меня всегда поражала его исключительная легкость. Чары и муки поэтического творения были ему также незнакомы. Без его ведома стихи слетали с его уст, словно плод, который сам созревает, а затем отрывается от ветки, на которой он держался. Странное дело: его родной язык не был ему знаком. Он говорил на нем с трудом, и само это неведение, соединенное с углубленным знанием французского и немецкого языков, позволило ему открыть в русском ресурсы и тонкости выражения, которыми до него не владел никто».

[2] Имеется в виду некролог, опубликованный в “Journal de St.-Petersbourg” в день похорон Ф.И. Тютчева, 18 июля 1873 года. Автором был А.Г. Жомини, в последующем И.С. Аксаков включил его, без указания имени автора, в качестве приложения в свою «Биографию Федора Ивановича Тютчева» (с. 325–327). Разительное совпадение с Жомини Самарин увидел (и обратил на это внимание и Аксакова [1, с. 304, письмо от 22–28 июля 1873 года] в следующей фразе: «стихи слетали с его уст, словно плод, который сам созревает, а затем отрывается от ветки, на которой он держался». На эту статью обращал внимание Самарина Аксаков в приписке к письму от 18 июля 1873 года, сделанной на следующий день: «В нынешнем № Journal de S.-Petersb. появилась прекрасная статья о Тютчеве, писанная, кажется, Жомини. Я пришлю ее тебе. Лучше охарактеризовать его общественное положение и деятельность нельзя».

[3] Аксакову Самарин, в частности, писал по получении его письма, отзываясь на суждения о покойном Тютчеве: «Не знаю, последний ли он в своем роде, но мы такого человека уж не увидим, да если бы и явился такой, мы сами уж не могли бы опознать его, и никогда бы он не сделался для нас в той же мере своим человеком, человеком нашего времени, наших лучших интересов» [1, с. 306]

[4] Письмо сохранилось, опубликовано [1, с. 298–303, письмо от 18–19 июля 1873 года].

Если в настоящее время княгиня Черкасская гостит у тебя, поклонись ей от меня. Я, вернувшись в деревню, нашел здесь ее письмо, с приложением письма бар. Раден. Это письмо я возвращу и буду отвечать, но прошу княгиню Катерину Алексеевну не очень меня торопить.

В этом положении трудно писать.

Нежно обнимаю тебя.

Ю. Самарин.

№ 55

Телеграммы времени болезни Ю.Ф. Самарина, сентябрь 1873 года[1]

№ 55.1

Сентября 1873
из Сызрани
подана: 4 числа 6 ч. _ д.
получена: 4 <числа> 8 ч. 15 м.д.
Москва Леонт<евский>пер<еулок>
Князю Черкасскому

Хотя лихорадка уменьшилась, но воспаление рожистое усиливается, надеюсь, что брат выехал на Саратов.

Дмитрий Самарин.

№ 55.2

Сентября 1873
из Москвы
подана: 7 числа 9 ч. 45 м.д.

[1] К болезни Ю.Ф. Самарина относится письмо его брата, Петра Федоровича, отправленное из Сызрани в Москву, где в это время был Дмитрий Федорович:

«14 сент. (1873)

Пятница

11 часов утра.

Любезный друг! Сейчас ушел доктор. Вот ход лечения: ночь среды на четверг он провел не совсем хорошо и спал мало. В четверг утром доктор сделал разрез на внутренней стороне ноги, где была болячка. Вышла одна кровь. День он провел хорошо, часто засыпал на диване и боли в ноге не было. Вечером, при перевязке, оказалось, что опухоль кругом нового разреза несколько опала, но из раны не шло ничего. Ночь с четверга на пятницу – как он говорит – почти не спал, хотя боли в ноге не было. При перевязке нынче доктор запустил зонд в рану и долго в ней зондировал, запуская зонд все глубже и глубже, раздвигая, как говорит доктор, сосуды, потом надавил и произошло сильное излияние гноя. При этом Юша вскрикнул. Доктор остался очень доволен и надеется, что это последнее скопление гноя, которому дан исход. Юша нынче утром мне сказал, что он не спит по ночам потому, что постель его слишком жестка. Я ему устрою другую с мягким матрасом. На дорогу сделаю маленький.

Из Нижнего ответа не имею о пароходе. Телеграфировал нынче еще раз в Кострому, а, кроме того, к приказчику Сидякина.

Нынче приехал Дмитриев и теперь сидит у Юши. – Юша не хочет никакого парохода кроме Волжского, и притом желает получить облегчение до отъезда. Ему больно всякое движение. Я с своей стороны нахожу, что ждать понедельника благоразумно: есть полное основание ожидать к понедельнику значительное облегчение, – доктор внушает доверие, и пароход Волжский обещает больше удобств.

Я нынче телеграфировал в Москву. Обнимаю.

П. Самарин.

[Приписка Ю.Ф.:]

Любезный друг, не беспокойся. Мне положительно лучше. Четвертый разрез, кажется, последний, всех был лучше и действительнее. Обнимаю дружески тебя и детей. У меня сидит Дмитриев.

Твой Ю. Самарин.

[Примечание Д.Ф.:]

Ю.Ф., получив известие о болезни маменьки, в Августе отправился в Москву и на пристани ушиб ногу. По возвращении из Москвы, в Сентябре, ему сделали в Васильевском разрез опухоли на ноге и он опасно захворал. Я выписал из Москвы брата Петра Фед., который приехал с женою в Васильевское и с большим трудом перевез Юшу с больною ногою в Сызрань; остановились они там в доме С.В. Шембарова и через несколько дней увезли Юшу в Москву через Саратов» [64].

получена: 7 _ 10 ч. 26 м.д.
Серпухов
Графине Марье Федоровне Соллогуб
Получена депеша
Лихорадка слабее, рожевое воспаление усиливается ожидается нарыв. Пришлите брата – буду постоянно уведомлять.
Самарина.

№ 55.3

Сентября 1873
из Сызрани
подана: 9 числа 12 ч. 5 м.д.
получена: 10 _ 12 ч. 20 м.д.
Серпухов
Графине Соллогуб
Нынче приехали вчера и нынче вскрыли два нарыва предстоит еще один большой разрез, страдания поутихли начинает спать согласен ехать в Москву, привезем при первой возможности дня через четыре
Самарин.

№ 55.4

Сентября 1873
из Москвы
подана: 11 числа 7 ч. 45 м.д.
получена: 11 _ 8 ч. 48 м.д.
Серпухов
Графине Марии Федоровне Соллогуб
Получила депешу отъезд Среду или Четверг, дорога дней восемь общее состояние улучшается разрез отменен.
Самарина.

№ 55.5

Сентября 1873
из Сызрани
подана: 14 числа 10 ч. 40 м.д.
получена: 14 _ 12 ч. 15 м.д.
Серпухов
Графине Соллогуб
Благополучно доехали до Сызрани в среду, сядем пароход понедельник, доктор хороший вчера сделал еще разрез болезнь уступает но еще страдает и плохо спит голова совершенно свободна передай в Москву
Самарин.

№ 55.6

Сентября 1873
из Серпухова
подана: 16 числа 10 ч. 20 м. д<ня>
получена: 17 _ 12 ч. 10 м. д.
Москва
Толмачев переулок дом Сологуб <sic!>.
Софье Юрьевне Самариной
Получено из Сызрани.
От души поздравляю и обнимаю Вас, Машу и всех наличных. Буду в Москве Среду и Четверг
Юрий Самарин.

№ 55.7

Сентября 1873
из Серпухова
подана: 16 ч. 10 ч. 30 м.д.

получена: 17 ч. 12 ч. 15 м.д.
Москва
Толмачев переулок собственный дом графине Соллогуб.
Получена из Сызрани, садимся нынче на пароход будем Москве Среду утром выслать коляску на станцию вчера еще разрез останавливаться нигде не буду
Самарин.

№ 55.8

Сентября 1873
из Саратова
подана: 17 числа 7 ч. 55 м.д.
получена: 17 _ 9 ч. 55 м.д.
Москва
Князю Черкасскому
Чернышевский пер., собст. дом .
Будем среду утром просим пригласить Гана к двенадцати часам на квартиру Юши.
Самарин.

№ 55.9

Сентября 1873
Из St Jesn de Luez
подана: 1 <sic!> числа 4 ч. 50 м.
получена: 20 <sic!> _ 20 ч. __ м.
Comtesse Sollohub
Moscou
Ordinca maison Sollohub
Comment va Georges arrive ou non a Moscou telegraphie zapre savoir onten du medicim[1]
Samarin.

№ 55.10

Сентября 1873
из St Jesn de Luez
подана: 4 <sic!> числа 9 ч. 30 м.
получена: 23 <sic!> _ 1 ч. 45 м.
Comtesse Sollohub Moscou
Ordinca maison Sollohub
Offrez a Lina votre logement pour etreau pres Georges arrivons 2 Octobre[2]
Catherin Samarin
Comment va Georges arrive ou non a Moscou telegraphie zapre savoir onten du medicim
Samarin.

№ 55.11

Сентября 1873
из Paris
подана: 5 <sic!> числа 8 ч. 5 м.
получена: 23 <sic!> _ 3 ч. 30 м.
Comtesse Sollohub Moscou
rue Ordinca maison Sollogub
Telegraphiez grand Hotel sante' de Georges et Maman restons Paris quatre jours[3]
Samarina

[1] Сообщите, приезжает Жорж в Москву или нет, телеграфируйте после заключения врача (*фр.*).

[2] Передайте Лине. Ваше жилище будет рядом. Жорж прибывает 2 октября (*фр.*).

[Далее повторение текста предшествующей телеграммы.]

[3] Телеграфируйте Гранд Отель <.> Здоровье Жоржа и Мамы <.> Остаемся в Париже четыре дня (*фр.*).

№ 56

Москва, декабрь 1873 года

Dearest Mary, ты мастерица ухаживать за другими и других учить осторожности, а сама себя ни мало не бережешь. Только на днях узнал я, что ты была гораздо серьезнее больна, чем я воображал. Я думал, что у тебя легкая простуда, а выходит, что у тебя был сильный жар. От Маменьки я ничего точного узнать не могу, да и нынче она будет.

Если ты можешь, без усилия, черкнуть несколько строк, напиши мне *без утаек и умаления* как ты себя чувствуешь.

Обнимаю нежно.

Ю. Самарин.

P.S. Сейчас приехала Маменька.

№ 57

Москва, зима 1873–1874 года

Я слышу, что ты довольна электричеством, чему очень радуюсь; но так ли это? Маменьке ты может быть и не все говоришь. Мне тоже лучше; рана стала успешнее заживать, теперь уже можно прижигать.

Прошу и требую, чтоб ты ко мне *не ездила* впредь до особого от меня приглашения. Иначе я напялю сапог, найму карету и приеду к тебе. Обнимаю нежно.

Ю. Самарин.

№ 58

Эмс, 20 (8) августа 1874 года

Эмс 20/8 Августа

Dearest Mary, сажусь писать тебе по возвращении от обедни, в первый раз удалось выслушать ее с отъезда из Москвы. Сюда приезжал Висбаденский Священник и привез между прочим известие о торжественном освящении Православной Парижской Церкви при звоне Московских колоколов. Письмо твое от 1/13 я получил, но я не совсем ясно понял из него, приняла ли ты окончательно или отклонила почетное гражданство? Признаюсь, я не вижу повода отказываться, тем более, что это для предлагающих несколько обидно, чем бы впрочем не мотивировался отказ. О заседании Думы по вопросу о каких-то прудах решительно ничего не читал, не слыхал и не знаю; № <Московских>Ведомостей, в котором об этом говорилось, мне не попадался на глаза.

Я всякий день купаюсь, то есть просиживаю $^{1}/_{2}$ часа в ванне и лечение идет правильно; случаются правда иногда явления, которых доктора не ожидали, но все-таки дело идет *к радикальному* выздоровлению; я пишу совершенно откровенно *и ничего не скрываю*. Как только я узнал, что Лина в Карлсбаде, я к ней туда писал, дал ей свой адрес и, разумеется, не зная где она остановилась, надписал posterestante, но никакого от нее ответа не получил, из чего заключаю, что она не догадалась справиться на почте. Остается просить тебя переслать ей мой адрес. Кроме Кошелева и Подчацких, с которыми я не знаком, Русских здесь ни души. Я перечитал все что здесь вышло по вопросу о распре Прусского правительства с Латинскою Церковью. Если б мы позволили себе хоть сотую долю того, что делает К. Бисмарк – Господи! какой бы поднялся в Европе набат! Может быть я когда-нибудь расскажу всю эту историю нашей публике с нужными приспособлениями. Из того как за мною ухаживают здешние книгопродавцы – издатели, я заключаю, что мой издатель Бокк имеет от меня порядочные барыши.

Сделай одолжение, исполни два поручения, когда будешь в Москве: прикажи отнести в дом Мухановой[1] прилагаемое письмо, я забыл адрес, и прикажи взять в доме (на Петровке) залежавшееся письмо ко мне от Э.Ф. Раден. Оно было переслано из Васильевского. Пошли его *в Берлин*, Beh's Buch-

[1] Муханова Мария Сергеевна (1803–1882) – фрейлина императорского двора, мемуаристка [10].

handlung 27 unter den Linden. К тому времени меня уж может быть в Эмсе не будет. Не знаю еще наверное долго ли я здесь останусь; вероятно еще дней 7–10. Ты все спрашиваешь о моем здоровье, а о своем ни полслова! Обнимаю нежно тебя, Маменьку и всех.

Ю. Самарин.

P.S. М.С. Муханова должна быть где-то в деревне; надобно бы распорядиться так, чтобы письмо было ей доставлено туда.

№ 59

Берлин, сентябрь (?) 1874 года

Dearest Mary, сейчас принесли мне три больших письма, из которых два были адресованы в Сызрань, а одно в Москву. На всех трех второй адрес сделан твоею рукою. Одно из этих писем от Кавелина; он мне пишет, что посылает мне на просмотр свою философскую статью, которой в конверте не оказалось[1]. Она, конечно, послана была также в Сызрань, но в особом конверте. Вопрос в том, где она? Выдал ли ее Сызранский почтамт нашей конторе без моей подписи на повестке? (Митя об этом ничего не пишет.) – Находится ли она в Москве? Сделай одолжение справься об этом в Москве и у Мити как только он приедет и если статья Кавелина получена, то возьми ее к себе или отдай Мите на сохранение, *но отнюдь не пересылайте ее сюда;* я боюсь, чтоб она не затерялась, а копии у него пожалуй не осталось. Обнимаю тебя нежно.

Юрий Самарин.

Дней через 10–12 Митя получит письмо на мое имя, адресованное на Поварскую, в его дом. Скажи ему, чтоб он также не пересылал, а берег его бы до моего возвращения.

P.S. Статья Кавелина послана из Белевского уезда Тульской Губернии.

№ 60

Берлин, 19 (7) сентября 1874 года

Берлин 19/7 Сент.

Dearest Mary – еще одно последнее поручение. Помню, что в исходе Сентября у нас празднуются два семейных тезоименитства, Маменькино и, кажется, твое, но никак не могу припомнить чисел, а бумажника, в котором у меня этого рода отметки я не захватил. Сделай одолжение напиши мне поскорее, чтоб я успел отсюда подать голос. Все присланные тобою письма я получил, в том числе и то, которого я ожидал. Невыразимо скучно за границею! До скорого свидания – обнимаю тебя нежно.

Ю. Самарин.

№ 61

Москва, 2 июня 1875 года

Dearest Mary, я здесь справился раньше чем ожидал и, по полученным мною письмам, решился ехать скорее в Берлин.

Выезжаю на Петербург, завтра, во вторник. Лина писала мне, что Вы благополучно отъехали с Московской станции – это была главная трудность. Я провел день в Измалкове; не смотря на дурную погоду и частые дожди, там все ликует и наслаждается обилием лесов и тени; Варенька сильно раздается в толщину. На другой день мы съездили с Черкасскою и с Барановыми в Кунцево, к Аксаковым.

Ты получишь на днях от меня книжку Суворина, сборник всякой мелочи, в том числе мой литературный портрет. Прочти его Маменьке; в нем упоминается и об ней; она все жалуется, что меня все бранят, пусть же она узнает, что есть и такие, которые говорят обо мне с сочувствием. Я пробуду в Петербурге не более 2[x] дней и, если ничего особенного не случится, на-

[1] Имеется в виду эпистолярное обсуждение Ю.Ф. Самариным и К.Д. Кавелиным вопросов, поднятых публикацией книги последнего «Задачи психологии» – в дальнейшем из этой переписки выросла, инициированная К.Д. Кавелиным серия статей [см. 13, с. 371–476].

пишу в первый раз по приезде в Берлин. Оттуда съежу в Прагу, дня на два, и в Карлсбад – повидаться с Катенькою. Мой неизменный заграничный адрес: Berlin, Behr's Buch-handlung 27 Unter den Linden.

Крепко обнимаю Маменьку, тебя и Маню. Дай Вам Бог здоровья.

Юрий Самарин.

2го Июня 1875 г.

№ 62

Берлин, 24 (12) июня 1875 года

Берлин 12/24 Июня

Dearest Mary, я получил письмо твое писанное по поводу статейки Суворина[1]. Об ней не стоит толковать, не только исправлять или пополнять. Автор, очевидно, имел целью подразнить так называемых консерваторов и более ничего.

То, что ты пишешь о Папеньке, совершенно верно; те же мысли занимали меня много раз, даже постоянно. По мере того как я сам, под влиянием времени и опыта, внутренно изменялся, изменялось и мое представление о нем. Каждому периоду жизни мною пережитому соответствовал особенный образ его. Влияние его на меня было так глубоко и сильно, что и после его кончины я с ним ни на один день не расставался; общение мысли не прекращалось между нами. С летами оно даже становится теснее и теснее. Наяву, мне беспрестанно приходит на ум уяснить себе, как бы он отнесся к тому или другому обстоятельству, как бы он взглянул на меня в ту или другую минуту моей жизни. Это делается как-то само собою; я невольно и не преднамеренно становлюсь перед ним и отдаю себя под суд его. Во сне я не то, что вижу его, а очень, очень часто ощущаю его присутствие и веду с ним продолжительные беседы, посреди которых просыпаюсь от собственного голоса. Неисчерпаемый предмет этих разговоров составляют те неразъясненные между нами недоразумения, которые, во время оно, так меня озадачивали, которых естественности, а в некоторых отношениях даже полной разумности, я долго не мог постигнуть. Теперь, по мере того как я старею, я к собственному, немалому моему удивлению, открываю в себе все те его недостатки, от которых я наиболее страдал в ранней молодости и от которых считал себя застрахованным собственным довольно тяжелым опытом; но не нахожу в себе ни той душевной теплоты, ни той способности к долгому, выдержанному, почти бессознательному самоотвержению, которыми с избытком выкупались односторонность некоторых его понятий и нередко переступавшее меру стеснение чужой свободы. В итоге выходит, что кругом виноват перед ним был я, потому что сын всегда лучше понимает отца, чем отец сына, особенно у нас. Меня долго занимал вопрос о том, как относился к нему внутренно простой народ, и я чрезвычайно обрадовался, когда узнал, что крестьяне, которых он, как известно, никогда не баловал, положительно поминали его добром. В Васильевском имя его вписано у всех крестьян в синодиках. Мы, дети его, гораздо либеральнее его, а такую ли оставим по себе прочную память – очень сомнительно.

Я теперь вожусь здесь с зубным врачом и проживу в Берлине по этой причине еще дня 3, 4, потом заеду в Прагу, в Карлсбад и т.д. Русская литература здесь процветает; много вышло брошюр разных колеров. Но до чего довралась наша Лондонская эмиграция (газета «Вперед») трудно поверить не читавши. Прости господи и им и нашим опекунам. И те и другие не знают что творят. Обнимаю крепко тебя и Маменьку. Адрес тот же.

Юрий Самарин.

№ 63

Сент-Морис, 1 (13) июля 1875 года

12/1 <sic!> Июля. St. Mourice.

Dearest Mary, – я здесь третий день; вчера начал пить воды, завтра начну

[1] Суворин Алексей Сергеевич (11.IX.1834 – 11.VIII.1912) – журналист и издатель, в 1876 году приобрел «Новое время», в 1875-м выпускал серию «Очерков и рассказов» (2 вып., 1875).

купанье. Доехал я сюда из Кура (Chur) на почтовых, в 12 часов, при проливном, почти непрерывном дожде. Большие, густые как студень тучи ползут по косогорам и крутизнам, цепляясь за сосны, и опускаются в долины так низко, что очень часто видишь их под собою. Здешняя местность принадлежит к числу самых диких, первобытных и живописных; нигде никакой искусственной обработки, ни садов, ни полей, ни виноградников; естественные, пойменные луга, небольшие, полноводные, бирюзового цвета озера, образующие по всей долине Энгадинской почти непрерывную цепь, выше, по скатам, густые, неотделанные по правилам искусства и потому живописные хвойные леса, а еще выше голый камень, мох и снег. Край почти ненаселен; все жилье не иное что как обстановка целебных источников, огромный кургаус, две большие, только что отстроенные гостиницы и отдельные дома для отдачи в наем на лето. Все это отделано наскоро, довольно неудобно, очень дорого и переполнено. Репутация здешних источников сложилась недавно и с каждым годом растет. Они теперь в моде; им приписывается способность восстанавливать в человеке все: нервную систему, пищеварение, правильное дыхание, ум, веселость нрава, благодушие, молодость и т.д. Чающих движения множество, со всех концов мира, особенно Англичан и Американцев, но Русских не много; знакомых ни души, так что положительно не с кем перемолвиться словом и если бы не доктор, можно бы разучиться говорить. Само собою разумеется, что собственно от вод и купанья я ничего не жду; но во всяком случае вреда от них быть не может, а провести здесь в полном одиночестве дней 20 я не прочь. Не только в Москве, даже в деревне нельзя так свободно располагать своим временем. Книг я взял с собою не много, но всё серьезных и полновесных, таких, которых я бы вероятно не одолел при другой обстановке.

Кстати о книгах: в Женеве мне попалась одна недавно вышедшая: Alexandre Vinet – histoire de savie et de sesouv rages par Rambert[1]. Я накинулся на нее и прочел дорогою, от доски до доски, без перерыва. Благодаря толковой скромности и беспритязательности автора, читатель вводится в прямое, близкое и непосредственное общение с самим Вине, который выступает всеми сторонами своего ума и характера, во множестве частных писем и особенно в крайне занимательных отрывках из его дневника. Тут, между прочим, обнаруживается одна черта, которой нельзя высмотреть в известных его сочинениях; по крайней мере я не предполагал ее, именно: глубокое, мучительное, почти болезненное недоверие к самому себе, не только к своему уму и характеру, но и к своей вере. Замечательно при этом, что у него тоскливое самоосуждение никогда не переходит в заботу о личном *самоспасении.* Я разумею тот вид загробного эгоизма, который иногда так неприятно поражает в нашем и особенно в католическом подвижничестве. Вине занят сам собою только как *орудием* Божием, как проводником Слова, по отношению к людям, которым он обязан служить живою проповедью. Как бы отнестись к ним так, чтоб они стали к Богу ближе, чтоб жизнь их раскрылась для принятия освящения свыше и чтоб они стали лучше? – эта мысль, как видно из его переписки и из дневника, сидела у него постоянно в голове и он ни в какую эпоху своей жизни не отвлекался от нее, не смотря на разнообразие его занятий и на множество предметов к которым он обращался. Оказывается между прочим, что он обладал замечательным критическим талантом и тонким эстетическим чутьем. Советую тебе эту книгу добыть и прочесть; я уверен, что ты оценишь ее.

С тех пор, как выехал из Берлина, я не получал писем. Надеюсь получить через Бокка на днях. Говорят: pas de nouvelles, bonnes nouvelles[2]; но мне, однако, хотелось бы узнать какова Варенька. Ее очень не кстати и не вовремя случившееся падение, хотя и без ушиба, меня беспокоит. Я писал об этом Мите, как только приехал в Берлин, но не получил от него ответа. А что слышно о Феде и о твоих внучках?

[1] Alexandre Vinet: histoire de sa vie et de sesouv rages par E. Rambert. Lausanne, 1875.

[2] отсутствие новостей – хорошие новости (*фр.*).

Нежно обнимаю тебя и Машеньку. Пишите по-прежнему на имя книгопродавца Блока, с которым я нахожусь в постоянных сношениях и часто переписываюсь по телеграфу. Я уже сообщил ему мой здешний адрес.

Ю. Самарин.

№ 64

с. Васильевское, 5 сентября 1875 года

5 Сентября 1875

Dearest Mary, напиши мне как ты себя чувствуешь и что твоя спина; когда мы расстались в Рожествене, ты очень страдала. Что слышно о Феде и о внучатах?

Мне хочется написать туда кому-нибудь из прежних знакомых, под другим разумеется предлогом, чтоб получить взгляд со стороны на молодую чету и на ее обстановку служебную и общественную. Я, кажется, немного не сообразился с летами, когда задумал прожить здесь до нового года. В мои годы полное одиночество становится тягостным; прежде оно меня вдохновляло, а теперь я принуждаю себя к работе, на $^{3}/_{4}$ механической, а потом занимаюсь гимнастикой своего рода, переставляю всю свою библиотеку и таскаю книги из одного этажа в другой. Погода ужасная. Вчера я начал топить. Дня четыре тому назад целые сутки шел дождь с ветром; за Волгою, на правом берегу, в горах, он превращался в снег и когда я утром на другой день в ясную погоду вышел на крыльцо, я увидал белые вершины, точь в точь как в Энгадене.

Крестьяне, которых дети перестали посещать школу, окончив и предположив, что они кончили курс учения, просили меня дать им возможность повторить пройденное и приготовиться к экзамену. Я этому порадовался. Если найдется человек 10 охотников, то я открою по Воскресеньям дополнительные, повторительные классы, в которых буду сам преподавать Закон Божий. Меня этот вопрос очень интересует, собственно по отношению к Закону Божиему. Задача: усвоить себе такой способ преподавания, при котором внимание не останавливалось бы исключительно на мифической и символической стороне сказания, а давалось бы хоть предчувствие, если не разумение, общего смысла облеченного в художественную форму свойственную востоку. Достигнуть этого можно, но не легко.

Обнимаю нежно тебя и Маменьку.

Ю. Самарин.

№ 65

с. Васильевское, 5 октября 1875 года

5го Октября 1875.

Dearest Mary, вчера Митя получил от жены своей письмо с известием о Кн. Черкасской, которое меня совершенно сразило, тем более, что письмо это писано, как в нем значится, с твоих слов, стало быть известия верны, не преувеличены. По тому, что пишет Варенька, особенно по одному, очень дурному признаку – я разумею нечистое произношение, надобно почти полагать, что у нее был удар. Бедная! После моего последнего с нею свидания, я напротив остался ею совершенно доволен и успокоился. Она правда поседела, состарилась, но была весела и бодра; я за нею долго наблюдал и не заметил никаких судорог в лице.

Сделай одолжение напиши мне об ней обстоятельно, независимо от ответа на мою телеграмму, который я надеюсь получить послезавтра. Варенька же пишет, что ты на днях ездила в Серпухов на какие-то выборы, результатом которых ты осталась довольна.

Не новый ли это устав у Вас вводился? А у меня сегодня в здешней школе открылся новый, воскресный, повторительный класс для мальчиков окончивших курс. Чтоб понемногу приучать к мысли, что школа устроена для крестьян, а не есть барская затея, я потребовал платы по 1 рублю сер. Явилось человек 12 охотников и я сегодня давал им первый урок, повторительный, из Закона Божия; потом заставлял писать под диктовку. К моему

удивлению, хотя некоторые года два не видали книги, перезабыто не все и я остался доволен. Зато, в Озерецком, как оказалось на экзамене, дело шло отвратительно, в Владимирском я еще не был. Завтра здесь, в Васильевском, открывается учение для всех и мне придется ежедневно давать урок из Закона Божия, за отсутствием Священника, который лечится в Екатериновке, да и едва ли сюда вернется, он очень плох.

Об отъезде до Ноября я и помышлять не хочу. Теперь уж такое время, что надобно пользоваться и дорожить каждою минутою; впереди времени не много и кроить из цельного не приходится.

Какова Маменька и как ты себя чувствуешь? Нежно обнимаю ее и тебя.

Ю. Самарин.

№ 66

с. Васильевское, 28 октября 1875 года

Васильевское 28 Окт.

Dearest Mary, все это время я к тебе не писал потому что знал, что тебе не до того и что ты не выходишь из детской. Радуюсь, что молодое поколение, которое уж будет жить другою жизнью, такою, о которой мы даже понятия себе составить не можем, тебя радует и утешает. Твое письмо от 20 я получил. Что это за полоса такая нашла! смерть за смертью, катастрофа за катастрофою. Гаак[1], Толстой[2], Горский[3], Ев. Ив. Попов[4], потом эта нравственная, позорная гибель целого кружка[5], доказывающая полнейшую несостоятельность нашего общества перед самыми грубыми искушениями. Le de monde l'argentaura beau jen chez nous[6]. С последнею почтою я получил письмо от Черкасской, которое меня очень тронуло. Первая страничка ничего, но последней почти нельзя разобрать. То, что ты пишешь, очень неутешительно. Не дай Бог так кончить!

В школе у меня дело пошло отлично, то есть в той мере, в какой оно зависит от моего личного преподавания. Выходит, что я первый мастер этого дела; сочиняю такую историю Ветхаго Завета, что слушают по целым часам не шевелясь, даже не замечая, как из ноздрей сопли текут и не сморкаясь в пальцы.

До меня дошел слух, что Федя стал очень толстым; если это правда, то скажи ему от меня, что я его с этим не поздравляю. Я стал тучным гораздо позднее его и по опыту знаю, что это никуда не годится. Теперь я не нарадуюсь, что мне удалось иссушить себя по Бентинговой системе, сплю гораздо меньше, пишу легче, вижу лучше. Серьезно советую ему этим не пренебрегать и воспользоваться моим опытом.

Обнимаю тебя и прошу обнять за меня Маменьку. Сегодня не успею к ней писать, потому что завтра рано утром поеду дня на четыре ревизировать и настраивать Владимирскую школу.

Юрий Самарин.

Вкладываю письмо на имя Черкасского в твой конверт, потому что не знаю, где он живет.

[1] Гааг Федор Егорович (24.X.1836 – 4.X.1875) – московский врач, доктор медицины.

[2] Толстой Алексей Константинович, гр. (24.VIII.1817 – 28.IX.1875) – писатель, драматург. Был наиболее близок к славянофилам в конце 1850-х – начале 1860-х годов.

[3] Горский Александр Васильевич (16.VIII.1812 – 11.X.1875) – священник, историк церкви и богослов, в 1862–1875 – ректор Московской духовной академии.

[4] Попов Евгений Иванович (1813 – 15.X.1875) – священник, настоятель православной церкви в Лондоне с 1840 года.

[5] Имеется в виду громкое дело «Клуба червонных валетов», осенью 1875 года начались аресты, процесс состоялся в 1877 году.

[6] У демона алчности будет с нами хорошая игра (*фр.*).

№ 67

с. Васильевское, 10 ноября 1875 года

С. Васильевское 10 Ноября

Dearest Mary, вчера я получил телеграмму за подписью Самарин и Соллогуб – благодарю всех не зная в точности кого следует. Ты вероятно знаешь адрес Черкасской в Париже; потрудись переслать ей прилагаемое письмо, а буде не знаешь, подпиши: confie aux soin sable geants del'embassade de Russie[1].

Я намереваюсь выехать в понедельник, 17го, но меня может задержать Волга; поэтому не беспокойтесь если я замешкаюсь; впрочем, если нельзя будет выехать, я напишу. Обнимаю Маменьку и тебя.

Юрий Самарин.

№ 68

Берлин, 29 (17) января 1876 года

Берлин 29/17 Января 1876 г.

Dearest Mary, вчера я получил Митино письмо, которое меня несколько встревожило; но я однако решился выждать твоего, которое получил сейчас, утром. По неоднократном прочтении тон обоих писем меня успокоил. На первых порах я не мог себе уяснить, каким образом простуда могла иметь такое воздействие на мозговую функцию и повлиять так решительно на ясность представлений, но потом я стал припоминать собственные свои ощущения (трудно иначе как по аналогии судить о состоянии другого человека) и мне пришло на память, что действительно, когда по той или другой причине, часто чисто внешней, как на пример ушиб ноги, слабеет организм вообще, иногда мутится и способность различать ясно происходящее наяву от таких представлений, которые складываются невольно, сами собою, на неуловимом рубеже между бдением и сном. Во всяком случае, я совершенно спокоен в том отношении, что если бы дело приняло дурной оборот, то я буду своевременно об этом предуведомлен. Сегодня же принесли мне письма от Черкасской и от К.Ф. Тютчевой. Первая, кажется, довольно бодра, хотя горюет о скором отъезде сестры, которая однако кажется не может расстаться с Парижем, а вторая сильно хандрит.

Я здесь нашел пропасть подготовленного для меня материала, разработкою которого занимаюсь на досуге, в теплой комнате, правда на четвертом этаже по крутой лестнице, но зато в углу, в конце коридора; часа три хожу, благо все подсохло, погода стоит ясная и свежая и только изредка видаюсь с членами посольства и с некоторыми здешними дельцами, которые мне помогают справки в моей работе. Все предложения познакомиться с здешним обществом я отклонил.

Бывши в Петербурге, я говорил Э.Ф. Раден об *отчете съезда учителей начальных народных школ в Вюртемберге*, о котором я слышал от Мити. Она очень просила меня доставить ей заголовок этого издания, чтоб она могла выписать его, что и было мною обещано, но потом я запамятовал мое обещание. Сделай одолжение: попроси Митю, чтоб он исправил мою оплошность. Пусть он просто пошлет заголовок прямо от себя – никакого письма не нужно – или передаст тебе, а уж ты при случае пошли в Петербург.

Здесь в Палате идут теперь очень интересные прения по поводу требуемых Правительством мер усугбленной строгости против социалистов. Дерзость обоюдных обвинений, запальчивость, страстность и грубость речей, как за так и против, ни в чем не уступает Американским нравам. Скоро, кажется, от слов перейдут к револьверам. – Не слыхать ли чего о Петруше Васильчикове? Обнимаю нежно тебя, Маменьку и всех.

Ю. Самарин.

P.S. Когда приедет Лина, напомни ей с своей стороны о чае – Митя ей скажет о чем я ее прошу.

[1] Букв.: «поручено заботливому отношению посольства России» (*фр.*).

№ 69

Берлин, 3 марта (20 февраля) 1876 года

Берлин 20 Февр. / 3 Марта 1876 года

Dearest Mary, что у Вас и какова ты? – Отдохнула ли сколько-нибудь после ненужного самобичевания и изысканно мучительного послушания, которое ты на себя наложила? Я разумею вывозы Мани на балы от 9 до 4 утра? – Что пишут Киевляне и здоровы ли дети? – Какова Машенька: устояла ли она против привычки и обаятельного действия на слух и на душу молитвы Ефрема Сирина, отложила ли она говение? А я вчера, один у себя в комнате отпраздновал 19 Февраля; заказал себе полбутылки шампанского (Кельнер ушам своим не верил и думал, что я рехнулся) выпил за здоровье Государя, бывших товарищей и помянул покойников. К вечеру получил две поздравительные телеграммы; из Петербурга и из Парижа от Черкасских и Пети. Они этот день отпраздновали на обеде у Тургеневой, вдовы Ник. Ив. старшего из наших эмансипаторов.

Вечером, наедине, я долго думал и старался воскресить в изменяющей мне памяти последовательный ход всего дела. Признаюсь: меня теперь самого удивляет та смелость, почти дерзость, с которою мы (человек 6–8) взялись за него, при тогдашних обстоятельствах.

Мы наперед и очень хорошо знали, что вся *нравственная* ответственность за решение вопроса падет именно на нас и только на нас – это, положим, еще ничего. Но мы также знали, что в годовой или много двухгодовой срок от нас потребуется готовый проект по такой задаче, над которою Германия без устали трудилась полвека с лишком; что в Питере мы не найдем ровно ничего, никакой подготовки, ни установившихся убеждений, ни твердой программы, ни даже материалов, хотя бы например заблаговременно собранных и проверенных статистических сведений. Между прочим, в виду несомненной и *фатальной* реакции сверху, которой неизбежность также ни для кого не была сомнительна, необходимо было, чтоб сделать *прочно что-нибудь*, на первых же порах сделать непременно *все*, не рассчитывая на последовательно в будущем, не растягивая операцию на долгий срок, какого она потребовала бы при нормальных условиях (как было например в Пруссии). Помню, что покойный Милютин ни на одну минуту не терял из виду этой реакции; он не то что предусматривал ее, а видел перед глазами, и в 1860 году рассказывал нам как и в какой форме, с какой стороны она явится, точно бы он летом рассуждал о неизбежной осени. – Этой смелости, которая меня теперь удивляет при оглядке на прошлое, никто из нас в то время однако даже не сознавал. Что значит молодость и чего она не сможет! – Я разумею молодость не Милютина, не Черкасского и др., а молодость *времени*, восход нового Царствования, эту благословенную пору, когда мигом забывается все прошлое, кроме старых упований, тысячу раз обманутых и осмеянных, и все-таки периодически воскресающих с прежнею самоуверенностью, как воспетая Тютчевым всеобновляющаяся весна.

Я здесь кое с кем познакомился из молодых доцентов и теперь занят завязавшимися у меня с ними словесными, даже письменными диспутами о материях важных. Мне, разумеется одному, приходится отстаивать бытие Божие, действие промысла, свободу воли, разумность чуда и т.д. Что это за народ при всей их учености и при несомненной добросовестности многих! Они ушли назад на 500 лет от язычников и возобновляют над собою и над своими учениками Дарвинов процесс развития, только обратным движением, от человека к обезьяне и т.д. На совестях и умах лежат теперь такие непроницаемые исторические наносы и слои недоразумений, которых нет никакой возможности расчистить *сверху* логическою методою. Их может только *снизу* пробить и поднять на воздух какой-нибудь вулканический взрыв. – Не в этом ли предопределенное социализму призвание? – Я заболтался и не договорил много; в следующий раз подробнее об этом.

Скажи от меня Мите, чтоб он за меня внес в Славянский Комитет 100 р. в пользу Герцеговинцев, я забыл[1]. Обнимаю Маменьку и тебя.

Ю. Самарин.

Пробуду здесь еще дней 10–12.

[1] Имеется в виду: на пользу восставших в Боснии и Герцоговине в 1875 году [см. 4, 9].

Литература

1. [*Аксаков И.С., Самарин Ю.Ф.*] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина. (1848–1876) / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведов. СПб.: Пушкинский дом, 2016.
2. *Афанасьев А.К.* Наследие П.И. Бартенева в Историческом музее. Новые материалы. Письма. Рукописи. М.: Новый хронограф, 2016.
3. *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера: Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007.
4. *Косик В.И. и др., сост*. Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878: Документы / сост. В.И. Косик, Д.Ф. Поплыко, В.М. Хевролина. М.: Индрик, 2009.
5. *Кошелев А.В.* «Я пишу без всякого порядка…» (А.О. Смирнова и ее воспоминания) // *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. А.В. Кошелева. СПб.: Азбука, 2011. С. 5–24.
6. [*Кошелев А.И.*] Записки Александра Ивановича Кошелева. (1812–1883 годы). С семью приложениями / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 2002.
7. *Кунин В.В.* Библиофилы пушкинской поры. М.: Книга, 1979.
8. Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2018.
9. *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.
10. [*Муханова М.С.*] Из записок Марии Сергеевны Мухановой, фрейлины высочайшего двора. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1878.
11. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003.
12. [*Самарин Ю.Ф.*] 1840–1876 / Ю.Ф. Самарин // Статьи. Воспоминания. Письма / сост. Т.А. Медовичева. М.: ТЕРРА, 1997.
13. [*Самарин Ю.Ф.*] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. VI: Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1889.
14. [*Самарин Ю.Ф., Раден Э.Ф., фон*.] «Я любил Вас любовью брата…»: Переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден (1861–1876) / отв. ред., пер. с нем., подгот. текста, коммент., аннот. указатель О.Л. Фетисенко; пер. с фр. Г.С. Беляева, предисл. А.А. Тесля. СПб.: Владимир Даль, 2015.
15. *Свербеев Д.Н.* Мои записки / изд. подгот. М.В. Батшев, Б.П. Краевский, Т.В. Медведева. М.: Наука, 2014.
16. *Симонова И.А.* Фёдор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. Серия «ЖЗЛ».
17. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / изд. подгот. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989.
18. *Тесля А.А.* «Дамский круг» славянофильства: письма И.С. Аксакова к гр. М.Ф. Соллогуб, 1862–1878 гг. // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 66–97.
19. *Тесля А.А., Емельянов Е.П.* «Единственный голос, к которому прислушивается правительство» // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 45–59.
20. *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.
21. *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: Владимир Петрович Мещерский. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
22. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1 / предисл., примеч. С.В. Бахрушин. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010.

Письма из фондов ОР РГБ

23. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 15 января 1867 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 59–60.
24. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 20 марта 1864 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 2–4.
25. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к В.П. Самариной от 30 марта 1864 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 5–6, 6–7.
26. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 7 января 1876 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 208–209.
27. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 4 августа (23 июля) 1864 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 7–13.
28. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 4 октября (22 сентября) 1864 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 15.
29. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 19 (7) ноября 1864 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 18.
30. Самарин Ю.Ф. Письмо к Н.А. Милютину от 12 мая (30 апреля) 1864 года // ОР РГБ. Ф. 265. К. 36. Ед. хр. 2. Л. 1–8.

31. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Н.И. Тургеневу от 1 июля /19 июня 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. К. 36. Ед. хр. 4. Л. 659–662.

32. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 19 (7) ноября 1864 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 17.

33. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к П.Ф. Самарину от 15 июня 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 36. Ед.хр. 4. Л. 666 об. – 667 об.

34. Самарин Ю.Ф. Письмо к Д.Ф. Самарину от 11 мая 1866 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 45–46.

35. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 14 (2) февраля 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 21–22.

36. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 20 (8) февраля 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 22–24.

37. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к кн. Дм. Оболенскому от 15 августа 1870 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 36. Ед. хр. 4. Л. 525–527.

38. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Н. Рычкову от 26/14 ноября 1864 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 36. Ед. хр. 4. Л. 249–253.

39. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Н. Рычкову от 6 июля 1870 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 36. Ед. хр. 4. Л. 254–264.

40. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к кн. Д.А. Оболенскому от 5 августа 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 36. Ед. хр. 4. Л. 483, 485–487.

41. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к А.П. Самариной от 5 марта 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 36. Ед. хр. 4. Л. 665.

42. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 20 ноября 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 27–33.

43. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 24 ноября 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 33–34.

44. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 6 декабря 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 34–35.

45. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 25 декабря 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 36–37.

46. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 15 февраля 1866 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 40–41.

47. *Самарин Ю.Ф.* Черновик письма в газету «Весть» // ОР РГБ. Ф. 265. К. 36. Ед. хр. 4. Л. 464б–474.

48. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 28 декабря 1865 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 39.

49. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к еп. Ревельскому Вениамину от 11 ноября 1868 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 36. Ед. хр. 4. Л. 308 и сл.

50. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к еп. Ревельскому Вениамину от 25 ноября 1871 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 36. Ед. хр. 4. Л. 367–368.

51. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 8 июня 1867 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 82.

52. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к В.П. Самариной от 24 декабря 1866 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 51–52.

53. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 16 февраля 1867 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 70–72.

54. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 15 января 1867 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 64.

55. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 12 июля (30 июня) 1871 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 133.

56. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 16 мая 1872 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 140.

57. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 17 июня 1872 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 142.

58. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к В.П. Самариной от 3 октября 1872 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 144–146.

59. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 3 октября 1872 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 146.

60. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 27 октября 1872 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 150–154.

61. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 13 ноября 1872 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 157.

62. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 7 июня 1873 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 165–166.

63. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 24 (12) июля 1874 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 176.

64. *Самарин П.Ф.* Письмо к Д.Ф. Самарину от 14 сентября 1873 года // ОР РГБ. Ф. 265. П. 37. Д. 8. Л. 169–170.

Аннотация. Комментированная публикация содержит письма Юрия Федоровича Самарина графине Марии Федоровне Соллогуб (урожд. Самариной, сестре корреспондента) за период с 1864 по 1876 годы. Особенный интерес публикуемых материалов обусловлен тремя обстоятельствами: во-первых, по сей день эпистолярное наследие Самарина 1860-х – 1876 гг. опубликовано, в отличие от его переписки 1840 – 1850-х, весьма неполно; во-вторых, в силу семейной и духовной близости, в письмах брата к сестре затрагиваются практически все основные сюжеты деятельности Самарина за годы, охватываемые перепиской – от работы в земском и городском самоуправлении до подготовки заграничных изданий; в-третьих, благодаря регулярному характеру переписки перед нами своеобразный дневник Самарина, дополняемый в комментариях обширными цитатами из его писем к младшему брату, Дмитрию Федоровичу, с которым он был особенно близок. Таким образом, письма Самарина к гр. Соллогуб значимы и как памятник русской интеллектуальной истории, и вместе с тем – как материал по истории русского дворянского быта пореформенной поры, дающий возможность прикоснуться к жизни одного из известнейший русских семейств того времени.

Ключевые слова: городское самоуправление, земство, иезуиты, общественное мнение, пореформенная Россия, Ю.Ф. Самарин, славянофильство.

Andrey Teslya, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Institute of History, St. Petersburg State University; Senior Researcher, Scientific Adviser (Director), Russian Thought Research Center, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University. E-mail: mestr81@gmail.com

Letters of Yuri Fedorovich Samarin to Countess Maria Fedorovna Sollogub (1864–1876)

Abstract. The present publication with comments includes the letters of Yuri Fedorovich Samarin to Countess Maria Fedorovna Sollogub (nee Samarina, the correspondent's sister) in the period of 1864–1876. The special interest to the published materials is called for by the three circumstances: first, Samarin's epistolary heritage of 1960– 1876 has been published only partially, in contrast to his correspondence of 1840–1850; second, due to family and spiritual kinship Samarin's letters to his sister touch upon all aspects of his activities in the period, including his work in zemsky and city self-government bodies and preparatory work for foreign publications; third, due to the systematic character of the correspondence, the reader can see a kind of Samarin's diary supplemented in the comments with extensive quotations from the letters to his younger brother Dmitry Fedorovich, with whom Samarin was especially close. In that way, Samarin's letters to Countess Sollogub are important both as example of Russian intellectual history and as material on the history of Russian nobility daily life in the post-reform period that allows us to have a view of the life of one of the most well-known Russian families of that period.

Keywords: Municipal Government, Zemstvo, Jesuits, Public Opinion, Post-reform Russia, Yu. F. Samarin, Slavophilism.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-358-368

Андрей Попов

«Люди сороковых годов»: Ю.Ф. Самарин и А.И. Герцен

Юрий Федорович Самарин известен нам как один из главных теоретиков славянофильского учения, всегда остававшийся в тени своих более известных соратников – А.С. Хомякова и И.В. Киреевского. Свидетельство тому – первая монография о нем, написанная Б. Нольде, появляется только в 1926 году во Франции, через пятьдесят лет после его кончины. В мае 2019 года исполнилось двести лет со дня рождения Ю.Ф. Самарина, юбилей которого прошел настолько тихо и незаметно, что, кажется, его и не было.

Среди современников особый интерес к самому Самарину и его идеям проявлял один из его наиболее последовательных оппонентов – А.И. Герцен, который в 1864 году писал Н.П. Огареву: «Я болен Самариным. Что же это, наконец? Два человека, считающие друг друга честными людьми, могут до такой степени расходиться» [1, с. 494]. Эти слова были написаны Герценом в то время, когда срок их знакомства превышал уже двадцать лет. Вскоре он посвятит ему свою работу – «Письма к противнику». Подобного внимания Герцена из всех славянофилов удостоился только Самарин.

Целью данной работы является рассмотрение личности Ю.Ф. Самарина через призму его отношений с А.И. Герценом. Их взаимный интерес друг к другу никогда не был равноценным. В большей степени Герцен интересовался именно личностью своего оппонента. В его дневниках, письмах, публицистических статьях часто встречается его имя. Из этого не следует, что Самарин не интересовался личностью Герцена. После эмиграции последнего в Европу в 1847 году их отношения надолго оказались прерваны. По инициативе Самарина весной 1858 года возобновилась их переписка, а в 1864 году в Лондоне состоялась личная встреча.

История их взаимоотношений актуальна с точки зрения изучения такого феномена отечественной культуры, как русская интеллигенция. Самарин и Герцен принадлежали к ее первому поколению – «людям сороковых годов»[1], начальный период деятельности которых совпал с эпохой «философского пробуждения»[2] русской мысли и «замечательного десятилетия»[3]. Социальной основой этого поколения была дворянская интеллигенция. До конца 50-х годов XIX века [далее по умолчанию все временные указания относятся к XIX веку – *А.П.*] она сохраняла свое монопольное положение в духовной сфере, сосредоточив внимание на вопросах историософии, культуры и социального идеала. После достижения своей главной цели – отмены крепостного права в 1861 году – это поколение

[1] Термин «Люди сороковых годов» был использован А.Ф. Писемским в качестве названия его романа.

[2] Термин «философское пробуждение» использовал Г.В. Флоровский в работе «Пути русского богословия».

[3] «Замечательное десятилетие» – название мемуарной книги П.В. Анненкова.

Попов Андрей Алексеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: Popov.a-a2011@yandex.ru

утратило господствующее влияние на общество, уступив место новым «властителям дум» в лице «шестидесятников», социальной основой которых были разночинцы-«поповичи»[1].

Историю отношений Самарина и Герцена можно разделить на три этапа. Первый – от начала знакомства в 1843 году и до 1847 года. В центре их дискуссий этого периода были мировоззренческие вопросы, которые составляли сущность разногласий между западниками и славянофилами. Второй этап начался с эмиграции Герцена в 1847 году и продолжался вплоть до отмены крепостного права в 1861 году. В центре их внимания в это время находились вопросы общинного социализма в России, философия личности и подготовка Великой реформы. Третий этап – 1860-е годы, когда политические разногласия, вызванные событиями в Польше и пожарами в России, окончательно обнажили всю глубину противоречий между ними.

Начало их отношений относится к первой половине 40-х годов, когда Герцен вернулся из ссылки. Он сразу почувствовал, что общественная атмосфера в Москве заметно изменилась: время кружков 30-х годов закончилось[2]. Самый известный из них – кружок Станкевича – разделился на большинство, которое составило основу западничества, и меньшинство – в лице К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, ставших славянофилами. В ноябре 1843 года Герцен писал Н.Х. Кетчеру: «Я познакомился с Самар<иным>, он очень умный человек» [3, с. 158]. В текстах Герцена рядом с фамилией Самарина чаще всего будет повторяться слово «умный». В это время «умный» Самарин усиленно работал над своей магистерской диссертацией «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». Весь период ее написания вплоть до защиты в мае 1844 года, был одним из самых сложных в его жизни: в это время он переживал духовный кризис. Выходу из него способствовал А.С. Хомяков, которого Самарин впоследствии назовет учителем Церкви. В предисловии к его богословским работам он напишет, что для всех запутавшихся в противоречиях и раздвоившихся душой Хомяков был эмансипатором, который «выводил их на простор, на свет Божий и возвращал им цельность религиозного сознания» [4, с. 610]. Религиозный волюнтаризм основателя славянофильства помог Самарину выйти из состояния духовного кризиса после того, как он осознал, что религиозная истина не доказывается, а утверждается.

Для поколения «людей сороковых годов» это состояние религиозного кризиса не было редкостью. Близкий родственник Самарина, И.С. Гагарин, в это время тоже искал для себя ответы на самые сложные религиозные вопросы. Если для первого из них выходом из кризиса стало согласие с основными положениями славянофильства, то для второго таким выходом стало обращение в католичество, а затем и вступление в орден иезуитов.

Герцен стал свидетелем лишь заключительного этапа религиозного кризиса Самарина, поэтому всю его глубину он оценить не мог. Главная цель Самарина, как считал Герцен, заключалась в стремлении доказать единство науки и религии. Эта цель стала для него разновидностью религиозной идеи, но все его попытки достичь ее были обречены на неудачу. Начальный этап формирования славянофильских взглядов Самарина привел его к убеждению, что Европа уже достигла своего предела. Дальнейшее развитие мировой истории будет предоставлено славянскому миру. Чем больше дискутировали Герцен и Самарин по всем указанным выше вопросам, тем все более отчетливо обозначилось главное различие в их мировоззрении. Различие, ставшее непреодолимым препятствием, разделявшим их в течение всей их жизни, – это православная вера.

[1] Среди разночинцев следует выделить социальную группу «поповичей», которые отличались своей социальной активностью.

[2] В книге «Былое и думы» Герцен писал, что если бы Н.В. Станкевич был жив и находился в начале 40-х годов в Москве, то он вынужден был сделать для себя выбор в пользу одного из этих идейных течений: славянофильства или западничества [2, с. 40].

Стремление Самарина связать в единое целое христианскую веру и гегельянскую философию Герцен считал невозможным, поэтому и называл Аксакова и Самарина «православными гегельянцами». В их взглядах не было той последовательности, которая отличала взгляды их старших товарищей. «Киреевские, – писал он, – последовательнее Аксакова и Самарина: те хотят на основаниях современной науки построить здание славяно-византийское, они по Гегелю доходят до православия и по западной науке до отвержения западной истории; они принимают прогресс, смотрят нашими глазами на будущность человечества, оттого у них потеряна необходимая консеквентность[1]» [5, с. 311, 26 октября 1846 г.]. Сравнивая взгляды «православных гегельянцев», Герцен полагал, что «всех ближе из них к общечеловеческому взгляду Самарин, но и у того еще много твердо и исключительно славянского. Аксаков останется благородным, но и не поднимется дальше москвофилии» [5, с. 354, 12 мая 1844 г.].

Такое внимание Герцена к славянофилам не могло остаться незамеченным. Его друзья и в первую очередь Белинский негативно отнеслись к тому, что он много времени тратил на обсуждение с ними различных вопросов, сохраняя при этом хорошие личные отношения. Все это ставило Герцена в сложное положение – «невольное juste milieu[2] в славянском вопросе: перед ними [славянофилами – *А.П.*] я человек Запада, перед их врагами человек с Востока» [5, с. 354, 12 мая 1844 г.]. Нелепыми он считал подозрения в том, что находится под влиянием Хомякова: «…Только смеясь, или шутя можно думать, что я разделяю мнение Хомякова» [6, с. 183]. Но свои отношения с Самариным он готов был решительно отстаивать, что следует из его письма к Кетчеру: «…Ты и Белинский смеялись над тем, что я сблизился с Самариным. А который из вас знал его? Самарин юноша высоких дарований и в полном развитии, ему только 25 лет – а вы уже осудили его. Я сначала инстинктом оценил его… Этот человек гигантски подвинулся вперед от всех прежних товарищей, это одна из самых логических натур в Москве, это человек, который далеко выше Хомякова и даже Аксакова. Кто был прав?» [6, с. 183]. Чтобы оценить в полной мере значение слов «выше Хомякова», обратимся к оценке философских способностей основателя славянофильства, которую дал Герцен: «Удивительный дар логической фасминации[3], быстрота соображения, память чрезвычайная, объем понимания широк, верен себе, не теряет ни на минуту arrierepensee[4], к которой идет. Необыкновенная способность» [5, с. 250, 21 декабря 1842 г.].

В июне 1844 года в одной из аудиторий Московского университета состоялась защита диссертации Самарина, на которой присутствовал весь цвет московского интеллектуального сообщества: П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, семья Аксаковых и др. Отсутствовал неформальный руководитель его магистерской работы – Хомяков, о чем он заранее предупредил диссертанта. Герцен писал: «Вообще диссертация и защита ее произвела какое-то грустное чувство. Во всем этом есть что-то ретроградное, негуманное, узкое, как и во всей партии национальной» [5, с. 356, 4 июня 1844 г.]. Сочетание диалектических способностей, православия и утрированного славянства в сознании одного человека казалось странным Герцену. В рассуждениях Самарина он видел верховенство логики, хотя развитие его мысли противоречило принципу историзма.

Насколько обоснованным было мнение Герцена, что Самарин близок ему по образу его мысли? На мой взгляд, для этого он имел все основания. Самарин выделялся среди всех славянофилов стремлением к аргументированному доказательству основных положений их учения. Он неоднократно вступал в спор Хомяковым, убеждая его в том, что метод «угадывания» не является доказательством истины.

[1] Последовательность (*лат.*).

[2] Золотая середина (*фр.*).

[3] Околдовывание (*фр.*).

[4] Задней мысли (*фр.*).

Герцена и Самарина сближали их практические способности, что было заметно окружающим в 40-х годах. Вспомним один небольшой эпизод. После завершения чтения публичного курса лекций Т.Н. Грановского в конце 1844 года было решено устроить дружеский обед. В качестве его организаторов от имени западников и славянофилов были выдвинуты Герцен и Самарин.

После защиты диссертации Самарин уехал в Петербург. В 1845 году Герцен получил от него письмо, по прочтении которого в его дневнике появилась следующая запись: «На днях получил письмо от Самарина. Удивительный век, в котором человек до того умный, как он, как бы испуганный страшным, непримиримым противуречием, в котором мы живем, закрывает глаза разума и стремится к успокоению в религии; к квиетизму, толкует о связи с преданием… Сегодня писал ему ответ, и в нем сказал ему <…> Прощайте. Идите иной дорогой; как попутчики, мы не встретимся, это наверное. Да как это ему не стыдно принадлежать к этим запакощенным славянофилам?» [5, с. 407, 26 февраля 1845 г.].

Письма Самарина, указанного в дневнике Герцена, не сохранилось. О его содержании мы можем только догадываться на основании его посланий, отправленных друзьям в 1845–1846 годах. В них он сообщал о своем состоянии духовного подъема, вызванного осознанием сущности христианства. Одно из них было адресовано Н.В. Гоголю, где автор в самых восторженных тонах писал, что обрел новое для себя состояние, когда христианство воспринимается им всем его существом [7, с. 424–425]. Можно предположить, что письмо подобного содержания в начале 1845 года получил и Герцен. После этого у него не осталось никаких сомнений, что Самарин стал убежденным славянофилом.

В начале 1845 года одновременно с появлением указанной выше дневниковой записи Герцена была написана статья Чаадаева «Письмо из Ардатова в Париж». Ее появление было вызвано тем, что в 1845 году И.В. Киреевский стал редактором «Москвитянина». Получив эту информацию, Чаадаев вынужден был смириться: Киреевский стал славянофилом. Смысл статьи Чаадаева во многом совпадал с дневниковой записью Герцена. Оба автора «капитулировали» перед умением Хомякова привлекать к себе самых способных общественных деятелей из числа московских интеллектуалов. Справедливости ради скажем, что «миссионерская деятельность» Хомякова по пропаганде своих славянофильских взглядов не состояла из одних побед. Несмотря на все его усилия, Т.Н. Грановский и В.Ф. Одоевский так и не стали славянофилами.

К рассмотрению начального этапа истории славянофильства Герцен обратится вновь во второй половине 50-х годов во время работы над книгой «Былое и думы». В ней он писал: «Надобно было людей нового поколения несвихнутых, ненадломленных, которыми мысль их была бы принята не страданием, не болезнью, как до нее дошли учителя, а передачей, наследием. Молодые люди… примыкали к ним, и в их числе такие сильные личности, как К. Аксаков и Юрий Самарин» [2, с. 162]. По мнению Герцена, к 1844 году основные положения славянофильства уже были сформированы, и поэтому приобщение Самарина и Аксакова к этому учению происходило в форме передачи им готового наследия.

В 1846 году в «Московском сборнике» была опубликована первая статья Самарина, посвященная повести В. Соллогуба «Тарантас». Она была замечена В.Г. Белинским, который писал Герцену: «Статья Самарина умна и зла, даже дельна… Как умно и зло казнил он аристократические замашки Соллогуба! Это убедило меня, что можно быть умным, даровитым человеком, будучи славянофилом» [8, с. 296]. Обратим внимание, что в этом отрывке из письма Белинского три раза повторяется слово «умный». «Неистовый Виссарион» и не предполагал, что следующая статья «умного» Самарина «О мнениях “Современника”, литературных и исторических» будет направлена против него. В ней критиковались работы К.Д. Кавелина и А.В. Никитенко, но все-таки больше всего досталось В.Г. Белинскому.

В этой статье впервые были публично изложены основные положения славянофильства и концепции русского общинного социализма. Большинство из них и в первую очередь учение о русской общине являлись результатом тех разработок, которыми занимался А.С. Хомяков еще с 1835 года. Статья носила программный характер. Ее публикация в 1847 году позволит славянофилам в дальнейшем отстаивать свой приоритет в вопросе о формировании концепции русского общинного социализма. После того, как в 1856 году Н.П. Огарев опубликует в «Колоколе» свою статью «Русские вопросы. Крестьянская община», последует немедленная реакция славянофилов. И.С. Аксаков в письме к Герцену в резкой форме выскажет свое мнение об этой работе: «…каждый славянофил готов под ней подписаться… но как же не стыдно ему [Огареву – А.П.] да и Вам до такой степени упорствовать в заблуждении и начинать статью, где все целиком было уже поведано нами 10 лет назад, ругательством на славянофилов» [см. 9, с. 5]. В своем письме И.С. Аксаков явно ссылается на статью Самарина 1847 года.

Нет необходимости подробно рассматривать общее и особенное в концепциях общинного социализма славянофилов и «русского социализма» Герцена. Последний писал, что его взгляды и взгляды славянофилов идут «из противоположных начал к противоположным целям, и встречаются не со славянофилами, а с некоторыми из их мыслей» [10, с. 436].

Слова Герцена «из противоположных начал» касались вопроса о вере, что предопределило различное со славянофилами понимание главных особенностей русского народа. Для славянофилов это самый христианский народ, поэтому их идеал – это христианский социализм. Для Герцена это самый социальный народ, идеалом которого является русский общинный социализм. Начиная со статьи Самарина «О мнениях “Современника”, литературных и исторических», ко всем имеющимся расхождениям в их взглядах прибавится вопрос о личности. «Как развить личность крестьянина, – писал Герцен, – без утраты общинного начала? В этом-то вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм» [11, с. 112]. Самарин считал, что только в общине возможно примирить общественные интересы и интересы отдельного человека. Эта способность отличает только славянские народы, общинный быт которых основан не на отсутствии личности, а на «свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия» [12, с. 115]. Самарин, критикуя европейский индивидуализм, обращался к читателям со следующим вопросом: «Каким образом начало разобщающееся обратится в противоположное начало принижения и единения?» [13]. Этот почти риторический вопрос очень скоро вызовет целую бурю критики из стана его оппонентов, которая будет направлена на одно слово – «принижение». Эта критика будет продолжаться более десяти лет.

Сначала К.Д. Кавелин в декабрьском номере «Современника» за 1847 год обратит внимание читателей на такую социальную норму славянофильского учения как «сознательное принижение» [14, с. 74]. Вскоре слово «принижение» будет трактоваться оппонентами Самарина как славянофильская «теория принижения». Только в конце 50-х годов Самарин решит объясниться с Герценом по вопросу о «принижении» личности. Поводом к этому выяснению отношений послужит публикация в 1858 году одной из глав книги «Былое и думы». В ней Герцен писал: «На Славянах лежит грех, что мы долго не понимали ни народа русского, ни его истории <…> их «принижающаяся личность» и дикая ненависть ко всему западному без разбора, вызвали с нашей стороны противодействие даже тому, что в их воззрении было справедливо» [15, с. 133].

В своем письме от 8 мая 1848 года Самарин объяснил причину появления слова «принижение» тем обстоятельством, что, находясь в Риге, в 1847 году, он не мог проверить окончательный текст своей работы, поэтому «статья моя вышла с ужаснейшими опечатками… Слово «принижение» не русское и трудно предположить, чтобы грамотный человек

мог употребить его» [16, с. 66]. Это объяснение, по всей видимости, удовлетворило Герцена. В письме к И.С. Аксакову он просил передать: «Я уверяю его [Самарина – *А.Л.*] честным словом, что <…> откровенно принял выражение “принижающая личность”, тем больше, что странное выражение это очень редко» [17, с. 221]. В посмертном собрании сочинений Ю.Ф. Самарина слово «принижение» было заменено на слово «примирение» [18, с. 40]. В окончательном варианте книги «Былое и думы» Герцен также удалил из текста все, что касалось этого слова.

Под влиянием письма Самарина существенно изменился окончательный вариант содержания главы «Не наши» в книге «Былое и думы». Автор письма обвинил Герцена в целом ряде искажений тех событий, которые происходили в 40-х годах в Москве. По мнению Самарина, славянофилам ошибочно приписывались хорошие отношения с правительством. Карикатурно был представлен Хомяков: «Вы из него сделали бретёра и хохотуна!» [16, с. 68]. Герцен очень серьезно воспринял эту критику. После того, как в конце 1860 года один за другим ушли из жизни Хомяков и К.С. Аксаков, у него появился печальный повод исправить содержание указанной главы. В январе 1861 года им была написана статья «Константин Сергеевич Аксаков», посвященная памяти обоих славянофилов. Реакция на нее настолько волновала Герцена, что он просил И.С. Тургенева сообщить ему о том, как ее примут в Москве. В феврале 1861 года Тургенев писал, что статья произвела глубокое впечатление в Москве и в России. Из всех благодарностей автору за нее самыми проникновенными были слова И.С. Аксакова, по мнению которого, она «бесконечно лучше всего, что было сказано и написано о брате и Хомякове у нас в России, друзьями» [см. 9, с. 7]. Эта статья вошла в содержание окончательного варианта главы «Не наши».

Письмо Самарина к Герцену от 9 мая 1848 года стало началом очень важного периода в истории их отношений, когда ради достижения главной цели – отмены крепостного права – были забыты многие их разногласия. Именно сотрудничество в решении этого вопроса являлось, на наш взгляд, главной причиной появления этого письма. В его начале Самарин дал очень высокую оценку той роли, которую газета «Колокол» выполняет в современном российском обществе. Этот печатный орган, по мнению Самарина, – единственный голос, к которому прислушивается правительство. Газета обладает монопольным правом на свободное слово в России. Такое положение накладывает особое обязательство на редактора быть беспристрастным, правдивым и добросовестным.

Во второй половине 50-х годов Герцен получал много положительных оценок своей деятельности, но слова Самарина, по всей видимости, произвели на него особое впечатление. Ничего подобного за всю историю их отношений он от него не слышал.

Однако эти слова Самарина не касались взглядов Герцена. «…Признавая с радостью, – писал Самарин, – что мы во многом сблизились, я очень хорошо знаю, что неприступная черта между нами есть» [16, с. 71]. Отрицая православие, Герцен разрушает целостность своей концепции русского социализма. Признавая принцип общности в вопросе о земельной собственности, организации промышленного производства и расходовании финансовых средств, он одновременно отрицает «обязательное и свободное, но не произвольное самоотречение лица в пользу общественного союза» [16, с. 71]. Это необходимое самоограничение соответствует человеческому закону, имеющему нравственную, а не юридическую основу. Моральный закон основан на чувстве долга и нравственности, исходящих из веры. Отрицая православие, нельзя надеяться на достижение общности в других сферах общественной жизни.

Самарин понимал, что он не может навязать Герцену свой образ мысли, но в его интересах было – ради отмены крепостного права – на время отложить обсуждение религиозного вопроса. Временный союз соответствовал их обоюдным интересам. Это был

редкий случай в истории русской интеллигенции, когда объединились общественные деятели с разными мировоззренческими взглядами. Договариваться русским интеллигентам было всегда сложно из-за того, что идейность являлась главной особенностью этой социальной группы.

Заинтересованность Самарина в контактах с Герценом объясняется тем, что ему был необходим такой информационный ресурс, как «Колокол». Наладить сотрудничество с его редакцией он пытался еще до весны 1858 года, подготовив для публикации в нем четыре статьи, но никакого ответа на свое предложение не получил.

Самарину в это время было необходимо ограничить влияние Я.И. Ростовцева на правительство. Фактически этот сановник пользовался всеми полномочиями министра внутренних дел. При его непосредственном участии происходило ужесточение цензурных правил и тормозилась подготовка эмансипационных проектов. Лучшим компроматом на Ростовцева, по мнению Самарина, являлась подготовленная им инструкция о преподавании в кадетских корпусах. В ней всем преподавателям предписывалось в работе руководствоваться только волей своего начальника, а не собственной совестью. Самарин буквально по пунктам продиктовал Герцену свои пожелания к содержанию будущей статьи. Он считал, что в ней нельзя было касаться: политических вопросов, личности «незабвенного»[1], а также событий 14 декабря 1825 года. Все содержание статьи было ориентировано на психологию ее главного читателя – Александра II.

Мы не имеем достоверных свидетельств, что именно эта публикация в «Колоколе» повлияла на изменение взглядов Ростовцева, но нам достоверно известно, что осенью 1858 года они кардинально изменились. Участие Самарина в подготовке этой статьи помогло ему преодолеть вполне объяснимое недоверие, существовавшее между ним и Герценом. Своим поступком он показал, что они находятся по одну сторону баррикад.

В процессе подготовки крестьянской реформы Самарин столкнулся с тем, что подавляющее большинство помещиков в силу своих экономических интересов отстаивали позиции «плантаторов» и «манчестерцев»[2]. Оппозиция им в Губернских комитетах являла собой борьбу Самарина с умиравшим дворянским консерватизмом. Отмена крепостного права, по сути, разрушала старый фундамент власти и всю существовавшую систему жизни в России, основанную на привилегиях дворянства. Поэтому главная задача правительства в данной ситуации должна была заключаться, с точки зрения Самарина, именно в сплочении народа и царской власти.

Психологическая атмосфера работы в губернских комитетах и Редакционных комиссиях была крайне сложной. Противостояние с многочисленными и крайне агрессивными защитниками крепостного права не прошло даром для многих деятелей будущей реформы. В течение 1859 года Самарин пережил два тяжелых удара, хотя ему в это время было сорок лет. В феврале 1860 года умирает Я.И. Ростовцев. Герцен внимательно следил за всеми этими событиями в России. Он писал одному из своих корреспондентов в феврале 1860 года: «В ростовц<евской> комиссии – единственный оплот освобождению. Против нее интригуют и делают всякие мерзости – Самарин (он моложе меня лет на пять) до того горячился – что… упал разбитый параличом. Теперь он поправился немного – и снова явился на своем посте. Молодец» [19, с. 11].

После подписания Манифеста об освобождении крестьян в феврале 1861 года Самарин за свое участие в подготовке реформы был представлен к ордену Владими-

[1] Герцен и Самарин называли «незабвенным» Николая I.

[2] Помещиков, которые отказывались что-то менять в существующих отношениях между ними и крестьянами, называли «плантаторами». «Манчестерцы» были согласны дать свободу крестьянам, но отказывались выделять им земельные наделы.

ра III степени. От этой награды он отказался, объяснив свой поступок тем, что исполнял свой гражданский долг.

В истории отношений Самарина и Герцена в 60-х годах следует выделить непродолжительный промежуток времени с июля до ноября 1864 года. В течение этих месяцев Самарин написал своему оппоненту семь писем, но главное событие произошло в августе 1864 года, когда состоялась их встреча в Лондоне. Мысль о ней была высказана Самариным еще в 1858 году: «А много бы я дал, чтобы провести с вами с глазу на глаз несколько вечеров. Обо многом и многом хотелось бы вас расспросить и вам пересказать» [16, с. 71]. Единственное условие ее проведения заключалось в том, что на ней не должно быть посторонних лиц, включая Н.П. Огарева.

Их встреча продолжалась два с половиной дня. Ежедневно они общались с шести вечера до полуночи. По воспоминаниям Герцена, в начале встречи он подал Самарину руку, а тот, в свою очередь, дружески обнял его. Содержание их бесед всякий раз возвращалось к событиям в Польше, где в это время происходило восстание. Внимание к этому вопросу в российском обществе в начале 60-х годов можно сравнить с тем, какое внимание в настоящее время общество уделяет событиям в Украине. Если учесть, что отношение к польскому вопросу у них было диаметрально противоположным, то всякая возможность сближения позиций исключалась. По мнению Герцена, взгляды Самарина в начале 60-х годов сблизили его с М.Н. Катковым и М.Н. Муравьевым, но не с «Колоколом». Заметно было его негативное отношение к журналу «Современник» и лично к Н.Г. Чернышевскому. Монархические взгляды Самарина в 60-х годах дали основание Герцену причислить его к партии «неистовых патриотов» – «Робеспьеров монархии». Если в 40-х годах Герцен дискутировал с Самариным как одним из главных теоретиков русского общинного социализма, то в 60-х он вынужден был спорить с Самариным-консерватором.

Одной из немногих приятных тем для обоих собеседников были ностальгические воспоминания об эпохе «замечательного десятилетия». «Я помню, – писал Герцен, – как я, бывало, готовился со страхом логики и верой в Гегеля на споры с Хомяковым и, приходя домой, считал, все ли категории целы» [20, с. 497].

О своих впечатлениях от этой встречи Герцен писал своему сыну А.А. Герцену: «Я провел с ним два дня с половиной, и мы расстались, не откусивши друг другу ни пальцев, ни головы» [21, с. 498].

В свою очередь, Самарин обвинял Герцена в том, что под его влиянием воспиталось целое поколение молодых людей, не верящих в православие и настроенных негативно по отношению к существующей власти. Задача общества, по его мнению, заключалась в том, чтобы объединенными усилиями вместе с правительством двигать Россию «вперед». Самарин понимал, что сближение с Герценом невозможно: «Положим, мы выставили бы на листе бумаги: народ, община, свобода, жизнь и т.п. и подписали бы вместе. Что ж из этого? Ведь это одни заголовки. Под каждым словом мы все-таки разумели бы различное и потому отскочили б друг от друга на противоположные полюсы при первой попытке ближайшего определения. Нет такого положения или догмата, на котором мы могли сойтись…» [22, с. 497]. Их разногласия, по мнению Самарина, имели мировоззренческий характер, определяющий противостояние между Россией и Западом. В основе русского сознания лежит учение о свободе, сущностью которой является христианство. В свою очередь, Запад является воплощением начала необходимости, которое содержит в себе логическую необходимость, основанную на философии идеализма, и вещественную необходимость в виде философского материализма. Примирение между этими началами невозможно. В своем письме Самарин, по существу, изложил содержание историософской концепции Хомякова, основанной на противостоянии двух религиозных центров:

ианства и кушитства. Таким образом, Герцен из письма Самарина узнал о содержании «Семирамиды»[1] задолго до ее первой публикации в 1871–1872 годах.

Герцен в ходе своих бесед с Самариным пытался убедить собеседника продолжить их дискуссию на страницах «Колокола», но этим надеждам не суждено было сбыться. Не помогла даже его полемическая статья «Письма к противнику». У Самарина были свои планы. Вскоре он приступил к работе над книгой «Иезуиты и их отношение к России», на которую Герцен откликнулся небольшой заметкой «Отец Мартынов[2] и отец Самарин».

«Иезуит отец Мартынов написал короткое письмо к издателю "Дня" [И.С. Аксакову – *А.Л.*] и тотчас нашел богослова – отца Самарина, который ему длинно ответил. Иезуитам всегда везет. Вот мы писали четыре письма к противнику, но противник не отвечал!» [23, с. 477].

В 1870 году в Париже умер А.И. Герцен. Самарин пережил его на шесть лет. В России надо жить долго, тогда может появиться возможность узнать о другом человеке много такого, чего не знал при его жизни. Именно эта возможность появилась у Самарина после выхода в свет первого тома собрания сочинений Герцена, изданного в конце 1875 года в Швейцарии. В нем были напечатаны дневники Герцена за 1842–1845 годы, а также его переписка с женой. Свои впечатления после прочтения этой книги Самарин описал в очень эмоциональном письме к Е.А. Черкасской [24], в котором назвал их автора «самым решительным и последовательным из наших противников»[3]. Чтение дневников Герцена вызвало у Самарина грустные воспоминания, ведь из упомянутых в них 20–25 общих знакомых в живых осталось только три человека. Описание полемики между западниками и славянофилами не привлекло его внимания.

Главное, что по настоящему заинтересовало его в этой книге – это личность ее автора. Самарин писал, что семейная жизнь Герцена есть «самая убедительная апология брака как святыни, какую мне довелось читать, вышла из под пера человека, систематически отвергавшего ее» [24, с. 552]. Общее впечатление Самарина после прочтения дневников и писем Герцена о его духовном мире заключалось в том, «что общие запросы, душа и жизнь Герцена были гораздо шире, чище и лучше системы, в которую он забил свою личность» [24, с. 552].

В конце нашей работы кратко рассмотрим социально-политические взгляды Самарина в последний период его жизни. Диапазон его идеологических интересов был чрезвычайно разнообразен. От концепции русского общинного социализма в 40-х годах до идеологии русского консерватизма в 60–70-х. Интерес к консерватизму возник у него во второй половине 50-х годов, после знакомства с трудами европейских классиков: А. Токвиля, Ш. Монталабера, В. Риля и др. Всех этих мыслителей Самарин считал «западными славянофилами», но учение консерватизма, по его мнению, не является космополитической идеологией. Идейное единство западных консерваторов и славянофилов основано на их акцентированном внимании к вопросу о законности полновластия рассудочного знания. Главное различие между английскими консерваторами и славянофилами заключается в том, что для первых оплот консерватизма – это замок аристократа, а для славянофилов его приютом является «черная изба крестьянина».

Национально ориентированный консерватизм Самарина имел идейную основу, поэтому его интересовало философское содержание этой идеологии. В процессе решения этого вопроса во взглядах Самарина произошла переоценка роли учения Гегеля в истории

[1] Издательское название «Семирамиды» – «Записки о всемирной истории».

[2] Книга Самарина «Иезуиты и их отношение к России» была написана в виде пяти писем к иезуиту отцу Мартынову.

[3] Эти слова Самарина о Герцене были написаны автором письма за два месяца до его смерти в марте 1876 года [24, с. 551].

европейской мысли. Гегельянство, по его мнению, привело к распространению философского материализма и популярности разнообразных социалистических учений.

Самарин не рассматривал русский консерватизм в качестве догматического учения. По его мнению, эта идеология находится в процессе постоянного развития в связи с тем, что степень политической свободы народа с течением времени постоянно возрастает. Остановить это невозможно. Задача консерватизма заключается в том, чтобы предостеречь общество от всякого опережения событий в процессе проведения политических реформ. Несмотря на консервативный характер своих воззрений, Самарин отрицал религиозное обоснование царской власти: «Церковь говорила о царях потому, что царская власть была в то время единственной формою государственной власти, но Церковь благословляла идею государства вообще, как народного общежития под одною властью, и никогда не приковывала ее к той или иной форме ее исторического проявления» [25, с. 557].

Самарин негативно относился к бюрократии. Он понимал, что чиновничество в России может извратить здравый смысл любой реформы. Однако всякая иная альтернатива бюрократии казалась ему еще хуже. Он сознавал, что общество в лице земских учреждений еще не способно заменить чиновников.

Самарин негативно воспринимал любые разговоры о парламенте, конституции, политических партиях. Россия, по его мнению, в то время была к этому не готова. Необходимо разумно использовать возможности абсолютной монархии как наиболее эффективной системы управления государством в период социальных реформ.

В 1875 году, за год до кончины, Самарин завершил работу над своей брошюрой «Революционный консерватизм», содержание которой можно рассматривать в качестве его вклада в развитие идеологии русского консерватизма.

Литература

1. *Герцен А.И.* Письмо к Н.П. Огареву от 23 (11) июля 1864 г. / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Кн. 2. М., 1963.
2. *Герцен А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 9. М., 1956.
3. *Герцен А.И.* Письмо к Н.Х. Кетчеру от 18–19 ноября 1843 г. / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 22. М.. 1961.
4. *Самарин Ю.Ф.* Предисловие к богословским работам А.С. Хомякова / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. СПб., 2014. Т. 2.
5. *Герцен А.И.* Дневник / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 2. М., 1954.
6. *Герцен А.И.* Письмо к Н.Х. Кетчеру от 27 апреля 1844 г. / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 22. М., 1961.
7. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Н.В. Гоголю от марта 1846 г. / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. СПб., 2016. Т. 3.
8. *Белинский В.Г.* Письмо к А.И. Герцену от 4 июля 1846 г. / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. XII. М., 1956.
9. *Аксаков И.С.* Письмо к А.И. Герцену // Вольное слово. 1883 г. 1 мая. № 60.
10. *Герцен А.И.* Еще вариация на старую тему / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 12. М., 1957.
11. *Герцен А.И.* Крещеная собственность / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 12. М., 1957.
12. *Самарин Ю.Ф.* О мнениях «Современника», исторических и литературных / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. СПб., 2013. Т. 1.
13. *Самарин Ю.Ф.* О мнениях «Современника», исторических и литературных // Москвитянин. 1847. № 2.
14. *Кавелин К.Д.* Ответ «Москвитянину» / К.Д. Кавелин // Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. СПб., 1897.
15. *Герцен А.И.* Былое и думы // Полярная звезда: Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Кн. четвертая на 1858. Факсимильное издание. М., 1967.
16. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к А.И. Герцену от 9 мая 1858 г.// Социологическое обозрение. 2012. Т. 13. № 3.
17. *Герцен А.И.* Письмо к И.С. Аксакову от 8 ноября 1858 г. / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 26. М., 1962.
18. *Самарин Ю.Ф.* О мнениях «Современника», исторических и литературных / Ю.Ф. Самарин // Соч. М., 1877. Т. 1.
19. *Герцен А.И.* Письмо к М.А. Маркович от 26 января 1860 г. / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Кн. 1. М., 1963.
20. *Герцен А.И.* Письмо к Ю.Ф. Самарину от 29 июля 1864 г. / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Кн. 2. М., 1963.
21. *Герцен А.И.* Письмо к А.А. Герцену от 18–20 июля 1864 г. / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Кн. 2. М., 1963.

22. *Герцен А.И.* Письмо к Н.П. Огареву. 22 (10) июля 1859 г.: комментарий к письму / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 26. М., 1962.

23. *Герцен А.И.* Отец Мартынов и отец Самарин / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. Т. 18. М., 1959.

24. *Самарин Ю.Ф.* Письмо к Е.А. Черкасской от 21 января 1876 г. / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. СПб., 2016. Т. 3. С. 550–553.

25. *Самарин Ю.Ф.* Об отношении церкви к свободе < Вариант к «Предисловию к Богословским сочинениям А.С. Хомякова» > / Ю.Ф. Самарин // Соч. М., 1887. Т. 6.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению личности Юрия Федоровича Самарина – одного из главных теоретиков славянофильства. Помимо своей общественной деятельности он проявил себя как известный государственный деятель, который участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 года и земельной реформы в Польше в начале 60-х годов XIX века. Личность Ю.Ф. Самарина рассматривается через призму его взаимоотношений с А.И. Герценом. Эти два общественных деятеля принадлежали к поколению 1840-х годов – первому поколению в истории русской интеллигенции. В статье рассматриваются основные работы Самарина. Многие из них затем оказывались в центре дискуссий с А.И. Герценом. Диапазон идеологических взглядов Самарина крайне широк. В 1840-х годах он разрабатывал основные положения русского общинного социализма, а в 1860-х стал одним из теоретиков консервативной идеологии в России. Из содержания статьи читатели смогут получить много важной информации о А.И. Герцене.

К*лючевые слова:* Ю.Ф. Самарин, русская интеллигенция, славянофильство, русский общинный социализм, А.И. Герцен, крестьянская реформа 1861 года, русский консерватизм.

Andrei Popov, PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Russian Philosophy History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: Popov.a-a2011@yandex.ru

“People of the 40s”: Yu. F. Samarin and A.I. Herzen

Abstract. The article is devoted to the personality of Yuri Fedorovich Samarin, – one of the leading theorists of Slavophilism. In addition to his public activities, he proved to be a well-known statesman who participated in the preparation of the peasant reform of 1861 and land reform in Poland in the early 60s of the 19th century. The personality of Yu. F. Samarin is studied through the prism of his relationship with A.I. Herzen. These two public figures belonged to the generation of the 40s, – the first generation in the history of Russian intelligentsia. The article deals with the main works of Samarin. Many of those works later happened to be in the centre of the author’s polemics with A.I. Herzen. The range of Samarin’s ideological views is extremely wide. In the 40s he developed the basic postulates of Russian communal socialism, and in the 60s he became one of the theorists of conservative ideology in Russia. The article also provides the readers with extensive important information on A.I. Herzen.

Keywords: Yu. F. Samarin, Russian Intelligentsia, Slavophilism, Russian Communal Socialism, Alexander Herzen, Peasant Reform of 1861, Russian Conservatism.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-369-380

Галина Лебедева

Властители дум: М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин и Ф.И. Буслаев как выразители своего поколения

В последние годы царствования Николая I и в начале правления Александра II многие определяющие общественную и государственную жизнь вопросы решались поколением, представители которого родились в 1810–1820-х годах. Это были А.И. Герцен, М.А. Бакунин, Д.А. Милютин, М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Буслаев, С.М. Соловьев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.А. Фет, К.Д. Кавелин, император Александр II.

Россия во все времена была страной личных связей и корпоративной солидарности. Среди русских никогда не было ничего похожего на западного гражданина-индивида, равно как и не составляли русские этно-племенные и клановые землячества. Помимо родственной связи в русском социуме доминировали группы, стихийно созданные по принципу прежней совместной деятельности. Одну школу заканчивали, или в одном полку служили, или вместе трудились на определенном предприятии – все это до сих пор объединяет людей самых разных возрастов и социального положения. Случайно ли социальная сеть «Одноклассники» является одной из самых крупных по охвату на всем постсоветском пространстве.

В XIX веке корпоративные связи имели еще более важное значение. Люди могли принадлежать к разным сословиям (а ведь это была эпоха полностью сословного общества), отличаться по своему классовому статусу, доходам и политическими взглядами, но старое знакомство оставалось до конца дней чем-то особо важным для каждого. Приведем в качестве примера биографии трех выдающихся мыслителей, внесших значительный вклад в развитие русской социально-политической мысли, – Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887), Юрия Федоровича Самарина (1819–1876) и Федора Ивановича Буслаева (1818–1897). Они отличались между собой во всем – и в происхождении, и в политических взглядах, и в сферах научных интересов. Все они пошли по жизни разными путями. Деятельность каждого современники оценивали разными эпитетами. Например, Каткова именовали: «львояростный кормчий русского государственного корабля», «установитель русского просвещения». Буслаева за использование мифологической теории как основы для понимания народной культуры именовали «русский Гримм», уподобляя деятельности германских фольклористов братьев Гримм [23, с. 20; 26][1]. Ю.Ф. Самарина за участие в деле освобождения крестьян обиженный представитель верхов эмигрантской аристократии П.В. Долгоруков характеризовал как «самого способнейшего между славянофилами и, бесспорно, самого злого из них» [4, с. 303].

[1] Н.В. Чурмаева приводит такие стихи о Буслаеве «Вдали стоит курчавый Грим, …Слава, слава, наш Буслаев!» [26, с. 40].

Лебедева Галина Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. E-mail: gal_le@list.ru

Но они были ровесниками и окончили одно учебное заведение. Вот как проходило становление триумвирата однокашников, врагов-друзей в первые тридцать лет их жизни, до 1848 года.

* * *

Самый известный русский журналист XIX века, Михаил Никифорович Катков (1818–1887), прославился не только как великий публицист, но и как организатор целой империи периодических изданий, а также одного из лучших учебных заведений – Лицея имени Цесаревича Николая Александровича (в здании которого сейчас находится Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России).

Он родился в 1818 году в бедной семье мелкого чиновника губернского правления, по другим сведениям, как писал один из биографов Каткова П.И. Бартенев, его отцом был некий офицер [17, с. 490].

Мише исполнилось пять лет, когда умер отец, и семья, включавшая кроме него самого еще и младшего брата Мефодия, впала в крайнюю нужду. Мать Варвара Акимовна, урожденная Тулаева, происходила из рода грузинских князей, была самоотверженной и энергичной. Чтобы облегчить материальную нужду, она перебралась с детьми на родину их отца – в Костромскую губернию, в Чухлому, маленький городок на берегу озера с таким же названием.

Детство Михаила Каткова прошло не в семейной усадьбе (как, например, у Герцена или Самарина), к тому же в бедности, но это не привело к обидам и не сформировало сомнений в вере и преданности России. Мать Варвара Акимовна, чтобы дать образование сыновьям, служила на казенной должности в тюрьме. Михаил очень рано увидел именно такое учреждение.

О ранних годах жизненного пути Каткова недавно вышли замечательные книги, где подробно освещены имеющиеся исследования, источники эпистолярного характера, а также привлечены архивные документы. Это книга С.М. Саньковой «Михаил Катков в поисках места (1818–1856)», вышедшая в 2009 году [22]. Совсем новое исследование – монография ректора МПГУ Алексея Владимировича Лубкова «Михаил Катков: молодые года», вышедшая в 2018 году. Тут показано, что важен ранний путь человека и «источники вызревания личной и гражданской позиции», которые «так или иначе коренятся в нашей памяти, скрыты в переживаниях прошлого, связаны с радостными и горестными воспоминаниями». А.В. Лубков показал, что такие обстоятельства, как окружение и друзья, сверстники, учителя и их влияние на учеников, а также создание благоприятных обстоятельств в лучших учебных заведениях – все это определяет дальнейший путь вступающего в жизнь молодого человека [10, с. 44, 53–57]. В обстоятельном исследовании привлечены новые источники, благодаря которым по-новому видится формирование личности Каткова: через воспоминания и эпистолярное наследие людей, близко его знавших (например, В.Г. Белинского), а также привлечение ранее не использованной в каткововедении литературы.

Среднее образование (гимназический курс) Михаил Катков начал сначала в Первой московской мужской гимназии, где одновременно с ним учился будущий военный министр (в период с 1861 по 1881 год) Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912). Затем образование было продолжено в частном пансионе известного профессора Московского университета Михаила Григорьевича Павлова (1793–1840), открывшемся в 1831 году [10, с. 55, 62]. М.Г. Павлов был всесторонне образованным человеком: физик, который в 1818 году защитил диссертацию на степень доктора медицины и был отправлен для изучения естественной истории за границу. Там он приобщился к натурфилософии Шеллинга, став русским философом-идеалистом и одним из крупнейших его сторонников и последователей.

В этом же частном пансионе учился брат Н.В. Станкевича, Александр Владимирович Станкевич (1821–1912). Товарищами Каткова были М.А. Поливанов, впоследствии ставший московским губернским секретарем, барон А.П. Моренгейм, ставший впоследствии дипломатом и посланником России в Дании, позже полномочным послом в Англии и во Франции. Другой одноклассник – И.Л. Кодзоков, первый кабардинец, окончивший Московский университет. Он стал просветителем, общественным и государственным деятелем на Северном Кавказе [10, с. 64–66]. Ираклий Андронников расследовал судьбу И.Л. Кодзокова, который был воспитан в семье А.С. Хомякова. Алексей Степанович был даже его крестным отцом и уделял ему значительную часть своего времени [1, с. 509]. Андронников предполагает, что Кодзоков, вероятно, был не только товарищем Каткова, но и «ввел в дом к Хомяковым, где М.Н. Катков некоторое время жил» [1, с. 515]. Так началось приобщение и знакомство Каткова с основами славянофильства. Все это происходило с 1831 по 1834 год. Сам Алексей Степанович в этот период задумывался о смысле и предназначении исторической судьбы России. Катков, вероятно, мог это наблюдать непосредственно. Ранние публикации Каткова показывают его интерес к народным песням, быту допетровской Руси. Все это сформировалось через товарищей по пансиону, входивших в близкий к Хомякову круг [10, с. 74]. В августе 1834 года, после вступительных испытаний, Михаил Катков был зачислен на учебу в Московский университет. Однокурсниками его были Федор Иванович Буслаев и Юрий Федорович Самарин. Обучение продолжалось до 1838 года.

Накануне изменений и утверждения нового университетского устава 1835 года попечителем Московского учебного округа был назначен граф Сергей Григорьевич Строганов, который поощрял талантливых студентов в их дальнейшем жизненном пути. Когда же имя Каткова стало известно и за пределами России, он тем не менее поддерживал его, предостерегал от крайностей в своих письмах.

В период укрепления Николаем I официального курса и поиска идеологии верховная власть признавала, что важен контроль того, как подготавливаются кадры для государственной службы. Власть и руководство университета присматривались к тем студентам, которые могли бы в дальнейшем способствовать развитию образования и науки. Своих будущих как единомышленников, так и противников Катков знал еще в молодости: в студенческие годы, когда случаются откровенные знакомства, происходит процесс самообразования.

До устава 1835 года в университете было четыре отделения: нравственно-политическое, физико-математическое, врачебное и словесное. Новым уставом они были переименованы в факультеты и поставлены в новом порядке: философский с двумя отделениями (словесным и физико-математическим), юридический и медицинский. Михаил Никифорович поступил на словесное отделение [11, с. 222].

Катков строго придерживался научных воззрений, литературных приемов, принятых в то время. Еще восемнадцатилетним студентом Катков перевел солидную работу О. Демишеля «История Средних веков», изданную в 1836 году с предисловием М.П. Погодина. Коллективным трудом студентов курса стали записанные и составленные ими лекции профессора И.И. Давыдова. В 1838 году в возглавляемом В.Г. Белинским «Московском наблюдателе» Катков поместил перевод статьи Г. Рётшера «О философской критике художественного произведения», впервые познакомившей русскую публику с эстетикой Гегеля. В первый год учебы в университете он застал еще лекции Н.И. Надеждина, который содействовал пробуждению философских интересов среди молодежи. Н.И. Надеждина ранее знал и Ю.Ф. Самарин (тот был его домашним учителем).

Из других профессоров словесного отделения были известны в то время М.Т. Каченовский, М.П. Погодин и С.П. Шевырев. Так что Самарин, Катков, Буслаев, учась на одном

отделении, присутствовали одновременно на их лекциях. Кроме того, М.Н. Катков прослушал еще курс анатомии у Эйнбродта.

Особенного влияния на Каткова не оказал ни один из профессоров, кроме, возможно, М.Г. Павлова, у которого он жил, еще учась в пансионе. И который одним из первых в Московском университете приобщился к философии Шеллинга. Так же Михаил познакомился с Н.В. Станкевичем, который ввел его в свой кружок в 1837 году, когда пик активности работы в кружке уже был позади. Юрий Самарин вошел в этот кружок через К. Аксакова. А Федор Буслаев не пристал ни к одному, а о западниках и славянофилах позже писал в «Воспоминаниях»: «В среде московских славянофилов я узнал и полюбил бесподобных людей, а не славянофильство. Мне и в голову не приходило задаваться мыслью в чем и как отличает себя эта партия от западников. Это меня нисколько не интересовало. Поэтому о себе самом я не мог догадываться, кто я таков, славянофил или западник» [2, с. 298].

В то время в работе кружка Станкевича принимали участие В.Г. Белинский, В.П. Боткин, М.А. Бакунин и др. Многие участники кружка впоследствии стали активными деятелями истории и русской культуры XIX века. Отечественный историк русской философии В.В. Зеньковский отмечал это течение в кружке как эстетический гуманизм и как основной принцип русского секуляризма, когда религиозная сфера отделена от философской и идеологической [6, с. 45]. Отрыв от религиозной традиции способствовал тому, что кружок покинул Константин Аксаков, к такому же отходу приблизился Катков. Раскол предшествовал (но не был причиной) последующему размежеванию среди русской интеллигенции, погруженной в идейные поиски.

Обучение на словесном (историко-филологическом) отделении философского факультета завершилось в мае 1838 года. Михаил Никифорович окончил университетский курс кандидатом с отличием. С ним вместе окончили кандидатами: Ф.И. Буслаев, Ю.Ф. Самарин, Михаил Строев (эти трое в списке поставлены выше Михаила Никифоровича); Дмитрий Каменский (впоследствии из Лондона присылавший статьи в «Русский вестник»), Василин, Преображенский, Кротков [11, с. 222]. Однокурсники, Самарин и Катков, далее продолжали споры в журналах, но в частной переписке оставались на «ты» [10, с. 126].

На протяжении почти двух лет, с 1838 по 1839 год, испытывая нужду и стремясь получить заработки за статьи и переводы, Катков сотрудничал в журналах «Отечественные записки», которые в Санкт-Петербурге издавал А.А. Краевский, и в журналах «Московский наблюдатель», «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”». Первые статьи Каткова чисто литературоведческие: «Песни русского народа» [9]. «“История древней русской словесности” М. Максимовича», «Сочинения Сарры Толстой».

Окончив с отличием словесное отделение Московского университета и сдав магистерский экзамен по русской словесности, в 1840 году для завершения своего образования М.Н. Катков решается поехать в Германию, где в ноябре 1840 года был зачислен студентом Берлинского университета. Лекции по философии читал Шеллинг, Катков записывал их, они были опубликованы в 1842 году в журнале «Отечественные записки». Вместе с Катковым Шеллинга слушали русский путешественник Н. Боткин, сын немецкого фабриканта Ф. Энгельс и датчанин С. Кьеркегор. Интересно, что Ф. Энгельс оставил замечание, что борьба за общественное мнение в политике и в религии равна борьбе за господство над самой Германией, и все это разворачивалось на лекциях Шеллинга [26, с. 163].

Отрицательное отношение к гегельянству ранее сформировалось у Самарина. Но и Катков пишет в письмах о том, как много стало гегельянцев и как «они играют в парламент… именно потому, что они гегельянцы, они так далеки от истинного духа гегелевской философии; они застряли в одной форме, формальничают и ворочают категориями, а в сущности выходит мыльный пузырь, и блаженничают и восторгаются – как хорошо отливают цвета» [12, с. 164]. В начале 1842 года Катков вернулся в Россию, в альма-матер.

В 1845 году диссертация Каткова «Об элементах и формах славяно-русского языка» была опубликована для ознакомления отдельным изданием [8]. Защита и утверждение состоялись 9 июня 1845 года, что дало возможность занять должность адъюнкта философского факультета Московского университета. Он читал курсы логики, истории древневосточной и древнегреческой философии. Буслаев в этот период, напротив, отказался защищать уже написанную диссертацию, видя в ней всего лишь дань своим педагогическим опытам. Самарин же имел условия для сосредоточенной и углубленной работы, и защита диссертации состоялась на год раньше, в 1844 году.

К середине 1840-х годов окончательно сложились взгляды будущего великого публициста, которые он неустанно пропагандировал на страницах своих изданий. Катков не менял идейный стержень в течение жизни, он задается историософскими вопросами о предназначении русского народа, которые станут неизменными: «…Итак, скажите лучше прямо, что такое Русь, что такое православный русский народ, из каких стихий сложился его характер, какие свойства составляют существо его духа, в чем проявляется жизнь его, и что это за жизнь, как развивался он и в чем заключается его развитие? – О, если вы можете, то, Бога ради, отвечайте на эти вопросы!» [9, с. 63]. Менялись обстоятельства, время и место, министры, но служение России было основной задачей.

* * *

Происхождение Юрия Федоровича Самарина совсем иное, чем у разночинца Каткова. Род Самариных относился к числу самых знаменитых и древних (с XIV века) семейств России. «Как бы вопреки всей жизненной своей дороге, Самарин родился в Петербурге, в специфической петербургской среде двора и чиновничьей знати» [16, с. 12].

Не знал Юрий Федорович и голодной юности. По линии матери он был внуком Ю.А. Нелединского-Мелецкого, одного из самых приближенных к вдовствующей императрице Марии Федоровне, поэта, сенатора, а сама мать, Софья Юрьевна, была любимой фрейлиной Марии Федоровны. Отец Федор Васильевич исполнял должность шталмейстера императрицы. Крестными Юрия Федоровича были вдовствующая императрица Мария Федоровна и император Александр Павлович. В семье сохранялись и искренние монархические чувства, и одновременно моральная независимость. Близость семьи к самым верхам общества предоставляла возможность оказаться в самом центре управления страной, но это не влияло на мировоззрение Юрия Федоровича.

Самарины обладали огромным состоянием. Еще московскими царями им были дарованы земельные вотчины под Москвой, в Тульской губернии и на Волге. Но в 1826 году Федор Васильевич неожиданно бросил карьеру в возрасте 42 лет и целиком посвятил себя семье. После Юрия в семье еще было четыре брата и сестра Мария, впоследствии Соллогуб.

Первым домашним учителем будущего мыслителя был Пако (впоследствии преподаватель в Московском университете), через него Юрий свободно освоил французский язык. Н.И. Надеждин, окончивший Московскую духовную академию, преподавал Юрию в период 1826–1828 годов, что дало будущему славянофилу равновесие между французской и русской речью. Юрий поступил на историко-филологический факультет Московского университета в возрасте 15 лет, окончив его в возрасте 19 лет. Он вспоминал, что из университетских преподавателей более других на него подействовал Погодин: «…мы чувствовали в нем самостоятельное направление мысли, <…> направление, согретое сочувствием к русской жизни» [16, с. 17]. На заседании Московской думы 10 декабря 1875 года Самарин говорил, что Погодин служил земству: «Он едва ли не из первых начал отделять из истории государства историю земли». Уже в университете Юрий благодаря Погодину почувствовал интерес к политическим вопросам.

Таким образом, выйдя за пределы мира семьи, он соприкоснулся с внешней средой, а учеба в университете приобщила его к традициям культурной жизни. В студенческие годы наиболее тесное общение было с Константином Аксаковым, с которым они посещали различные кружки и литературные салоны. Как пишет Б. Нольде, одновременно с Самариным там бывали М.Н. Катков, Ф.И. Буслаев, О.М. Бодянский, П.Н. Кудрявцев, А.Н. Попов, кн. В.А. Черкасский, будущий министр народного просвещения В.А. Делянов, С.М. Соловьев. Особое влияние на молодого Самарина оказывал Аксаков: в доме Аксаковых бывал и даже жил Н.В. Гоголь, бывал М.Ю. Лермонтов. Молодые люди читали одни книги, вырабатывали схожие взгляды на мир, вместе готовились к магистерскому экзамену и вместе держали его.

С.М. Соловьев писал о Самарине: «Человек замечательно умный, но холодный, не симпатичный господин» [16, с. 18, 20]. М.П. Погодин в записях 1839 года отмечал, что Самарину на четвертом курсе словесного отделения принадлежит первое место, что он имеет много сведений, обладает средствами для приобретения новых, рассуждает логически, говорит ясно и складно [16, с. 14]. Казалось, университет должен был привести Юрия к науке, но он стал профессиональным чиновником и в дальнейшем – политиком. Как отмечал Б.Э. Нольде, «пути восприятия действительности у политика и у ученого различны: у первого главенствует чутье и инстинкт, у второго – научное изыскание; но первый тогда только силен, когда его понимание действительности, полученное хотя бы чутьем и инстинктом, точно и ясно, а второй – когда в его изыскание вложено даваемое чутьем и инстинктом синтетическое вдохновение» [16, с. 21].

Магистерский экзамен Самарин сдал в феврале 1840 года. В этот период студенты писали исследования не на мелкие частные темы, когда можно ограничиться собиранием несложного материала, обходя трудные и щекотливые вопросы, но избирали темы, при разъяснении которых «можно было бы высказать свое воззрение по общим вопросам не только целой науки, но и нередко убеждений практической жизни» [7, с. X]. После успешной защиты магистерского экзамена Самарин приступил к работе над диссертацией, посвященной Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу, – двум выдающимся деятелям русской церкви. Эту диссертацию он защитил в 1844 году. Долгий период работы над диссертацией объяснялся не только сложностью и огромностью темы, которую до Самарина вообще не касался ни один исследователь, но также и активным вовлечением Самарина в общественную жизнь.

Он органически вошел в состав московских интеллектуальных кругов. В 1840 году он встретился с Хомяковым и И.В. Киреевским. Тесную дружбу поддерживал с двоюродным братом И.С. Гагариным (впоследствии секретарем русского посольства в Париже, перешедшим в католичество). С ним Самарин вел долгие дискуссии о Церкви.

В то время «перед молодыми умами раскрылся мир русского народного духа и жизни с ее неисследованными тайниками, они приветствовали его как обетованную землю… На началах Гегеля они хотели построить своего рода «феноменологию» русского народного духа с его историей, бытовыми явлениями и даже православием. Эта попытка отчасти отразилась в некоторых моментах диссертации К. Аксакова о Ломоносове в 1844 году и Ю. Самарина о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче как проповедниках» [5, с. 30–31].

По мнению Самарина, изложенному в его диссертации, религиозная истина утверждается, а не доказывается, Церковью является только православие, а католицизм и протестантизм – уклонения от нее. Отпадение от церкви – это нарушение ее всеобщности и единства, которое приводит в нее постороннее начало» [18, с. 5].

Первый учено-литературный опыт Самарина это «не только памятник научных воззрений и литературных приемов того времени, когда оно было писано, и того направления, из которого оно вышло, но и как ценный вклад – капитальный вклад в русскую богословскую и историческую науку, не теряющий своего значения и в настоящее время, и имею-

щий занять видное место при дальнейшем развитии православного богословия и русской истории» [7, с. VII–VIII].

От научной карьеры Самарин отказался по настоянию отца. Он поступил на службу, получив должность в Министерстве юстиции, затем в Министерстве внутренних дел как чиновник по особым поручениям, правя и составляя доклады. Как он писал отцу, «переводить готовые дела с серой бумаги на белую, с прибавлением знаков препинания». На службе он находился до 1854 года.

Самарин не забывал об ученых занятиях. Так, в феврале 1845 года в письме К.С. Аксакову он писал: «…я занимаюсь теперь русскою историею и чувствую потребность воздержаться на время от общих выводов и общих построений, я хочу подвергнуть исследованию все наши положения: об отсутствии завоевания, об отсутствии аристократии, о значении личной власти и т.д.» [20, с. 165]. Несколько месяцев спустя, в июне того же года: «я дорожу каждою минутою и посвящаю ее на изучение летописей; я учусь, чтобы не отстать, чтобы заготовить целый арсенал в пользу наших убеждений» [20, с. 166].

Но в целом работа чиновника его не удовлетворяла. Сам он высказывался позже, что лучшие годы и силы отдал бесплодной служебной деятельности, сознавая в себе большие возможности для иной, более важной творческой работы [21, с. 13].

9 февраля 1846 года Самарин был причислен в открывшийся в Петербурге Комитет по устройству лифляндских крестьян. В этом комитете он сблизился с братьями Д.А. и Н.А. Милютиными. Для изучения хозяйства и устройства города Риги и будущих преобразований была назначена комиссия, которая выехала в Ригу. Работая там на протяжении двух лет (1846–1848) в составе ревизионной комиссии, назначенной Министерством внутренних дел в целях рассмотрения городского устройства и хозяйства прибалтийских городов для приведения их к общероссийскому правовому положению, Самарин вплотную столкнулся со спецификой остзейского устройства. О своих рижских впечатлениях Ю.Ф. Самарин так писал в письме к М.П. Погодину от 9 октября 1847 года: «Я могу сказать, все здесь дышит ненавистью к нам, ненавистью слабого к сильному, облагодетельственного к благодетелю и вместе гордым презрением выжившего из ума учителя к переросшему его ученику. Здесь все окружение таково, что ежеминутно осознаешь себя русским и, как русский, оскорбляешься» [16]. Самарин в этой комиссии вел исторические исследования, изучал архивные документы, а итогом стала работа «Общественное устройство города Риги. Исследование комиссии, назначенной министром внутренних дел. 1845–1848. Том первый». Другое крупное произведение – «Письма их Риги».

Пребывание в Прибалтике оказало огромное влияние на становление Самарина как мыслителя и практика. По словам биографа, «на всю жизнь вынес Самарин из этого анализа правовой борьбы за рижские хартии политических вольностей величайшее недоверие к формальным ограничениям верховной власти. Для него конституционализм навсегда сохранил привкус сословности и «плутовства» высших классов в ущерб низшим» [16, с. 50].

За свои «Письма...» Самарин был арестован и помещен в Петропавловскую крепость. В конце 1849 года состоялась знаменательная беседа Николая I и Самарина. По мнению императора, книга Самарина подрывала доверие к правительству, государь обвинял автора в том, что она предает национальные интересы русского народа.

Веря, что на ход политических событий в России можно повлиять, лишь приобретя независимость, в 1853 году, в возрасте 34 лет, Самарин оставляет государственную службу,

Объединения русского общества не достичь, когда большая его часть лишена прав, поэтому крестьянский вопрос стал главнейшим вопросом в деятельности Самарина как политика. Он отрицательно относился к самой возможности владеть другими людьми. Это привело родовитого дворянина Самарина к отрицательной оценке всего российского дворянства как социального слоя. Известный консервативный публицист В.П. Мещерский так характеризовал главную черту Самарина – «ненависть к дворянству» [13, с. 179].

С осени 1853 года Самарин приступил к работе над запиской «О крепостном состоянии и переходе от него к гражданской свободе», которую предполагал для правительства: «…мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием …Во главе современных, домашних вопросов, которыми мы должны заняться, стоит, как угроза для будущего и как препятствие в настоящем, для всякого существенного улучшения в чем бы то ни было, – вопрос о крепостном состоянии <…> Триста тысяч помещиков, не без основания встревоженных ожиданием страшного переворота; одиннадцать миллионов крепостных людей, твердо уверенных в существовании глухого, давнишнего заговора дворянства против царя и народа, и в то же время считающих себя заодно с царем в оборонительном заговоре против их общего врага, дворянства; законы, в которых народ не признает подлинного выражения царской воли; правительство, заподозренное народом в предательстве и не внушающее ему никакого доверия, – вот чем мы обязаны крепостному праву в отношении политическом» [19, с. 19, 36].

Отрицая крепостное право, критикуя деспотизм и бюрократизм, с которыми было связано самодержавие Николая I, Самарин одновременно ратовал за неограниченное самодержавие, однако при условии, что народ получит право свободно выражать свое мнение царю на земских соборах. Именно земские соборы в допетровской Руси, по мнению Самарина и всех славянофилов, являлись эффективным методом общения верховной власти с народом. По мнению Самарина, самодержавие есть «священное наследство нашей истории». Какой бы поворот ни произошел во всемирной истории – междоусобные войны, религиозные смуты или общественные перевороты, – народы всегда возвращаются к монархической форме правления. Самарин считал, что в России нет и никогда не было силы, которая бы ограничила самодержавие, так как для русского народа это была единственная законная и просто вообще понятная форма правления.

В 1859 году Самарин играл ведущую роль в работе Редакционных комиссий, готовивших программу реформ. В дальнейшем он также принимал активное участие в реформах: был одним из организаторов и лидеров земского движения в 1862–1864 годов, в 1864-м участвовал в земельной реформе в Польше, с 1866-го состоял гласным Московской городской думы и губернского земского собрания. В 1869 году избран почетным членом Московского университета, в 1872-м – Духовной академии.

Как видим, Самарин с полным основанием может считаться тем мыслителем, который в значительной мере мог реализовать по крайней мере часть своих воззрений в практической деятельности.

* * *

Языковед, фольклорист и академик (1852) Федор Иванович Буслаев (1818–1897) не был забыт ни в дореволюционной, ни в советской историографии, а его учебник «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) – первая историческая грамматика русского литературного языка с обширными литературными комментариями, издававшаяся более восьми раз (последние издания в России в 1959, и в 1977 году в Лейпциге). Ему посвящали труды Н.С. Лесков, А.Н. Попов, многие ученики оставили благодарные воспоминания. В период с 1859 по 1861 год Буслаев преподавал историю русской словесности наследнику русского престола Николаю Александровичу, старшему брату будущего императора Александра III, умершему в 1865 году. Работа 1866 года «Общие понятия о русской иконописи» является прорывной в науке и первым теоретическим исследованием этой важной темы [24, с. 152]. Здесь «резко противопоставлены пути развития русского и западноевропейского искусства». Так считали многочисленные ученики Буслаева: академики Александр Веселовский, Всеволод Миллер, Алексей Шахматов, Алексей Соболевский, Никодим Кондаков, профессора: Александр Кирпичников, Александр Котляревский,

Василий Ключевский. В наши дни Буслаева рассматривают как создателя мифологической теории, дающей основу для понимания национального своеобразия. Современные исследователи М.В. Новиков и Т.Б. Перфилова подчеркивают, что Буслаев первым применил языкознание в основании новой дисциплины о культуре, или «народном духе», и его проявлениях в словесном и изобразительном искусствах [15, с. 272].

Родился Федор Иванович Буслаев 13 апреля 1818 года в г. Керенске Пензенской губернии в семье коллежского регистратора Ивана Ивановича Буслаева. Школьное образование получил в Пензе, в начальном классе учителем словесности у него был В.Г. Белинский. Позже Буслаев вспоминал, как тот заставлял учить стихи: «…как сейчас помню: “О дети, дети! Как опасны ваши лета” и “О ты, пространством бесконечный!” <…> В Пензенской гимназии под руководством Белинского и Евтропова я впервые узнал и полюбил русскую словесность, которой потом посвятил всю свою жизнь в литературных трудах и в лекциях с кафедры Московского университета» [27, с. 379]. Рано овдовев, мать Буслаева все же старалась сделать все, чтобы сын получил хорошее образование. Федор приехал в Москву, когда ему было всего 16 лет, после вступительных испытаний, в августе 1834 года, поступил на учебу в Московский университет на первое (словесное) отделение философского факультета казеннокоштным студентом (то есть на полном государственном обеспечении). Позже он писал, что «отделение казеннокоштных студентов под особую рубрику от своекоштных постоянно бросалось в глава и университетскому начальству, и профессорам, и самим студентам и невольно напоминало о контрасте между неимущими и имущими, или, по крайней мере, между бедными и богатыми. Согласно такому порядку вещей, само собою приходилось и рубрике своекоштных отличать разночинцев от столбовых дворян и вообще незнатных от знатных» [3, с. 24–26]. Двумя годами позже умирает мать, и Буслаев остается совсем один, без близкого человека и без средств существования.

Учителя определили направленность его интересов: Шевырев читал курс словесности и пробудил интерес к народу. Буслаев вспоминал, что это было как просветительское откровение, дававшее доступ к разнообразным формам языка, и что лекции воодушевляли и были в дальнейшем положены в основу исследований, что отразилось в научной работе 1844 года [2, с. 125]. Фёдор Иванович был независимым в науке, и уже в 1846 году вышла его критическая статья о Шевыреве. Вывод состоял в том, что тот произвольно истолковывает смысл произведений литературы и поэзии, исходя из собственных предпочтений. Другой учитель – Погодин, вспоминал Буслаев, приучил его к работе со старинными рукописями, грамматикой Гримма. От Погодина он узнал имена славянских ученых – Шафарика, Палацкого, Ганки, Вука Караджича, с которыми в дальнейшем познакомился, но не пошел по избранному ими пути, о чем писал в воспоминаниях: «По географической карте Шафарика и московские славянофилы, увлеченные панславизмом, мечтали об изгнании немцев из Австрии, чтобы совокупнуть чехов, лужичан, словаков, сербов, поляков и других их соплеменников в одно великое панславянское государство, между тем как я, начинив свою голову параграфами немецкой мифологии Якова Гримма, представлял себе умилительную картину примирения германцев с славянами в идеальной апотеозе Асов и Ванов» [2, с. 230].

По окончании университета Буслаев был определен в августе 1838 года во вторую московскую гимназию учителем, но вскоре С.Г. Строганов (1794–1882), попечитель Московского учебного округа (1835–1847), пригласил его на должность домашнего учителя своих детей, а затем предложил отправиться в заграничную поездку, чтобы давать уроки детям (весна 1839 – апрель 1841). С.Г. Строганов много преуспел в формировании научных и художественных организаций, что тоже было поучительным для Буслаева. Сергей Григорьевич – основатель художественно-промышленного училища (1825), председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете (1837–1874),

основатель и президент Археологической комиссии (1859–1882). Работа Буслаева «О русском лицевом апокалипсисе» посвящена памяти графа.

За два года еще совсем юный, в возрасте 20–22 лет, Буслаев побывал в городах и музеях Австрии, Германии (Любек, Гамбург, Лейпциг, Дрезден) и Италии (Неаполь, Рим). Это пробудило интерес к живописи, он познакомился с археологией, историей искусств. Богатые впечатления способствовали развитию эстетического вкуса, расширили его мировосприятие и кругозор. Тогда же он начинает не только изучать историю западноевропейской литературы, ранней итальянской живописи, но и итальянский язык. Впрочем, в дальнейшем он знал все европейские языки, в том числе и древние. Возможность видеть подлинники произведений искусства определила его научные интересы. Буслаев познакомился со многими соотечественниками, жившими в тот период в Италии, бывал в мастерских художника Александра Иванова. Затем познакомился с Н.В. Гоголем, который жил на квартире у Василия Ивановича Панова, товарища Буслаева по университету.

По возвращении в Россию Буслаев издает труды, ставшие классикой науки. В 1844 году вышла в свет книга «О преподавании отечественного языка», причем Буслаев не спешил представить ее в качестве магистерской диссертации, считая «пособием для преподавателей» («посильная дань моему гимназическому учительству»). Уже в этой первой работе намечается интерес к, казалось бы, разным сферам: грамматика языка и история искусства. В 1845 году Буслаев помогал Киреевскому издавать журнал «Москвитянин», заведуя отделом критики и библиографии. А его первая работа появилась на страницах «Москвитянина» еще в 1842 году – «Храм Св. Петра в Риме» (№ 3, с. 22–23).

В «Воспоминаниях» Буслаев писал, как не хотел определиться, к кому примкнуть: «Несмотря на мою любовь к Италии и на благоговение к ученым трудам Якова Гримма, назвать себя западником я решительно не мог по крайней мере в том смысле, как это прозвище прилагается к Чаадаеву или Белинскому. Не стану же я, вместе с Чаадаевым поклоняться римскому папе и в качестве московского аббатика прислуживать ему за обеднею, хотя бы даже и в Сикстинской капелле… не стану вместе с ним же позорить Византию, потому что знаю ее высокое призвание в средневековой истории просвещения не только в России, но и в остальной Европе… После всего этого, думалось мне, – какой же я западник».

Конечно, поздние воспоминания – лишь доказательство того, что Буслаев достаточно рано выбрал для себя поприще науки, и ему было не до кружков. Далее он продолжал, что и не мог бы назвать себя и славянофилом, потому что «не меньше Константина Сергеевича Аксакова я любил русский язык, но изучал его не по методу мечтательных умозрений заодно с ним, а всегда пользовался точным микроскопическим анализом сравнительной и исторической грамматики… Славянофилы восхищались образцовым строем русской семьи и земщины, русским третейским судом и другими особенностями так называемого обычного права. Мне гораздо интереснее было анализировать только терминологию семейных отношений… и на основании законов сравнительной грамматики возводить их к санскритскому языку для очевидного доказательства, что наши предки в незапамятные времена вместе с собою вынесли из азиатской прародины уже вполне благоустроенную семью» [2, с. 298–300]. Итак, со славянофилами у Буслаева общим является романтическое восприятие народности, но в отличие от них он искал сходство и взаимовлияние западнохристианской и православной культур. К тому же считал, что «темные» факты, «двоеверие» народа, тоже нельзя упускать из виду.

Только в 1848 году он защитил магистерскую диссертацию «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории по Остромирову евангелию». После этого Федора Ивановича принимают на работу в Московский университет. Эта книга развивала сравнительное языкознание, подобно трудам Я. Гримма, А.Х. Востокова. Для завершения диссертации Буслаев проделал большую работу, изучая все известные рукописи, обрабатывая материал по славян-

ским языкам, читая древнеиндийские тексты на санскрите. Буслаев учил скандинавский язык по «Песням древней Эдды» (XIII век), изучал готский язык по переводу Библии, сделанному епископом Ульфиллой в IV веке, так как считал, что история языка тесно связана с верованиями и преданиями народа. За эту работу Российское географическое общество присудило ему золотую медаль (1851), а Академия наук избрала членом-корреспондентом (1852).

Буслаев активно публиковался в изданиях Каткова. Начиная с 1856 года там было опубликовано более двадцати его научных работ самого широкого профиля начиная от лингвистики, мифологии до обозрений музеев, живописи, церковного искусства. Причем более половины этих работ достаточно объемные – свыше ста страниц каждая. В своих воспоминаниях о сотрудничестве в «Русском вестнике» Буслаев писал, что все отношения с редакцией поддерживал через Павла Михайловича Леонтьева, а после его кончины в марте 1875 года имел формальные связи «с конторою, куда отдавал свои статьи и откуда получал за них гонорар…» [28, с. 418]. Благодаря Буслаеву появился интерес к русскому искусству, изучению народности и национальной культуры. Ученик Федора Ивановича О. Миллер в специальном очерке, посвященном учителю, писал, что тот создал «контуры синтетической дисциплины о народной культуре, которая сочетала в себе элементы фольклористики, лингвистики, этнографии, науки о славянских древностях, сравнительной мифологии, искусствознания» [14, с. 21].

* * *

Бытие определяет сознание. Звучит банально, но опровергать этот факт никто, даже самые заядлые солипсисты, не могут. Особая социальная среда в виде студенческой группы тоже влияла и влияет на бытие индивида. Зачастую при анализе факторов, формирующих личность, упор делался или на социально-классовую среду, или на личные качества индивида. Однако представляется, что роль корпоративной группы необходимо оценивать значительно выше, чем это традиционно делается в науке. Молодость и студенчество, сотрудничество и соперничество, обретение уверенности и взросление способствуют становлению основных убеждений и принципов, которые будут определять дальнейшую деятельность в обществе, науке, или государстве. В то же время свободный выбор, самостоятельность личности во многом не только определяют путь, но и создают историю.

Катков влиял на общественное мнение, но все же главным считал государственную и политическую организацию. Самарин всем своим жизненным путем стремился решить основной вопрос социальной организации народа. Буслаев видел искусство и культуру как духовную организацию народа. Осознание возможностей и свободного выбора приходит в молодости тернистыми путями, и не каждому удается распорядиться этими возможностями во благо себе и другим. Пример трех мыслителей России, сложившихся как личности в первой половине XIX столетия и во многом определивших духовное развитие страны во второй половине века, может быть использован как способ реконструкции в современной социокультурной деятельности.

Литература

1. *Андроников И.Л.* Лермонтов: Исследования и находки. М.: Художественная литература, 1977.
2. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897.
3. *Буслаев Ф.И.* Мои досуги: Воспоминания. Статьи. Размышления / сост. Т.Ф. Прокопов; вступ. ст. Л.М. Анисов. М.: Русская книга, 2003.
4. *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992.
5. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983.
6. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. I. Ч. 2. Л.:ЭГО, 1991.
7. *Иванцов-Платонов А.М.* Предисловие // Сочинения Юрия Самарина. Т. 5: Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М., 1880.
8. [*Катков М.Н.*] Об элементах и формах славяно-русского языка: Рассуждение, написанное на степень магистра канд. М. Катковым. М., Университетская типогр., 1845.
9. *Катков М.Н.* «Песни русского народа», изданные И. Сахаровым. Пять частей. СПб.,

1838–1839 // Отечественные записки, 1839. Т. IV, С. 1–92.

10. *Лубков А.В.* Михаил Катков: молодые годы: монография. М.: МПГУ, 2018.
11. *Любимов Н.А.*Воспоминания о Михаиле Каткове / сост., предисл. и коммент. Г.Н. Лебедевой; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт Русской цивилизации, 2014; [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://rusinst.ru/articletext.asp?rzd=2&id=7701&tm=32
12. Материалы для жизнеописания М.Н. Каткова. Ч. I: Из писем М.Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8.
13. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Ч. 2. М., 1898.
14. *Миллер Вс.* Памяти Федора Ивановича Буслаева // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898. С. 5–42.
15. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Интеллектуальные вызовы 30–60-х гг. XIX в. в научных рефлексиях Ф.И. Буслаева // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1.
16. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо. 2003.
17. *Катков М.Н.* Письма к А.Н. Попову // Русский архив. 1888. № 8 [Электронный ресурс] / сообщ. И.Ф. Эверлин; примеч. П.И. Бартенева / Режим доступа: http://starieknigi.info/Zhurnaly/RA/RA_1888_04_08.pdf
18. *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 5. М., 1880; [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=106759
19. *Самарин Ю.Ф.* О крепостном состоянии и переходе от него к гражданской свободе / Ю.Ф. Самарин // Соч. Т. 2. Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 г. М., 1878.
20. *Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма / сост., авт. вступ. ст. Т.А. Медовичева. М.: Терра, 1997.
21. Самарины. Мансуровы: Воспоминания родных / гл. ред. В. Воробьев. М.: ПСТБУ, 2001.
22. *Санькова С.М.* Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818–1856). М.: АПК и ППРО, 2009.
23. *Смирнов С.В.* Федор Иванович Буслаев. М.: МГУ. 1978.
24. Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 6. М., 1951.
25. *Чурмаева Н.В.* Ф.И. Буслаев: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1984.
26. *Энгельс Ф.* Шеллинг о Гегеле // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения.2- е изд. Т. 41. М., 1970.
27. *Языков Д.* Федор Иванович Буслаев // Русский вестник. 1897. № 9.
28. *Буслаев Ф.И.* Эпизоды из истории Московского университета // *Катков М.Н.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. СПб., 2012.

Аннотация. В XIX веке корпоративные связи имели большое значение. Принадлежа к разным сословиям, люди могли отличаться по своему классовому статусу, доходам и политическими взглядам. Но старое знакомство оставалось до конца дней чем-то особо важным для каждого. В качестве примера в статье рассматриваются биографии трех выдающихся мыслителей, внесших значительный вклад в развитие русской социально-политической мысли – М.Н. Каткова, Ю.Ф. Самарина и Ф.И. Буслаева. Они учились на одном курсе, отличались в происхождении, в политических взглядах, в сферах научных интересов. Все они по жизни пошли разными путями. Катков влиял на общественное мнение, но все же главным считал государственную и политическую организацию. Самарин всем своим жизненным путем стремился решить основной вопрос социальной организации народа. Буслаев видел искусство и культуру как духовную организацию народа.

Ключевые слова: М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Буслаев, славянофилы, поколение, народ.

Galina N. Lebedeva, PhD of Philosophical Science, Associate professor of philosophy Department of philosophy Leningrad state university named after A.S. Pushkin, Saint Petersburg. E-mail: gal_le@list.ru; g.lebedeva@lengu.ru

Masters of Thoughts: M.N. Katkov, Y.F. Samarin and F.I. Buslayev as Spokesmen of the Generation

Abstract. In the 19th century corporate connections were very important. Belonging to different social estate people could differ in their class status, incomes and political views. But old circles of friends remained very important for each and everyone to the end of the chapter. This fact is illustrated in the article by the study of the biographies of the three outstanding thinkers who made major contribution to the development of social and political thought in Russia, namely M.N. Katkov, Yu.F. Samarin and F.I. Buslayev. They attended the same university course but differed in their background, political views and areas of scientific priorities. They chose different ways in their lives. Katkov influenced the public opinion, but considered state and political organization to be of major importance. Samarin in the course of his life tried to solve the problem of people social organization. Buslayev viewed art and culture as spiritual organization of the people.

Keywords: M.N. Katkov, Yu.F. Samarin, F.I. Buslayev, Slavophiles, Generation, People.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-381-390

Максим Медоваров

Память о Ю.Ф. Самарине и его наследии в последней четверти XIX – начале XX века: конструирование образа мыслителя

Одна из немногих ключевых фигур «среднего» славянофильства[1] Юрий Федорович Самарин скончался 19 (31) марта 1876 года, в момент, когда внимание русского общества было приковано к балканскому кризису. В этом могла быть одна из причин того, почему после первой волны некрологов (рассмотрение которой выходит за рамки настоящей статьи) о Самарине и его творческом наследии на долгое время как будто забыли. Проследить упоминания о нем в последующий период вплоть до 1917 года и проанализировать способы конструирования образа мыслителя в русском общественном сознании и является целью данного исследования.

Однако при попытках определить интенсивность упоминаний о Самарине в дореволюционный период (1876–1917) приходится сталкиваться с их почти полным отсутствием. В отличие от фигур А.С. Хомякова, братьев Аксаковых и братьев Киреевских Ю.Ф. Самарин не запечатлелся ни в публицистике, ни в исследовательских работах данного сорокалетия сколь-нибудь отчетливо, несмотря на бурную общественную и церковную деятельность его брата и племянников. Поскольку личные качества Ю.Ф. Самарина неизменно высоко оценивались мемуаристами, возникает вопрос о причинах столь странного пренебрежения его наследием.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что круглые годовщины со дня рождения и смерти Ю.Ф. Самарина (1886, 1889, 1896, 1899) не ознаменовались ни одной статьей либо материалом о нем в двух ведущих консервативных журналах России: «Русском вестнике» и «Русском обозрении». Между тем для данного периода уже была характерна «юбилеемания», поощрявшаяся именно консерваторами [2], поэтому отсутствие упоминаний о самаринском наследии в прессе заставляет обратиться к материалам иного рода.

Несомненно, смерть Самарина на чужбине была болезненно воспринята его соратниками. Идейный лидер следующего, позднего поколения славянофилов А.А. Киреев писал в своем дневнике 27 марта 1876 года: «Это была действительно одна из наиболее светлых личностей нашего общества, во многих отношениях он был олицетворением русского гражданина, идеалы его были чисто русские идеалы, но при этом он был высокообразованным человеком. <…> Блестящая была плеяда 40-х годов. Аксаков, Киреевские, Самарины, Погодин и в особенности Хомяков!» [3, л. 116 об.–117]. Даже здесь уже заметно,

[1] О дискуссии среди историков по поводу выделения среднего и позднего славянофильства см. [1, с. 72–83].

Медоваров Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. E-mail: mmedovarov@yandex.ru

что фигура Самарина оказывается на последнем месте среди всех славянофилов (поскольку М.П. Погодин славянофилом никогда не являлся и был упомянут, скорее всего, лишь потому, что скончался всего на три месяца ранее).

Конечно, следует отметить выход сборника «В память Юрия Федоровича Самарина» вскоре после его смерти. Данная книга объемом 59 страниц была напечатана в издательстве М.Н. Каткова и включает в себя тексты ряда речей и некрологов [4]. Предисловие к сборнику было анонимным, но, очевидно, принадлежит перу самого Каткова, поскольку, воздавая должное патриотизму Самарина и его любви к народу, автор подчеркивает существенное расхождение своего «кружка» со славянофилами [4, с. 5–9].

В сборник вошли речи на погребении и панихидах по Самарину одного епископа, шести священников и одного профессора духовной академии. В основном они были посвящены церковным заслугам мыслителя, включая обращение эстонцев и латышей в православие. За ними следовал адрес от русской общественности Риги и отчет о пяти речах в Петербургском Славянском комитете. Из них наиболее важными представляются речи А.И. Васильчикова о заслугах Самарина в пробуждении русского самосознания и выдающегося профессора-слависта В.И. Ламанского о Самарине как ораторе, после чего Славянский комитет решил учредить «самаринскую стипендию» [4, с. 32–37]. Характерно, что после речи А.А. Щербатова в Московской городской думе было решено учредить такие же стипендии при Московском университете и Московской духовной академии.

В сборник также вошла речь И.С. Аксакова о Самарине как «земском человеке», произнесенная в Московском Славянском комитете [4, с. 39–44]. Недавно она была републикована [5]. Памятный сборник завершался подборкой отзывов столичной прессы: если «Новое время» сделало акцент на активной роли Самарина в реформах 1860-х годов, то «Церковный вестник» – на его противостоянии с иезуитами [4, с. 45–52]. Также в сборник была включена справка о биографии и погребении мыслителя. Однако в целом данный мемориальный сборник нельзя назвать исследовательским в отношении Самарина, хотя элементы строгого анализа его мировоззрения присутствуют в некоторых некрологах, например, у В.П. Мещерского.

Значимой вехой в истории изучения славянофильства в России стало появление в 1882 году труда киевского богослова П.И. Линицкого [6]. Однако и он в основном рассматривал взгляды Хомякова и Киреевского в аспекте их полемики с западниками. Из 250 страниц книги Линицкого лишь около десяти уделено Ю.Ф. Самарину. Автор пересказывает самаринское предисловие к богословским сочинениям Хомякова 1867 года, причем именно те тезисы о выводе православия за пределы полемики между католицизмом и протестантизмом, которые будут опубликованы отдельно позже, в 1895 году (об этом см. ниже). Линицкий, впрочем, был настроен по отношению к словам Самарина критично и полагал, что он несправедливо отделяет русскую богословскую «школу» от Церкви, однако вину за эту логическую несообразность возлагал на Хомякова [6, с. 38].

Второй эпизод, рассмотренный Линицким, тоже сам по себе очень известен. Это знаменитая полемика 1856 года «о народности в науке» между Ю.Ф. Самариным в «Русской беседе» и Б.Н. Чичериным в «Русском вестнике». Пересказав их статьи, Линицкий лишь одной фразой без собственной аргументации утверждал, что в данном споре был прав западник Чичерин [6, с. 74–80]. Приводя критику Самарина в адрес образования в России как неорганического и подражательного, Линицкий вновь апеллировал к Чичерину, который не усматривал в развитии духа ничего «органического», свойственного телу, и к К.Д. Кавелину, считавшему, что из допетровской России вполне логично и естественно выросла эпоха западничества [6, с. 80–93]. Таким образом, о каком-либо рассмотрении по существу взглядов Самарина в труде Линицкого говорить не приходится.

Конец 1880-х годов ознаменовался разрывом В.С. Соловьева со славянофилами и его резкими нападками на них в «Вестнике Европы» в рамках статей, вошедших затем в сборник «Национальный вопрос в России». Опять же они достаточно известны, и мы лишь напомним, что Соловьев, направляя острие своей беспощадной критики на Хомякова и Киреевского, почти не говорил отдельно о Самарине (с которым был лично знаком в детстве и называл его «дядей Юшей»). В первом выпуске «Национального вопроса» Самарин упоминался вначале лишь как «ученик и безусловный последователь» Хомякова в социально-политических вопросах [7, с. 337, 441, 444, 445, 463, 621], затем Соловьев вполне сочувственно цитировал его слова о «народных началах», упрекая поздних славянофилов в том, что они не следовали этим словам [7, с. 494, 497–499].

На нападки Соловьева ответил беспощадной разоблачительной книгой Д.Ф. Самарин [8]. Естественно, в ней он упоминал о своем брате, но вновь совсем немного. Первый эпизод относится к конфликту по поводу запрета носить русское народное платье и бороды [8, с. 6–7], второй – к спору Ю.Ф. Самарина с К.Д. Кавелиным об оценке Ивана IV [8, с. 39–41], третий – к полемике «о народности в науке» и вообще о соотношении национальных и общечеловеческих начал [8, с. 58–61]. Лишь в последнем случае автор позволил себе собственными словами изложить взгляды брата: «Самарин смотрел на народности как на живые органы, через которые осуществляются и заявляются общечеловеческие начала и совершается история человечества. Содержание каждой народности, или народные начала, составляют, по словам Самарина, общечеловеческие начала, но проявленные в жизни и сознанные народом согласно с его природными свойствами» [8, с. 61]. Впрочем, все эти эпизоды упоминаются в книге Д.Ф. Самарина лишь в контексте общей защиты славянофильства в целом от соловьевских нападок, никакой единой концепции прочтения взглядов своего брата автор не предлагал.

Критика Д.Ф. Самарина, несомненно, больно ударила по Соловьеву. Она заставила его сделать ряд смягчающих оговорок во втором выпуске «Национального вопроса в России» (1891), однако в то же время и произвести ряд встречных нападок, весьма едко задевающих покойного Ю.Ф. Самарина [7, с. 503].

По прошествии двух лет, когда полемика о славянофилах была уже позади, а тон соловьевских работ в очередной раз изменился, философ стал говорить совершенно по-иному. Небольшую статью 1893 года о необходимости веротерпимости в России он прямо посвятил Ю.Ф. Самарину и баронессе Раден, пояснив это тем, что Самарин был «самый проницательный и рассудительный из всех славянофилов» [9][1]. Соловьев приветствовал только что опубликованную переписку Самарина и Раден, считая ее выход крайне своевременным именно в аспекте борьбы за прекращение религиозных гонений. На целых пяти страницах (половина всей статьи!) он цитировал письмо Самарина от 21 января 1870 года, в котором тот обосновывал невозможность в православии каких-либо внешних «гарантий» или знаков непогрешимости того или иного учения. Классическими можно считать слова Самарина: «Никогда церковь не усвояла заранее такому-то собору характера вселенскости. Никогда она не говорила: такое-то учение истинно, потому что его провозгласил какой-то вселенский собор; напротив, только признавши учение истинным, она усвояла формулировавшему его собранию титул вселенского. Если понадобится, я берусь доказать, что не существует никакого юридического указания, по которому можно было бы различить вселенский собор, как орган непогрешимости, от всякого другого собрания епископов» [9, с. 408]. Данный пассаж, несомненно, резко противоречил взглядам самого Соловьева на проблему вселенских соборов, тем более удивительно его включение в текст данной статьи.

[1] Современное переиздание см. [7, с. 473–481].

Никакие оговорки Соловьева, что он «не отвечает за односторонние применения» [9, с. 409] принципа духовной свободы самим Самариным и другими славянофилами, уже не могли изменить того важнейшего факта, что Соловьев был вынужден процитировать антикатолическое, антипапское письмо Самарина целиком, пойдя против своих обычных принципов. Конечно, сделал он это ради защиты не столько старообрядцев и сектантов, сколько самих же католиков в России, о чем откровенно и написал в следующей статье, теперь уже обвиняя самого Ю.Ф. Самарина в том, что в молодости тот был нетерпим к протестантам и «увлекался узким вероисповедным и национальным фанатизмом» [10][1]. Более того, в статье 1895 года «Памяти императора Николая I» Соловьев повторил это тяжелое обвинение в связи с известным эпизодом ареста Ю.Ф. Самарина в 1849 году [11, с. 607–608]

Соловьев, несомненно, был прав в одном: издание в 1893 году отдельной книгой переписки Ю.Ф. Самарина с баронессою Раден, почти исключительно на французском языке, стало важным событием [12]. Д.Ф. Самарин предпослал свое предисловие к данному изданию, в котором излагал историю этой примечательной переписки и подчеркивал, что Юрий Федорович «сохранил за собою полную свободу мнения и действий, насколько это требовалось сознанием долга, но принес в жертву дружбе ту резкость и страстность в полемике со своими заграничными оппонентами, которая оскорбляла баронессу Раден» [12, с. X]. Тем не менее главной героиней данного предисловия была все-таки Раден, а взглядам своего покойного брата Д.Ф. Самарин внятной характеристики не дал.

По существу, не сделал он этого и при издании десятитомного собрания сочинений Ю.Ф. Самарина. Краткие предисловия Д.Ф. Самарина к некоторым томам носят чисто технический характер [13–16], а к некоторым и вовсе отсутствуют. Предисловие к третьему тому, хотя и содержит развернутую апологию поведения мыслителя в годы крестьянской реформы, тоже в основном посвящено прикладным вопросам вроде размеров надела земли [17]. В восьмом и девятом томах Д.Ф. Самарин обещал включить предисловие к ним в десятый том, но этого так и не произошло: «Окраины России» остались без вводной статьи.

На этом фоне резко выделяются две обширные вступительные статьи к изданному в 1880 году пятому тому сочинений Самарина, содержащему его диссертацию «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». Известный богослов, протоиерей А.М. Иванцов-Платонов в своем предисловии говорил не столько о достоинствах, сколько о недостатках и упущениях Ю.Ф. Самарина и вообще придерживался довольно критического тона, считая его «преданным и восторженным учеником» Хомякова, с трудом преодолевшим в себе гегельянство, но, безусловно, более сильным во всех практических вопросах и в полемике с католиками и протестантами [18]. Важной представляется мысль автора об устном характере «славянофильской школы», в силу которого проследить формирование их идей для историка зачастую оказывается невозможным [18, с. XV–XVIII]. Сам же Д.Ф. Самарин на этот раз в своей сопроводительной статье сделал акцент на полемике начала 40-х годов о необходимости богословских систем как таковых и на обстоятельствах отречения молодого Ю.Ф. Самарина и К.С. Аксакова от гегельянства в 1843–1844 годах и их примыкания к славянофильскому кружку Хомякова и Киреевского [19]. Фактически продолжением данной сопроводительной статьи явилось 135-страничное предисловие Д.Ф. Самарина к шестому тому, содержащее анализ биографии его брата за 1846–1849 годы и далеко выходящее за пределы рассмотрения остзейского вопроса [20].

Таким образом, данные три статьи по праву могут считаться первыми критическими научными исследованиями наследия Ю.Ф. Самарина, выходящими за рамки кратких от-

[1] Современное переиздание см. [7, с. 481–491].

зывов или некрологов. В меньшей степени это название приложимо к сводному биографическому очерку, опубликованному в девятом томе [21]. В любом случае, столь малое внимание Д.Ф. Самарина к детальному анализу наследия своего брата на протяжении двадцати лет издания собрания сочинений, так и оставшегося незавершенным, не может не вызывать удивления.

Такова была степень пренебрежения памятью о наследии Ю.Ф. Самарина в славянофильском лагере. Чтобы оценить позицию журналов более охранительной направленности, обратимся к издававшемуся в 1890–1898 годах «Русскому обозрению» и с удивлением обнаружим в 103 номерах данного журнала лишь три публикации, связанные с Самариным.

Первая из них – это фундаментальный труд Н.П. Колюпанова «Очерк философской системы славянофилов» объемом 92 страницы, который публиковался в «Русском обозрении» с июля по ноябрь 1894 года [22] и был заявлен как «начало приготовленного к печати исследования: “Опыт систематического изложения системы славянофилов”» [22, № 7, с. 8]. Поскольку Нил Колюпанов скончался 10 (22) июня 1894 года, то публикация была посмертной. В примечании от редакции пояснялось, что перед смертью он успел передать в журнал данный труд и выверить корректуру его начальной части [22, № 8, с. 489].

Лишь незначительная часть труда Колюпанова посвящена философии Самарина, да и то в основном в его конце. Сосредоточив внимание на Хомякове и Киреевском, исследователь обращался к сочинениям Самарина лишь эпизодически. Не считая ссылок на письма Хомякова к Самарину и т.п., таких моментов насчитывается всего три. Первый экскурс Колюпанова был связан с критикой вульгарного материализма Бюхнера и позитивизма К.Д. Кавелина в письме Самарина Н.П. Гилярову-Платонову в 1861 году и некоторых черновых материалах [22, № 7, с. 14–19]. Второй, очень краткий, экскурс посвящен обоснованию Самариным цельности человеческого духа и знания [22, № 8, с. 501–503]. И лишь третий эпизод, связанный с полемикой Самарина с Кавелиным о нравственности, Колюпанов рассматривает подробно [22, № 11, с. 64–71]. Отметив глубокую противоречивость и невнятность кавелинского понимания этики, он отмечает, что «Самарин выступал против Кавелина с твердою верой в непоколебимость и исключительность религиозных оснований нравственности» [22, № 11, с. 66]. Однако даже рассмотрение одного-двух основных тезисов Самарина об этике (как гетерономного производного от религии и как проявления социальной любви), постоянно сбивающееся на анализ учений других славянофилов, у Колюпанова сложно считать полноценным исследованием, хотя именно им завершается его последняя прижизненная работа.

Второй «самаринский» материал в «Русском обозрении» – это опубликованная в 1895 году Н.В. Шаховским со своей вступительной статьей первоначальная программа предисловия Ю.Ф. Самарина ко второму тому сочинений А.С. Хомякова [23]. Недавно оно было переиздано [24]. По сравнению с опубликованным в итоге 37-страничным предисловием [25] данная «программа» является небольшой, однако содержит принципиально важные тезисы Самарина не только о личности Хомякова как особом религиозном типе, но и о российском обществе, не понявшем его основной мысли – критики рационализма. По мнению Самарина, общество страдает от четырех видов неверия: научного «в двух видах: отвлеченного идеализма и глубокого материализма»; казенного – «утилитарного христианства»; бытового, «самого сильного и упорного» неверия «от безмыслия»; и «от недоразумений», когда люди думают, что ради веры нужно жертвовать внутренней свободой (явный намек на Э.Ф. Раден).

Воспев настоящий панегирик Хомякову, Самарин заключал: «Церковь не доктрина и не учреждение, а организм истины. <…> Она устраняет, она выбрасывает ложь и неправду; но не спорит с нею, не опровергает, не объясняет, не определяет ее. Всё это… дело не Церкви, а школы при Церкви, иначе церковной науки» [23, с. 30–31; 24, с. 63]. Имен-

но поэтому, с точки зрения Хомякова в изложении Самарина, православное богословие должно стоять над схваткой католицизма и протестантизма. Вместо этого оно стало между ними, наравне с ними и на протяжении двух веков выборочно заимствовало аргументы католиков и протестантов в спорах друг с другом. «Хомяков первый взглянул на латинство и протестантство из Церкви, следовательно, сверху», и увидел в них не две разные ереси, а одну – «темное пятно» рационализма. После этого, по мнению Самарина, академическим богословам русских духовных академий и семинарий остается лишь разоружиться и признать Хомякова «эмансипатором» религиозного сознания, «начинателем новой эры в истории православной школы» и «одним из учителей Церкви» [23, с. 28–32; 24, с. 63–65].

Данное произведение Самарина было опубликовано Н.В. Шаховским не в изолированном виде, а как часть его продолжавшегося из номера в номер «Русского обозрения» исследования о Н.П. Гилярове-Платонове. По этой причине Шаховской уделил внимание его переписке 1861 года с Ю.Ф. Самариным, который сам положил ей начало, придя в восторг от статьи Гилярова-Платонова о Хомякове. Уже в январе 1862 года Самарин просил его принять участие в переводе с французского статей Хомякова на церковные темы и в составлении плана собрания сочинений покойного лидера славянофилов, отмечая цензурные и финансовые сложности. К ноябрю 1861 года Гиляров окончил свою часть работы, и Самарин послал ему на просмотр вышеупомянутую программу предисловия ко второму тому. Поясняя свой замысел, он писал: «Одно я считаю необходимым: это полнейшая правдивость, даже до грубости, безо всякого снисхождения и без недомолвок. Дело слишком серьезно, и мы не можем долее оставлять за “Колоколом” огромного преимущества откровенности» [23, с. 26]. Несомненно, что эти слова, сказанные в 1861 году, могли недвусмысленно быть восприняты в 1895 году как кредо самого «Русского обозрения».

По мнению Шаховского, «для Ю.Ф. Самарина после смерти Хомякова Гиляров остался единственным человеком, с которым он мог советоваться и от которого мог ожидать критики, помощи или исправлений в своей работе над предисловием к богословским сочинениям Хомякова» [23, с. 26]. Вместе с тем, хотя рассматриваемый проект и был обнаружен в бумагах Гилярова, остался неизвестным его ответ и его роль «в строгой критике и исправлении», приведших к разрастанию объема данного предисловия. Шаховской упоминал о разногласиях по богословским вопросам между Гиляровым и Хомяковым, которого издатель «Современных известий» упрекал в односторонности и немаловажных ошибках и упрощениях [23, с. 18–23]. Тем в большей мере Шаховской выражал сожаление о фрагментарности богословского наследия Хомякова, Самарина и Гилярова: «Точно злой рок какой-то препятствует носителям самостоятельной русской мысли изложить свои идеи в строгой системе» [23, с. 27].

Несомненно, данная публикация сыграла немаловажную роль в укреплении исторической памяти о Ю.Ф. Самарине. Поразительно и то, что в более ранней работе П.И. Линицкого из опубликованного самаринского предисловия к сочинениям Хомякова цитировались именно те места, которые совпадают с «проектом», изданным в 1894 году. Вместе с тем история самаринской темы на страницах «Русского обозрения» на этом не завершилась.

С 1899 года права на издание закрывшегося журнала перешли в руки экстравагантного авантюриста А.Ф. Филиппова. Первый номер возобновленного «Русского обозрения» он готовил к изданию осенью 1900 года, но по причине серии неурядиц смог выпустить лишь летом 1901-го [26]. В любом случае известно, что письма известных авторов для публикации в данном номере Филиппов приобретал заранее. Наряду с материалами В.С. Соловьева, А.А. Фета, Я.П. Полонского, Л.Н. Толстого он заинтересовался и наследием Ю.Ф. Самарина. В итоге в «Русском обозрении» увидели свет два маленьких письма Э.Ф. Раден и Ю.Ф. Самарина, которые Д.Ф. Самарин, видимо, и предоставил Филиппову [27]. Их публикация, однако, выглядела весьма странно. В отличие от писем других

литераторов, никакого комментария от редакции или от самого только что скончавшегося Дмитрия Федоровича дано не было. Правда, вслед за четырьмя страницами писем была размещена статья владыки Антония (Храповицкого) об отличии православия от католицизма и протестантизма, написанная вполне в духе богословия Хомякова и Самарина [28]. Зная, что Филиппов умышленно подбирал статьи в номер так, чтобы между следующими друг за другом материалами всегда была логическая связь, мы можем утверждать, что такое соседство не было случайным. Однако в самой статье епископа Антония имя Самарина не упоминалось.

Впрочем, размещение данного материала Филипповым могло иметь двойной и даже тройной смысл. Дело в том, что в опубликованных здесь письмах Ю.Ф. Самарина от 21 января 1870 года и баронессы Раден от 3 мая 1870 года речь шла именно о соборности, кафоличности и ее признаках в православии. Особо подчеркивалась мысль, что не существует четких внешних критериев, по которым истинный вселенский собор, например, было бы можно отличить от еретического: такие критерии, согласно богословию Самарина (и Хомякова), могут открываться лишь внутреннему чувству. Данный тезис был близок лютеранке Раден, но в данном случае важен сам момент опубликования этих писем. Ведь именно в 1901–1902 годах начинается серия публикаций в прессе с требованиями созыва поместного собора Русской Церкви, которая достигнет своего апогея в 1903 году [29, с. 126–147]. Всегда первым тонко чувствовавший любые перемены в обществе, А.Ф. Филиппов и здесь попал в точку.

Наконец, нельзя игнорировать тот факт, что значительную часть материалов номера журнала Филиппов посвятил недавно скончавшемуся Владимиру Соловьеву. Повторная публикация письма Самарина от 21 января 1870 года, на наш взгляд, наверняка связана с тем, что это письмо переводил на русский язык и публиковал в 1893 году сам Соловьев, о чем было сказано выше.

Несколько удивляет то, что в последующую эпоху церковных преобразований прямые ссылки на богословское наследие Ю.Ф. Самарина тоже оставались единичными. Конечно, один его племянник, Ф.Д. Самарин, был активным членом Предсоборного присутствия 1906 года, а затем московского Кружка ищущих духовного просвещения, а другому племяннику, А.Д. Самарину, было суждено стать обер-прокурором Св. Синода в 1915 году и единственным мирянином – кандидатом в патриархи на соборе 1917 года. Однако поразительно, что на идеи своего дяди они не ссылались.

Нет отсылок к Ю.Ф. Самарину ни в обширной переписке Ф.Д. Самарина с А.А. Киреевым, занимающей почти две сотни рукописных страниц [30, 31], ни в его письмах к П.А. Флоренскому [32]. Сам Флоренский в энциклопедическом «Столпе и утверждении истины» дает лишь одно содержательное упоминание идей Ю.Ф. Самарина, да и то в маленькой сноске об опровержении богословской «теории сатисфакции» и понимания церковных канонов в юридическом смысле [33, с. 601].

Наконец, в сентябре – октябре 1910 года имела место полемика В.Ф. Эрна с С.Л. Франком и А. Белым о славянофильстве и Логосе, а в марте – апреле 1915 года – новый спор В.Ф. Эрна и Вяч. Иванова с Н.А. Бердяевым о неославянофильстве. Примечательно, что в обоих случаях стороны спора избегали цитировать классиков раннего славянофильства и тем более Ю.Ф. Самарина.

Исключением на этом фоне является письмо М.А. Новоселова Ф.Д. Самарину от 22 августа 1905 года, в котором он по памяти ссылается на переписку Ю.Ф. Самарина с Э.Ф. Раден как на вещь широко известную и само собой разумеющуюся: «Не Ваш ли долг развить и пустить в оборот ценную мысль, высказанную, если мне не изменяет память, Вашим дядей в письме к баронессе Раден? Вы помните его? Там есть очень сильные места, призывающие нас к непрестанному духовному бодрствованию, если мы вместо истины не

хотим очутиться перед идолом. Кажется, я не путаю, и это говорится именно в названном письме» [34, с. 433]. Очевидно, что данный призыв Федор Дмитриевич проигнорировал.

Кроме того, спустя четыре года Новоселов будет убеждать Ф.Д. Самарина в необходимости привлечь молодежь их кружка к совместному чтению второго (богословского) тома сочинений А.С. Хомякова [34, с. 454]. Как упоминалось выше, именно в состав этого тома входит программное предисловие Ю.Ф. Самарина, однако его имя в письме все-таки не прозвучало.

Наконец, благодаря архивным изысканиям Н.А. Сенько стали известны темы сочинений студентов всех четырех духовных академий России конца XIX – начала XX века, посвященных славянофилам [35]. Среди них также преобладают работы о Хомякове и Киреевском, причем часть из них была опубликована. Напротив, сочинения о Ю.Ф. Самарине были единичны (всего семь), подготовлены исключительно в рукописях и распределились следующим образом: А. Кьяндский «Церковные и общественные идеалы в так называемой славянофильской литературе. Юрий Федорович Самарин» (СПб., 1892); иеромонах А. Лебедев «Ю.Ф. Самарин, как богослов и философ» (Казань, 1900); И. Покровский «Церковно-общественные вопросы в сочинениях Ю.Ф. Самарина» (СПб., 1904); А. Хильтов «Философско-религиозные воззрения Юрия Самарина» (СПб., 1909); А. Лебедев «Юрий Федорович Самарин, как церковный писатель и деятель по освобождению крестьян» (М., 1911); Ф. Андреев «Юрий Федорович Самарин, как богослов и философ» (М., 1913); В. Вербицкий, «Религиозно-нравственное миросозерцание Юрия Федоровича Самарина» (СПб., 1914). Таким образом, в Киевской духовной академии, где было сильно влияние П.И. Линицкого, сочинений о Самарине не защищалось вовсе, Казанская академия представлена одним случаем, а Московская – двумя, причем поздними и тесно связанными с кружком Флоренского, Новоселова и младших Самариных. Ф. Андреев при написании своей диссертации пользовался документами семьи Самариных, однако даже его работа так и не была напечатана, что можно сказать и о выдающейся (судя по отзыву И.С. Пальмова) работе А. Кьяндского.

Таким образом, вплоть до 1917 года вряд ли можно говорить об устоявшейся традиции изучения наследия Ю.Ф. Самарина или о том, что его образ утвердился в российском общественном сознании. Первые надгробные речи и некрологи не носили исследовательского характера, собрание сочинений было издано не на должном уровне и без подобающего аналитического комментария. Полемика Владимира Соловьева с его оппонентами лишь в незначительной степени способствовала оживлению интереса к наследию Ю.Ф. Самарина, однако благодаря отчасти ей, отчасти археографическим изысканиям Н.В. Шаховского его имя не было забыто в 90-х годах XIX века, несмотря даже на то, что в монографических исследованиях П.И. Линицкого и Н.П. Колюпанова о славянофильстве Самарин являлся лишь второстепенным героем. Ситуация не поменялась кардинально и в начале XX века, во многом благодаря специфическому поведению наследников мыслителя. Тем не менее определенный образ Ю.Ф. Самарина в общественном мнении все же начал складываться, и доминирующими чертами данного образа стало представление о нем как о мыслителе, проделавшем путь от мятежного молодого гегельянца до верного ученика А.С. Хомякова, отличавшегося от него необыкновенной вовлеченностью в практику общественной жизни и относительной широтой своих воззрений по вероисповедному и национальному вопросам.

Что касается последующего периода, то столетие со дня рождения Ю.Ф. Самарина приходилось на 1919-й, а полувековой юбилей его смерти – на 1926 год. По понятным причинам, в эти даты общественному вниманию было не до воспоминаний о классике славянофильства, и даже главный орган русской религиозно-философской мысли – журнал «Путь» – никак не отметил вторую из этих дат. Лишь первая специальная монография о нем, написанная бароном Б.Э. Нольде, увидела свет уже в русской эмиграции именно в

1926 году [36; 37] и заложила прочные традиции для позднейших исследований и того устойчивого роста интереса к фигуре Ю.Ф. Самарина, который характерен для второй половины XX – начала XXI века.

Литература

1. *Медоваров М.В.* А.А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в.: Дисс. … канд. ист. наук. М.: МГОУ, 2013. 357 с.
2. *Медоваров М.В.* 1000-летний юбилей памяти св. Мефодия Моравского и 900-летний юбилей крещения Руси: встраивание памяти о прошлом в новые политические дискурсы конца XIX века // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого: XIV чтения памяти профессора Н.П. Соколова / под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. С. 239–247.
3. Дневник А.А. Киреева (август 1869 – сентябрь 1876 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. К. 6.
4. В память Юрия Федоровича Самарина. М.: В Университетской типогр. (Катков), 1876. 59 с.
5. *Аксаков И.С.* Речь о Ю.Ф. Самарине (Сказана в заседании Славянского комитета 18 апреля 1876 г.) // Славянофильство: pro et contra. СПб., 2006. С. 66–70.
6. *Линицкий П.И.* Славянофильство и либерализм: Опыт систематического обозрения того и другого. Киев: Типогр. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1882. 259 с.
7. *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. 687 с.
8. *Самарин Д.Ф.* Поборник вселенской правды: Возражение В.С. Соловьеву на его отзывы о славянофилах 40-х и 50-х годов. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1890. 79 с.
9. *Соловьев В.С.* Из вопросов культуры (1893): Ю.Ф. Самарин в письме к баронессе Э.Ф. Раден // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 6. СПб., 1912. С. 401–410.
10. *Соловьев В.С.* Из вопросов культуры (1893): Исторический сфинкс // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 6. СПб., 1912. С. 411–420.
11. *Соловьев В.С.* Собр. соч. Т. 2. М.: Правда, 1989. 735 с.
12. Переписка Ю.Ф. Самарина с баронессою Э.Ф. Раден. 1861–1876 гг. / изд-е Д. Самарина. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1893. XIV + 244 с.
13. *Самарин Д.Ф.* От издателя // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 1. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1877. С. V–VIII.
14. *Самарин Д.Ф.* От издателя // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 2. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и Ко, 1878. С. V–XI.

14а. *Самарин Д.Ф.* От издателя // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 6. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и Ко, 1887. С. VII–XI.

15. *Самарин Д.Ф.* От издателя // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 8. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. С. VII.
16. *Самарин Д.Ф.* От издателя // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 9. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1898. С. VII–VIII.
17. *Самарин Д.Ф.* Предисловие // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 3. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и Ко, 1885. С. VII–XXXII.
18. [*Иванцов-Платонов А.М.*] Предисловие протоиерея А.М. Иванцова-Платонова // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 5. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1880. С. VII–XXXIV.
19. *Самарин Д.Ф.* Данные для биографии Ю.Ф. Самарина за 1840–1845 гг. // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 5. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1880. С. XXV–XCII.
20. *Самарин Д.Ф.* Предисловие // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 7. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1889. С. I–CXXXV.
21. *Самарин Д.Ф.* Биографический очерк Ю.Ф. Самарина // Соч. Ю.Ф. Самарина. Т. 9. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1898. С. IX–XXXIV.
22. К*олюпанов Н.П.* Очерк философской системы славянофилов // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 8–22; № 8. С. 489–504; № 9. С. 85–104; № 10. С. 547–565; № 11. С. 48–71.
23. *Шаховской Н.В.* Н.П. Гиляров-Платонов и А.С. Хомяков (по сочинениям и письмам Гилярова). С приложением неизданной программы предисловия ко II тому сочинений А.С. Хомякова Ю.Ф. Самарина // Русское обозрение. 1895. № 11. С. 14–32.
24. *Самарин Ю.Ф.* Программа предисловия ко II тому сочинений А.С. Хомякова // Славянофильство: pro et contra. СПб., 2006. С. 61–65.
25. *Самарин Ю.Ф.* Предисловие // Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. Т. 2. 3-е изд. М.: В Университетской типогр. (М. Катков), 1886. С. I–XXXVII.
26. *Медоваров М.В.* А.Ф. Филиппов и возобновление журнала «Русское обозрение» (1898–1904 гг.) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 27–33.
27. *Самарин Д.Ф.* Письма баронессы Раден и Ю.Ф. Самарина // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 35–39.
28. *Антоний (Храповицкий), епископ.* Чем отличается православная вера от западных исповеданий // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 40–49.
29. *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. 623 с.

30. Переписка Ф.Д. Самарина с А.А. Киреевым // ОР РГБ. Ф. 126. К. 156. Д. 10.

31. Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина / публ., вступ. ст. и коммент. И.В. Лукоянова // Нестор. 2000. № 3. СПб., 2005. С. 11–103.

32. Несколько писем Ф.Д. Самарина к свящ. П.А. Флоренскому // Богословский вестник. 1917. № 4/5. С. 464–477 (2-я паг.).

33. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2005. 635 с.

34. Переписка мученика Михаила Новоселова с Ф.Д. Самариным / публ. и коммент. Е.М. Полищука // Богословские труды. М., 2013. Вып. 45. С. 425–473.

35. *Сенько Н.А.* Славянофильство как предмет исследования в трудах представителей духовных академий [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российской и мировой интеллектуальной культуры: сборник научных статей. Уссурийск: Изд-во ДВФУ, 2014 / Режим доступа: http://uss.dvfu.ru/files/conferences/2013/russian-and-global-intellect-culture2014.htm#_Н.А._Сенько

36. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. Paris: Société anonyme imprimerie de Navarre, 1926. 245 с.

37. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. М.: ЭКСМО, 2003. 544 с.

Аннотация. Статья посвящена конструированию в русском общественном сознании образа Ю.Ф. Самарина с момента его смерти в 1876 году до революции 1917 года. Уделено внимание сборнику речей в его память. Проанализированы книга Петра Линицкого, а также полемика Владимира Соловьева и Дмитрия Самарина о славянофильстве в их связи с наследием Юрия Самарина. Затронуты оценки мыслителя у других консерваторов, прежде всего на материалах журнала «Русское обозрение». Сделан вывод, что к началу XX века наследие Юрия Самарина было изучено лишь фрагментарно, а его образ в русском общественном сознании еще не был зафиксирован и ясно оформлен.

Ключевые слова: славянофильство, консерватизм, историческая память, «Русское обозрение», Юрий Самарин, Дмитрий Самарин, Владимир Соловьев, Александр Киреев, Владимир Ламанский, Петр Линицкий.

Medovarov Maxim Viktorovich, PhD in History, Assistant Professor, Informatic Technologies in Humanitarian Studies Department, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. E-mail: mmedovarov@yandex.ru

The Memory about Yury F. Samarin and his Heritage in the Last Quarter of the Nineteenth and the Early Twentieth Century: Constructing the Image of a Thinker

Abstract. The article is devoted to the constructing of the image of Yury F. Samarin in the Russian public consciousness from the moment of his death in 1876 to the revolution of 1917. Attention is paid to the collection of speeches in his memory. The book by Peter Linitsky and the polemics of Vladimir Solovyov and Dmitry Samarin about Slavophilism are analyzed with reference to the heritage of Yuri Samarin. The author also analyzes the appraisal of the thinker by other conservatives, primarily on the materials of “Russkoe Obozrenie” (“Russian Review”) journal. He comes to the conclusion that the heritage of Yuri Samarin was studied only fragmentary by the beginning of the 20th century, and his image in the Russian public consciousness was not yet fixed and clearly defined.

Keywords: Slavophilism, Conservatism, Historical Memory, “Russkoe Obozrenie” Journal, Yury Samarin, Dmitry Samarin, Vladimir Solovyov, Alexander Kireev, Vladimir Lamansky, Peter Linitsky.

.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-391-398

Кирилл Соловьев

*Политическое учение Федора Самарина**

Славянофильство было делом семейным и наследственным. Существовала целая династия славянофилов Аксаковых. Сыновья А.С. Хомякова – Дмитрий и Николай – были видными мыслителями славянофильского толка. Славянофильское дело продолжал сын Ф.И. Тютчева – Иван Федорович. Семейная история Самариных – важная часть истории славянофильской мысли. Федор Дмитриевич Самарин (1858–1916) был сыном публициста Д.Ф. Самарина и племянником одного из «отцов» славянофильства Ю.Ф. Самарина. Как писала дочь Федора Дмитриевича М.Ф. Мансурова, «чувство ответственности перед родиной было ему присуще в той же силе, как его дяде и учителю Юрию Федоровичу. Папа был живым носителем и звеном традиции, утверждавшей ценность самобытной русской духовной культуры» [4, с. 12]. Примерно то же писал о нем П.А. Флоренский: «Живое предание славянофильства являлось нам в лице Федора Дмитриевича. Из его рук мы, внуки, получили нить, связующую со славянофилами-дедами, со славянофильством золотого века» [18, с. 341].

Федор Самарин был заметным общественным деятелем, который много раз имел возможность стать деятелем государственным. В 1884–1891 годах он был предводителем дворянства Богородского уезда Московской губернии. Он регулярно объезжал школы уезда, следил за преподаванием, присутствовал на экзаменах [3, с. 13]. Одновременно с тем с 1888 года он был гласным московского губернского земства. В московском земстве Самарин не затерялся, став лидером консервативного лагеря. Конечно, это случилось тогда, когда политическая дифференциация стала в полной мере возможной в публичной сфере: а именно в конце 1904 года. Тогда, после ноябрьского съезда земцев в Санкт-Петербурге, многие земства и дворянские собрания поспешили заявить о солидарности с конституционалистским большинством, неожиданно оформившимся в столице. Московское дворянство поступило иначе – в огромной мере благодаря активности Ф.Д. Самарина [10, л. 20, 23, 33]. В итоге к началу 1905 года из ближайших к нему лиц сложился Кружок москвичей, записки которого внимательно читали в Санкт-Петербурге. Самарин неоднократно получал предложение занять министерский пост. Так, должность главноуправляющего землеустройством и земледелием ему безуспешно предлагал С.Ю. Витте. В июле 1906 года Самарин мог стать обер-прокурором Св. Синода, однако вновь отказался.

Как раз тогда, в начале июля 1906 года, Самарин участвовал в подготовке Манифеста о роспуске Первой Думы. По свидетельству В.И. Гурко, именно ему принадлежало авторство фразы «богатыри мысли и дела», которая так понравилась П.А. Столыпину и в итоге была включена в подписанный царем документ [2, с. 574]. Возможно, по этой при-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта проведения фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований международными научными коллективами научных исследований «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.», проект № 19-48-04112.

Соловьев Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. E-mail: kirillsol22@yandex.ru

чине Самарин рассматривался как возможный кандидат на должность обер-прокурора Синода. По словам П.А. Столыпина, он был знаковой фигурой, «олицетворявшей Москву» [16, с. 101]. В связи с этими обстоятельствами 13 и 21 июля 1906 года Самарин встречался со Столыпиным, а 21 июля – и с императором. Однако, будучи принципиальным противником уже намеченного правительственного курса, Самарин решительно отказался от предложения войти в состав кабинета министров. После беседы с премьером Самарин «еще раз вынес убеждение, что… не мог бы с ним работать вместе. Столыпин, по-видимому, думает, что порядок может быть восстановлен при сохранении свобод, дарованных Манифестом 17 октября [1905 года – *К.С.*]» [7, с. 555]. С точки зрения Самарина, правительство находилось в двойственном положении: оно одновременно боролось с революционными эксцессами и вместе с тем желало соответствовать настроениям радикальной оппозиции. По мысли Самарина, это обрекало кабинет министров на непоследовательную политику.

Самарин бежал от государственной карьеры, она догоняла его. В 1906–1908 годах он член Государственного совета от Московского дворянства. Эта работа не была для него простой. Самарин часто болел. У него неуклонно ухудшалось зрение[1]. И все же правая группа Государственного совета очень зависела от него: от его знаний, убежденности, ораторского дарования [1, л. 1].

Славянофильство – это учение, но, помимо всего прочего (а, может быть, даже прежде всего), это бытовой уклад старой дворянской Москвы, который состоял из сцепленных воедино нравов, привычек, воспоминаний. Он способствовал становлению особого стиля мышления, основанного, в том числе, и на детских впечатлениях, например, маленького Феди Самарина, плакавшего под действием рассказов бабушки о жертвоприношении ветхозаветного Исаака и продаже Иосифа в египетское рабство. Славянофильство – это еще чувство привязанности к бытовому строю родных «гнезд» – например, измалковскому имению Самариных или к любимой ими московской церкви Бориса и Глеба на Поварской улице, где непременно можно было найти Ф.Д. Самарина, трепетного и скорбящего [4, с. 17–18]. В своих социально-политических построениях Самарин исходил из приоритета бытового уклада общественной жизни в сфере государственного строительства и правового регулирования. Законодательная норма лишь тогда входит в практику, когда она вписывается в сложившееся течение жизни, а не пытается навязать ей принципиально новые формы. Гармоничное развитие общества возможно лишь в случае сохранения исторической преемственности и вместе с тем проведения неизбежных преобразований, органичных прошлому страны. «Необходимо, чтобы в основе общественной организации лежало что-нибудь созданное самой жизнью…» [12, л. 1]. Ее непрерывное течение имеет собственную логику, неподвластную какой-либо теоретизации. Однако лишь следуя ей, социум может выйти на качественно новую стадию развития. «И все ценнее и прочнее те радикальные реформы, которые совершаются незаметно, без шума и треска, постепенно, путем целого ряда мелких по внешности, как будто переходных мер, принимаемых в силу непосредственной практической их целесообразности» [6, с. 38].

Отмечая наиболее значимые явления общественного уклада России, Самарин выделял православную церковь, самодержавие, сословный строй и крестьянскую надельную собственность. При этом, выстраивая собственную внутренне не противоречивую концепцию власти, он подверг славянофильское учение значительной ревизии. Самарин усматривал противоречия между славянофильской критикой права и призывами к институциональной реформе русского самодержавия. Вплоть до революции 1905 года он настаивал на необходимости сохранить незыблемым существующий политический строй.

[1] С детских лет Ф.Д. Самарин страдал от серьезных глазных заболеваний. Впоследствии ситуация только усугублялась. Врачи запретили Самарину читать и писать. В итоге приходилось нанимать секретаря, обычно семинариста или студента, нуждавшегося в заработке [2, с. 16–17].

Эта точка зрения основывалась на представлении о русском обществе как о неспособном решать стоявшие перед ним задачи государственного масштаба. Более того, Самарин отрицал сам факт его существования как «бытового, органического союза». Применительно к русской общественности он вполне соглашался с определением, данным министром внутренних дел (а впоследствии и председателем Совета министров) И.Л. Горемыкиным: «людская пыль». Такое состояние социума в России не предполагало с его стороны какой-либо конструктивной деятельности. Доказательством тому служило наблюдение Самарина, что «земство как общественное учреждение, как самоуправляющаяся единица оказывается несостоятельным, бессильным исполнять свое прямое назначение, и от этого ударяется в политику… Отсутствие людей, равнодушное отношение к делу, склонность все сваливать на платных работников – все это черты, которые нетрудно заметить и в прежних земских учреждениях, действовавших по закону 1864 года; да и теперь они проявляются совершенно вне всякого соответствия с внешними условиями и ограничительными мерами, которым земство подвергается» [6, с. 34].

В итоге с неизбежностью ответственность за принятие политических решений ложилась на бюрократию. Для нее были характерны неприемлемые для многих полицейские методы управления. Тем не менее сравнительно с общественными учреждениями она демонстрировала свою высокую эффективность. «Если бюрократия могла восстановить равновесие в бюджете, привести наши финансы в такое блестящее состояние, в каком они никогда не были, ввести золотое обращение, справиться с таким небывало колоссальным предприятием, как винная монополия, и заведовать железнодорожным делом во всяком случае не хуже частных предпринимателей, то не знаю, какие могут быть основания, чтобы утверждать, что бюрократическая машина работает хуже, чем 40, 50, 60 лет тому назад? – писал Самарин А.А. Кирееву в 1904 году. – Напротив, она как будто даже идет вперед, старается поспеть за народными потребностями и жить с “веком наравне”» [6, с. 34]. Самарин признавал, что чиновничеству были присущи свойственные его природе недостатки. Однако безответственность бюрократии, ее произвол – неизбежное зло, борьба с которым может привести к еще большим политическим проблемам.

Ниспровержение бюрократического порядка означало бы лишь победу конституционализма, с которым невольно солидаризировались и многие славянофилы. По мнению Самарина, они совершали методологическую ошибку, анализируя самодержавие как политический режим, исследуя его функции, прерогативы верховной власти. Этот подход предполагал полное отождествление самодержца с правительством. Однако Самарин настаивал, что самодержавие – не технология или же юридически прописанный порядок, как думали конституционалисты, это мифология власти, представление о ней в умах подданных. Поэтому «сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством; напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия как подобное отождествление» [6, с. 35].

Исходя из ошибочных посылок, некоторые представители славянофильского учения приходили и к неверному выводу о необходимости институциональных преобразований политической системы: прежде всего речь шла об учреждении законосовещательного Земского собора. Это решение было для Самарина категорически неприемлемым. По его мнению, Земский собор, будучи органичен реалиями Московского государства XVI–XVII веков, в неизменном виде был бы анахронизмом для XX столетия. В силу этого он должен был переродиться в соответствии с устоявшимися правовыми представлениями русской интеллигенции в привычное для европейских стран законодательное собрание. «Не подлежит сомнению, что термин этот значительно облегчил бы введение у нас представительных учреждений: все нерешительные, колеблющиеся элементы, все умеренные люди скорее соединятся под флагом Земского собора, чем под другим, более прямо и резко выражающим идею участия народа в государственном деле: да и сама верховная власть, если бы обстоятельства ее

вынудили или она сама пришла к убеждению в необходимости подумать о перемене «режима», тоже, вероятно, скорее решилась бы идти по пути, который, по-видимому, устраняет опасность резкого разрыва с прошлым и сулит даже как будто не расшатать порядок, веками выработанный, а укрепить его, положив под него новое основание» [6, с. 37].

Для Самарина конституция в России была синонимом катастрофы, так как она утверждала диктатуру вечно колеблющегося общественного мнения. Это приводило бы к неустойчивости законов, которые менялись в зависимости от веяния времени. В свою очередь подобное положение ставило под угрозу личную свободу человека, который не мог положиться на прочность той или иной юридической нормы. «В одной Англии и есть действительная свобода, но и там, кажется, государственный строй катится по наклонной плоскости к шаблонному парламентаризму» [14, л. 16 об.][1].

Вместе с тем Самарин не отрицал необходимость широких преобразований, которые могли бы укрепить поколебленный авторитет самодержавия, на котором и основывалась вся политическая система Российской империи. Прежде всего предполагавшиеся им реформы должны были обеспечить неприкосновенность личности, частных интересов, обеспечить свободу совести, слова. В таких нововведениях было заинтересовано и общество, и власть, которой следовало задуматься о самосохранении. В 1904 году Самарин писал: «Нормальные отношения между обществом и властью восстановятся лишь тогда, когда общество убедится, что те стеснения личной свободы, которые оно теперь испытывает и которыми так тяготится, вовсе не вытекают из самого существа самодержавия и могут быть вполне устранены без перехода к так называемому конституционному строю, а верховная власть придет к сознанию, – и внушит это своим слугам, – что предоставление возможно более широкой личной свободы и обеспечение законности в управлении не только не противоречит ее интересам, но даже служит вернейшим залогом ее прочности наилучшим обеспечением против всякого рода революционных стремлений» [6, с. 40].

Самарин признавался, что в тех или иных формах ограничение этих свобод в России было неизбежным, так как это было обусловлено государственным интересом. Однако «между неограниченной свободой и тем полным ее отсутствием, при котором мы теперь прозябаем, есть немало ступеней, и… дело правительственного такта найти именно ту меру свободы, которая возможна и необходима при настоящих условиях». В практическом выражении речь шла об отмене Положения об усиленной и чрезвычайной охране 1881 года, прекращении бесконтрольных обысков и арестов подозреваемых, введении четко фиксированного порядка судопроизводства по политическим преступлениям. Это было тем более необходимо, что сама охранительная политика представляла угрозу существованию государства. «Власть в своей борьбе с революцией сама “плодит революционеров”: для того, чтобы изловить одного действительного участника революционной организации, она перехватывает и заподозрит с сотню, если не больше, лиц, ни в чем не повинных, и, если эти лица отделаются благополучно, то все же тяжелые впечатления, ими испытанные, и бесцеремонность приемов, конечно, не способны будут укрепить в них приверженность к существующему порядку, а многих из них даже наверное бросят в лагерь недовольных и врагов власти» [6, с. 58]. Также следовало гарантировать свободу совести, прекратить

[1] Федор Самарин 22 января 1900 года писал брату Петру: «То, что там [во Франции – *К.С.*] происходит теперь, должно, кажется, убедить самых горячих защитников парламентаризма, что свобода почти также не обеспечена при парламентском строе, созданном искусственно, как и при самодержавной монархии. В нынешней Франции парламентаризм приводит буквально к деспотическому образу правления. Учреждения и законы изменяются и ниспровергаются ради удовлетворения минутных вожделений также легко и просто, как в государствах с неограниченным монархическим образом правления. Не нравится состав суда, разбирающего известное дело [дело Дрейфуса – *К.С.*], и самодержавному парламенту ничего не стоит передать рассмотрение этого дела другому составу судей. Это ли не произвол, считающийся признаком деспотического образа правления» [14, л. 15 об. – 16].

преследование лиц по конфессиональному признаку, упразднить духовную цензуру, подчинить органы печати особым судам.

Самарин считал необходимым провести и административные реформы. До 1905 года он видел решение проблем государственного строительства в упорядочении работы бюрократического аппарата. Он считал, что министры должны ежегодно отчитываться в Государственном совете, публиковать программу своей деятельности на год, в которой бы определялось направление развития ведомства. Также следовало рационально организовать работу экспертных комиссий при правительстве, создать институты административной юстиции.

Необходимость этих реформ была тем более очевидной, что действующая власть имела чрезвычайно неустойчивые основания. Она не могла рассчитывать на интеллигенцию, среди которой доминировали сторонники коренного переустройства России. Бюрократия, в свою очередь, была семейными узами связана с «образованным меньшинством» и не склонна искренне поддерживать режим. Оставалось надеяться лишь на инерцию крестьянской массы, бывшей, по сути, патриархальной. Но и в ее среде нарастало социальное недовольство, подогреваемое революционными элементами. Крестьяне рассматривали любую идеологию лишь в контексте решения аграрного вопроса. Их движение, в сущности, не было политическим, однако им активно пользовались представители радикальных партий. Эта ситуация приводила Самарина в отчаяние. 18 октября 1905 года он писал С.Д. Шереметеву: «Общественные явления, свершающиеся у нас на глазах и те, которые представляются неминуемыми или хотя бы возможными в ближайшем будущем, своими поистине колоссальными размерами и стихийным характером угнетают мысль и волю. Невольно закрадывается чувство бессилия отдельных личностей, и начинаешь думать, что всякое сопротивление бесполезно, всякая попытка остановить неизбежное не приведет ни к чему» [20, л. 52].

В течение всего 1905 года Самарин ожидал скорого падения режима. Вместе с тем, по его мнению, ключевую роль в событиях октября 1905-го сыграли не революционеры, а беспомощность самой действующей власти, ее неадекватная реакция на вызовы времени. 9 ноября 1905 года он писал брату: «Мне думалось, что уступить перед насилием уличной толпы и ее одной… все-таки постыдятся. Чем более затягивалась забастовка, тем более крепла во мне эта надежда». Вроде бы политическая забастовка продемонстрировала все бессилие революционного движения, которое не находило поддержки в народных низах, утомляло его участников и было лишено каких-либо перспектив развития. «Казалось все входит понемногу в норму, вся эта грандиозная манифестация грозила разрешиться в ничто, в мыльный пузырь и лишь обнаружить еще раз, до какой степени фактически невозможна у нас революция даже при полной забастовке самой власти. И вдруг в ту минуту, когда этого всего менее можно было ожидать, появляется Манифест, которым царь уступил, дал полное удовлетворение бунтовщикам, признал главнейшее их домогательство» [15, л. 13].

Политический порядок, учрежденный после Манифеста 17 октября 1905 года, Самарин считал юридической фикцией, лишенной какого-либо социально-политического содержания. Она основывалась на безволии власти, не способной соответствовать своей исторической миссии, верно оценить соотношение сил и принять должное решение. В этом случае вопрос о форме правления находился не в правовой, а в политической плоскости. «Признаюсь, я не вижу надобности в формальной отмене Манифеста 17 октября… Царская власть зиждется у нас не на каком-нибудь законодательном акте, не на той или иной статье Основных законов. Она создана нашей историей, она выросла вместе с Русской землей и корни ее глубоко проникли в народную почву. Поэтому отменить или умалить и поставить в известные пределы власть русского царя не может никто, хотя бы и сам самодержец. Она останется неизменной, доколе будут существовать те реальные условия, из коих она возникла и в коих она черпает свою силу. Я глубоко убежден, что судьба русского самодержавия зависит не от того, оста-

нется ли в силе Манифест 17 октября или нет, а от того, будет ли оно само сознавать свое историческое значение, останется ли оно верно своему призванию и оправдает ли оно, наконец, ту народную веру, в которой заключается вся его жизненность и сила» [9, с. 2].

Самарин отрицал всякую коренную институциональную реформу и применительно к местному самоуправлению. Это относилось даже к такой популярной идее в земской среде как учреждение мелкой земской единицы, которая, по мнению публициста, не имела «почвы» в русской деревне. «Земские учреждения действительно оторваны от населения, искусственны, но этому едва ли можно помочь, создавая низшую инстанцию, еще более искусственную. Уезд все-таки исстари составлял общественную единицу, по крайней мере, для зерна земского – для дворянства. Ниже уезда нет никакого общественного союза, который мог бы лечь в основу новой организации. Приход сам надо сначала восстановить. Нет даже личных и материальных элементов для такой организации» [13, л. 1].

В решении земского вопроса не следовало полагаться на точку зрения депутатов Государственной думы. По мнению Самарина, думский строй, установившийся в России, представлял собой не конституционализм, а его имитацию. Тем опаснее было заигрывание с общественным мнением, которое, по словам Самарина, не имело ничего общего с народными нуждами и не соответствовало представлениям большинства населения. Как раз с этой точки зрения Самарин критиковал политику правительства П.А. Столыпина, которое постоянно стремилось удовлетворять запросы общественности, представленной незначительными по численности партийными объединениями. Этим Самарин объяснял и радикализм правительственных проектов преобразования местного самоуправления.

По его разумению, они несли на себе отпечаток своего канцелярского происхождения, что, в частности, выражалось в радикальном характере предложенных преобразований. Они разрушали устойчивые связи, привычки провинциального общества. «Хороший хозяин всегда старается обойтись, где возможно, одним ремонтом… Если даже все требует перестройки, то разве можно производить ее сразу». Прежде всего Самарин высказывал свое неприятие бессословной организации волостного земства, так как общество в России оставалось сословным, а всякая другая группировка населения была искусственной [11, л. 5–24]. Подобное решение было тем более опасным, что оно задумывалось в условиях политической нестабильности. «”Люди легче справляются с законом темным и сложным, который они издавна применяют на практике, нежели с новым для них, более простым законодательством, – цитировал Самарин А. де Токвилля и далее констатировал: – Думаю, что это замечание вполне применимо и к настоящему случаю. Пусть новые учреждения, проектированные правительством, идеальны, но вводить их сразу в такую минуту, когда всякая остановка, всякая задержка в деятельности правительства нежелательна, – значит связывать правительство по рукам и ногам в ту минуту, когда оно должно обладать возможно большей полнотой власти и возможно широкими полномочиями» [5, с. 571–572].

Также Самарин резко высказался против упразднения волостного суда, института земских начальников, сокращения сферы компетенции предводителей дворянства. С его точки зрения, благодаря этим учреждениям происходило налаживание связей между местным обществом и представителями администрации. «В настоящее время местный предводитель, именно благодаря тому, что избирается дворянством, независим от администрации и независим от массы местного населения, среди которого ему приходится действовать. Он не принадлежит к администрации, но вместе с тем он несомненно является должностным лицом, облеченным правительственной властью; он не является избранником населения, но никаким образом не может быть признан чуждым местному населению. Благодаря этому он является связующим звеном между правительственной властью и общественными учреждениями… Это великое преимущество, которое никаким образом правительство не может дать тем должностным лицам, которыми хочет заменить уездных предводителей» [5, с. 682].

Кроме того, фактическое упразднение волостных правлений неминуемо разрушало властную вертикаль, так как новообразуемое волостное земство не могло быть успешно «вмонтировано» в административный аппарат Российской империи, а, следовательно, местные власти утрачивали всякий контроль над ситуацией. Самарин доказывал, что задуманные правительством низовые органы самоуправления объединяли бы в себе чрезвычайно разнородные элементы, которые не смогли бы договориться по всем ключевым вопросам их деятельности. Это грозило параличом всему управленческому механизму страны. «Я решительно не представляю себе, как связать в одно крупного землевладельца с крестьянским населением, которое от него зависит экономически и которое, с другой стороны, может во многом теснить этого самого землевладельца и предъявлять ему свои требования. В составе волости либо крестьянская масса заставит землевладельца и совершенно разорит, либо землевладелец, пользуясь зависимым положением крестьян, будет извлекать из этого выгоду для себя и обратит волостные учреждения в орудие для достижения своих хозяйственных целей» [8, с. 225–226].

Самарин критиковал и аграрные преобразования, инициированные П.А. Столыпиным, которые, по его мнению, разрушали общинный уклад русской жизни, вносили дезорганизацию в хозяйственный быт деревни и провоцировали социальные конфликты, которые могли вылиться в серьезные беспорядки. Самарин был вынужден выступать против Указа 9 ноября 1906 года на заседаниях Государственного совета, что в итоге и заставило его отказаться от продолжения политической деятельности. В июле 1908 года он сложил с себя обязанности члена Государственного совета, не желая поддерживать аграрные реформы Столыпина и в то же время не считая для себя возможным голосовать против законопроекта, внесенного с санкции самого императора.

Последовательный в отстаивании своих взглядов, Самарин неизбежно вступал в противоречие с господствовавшими среди неославянофилов представлениями о необходимости возрождения политических традиций Московского государства XVI–XVII веков. Эта дискуссия нашла свое отражение в переписке Самарина и А.А. Киреева в 1904 году, опубликованной в журнале «Мирный труд» уже год спустя, в 1905 году. Ф.Д. Самарин неизменно пользовался авторитетом как наиболее ортодоксальный представитель славянофильской мысли, призывавший отказаться от эклектичности в построении социально-политического идеала будущего. Вместе с тем это был яркий и самобытный интеллектуал, не повторявший застывшие формулы, а придававший новые смыслы прежним догмам. По мнению Л.А. Тихомирова, «Федор Самарин был по уму краса Самариных» [17, с. 297]. «Один из умнейших современных русских», – писал о нем А.А. Киреев [3, с. 286]. И этот умнейший человек оказался скептиком, весьма критически оценивавшим привычные всем принципы славянофильского учения. А в литературной утопии «Диктатор» одного из его представителей С.Ф. Шарапова Ф.Д. Самарин выведен в качестве героя, без всякой пользы поучавшего диктатора Иванова. Шараповский Самарин умело, убедительно и безжалостно критиковал инициативы самого диктатора, но, в сущности, ничего не предлагал взамен. Он верно диагностировал болезнь, но не предписывал лечения. «Не то все это, не то! – констатировал Иванов. – Деловая сторона в порядке, но где та божественная искра, которая зажгла бы Россию и сразу раскрыла бы сердца и освободила души от этого убийственного мрака и холода? Никто ни во что не верит, никто не смеет верить. Какой-то лазарет, какое-то кладбище, а не живая и бодрая страна! Но прочь уныние!» [19, с. 596–599]. Диктатору из фантазий Шарапова приходилось действовать самостоятельно, не полагаясь на мудрость и знания теоретиков. Тем не менее их рассуждения оттеняют факт удивительного разнообразия внутри славянофильства. Оно способствовало складыванию политического языка, который могли перенимать публицисты сильно отличавшихся, а порой даже конфликтных взглядов.

Литература

1. *Бобринский А.А.* Письмо Ф.Д. Самарину // ОР РГБ. Ф. 265. К. 183. Д. 3.
2. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
3. [*Киреев А.А.*] Дневник А.А. Киреева, 1905–1910. М.: РОССПЭН, 2010.
4. Мансурова М.Ф. Детские годы // Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001.
5. Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1.
6. Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина // Нестор. Между двух революций. СПб., 2005.
7. Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2011.
8. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М.: Политическая энцклопедия, 2014.
9. Русское дело. 1906. 14 января. № 2.
10. *Самарин Ф.Д.* Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 265. К. 124. Д. 3.
11. *Самарин Ф.Д.* Записная книжка // ОР РГБ. Ф. 265. К. 123. Д. 18.
12. *Самарин Ф.Д.* Записная книжка // ОР РГБ. Ф. 265. К. 124. Д. 26.
13. [*Самарин Ф.Д.*] Машинопись о вопросе о мелкой земской единице // ОР РГБ. Ф. 265. К. 124. Д. 26.
14. *Самарин Ф.Д.* Письма П.Д. Самарину // ОР РГБ. Ф. 265. К. 154. Д. 9.
15. *Самарин Ф.Д.* Письма С.Д. Самарину // ОР РГБ. Ф. 265. К. 153. Д. 3.
16. П.А. Столыпин: Переписка. М.: РОССПЭН, 2004.
17. [*Тихомиров Л.А.*] Дневник Л.А. Тихомирова, 1915–1917. М.: РОССПЭН, 2008.
18. *Флоренский П.А.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина / П.А. Флоренский // Соч.: в 4 т. М., 1996. Т. 2.
19. *Шарапов С.Ф.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010.
20. *Шереметев С.Д.* Смутное время // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5069.

Аннотация. Статья посвящена политическим взглядам Ф.Д. Самарина, его представлениям о политической системе России до 1905 года, конституционных преобразованиях 1905–1906 годов, столыпинских реформах. Автором показано, как Самарин попытался адаптировать славянофильское учение к обстоятельствам начала XX века. При этом ему приходилось вступать в дискуссию как с противниками славянофильского учения, так и с его адептами. С одной стороны, это подчеркивает разнообразие славянофильства и его внутреннюю неоднородность. С другой – характер самого славянофильского учения, напоминавшего скорее историографический подход к изучению прошлого, нежели стройную политическую концепцию. Наполнение славянофильства конкретным политическим содержанием зависело от каждого представлявшего славянофильское наследие.

Ключевые слова: славянофильство, конституция, представительство, Государственная дума, Земский собор.

Solovyov Kirill Andreyevitch, Doctor in History, Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. E-mail: kirillsol22@yandex.ru

The Political Doctrine of Feodor Samarin

Abstract. The article is devoted to the political views of F.D. Samarin, his conception of the political system in Russia before 1905, constitutional reforms of 1905–1906 and Stolypin's reforms. The author demonstrates how Samarin tried to adopt the Slavophile doctrine to the situation of the beginning of the 20th century. At that he had to carry on polemics both with the opponents of the Slavophilism and its supporters. On the one hand, this fact stresses Slavophilism diversity and its inner heterogeneity. On the other hand, it shows the nature of the Slavophile doctrine itself that resembled more the historiographic approach to researching the past than a well-structured political conception. Giving meaningful political content to Slavophile ideas depended fully on every single representative of the Slavophile intellectual heritage.

Keywords: Slavophilism, Constitution, Representation, State Duma, Zemsky Sobor.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-399-411

Мария Марей

«Я не вижу причины менять свою точку зрения»: Ф.Д. Самарин о Земском соборе и идее Представительства

Среди общественных деятелей России второй половины XIX – начала XX века есть достаточное количество персонажей, чьи имена известны историкам, экономистам или богословам, занимающимся достаточно узкой проблематикой, но которые никогда не вспоминаются в числе тех, кого принято называть «лицом» эпохи, хотя среди современников они были достаточно влиятельны – как по своему общественному положению, так и в идейном плане. Не будучи «властителями дум» и не оставив после себя работ, переживших их время, они интересны своим местом в интеллектуальном пространстве эпохи, тем, как они осознавали его и пытались мыслить и действовать в соответствии с этим.

Федор Дмитриевич Самарин относится к их числу. Он родился 4 февраля 1858 года в дворянской семье и уже по рождению, по семейной истории был сразу связан со славянофилами, будучи племянником Юрия Федоровича Самарина, одного из известнейших общественных деятелей своего времени. В дальнейшем он и сам окажется в числе знаковых персонажей позднеславянофильского движения. К тому времени как он достиг интеллектуальной зрелости и начал активную общественную деятельность, из старших славянофилов в живых оставался только Иван Сергеевич Аксаков (но и тот умер в 1886 году).

Исследователи славянофильства называют 80-х годы XIX века временем естественного (после смерти основных участников) угасания славянофильского движения. Н.И. Цимбаев, говоря о периодизации славянофильства, писал, что 1861–1875 годы – это его последний этап. В это время развивается славянофильская теория общества, они занимаются активной политической деятельностью. Цимбаев отмечал, что в этот период происходит фактическое распадение кружка, сопровождающееся идейным кризисом славянофильства и растворением его в общем потоке либерального движения [28, с. 89]. По его мнению, важно отделять тех, кого традиционного приписывают к славянофилам, от тех, кто ими на самом деле являлся. На этом же основании он утверждал, что после 1870 года славянофилов не осталось, а те, кто так себя называл, были, по сути, эпигонами, а не последователями славянофильства. Эта точка зрения не всем казалась справедливой, и уже с 80-х годов XX века постепенно появлялись работы, в которых славянофильство рассматривалось не только как феномен 40–60-х годов XIX века, и возник тезис о так называемом позднем славянофильстве [подробнее см, напр.: 2, 8, 3, 19, 6, 24, 9]. Однако в отечественной науке этот термин до сих пор часто используется для того, чтобы подчеркнуть, что период конца 70-х – 90-х годов XIX века является временем угасания и постепенной маргинализации славянофильства [см., напр., 19, ч. 1]. Мы же будем использовать его как синоним термина «неославянофильство», не вкладывая в него негативного смысла.

Марей Мария Дмитриевна, кандидат философских наук, ответственный секретарь журнала «Философия. Журнал Высшей школы экономики», НИУ ВШЭ, Москва. E-mail: mdvurlova@hse.ru

И все же в определенном смысле быть славянофилом после 80-х годов XIX века было тяжело. А.А. Тесля в статье «Философия права славянофилов» пишет:

> «…при анализе славянофильских взглядов нам нужно различать два уровня (и, соответственно, две стратегии исследования): – ситуативный, когда положения, ими выдвигаемые, рассматриваются в контексте эпохи – в их значении "здесь и сейчас" и в рамках тех целей, которые ими преследовались (в этой связи борьба с "бюрократией" имеет вполне конкретное политическое наполнение, равно как и разграничение "самодержавия" от "абсолютной монархии" преследует не столько цели политического анализа, сколько, через риторическое размежевание, стремится создать новые возможности для политического действия – риторическое размежевание в перспективе может стать основой реального разграничения; различие понятий создать различение феноменов, даже если первоначальное разграничение было произвольным); – философский, изымающий из времени – и тогда суждение, имеющее вполне конкретный практический смысл в определенный момент времени, оказывается говорящим больше того, что собиралось сказать, – "время проговаривается" (в обоих смыслах "проговаривать(ся)")» [26].

У представителей позднего славянофильства были серьезные проблемы с построением собственных теорий, выходящих за пределы того, что было сказано их предшественниками. В текстах Ю.Ф. Самарина, К.С. и И.С. Аксаковых, в том числе в переписке, мы можем найти места, посвященные теоретическим спорам, осмыслению вставших перед ними концептуальных затруднений. Они могли (до определенной степени) отрефлексировать свои славянофильские установки и видеть их слабые места, в то время как последователи зачастую некритично воспринимали их идеи, повторяя их, но не актуализируя вновь саму суть, которая описывалась, например, триадой «Православие. Самодержавие. Народность». Они оставались на первом уровне.

Отчасти это связано с тем, что те практические вопросы или теоретические споры, которые в 40–60-х годах XIX века были значимы для русского общества в целом и для славянофилов в частности, к 1880-м годам уже стали не актуальны. Времена изменились, и политическая философия, которая фиксирует в том числе и смену способов обсуждения, проговаривания, должна была стать иной – в частности, иным должен был быть язык. Однако представители позднего славянофильства пользовались тем же категориальным аппаратом, который для их предшественников был способом фиксировать «живые», волнующие их вопросы, а не просто понятным всем словарем.

Федор Дмитриевич Самарин не отличался в этом от других последователей славянофильства, он не был сильным теоретиком и, судя по всему, его славянофильские убеждения не базировались на серьезной философской основе. В работах Самарина нельзя найти теоретическое обоснование его собственных воззрений. Он был скорее практиком и исходил из опыта своей земской деятельности и участия в разного рода общественных объединениях.

В 1880 году Федор Самарин окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1884 по 1891 год был предводителем дворянства Богородского уезда Московской губернии, с 1888 года – гласным Московского губернского земства. В 1904 году он был одним из основателей «Кружка москвичей»[1]. В 1906–1908 годах – членом Государственного Совета по выборам от московского дворянства, в 1907–1908 годах – заместителем

[1] «Кружок москвичей» или «Самаринский кружок» – политическое объединение консервативного толка, собиравшееся в Москве в 1904–1916 годах. Представлял собой внепартийное объединение, имевшее целью «выработку и выяснение выдвигаемых обстоятельствами важнейших государственных вопросов». При этом сам кружок отказывался от самостоятельной активной политической деятельности, прежде всего – от участия в выборах в Государственную думу. Программные установки кружка соответствовали неославянофильским построениям, которые отстаивали многие его члены [22].

председателя комиссии законодательных предположений [23]. В 1906 году Самарин принимал участие в работе Предсоборного присутствия, в состав которого был включен вместе со славянофилами А.А. Киреевым, Д.А. Хомяковым и Е.Н. Трубецким. В январе 1907 года вместе с М.А. Новоселовым организовал Кружок ищущих христианского просвещения[1], приняв непосредственное участие в составлении его устава. Был одним из инициаторов и организаторов в 1909 году Братства святителей Московских, став его председателем. В 1912 году вместе с архиепископом Никоном (Рождественским), В.А. Кожевниковым и М.А. Новоселовым Ф.Д. Самарин был избран почетным членом Московской Духовной Академии [1, с. 276]. Умер он в 1916 году, в Москве, похоронен на Донском кладбище.

Богословская и религиозная тематика занимала важное место в творчестве Самарина, при этом корреляция церковной и общественной проблематики виделась ему залогом «органического развития» отечественного исторического процесса [9, с. 40]. Самарин был сторонником самодержавной монархии, последовательным противником каких-либо конституционных преобразований, включая организацию законосовещательного Земского собора, считая его анахронизмом, который не имеет оснований в существующем социально-политическом строе. Также он был противником введения мелкой земской единицы, земских реформ П.А. Столыпина.

В данной статье мы обратимся к исследованию политических взглядов Ф.Д. Самарина, в частности, к его отношению к Земскому собору и шире – к его взглядам на саму возможность введения в России представительного органа, пусть и только совещательного. Мы будем обращаться к его идеям, высказываемым и развиваемым в работах, опубликованных в период с 1900 по 1906 год. Такие временные рамки обусловлены тем, что именно в это время активно обсуждается возможность введения в России представительных учреждений и то, какими они будут. Эта тема вызывала живой интерес Самарина и как славянофила, и как человека, имевшего к этому времени почти двадцатилетний опыт земской работы и вполне сложившееся о нем (земстве) представление, что во многом повлияло на его отношение к идее Земского собора или какого-то другого варианта представительства.

Самодержавная монархия была для него необсуждаемой ценностью, однако не столько как форма правления, сколько как оформление цели жизни людей в государстве, а именно, воплощение в жизнь нравственных принципов русского православия. Это утверждение в той или иной мере справедливо для всех представителей славянофильского направления:

> «…для них ценность государства определялась значимостью идей, лежащих в его основании. Соответственно, правовые формы должны способствовать реализации этих идей, сами по себе они имеют вторичное значение, и введение того или иного правового механизма не станет однозначным решением стоящих перед страной проблем» [21, с. 66].

Право, государственные институты – это то, что может либо способствовать реализации этих идей, либо вредить, если за ними признается первостепенное значение, если государство перестает восприниматься только как «внешняя форма человеческого общежития», а «юридические формы» имеют смысл «как нечто, существующее само по себе и для себя» [21, с. 63]. Для большинства славянофилов общим местом было признание того, что правовые формы имеют вторичное значение, и реформы, заключающиеся в принятии того или иного закона или создании нового государственного института, сами по себе не могут быть решением стоящих перед страной проблем. К.А. Соловьев, анализируя различ-

[1] «Кружок ищущих христианского просвещения» возник в Москве в самом начале XX века на основе кружка М.А. Новоселова и издававшейся им с 1902 года «Религиозно-философской библиотеки». В его уставе значилось: «Кружок имеет целью помогать своим членам, а также и посторонним лицам, которые будут к нему обращаться, в усвоении начал христианского просвещения. Кружок никаких политических целей не преследует и в обсуждение политических вопросов не входит» [7, с. 247].

ные представления о самодержавной власти, пишет, что задачу, стоявшую перед славянофильски ориентированными мыслителями в конце XIX века, можно сформулировать таким образом: им нужно было совместить свою программу реформ, которая в корне изменила бы нынешнее положение дел, с идеей истинного самодержавия, которое должно прийти на смену нынешнему засилью бюрократии [более подробно об этом см. 20].

В случае Ф.Д. Самарина это была не просто общетеоретическая установка, заимствованная у старших славянофилов, но выражение практических требований, предъявляемых к действующей власти. Когда он писал о необходимости реформ, то настаивал, что монарх вполне может дать своим подданным различные свободы (вероисповедания, печати, свободу от административного и полицейского произвола), оставаясь при этом самодержавным, то есть не ограничивая себя принятием конституции или введением парламента. Как описывал это в дневниковой записи от 24 января 1905 года А.А. Киреев, также активный участник славянофильского движения и один из постоянных корреспондентов Самарина, он надеялся, что «самодержавие само, без помощи земли, в состоянии дать нам то, в чем мы нуждаемся» [4, с. 27].

«Без земли» означало в данном случае «без Земского собора», последовательным противником созыва которого выступал Самарин, – несмотря на то, что идея Земского собора была одним из общих мест славянофильской доктрины.

Сохранилась переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина, в которой они достаточно подробно и откровенно обсуждали значимые с их точки зрения события общественной и политической жизни России 1904–1905 годов [10]. Одной из основных тем переписки была проблема учреждения в России представительства (народного или на сословных началах) и связанная с ней возможность возвращения к практике земских соборов. Эти обсуждения не были для них предметом праздного интереса. Как уже говорилось, Самарин являлся одним из лидеров неославянофильского движения. Киреев же был близким к императорскому двору человеком, адъютантом великого князя Константина Николаевича и одновременно убежденным славянофилом, одним из создателей Петербургского Славянского комитета, в дальнейшем – одним из лидеров «Отечественного союза», разработавшим собственную политическую доктрину, основанную на классических славянофильских началах.

Из этой переписки видно, что, несмотря на общность базовых ценностей (сохранение неограниченного самодержавия, отрицательное отношение к бюрократии и возможности конституционных преобразований и т.д.), по целому ряду вопросов их мнения расходились, что заставляло более подробно и аргументированно излагать собеседнику свою позицию. Поэтому данная переписка является хорошим источником информации об их теоретических установках.

Возвращаясь к теме Земского собора и шире – самой возможности представительства, – можно сказать, что критическая установка Самарина была во многом основана на том, что возвращение Земских соборов в политическую реальность России ничего не даст для выхода из кризиса (вернее даже сказать – из предреволюционного состояния, так как возможность революции проговаривалась собеседниками, ее опасались), напротив, это может стать опасным политическим ходом, могущим повлечь непредсказуемые последствия как для монархии, так и для страны в целом.

Аргументы Самарина выстроены как критический анализ проекта Киреева, который был изложен в брошюре «Россия в начале XX столетия» [5], опубликованной в 1903 году и обсуждавшейся в переписке.

Самый первый объект критики – это разделяемая многими современниками Самарина установка, что бюрократический аппарат, или, как его называли, «бюрократическое средостение» – важнейшая причина «болезни» российского общественного строя. Самарин утверждал, что бюрократический аппарат сейчас действует если не лучше, то уж во всяком случае не хуже, чем во время предшествующих царствований, справляясь с такими задачами, которые точно были бы не под силу прежней администрации:

> «Если бюрократия могла восстановить равновесие в бюджете, привести наши финансы в такое блестящее состояние, в каком они никогда не были, ввести золотое обращение, справиться с таким небывало колоссальным предприятием, как винная монополия, и заведовать железнодорожным делом во всяком случае не хуже частных предпринимателей, то не знаю, какие могут быть основания, чтобы утверждать, что бюрократическая машина работает теперь хуже, чем 40, 50, 60 лет тому назад? Напротив, она как будто даже идет вперед, старается поспеть за народными потребностями и жить “с веком наравне”» [10, с. 34].

Говорить об «упадке» бюрократического строя невозможно, и причину кризиса нужно искать не в нем. Однако даже если бы это было так, то пути решения, предлагаемые Киреевым, тоже признавались Самариным бесполезными и даже вредными: даже если «дать отставку» всем имеющимся бюрократам и «призвать к работе свободные общественными элементы», как призывал Киреев, ничего не изменится. Самарин совершенно справедливо указывал, что между бюрократией и образованным обществом нет жесткой границы: они связаны тесными дружескими и родственными связями. А значит, если поменять одних на других, особенной разницы не будет: дело в людях, а не в условиях, в которые они поставлены. Проблема в том, как устроена система, в ее внутренних законах, а не в чиновниках: если заменить одних на других, ситуация не изменится. Кроме того, в России того времени существовала и кадровая проблема: несмотря на кажущееся обилие чиновников, власть зачастую испытывала серьезные трудности с подбором кадров[1].

Также при самодержавном правлении, если оно не стремится стать абсолютной монархией (а для славянофилов это отнюдь не синонимы [см., напр., 27, с. 155]), нет необходимости в объединенном правительстве, которое будет контролироваться монархом:

> «Сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством; напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия как подобное отождествление. Поэтому вмешательство самодержца в текущие дела, – я говорю о вмешательстве по личному почину и ради проведения личных взглядов или ради прикрытия авторитетом самой верховной власти распоряжений министерских, должно быть явлением чрезвычайным, исключительным, в интересах самой власти» [10, с. 35].

Самодержец должен быть «дистанцирован» от бюрократии, он не должен быть главой администрации, вовлеченным в политический процесс и партийную борьбу: это вредно и для управления, и для самой самодержавной власти. Кроме того, Самарин был критически настроен по отношению к возможности общественных деятелей участвовать в управлении страной. Бессмысленно, на его взгляд, возлагать на русское общество какие-либо надежды в этом отношении, поскольку оно не может справиться даже с нынешними своими обязанностями, в той области, которая ему отведена: в земском деле [10, с. 35–36]. Самарин писал:

> «…общество, как союз бытовой, свободный и органический, у нас бессильно, более того, что его у нас нет, ибо то, что у нас носит это название, в сущности, не достойно его, ибо это – не более как «людская пыль», по удачному выражению <И.Л.> Горемыкина. В этом, по-моему, наш главный, коренной недуг, а не в господстве бюрократии. Будь наше общество иное, и бюрократия была бы не так вредна, может быть, даже она была бы только полезна» [10, с. 36].

[1] См. об этом же, например у А.А. Половцова, занимавшего с 1883 по 1892 год пост Государственного секретаря. В своем дневнике он периодически описывает сложности, возникавшие у Александра III при назначении министров, у министров – при подборе служащих, а у него самого – при подборе секретарей и работников канцелярии [11].

Итак, он не верил в русское общество, более того, отрицал сам факт его существования как некоего целостного, органического союза людей, способного к какой-либо созидательной деятельного, а не только к критике. Даже земство, которое должно быть сферой приложения наиболее активных и заинтересованных общественных сил,

> «как общественное учреждение, как самоуправляющаяся единица оказывается несостоятельным, бессильным исполнять свое прямое назначение и от этого ударяется в политику… Отсутствие людей, равнодушное отношение к делу, склонность все сваливать на платных работников – все эти черты, которые нетрудно заметить и в прежних земских учреждениях, действовавших по закону 1864 года; да и теперь они проявляются совершенно вне всякого соответствия с внешними условиями и ограничительными мерами, которым земство подвергается… Итак, общество наше не в силах справиться даже с тем делом, которое ему теперь предоставлено, и которое оно может ведать самостоятельно. В этой, отмежеванной ему области оно оказывается совершенно несостоятельным» [10, с. 35–36].

Эти люди не могли и не хотели объединяться вокруг какой-либо одной положительной идеи, зато очень успешно сплачивались на почве критики исторически сложившегося в России государственного строя. Поэтому такое общество не могло быть конструктивной, созидающей силой и не заслуживало доверия власти [21, с. 103].

Следствием такого отношения стал его скепсис по поводу идеи созыва Земского собора: если собор будет носить сословный характер, он будет состоять из представителей этого самого общества, которое враждебно верховной власти, с недоверием относится к ее начинаниям и не поддерживает ее. Следовательно, настроения там будут господствовать совсем не те, на которые надеются его сторонники, а значит, такой Земский собор вряд ли будет законосовещательным органом, поддерживающим царя, – наоборот, в нем еще скорее созреют планы конституционных преобразований. Кроме того, сама идея Земского собора не предполагает механизмов для сдерживания попыток участников собора навязать свое мнение монарху:

> «…вопрос в том, как этого достигнуть, т.е. как сделать, чтобы у Собора не было поползновения ограничивать власть самодержавную, а чтобы царь со своей стороны смотрел на участие Собора в государственном деле не как на стеснение своей власти, а лишь как на наиболее для нее надежную опору. Для этого совершенно недостаточно сказать, что Земский собор есть и будет учреждением совещательным, мнения которого для верховной власти не обязательны» [10, с. 37].

В ситуации взаимного недоверия власти и общества сложно ожидать, что каждая сторона не попытается навязать другой свою волю, а следовательно, желаемого взаимодействия не получится.

Справедливости ради нужно отметить, что Самарин отвергал идею представительства не полностью, а только на государственном уровне: он одобрительно относился к представительству уездного земства в губернском, когда все участники заняты рассмотрением вопросов и проблем местного значения и их совместная деятельность служит общему благу: губернскому или земскому [12]. Однако если представительные учреждения все-таки будут введены, то

> «перед политической борьбой, по крайней мере сначала, отступит всякая созидательная работа, все затмит стремление к власти и партийная борьба, сложная же законодательная работа будет из года в год откладываться…» [13].

Умиротворения во внутреннюю жизнь страны эти меры тоже не внесут из-за легитимации борьбы разных общественных сил, получивших статус партий, это только обострит отношения в обществе, а не приведет к объединению политических сил. Возможно, это нормально для первых лет существования парламента, но вряд ли это то, что нужно России именно сейчас.

Кроме того, Самарин указывал, что сторонники Земского собора не совсем правы, указывая на него как на исторически свойственную России форму представительства.

> «В этом случае указывают обыкновенно в качестве образца на земские соборы московского периода нашей жизни. Но беда в том, что эти соборы не были учреждением в обычном смысле этого слова. Это было явление бытовое, не успевшее еще окрепнуть настолько, чтобы все его черты окончательно определились, и чтобы оно связалось наглухо с народной жизнью. Его можно было бы воскресить, только воскресивши весь быт, весь уклад народной жизни XVI и XVII веков. Угадать, какую форму земские соборы приняли бы теперь, если бы не было перерыва предания, невозможно: в самой постановке вопроса кроется внутреннее противоречие. Ведь те самые исторические условия, которыми создана наша современная жизнь, были причиною того, что земские соборы прекратили свое существование, не успев развиться» [10, с. 36–37].

Это один из самых сильных аргументов против идеи созыва Земского собора как законосовещательного органа, и примечательно, что озвучивает его представитель славянофильства. Аргумент от истории, таким образом, оказывается несостоятельным: раз в современности нет условий, которые необходимы для воссоздания Земского собора в его старинном виде, наоборот, много того, что препятствует, раз традиция прервана, значит, апелляция к прошлому не может быть аргументом в спорах о возможном введении представительства. Интересно, что в этом он оказывается гораздо ближе к старшим славянофилам, чем к своим современникам. А.А. Тесля в работе, посвященной славянофильскому консерватизму, отмечает, что вопреки расхожим представлениям прошлое не было для славянофилов тем идеалом, к которому надлежит вернуться:

> «Прошлое оказывалось ресурсом воображения – но воображения, направленного в будущее. Если усреднить взгляды славянофилов, то схема русской истории к 1850-м годам виделась им следующим образом: от изначальной «народности», себя не сознающей, бессознательно выстраивающей должный социальный и политический порядок (“Земли” и “Государства”); к петровскому периоду отчуждения между “Землей” и “Государством”, отчуждения от собственных народных начал;
>
> 3) что должно привести к третьей фазе, начало которой можно видеть в самих славянофилах, когда народные начала осознаются и происходит возвращение к должным отношениям “Земли” и “Государства”, где помимо “народа”, функция которого хранительная, появляется “общество”, понимаемое как орган самосознания народа.
>
> Отсюда мы видим, что приписывать славянофилам негативный взгляд на петровские реформы и в целом на “петербургский период” русской истории правомерно только в том случае, если “негативность” мы понимаем в философском смысле. Начиная со статей И.В. Киреевского славянофилы многократно подчеркивали, что “петербургский период” был логичным и необходимым звеном. Другое дело, что он завершается, результаты, которых он мог достигнуть, получены и, по словам И.С. Аксакова, нужно “вернуться домой”. Таким символическим возвращением стал бы перенос столицы, о котором настойчиво заговорит тот же Аксаков в 1881 году, мысля его как поворотное событие, соединенное с созывом Земского собора и восстановлением правильных отношений “Земли” и “Государства”. Иными словами, прошлое здесь значимо не само по себе, не в виде восстановления конкретных “московских форм” быта, например, или царского обихода, а как принцип надлежащих отношений, идеал, который редко воплощался в прошлом, если вообще когда-либо воплощался, но который в прошлом выразился как выработанный обществом “идеал”» [25, с. 27–28].

У Самарина нет таких сложных теоретических рассуждений (или он не считал нужным их приводить, подбирая значимые для собеседника аргументы), однако он понимал, что приверженность идее Земского собора зачастую объясняется обаянием самого термина, некоторой сентиментальной ностальгией по Московской Руси, свойственной в том числе и верховной власти. Славянофилам же нужно отказаться от него, от самой идеи созыва совещательного органа, могущего быть так названным. Земский собор, по его мнению, нужно «снять… со знамени» славянофилов и не ставить даже как отдаленную цель, не требующую немедленной реализации: этот термин сейчас используется слишком многими, причем говорящие о нем часто затрудняются точно определить, что именно они под ним понимают. Понятие с таким размытым содержанием может быть оружием в политической борьбе, лозунгом, который может на короткое время объединить самые разные силы, однако когда придет время пояснять, что имеется в виду, то есть проводить конкретную реформу, выяснится, что внятного концепта «Земский собор» не существует, а в головах его сторонников живет либо смутное представление об отдаленных временах, когда царь и «народ» общались напрямую, либо они имеют в виду собственные цели. Славянофилам же следует избегать и тех, и других.

Итак, идею созыва Земского собора, такую привычную славянофилам, Самарин предлагает оставить. Что же он предлагает взамен?

По его мнению, основная причина большинства современных проблем, стоящих перед монархией, состоит в упомянутом выше *отсутствии доверия* между обществом и властью:

> «Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо через него она правит, – если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие надежды связывает с переменой “режима”. У нас так и есть: общество, а с ним вместе и правящая бюрократия убеждены, что с самодержавием несовместимы ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления» [10, с. 39–40].

Именно в этом, в убеждении, что «с самодержавием несовместимы ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления», а не в неэффективной работе или злонамеренности бюрократии, Самарин видел проблему, требующую немедленного разрешения. Если не исправить ситуацию, любые другие реформы, инициированные монархом, не только не встретят одобрения в обществе, но и будут истолкованы как уступки и использованы как орудие в борьбе против власти. Пока же общество уверено, что исторически сложившаяся в России форма государственной власти – это зло, а бюрократия[1] убеждает монарха, что любые перемены в существующем порядке направлены против самого принципа монархии, понимания между ними не будет.

Самодержавная власть может вернуть доверие общества, удовлетворив его потребности в свободе, и это было бы мягким, не радикальным выходом из политического кризиса:

> «Нормальные отношения между обществом и властью восстановятся лишь тогда, когда общество убедится, что те стеснения личной свободы, которые оно теперь испытывает, тот произвол, от которого оно так страдает и которым так тяготится, вовсе не вытекают из самого существа самодержавия и могут быть вполне устранены без перехода к так называемому конституционному

[1] Здесь Самарин отмечает, что бюрократия действует не из недобрых побуждений: просто высшие чиновники вполне разделяют господствующее в обществе недоверие к власти, а поскольку по долгу службы они считают себя обязанными стоять на стороне власти, то подозрительно относятся к тем, кто предлагает какие-либо реформы, считая их потенциально опасными для режима, которому служат.

строю, а верховная власть придет к сознанию, – и внушит это своим слугам, – что предоставление возможно более широкой личной свободы и обеспечение законности в управлении не только не противоречит ее интересам, но даже служит вернейшим залогом ее прочности и наилучшим обеспечением против всякого рода революционных стремлений» [10, с. 40].

О каких конкретно реформах говорит здесь Самарин?

Он считал, что обществу необходимы законы, которыми обеспечивалась бы *неприкосновенность личности, свобода совести и свобода слова.* Свобода совести могла бы быть обеспечена следующими мерами:

«Надо отменить все кары, которыми закон теперь грозит духовным лицам других исповеданий за совершение таинств и обрядов над лицами, официально причисленными к православному исповеданию, и за пропаганду своей веры. Наконец, необходимо было бы упразднить духовную цензуру, предоставив кому следует привлекать к законной ответственности лишь за оскорбление веры и церкви. Само собой разумеется, что в связи со всем этим должны были бы прекратиться и разного рода административные меры, направленные к стеснению религиозной свободы или к насильственному ограждению “господствующей” церкви» [10, с. 56–57].

В отношении личной неприкосновенности, по мнению Самарина, необходимо ограничить полицейский произвол в части обысков и арестов лиц, кажущихся им подозрительными. Полицейская власть не должна зря, без достаточного основания, подвергать этому тех, кого считает нужным, зачастую даже не объясняя, что происходит, и не считая нужным оправдываться в своих действиях, даже если в итоге окажется, что человек был ни в чем не виноват:

«Каждому лицу, у которого производится обыск или которого арестуют, следовало бы предъявлять сущность взводимого на него обвинения, предоставляя ему возможность оправдываться; на все подобные меры следовало бы дать возможность приносить жалобы какому-либо, хотя бы специальному, суду; всякому лицу, так или иначе привлеченному к делу и не подвергнутому никакому взысканию ни в судебном, ни в административном порядке, надлежало бы, по прекращении о нем дела, объявлять о состоявшемся решении, и притом также с правом обжалования или даже с правом требовать судебного разбирательства, чтобы снять с себя всякое подозрение и освободиться от полиц<ейского> надзора. Наконец, в тех случаях, когда почему-либо не признается возможным направить дело для разрешения судебным порядком, общими судебными местами, не следовало бы все-таки разрешать его исключительно путем канцелярской переписки или путем тайных соглашений между ведомствами и учреждениями. Здесь необходимо было бы своего рода судебное разбирательство. Пусть дела эти ведаются какими угодно учреждениями, специально для того созданными, лишь бы только соблюдались следующие условия:

1. Дело должно разбираться устно в присутствии самого обвиняемого и нескольких свидетелей или понятых (пусть даже в понятые берутся только люди, состоящие на правительственной службе, напр<имер>, офицеры) и 2. Обвиняемому должно принадлежать право жалобы в высшую инстанцию как по существу, так и в отношении несоблюдения формальных требований закона» [10, с. 57–58].

Меры, которые должны обеспечить свободу слова, Самарин тоже намечает схематически, говоря скорее об общих принципах, а не о конкретных действиях:

«Самое главное, что требуется, это изъять людей пишущих и говорящих из-под зависимости от произвола администрации, той самой администрации, которую

> они, мож<ет> б<ыть>, критикуют, и предоставить над ними власть учреждениям коллегиальным, действующим на основании закона и ни от какого ведомства не зависящим. Притом порядок производства дел должен бы быть также судебный, т.е. устное разбирательство с правом обвиняемого давать объяснения и обжаловать решения в инстанционном порядке» [10, с. 58].

Преобразования, о которых писал Самарин, должны были, по его мнению, укрепить авторитет царской власти, вернуть ей доверие общества. Отмена Положения об усиленной и чрезвычайной охране от 1881 года, прекращение бесконтрольных и оскорбительных для людей обысков и арестов, введение фиксированного порядка судопроизводства по политическим преступлениям (и особого суда для органов печати), отмена преследования по конфессиональному признаку, упразднение духовной цензуры были необходимы, поскольку «охранительная политика» скорее «плодила революционеров», чем защищала государство.

Кроме того, Самарин предлагал и административные реформы: административную децентрализацию, ежегодный отчет министров в Государственном совете, открытую публикацию ими программы своей деятельности на год, из которой можно было бы узнать предполагаемое направление работы ведомства, формирование рабочих «экспертных комиссий» при правительстве. Он также считал полезным «чтобы все правительственные действия, не исключая тех, которые получили одобрение верховной власти, могли свободно обсуждаться обществом и чтобы такая критика не рассматривалась как действие злонамеренное и направленное к подрыву власти» [10, с. 41].

Как уже было сказано, взгляды Ф.Д. Самарина вступали в противоречие с господствовавшими в среде его соратников по славянофильскому движению представлениями о необходимости возрождения Земского собора как наилучшего варианта совещательного органа при царе. По его мнению, собор, созванный в начале XX века, силами дворянства и интеллигенции неизбежно переродился бы в законодательное собрание:

> «Не подлежит сомнению, что термин этот значительно облегчил бы введение у нас представительных учреждений: все нерешительные, колеблющиеся элементы, все умеренные люди скорее соединятся под флагом Земского собора, чем под другим, более прямо и резко выражающим идею участия народа в государственном деле; да и сама верховная власть, если бы обстоятельства ее вынудили или она сама пришла к убеждению в необходимости подумать о перемене “режима”, тоже, вероятно, скорее решилась бы идти по пути, который, по-видимому, устраняет опасность резкого разрыва с прошлым, и сулит даже как будто не расшатать порядок, веками выработанный, а укрепить его, подложив под него новое основание. Вот почему я считаю этот термин опасным в настоящее время и могущим породить недоразумения. Самая его неопределенность, неясность и спорный характер того учреждения, которое им обозначается, помогли бы объединиться и сойтись на нем таким элементам русского общества, которые иначе едва ли станут действовать заодно в политических вопросах. Такой союз оказался бы на руку, конечно, только тем, которые в Земском соборе видели бы первую ступень конституционных учреждений, первый шаг по пути к парламентаризму» [10, с. 37–38].

Итак, конституционный режим был для Самарина неприемлем, как и любые другие радикальные меры. Он был сторонником таких преобразований (которые, в общем, могут быть названы либеральными), которые совершаются «без шума и треска», путем внешне мелких реформ, которые как будто бы вызваны соображениями практической целесообразности и не являются частью масштабной программы преобразований. Стремление же к реформированию государственного устройства Российской империи на конституционных началах, введение какого-либо законосовещательного органа – это ошибочное стремление,

основанное на неверных предпосылках. Оно особенно опасно в условиях, когда власть не пользуется доверием общества и не может чувствовать его безусловную поддержку.

В первые годы XX века Ф.Д. Самарин довольно много писал также о земских реформах, об отношениях губернского и уездного земства и их возможных политических амбициях [12, 14 и т.д.], о земских школах, о земельной реформе и должной организации крестьянского землевладения [15–18 и т.д.]. В них он выступал за защиту исторически сложившихся в России форм земельных отношений и общественного уклада, против народного представительства (и против введения представительных органов вообще).

Самарин был последователен в своих убеждениях. Он выступал против обращения земли в личную крестьянскую собственность, утверждая, что в ситуации, когда в большинстве случаев нет документально зафиксированных результатов прежних переделов, а только воспоминания самих крестьян, это не сможет привести к справедливым решениям. В таких условиях нет возможности обеспечить сохранение крестьянских прав на землю и охрану этих прав, так как у любого решения, которое облекут в закон, не будет прочной, документальной или исторической основы [15, с. 3–11]. Сложность реализации загубит эти начинания вне зависимости от того, хороши они или плохи.

Кроме того, произвольно менять сложившийся крестьянский уклад попросту опасно:

> «Изменить коренным образом веками сложившийся народный быт, сломить стародавние привычки, произвести переворот в нравах, связанных с формами быта – на все это не хватило бы силы даже у власти, пользующейся безусловным доверием народа, привыкшей встречать беспрекословное повиновение и не колеблющейся применять самые крайние средства для достижения своих целей» [15, с. 13].

Народ, крестьяне – это те, на ком покоится могущество Российской империи, та сила, которая придает устойчивость ее государственному строю, и существует эта сила в неразрывной связи со всем укладом народной жизни, в том числе – с особенностями землевладения [15, с. 75]. Разрушив этот уклад, правительство фактически уничтожит крестьянство, смешав его с остальными слоями общества и лишив себя последней опоры и поддержки. Это может быть на руку тем, кто добивается упразднения самодержавия в России, но не его сторонникам.

В целом же, с точки зрения Самарина, само по себе принятие какого-либо закона не способно изменить веками складывавшееся положение дел, а закон, не опирающийся на нравственные основы общества, не будет иметь силу и не создаст новый жизнеспособный феномен, даже если он будет поддерживаться принудительной силой государственной власти. Такой закон не приведет к глубоким, органическим изменениям в обществе или народной жизни. Оно должны назреть сами, и тогда волей власти они должны быть зафиксированы в законе. Собственно, те реформы, направленные на установление свободы совести и слова, а также на защиту личной неприкосновенности, о которых Самарин писал Кирееву, как раз таковы: это то, что нужно обществу, отсутствие чего оно полагает несправедливым и оскорбительным для себя. Они удовлетворяли уже назревшие в обществе потребности, которые разделяются всеми, в отличие от потребности участвовать в государственном управлении:

> «…действительной потребности руководить государственными делами у нас, мне кажется, нет, а есть только весьма общее и неопределенное недовольство нынешним положением и ходом дела, есть охота критиковать то, что делается, не принимая на себя никакой ответственности ни за критику, ни тем более за какие-либо положительные предложения. У нас нет ведь даже такого общественного класса, который мог бы взять власть в свои руки и стать деятельною опорой правительства или, при случае, оказать ему

активное противодействие не политиканства ради, а для проведения своей определенной положительной программы» [10, с. 59].

Итак, введение представительных учреждений в России в начале XX века было, с точки зрения Ф.Д. Самарина, опрометчиво и опасно. Общество требовало реформ, но не могло сформулировать даже единого варианта того, каких именно реформ оно хотело. В этих условиях путь, который предлагал Самарин, был способом обеспечить правительству поддержку тех слоев общества, которые, с одной стороны, не сочувствуют революционному движению и не желают смены режима, а с другой – не могут безусловно поддерживать самодержавную власть, допускающую явный произвол в отношении подданных, подавляющую всякое свободомыслие как заведомо злонамеренное. Если власть желает получить поддержку со стороны общества, она должна позволить ему иметь собственный голос, право высказывать свое мнение и обсуждать действия правительства в печати – и тогда она получит не только лояльность, но и ту самую обратную связь, которая будет возможна и без созыва Земского собора.

Литература

1. *Дубинин А., свящ.* Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариным и деятельность Кружка ищущих христианского просвещения [предисловие к публикации] // Богословские труды. М., 2005. № 40. С. 274–288.
2. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.
3. *Золотарёв Д.П.* Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х – 90х гг. XIX века: Дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2004.
4. *Киреев А.А.* Дневник 1905–1910 / сост., авт. вступ. ст., коммент. и примеч. к.и.н. К.А. Соловьев М.: РОССПЭН, 2010. 471 с.
5. *Киреев А.А.* Россия в начале XX столетия // Учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 360–395.
6. *Котов А.Э.* Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70 – 90-х гг. XIX в.: Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006. 251 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010. Т. IV.
8. *Панова М.И.* Идеи славянофильства в русской общественно-политической мысли в 1850-е гг. – 1917 г.: Дис. … канд. ист. наук. М., 1998.
9. *Паромов К.Я.* Политическое и церковное в мировоззрении «славянофилов» начала XX в. (А.А. Киреев, Ф.Д. Самарин, Д.Н. Шипов) // Вестник ПСТГУ. 2016. Вып. 2 (69). С. 31–48.
10. Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина / публ., вступ. ст. и коммент. И.В. Лукоянова // Нестор. 2004. № 3. Между двух революций 1905–1917. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 11–104.
11. *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: в 2 т. М.: Центрполиграф, 2005.
12. [*Самарин Ф.Д.*] Мнение гласного Богородского уездного земского собрания Федора Дмитриевича Самарина по вопросу о взаимных отношениях губернского и уездных земств. М., [190-]. 20 с.
13. *Самарин Ф.Д.* Возражение депутатам Съезда земских и городских деятелей. СПб.: Типогр. В. Киршбаума, 1905.
14. *Самарин Ф.Д. [Федор Дмитриевич], Бартенев Ю.П. [Юрий Петрович], Берендтс Э.Н. [Эдуард Николаевич].* Отзыв на записку губернских предводителей дворянства: [О полит. программе губернских предводителей дворянства. М.]: Типогр. И.В. Шубина, ценз. 1905. 8 с.
15. *Самарин Ф.Д.* К чему приведет указ 9 ноября 1906 г.? М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. 78 с.
16. *Самарин Ф.Д.* О юридических последствиях отмены выкупных платежей по Манифесту 3 ноября 1905 г.: (По поводу указа 9 нояб. 1906 г.). М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1908. 42 с.
17. *Самарин Ф.Д.* Еще о юридических последствиях отмены выкупных платежей: Ответ А.П. Никольскому. М.: Печатня А.И Снегиревой, 1908. 48 с.
18. *Самарин Ф.Д.* Указ 9 ноября 1906 года и Положение 19 февраля 1861 года: [Разъяснение]. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1908. 16 с.
19. *Сергеев С.М.* Проблема позднего славянофильства [Электронный ресурс] // Слово: Образовательный портал. 2009. 3 октября / Режим доступа: hitp://ww\v.porlal-slovo.ru/historv/41483.php (дата обращения: 03.03.2016).
20. *Соловьев К.А.* Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. № 2. С. 48–69.
21. *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности. 1899–1905. М.: РОССПЭН, 2009. 287 с.
22. *Соловьев К.А.* Кружок москвичей // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 256–257.

23. *Соловьев К.А.* Самарин Федор Дмитриевич // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 448–451.

24. *Тесля А.А.* Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 799 с.

25. *Тесля А.А.* Славянофильский «консерватизм»: между национализмом и либерализмом? // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 23–33.

26. *Тесля А.А.* Философия права славянофилов [Электронный ресурс] // Народный дом: Русский национальный культурный центр / Режим доступа: http://rusnardom.ru/teslya-a-a-filosofiya-prava-slavyanofilov/

27. *Хомяков Д.А.* Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия) // Православие. Самодержавие. Народность. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 576 с.

28. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. 274 с.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию политических взглядов Ф.Д. Самарина – одного из представителей позднего славянофильства. В центре внимания автора находится отношение Самарина к популярной у русской общественности начала XX века идее Земского собора, и шире – к его взглядам на саму возможность введения в России представительного органа, пусть и только совещательного. Эта тема была важна для Самарина как для славянофила, имевшего большой опыт практической земской работы. Автор демонстрирует истоки скептического отношения Самарина к идее представительства и обращается к анализу его собственных реформаторских идей, которые предлагались им как альтернатива конституционным преобразованиям и созданию законосовещательного органа. Отдельное внимание уделяется отношению Ф.Д. Самарина к самодержавной монархии, его убежденности в том, что монарх вполне может дать своим подданным различные свободы (вероисповедания, печати, свободу от административного и полицейского произвола), оставаясь при этом самодержавным, то есть не ограничивая себя принятием конституции или введением парламента.

Ключевые слова: позднее славянофильство, Ф.Д. Самарин, самодержавие, Земский собор, земство, общество, представительство.

Maria D. Marey, PhD in Philosophy, Executive Secretary, “Philosophy. Journal of the Higher School of Economics”, Higher School of Economics National Research University, Moscow. E-mail: mdvurlova@hse.ru

“I Don’t See Any Reason for Changing My Opinion”: F.D. Samarin About Zemsky Sobor and the Concept of Representation

Abstract. The present article is devoted to the study of political views of one of the representatives of late Slavophilism – F.D. Samarin. The author mainly focuses on Samarin’s attitude to the idea of Zemsky Sobor that was very popular in Russian public circles in the beginning of the 20th century, and on his views on the possibility of the introduction in Russia of a representative body, even if only of deliberative nature. That issue was very important for Samarin as Slavophile, as he’d accumulated great experience of practical work in Zemstva. The author shows the sources of Samarin’s skepticism regarding the concept of representation and turns to the analysis of his own reformative ideas that he offered as alternatives to constitutional reforms and introduction of a new law-making deliberative body. The author pays special attention to Samarin’s attitude to the autocratic monarchy and his belief that the monarch could grant various freedoms to his subjects (freedom of religion, freedom of press, freedom form administrative and police despotism) while still remaining autocratic and not restricting his power by adopting constitution and formation of the Parliament.

Keywords: Late Slavophilism, F.D. Samarin, Autocracy, Zemsky Sobor, Zemstvo, Society, Representation.

http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-2-412-431

Светлана Скороходова

«Сила Моя совершается в немощи»: болезнь и кончина Ю.Ф. Самарина

Ю.Ф. Самарин – выдающийся русский мыслитель, истинный патриот и общественный деятель. Далее речь пойдет о том, о чем известно мало, – о телесных недугах Самарина и последних днях его жизни. Письма друзей и родных философа, приведенные в статье, помогают создать более развернутую и живую панораму событий.

Первый раз мысли о собственной смерти посетили Самарина после гибели Пушкина (28 января 1837 года). Когда в университете семнадцатилетнему студенту передали листок со стихами Лермонтова «На смерть поэта», странное чувство охватило его: он увидел в этом событии пророчество о своей собственной судьбе. В письме к Пако, гувернеру и другу [см. 22], есть такие строки: «*В судьбе Пушкина я прочел свою собственную* [выделено мной. – *С.С.*]. Господь не создал меня поэтом; но и *у меня страсти* [выделено мной. – *С.С.*] и <…> чувство прекрасного и истинного, которое заглушает во мне правила условного приличия и наставления пошлой морали; я тоже могу каждую минуту драться на дуэли за идею, ломать шпагу, чтобы защитить воспоминание о счастье, которое бежит от меня; я могу подавлять в себе порывы оскорбленного сердца; мне знакома эта борьба, которая терзает человека <...> Да*, может легко случиться, что я умру насильственной смертью, и тогда что ожидает меня? Кто сохранит обо мне дружеское воспоминание? Кто будет молчать, когда люди станут осуждать меня, люди, которые не проникли в глубину моего сердца? Боже мой…* [выделено мной. – *С.С.*]» [20, л. 38]. Будущий философ почувствовал, что он должен будет принести «великую жертву».

По свидетельству Н. Виноградского, личного врача Самарина, «до 1859 года, то есть до службы в Редакционной комиссии, он [Самарин] пользовался всегда отличным здоровьем; никто никогда не слыхивал, чтобы Юрий Федорович бывал не только болен, но и нездоров» [21, л. 36]. Философ бывал легко одет во время охоты, но никогда не простывал.

В 1859 году, в период работы в Редакционных комиссиях, Самарин заболел едва ли не первый раз в жизни. В.А. Черкасский поехал к нему и остался ночевать. Это было 6 августа 1859 года [21, л. 36]. По словам князя, Юрию Федоровичу было очень плохо, ему казалось, что он умрет или сойдет с ума. Черкасский принял последнюю исповедь больного и, *по его желанию*, читал всю ночь *Евангелие о воскрешении Лазаря* [см. 26, л. 4]. Однако сильное кровопускание и лекарства помогли. С той тяжелой ночи «началась <…> дружба и взаимное доверие» [26, л. 4] Самарина и Черкасского.

В апреле 1864 года Самарин уехал за границу совсем больным. С этого времени он вынужден был часто лечиться за границей. В одном из писем он признавался: «…мое

Скороходова Светлана Игоревна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. E-mail: svetloyar.skorokhodova@yandex.ru

здоровье в одном положении, то есть со дня на день хуже. Надежды на выздоровление я не имею никакой. Придется умирать медленно и постепенно; впрочем, я далек от уныния и надеюсь рассчитаться с жизнью непостыдно» [6, с. 196].

Н. Виноградский, личный врач Самарина, вспоминал: «Юрий Федорович действительно жаловался на бывающие у него изредка замирания сердца и как бы остановки биения его, состояние в высшей степени тоскливое, несносное, напоминающее ему, как он говаривал, наступавшую смерть, в эти моменты у него с необычайной силой и быстротой, как бы гонимые ураганом тучи, неслись и складывались в фантастические образы всевозможные воспоминания, начиная с детских лет; мысли одна другой чуднее громоздились, летели <…> “и приятно, и страшно”, говаривал покойный; после подобного припадка Юрий Федорович впадал в легкое бесчувствие, слабость. Раз, смеясь, рассказывал он, нечто подобное с ним случилось в Петербурге и в начале нынешнего [1876] года» [21, л. 3]. Предполагаемое ожирение сердца ни московские, ни петербургские врачи не смогли подтвердить [21, л. 3]. Врачи не могли диагностировать болезнь Самарина. В письме матери Юрий Федорович писал: «Я плохо верю в медицину и в действие вод в особенности, терпеть не могу однообразной суеты на чужбине и, напротив, очень бы хотелось попасть поскорее в Васильевское; с другой стороны, в мои лета не приходится откладывать с году на год тех средств, которыми есть хоть какая-то надежда поддержать себя, особенно когда это средство под рукою и когда нельзя быть уверенным в том, что на следующий год можно будет одинаково удобно располагать собою» [12, л. 636].

В Варшаве он впервые обратил внимание на то, что его правый глаз не видит [21, л. 36], и 3 июля 1864 года писал из глазной клиники в Берлине Кошелеву: «То, что Вы рассказываете о своем глазе, совпадает совершенно с первыми, начальными признаками моей болезни, которую я по неопытности запустил. Сперва я видел мутно, потом образовался темный круг на том месте, куда я устремлял взгляд. Этот круг постепенно расширялся так, что теперь я решительно не могу правым глазом ни читать самой крупной печати, ни целиться из ружья. Приходиться этому глазу приписать чистую отставку с благодарностью за сорокапятилетнюю усердную службу. То же самое угрожает и Вам. Прошу Вас убедительно не терять ни единого дня и немедленно приехать в Берлин посоветоваться с доктором Греффе. В моем положении изменения так редки, что об них трубят, как о чудесах, и я поддался на опыты только для очистки совести. Вы еще не упустили времени; Вам пособить можно. У Вас <…> болезнь местная, исключительно глазная, что также облегчает лечение и увеличивает надежду на выздоровление» [10, л. 44]. Самарин, несмотря на осознание безнадежности своей болезни глаза, надеялся на выздоровление. «Обидно, что разучусь хорошо стрелять» [21, л. 36], – говорил он. Но чуда не произошло: «Глазу не хуже, но и не лучше прежнего» [12, л. 287].

Летом 1873 года Ю.Ф. Самарин в своем самарском имении получил известие, что мать его, жившая в то время в деревне около Серпухова, «сильно занемогла» [21, л. 36]. Самарин, не теряя ни минуты, тотчас поскакал к ней. Затем, дожидаясь парохода в Сызрани на пристани, неосторожно упал в «люк» (?) и ушиб левую ногу ниже колена. В письме М.П. Погодину от неизвестного лица сообщалось, что Юрий Федорович не обратил никакого внимания на ушиб [см. 8]. Только после возвращения в Самарское имение он почувствовал, что у него сильно разболелась нога. «Ему сделали разрез. Общее состояние здоровья было весьма серьезное. Петр и Дмитрий привезли его в Москву в изнеможении. Сделали 7 разрезов более или менее глубоких, вставили длинные трубки» [8]. Юрию Федоровичу то становилось лучше, то делался сильный жар. Его лечил Н. Виноградский. В ноябре-декабре 1873 года Самарин писал И.С. Аксакову: «Не могу отказаться от лежачего положения и ступить на больную ногу» [11, л. 85]. Сохранилась записка Юрия Федоровича Погодину: «Поздравляю с приездом и очень рад буду Вас видеть. Всего лучше вечером

от 6 часов и до поздней ночи, потому что утром бывают доктора в неопределенные часы, частые перевязки и т.п. Я сильно ушиб ногу, сделалось воспаление, потребовалось сделать 6 разрезов, но теперь мне гораздо лучше. Пишу лежа и, как видите, еще нетвердой рукою. Надеюсь, до скорого свидания. Преданный Вам, Юрий Самарин» [7, л. 34]. Следует заметить, что переписка Самарина и Погодина 1867–1873 годов свидетельствует об их теплых, дружеских отношениях. Например: «Любезный Михаил Петрович, я оставил за собой квартиру, если Вы удовольствуетесь видом на <неразборчиво> готика, то милости просим ко мне. Лестница не крутая и везде много скамеек» [7, л. 9].

По мнению Н. Виноградского, болезнь Самарина 1873 года была «прообразом» его последней болезни в Берлине, которая привела к смерти. Доктора боялись за его жизнь и тогда, в 1873 году. Однако в тот раз он выжил и поправился.

Из Васильевского 20 ноября 1875 года Самарин приехал в Москву. Мария Федоровна подробно описала его краткое пребывание в Москве, «последнее пребывание на земле с сестрой». «Он просыпался в 7 часов утра, стремительно вскакивал с дивана и вновь спешил на какое-то заседание. Он был нервен, духом неспокоен, куда-то все спешил, не поспевал, куда собирались съездить. Таким образом прошли 6 недель. Разговоров задушевных было мало, рассказов оживленных, которые мы так любили и к которым так привыкли, не было вовсе. Мы видели его часто, но мало были с ним, он как будто намеренно отлучал нас от себя, чтобы незаметно навсегда ускользнуть из наших объятий. А предчувствие близкой смерти ему, несомненно, было дано свыше и жило в нем упорно. Доказательством тому служат его постоянные намеки о том в разговорах, приведение в порядок всех писем от разных лиц перед выездом из деревни “на случай смерти”. <…> В первых числах декабря Юрий Федорович быстро влетает в гостиную, где все уже собрались к обеду. – “Это что?” – сказал он, взглянув на маменьку в мрачном черном креповом чепце. “Ты разве не знаешь, что я в трауре по племяннице?” “Да ведь она уже более двух недель как скончалась, и зачем это Вы сегодня вздумали надеть этот отвратительный черный чепец, не понимаю?” – Начались по этому поводу прения, объяснения, которые Юрия Федоровича, разумеется, не убедили. Кончилось тем, что он поднял маменьку с дивана, под руку повел ее в спальню и сказал весьма настойчиво: “Прошу Вас снять этот чепец, что же Вы наденете после моей смерти?” Полусмеясь, полусердясь, Маменька надела белый чепчик, и черный креповый, тот же самый, ей подали надеть ровно через 4 месяца, 20 марта.

Еще в августе, когда Юрий Федорович приезжал на несколько дней, мы все были поражены его страшной, слишком быстро достигнутой худобой. К концу ноября, по приезду из Васильевского, он еще более изменился, и я неоднократно убедительно просила его отказаться от, видимо, иссушивающей его диеты бентинга, а также не предпринимать в Берлине предположительного лечения какими-то теплыми ваннами. Я страшно опасалась для него при этом простуды в холодных немецких квартирах» [3].

17 декабря 1875 года Юрий Федорович, выходя из Думы, пошатнулся и, когда его поддержали, сказал: «Ничего, ничего, не думаете ли вы, что я в самом деле еду умирать за границу?» [3].

25 декабря 1875 года Самарин отправил письмо С.М. Ключевскому: «Милостивый государь, Сергей Михайлович, я желал бы почтить память двух деятелей, честно прослуживших русскому просвещению, и в то же время выразить глубокую признательность Московскому университету учреждением двух стипендий, каждой в шесть тысяч рублей: одной по историческому отделению Славянского факультета – имени Алексея Степановича Хомякова, другой по филологическому отделению того же факультета – имени Константина Сергеевича Аксакова. <…> честь имею обратиться к Вам с покорнейшею просьбой исходатайствовать разрешение на учреждение при Московском университете упомянутых

двух стипендий. Примите, милостивый государь, уверение в глубоком почтении и преданности, готовый к услугам Вашим, Юрий Самарин» [16].

Мария Федоровна писала: «29 декабря, утром, он простился с нами как-то второпях, говоря, что разлука предстоит недолгая, и вечером поехал в Петербург, где непременно хотел встретить Новый год у баронессы Раден» [3].

Итак, в декабре 1875 года с шестым выпуском «Окраин…» Самарин выехал из Москвы в Берлин, последний раз свидевшись по дороге в Петербурге со своим верным другом баронессой Раден. В Петербурге он встретил свой последний, 1876, Новый год. Из Берлина он писал матери 18/6 января: «Любезная маменька, посылаю Вам из Берлина первую весть и поздравляю с Новым годом. Он начался для меня в полном одиночестве, в гостинице, где ничего не развлекало и не мешало мысленно пребывать на Ордынке. Я намеревался было окончить 75 и встретить 76 год у баронессы Раден и просидел у нее до 11 часов; но у меня сделалась такая невыносимая зубная боль, что я вернулся домой [в гостиницу] и всю ночь напролет не мог уснуть; к утру все прошло. В Петербурге я провел три дня, виделся со всеми старыми друзьями и с Оболенским» [12, л. 455].

Философ приехал в Берлин 4 января 1876 года, прожил там безотлучно два месяца, в первых числах марта съездил на неделю в Париж повидаться с братьями и друзьями, затем 7 марта снова вернулся в Берлин и оставался там до самой своей кончины, последовавшей 19 марта.

Из Берлина в начале 1876 года Самарин писал Е.А. Черкасской: «Вышел первый том полных собраний сочинений Герцена, с его дневником. Из 20–25 упоминающихся личностей в живых только трое – А.П. Елагина, Строганов, Самарин. 1842–1845 гг. Не могу сказать, что они относились беспристрастнее к нам, чем мы к ним. Признаюсь, меня более всего поражает в этой скорбной и трогательной исповеди, что самая убедительная апология брака как святыни, которую мне довелось читать, вышла из-под пера человека, систематически отвергавшего ее. Бессознательный и невольный траур души жены Герцена. Она почувствовала утрату чего-то незаменимого, что-то порвалось внутри, а осталась одна пустота. Внутренние запросы Герцена были гораздо шире, чем та система, в которую он забил свою личность. Объективная реальность, имеющая значение и свое бытие помимо субъективного настроения двух сливающихся в ней личностей, – святыня» [18, с. 238]. Другой целью поездки Юрия Федоровича было изучение земских учреждений Пруссии. В этих занятиях прошло двухмесячное пребывание философа в Берлине.

На этот раз философу было как-то неуютно в Берлине. Он мерз в гостинице: «Здесь тоже были сильные морозы, доходившие до 23°С, но теперь стало теплее и можно ходить в теплом пальто» [12, л. 458]. «Я здесь веду образ жизни монастырски правильный, встаю и молюсь всегда в определенный час, всякий день <…> ем и пью постоянно одно и то же; но занятия мои в той мере, в какой они зависят от типографии, продвигаются медленно и я предвижу, что мне придется просидеть здесь дольше, чем я предполагал и чем я желал. В посольской церкви я присутствовал на панихиде по В.К. Марии Николаевне. Помните ли, ровно 30 лет назад, в 1846 г., Вы с Машей приезжали в Петербург и мы с Вами были на балу у покойной Великой Княгини, которая в то время пленяла всех нас своей красотой, веселостью, неутомимостью и грациею? С тех пор я ни разу с нею не встретился, и, молясь за покойницу, после долгих страданий и мучительной болезни представившейся на суд Божий, я все-таки видел перед собою тогдашний светлый образ, кружившийся в пестром вихре…» [12, л. 463, 465]. В Берлине Самарин отказался от прежнего строгого мясного рациона: «Я теперь не без удовольствия съедаю ежедневно маленький хлеб, две картофелины и два куска сахара с чаем и кофеем» [12, л. 460].

19 февраля 1876 года Самарин, однако, отступил от своей диеты: «Отправился я в ресторан, спросил полбутылки шампанского и мысленно чокнулся со всеми близкими, со

всем русским народом; нужно было видеть, в каком изумлении смотрели на меня кельнеры, вовсе не привыкшие к тому, чтобы за моим более нежели скромным завтраком красовалось шампанское» [21, л. 114].

21 февраля Самарин писал из Берлина: «В Германии я вижу самую большую опасность, угрожающую будущности моего отечества; тем не менее я не могу без глубокой скорби смотреть на это органическое разложение, совершающееся под внешним видом политического могущества, достигшего своего апогея. В политике это – обожание успеха и поклонение золотому тельцу; в философии – материя, развивающаяся до полного самосознания по законам физической, химической, механической и физиологической необходимости; в области социальной – переделка всех исторически сложившихся учреждений с признанием только одного регулятора – манчестерства, то есть увеличения производительности как высшей цели самой по себе; в области семейной – личное хотение как единственная основа всех отношений; наконец, в деле воспитания – развитие и направление инстинктов» [19, с. 7].

Из Берлина философ решил съездить в Париж к больному Черкасскому. В феврале 1876 года он писал брату Петру: «Любезный Петя, в Москве я взял поручение к дочери Герцена; не могли дать ее адреса, а дали адрес <…> бывшего московского книгопродавца, от которого я узнал, что она в Париже проживает. Эту записку я повез с собою, но непостижимым образом затерял (она хранилась у меня в пачке, которую я ни разу не трогал <…> поэтому прошу тебя к моему приезду через Тургенева справиться об адресе дочери Герцена. Для меня это важно, потому что я проживу в Париже не более 3 дней, чтобы не тратить времени на поиски. Не могу добиться адреса бедной А.П. [Авдотьи Петровны], которой я постараюсь писать. Здесь вышел на немецком языке разбор “революционного консерватизма”…» [15].

Пребывание Самарина в Париже подробно описала княгиня Е.А. Черкасская. «Юрий Федорович приехал 2 марта в 9 часов утра. Юрий Федорович шутил над Александрой Павловной. Он спрашивал у нее: “Ну что бы ты сделала, если б я умирал на острове Мадагаскар или на мысе Доброй Надежды, а на другом полушарии одна из Лопухиных выходила замуж, кому бы ты дала предпочтение, куда бы ты поехала?” “Уж, конечно, к Вам, – отвечала Александра Павловна, – и что за шутки!”

Когда я вспоминаю разговор того утра, мне остается то впечатление, что у меня захватывало дух от напряженного внимания, так он был богат самым разнообразным содержанием; видно было, что Юрий Федорович давно не находился в обществе близких ему друзей, потому беседа его была необыкновенно дружественна и искренна. Много интересного говорил он о Германии и о Берлине. Видно было, что он изучил все стороны немецкого быта, все изменения, произведенные последними событиями, и то, что можно ожидать в будущем от влияния элементов социалистических и еврейских, настолько враждебных христианству, сколько стоящих вне его. Эта была не прежняя столь знакомая ему поэтическая Германия, но, однако, он относился с глубоким уважением ко многому, виденному им в Германии; он не мог нахвалиться немецкими чиновниками, их трудолюбием, честностью и ученостью и прибавил, что они много содействуют величию Пруссии. Они с готовностью помогали Юрию Федоровичу в его трудах и изысканиях. Он рассказывал также, что они, бедные чиновники, просили позволения дать ему перед отъездом скромный прощальный обед. Позднее узнали мы все подробности этого обеда и то глубокое впечатление, оставленное на них Юрием Федоровичем, говорившим с ними языком Гете и Шиллера, защищавшим свои убеждения и поразившим их глубиною своей мысли и знаний.

Теперь в нашей гостинице в Париже он живо рассказывал о прениях в палатах Берлинских, о Бисмарке, о королевской фамилии и о философских новых учениях. Он рассказывал, что в Берлине считают принцессу Прусскую <…> последовательницей учения Шопенгауэра и Гартмана, говорил, что она пошла далее их и вдалась в совершенный буддизм.

Королевскую фамилию Юрий Федорович разглядывал в нашей посольской церкви на панихиде по Марии Николаевне; заметил и их строгое приличие и сдержанность, то чувство долга, взаимных обязанностей, отличающих все немецкое общество; чувство, что они пользуются многими преимуществами и всегда подлежат строгому суду; все это так не похоже на нашу распущенность и безалаберность.

Юрий Федорович привез князю несколько книг, между прочим, последний том "Материала по истории освобождения крестьян", нужный князю; он также отдал князю взятые у нас "Записки Фанни Лир" с видом глубокого отвращения и сказал, что в этой книге, однако, есть любопытные эпизоды, которые имеют исторический интерес.

Нас Юрий Федорович дразнил пристрастием к Парижу. Юрий Федорович говорил, что слышал много лекций в 64 году, между прочим <…> и давно пришел к убеждению, что французы не способны к философии и что в современной Франции был один философ и богослов, угадавший вполне много мыслей Хомякова, это Bordas des Monlin; Юрий Федорович утверждал, что Хомякову давно уже были знакомы сочинения Bordasa и что у него самого есть все сочинения этого писателя, кроме одного, которое он тут же записал и поручил князю при случае купить.

Говорили и о домашних делах: о том, что Государь принимал представителей дворян Балтийской губернии, чтобы успокоить их после тревоги, причиненной уничтожением Рижского генерал-губернаторства. Вся эта аудиенция была крайне неловко устроена, как рассказал об этом с сожалением Юрий Федорович. Отпустив своих дворян, Государь опять позвал их и сказал лестное слово о известных ему их рыцарских доблестях и верноподданичестве – точно поспешил высказать заученный, но забытый урок.

Юрий Федорович рассказывал, что принц Фридрих Карл был в восторге от своего Курляндского путешествия и говорил ему, что "был, как дома". Юрий Федорович ему на это возразил: "Ну что если б один из Ваших великих князей вздумал прокатиться по чешским поместьям или по Галиции, стал ли бы он хвалиться перед немцами радушием встречи и родственными связями с туземцами? На это, – продолжал Юрий Федорович, – Принц сделал ту глубокомысленную гримасу, которая выражает у великого дипломата: не следует вам заниматься этими вопросами. Добрый человечек, а уж как глуп!" – кончил со вздохом Юрий Федорович.

Разговор продолжался бы, верно, очень долго, если б не пришел скучный непрошеный гость (старый князь Урюсов). Князь сейчас же убежал, а Самарины ускользнули в боковую дверь.

Вскоре все наше общество собралось к обеду. Когда мы с Юрием Федоровичем пошли к столу, меня поразила худоба его руки, я ему это заметила, упоминая необходимость лечиться; он отшучивался, упрекая в пристрастии к толстым из любви к мужу, и, указывая на Ханыкова, говорил, что не хочет быть на него похожим. Обед был довольно веселый. Юрий Федорович был, видимо, утомлен, и голос его нам показался необычайно слаб. Вечер прошел в разговорах.

На другой день, в среду, мы сидели за завтраком, когда вышел к нам Юрий Федорович. Я ему сказала, что только что пришла от обедни, и стала говорить, какая здесь славная церковь, какая прекрасная служба и как бы хорошо, если б он остался здесь на Страстную с Петром и Николаем Федоровичами, но Юрий Федорович отвечал: "Какое здесь, в Париже, говение; это нужно делать в Москве, я туда спешу, там проведу последнюю неделю и встречу Пасху с маменькой". После завтрака Юрий Федорович оставался недолго. Юрий Федорович говорил, что ему нужно галстуков и белых перчаток, и решено было отправиться в магазин "Лувр".

Сколько я помню, в это утро много говорили о Герцене и о тех не напечатанных отрывках, которые были переданы семейством Ханыкову и Тургеневу. Несколько дней до

этого мы все читали эти заметки с большим интересом; и Петр Федорович говорил, что как было бы хорошо, если б Юрий Федорович остался несколько лишних дней для того, чтобы их пересмотреть. Юрий Федорович много расспрашивал о них и сказал, что имеет поручение к дочери Герцена и поедет на другой день. Говорили также о Петре Александровиче и о его отъезде в Черногорию; я выразила беспокойство на его счет, и Юрий Федорович отвечал мне, что он этого не понимает и что эта интересная и вполне полезная деятельность может вызывать чувство зависти.

Самарины и князь встретились с Тургеневым и Ханыковым, сговорившись ехать обедать в ресторан. <…> Александра Павловна с Философовой, кажется, была на лекции Garo, потом она ко мне пришла и читала "Анну Каренину", после этого она отправилась обедать в этот ресторан, но с четой Чертковых.

Вечером опять все к нам собрались, но мужчины возвратились поздно: у нас уже давно сидели гости – Александра Николаевна Бахметьева с мужем, только приехавшим из Италии, и Екатерина Алексеевна Хомякова. Юрий Федорович подошел с особенным радушием к первой и поблагодарил ее за заботы о Екатерине Алексеевне. – "Катя писала постоянные акафисты на Ваш счет". Потом он спрашивал о Екатерине Федоровне Тютчевой, которую Александра Николаевна видела за несколько дней в Ницце. Там уже начиналась весна, которою восхищалась Екатерина Федоровна. В продолжение вечера Юрий Федорович вспоминал старые московские времена и тот костюмированный бал, данный у Самариных, на котором Александра Николаевна была в костюме гречанки, который ей удивительно шел. – К Екатерине Алексеевне Хомяковой Юрий Федорович подошел со словами: "Что это за улыбочка? Отчего вы надо мной все смеетесь?" Потом он расспрашивал ее о семействе и говорил о письмах Алексея Степановича. Кажется, он привез <…> множество писем Алексея Степановича и Екатерины Михайловны. Перед уходом Екатерины Алексеевны он опять подошел к ней и с грустной настойчивостью говорил об этих письмах: "Да уговорите же Дмитрия, чтобы он занялся напечатанием, скажите ему, чтобы он не мешкал. Да приструните же его! Я готов ему помочь, сколько возможно". Он говорил, что молодой Веневитинов обещался отыскать письма в бумагах отца. Гости разъехались, я ушла спать, но, мне кажется, Самарины еще долго оставались с князем.

В четверг мы должны были обедать у Тургеневых. Князь заранее принял приглашение и обещал за Юрия Федоровича, что он будет. Юрий Федорович покорился, но он это сделал не совсем охотно: сначала он решительно не хотел ехать к Тургеневым, но потом согласился и поехал; в этот же день он сделал также много других визитов: взошел к Ольге Смирновой, жившей в одной с ним гостинице; отказался обедать у нее, на следующий день он очень ее расхваливал; был у Бахметьевых, у дочери Герцена, которую не застал, но исполнил поручение через ее зятя; навестил графиню Левашову и сидел у ней довольно долго; прекрасное впечатление, произведенное ею на него в Швейцарии за год тому назад, возобновилось теперь – но с новым оттенком. Юрий Федорович познакомился с ее мужем и потом хвалил ту необыкновенную ловкость и находчивость, с которою она умела втянуть в разговор своего мужа и вовремя его выручить. <…> Юрий Федорович упомянул о заграничной статье против русских публицистов, которую он приписывал Валуеву.

К обеду все общество собралось у Тургеневых. Юрий Федорович еще прежде уговаривал нас не засиживаться. Обед был, по обыкновению, однообразный и длинный; Юрий Федорович грустнел и поразил меня своей необыкновенной худобой. Вскоре после обеда он уехал и, прощаясь с хозяевами, внушительно на нас посмотрел, как бы напоминая обещание скоро уехать; мы, однако, еще посидели. Приехав домой, мы нашли там Юрия Федоровича, пришли и Самарины. Юрий Федорович стал бранить французов, их неумную участливость и сказал, что, приехав домой, должен был съесть кусок ростбифа от голода; потом говорили о семействе Тургеневых, об их космополитизме, отсутствии важных

интересов. Юрий Федорович обратился ко мне почти с упреком, осуждая мои желания и говоря, что только матери простительно увлекаться мечтами о замужестве дочери и что как можно было подумать отдать прелестную Ласточку в кабалу сладкой, но деспотичной Марии Карловны. Юрий Федорович как-то по-детски был доволен, что все были дома и попросту пили чай.

Уже я и раньше слышала о том, что он написал рассуждения для своих берлинских друзей о богословских предметах; теперь он принес тетрадь, чтобы ее прочесть, когда я уйду спать; не понимаю, как я не отвоевала себе права остаться; не казалось ли мне слишком трудным рассуждение о таком отвлеченном предмете на немецком языке? Александра Павловна была не так здорова и тоже ушла.

В пятницу мы обедали у Рахмановых, там были и Чертковы; Юрию Федоровичу очень понравился Чертков, он хвалил его и говорил, что его лицо внушает большое доверие. Помню, что мы сидели до обеда перед камином, и я, собравшись с духом, стала уговаривать Юрия Федоровича лечиться в Париже; я видела в его добром взгляде и ироничной улыбке, что не было ни малейшей надежды на успех; сначала он отшучивался, но потом говорил об удовлетворительном состоянии своего здоровья и об избытке своих умственных сил. Петр Федорович сказал несколько слов в мою защиту, упоминая то возбужденное состояние, которое требует лечения и покоя; но он это сказал как-то неохотно, и я потом узнала, что они с князем сговорились не приставать к Юрию Федоровичу с напрасными увещаниями.

Вечер прошел в разговорах и шахматах, Юрий Федорович расспрашивал у Тургенева и Ханыкова о последних годах жизни Герцена и о его семействе; тут Юрий Федорович повторил сказанное им прежде, что из всех, знавших Герцена в первый период Московской жизни, в живых остались только старушка Елагина, Строганов и он сам. Я стала ему возражать, называя всех тех, которых только могла припомнить: Корш, Кетчер, Бакунин и Ефремов (последний умер на другой день после смерти Юрия Федоровича). Иван Сергеевич [Тургенев] говорил больше всех с обыкновенной своей любезностью; но, боже мой, как меня поразила в этот день огромная разница между ним и Юрием Федоровичем, разница в нравственном уровне и духовных потребностях.

Тургенев говорил о различных парижских личностях, между прочим, о Ренане, и Тургенев рассказывал, что он имеет талант к легкому разговору, в чем он и упражняется в двух или трех парижских салонах. В этих салонах хозяйничали дамы, некогда известные своей красотой и имевшие несколько двусмысленную репутацию. Потом Иван Сергеевич стал рассказывать про какую-то М.С., игравшую большую роль в последней империи и известную странностями. Все это мало интересовало Юрия Федоровича. В 11 часов приехали из цирка Чертков с Катей.

Настала суббота. Я проснулась с грустным чувством предстоящей разлуки. Я старалась уверить себя, что грустить неблагоразумно и что скоро пройдут март и апрель и мы в мае соберемся на Ордынке, будем опять с Юрием Федоровичем на этом милом балконе, откуда он так любил смотреть на Кремль и слушать вечерний звон замоскворецких колоколов.

В это утро Юрий Федорович пришел к нам довольно рано, посидел с нами, потом пошел в свою гостиницу для окончательной укладки. В это время я пошла к доктору, а князь пошел покупать провизию к завтраку. Вскоре мы все опять собрались. Юрий Федорович, распростившись со своей гостиницей, ужасно хвалил ее и услужливость людей, особенно одного Григория. Помню, что тогда же заезжала графиня Левашова, которая надеялась, кажется, видеть Юрия Федоровича. По данному внизу приказанию ее не пустили, потом мне было жалко; я думаю, что это доставило бы удовольствие обоим.

В это утро разговор Юрия Федоровича был так же полон содержания, так дружелюбен и мил, как в первый день приезда, но вид его был бодрый, голос крепче; он опять повторил, что доволен своим здоровьем и более, чем когда-нибудь, расположен работать.

Он говорил, что после шестого тома "Окраин…" он напечатает оставшиеся у него материалы и кончит обращением к публике с упреком ее равнодушия к этому изданию. Он напомнил о начатом труде "О податной системе", о сношениях с Дитрицем и его участии. Он говорил, что после этого настроен посвятить себя богословским и философским трудам. Много говорил он о Думе, упрашивал не оставлять ее; говорил, что сам намерен работать там весной и отстоять вопрос о пожарных командах и обличить двуличие князя Долгорукова по этому вопросу.

Он упоминал о труде, предпринятом князем: "История освобождения крестьян". Требовал, чтобы показали ему его, и очень упрашивал князя не оставлять этого дела. Много говорил он о деле ссудного банка; возвращался не раз к рассказам о Берлине; рассказывал, что он снял шляпу перед бюстом Гегеля. Повторил о влиянии еврейского элемента на будущее развитие немецкого общества, о чем писал баронессе Раден и Дмитрию Федоровичу. Юрий Федорович жалел, что не писал баронессе Раден из Парижа, что следовало ее предупредить о том, что повесть Тургенева "Живые мощи", которую она хотела переводить, уже переведена.

Беседа наша была прервана самым неприятным образом: к нам вошел варшавский знакомый, пошлый старикашка Ежибинский. Пошли скучнейшие разговоры. Юрий Федорович шепнул мне: "Я воспользуюсь пребыванием вашего гостя для того, чтобы написать письмо баронессе Раден; это будет очень хорошо". Я усадила его за письменный стол, а сама пошла хлопотать о завтраке. Уже Юрий Федорович кончил писать, о завтраке несколько раз докладывали, а гость все сидел; наконец князь решился его выпроводить, сказав, что у нас проводы. Мы пошли завтракать, потом опять возвратились в гостиницу и там перед камином была последняя наша беседа с Юрием Федоровичем.

Он был как-то особенно дружественен; говорил об Ордынке, о Маше и о выездах Мани, говорил о литературе, об "Анне Карениной", которую он взял с собой и из которой Петр Федорович прочел страничку, где *как будто было подражание разговорам Юрия Федоровича* [выделено мной. – *С.С.*]; при этом чтении у Юрия Федоровича было очень грустное лицо. Более всего говорил он о сельских школах; видно было, какое отрадное впечатление оставили на него занятия с крестьянскими детьми; он всю осень занимался с ними, заменяя заболевшего законного учителя; он также устроил воскресные классы для старших, за которые назначил плату в рубль для того, чтобы эти занятия имели характер серьезного дела, а не его личной прихоти.

Он говорил также о будущей центральной школе, звал нас на ее освящение, дружественно выражая то удовольствие, которое доставило ему наше общее посещение. Говоря о чтении для детей, он заметил, что не понимает, каким образом так охотно дают Псалтырь в детские руки, которого они никак понять не могут; кроме трудностей славянского языка, не свойственен детскому возрасту этот крик высокой, но утомленной и пресыщенной жизнью души.

Грустное время приближалось. Еще незадолго он говорил мне, что намерен прочитать мне мораль, что я только других умею бранить и что мне самой нужно напомнить о моем здоровье.

Вскоре начались прощания. Почти ежегодно приходилось так прощаться, почти ни разу не случалось, чтобы я это делала, не подумавши о том, что, может быть, уже не встретимся на земле; и сам он всегда казался под влиянием грустных предчувствий.

Теперь мы как будто старались удалить от себя мрачные мысли.

Но, когда он исчез из наших глаз, ушел один, никем не провожаемый, сердце сжалось! Казалось мне, что мы легко мысленно отдаем наше лучшее сокровище, сокровище этой сильной, высокой души, которая поддерживала и озаряла друзей своих среди житейской борьбы; что мы легко мысленно уступаем его каким-то неведомым силам, отнимающим его у нас за то, что мы его не довольно ценим» [25].

Перед отъездом в Берлин Самарин купил, по его словам, «на всю жизнь» [23, л. 38] две дюжины белых перчаток и, по свидетельству Петра Самарина, прочел друзьям новые рукописи будущих статей о существовании Бога и Его постижении, о чуде [23, л. 39]. Он читал в больших круглых очках, стараясь сберечь здоровый, но уже слабеющий глаз [23, л. 39].

Самарин задумал также написать критику на романы Толстого, в которых описывается «идеальный, дикий человек» [23, л. 40]. «Толстой прямо не высказывает, что это его идеал, – говорит Юрий Федорович, – но в “Войне и мире” он, так сказать, рекомендует читателям Безухова, а в “Анне Карениной” оценка всех лиц производится с точки зрения самого Левина. “Я разберу Левина и докажу ничтожность его содержания. Хороши, между прочим, его воззрения на общественную деятельность”. Разговор за обедом у Облонского: “Какая бедность содержания! Насколько в этом отношении немецкие романы стоят выше наших”»[23, л. 40].

Впечатление, которое произвел Самарин на друзей в Париже, «было зловещее» [23, л. 37]. «При страшном истощении тела в нем поражало чрезмерно возбужденное состояние нравственных и умственных сил. Разговор его, касаясь преимущественно вопросов общественных и богословских, был необыкновенно блестящ и поучителен. В отношении с нами проявилась особенная теплота сердца с оттенком благодушия. Вместе с тем он чувствовал в себе много энергии и говорил о задуманных им работах с полною надеждой довести их до конца в два года. Состоянием своего здоровья он сам был непритворно доволен и жаловался только на новые недуги, которые не представляли ничего опасного, действовали, однако, раздражительно на его нервы» [23, л. 37].

Ю.Ф. Самарин вернулся в Берлин в воскресенье вечером и остановился в “Britich Hotel”, в том же номере, который он занимал до поездки в Париж. Комната была высокая, большая и на солнечной стороне. Он был полон энергии и бодрости. По предположению родных, он вернулся в Берлин главным образом для того, чтобы сделать операцию, которой не придавал серьезного значения, и предполагал поспеть в Москву к Вербной субботе. У Самарина была незначительная рана, жировик, на правой руке, чуть выше локтя. Итак, Самарин «уехал из Парижа, потому что операция была делом решенным и отсрочена до возвращения из Парижа» [23, л. 37]. Он «никого не предупредил об операции, скрывал, как хочет употребить 10–11 дней до отъезда» [23, л. 37].

В день приезда он известил Дитрица о своем возвращении и просил назначить день обеда. Решено было, что обед состоится в четверг. Обед у Арапова Самарин перенес с пятницы на среду. Только на другой день, во вторник, Самарин побывал у доктора Левина и окончательно условился с ним, что операция будет сделана в среду на квартире Левина. Петр Федорович Самарин писал: «Вникая в это распределение времени, нельзя не быть пораженным, как мало значения Юрий Федорович придавал предстоящей операции. Многократные успокоительные уверения докторов, что на залечивание раны потребуется не более 3 дней, очевидно, изгладили в памяти воспоминания о той недавно пережитой им болезни» [23, л. 43].

В среду утром между 12 и 4 часами Юрий Федорович отправился на квартиру доктора Левина. Там ему сделал операцию доктор Вольф, приват-доцент Берлинского университета, который и вырезал ему небольшую жировую опухоль (величиной с орех) в верхней части правой руки. «После операции рану перевязали и подвязали, посоветовали

пациенту чаще менять холодные компрессы и по возможности держать ее в спокойном положении. Доктор Левин уверял, что он никогда не советовал Юрию Федоровичу делать эту операцию, потому что считал ее совершенно излишней, хотя и безопасной. Оба доктора полагали, что на лечение раны потребуется не более 4 дней и трагический ее исход они объясняли неосторожностью Юрия Федоровича и неисполнением их предписаний.

Следовало прикладывать примочки и сидеть дома, но философ через несколько часов после операции пошел к Араповым. Он немного опоздал, в чем любезно извинился перед хозяйкой. Он пробыл у Араповых до 9 часов вечера, был, по обыкновению, оживлен и разговорчив и, прощаясь, сказал, что через несколько дней уезжает в Москву. Араповы не заметили в нем никакой перемены и не подозревали, что он перед самым обедом выдержал операцию»[23, л. 44].

На другой день, в четверг, состоялся обед в его честь, устроенный прусскими чиновниками у доктора Дитрица, с которым Юрий Федорович познакомился и сошелся по поводу его занятий податочным вопросом. Доктор Дитриц составил для него записку о прусской податочной системе.

«Обед был на квартире доктора Дитрица, в небольшой низкой комнате. Всех собравшихся вместе с Юрием Федоровичем 8 человек, из них только трое были знакомы с Самариным. Ни хозяин дома и никто из гостей не знали, что его рука была оперирована. Юрий Федорович перезнакомился со всеми гостями, жал всем руку и был, по словам доктора Дитирица, чрезвычайно приветлив за обедом. Хозяин предложил тост за здоровье Юрия Федоровича, на который он ответил длинной речью и тостом в честь прусских чиновников. В этой речи, продолжавшейся более получаса, Юрий Федорович охарактеризовал взаимные отношения Пруссии и России с начала нынешнего столетия [с начала XIX века]; указал, с одной стороны, на могущественную помощь, которую Россия оказывала Германии после 12-го года, и в особенности так недавно своим дружественным настроением во время войны с Францией, и, с другой стороны, на пользу, которую Германия принесла России, передавая ей просвещение и свое научное богатство, вследствие чего каждый образованный русский питает к Германии чувство благодарности. Далее он высказал свой взгляд на развитие Пруссии и долго говорил о значении Штейна в эпоху возрождения Пруссии и преобразования правительственных учреждений. На этом камне, говорил он, играя на слове Штейн, – зиждется все нынешнее здание Пруссии. Он упомянул о личном уважении, которое питает к личности Штейна, и о том, что ему посчастливилось на днях приобрести очень хороший его портрет. Предание о Штейне и его бескорыстной и полезной деятельности сохраняется в прусском чиновничестве, которое им же создано и которому завидует вся Европа.

Наполеон I при всей своей гениальности мог создавать только солдат и маршалов, а не офицеров, Штейн же – офицеров гражданской армии – прусских чиновников, которые теперь составляют славу и силу Пруссии, и т.д. – Все присутствующие были очень очарованы как содержанием, так и блестящим изложением речи. После обеда, несмотря на просьбы хозяина и гостей, Юрий Федорович скоро уехал, извиняясь необходимостью заняться приведением в порядок и укладкой своих вещей ввиду скорого отъезда в Россию. Он казался утомленным и бледным, так что хозяин не решался слишком упорно настаивать на своей просьбе, но Юрий Федорович своим уходом расстраивал вечер, который все надеялись провести с ним» [23, л. 45].

На третий день после операции рука сильно воспалилась. В пятницу, по словам доктора, делавшего ему ежедневную перевязку, вся верхняя часть руки была красно-багрового цвета. Несмотря на это, Ю.Ф. Самарин приготовил телеграмму Д.Ф. Самарину, что едет в Москву, и в 11 утра, по обыкновению, отправился к доктору Левину. Доктор Левин, осмотрев руку, испугался, заметив изменения злокачественного характера, и стал убеждать

в необходимости лечь в больницу. От доктора Самарин зашел в книжную лавку. «Остальную часть дня он провел дома и, должно быть, чувствовал себя не очень хорошо, потому что в этот день вовсе не обедал, но рука все оставалась неподвязанною» [23, л. 45].

На следующий день, в субботу 14/26 марта, Юрий Федорович с утра начал укладываться, так как все-таки намеревался ехать домой, несмотря на ухудшение состояния его раны. Он думал осуществить задуманную программу, отказываясь только от остановки в Петербурге. «В бумагах его оказались три депеши на имя Дмитрия Федоровича, написанные им в субботу утром или в пятницу вечером; первая осталась неоконченною; он затруднялся, очевидно, определить день своего приезда в Москву без остановки в Петербурге и на том же месте сделал расчет дней» [23, л. 46].

«В обычный час, то есть в 11 утра, Юрий Федорович вышел пешком со двора, дошел сначала к Блоку, чтобы сделать последние распоряжения насчет “Окраин…”, и потом отправился к доктору Левину. Левин ужаснулся при его виде, он значительно изменился за последние сутки, и на оперированной руке уже началось рожистое воспаление. Левин советовал ему немедленно лечь в больницу, объясняя, что лечение не может продолжаться долго. Юрий Федорович не скоро сдался на его убеждения, но наконец взял от него рекомендательное письмо доктору Левенштейну, заведующему в Шенберге, предместье Берлина. В этом письме (которое доктор Левенштейн прочел родным [Самарина], хотя и не сполна), Левин рекомендовал Юрия Федоровича как своего приятеля Пейрака. От Левина Юрий Федорович зашел опять к Блоку, чтобы напомнить ему поручение Кошелева о высылке книг по части лесного хозяйства, и, прощаясь, сказал, что едет на несколько дней в окрестности Берлина, а потом вернется в Россию. Блок заметил выражение страдания на его лице и спросил: не болен ли он? Но получил ответ, что он совершенно здоров. Вернувшись домой, он с помощью швейцара вновь занялся укладкой, отделив в особый чемодан то, что хотел взять с собой в больницу, остальные вещи сдал на сбережение хозяина гостиницы. Расплатившись за номер, он нетвердыми шагами, как заметила прислуга, сошел с трехэтажной лестницы, дал швейцару адрес больницы с тем, чтобы он пересылал ему письма и газеты, и затем, забрав с собой чемодан и портфель, поехал на извозчике в Шенберг» [23, л. 46].

«Езды до больницы было не более 40 минут, но поездка его утомила, силы изменили ему, и он с помощью привратника вышел из коляски и, поддерживаемый им, поднялся до приемной доктора. Около получаса ему пришлось вести разговоры, врач больницы не хотел его принимать, увидев, что рана имела злокачественный характер; но письмо Левина и предложение внести деньги за целый месяц вперед наконец убедили его. – Юрия Федоровича приняли и поместили в комнату № 12 под именем Пейрака. Комната эта, маленькая и узкая, с одним окном на улицу, имела вид неприглядный. Кровать для удобства докторов стояла почти что посреди комнаты, изголовьем к окну. Помещение это, как кажется, произвело неприятное впечатление на Юрия Федоровича, потому что до дня кончины он не переставал справляться: скоро ли очистится другой, более просторный номер.

Все знакомые Юрия Федоровича, кроме докторов и швейцара Britich Hotel, предполагали, что он совсем уехал в Россию. Он этого и желал. Юрия Федоровича уложили в постель, измерили температуру» [23, л. 47].

Температура крови доходила до 40 градусов. Доктора потребовали, чтобы он не позволял никакого движения правой рукой. «Юрий Федорович неохотно, не без спора этому подчинился, выговорив себе, впрочем, час времени для утреннего туалета, в который он никого к себе не пускал, и это продолжалось до дня его кончины включительно. Уход и постоянный надзор за ним имели сиделка и надзирательница больницы Вильгельмина Ран».

Его навещали ежедневно три доктора – Левин, Вольф и Левенштейн. «И кроме того, при нем состоял один из врачей больницы, доктор Ойдтман» [23, л. 47]. Доктора объявили ему, что у него местное воспаление, но они не считали его состояние безнадежным.

«Вечером в субботу сделалась сильная дрожь, продолжавшаяся и поутру в воскресенье. После полудня сделался сильный жар и бред. Воспаление и опухоль руки все увеличивались, наверху руки оказались значительные подтеки с дроблением.

В понедельник, 15 марта, ночь была очень плоха, несмотря на прием хлорала, который дурно подействовал на больного; аппетит совершенно исчез, но была сильная жажда, одышка мучила его, и распухшие, воспаленные подплечные тельца причиняли ему сильную боль. Доктор Вольф сделал ему утром новый разрез, и после перевязки Юрий Федорович потребовал от докторов, чтобы они ему сказали, опасно ли его положение. Доктор Левин ему ответил, что болезнь его серьезна, потребует продолжительного лечения, что он находится в том периоде, когда обыкновенно делают свои важные распоряжения и пишут духовные завещания, при этом Левин напомнил ему о детях. Этого мне не нужно, ответил Юрий Федорович, мое духовное завещание давно сделано. Докторам показалось, что их отзыв не достаточно выяснил больному его опасность, но они не решились высказаться яснее.

Первые сутки, проведенные в больнице, и в особенности ночь с воскресения на понедельник после приема хлорина, были, как кажется, самыми тяжелыми за все время болезни Юрия Федоровича. Все, что он выстрадал и нравственно, и физически, выразилось в письме его Дмитрию Федоровичу.

Начало письма по-немецки, продиктованное доктору Ойдтману, изображает его таким, каким он был в общении с окружающими его немцами, то есть спокойным, сдержанным и хладнокровно рассуждающим о своей болезни; но собственноручная его приписка по-русски передает то, что происходило в его душе» [23, л. 48].

Строки на русском языке были написаны карандашом, поэтому текст в некоторых местах стерт. Юрий Федорович писал брату: «Я поступил неразумно, каюсь в этом перед всеми Вами, хотя и не безрассудно; но и наказан я не страданиями, а тоскою, слабостью, скукою, бессонницею, как в Сызрани. В первый раз не встречу праздника с вами. После этого признания вы не станете осуждать меня; теперь покажи это письмо Маше и вместе с ней подумайте, что сказать маменьке для ее успокоения. В Берлине я слыву уехавшим совсем, а в загородном maisone gesante, где я теперь, я слыву H. Von Peyrac, русский помещик. Под этим именем я лечился и у прежнего моего доктора, которому я, подружившись с ним искренно, однако не объявил рода своего имени. Так поступают почти все, причем не славяне [?] <неразборчиво>. Нынче был сделан первый маленький <…> завтра или послезавтра второй разрез [?], через 1.1/2 обещают отъезд. Не в силах писать больше. Адресуй в maisone gesante. Прошу еще раз, H. Von Peyrac» [13]. Самарин взял псевдоним.

В семье между тем ни о чем не подозревали и с нетерпением ждали возвращения Юрия Федоровича в Москву. Одну Марию Федоровну смущало то, что он задержался, она прислушивалась к шагам и однажды действительно услышала, что кто-то поспешно вошел в дом. Она радостно выбежала навстречу, надеясь увидеть долгожданного брата, но вместо Юрия Федоровича увидела Дмитрия Федоровича. Он был очень взволнован и показал полученное из Берлина письмо. Было решено немедленно ехать в Берлин. Так как Мария Федоровна не могла оставить маменьку, то 18 марта срочно выехал в Берлин Дмитрий Федорович Самарин.

Ю.Ф. Самарину стало как будто немного лучше. Он курил сигару и читал газету. Он сказал, что ему нужен только «русский священник».

«В последующие дни постепенно наступавшие упадок сил и лихорадочное состояние, по-видимому, повлияли на сознание. Он не отдавал себе ясного отчета в своем состоянии. Во вторник 16/28 марта воспаление и опухоль прибавились, ему вставили в сделанный накануне разрез дренажную трубку. Около верха руки показались первые синие пятна, признаки гангрены» [23, л. 48].

Арапов случайно узнал у швейцара, что Юрий Федорович болен и находится в больнице, и тут же поехал к нему. Самарин не особенно был доволен его посещением и просил не говорить о его болезни общим берлинским знакомым. Арапов уехал, не поняв опасного положения Юрия Федоровича.

«В среду, 29 марта, опухоль внизу руки еще увеличилась, так что на кисти руки оставались нормальными только четыре пальца, синие пятна также прибавились числом и боль в руке стала ощутительнее. Поутру вставили дренажную трубку от первой раны до второго разрыва» [23, л. 48].

«По всем собранным рассказам о последних днях Юрия Федоровича, он постоянно поражал всех своим спокойствием, изящным обращением и геройским терпением. Входя к нему в комнату и видя его полусидящим в постели, одетым и причесанным, всегда с книгой, слушая его блестящую речь, доктора обманывались на его счет и, только развязав его больную руку, понимали, как опасно его положение и как сильно он должен страдать.

Доктор Левенштейн сравнивал его с Муцио Сцеволой. Он поражал доктора Вольфа тем, что вместо жалоб на боль он мог под ножом философствовать и диссертировал об ощущениях.

Посещения докторов ему, видимо, были приятны, но он особенно радостно встречал доктора Левина и всегда вступал с ним в оживленную беседу.

В четверг, 30 марта, воспаление распространилось на всю руку и синие пятна прибавились. В состоянии больного стала заметна слабость, особенно поутру, одышка также продолжала мучить его, аппетита не было. Юрий Федорович не бредил, но, по-видимому, ясность мыслей изменяла ему. Утро он провел в чтении письма, только что полученного от Аксакова. По замечанию доктора, он вчитывался в него, но видно было, что чтение его затрудняло. В течение дня он просил доктора Ойдтмана написать под его диктовку письмо Арапову. В этом письме он просил Арапова приехать к нему, чтобы написать по-русски несколько строк. Тон этого письма был очень странный, церемонный, непривычный в его отношении к Арапову. Судя по одной фразе письма, Юрий Федорович, вероятно, хотел просить его написать родным в Москву. Письмо это Юрий Федорович взял к себе, зачеркнул написанный доктором адрес и написал его сам, потом опять зачеркнул и снова начал писать адрес, но не докончил. Все это, очевидно, было сделано бессознательно. После кончины Юрия Федоровича письмо нашли в его бумагах, помеченное 31 марта. К вечеру в четверг воспаление усилилось и рана представилась докторам в самом опасном виде» [23, л. 49].

В пятницу, 31 марта, рано утром Юрий Федорович, по обыкновению, сделал свой утренний туалет, но доктор, зайдя к нему, нашел, что упадок сил был значителен, на вопросы его больной отвечал сначала сознательно, но скоро переходил на бред. Самарин находился в состоянии неполного бреда. Доктор открыл руку и убедился в безысходности положения Юрия Федоровича: гангрена быстро распространялась.

Доктор немедленно послал за русским священником и в посольство к Арапову. «К 12 часам у больного сделалась сильная дрожь и бред увеличился. Доктор Левенштейн показал полученную из Москвы депешу за подписью Dmitry, справляющуюся о его здоровье; он обратил на нас мало внимания, но объяснил, что Dmitry его брат.

Около двух часов приехал Арапов, но, узнав, что больной безнадежен, он, не заходя к нему, вернулся в Берлин, чтобы телеграфировать в Москву. Вскоре после его отъезда приехал священник, больной был в бреду и не узнавал никого. Священник спросил у доктора, придет ли больной в сознание, и, получив отрицательный ответ, не остался при нем. К 4 часам бред все еще продолжался, но пульс заметно ослабел, после 5 часов, за час до кончины, бред прекратился и больной лежал тихо и спокойно, по-видимому, без страдания и без сознания.

В 6 часов приехал Арапов с женою. Юрий Федорович лежал покойно, но пульса уже не было и слышалось только прерывистое дыхание. Арапова стала на колени около постели, взяла левую руку Юрия Федоровича и стала читать молитвы, по временам он судорожно сжимал ее руку. С 4 часов дыхание стало реже и реже, что-то вроде задержанного вздоха или слабой икоты повторилось три раза, и все стихло. Юрий Федорович скончался» [23, л. 50].

По официальной версии, он умер от заражения крови 19 марта 1876 года. На другой день приехали Петр и Николай. Братья перевезли тело Юрия Федоровича в протестантскую часовню на кладбище, где стояло распятие с надписью «Христос – моя жизнь, смерть – моя победа». «Окраины…», которые были целью поездки русского мыслителя, вышли уже после кончины его.

Петр Федорович Самарин пытался разобраться в причине такой «нелепой», как ему казалось, смерти Юрия Федоровича. Он три раза встретился с доктором Левиным. Его впечатления от бесед с врачом после смерти любимого брата написаны несколько категорично. «С доктором Левиным я виделся три раза. При первом свидании он мне показался искренне огорченным последовавшей накануне кончиной моего брата; он говорил об нем с чувством любви, уважения и удивления. При последующих свиданиях это впечатление уступило место другому. Мне показалось, что он преувеличивал искренность своих чувств к брату моему, чтобы снять с себя подозрение в легкомысленном и своекорыстном отношении к пациенту, имевшему к нему безграничное доверие. Установившаяся в Берлине репутация доктора Левина далеко не безупречна. Из записной книжки Юрия Федоровича видно, что он каждую субботу платил доктору Левину 300 марок.

“С братом Вашим я познакомился два года тому назад. Он обратился ко мне за медицинским советом по рекомендации *какого-то американского доктора* [выделено мной. – *С.С.*], с которым он случайно встретился где-то в Швейцарии и который посоветовал ему бенингово лечение. Я одобрил это лечение. Брату Вашему было, видимо, приятно, что мое мнение совпало с мнением американского доктора. Он посещал меня ежедневно в 11 часов, а иногда и два раза в день; брат Ваш выдавал себя за стокгольмского профессора, и это обстоятельство подавало не раз повод к длинным разговорам, в которых брат Ваш поражал меня своими историческими знаниями, в особенности по части влияния Швеции на дела остзейские. Нередко засиживался он у меня по вечерам, вот на этом диване, говоря о Гете, Гегеле, Шиллере. Он был большой поклонник Гегеля, это теперь редкость, и немало имели мы с ним споров. Он был, вы, конечно, это знаете, очень религиозный человек, и это было так странно при его образовании и громадном уме. Но ведь в нем были странности. В некотором отношении он был совершенное дитя; я нередко после продолжительного с ним разговора говорил жене: никогда я не видывал такого человека, он умен, как змей, и чист, как голубь. И это правда.

Так прошел первый год знакомства нашего, имени Вашего брата я не знал и не знал даже, где он живет. Бенингово лечение он утрировал. Я не запрещал ему есть овощи, даже советовал, но он так был доволен своим состоянием, чувствовал себя бодрым, свежим, способным на всякую умственную работу. Он так был мне благодарен. Он считал меня своим другом, ведь он Вам говорил, конечно, обо мне?” На ответ мой, что он больше упоминал об американском докторе, он воскликнул: “*Да американский доктор это я*! [выделено мной. – *С.С.*]”.

“Одним глазом он ничего не видел; у него начал слабеть другой глаз, я предложил ему посоветоваться с Вихровым и дал к нему письмо. Он согласился. Когда я начал писать Вихрову, то спросил Вашего брата: как же Вас называть – просто стокгольмский профессор? На это он мне ответил: нет, я не стокгольмский профессор, я не хочу вас обманывать, но и не хочу сказать Вам настоящего моего имени. К чему? Это ничего не прибавит к на-

шему знакомству; мы сошлись, как друзья, не ради нашего общественного положения, а вследствие обмена мыслей. Останемся друзьями на том же основании. Назовите меня в письме Вашем помещиком Пейраком, но знайте, что это не мое имя.

Так после этого я его и звал Пейраком и только в больнице узнал, что он Самарин. Я когда-то лечил Самарина, он Ваш родственник? Также был хороший человек, я даже с ним путешествовал по Швейцарии.

Ваш брат ничего от меня не скрывал. У него нет детей <…> Это меня удивляет, он мне несколько раз говорил о жене и о сыне, об жене, правда, он никогда не упоминал, ну я и не спрашивал. Вы понимаете, что, когда муж умалчивает о своей жене – всегда лучше о ней не упоминать. Но неужели это неправда? А я упрекал его даже, что он живет все один <…> Он мне развил на это целую теорию, что детям нужна свобода, что отходящее поколение не должно стеснять развитие нового поколения, что он это испытал на себе и т.д. И все это неправда! Это меня удивляет. Он говорил мне, что дочь его замужем где-то на юге России, а сын на Кавказе. В больнице, когда он уже был так плох, я нарочно напомнил ему о детях, чтобы он написал духовное завещание, и он, правда, ответил мне сухо: это все сделано.

В последнее время он очень интересовался Максом Мюллером, и мы часто с ним спорили: признает ли Макс Мюллер откровение или нет. Я предлагал ему даже письменно спросить об этом у Макса Мюллера, ведь он мой родственник. Но брат Ваш отказался. Он вступил в письменный диспут с врачом о Максе Мюллере.

Он приходил ко мне по вечерам, в 4 часа, а в 8 бывали у меня частные лекции для студентов и он при них присутствовал. Он очень всем интересовался.

Вместо того чтобы держать руку на перевязи, он ею жестикулировал, перевязки не носил и простудил ее. Сделалось рожистое воспаление и затем хитанов огонь. Но Вы можете быть уверены, что мы сделали все возможное для его спокойствия. Каждый день посещали его три доктора. – Еще я должен Вам сказать, что здоровье Вашего брата было уже совершенно потрясено; у него был диабет и к тому же он неминуемо ослеп бы через год. В здоровом глазу началось отложение, которое в последнее время стало быстро увеличиваться. Он бы не вынес этого. Он был страшным охотником. Это правда?"

"Сознавал ли он свой конец?" Левин ответил: "Кажется, нет. Это я объясняю тем, что *его голова уже не была совсем ясна* [выделено мной. – *С.С.*]. Но я должен сказать, что и мы долго обманывались на его счет. Когда я входил в его комнату, даже за два дня до его смерти, мне всегда казалось, что я имел дело с больным, который должен восторжествовать над опасностью. Ведь он был так добр до конца; всегда приветлив, разговорчив; никогда не жаловался на свои страдания и так словоохотливо передавал свои ощущения, в нем было столько силы и энергии. Но когда мы, доктора, снимали перевязку, то невольно переглядывались между собой – гангрена все более и более распространялась.

Ах! Как он всегда радостно меня приветствовал, как он надеялся на меня и верил в меня. *Только в последний день он уже не имел ясного сознания* [выделено мной. – *С.С.*], когда я вошел в его комнату".

Доктор Левин взялся по моей просьбе написать свое воспоминание о знакомстве с братом. Я получил от него эту записку накануне отъезда из Берлина с тем самым посланным, который носил к нему в пакете плату за последнюю неделю лечения моего брата!».

Депешу о смерти Ю.Ф. Самарина получил князь Долгорукий, который просил князя Щербатова передать о случившемся Марии Федоровне. М.Ф. Самарина, получив известие о кончине брата, ничего не сказала о случившемся маменьке, ушла в свою комнату и только тогда дала волю слезам. «Я мысленно всеми силами, всеми стремлениями своего сердца *простилась с ним*! И вместе с тем я все-таки чувствовала его присутствие, я с ним не расставалась, на меня как-то повеяло его присутствием. Кто знает, кто может отверг-

нуть, что, может быть, и действительно витала над родным кровом его любвеобильная душа, в эти часы уже покинувшая свою оболочку. Я смирилась, *действительно ощущая его* присутствие. Было уже совсем светло, когда я в утомлении легла на постель часа на полтора» [23, л. 12].

Семья Ю.Ф. Самарина получила много депеш с соболезнованиями. Обращают внимание две из них – от ее императорского высочества великой княгини Екатерины Михайловны и от С.М. Соловьева, бывшего оппонента Юрия Федоровича. М.Ф. Самарина писала: «Общество брата оценило, воздает ему небывалый почет, я поняла, что друзья и противники слились в одной справедливой оценке его трудов» [23, л. 54].

Тело Самарина прибыло в Петербург 27 марта в 18 часов и было немедленно перевезено на станцию Николаевской железной дороги, где в 1 час 30 минут пополудни была совершена панихида при огромной толпе. Панихиду совершил ректор Петербургской духовной академии, протоиерей И.Л. Янышев. По окончании панихиды выступил с речью священник и профессор Петербургского университета М.И. Горчаков.

В Москву тело прибыло 29 марта и было поставлено в университетской церкви. «В то время, когда в церкви народу было еще мало, депутация чехов, живущих в Москве, возложила на гроб венок лавровый, перевитый широкими лентами с золотою на них надписью “Чехи – Самарину”» [23, л. 64].

Софья Юрьевна Самарина надела тот самый черный чепчик, который заставил ее снять Юрий Федорович перед последним отъездом в Берлин. М.Ф. Самарина вспоминала: «Маменька, по обыкновению, выстояла всю службу, только во время панихиды она вдруг осунулась и побледнела, я очень испугалась, но, к счастью, мне удалось усадить ее в кресло и весьма скоро она оправилась. Мы стояли совершенно около клира, рядом с проповедником, несмотря на это, маменька по глухоте своей ничего не слышала и была лишена великого утешения, которое доставило мне теплое слово Ключарева» [23, л. 40].

По свидетельству М.Ф. Самариной, Софья Юрьевна не признавала умственных и нравственных заслуг Юрия Федоровича. Она «не только не признавала, но даже весьма скептически и недоброжелательно всегда относилась к его деятельности» [23, л. 53]. Разногласия в оценке Юрия Федоровича между матерью и дочерью явственно сказывались в семейных отношениях, а теперь «фальшивой нотой и болью отзывались в сердце» [23, л. 53]. Мария Федоровна писала о матери: «Она одна шла вразрез с общим настроением семьи, друзей, Москвы, России. Тем более мне приходилось лелеять ее больное сердце и оберегать ее от пытки непрошенного участия и проявления того взрыва общего сочувствия, которое мгновенно охватило лучших и мыслящих людей России» [23, л. 53].

Княгиня Н.Б. Шаховская стояла всю ночь у гроба, чередуясь с камердинером Юрия Федоровича. Псаломщик не был допущен к чтению. «Юрий Федорович всегда очень любил княгиню Шаховскую и уважал ее братолюбивую христианскую деятельность. Она вспомнила, что как-то он ей высказал: “Я желал бы перед смертью последнюю чашу испить из Ваших рук”. В память этих слов она желала посвятить молитве при его гробе последние часы до похорон.

Ночью И.С. Аксаков также приезжал, но наружный вход в церковь был на запоре, а внутренний ему не был известен. Не пришлось Ивану Сергеевичу в полумраке и уединении излить сердечную молитву.

Умилительной была минута, когда маститый митрополит, лишенный зрения, дрожащими руками ощупывал гроб, покрытый цветами, чтобы найти изголовье и преподнести усопшему свое последнее благословение и целование.

Наконец печальное шествие тронулось, множество было экипажей, весьма многие шли пешком вплоть до монастыря, даже дамы, погода благоприятствовала. На этих похоронах замолкла рознь партий, убеждений. Москва хоронила честного гражданина, интел-

лигенция – даровитого мыслителя, тут встретились люди, десятки лет избегавшие друг друга, – их теперь соединило одно общее чувство всеми признанной утраты. Меня лично тронуло присутствие П.П. Дурново, но всех оскорбило отсутствие князя В.А. Долгорукова, который при жизни высказывал Юрию Федоровичу постоянную дань уважения и искреннее доброжелательство, а тут просто струсил, не знал, как в Петербурге отнесутся к московским проводам» [23, л. 65], – вспоминала Мария Федоровна.

Было огромное стечение людей, и поражало только отсутствие представителя власти. Но дело было не в его испуге. Князь Долгорукий, московский генерал-губернатор, получил инструкцию из Петербурга игнорировать траурную церемонию [см. 4, с. 36].

Самарина похоронили в Даниловом монастыре. И.С. Аксаков сказал на панихиде: «Не стало последнего столпа славянофильства, оно им замкнулось, с ним вместе умерло» [5].

Сразу после смерти Самарина вышел сборник «В память Юрия Федоровича Самарина. Речи, произнесенные в Петербурге и в Москве по поводу его кончины» [см. 18]. В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский писал: «А твердые и убежденные люди уходят: умер Юрий Самарин, даровитейший человек с непоколебавшимися убеждениями. <…> С Юрием Самариным мы лишились твердого и глубокого мыслителя» [9, с. 466]. В 1880 году Достоевский писал: «Есть те, кто русскую землю обустраивают и русскую землю улучшают. Это делатели, а не отвлеченные болтуны. Это люди созидания и твердого расчета» [9, с. 454]. В числе таких деятелей писатель назвал Ю.Ф. Самарина.

Письмо Дмитрия Самарина К.Д. Кавелину ясно свидетельствует о том, что даже оппоненты Юрия Федоровича скорбели о его уходе. Константин Дмитриевич просил прислать ему фотографию философа. Его просьбу Дмитрий Федорович исполнил: «Надеюсь, Вы останетесь довольны прилагаемым портретом; хотя он снят не с натуры, а с бывшего фотографического портрета, значительно подправленного, тем не менее я нахожу его удачным как относительно сходства, так и относительно выражения лица. Вы, вероятно, уже знаете, что кн. В. Ан. Черкасский уже исполнил поручение, взятое им на себя по нашей просьбе. Осенью, по возвращении в Москву, я надеюсь приступить к изданию полного сборника речей и статей, написанных в последнее время о покойном брате, так как издания Петербургского славянского комитета и Православное обозрение очень исказили <…> Из завещанной деревни, в которой я теперь живу» [14].

Самарин писал: «Жизнь каждого человека, как бы, по-видимому, случайно и преждевременно она ни пресекалась, по отношению к нему всегда бывает полна и окончена» [17, с. 357]. Юрий Федорович умер так же внезапно, как Хомяков, Киреевский, о чем писал еще Н.П. Гиляров-Платонов: «Не спорится у нас именно деятелям крупных размеров, а посредственность процветает. А родятся, однако, и вырастают у нас сильные таланты по всем родам, не в пример другим странам, часто. <…> Стало быть, почва здорова, есть откуда тянуть соки; стало быть, беда, собственно, в атмосфере, неблагоприятной среде, в которой должен развиваться цвет» [см. 2, с. 288].

Перед смертью Юрий Федорович отправил одно таинственное письмо, которое было тут же, по его письменной просьбе, уничтожено братом Дмитрием. На конверте было написано: «Прошу брата моего Митю при себе, не распечатывая, сжечь этот конверт так, чтобы не осталось и следа, – это моя последняя просьба». Дмитрий Самарин писал: «Собственноручная надпись Ю.Ф. на большом конверте, который я и сжег сегодня. Последняя просьба брата моего свято исполнена. 4 мая 1876 г.». Останется навсегда загадкой содержимое конверта, который не смог уничтожить своей рукой Юрий Федорович.

Согласно Самарину, судьба человека не есть что-то случайное, что-то независимое от него самого и внутреннего состояния его духа, не слепой рок, но диалог Бога с человеком, то есть чудо как «фактическое, прямое воздействие духовного начала на ма-

терию» [19, с. 47]. И хотя есть что-то нераскрытое в уходе Юрия Федоровича, мы можем только смириться – «непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11: 33).

Память по-своему «воскрешает» умерших. Вспоминая, мы взаимодействуем не с неким туманным и удаляющимся от нас «прошлым», а с реальностью, данной нам «здесь и сейчас», восстанавливаем события во всей их полноте, пробуждая в душе россыпь смысловых обертонов. П.А. Флоренский справедливо писал, что память есть «создание во Времени символов Вечности» [24, с. 201].

Перед лицом болезни и смерти проявились самые сильные стороны личности Самарина, находившие опору в его вере в телесное воскрешение. Любовь к близким по духу людям, к родным, к Отечеству доминировала над другими чувствами философа как на протяжении всей жизни, так и в момент кончины. И в памяти о Юрии Федоровиче навсегда сохранится образ подвижника и воина, политика и ученого, чьи идеи особенно актуальны в современное время, а в будущем могут стать основой политического и социального развития России.

Литература

1. В память Юрия Федоровича Самарина: Речи, произнесенные в Петербурге и в Москве по поводу его кончины. СПб.: Петерб. отд. Слав. ком, 1876. 53 с.
2. *Гиляров-Платонов Н.П.* О судьбе убеждений. По поводу смерти А.С. Хомякова // Славянофильство: Pro et contra. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 277–283.
3. Заметки сестры // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 126. Ед. хр. 32.
4. *Ковальчук С.Н.* «Взыскуя истину…»: Из истории русской религиозно-философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жарков, А.В. Вейдеман: середина XIX века – середина XX века. Рига: Ин-т философии и социологии Латвийского ун-та, 1998. 246 с.
5. Неделя. 1876. № 19. 27 июня.
6. *Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М.: ЭКСМО, 2003. 544 с.
7. *Погодин М.П.* (1800–1875) Записка // РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 304.
8. *Погодин М.П.* Письмо неустановленного лица 1860–1870-е годы // РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 391.
9. *Поддубная Р.П.* Самарины. Страницы жизни. Самара: Офорт, 2008. 584 (1) с.
10. *Самарин Ю.Ф.* Письма А.И. Кошелеву // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 36. Ед. хр. 3/5.
11. *Самарин Ю.Ф.* Письма И.С. Аксакову // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 38. Ед. хр. 2.
12. *Самарин Ю.Ф.* Письма матери // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 37. Ед. хр. 6.
13. *Самарин Ю.Ф.* Письмо Д.Ф. Самарину // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 139. Ед. хр. 23.
14. *Самарин Д.Ф.* Письмо К.Д. Кавелину от 10 июня 1876 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 115.
15. *Самарин Ю.Ф.* Письмо П.Ф. Самарину, февраль 1876 // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 138. Ед. хр. 4.
16. *Самарин Ю.Ф.* Письмо С.М. Ключевскому // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 144. Ед. хр. 6.
17. [*Самарин Ю.Ф.*] Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 1–10, 12. М., 1911. Т. 12. Письма 1840–1853. 477 с.
18. *Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма. 1840–1876. М., 1997.
19. *Самарин Ю.Ф.* Два письма об основных истинах религии, по поводу основных сочинений Макса Мюллера: Из посмертных сочинений Ю.Ф. Самарина. М.: Универ. типогр. (М. Катков), 1878. 48 с.
20. *Самарин Ю.Ф.* Письма К.С. Аксакову, С.И. Пако, Ф.В. Самарину // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 31. Ед. хр. 3.
21. [*Самарина А.П.*] Альбом Александры Павловны Самариной // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 227. Ед. хр. 5.
22. *Скороходова С.И.* Историософия Юрия Федоровича Самарина в контексте русской философской мысли XIX – первой четверти XX века. М.: Прометей, 2013. 432 с.
23. [*Соллогуб М.Ф.*] Дневник Марии Соллогуб (урож. Самарина) // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 126. Ед. хр. 32.
24. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 1(1). 493 с.
25. [*Черкасская Е.А.*] Воспоминания княгини Е.А. Черкасской о покойном Ю.Ф. Самарине, о пребывании его в Париже в марте 1876 г. (1880) // НИОР РГБ. 265: Самарины. Оп. 126. Ед. хр. 30.
26. *Черкасская Е.А.* Воспоминания о деятельности Ю.Ф. Самарина по подготовке крестьянской реформы // НИОР РГБ. Ф. 265: Самарины. Оп. 126. Ед. хр. 31. Л. 4.

Аннотация. В статье раскрывается малоизученная тема, связанная с болезнью и кончиной Ю.Ф. Самарина, выдающегося русского мыслителя, подвижника и воина, политика и ученого. На основе обширного архивного материала представлена панорама событий, позволяющая реконструировать некоторые фрагменты его жизни. Утверждается, что перед лицом телесных недугов и смерти проявились самые сильные стороны его личности, находившие опору в вере в телесное воскрешение. Любовь к близким по духу людям, к родным, к России доминировала над другими чувствами философа как на протяжении всей жизни, так и в момент ухода из нее. В смерти Самарина, как показано в работе, осталось что-то нераскрытое, загадочное.

Ключевые слова: Самарин, Черкасский, болезнь, смерть, память, судьба, воскрешение, чудо, Данилов монастырь, Берлин, Левин.

Svetlana Igorevna Skorokhodova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy; Social Studies and Humanities Institute, Moscow Pedagogical State University. E-mail: svetloyar.skorokhodova@yandex.ru

“My Power is in My Infirmity”: Illness and Death of Yu.F. Samarin

Abstract. This article is devoted to the insufficiently known topic of the disease and death of Y. F. Samarin, a great Russian philosopher, ascetic and warrior, politician and scientist. On the basis of the extensive archival materials the author of the article presents the events panorama that allows to reconstruct certain fragments of Samarin’s life. According to the author, the strongest aspects of Samarin’s personality, supported by his belief in bodily resurrection, were revealed in the face of bodily affliction and death. His love for congenial people, relatives, and Russia dominated all the other feelings of the philosopher both during his life and at the time of his departure. The article shows that something mysterious and undisclosed still remains in Samarin s death.

Keywords: Samarin, Cherkassky, Disease, Death, Memory, Fate, Resurrection, Miracle, Danilov Monastery, Berlin, Levin.

Альманах

Тетради по консерватизму

№ 2 2019

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

http://www.essaysonconservatism.ru/
tetradipokonservatizmu@gmail.com

Подписано в печать 20.05.2019. Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 54.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282 Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1.
Тел. 8 (495) 685-93-18